

КОНСТАНТИНЭ

ГАМСАХУРДИА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ССП ГРУЗИИ
«ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО»
(«ЗАРЯ ВОСТОКА»)

КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В
ШЕСТИ ТОМАХ

Перевод с грузинского

Тбилиси

1963

КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА

ТОМ ТРЕТИЙ

Давид,
Строитель

Исторический роман

КНИГИ
ПЕРВАЯ и ВТОРАЯ

Издательство ССЯ Грузии
Литература и искусство

Редакционная коллегия:

*И. В. Абашидзе, В. Д. Жгенти, М. И. Златкин,
В. Г. Мачавариани*

КНИГА ПЕРВАЯ

*Другу и спутнице жизни
Миранде Гамсахурдиа посвящается*

РЫЦАРЬ С ДВУМЯ МЕЧАМИ

В то лето царь Грузии Георгий II стоял со своей ратью под стенами вежинской твердыни, а владетель Кахетии Ахсартан I, запертый в крепости, бился жестоко с осаждающими его войсками.

По ночам выходили с факелами из крепости ахсартановы люди и, вооруженные мечами, нападали на царский лагерь.

Под конец кахетинские азнауры отрезали пути, по которым подвозилось продовольствие войскам грузинского царя. Голодающим воинам остались в пищу лишь собственные их кони.

Под вечер богородицына дня в Гегутский замок прискакал гонец.

На другой же день Георгий Чкондидели разослал призывные грамоты в Мегрельскую, Абхазскую, Джавахетскую и Таоскую области. Был отправлен скороход и к эриставу клдекарскому Липариту IV, сыну Ивана Багуаш-Орбелиани.

Войска должны были собраться в условленный день.

Царевичу Давиду сообщили в Цагвлиставский замок: пусть держит царевич наготове карталинскую рать, чтобы

присоединиться к идущим в Вежини полкам Грузинской державы.

От эристава Липарнта пришел ответ: на помощь царскому войску выйдет его спасалар с пешей дружиной, а сам эристав со своими азнаурами будет ждать проходящие полки у себя в Клдекари.

Георгию Чкондидели — первому визирю грузинского царя — показалось странным решение эристава. Несмотря на желтуху, которою страдал первый визирь, он принял руководство полками западных и восточных грузин и повел в поход объединенное войско. Не отдыхая нигде, пересекли царские полки Сурамский хребет.

В поздний час, после полуночи, стражи с пылающими факелами ввели первого визира в большую палату Цагвлиставского замка.

Монах-постельничий Анфимоз спал с псалтырью в руке. Хранитель царского шатра Махара сидел в кресле, держа на шуйце кречета с залепленными воском глазами, и кричал в ухо хищной птице:

— А-а-а-а-а...

Визирь улыбнулся и сказал Шергилу Липартнани, спасалару полков мегрельских и абхазских:

— Думается мне, что и всемирный потоп не смог бы оторвать этого чудака Махара от его соколов.

— Тсс... — зашипел Махара на первого визира и, нахмурясь, махнул ему рукой, что должно было означать: «Не мешай!»

Махара не двинулся с места, ибо во дворце грузинских царей он один имел право сидеть, когда входили царь, царица или визирь.

Мандатуров он бил по головам, епископов вышучивал, любая дверь открывалась перед ним, любые уши рады были его слушать, любые уста были готовы улыбаться его словам.

Шергил Липартнани удивленно рассматривал сидящего в кресле хранителя царского шатра. Никогда не бывал он до сих пор во дворце абхазских царей и не видал старого Махары.

Обритый наголо череп старика был покрыт следами сабельных ран: не было видно шрама только на темени, прикрытом чубом, как у сельджуков, половцев и печенегов. Правое ухо Махары было отсечено, на безволосых щеках проступали пятна, как на коре тополя весенней порой. Был

он одет в старый, времен Баграта Куропалата, желтый скараманг, затканый золотом; длинные разрезные рукава были откинuty за спину и заложены за пояс. На шее висели кресты и пятерика золотых и серебряных нагрудных образков.

— Где изволит быть царица? — спросил Чкондидели.

— Молится, — сухо ответил Махара.

— Не почивает ли царевич?

— Царевича одевают в доспехи.

Волновалась мать царевича, венценосная царица Елена: на завтра царевич готовился выступить в поход, а супруги его Русудан не было в замке.

Молодая царица в сопровождении большой свиты отправилась с игуменьей Марфой в Кинцвисскую женскую обитель. Еще прошлой ночью должна была она возвратиться, а вестника все еще не было.

На рассвете затрубили рога. Зазвучали медные кимвалы, заржали лошади. Собачий лай примешался к разноголосому шуму лагеря.

Георгий Чкондидели втихомолку наблюдал за царевичем: не волнуется ли перед походом? Но лицо царевича было спокойно и поступки его не выдавали волнения.

Царевич отказался от золоченого панциря Баграта Куропалата и надел простые серые, багратовы же, оплечья, бахтерец, наручи и поножи.

Оружничий подал ему меч, который не раз вздымали против сельджуков отец царевича Георгий II и дед его Баграт IV.

Благословив царевича, Чкондидели препоясал его деловским мечом.

Без усталости суетился, хлопотал Махара, говорил:

— Довелось дожить — дитя, что носил я на плечах, отправляется на войну!

Совал талисманы за пазуху юному рыцарю, шептал молитвы и заговоры. Сам же надел панцирь и привесил к поясу, по обыкновению, два меча: один — Григория Бакуриани, великого domestика Запада, другой — подарок императора византийского Романа Диогена.

Царица Елена уговаривала Махару, удерживала, остерегала от простуды: «Время ли старику ходить в походы?» Но был непреклонен Махара, отвечал: «Мое место — в шатре царевича».

Бритую голову Махары прикрыл шишак.

Царица обняла Давида, довела его до порога большой палаты, трижды повернула слева направо и, продирая слезы, благословила в поход.

К полкам Георгия Чкондидели присоединилось в Цагвлистави немногочисленное карталинское войско: три тысячи маргветских всадников и при них пять катапульта да три тарана с изогнутыми наподобие турьего рога стальными хоботами, прозванные в войсках «баранами».

Впереди, возле мулов, нагруженных шатрами царевича и Чкондидели, ехал Махара в желтом скараманге, опоясанный двумя мечами.

В годы сельджукского засилья в выжженных селах, — на рассвете, когда начинают шевелиться косые тени, — не было слышно петушиного крика.

На тропях, застланных утренним туманом, показывался порой одинокий всадник и, завидев ощеренные копыта полков, пускал вскачь своего коня.

Люди разоренной страны, заслышав на тайном своем пути к пещерным убежищам конский топот, падали наземь и ползком добирались до леса.

С боевых башен, на скрещенных больших дорог, окликали едущих дозорные и, узнав царское знамя, били в медные кимвалы, звонили в колокола.

Из пещер, высеченных в отвесных скалах, глядели беглые поселяне; пронесся слух: «Едет царь», из скал выходили мужчины, женщины с детьми на руках, махали издалека белыми головными платками.

Поднялось солнце, наполнились шумом леса, легкой рысью побежали олени, затрещали сухие ветки, в зарослях завопились испуганные кабаны.

Беспокоился первый визирь: не было видно Гуарама, владельца Бечисихе. Когда подъезжали к Мохиси, он собрался уже отправить к Гуараму гонца, как вдруг на пригорке показалась увенчанная шлемом голова седобородого эристава.

Когда джавахетцы приблизились к царскому знамени, эристав Гуарам легко соскочил с коня, бросил поводья оруженосцу, обнажив голову, приложился к кресту, сделанному из животворящего дерева, и подошел к руке первого визиря. Он собрался было поцеловать руку и царевичу, но Давид, опередив старого эристава, обнял его сам и расцеловал.

Умиленным взором глядел владетель Бечисцихе на молодого царевича, любуясь его каштановыми кудрями, пробившимися из-под шлема на юношески чистые щеки.

Багратов панцирь сверкал в лучах утреннего солнца, еще мужественнее, еще стройнее казался в нем не по летам рослый царевич.

После приветственных поцелуев и расспросов о родне, эристав Гуарам вскочил без помощи оруженосца в седло и, обогнав свиту джавахетских азнауров, повел своего коня слева от мерина, на котором ехал первый визирь.

Чкондидели осведомился о таоской дружине.

— Нианиа Бакуриани с таоскими азнаурами пойдут ахалкалакской дорогой и встретят царские полки в Клдекарн, — ответил эристав.

Услышав имя Ниании, друга детских лет, обрадовался царевич. Хотел расспросить поподробнее о друге, да на мосту, когда переправлялись через поток, заупрямился арабский жеребец царевича — Турок.

Всадник осаживал коня, а конь настораживал уши, косился на лошадей крестonosителя и царского знаменосца, горчился; кто посмел обогнать его?

Наконец укротил царевич непокорного коня и повел его рядом с конем Чкондидели, по правую руку от него.

— Отчего не поехал Нианиа вместе с вами через Тасискари? — почтительно спросил царевич эристава.

— Мне приказано было заехать в Цагвлистави. а Ниании — в Клдекарский замок.

При упоминании о Клдекарн нахмурился Давид.

Прислушался к беседе и понял: лишь до Тедзмийского ущелья должен был эристав Гуарам сопровождать Чкондидели, а дальше путь его к Вежини лежал вдоль северной границы владений тбилисского амира.

Одно только не было понятно Давиду: зачем стремился в Клдекарн первый визирь? Если был ему неудобен путь через Тианети, то ведь быстрее было бы провести войска в Кахетию через Мухатгверди.

Хотел царевич спросить своего воспитателя о причине такого решения, но не осмелился: он знал: одному лишь царю Георгию доверял свои тайные намерения первый визирь, выступая в поход. И царевич предпочел промолчать, дожидаясь, чтобы Чкондидели сам рассеял его сомнения.

И еще хотелось царевичу откровенно сказать Чкондидели о своем нежелании заезжать в Клдекарн. — пусть первый ви-

зирь отпустит его вместе с эриставом Гуарамом в Вежини. Но и тут сдержался Давид.

Гуарам сказал:

— Липарит и его азнауры, должно быть, уже двинулись к вежинскому лагерю, на помощь царю Георгию.

Станным показалось это известие первому визирю, но все же не отменил он своего решения, ибо не раз был испытан им в войнах Липарит. Да и не могло случиться никакой беды, если пойти с войском через Триалетское эриставство.

«А кто же встретит гостей в Клдекари? — подумал Давид. — Вероятно, главный мандатур Тиркаш».

И еще говорил эристав Гуарам, владетель Бечисихе:

— Малик-шах, султан иранский, вторгся в Армению. Тревожно в эриставстве Триалетском, Липарит укрыл своих людей за стенами замков. Супруга Липарита Ката и дочь его Дедисимеди заперлись в Клдекарском замке.

Было не по душе царевичу это известие.

Опять заупрямился жеребец царевича, пошел боком, перебирая ногами, и опять овладел конем седок, пришпорил его, догоняя ускакавших вперед всадников.

«Все обернулось не так, как чаяло сердце», — подумал царевич печально.

Исполнилось желание кутанского, бедийского, урбинского архиепископов и эриставов Мегрелии, Абхазии, Сванети и Внутренней Картли. Не вняли даже совету Георгия Чкондидели. Не спрося Давида, царь Георгий привел наследнику жену на пять лет его старше — некрасивую, меченную оспой Русудан.

Так оборвалась юношеская любовь царевича. Как же ему теперь взглянуть в глаза Дедисимеди, бывшей своей невесте?

Просить у Чкондидели разрешения не ехать с ним в Клдекари? Но тогда придется объяснить ему и причину.

Заволновались кони, и оборвалось течение мыслей царевича.

В Уплисихе, увидев царевича и первого визиря, ударили в било.

Зазвонили и в пещерной церкви Квахврели. Загудели большие колокола, гулкое эхо разнеслось по выжженным, покинутым деревьям.

Оглушительный гам встревожил даже смиренного мерца на котором сидел Чкондидели.

Взглянув на Махара, беседовавшего с Давидом, первый визирь улыбнулся. Опоясанный двумя мечами, трясся Махара на громадной кобыле. Панцирь и шлем омолодили соратника Баграта Куропалата.

Усилился звон бряцающих кимвалов. На башенных венцах и крышах Уплисцихе развевались стяги. Приветствовал царское знамя собравшийся под крепостными стенами народ. Воины — защитники крепости, держа в руках деревянные кресты, возглашали восторженно:

— Многие лета нашему царевичу!

Чкондидели указал сложенной плетью на крепость Уплисцихе и молвил, обращаясь к царевичу:

— Целый год осаждал эту крепость дед твой, благословенный Баграг Куропалат; лишь после столь долгой осады покорил он твердыню и взял в плен Липарита III и сына его Иванэ.

— Меняются времена, — заметил эристав Гуарам. — Когда-то были Орбелиани заклятыми врагами Багратионов, а ныне сын Иванэ, Липарит IV, — в числе сторонников царя.

— Так уж оно ведется, эристав, — вставил свое слово Махара. — Мир наш подобен петушину хвосту в ветреную погоду: куда ветер, туда и хвост.

Рассмеялись Давид и Гуарам, Чкондидели едва сдержал улыбку.

— В день сошествия святого духа посетил Бечисцихский замок главный мандатур Липарита Тиркаш. Говорил он, что собирается эристав триалетский с большой братью в Вежнии, на помощь царю.

— На помощь какому из царей: Георгию или Ахсартану? — спросил Махара.

Эристав Гуарам ничего не ответил ему и продолжал:

— «Господин мой Липарит и я, прах под стопами царя царей Георгия, мы готовы положить головы за него», — так говорил Тиркаш. Когда же вино одолело главного мандатура, — добавил Гуарам, — то еще сказал Тиркаш: «Одна лишь крепость Уплисцихе остается занозой в сердце триалетского эристава; но все же мы верны клятве, что принесли в Экранта».

— Немалая же заноза застряла в глотке у Липарита, — сказал Махара.

— Разве в Экранта отец мой обещал Липариту Уплисцихе? — спросил Давид.

Помолчал Чкондидели, — лишь топот лошадиных копыт

раздавался на дороге, — а затем опустил и поднял густые ресницы, окинул взглядом сначала эристава Гуарама, затем царевича и сказал:

— Царь Георгий в Экранта пожаловал Липариту Самшвилде и Клдекари, а Ахсартану, царю кахетинскому, — Рустава.

Махара вмешался опять:

— Поящий змею молоком удваивает яд ее жала.

Давид улыбнулся, подумал: «Любопытно, кого разумеет Махара, — кахетинского царя или триалетского эристава?»

— Ключи от обеих крепостей были в наших руках, — сказал Георгий Чкондидели, — мы могли вздернуть на дыбу и Ивана и Липарита, но царь Георгий незадолго перед тем получил титул кесароса, греческий император просил нас покончить дело миром. Малик-шах стоял у наших ворот, — мы сочли за благо отдать просимое.

— Видел я однажды славную казнь на дыбе, — сказал Махара. — Когда царь Баграт схватил живьем Липарита III и Иванэ, правитель замка Орбелиани Анамор укрепился в Клдекари и не хотел отдавать ключей от крепости. Тогда вздернули на дыбу отца вместе с сыном, и мгновенно сдалась царю твердыня.

— Анамор был порождением ехидны, а главный мандатур Тиркаш... — Тут Чкондидели прервал свою речь.

Воздев руки к небу и голоса, толпою бежали вниз по горе люди, высыпавшие из пещер, вырубленных в скалах; оборванные, с растрепанными волосами, окружили они всадников, бросились под копыта коней.

Чкондидели остановил лошадь. Это были покинувшие свои селения крестьяне; за мужчинами бежали женщины, неся детей на руках.

Длиннобородый белокурый человек шел впереди толпы; он был одет в черное платье и опоясан черным мечом; большой деревянный крест висел у него на шее. На правой щеке темнело родимое пятно, величиною с деньгу.

Оказалось, что в прошлую субботу напали на Мухатгвердский замок войска амира тбилисского. Вломиться в крепость они не смогли и пошли вдоль берегов Куры, вверх по течению, хватая беглецов в тайных убежищах, уводя из пещер женщин вместе с их плачущими детьми.

Народ просил помощи у первого визиря.

Плакали женщины, просили укрыть хотя бы детей от беды.

Жаловались: и в тайниках не спасешься от басурман!

Чкондидели обнадежил крестьян, обещал обо всем доложить царю Георгию.

— Приведем к покорности Кахети, а там повернемся лицом и к тбилисскому амиру, — говорил первый визирь. — Вот возмужал ваш царевич, молитесь за него, дети мои!

Человек с родимым пятном подошел к Давиду, хотел приложиться к стальной поножи, но вздыбился, скакнул в сторону жеребец царевича.

Давид соскочил с коня, ободрил приветливым словом потерявших надежду. Люди воспряли духом. Человек с родимым пятном, осмелев, поцеловал руку царевича.

Чкондидели подробно расспросил беглецов. Узнал, что защитники Мухатгверди вышли из крепости, погнались за сельджуками, взяли в плен шестьдесят басурманов и семь азнауров-грузин.

Не по сердцу пришлось это известие Чкондидели. Тотчас был отряжен гонец в Мухатгверди с приказом: всех семерых отправить в крепость Уплисцихе.

— Из какого ты рода, отец? — спросил Давид человека с родимым пятном.

— Хоргай, государь.

Странно было царевичу: впервые назвали его государем.

В Триалетском эриставстве войска Грузинской державы были встречены колокольным трезвонном. На церковных площадях встречали царевича хлебом-солью, звенели увешанные колокольчиками знамена, деревенские священники вели за собою толпы народа.

— Да продлится жизнь царевича! — возглашали стар и млад.

Пятьсот рыцарей, одетых в доспехи, ожидали Давида около Клдекарского замка — азнауры из верхнего и нижнего ущелий, владеющие и не владеющие замками.

Но тщетно Чкондидели искал взглядом среди закованных в броню рыцарей Липарита и сына его Рати. Теперь еще сомнительнее показалось ему известие об отбытии дружины эристава к Вежини.

И все же не пожалел он, что держал с полками путь через Триалети.

Столь напряжены были в ту пору отношения между царем Георгием и Липаритом Орбелиани, что без войска,

даже со свитой, опасно было бы отправиться в Триалетское эриставство.

А теперь выпал случай увидеть самому, как взглянет эристав на расправу грузинского царя над Ахсартаном Кахетинским.

Приблизившись к царевичу и его свите, спешили триалетские азнауры и пали ниц, воздавая почесть Давиду.

Нианиа Бакуриани также сошел с коня; радостно обнял царевич друга детских лет. По очереди подходили таоские азнауры, целовали колени Давиду и Чкондидели и пешими присоединялись к их свите.

По левую руку Чкондидели шел дворецкий Липарита, по правую руку — главный мандатур. Тиркаш вел под уздцы свою лошадь и говорил визирю почтительно:

— Занедужил великий эристав Липарит, болят у него почки, потому не мог он отправиться к Вежини и даже выехать навстречу вам, ваша светлость. Мне, праху ног ваших, приказал он сопровождать гостей до Клдекарского замка.

Чкондидели молчал, нахмуясь, и, часто моргая черными ресницами, глядел грозно в сторону крепости Клдекари.

Вспомнил, как разбилось о стены этой твердыни греческое войско в былые дни, когда император Константин VIII послал на нее паракимана Николая с большою ратью.

Визирь прищпорил лошадь, чтобы лопнул от бега «детеныш ехидны» Тиркаш.

— Войска тбилисского амира напали на крепость Мухатверди, а потом пытались подступить и к гаманской твердыне, — рассказывал запыхавшийся Тиркаш. — Великого эристава застала эта весть на одре болезни, но я, прах под стопами вашей светлости, тотчас отправил ратных людей на помощь. Наше войско обратило сельджуков вспять, ваша светлость.

Давид и Нианиа намеренно отстали от первого визиря. Липаритовы азнауры, спешившись, следовали за Чкондидели на почтительном расстоянии.

Встреча с Нианией заставила царевича позабыть об усталости.

— Что нового ты выведal в Клдекари? — вполголоса спросил друга Давид.

— Не думаю, чтобы Липарит собирался идти к Вежини, — отвечал Бакуриани, — а если и соберется, то не для помощи царю. Вчера беседовал я в манглисской церкви наедине с Зосимом, управителем замка Орбелиани. Доверенные лю-

ди Бархиарока, сына Малик-шаха, то и дело ездят в Клдекари; какие-то темные сети плетет эристав. А четыре недели тому назад прибыл за полночь к Липариту наследник кахетинско-эретского трона Квирик. Встречали его Липарит и Тиркаш, а на рассвете Квирик уехал обратно, но Зосиму не удалось выведать, о чем у них шла беседа. «Знаю только, — сказал Зосим, — что вскоре придут к нам войска Малик-шаха; проговорилась однажды Ката, супруга Липарита: пусть, мол, готовятся все к великим событиям». Эристав укрывает в Клдекарском замке свое семейство. Монах Козман и сын Липарита — Рати куда-то исчезли. Отправились к царю Ахсартану, — так полагает правитель замка Зосим.

Погруженный в думу, безмолвный сидел царевич на коне и, нахмутив брови, глядел на переломленные бурей сосновые стволы, что свисали по склонам ущелья.

Потом подъехал совсем близко к Бакуриани и спросил почти шепотом:

— А не знаешь ли ты, где теперь Дедисимеди?

— Здесь, — ответил Нианиа, — в Триалетском эриставстве. Лишь эти двое верны нам всей душой: Дедисимеди и Зосим. Азнауры, что приветствовали тебя, простершись ниц, клянутся денно и ношно солнцем Липарита. Триалетцы уже не скрывают своих темных намерений: подстеречь царя Георгия и всадить ему в спину клинок. Даже Катю подговорил Тиркаш: покончим, мол, с царевичем; каково-то будет царю Георгию, когда полоумный Махара останется единственным наследником престола?

— Вспоминает ли меня Дедисимеди? — тихо спросил царевич.

— Ты знаешь, что всегда относилась ко мне с доверием дочь эристава, а теперь она старается даже не упоминать о тебе. Вчера, возвращаясь от вечерни, она сказала мне: «Никто не посмеет в моем присутствии хулить царевича».

Послышались звуки била из Клдекарского замка.

Навстречу гостям вышли из крепости жена эристава Ката, Дедисимеди, архиепископ манглисский Кирион, главный казнохранитель и мандатуры триалетского эристава.

Царевич взглядом искал Липарита, но не было видно владетеля Триалети.

Насупился царевич, но предпочел промолчать.

Супруга эристава ввела царевича, Чкондидели, архиепископа бедийского, Нианию Бакуриани, Шергила Липартиани и свитских азнауров в большую палату.

Перед камином, на ложе, устланном шкурами гепардов, лежал богатырь с медно-красной от хны бородою, обвязанный вокруг поясницы зеленой кирманской шалью.

Когда гости вошли, он приподнялся на ложе, оперся локтем на подушки и холодно приложился к руке Чкондидели, а царевича обнял и расцеловал.

— Как быстро идет время, милостивый боже! Вот и царевича довелось мне увидеть идущим на войну.

— Царевич поступает по примеру славных своих предков, — сказал Чкондидели. — Тринадцатилетним отроком искусился в воинском деле царь Георгий, а новелиссимус всего Востока Баграт Куропалат в четырнадцать лет был в походе.

Первый визирь даже не взглянул в лицо Липариту и прикоснулся губами ко лбу его дочери.

В золотокованные кресла усадили царевича, первого визиря, архиепископов бедийского и манглисского.

Нианиа Бакуриани, начальник таоского войска, и Шергил Липартиани, предводитель рати мегрельской и абхазской, расположились на подушках. Свита осталась стоять.

Долго все молчали, затем Георгий Чкондидели поднялся, чтобы приготовить к вечерней молитве. Дедисимеди подала ему золотой умывальный таз, сама же взяла в руки серебряный кувшин.

Тут вбежал в палату возбужденный Махара и обратился к царевичу:

— Сорвался с привязи твой жеребец, царевич! Конюхи бегают за ним с арканами.

— Успокойся, Махара, коня не замедлят поймать; ты скажи лучше, как твое здоровье? — спросил Липарит.

— Лучше, чем твое, эристав; хотя почки болят и у меня. но в поход я все же отправился, как видишь.

Липарит заметно омрачился: прошелся-таки насчет его больных почек, шут!

Чтобы смягчить впечатление, спросил:

— Зачем тебе два меча, Махара?

— Одним бы отсек я голову тебе, а другим — царю кхетинскому Ахсартану.

— Слишком много захотел, Махара. Доброму воину хватит и одного меча.

— Верному мало и двух, а изменнику не следует оставлять и одного!

Липарит принужденно рассмеялся, потом подозвал дворецкого, приказал ему увести старика и угостить.

Чкондидели вслед за Дедисимеди ушел на молитву. Царевич и Нианиа почувствовали неловкость, воцарившуюся после грубых шуток Махары. Царевич бросил украдкой взгляд на лежавшего перед огнем красавца; выкрашенная хною огненная борода скрывала его истинный возраст. Белоликому высоколобому эриставу к лицу был далматик двоеканого сукна, расшитый по вороту золотом.

Изумленно оглядывал княжескую палату Шергил Липартиани. Так же, как во дворцах мусульманских властелинов, вдоль всех четырех стен палаты шли двумя рядами, одна над другою, полки. Они были уставлены посудой, пленяющей око своею прелестью,—персидским фарфором цветлазури, византийскими золочеными тарелками и блюдами, журавлиногорлыми лекифами, золотыми и серебряными чеканными кувшинами, грузинскими и фарсийскими виночерпальными ковшами... А пониже висели шлемы, золотые и серебряные кольчуги, чеканные щиты, мечи и серебряные луки. По углам стояли медные полужвери-полуптицы — грифоны — и тяжелые золотые канделябры.

Богаче гостиной палаты Гегутского дворца показалась эта гридница Шергилу Липартиани.

Нианиа был привычным гостем в замке Орбелиани; знал он, что любит похвастаться предками Липарит.

— Не из Византии ли этот золоченый панцирь, эристав? — спросил он намеренно, чтобы рассеять неловкое молчание.

— Дед мой получил его в дар от императора Исаака Комнена. Когда Липарит Великий овладел Двином после победы над сельджуками, кесарь немедля возвел его в сан проэдра и прислал ему золотого соловья, голос которого вы скоро услышите.

Липартиани и абхазские азнауры приняли за шутку слова эристава: никогда не приходилось им слышать золотого соловья.

Взгляд Ниании обратился теперь к мечу с золотым эфесом.

— Меч этот подарен кесарем светлопамятному отцу моему Ивану в ту пору, когда был он правителем Гачиана и Аршамуника в Армении.

Шергил Липартиани подошел к стене; там висел серебряный лук длиною в пять локтей, с укрепленной на тетиве громной стрелой.

— Это — тот самый лук, который султан Тогрул-бек по-

дарил деду моему Липариту III, когда отпускал его на свободу из плена. Десять тысяч драхканов предлагал султану император за освобождение Липарита. «Я не торговец рабами, — ответил султан. — Да и можно ли продать столь доблестного рыцаря?» И, расцеловав деда моего, подарил ему вот этот лук.

В разговоре Липарит помогал себе жестами.

На большом пальце его руки заметил Шергил Липартиани перстень червонного золота с львиной головой, какие носили некогда Багуаш-Орбелиани, предводительствуя царскими войсками.

Ниани Бакуриани было прекрасно известно, что серебряный лук не был подарком Тогрул-бека. Он сделал знак царевичу: «Замечай!» — и смолк.

Липарит приказал подавать кушанья. Заботу о яствах взял на себя главный мандатур Тиркаш. Перед царевичем поставили золотой поднос.

Кирион Манглисский благословил трапезу, монахи спели вечерний псалом.

Подали джейраньи шашлыки, зажаренных целиком фазанов, турачей, вареного лосося и снетки.

Почетных гостей всегда потчевали этими яствами, подавая их на золотых и серебряных подносах и блюдах, подаренных византийским кесарем, иранским султаном Малик-шахом или властителем сельджуков Тогрул-беком.

И царевичу вспомнилась «казна великая, украшение царского стола — серебряные и золотые чаши, и чары багратионовы, и ковши добрые», что похитили сельджуки из Квелисцихе.

Много раз бывал Ниани Бакуриани на пирах и выходах во дворцах византийских кесарей, но посуда, какую он увидел на столе Орбелиани, могла поспорить даже с тою, что была во дворце кесаря.

Большие, в человеческий рост, канделябры зажгли по углам палаты, двое слуг со светильниками стояли над головою Чкондидели, трое — за спиною царевича.

Супруга эристава Ката передала Чкондидели блюдо с овечьей арисой. Немного откушал первый визирь; безмолвно сидел он за трапезой, похожий при свете свечей и светильников на святого угодника, истощенного долгим постом.

Не прикоснулся к яствам и Липарит.

Лулуфровым шербетом поила его Ката.

— Постарели мы, господин мой первый визирь, минова-

ли, как видно, наши времена... И для тебя приготовила снадобье моя дочь. От матери моей — блаженна ее память! — научилась врачеванию Дедисимеди. Уходит вместе с дочерью кормилицы своей Лелой в поля на целые дни искать целебные цветы и травы. А занедужит кто-нибудь в замке — под рукою надежный врач.

Девушка встала, почувствовала на себе взоры гостей. Слегка заалели ее нежные щеки. Протянула визирю приготовленное в маленьком горшочке питье и сказала:

— Это — сок атрафиля, господин мой первый визирь.

Когда закончился ужин и начался почестный пир, посреди палаты стал чашнагир, и чашники разносили вино в ковшах, Нианиа Бакуриани не сводил с чашнагира глаз: все ли вина пробует слуга эристава?

Подле сурового Чкондидели сидела Дедисимеди, тихая, словно горлинка. Иногда опускала она ресницы, а когда поднимала взгляд, казались удивленными ее смарагдовые глаза.

Укрывшись за стоявшим на столе византийским лекифом, на котором вычеканена была Диана, охотящаяся за оленем, царевич украдкой наблюдал за Дедисимеди.

Удивительно, что даже и следа обиды не было на лице девушки. На всех взирала она с одинаковой учтивой доброжелательностью.

Какими странными путями направилась жизнь, и как стремителен был ее бег! Когда-то простодушно верили они оба, что никакая земная сила не властна их разлучить, но пришел черед — и встала между ними печаль вечернего часа.

Фиалковое шелковое сакко, украшенное жемчужными цуговицами, было надето на дочери эристава, золотой кушак опоясывал ее, золотые запястья блестели на руках.

Царевичу вспомнились дни, проведенные вместе с Нианией и Дедисимеди в замке Сакориа, — давняя, счастливая весна, цветение персиковых деревьев в замковом дворе. А ныне между ними, словно крепостная стена, воздвиглась глухая, недолимая преграда.

Вот так близко от него сидит дочь эристава, и на щеках ее оттенок персиковых цветов, но как она стала далека!

Лишь в минуты беседы с Дедисимеди сбегали морщины с чела Чкондидели.

Когда возглашали здравицу дочери эристава, поднялся первый визирь с наполненной чашей в руке и с непривычным для него красноречием воздал хвалу ее христианским добродетелям: смирению, кротости и любви к ближнему. Не забыл

он восхвалить и ее красоту, и назвал дочь эристава «любимым чадом своим».

— В наше время лучше иметь уродливую дочь, господин мой первый визирь, — сказал Липарит. — К иранскому шаху прибыл однажды в гости армянский царь. Был у шаха застольный шут, по имени Чортман, неразлучный с шахом в бою и на пирах. Во время пира занемог владетель Армении, стало худо ему за столом. Между тем все больше вина подливал венценосцу бритоголовый шут. Чтобы отвязаться от шута, обещал ему в шутку царь Сеннахерим в супруги дочь свою, прекрасную Шушаник. Чортман подскочил к царю и завязал ему узел на поясе. Прошло несколько лет. Повелитель Ирана сделал шута военачальником. Во главе адарбаганского войска Чортман ворвался в Армению и напомнил царю об узле. Конечно, отказал нечестивцу повелитель Армении. Больше тысячи селений было сожжено в Армении. К замкам и монастырям приставляли лестницы и по ним взбирались на стены. Пятьдесят крепостей разрушили басурманы и столько же храмов.

Рассказ эристава опечалил гостей.

Тогда приказал Липарит завести золотого соловья. Механический свист золотой птички напомнил царевичу дня, когда гостил он в Липаритис-убани вместе с царем Георгием. Соловьиный свист пробуждал его по утрам; начало дня было радостно для него, потому что песнь соловья предшествовала встрече с Дедисимеди.

Эристав Липарит поднял большой заздравный кубок за царя Георгия. Воздал хвалу «прославленному кесаросу, щедрейшему из всех царей абхазских и гостеприимнейшему из всех людей».

— Спасаларами Багратионов были Багуаш-Орбелиани, — сказал эристав. — Всегда верные престолу, они предводительствовали царскими войсками, несущими белое знамя на красном древе. За это царь Георгий и пожаловал роду Орбелиани Самшвилде, Клдекари и Лоцобани.

Тут вспомнилось Чкондидели, как отец Липарита Иванковарством выманил у царских вельмож крепость Гаки и продал ее амиру гянджинскому Фадлону.

Глядя в глаза первому визирю, обещал Липарит на завтра же отправить обоз с продовольствием для вежинских войск.

— А если не будут болеть у меня почки, выведу и сам за тобою вместе с азнаурами и конной дружиной.

Опять завели золотого соловья, и Липарит перешел к ви-

вантийским новостям. Прибыл из Константинополя Козман, монах, рассказывал: большие события происходят во владениях кесарей. Бесчисленные орды печенегов ворвались в пределы Византии и дошли до Велиатовы. Навстречу им выслал император великого доместика Запада Бакуриани и армянского дворянина Вараза с большой ратью. Разбили неверных греки, заставили их повернуть вспять.

Наконец помянул эристав почтительным словом императрицу Мариам, тетку царевича Давида.

— С большой свитой из духовенства собирается приехать Гегути императрица Мариам, супруга покойного кесаря Никифора Ботаниатеса, — сказал Липарит. — Говорят, сам никопольский архиепископ будет в числе сопровождающих. Весьма расположена к нашему роду императрица Мариам.

В это мгновение вошел в палату высокий, сутуловатый монах; черные как смоль волосы ниспадали ему на плечи, сквозь свисающие пряди взглянули на Давида неприятные глаза-щелки. Долговязый монах ползком добрался до царевича и Чкондидели и поцеловал им колени.

Затем поднялся, обратился смиренно к пирующим общий привет и, облобызав руку эристава, присел у него в ногах.

— Так сообщил нам Козман, монах, — продолжал Липарит, — Вараза убили печенеги. Язычники неисчислимы, как морской песок. И орды их — не войско, а кочующая вместе с женщинами и детьми толпа. Путь к отступлению для них нет: с тылу теснят их половцы — недруги христианства.

Скрестив на груди руки, сидел монах Козман, внимая собственному рассказу так, словно слышал его впервые, и украдкой наблюдал за царевичем.

Почтительно поднял за здоровье Липарита кубок Шергил Липартиани, пожелал долгой жизни эриставу.

Липариту хотелось вновь завести золотого соловья, но пропели в третий раз петухи. Чкондидели поднялся с места и, попросив хозяина не гневаться, сказал царевичу и свите:

— Идущим на брань не пристало долго пировать.

Тогда встала с места и Дедисимеди, взяла светильник из рук слуги, повела гостя в спальные покои; царевичу освещали путь к опочивальне трое слуг, Ниании же и Шергилу Липартиани — каждому по двое.

Как только покинули горницу гости, Липарит повернулся лицом к стене и погрузился в раздумье. Собирал воедино, сличал все, что подметил и услышал за этот вечер. Были не

по душе ему ледяная учтивость Чкондидели и упорное молчание царевича.

«Немалый вырос дракон, — пробормотал он почти вслух, — как он изменился за этот год!»

Угадывал Липарит: рано созрел в этом юноше умудренный муж. Заранее взвешивал царевич каждое слово. Сколь рано познал он, почти еще отрок, что слово — серебро, а молчание — золото! Даже с Дедисимеди не обменялся ни единым словом после встречи и приветственных вопросов.

«Знают, как видно, в Гегутском дворце о том, что должно пока оставаться тайной... Уж нет ли здесь, у меня в доме, предателя?» — думал Липарит. Пересчитал всех; подозрение пало на управителя замка Зосима.

Но что может знать глупый старик, кроме того, что делается в эриставстве Триалетском среди бела дня?

Подумал еще о семи триалетских азнаурах, схваченных защитниками Мухатгвердской крепости; вспомнил вчерашнее донесение лазутчика: не признались ни в чем триалетские азнауры.

Проклинал в душе Липарит Бану-Джаффара, амира тбилисского: слишком рано втянул он в игру эристава. Тщетно убеждал его Орбелиани повременить до прибытия войска Бархиарока, а потом уже обложить кольцом стоящие под стенами Вежини царские войска и поймать царя Георгия, словно гусенка.

А дальше уже нетрудно будет овладеть и Цагвлиставским замком. Царевич Давид будет посажен на кол. Липарит, Бану-Джаффар и Ахсартан Кахетинский поделят между собой левое побережье Куры так же, как поделили правое, — исполнится написанное на гербе Багратионов: «Разделиша ризы моя себе, и об одежде моей меташа жребий».

В этот миг появился в дверях Махара.

— О дьяволова добыча! — сказал Липарит громко, повернулся и встретил взгляд безбородого — глаза у того были цвета купороса. Липарит заметил: напоили Махару мандатуры. Словно зарезанный петух, метался из угла в угол, шатаясь, старик в желтом скараманге и кричал:

— Найдите мне царевича, я хранитель его шатра, никто, кроме меня, не имеет права его раздевать!

Вбежал мандатур. Липарит велел ему принести кубок и уйти.

Обняв обеими руками золотой канделябр, стоял захмелевший старик, едва поднимая веки.

Липарит подманил его наполненной чашей, ласково заставил испить вино до дна. Потом принял чашу из рук Махары и, играя кубком, посулил еще вина старику.

— Скажи мне, сделай милость, Махара, пришлось ли ко двору молодая царица?

— Прекрасна, прекрасна царица наша — с самым солнцем спорит своей красотой, хотя лучше бы солнцу не видеть ее никогда.

— Для кого же лучше — для солнца или для царицы?

— Ни для кого из них, эристав, а скорее всего — для нас!

С минуту стоял Махара, шуря водянистые глаза, потом сказал:

— Прекрасна, прекрасна царица наша, каждый день перед зеркалом бреет она себе ланиты.

— Эге, так она с бородой? — захохотал Липарит.

— А что, если в одно прекрасное утро она не успеет вовремя сбрить шетину с лица? — сказал Махара, принимая кубок из рук Липарита.

— Зачем же взял царевич в жены такую уродину? — спросил Липарит с ехидством, словно в самом деле не знал о том, как женили Давида.

— Другую любил царевич, ты знаешь это и сам, эристав, — сказал Махара и подмигнул Липариту. — И я тоже другую желал увидеть царицей, но такова уж судьба царевичей: скорее спросят у них совета, когда холостят жеребцов на конюшне, нежели выбирая для них невесту.

— А кого же ты метил в царицы, Махара? — едва успел спросить Липарит, как отворилась дверь и вошла в палату Дедисимеди, ниша молитвенник, забытый Чкондидели.

— Ее! — вскричал безбородый и направился к девушке. — Ее, вот этого ангела!

Смутилась Дедисимеди, не знала, как поступить.

С изменившимся, просветлевшим лицом приблизился к ней Махара.

— Расцвели ланиты твои, горлица, сладость истекает из уст твоих, как мед из сот... «Вертоград мой замкнутый, источник опечатанный!»

Пробормотал и пал к ее ногам, облобызал шитое жемчужом сакко дочери эристава.

Дедисимеди очнулась, схватила молитвенник Чкондидели и убежала.

А Махара лежал ничком на полу, бормоча какую-то греческую молитву.

Наконец пришли за ним мандатуры и с трудом увели хмельного, уложили в постель.

Глубоко задумался эристав Липарит над столь невоздержанным восторгом Махары. Было прекрасно известно ему, кто такой безбородый: Багратион, сын, хотя и незаконный, Баграта IV Куропалата. От простой женщины, осетинки, прижил его охочий до любовных походов царь Баграт.

Сначала, как сына наложницы, лишили его подобающего царевичу наследства, но под конец настояла на своем царица, мать Баграта Куропалата, и перед тем как отправиться в Иерусалим, заставила сына выделить для юноши земли в Аргвети.

Часть своего владения Махара продал и деньги раздал нищим, остальное пожаловал царь Баграт Иванэ Багуаш-Орбелиани, чтобы примириться с ним.

Баграт IV не хотел, чтобы у сына его Георгия оказался соперник, добывающий престол, а потому взял Махару с собой в Константинополь и оставил его там, во дворце Акрополе, что стоит на берегу Босфора и называется ныне Старым Сералем.

В этом дворце содержали обычно взятых в заложники грузинских и армянских царевичей, сельджукских амиров, находившихся в почетном плену, и болгарских вельмож.

Во времена кесаря Романа Диогена был своим человеком в царском дворце иверский дворянин Махара. В боях с печенегами прославил он свое имя, был ранен неоднократно. Искусный наездник, стал он под конец тристадом — троєборцем кесарева ипподрома.

Приверженный к любовным похождениям, вступил он в связь с женою дром-логофета; ему грозило изгнание из Константинополя, но заступилась императрица Евдokia за рыцаря—поборника христианства. И тогда разнесся слух во дворце, будто сама супруга кесаря — любовница иверского дворянина.

Чтобы укоротить злые языки, отправили Махару в поход против сельджуков. На войне попал он в руки Альф-Арслана в сражении под Манцикертом, где султан пограл стопую пленного кесаря Романа Диогена.

Выкуп в миллион византийских сестерций был уплачен за кесаря, а за Махару отдала двадцать тысяч драхм кесарева супруга.

Возвратясь из плена, Махара залечивал в Константинополе свои раны. Уже объявил его дейтерий кандидатом на титул себаста, уже назначили день возведения в сан,—но в ночь накануне этого дня был застигнут Махара у царицы, переодетый в женское платье, и тогда оскостили не в меру любвеобильного рыцаря.

Под конец занедужил горемыка, привязалась к нему падающая болезнь.

После того как императрицу Евдокию постригли в монахини, был он назначен постельничим в дворцовую гинекею.

Сестра его и царя Георгия, императрица Мариам, привезла Махару в Грузию. Обиженный судьбой, остался Махара во дворце абхазских царей, именуясь сокольничим и хранителем шатра.

Многие любили Махару за неподкупную прямоту и сердечность, но большинство ненавидело безбородого, ибо смелость его зачастую граничила с безумием. И все же пользовался он во дворце царя Георгия большими правами, нежели любой другой единокровный родственник Багратионов.

Поэтому заметил его настроение Липарит и заключил: «Не потерял еще царевич Давид надежды назвать когда-нибудь Дедисимеди своею».

Ныне казалось это Липариту особенно желанным, ибо с недобрыми вестями вернулись из Исфагана его посланцы.

В Триалетском эриставстве знали уже, что посылал послов к Липариту и Кате старший сын Малик-шаха Бархиарок (первенец султана от жены его Зубанд-Хатун), просил отдать за него Дедисимеди.

Роптал правитель замка Зосим, недовольны были архиепископ манглисский и некоторые из триалетских азнауров, но не прислушивался к ним Липарит. И оправдывался перед самим собой: пусть сын султана — последователь ислама, разве деду Бархиарока Альф-Арслану не отдал в жены свою племянницу всехристианнейший царь Баграт Куропалат?

Великие возможности сулило триалетскому эриставу родство с династией Малик-шаха: одной рукой прихватил бы тогда Липарит к своим владениям часть Армянского царства, другую наложил бы на всю восточную часть Грузинской державы.

Но теперь вставали совсем иные преграды перед намерениями Липарита.

Уже на пороге старости взял Малик-шах в жены женщину из половецкого племени, Тюркан-Хатун, и она родила ему

сына, царевича Махмуда. Исфаганский двор раскололся на две враждебные партии.

И хотя амиры держали сторону Бархиарока, боролась ожесточенно Тюркан-Хатун; денно и ночью молила она повелителя, чтобы тот, пока жив, назначил наследником малолетнего Махмуда. Никто не мог угадать, каков будет исход этой борьбы. Другими делами был увлечен сам Малик-шах: старшая дочь его, супруга халифа, родила царевича, и султан стремился возвести на халифский престол внука своего, шестилетнего ребенка.

Эти новые обстоятельства заставили поколебаться Липарита.

Конечно, был предпочтительнее сомнительного наследника исфаганского престола единственный царевич из дома Багратионов. Тем более, что знал эристав — недоволен правлением царя Георгия Совет старейшин, под тяжестью введенных царем поборов ропщет народ. Уже шептались во дворце и в замках эриставов, что возможно отречение царя Георгия, и тогда взойдет на престол царевич Давид.

Предчувствовал эристав: многое станет ясным после Вежини.

О, если бы стала Дедисимеди царицей грузинской!.. Пусть хотя бы женщина из дома Багуаш-Орбелиани достигнет венца, ради которого Липарит III, сын его Иван и сам Липарит IV, вместе со всем своим родом, борются вот уже больше полувека с Багратионами!..

Не так уж трудно было бы царевичу развестись с супругой своей Русудан; гораздо тверже Багратионов в православии были византийские императоры, но и они не останавливались перед разводом. Сама императрица Мариам, сестра Георгия II, благочестивейшая из цариц, была женою двух византийских императоров и, по словам монаха Козмана, собирается за третьего — Алексея Комнена.

Липарит ждал: нозый свет прольется на все это дело, когда прибудет Мариам; она сумеет обуздать «упрямого и крутого» Георгия Чкондидели, «злейшего демона Гегутского дворца», как называл его Липарит.

Теперь уже твердо решил эристав на самом деле отправить в Вежини лживо обещанный им Чкондидели обоз и отозвать немедленно сына своего Рати, отряженного вместе с триалетскими азнаурами в Кахети на помощь царю Ахсартану. А если бы удалось войскам Чкондидели очистить отрезанные

пути и вызволить Георгия II, то и сам Липарит присоединился бы к царю и царевичу, чтобы вместе с ними двинуться на кахетинские твердыни.

Не спал в ту ночь и царевич Давид. Он не жалел теперь, что попал в Клдекари, хотя, кроме известия о скором прибытии императрицы Мариам, ничего не узнал приятного за весь этот вечер.

С детства слышал царевич немало рассказов о коварстве эристава Липарита и предков его, но многому в этих рассказах не давал веры рано умудренный юноша. Он считал раздутой лазутчиками и шпионами историю якобы издревле бушующей вражды между Багратионами и Багуаш-Орбелиани.

Еще в прошлом году очаровал царевича в Липаритис-убани любезностью и хлебосольством триалетский эристав. По приказу гостеприимца ловили охотники джейранов, три дня продолжалась охота, а пирам не было конца. Была устроена необычная джигитовка; под конец вскочив на арабского жеребца, подарок Малик-шаха, состязался с абхазскими азнаурами в искусстве верховой езды сам седеющий эристав.

Успокоенными вернулись тогда в Гегути царь и царевич; казалось, что все же удастся перекинуть мост через пропасть, разделявшую Багратионов и Багуаш-Орбелиани.

Если в этот вечер и не узнал царевич ничего приятного, зато обогатился ценными наблюдениями.

Непривычно разговорчив был Липарит, а все же иной раз красноречивее слов было его молчание. Сокровища эристава также заставили царевича крепко призадуматься. Перед отходом ко сну рассказал ему Нианиа: то, что видели они, — лишь десятая часть богатств Липарита. В тайных хранилищах Манглиси видел правитель замка Зосим много золота и самоцветных камней. Мулы и верблюды, нагруженные драгоценными шелками и парчой, прибыли на прошлой неделе от Бархиарока.

Сколь бедными рядом с замком Липарита казались многократно ограбленные дворцы Гегути и Кутаиси или замок Цагвлистави.

В триалетских церквах во время богослужения вновь величали Липарита III «проэдром», магистром и властителем всего Востока.

Страна истекала кровью, безнаказанно опустошали гру-

зинскую землю сельджуки. Теряла силы единовенная Византия. Иранский султан Малик-шах отнял у Грузии Аниси и Карисцихе. Византия утратила Малую Азию. Никеей и Дарилеумом владел брат Малик-шаха Солиман, и сам кесарь уже величал его «султаном всего Востока». Старую союзницу Грузии, Армению, также затопила сельджукская волна.

Обремененный годами царь Георгий II пил вино без меры, охотился, и хотя все еще сражался ожесточенно, но «сей отменный стрелок из лука и всадник» был уже не тот негибавый воин, что когда-то под Парцхиси разгромил и обратил в бегство сельджуков.

Изнуренный войной с сельджукскими ордами, отправился он в Исфаган, к Малик-шаху, и помог ему покорить Антиохию, а под конец обязался платить дань; грузинский народ был измучен этими ежегодными поборами — «хараджой».

Ни царевичу, ни Чкондидели не нравилось то, что делал царь в последнее время, но упрям и вспыльчив стал царь Георгий, никто не осмеливался ему перечить.

И вежинский поход не одобряли в Гегутском дворце — поход, в который взял Георгий с собой наемных туркопулов и необдуманно начатой битвой поставил в опасное положение себя самого и всю свою рать.

Раздирали страну цари кахетинские и Багуаш-Орбелиани, торговали должностями развратные князья церкви.

Темным представлялось царевичу будущее.

Доселе не знал он утех юности, а уже шептались в Гегути, будто еще при жизни царя Георгия собираются посадить его на престол соправителем царя и препоясать державным мечом. У самого же царевича срывалось с уст:

«Господи! Аще возможно есть, да мимо идет мене чаша сия!»

И еще одна тягота прибавилась в сердце царевича: какой странной оказалась встреча! Увидеть еще раз желанное лицо и не посметь обратиться ни с единым словом к той, что была когда-то его невестой!

«Вертоград замкнутый, источник опечатанный!»

Приподнялся царевич на ложе: не услышал ли кто-нибудь его слов?

Безмятежным сном спал Нианиа.

Раздались частые звуки рогов — трубила крепостная стража.

Рослое привидение шагнуло бесшумно в опочивальню.

Поцеловал отрока в лоб Георгий Чкондидели и шепнул ему на ухо:

— Вставай, царевич! Отец ждет твоей помощи.

На пуховой перине, покрытой шкурами серн, нежился царевич в дремоте: хотелось ему еще помечтать в тиши, но в словах Чкондидели, произнесенных тише молитвы, услышал он бряцание стали. Во мгновение ока, без слов, вскочил с одра влюбленный воин.

Сдержал свое слово эристав Липарит: послал огромный обоз в Вежини. И все же хмурился первый визирь.

Нежелание Липарита лично отправиться в Вежини путало расчеты Чкондидели, — выступи вместе с ним войско и дружина триалетского эристава, первый визирь повел бы царские полки из Клдекари Алгетским ущельем прямо в Вежини.

Весь край от восточных пределов Триалетского эриставства до самой Куры был опустошен войною; голодные орды сельджуков рыскали невозбранно между Курой и Алгети; войско, идущее с обозом этой дорогой, вынуждено было бы оружием пролагать себе путь.

Поэтому счел разумным Чкондидели, выйдя из Манглиси, направиться по ущелью речки Вере мимо Ластисцихе и, перейдя Куру в Мухатгверди, пройти к Вежини через Марткопи.

Царевича он хотел взять с собою.

Шергил Липартиани — храбрый воин; если будет нужда, он сумеет с боем провести до Руставской крепости порученные ему полки.

Но заупрямился непривычно царевич, заметив, что бережет его от опасности Чкондидели. Был настойчив, сам пожелал вести Алгетским ущельем к Рустави полки. «Он становится мужем, — подумал первый визирь, — вот уже рвется к опасности».

Углубившись в такие мысли, вел свою лошадь шагом первый визирь. Лишь когда отъехали на порядочное расстояние от Клдекарского замка, повернулся он к царевичу и Ниании.

— Прежде чем обложить Рустави, спросите совета у Шергила Липартиани: много раз участвовал он в осаде крепостей. Был у меня в Уплисцихе один грек, — от него научился добрый воин Шергил искусству взламывать крепостные

стены. Возьмите с собою тараны и катапульты. Если мы введем в Рустави наш гарнизон, не трудно будет покончить и с амиром тбилиским. Ахсартана задушим я и царь Георгий; Липарита также не минует казнь на колу. Подобно деду своему, всегда склонялся к кахетинцам триалетский эристав.

Первый визирь умолк и вновь погрузился в раздумье. Ясно было ему: взятие крепости Рустави расторгло бы союз трех врагов Грузии — царя Кахети, триалетского эристава и амира тбилиского.

С давних пор затаил в сердце своем это желание Георгий Чкондидели, но так неудачно начал царь осаду Вежини, что трудно теперь рассчитывать на счастливый исход.

Повернув лошадь, подъехал первый визирь к царевичу. Хотел обратиться с ласковым словом, но не умел он высказывать открыто свои чувства, а потому только спросил своего воспитанника:

— Веришь ли ты в большие почки Липарита?

— Сдается мне, что без нужды пил эристав лулуфровые шербеты, — ответил Давид.

— Серебряный лук прислан в дар Липариту Бархиароком, — заметил Нианиа.

— Знайте, что если мы дадим ему спустить тетиву, острия стрел вонзятся в нашу грудь! — сказал Чкондидели.

В последний раз оглянулся царевич на Клдекарский замок.

Теперь уже верил он твердо, что добьется желанного сына султана — Бархиарок. Царица Елена и Русудан надеялись на это, и Совет старейшин в Гегутском дворце был убежден: возьмет Бархиарок в супруги дочь эристава, и успокоится царевич, утратив надежду.

С болью в сердце покидал Давид леса и горы Клдекари. В последний раз показало ему небо свой лук, привелось ему увидеть избранницу своего сердца, а он не сумел даже сказать двух учтивых слов, не осмелился шепнуть тихонько: «Прощай!»

Вспомнил он племянницу деда своего, Баграта Куропалата, что была женой Альф-Арслана; в сельджукском гареме оставила царевна свою юность и красоту, а к старости снова привела ее в Грузию горькая судьба и одела в монашескую рясу.

Та же доля уготована и Дедисимеди: сначала — страдания серала, под конец — черные одежды скорби.

Волчий вой раздался где-то в ущелье; царевич осадил метнувшегося коня, догнал Чкондидели и его свиту.

Было рано; еще не скрылась на западе молодая луна, небо было цвета чешуи форели.

НАСТАВЛЕНИЯ МУДРОГО И СОВЕТЫ БЕЗУМЦА

...Лишь легкомысленный начинает битву без предварительного совета опытных воинов...

Кевкамен Катаклов.

Был испытан в походах Чкондидели, знал: не годится утомлять полки перед сражением; потому спокойно, с перелышками вел он войска.

Шергил Липартиани выслал лазутчиков в сторону Рустави: разведать дороги и крепости, сосчитать сельджукские яолчища на берегах Куры и Алгети.

Втайне тревожился первый визирь. Хотелось ему быть свидетелем того, как впервые взмахнет царевич мечом, хотелось не спускать взгляда с новопосвященного.

Иначе решила судьба. Недалеко от Манглиси должны были они расстаться. Чкондидели шел с главным войском марткопской дорогой к Вежини; путь царевича лежал через ущелье Алгети к Куре.

Первый визирь советовал провести ночь на правом берегу Куры, ниже Рустави, против брода Саирме, а на рассвете, переправившись через реку, приступить с востока к Руставской крепости.

— Боюсь, не выказал бы горячности в битве царевич, — говорил визирь Шергилу Липартиани. — Всякий мудр до начала сражения. В битве подчас человек голубиной кротости разъярится, как гепард, и, наоборот, у иного зрелище крови может утишить тигриную ярость.

Царевич и Нианиа догнали беседующих. Было приятно Чкондидели их приближение. И теперь уже слышимо для всех троих продолжал он свою речь:

— Каждый идущий на войну должен запомнить: горячность — враг успеха. Чрезмерно пылкий военачальник падает духом после первой же проигранной битвы, а мудрый станет

еще тверже, из одного неудачного сражения он почерпнет умение выигрывать войны. Мудрый воин вначале притихнет, как черепаха, стерпит неизбежные удары, — но придет его час, и взвоется он, подобно дракону.

Следуя за четырьмя беседовавшими рыцарями, хранил молчание обычно многоречивый Махара.

В глубине души он чувствовал себя оскорбленным: не ему, а Шергилу Липартиани поручил Чкондидели Давида.

Первый визирь повернулся к царевичу.

— В том самом году, когда сарацины сожгли Тбилиси, они разрушили одну из стен Руставского замка; помните мне, то была южная стена. Приснопамятный царь Баграт Куропалат приказал отстроить ее из кирпича и тесаного камня, связав их известкой с примесью козьего волоса. Старайся приставить тараны к этой стене, другие придется долбить долыше. Самое важное — взять крепость без крови. Среди защитников Рустави есть и кахетинцы. Начальник крепости Али-Бехадур — ширванец. Боевые башни защищают сельджуки.

Потом, взглянув в лицо Ниани и Шергилу, добавил: — Пытайтесь овладеть крепостью врасплох.

Махара повел своего коня бок о бок с царевичем, заговорил, понизив голос:

— Накануне битвы полководец может выслушать с вниманием любой совет. Но лишь у собственного сердца должен он спросить, в какую минуту обнажить свой меч. Первый залог победы — внезапный удар: перед лицом неожиданной опасности поколеблется и храбрейший. В ту пору, когда Кевкамен Катаклон был нашим domestиком, бились мы однажды с печенегами на берегах Дуная, в лесу. Сердце у печенегов заячьё, и много их было, как зайцев, но, собравшись вместе, бились они с храбростью рыси, надеясь на свою многочисленность. Долго гонялись мы за ними по лесу. Не было у печенегов ни возов, ни выючных верблюдов с продовольствием. Наконец окружили мы их в одной лошине, отрезали дороги. Дозорные донесли мне, что изголодавшиеся печенеги питаются мясом пленников-христиан. Тысяча окруженных печенегов попала ко мне в плен; я приказал начальникам сотен обращаться с ними ласково и досыта накормить их, а троим намеренно позволил ускользнуть из лагеря. Беглецы рассказали своим, что греки обошлись с ними, как подобает милосердным христианам. Всего лишь один стадий отделял нас от стоянки печенегов. Я приказал стратиотам отсечь головы печенежским

пленникам и положить каждому воину в мешок по голове. Лунною ночью подкрались мы к спящему лагерю печенегов. По моему приказу воины вздели на копья мертвые чубатые головы пленников и забросали ими с деревьев лагерь. Страх овладел печенегами; даже не притронулись они к своим копьям, так и сдались мне в плен всем лагерем.

Улыбнулся царевич, ответил Махаре:

— Легко скатить глыбу с горы, но тяжело поднять ее на вершину; чего проще — слушать рассказ о подвигах другого, но как трудно применить самому его науку!

— Неразумный государь выслушает мудрый совет, а поступит по-своему и, погубивши дело, обвинит в неудаче визиря; мудрый, напротив, выслушает и разумного и безумца, но поступит, как того потребуют время и обстоятельства.

— Это потому, мой добрый Махара, что не было еще мудреца, не совершившего ни одной ошибки, как не было и глупца, хоть раз не изрекшего мудрой мысли.

Еще не достигли они Манглиси, как догнал их гонец.

Сообщал из Вежини царь:

«Освободил нам пути эристав Гуарам, но теперь ширванцы и горцы присоединились к Ахсартану. В Руставской крепости — наследник кахетинский Квирике. Пусть не медлит первый визирь».

Тогда приказал Чкондидели затянуть потуже подпруги коням. Впереди войска пустил он штурмовые дружины, приказав: при вступлении на кахетинскую землю не брать никакой добычи, кроме оружия.

Затрубили рога, и сотники двинули войска Чкондидели ускоренным шагом.

Первый визирь расцеловал царевича и повторил:

— Помни, царевич, на правом берегу, против брода Саирме, ты заночуешь с войсками и перед рассветом переправишься к крепости Рустави. Остерегайтесь бесцельных стычек с шайками сельджуков по дороге, — добавил он, обращаясь к Ниани и Бакуриани и Шергилу Липартиани.

«МУХАММЕД ДОЛГОВЯЗЫЙ»

Не спеша подвигалась вперед рать царевича. На берегу Алгети, в лесу, провели ночь, лишь на следующее утро подошли к Куре.

Уже сединою осеребрилась в битвах голова Шергила Липтариани. Ученик Чкондидели, свято верил он каждому слову своего наставника.

Смутился Шергил, узнав, что царевич не собирается немедленно переправляться через реку.

С отроческих лет не раз охотился Давид на берегах Куры. Здесь каждый куст был ему знаком.

Вместе с Шергилом и Нианией, на конях, осмотрели они луг, раскинувшийся по опушке леса, против Рустави. У берега реки луг переходил в болото, с юга был окаймлен лесом.

Здесь приказал царевич сделать вырубку для лагеря. велел поставить шатры на расстоянии полета стрелы один от другого, соорудить в лесу завалы, чтобы враг не мог подойти оттуда, а поле между болотом и лесом окопать рвами с востока и запада. И добавил: большую часть шатров разбить в лесу, лишь несколько пусть стоят на лугу — так, чтобы было видно их из Рустави.

Ниании и его дружине приказал он расположиться с восточного края, Шергилу с его войском — с западного; по середине, вокруг шатра самого царевича, разбила лагерь карталинская рать.

Днем выводил он людей из лагеря, заставлял упражняться в стрельбе из лука, учил вскакивать без стремени в седло, подхватывать с земли на полном скаку серебряную монету, перепрыгивать на коне через колючие кустарники, как через барьер, пользоваться рвами. Учил всадников пешему бою, чтобы умели они заставить коня лечь на землю, а сами укрыться за его тушей.

Все это видели издалека защитники крепости Рустави. По вечерам царевич отдыхал в шатре, на ложе из волчьих шкур, читал псалмы при свете факела, доспехов же не снимал до сигнала первой стражи. Всю ночь доносился до его слуха визг шакалов, волчий вой, немолчное гоготание диких гусей.

Иногда покидал царевич шатер, обходил часовых, проверял: бодрствуют ли стоящие на страже?

Он любил ночные прогулки по берегу реки, когда сон нисходит на людей и только жители леса не знают покоя — ведут и во мраке битву за жизнь; а месяц сияет в небе, и мигают очами звезды, будто это возлюбленная обещает возвращение любви, которую и по сей день не может постичь сердце.

По ночам засыал он лазутчиков в Рустави, а причину

того, почему так медлил с переправой, держал в тайне даже от Ниании и Шергила.

Был изумлен и начальник Руставской крепости Али-Бехадур. Уже давно имел он сведения о том, что войско царевича двинулось из Триалети. Сначала думал Али-Бехадур, что царские полки переправятся немедля через Куру и обложат крепость. Потом решил: лишь для того, чтобы рыскать в долине Куры, вышли грузины в поход.

Ночью прибыл лазутчик из Рустави. В своем шатре, наедине, допросил его царевич.

На следующее утро он поднялся до света, взял с собою Шергила, Нианию и небольшую свиту и выехал верхом из лагеря. К востоку, вниз по течению Куры направились всадники. Когда приблизились к броду Саирме, царевич поднялся на пригорок и, указывая на лес по ту сторону реки, сказал Ниании и Шергилу:

— В этом лесу, стоит отряд Абу-Мухаммеда-Аттавиля, пять тысяч всадников на добрых конях; с ними и Квирике, наследник кахетинский, вместе с сыном Липарита — Рати. Если бы мы стали переправляться у Саирме, войско Мухаммеда-Аттавиля не выпустило бы нас на берег; и если бы даже нам удалось подойти к Рустави, в тылу у нас оказался бы враг.

Абу-Мухаммед-Аттавиля, или Мухаммед Долговязый, как называли его грузины, был некогда начальником крепости Тбилиси. Но захотелось Мухаммеду стать амиром, и он попробовал подсунуть яд амиру тбилисскому Бану-Джаффару.

Заговор был вовремя раскрыт, и Мухаммеда ожидала казнь на колу, но он убежал из Шурисихе, переодевшись пекарем, собрал дружину из сельджуков, грабивших по дорогам, и рыскал с этой дружиной по всей стране, воюя за всех, кто платил золотом. Помогал он и Липариту Орбелиани, и Вардану, сванскому эриставу, когда они подняли смуту в землях Георгия II и когда «Ниания Квабулидзе похитил казну кутаисскую».

В течение трех лет опустошал Абу-Мухаммед Армению. Он пособлял в покорении ширванских крепостей, вступил в торг и с царем Георгием — предлагал сокрушить вежинскую твердыню. Но как только достигла Вежини весть о приближении эристава Гуарама, заупрямился царь: двадцать тысяч золотых солидов запросил Мухаммед Долговязый за помощь.

Под конец переманил его Квирикe и привел к начальнику крепости Рустави — продажного к продажному.

И все же не унимался Шергил Липартиани: советовал переправиться через реку и сразиться с Абу-Мухаммедом.

Молчал Нианиа, безмолвен был и царевич.

На третий день снова прибыл к царевичу лазутчик.

— В Руставской крепости, — донес он, — держали долгий совет четверо: Квирикe, начальник крепости Али-Бехадур, Мухаммед-Аттавилъ и Рати, сын Липарита Орбелиани.

Но вестник не знал, каково было решение этого совета. Вечером Абу-Мухаммед-Аттавилъ уехал из крепости.

И еще добавил разведчик:

— Голова Мухаммеда была обвита чалмой, зеленый плащ покрывал его плечи, черный кинжал висел у пояса; рукоятки кинжала спускалась длинная красная борода Мухаммеда.

Отпустив лазутчика, царевич послал мандатура за Нианией и Шергилом.

Махара сидел на земле, скрестив ноги перед дымящимся кальяном, и тянул пьянящий дым, надувая щеки.

Теперь и Нианиа Бакуриани советовал царевичу воспользоваться лунными ночами, переправиться, не ища брода, — благо взяли с собою надувные мехи, — через реку пониже Рустави и, обойдя крепость издалека, напасть на Абу-Мухаммеда-Аттавила.

Но царевич хранил упорное молчание; не говорил он и того, до каких пор будет сидеть его войско в прибрежных болотах.

— Чрезмерно утомляет воинов тревожное ожидание, — сказал Нианиа.

Не выдержал молчания царевича Шергил Липартиани и осмелился сказать ему в лицо:

— Не чтением же молитвенника выиграем мы сражение, царевич?

Была приятна царевичу откровенная прямота Шергила, подумал: «Смелое слово лучше низкой лести». Хотел он ответить Шергилу Липартиани, но Нианиа опередил его вопросом:

— В самом деле, долго ли нам еще ждать в этом болоте, царевич?

— Пока не придет час...

И опять не могли понять военачальники, какие замыслы таил в своем сердце царевич.

— Но знайте, все должны быть готовы подняться в любое мгновение. Следите, чтобы не теряла бдительности лагерная стража. Пусть начальники сотен проверяют почаще часовых.

— Я встаю по три раза в ночь, обхожу и осматриваю лагерь, расставляю стражей и рассылаю дозорных, наблюдаю за сменой часовых, — сказал Нианиа.

— А я вообще не сплю по ночам, — сказал Шергил.

Царевич ничего не ответил, вышел из шатра и устремил взор на звездное небо.

Послышался звук шагов; оглянувшись, царевич увидел Махару.

— Вглядись-ка вон в ту звезду, царевич, что на самом краю Млечного Пути, — уж не дурное ли это око? На этом же самом месте была звезда, которую видели в Константинополе двадцать три года тому назад. «Докидой» прозвали ее, она походила на виселицу и двигалась, подобно луне, с востока на запад. Звездочеты говорили, что появление ее предвещает великое сельджукское иго, — сказал Махара и сам вперил взор в далекое светило.

Прошла еще неделя, и убедился весь лагерь, что царевич и вовсе не собирается брать Руставскую крепость. Иные, из более нетерпеливых, полагали, что царевич, не будучи опытным военачальником, не решается вступить в битву; вероятно, он ждет, чтобы сдалась вежинская твердыня, и лишь тогда обойдет Рустави.

Однажды, вечерней порой, Нианна Бакуриани пожелал осмотреть самолично берег реки и, взяв с собою сотню лучников на крепконогих конях, поехал лугами к востоку, вниз по течению Куры.

В густых чащобах с треском ломали ветви дикие кабаны, по лугам мчались стада джейранов, многочисленное овечьих отар. Но следа человеческой ноги не было видно нигде; лишь вдалеке, за Курой, отыскал взор Ниании небольшую толпу сельджуков, кочующих вместе с женщинами и детьми. Кочевники вскоре скрылись в лесу вместе со своими возами и скотом.

Вокруг раздавался оглушительный гомон болотных птиц, к нему примешивались мяуканье рысей и волчий вой.

Нианиа был страстный охотник; он искусно подражал голосам зверей и птиц. Когда наступало время течки у самок оленей, он уходил в леса и, скрывшись среди листвы, трубил оленьим голосом, подманывая ищущего подругу самца. Столь

же похоже воспроизводил он львиный рык, мяуканье рыси, рев и ворчание медведя.

И теперь, в этих нетронутых, диких местах, лесной гомон пробудил в нем страстное желание поохотиться, но тотчас же вспомнилось ему, что царевич строго-настрого запретил охоту в лагере, чтобы не отвлекались люди лесной забавой и не уходили далеко от шатров ни днем, ни ночью.

На обратном пути увидел Нианиа, как из придорожной заросли выскочил огромный кабан и понесся вперед по конной тропе. Не выдержало тут сердце юноши, и, пришпорив коня, понесся Нианиа с поднятым копьём за убегающим зверем.

Почувяв, что всадник настигает его, кабан свернул с дороги вправо, Нианиа перегнулся в седле и вонзил копьё кабану под ухо; раненый зверь бросился в болото. Всадник не успел сдержать коня, и все трое очутились в топкой трясине. Соскочив с лошади, Нианиа вонзил в кабана клинок.

Подоспели воины, вытащили из трясины зверя и лошадь. Нианиа был облеплен грязью с ног до головы.

К ночи началась у него лихорадка.

Убитого кабана бросили перед его шатром.

Нианиа бодрствовал, лежа под медвежьей шкурой в шатре.

Около полуночи вздумалось ему выйти проверить стражу, но сильная боль в коленях удержала его на месте. Он позвал оруженосца, приказал ему пойти с лучниками ко рвам, проверить, бодрствуют ли стражи, охраняющие лагерь.

Холодный ветер гулял по лугам. Оруженосец поленился пойти к тем шатрам, что стояли в лесу, и взять оттуда ратных людей; он снял часовых, охранявших шатер Нианиа, и отправился с ними в дозор.

Луна уже стояла высоко в небе, когда таоские лучники различили вдали скачущий по полю конный отряд. Молчаливые, как привидения, сидели на конях одетые в железо всадники, слышалось лошадиное фырканье и топот копыт, блестяли в лунном свете панцири и шлемы.

В один миг стража у рвов была перебита. Оруженосец метнул дрот в одного из всадников, но был пронзен копьём; нападающие перескочили через рвы и ворвались в лагерь.

Услышав лошадиный топот, подумал Нианиа, что прибыли лазутчики из Рустави, хотел было их окликнуть, но воздержался. Всадники поравнялись с его шатром и заметили валявшегося на земле кабана.

— Донгуз! — произнес один из них.

Тогда Нианиа вскочил, схватил меч и завернулся в медвежью шкуру. В шатер просунулась обвитая чалмой голова сельджука. Медвежьим ревом встретил его Нианиа, — так обычно ревет медведь, застигнутый охотниками в чаще.

Сельджук сказал:

— Ручного медведя держат в шатре грузины; людей тут нет!

Нианиа взрезал мечом холщовую стенку, подождал позади шатра, пока нападающие вновь сядут на лошадей, а потом побежал в ту часть лагеря, которая стояла в лесу.

Затрубили в рога часовые, вскочили таойцы и схватились за копыя. У ослабленного лихорадкой Нианиа подкашивались ноги; все же сел он в седло и приказал воинам преследовать врага.

Махара, присев на корточки, держал в руке зажженный факел, царевич читал стихи псалма:

«...Господи, неверные восстали на меня, и сонмища сильные искали погибели души моей».

В этот миг послышался снаружи топот копыт, звон оружия и доспехов, крики стражей.

Царевич вскочил с ложа, надел шлем, схватил одной рукой меч, в другой так и осталась псалтырь. В шатре появилось трое сельджуков. Длиннобородый великан, с черным кинжалом у пояса, шел впереди.

Махара узнал Мухаммеда Долговязого и швырнул ему в лицо горящий факел. Великан успел отклониться в сторону, замахнулся мечом на царевича, но задержанный подпорным столбом шатра клинок лишь рассыпал искры по шлему Давида.

Тогда взмахнул мечом царевич, и покатилась по земле обвитая чалмой голова.

Двое остальных обратились в бегство. Их встретили снаружи люди Нианиа; одного поразил мечом сам Бакуриани, другого пронзило чье-то копые.

Царевич не пожелал сесть на коня, подведенного ему Нианией.

— Лучше биться пешими против конных, — сказал он, — чтобы легче было отличить врагов от друзей.

До шатров Шергила Липартиани сельджуки не успели добраться. Выстроенные в четыре шеренги, с копыями напе-

ревес, шли уже к месту стычки войска Шергила. Мегрелы и абхазцы безжалостно разили всадников дротами.

Все новые и новые войны выходили из лагеря на помощь. Многие были уже на конях.

Царевичу была понятна ошибка, допущенная Мухаммедом Долговязым: сельджукам надо было оставить лошадей за рвами.

Приказав конникам сойти с лошадей, царевич пошел впереди пеших, поражая дротом дюжих всадников-сельджуков.

Махара вздел на острие меча голову Мухаммеда-Аттавиля, украшенную белой чалмой, взгромоздился на лошадь убитого и кричал по-тюркски:

— Убили гюрджи Абу-Мухаммеда-Аттавиля!

Узнав о смерти своего предводителя, дрогнули сельджуки, отступили к западу, ко рвам, и напоролись на копья мегрелов и абхазцев.

Тогда попытались они укрыться в лесу, но были встречены войсками царевича; без устали разили копья грузинских бойцов. И так как иного не оставалось пути, кинулись сельджуки в тянувшееся вдоль берега болото.

Словно гладко утопанное гумно, поблескивала при лунном свете стоячая вода.

Скоро увидели сельджуки, что их передние ряды проваливаются в трясины. Лошади вязли в топкой грязи, всадники валились через головы коней и тонули в болоте.

Тут могучими волнами с трех сторон пошли на них карталинские, таоские, мегрельские и абхазские полки. Теперь уже мечи засверкали в руках у воинов.

Наутро полное спокойствие царило в лагере.

Нианиа Бакуриани был ранен. Лишь сотни три всадников из отряда Мухаммеда Долговязого сумели выбраться из болота и переправиться на другой берег реки. От них узнал о ночном сражении начальник Руставской крепости.

На другой день, по приказу Махары, высокий шест был воздвигнут перед шатром царевича, а на шесте красовалась голова Абу-Мухаммеда-Аттавиля.

Когда смрад, шедший от разлагавшихся человеческих трупов и лошадиных туш, стал непереносимым, царевич поднял полночной порой лагерь и переправился с войском через реку у брода Саирме.

Квирике и Рати бежали из крепости, но Али-Бехадур приказал запереть ворота.

К нему был послан бедийский архиепископ: царевич предлагал Али-Бехадру сдаться без боя.

— Пусть рассудит нас меч! — ответил Али-Бехадур.

Руставскую крепость с трех сторон окружали заросли колючего кустарника. Шергил Липартиани приказал его выжечь.

Шесть раз пытались войска царевича взять приступом крепость, но храбро бились защитники. Тогда решили перейти к длительной осаде. Двумя рядами рвов была опоясана крепость Рустави. Нианиа приказал навести мосты из бревен, перекатить по мостам тараны и катапульты.

Осадные машины подвели ко всем четырем стенам: без усталости забрасывали они большими камнями крепостную ограду.

По ночам осажденные делали вылазки, поднимали крик, потом убегали обратно.

Наконец вспомнил царевич совет Чкондидели.

Подкатили все тараны к южной стене и до тех пор долбили ограду, пока стена не растрескалась. В трещины нацелили катапульты. Сотня воинов, прикрывшись щитами, подползла к основанию стены и начала заступами подкапывать фундамент. А потом опять задолбили тараны, и обвалилась с грохотом южная стена.

И приказал царевич: никому не входить в Рустави, вернуться в шатры и ждать, будучи готовыми к любой неожиданности.

Растерялся начальник крепости Али-Бехадур — непонятна была ему медлительность царевича.

Три дня стояло войско, не выходя из шатров. В эти дни выпал снег. Наконец Али-Бехадур послал Давиду ключи от крепости.

Царевич помиловал кахетинцев, горцев и ширванцев, а наемных сельджуков приказал заковать в кандалы. Начальник крепости Али-Бехадур получил шестьдесят ударов кнутом.

Наступила зима; солнце, покинув созвездие Стрельца, приближалось уже к созвездию Козерога.

Рустави занесло снегом.

Царевич выделил гарнизон, который должен был остаться в крепости для ее защиты, сам же собрался уже вести войска к Вежини, как вдруг гонец привез ему среди ночи письмо.

Извещал царевича Чкондидели:

«Как только заporошило Вежини снегом, захотелось

парю Георгию развлечься охотой, и, сняв осаду, отправился он вчера в Кутаиси бить кабанов».

Царевича глубоко взволновало это известие. Впервые в жизни почувствовал он гнев на отца: поспешно снявши лагерь, пошел он самгорской дорогой и догнал у Квахвтели Георгия Чкондидели.

ЦАГВЛИСТАВИ

...Цагвлистави, ставка царей.

Из Хроники Давида
Строителя.

После вежинского похода глубокое отчуждение возникло между Давидом и его супругой. Охладел царевич и к отцу.

Достаточно было одной клдекарской встречи с Дедис-имеди, и стало ему тяжело даже видеть Русудан.

Не хотелось царевичу возвращаться в Имерети, где после отступления от Вежини безвыездно жил в Гегутском дворце царь Георгий. Лишь скороходы поддерживали связь между царским дворцом и замком Цагвлистави, где находилась царевич.

Последнее время супруга царевича выказывала не подобающую ей по возрасту склонность к религии. Монахи и священники постоянно копошились во дворце.

Собственно говоря, Цагвлистави не был дворцом, а всего лишь «малой царской резиденцией». Баграт IV Куропалат восстановил разрушенный бастион, руины которого сохранились поныне и именуется «галавани»—оградой. Он же провел к замку воду с холма Чорчана и соорудил бассейны во внутреннем дворе.

Внутри замковой ограды стояло несколько небольших каменных построек, в которых находились конюшни, пекарни, помещения для ратных людей.

Замок, возведенный на открытом лугу, был окружен с трех сторон холмами; холмы эти назывались Чорчана, Ткоци и Бролосани. На восток от замка простиралась широкая равнина Картлийского нагорья.

Ущелье Галавнис-хеви, изрезанное труднопроходимыми оврагами, огибало Цагвлистави с севера, с трех других сторон к Цагвлистави вели искусственные обрывистые подступы:

волчьих ямы, капканы и большие луки с настороженными стрелами подстерегали здесь пришельцев. Каждый, кто не знал этих секретов, должен был либо свалиться в волчью яму, либо попасть в капкан, либо быть настигнутым стрелой.

В Цагвлиставском замке останавливались цари на пути из Картли в Имерети или обратно. Здесь жил и сам Баграт IV Куропалат в ту пору, когда потерпел поражение от Липарита III Багуаш-Орбелиани.

Две подорванные башни — Бролосани и Чорчана — отстроил заново Баграт IV; вторую из них он сделал своим обиталищем.

Эту же башню выбрал себе для жилья царевич Давид; здесь нашел он серебряный лук Баграта и его доспехи: три панциря и хорасанские мечи. Царицы Елена и Русудан помещались в палатах замка.

Покои и горницы Цагвлистави были убраны проще, нежели хоромы любого высокородного азнаура.

Монах-постельничий Укруай проводил ночи вместе с Давидом в башне Чорчана. Был он царевичу и факельщиком и чтецом; здесь же в башне находилось книгохранилище — с книгами царевич никогда не расставался.

После бракосочетания царевича и Русудан Цагвлиставский замок превратился из боевой крепости почти что в монашескую обитель.

Ни Баграт IV, ни Георгий II не были поклонниками черного духовенства. Не любил и царевич Давид того странного запаха келий и трапезных, что исходил от монашеских ряс.

Сюда, в Цагвлистави, заходили монахи с Синайской горы, из Иерусалима, из Петриционийского и Афонского монастырей, идущие в Гегути или в Цхуми для сбора пожертвований. Когда не хватало места в палатах, монахи ночевали под навесами. Супруга царевича Русудан была заступницей всех этих странников в черных рясах. Не по нраву было это Давиду, но терпел он безропотно причуды своей супруги.

Безропотно страдала и Русудан.

Во время беременности она вся округлилась, стала ниже ростом, даже руки и ноги у нее как будто стали короче. Густые пятна выступили на ее щеках, такие, какими обычно бывает подернут созревающий табачный лист.

Трепетала царица Елена, знала: в чреве этой маленькой женщины — будущий наследник престола, великая надежда дома Багратионов.

Разрывала сердце доброй царицы Елены печаль ее сына

Давида, но жалостью наполняла ее и горестная доля Русудан, ибо, хотя мандатуры именовали Русудан царицею, была она менее счастлива, нежели жена простого конюха. Ни отца, ни матери не было в живых у Русудан, братья ее бежали из города Аниси и сражались в Киликии с сельджуками.

Непостижимо изменился образ жизни царевича. До поездки в Клдекари предавался он конной потехе, присутствовал на войсковом учении, ездил на охоту.

От Цагвлистави до самой Авчалы обезлюдела картлийская земля. Покинув жилища, народ укрылся в замках и тайниках, и наполнили страну лесные звери.

Сопровождаемый воинами на крепконогих конях, выезжал царевич в леса — это тоже было упражнение и в ратном деле, ибо не раз во время охоты приходилось вступать в сражение с бродячими шайками сельджуков.

А теперь оставил и охоту царевич Давид. Никого не пускал он к себе, кроме Махары; целыми днями сидел, запершись в своей башне, коротая за чтением часы досуга.

Невзлюбила Махару царица Елена, подозревала, что это он ссорит молодых супругов.

Знала также: с самого начала был против этого брака Махара, даже обиду на царя затаил в сердце за то, что без его совета оженили царевича.

Когда Давид вернулся из Кахети, приступила к нему царица-мать, убеждая поехать в Гегути, повидаться с отцом.

Но ничего не удалось ей добиться; всегда находилась у царевича причина отложить поездку, а по сути, и вовсе не собирался он ехать за Сурамский хребет.

Чкондидели был то в Абхазии, то в Сванети, то в Мегрелии. Хотела писать царица первому визирю: быть может, сумел бы он сломить упрямство царевича. Но иногда теряла она и эту единственную надежду, ибо помнила, что из всех визирей один Чкондидели советовал царю породниться с домом Липарита.

Из Гегути также приходили дурные вести.

Надломила царя Георгия вежинская неудача. Стал вспыльчив государь, запил, ежедневно выезжает на охоту, в Аджаметский лес, выдумывает все новые забавы: велел привезти во дворец множество медвежат и волчат и принялся дрессировать их для охоты.

Вытребовал из Исфагана туркменских борзых, детенышей серны — из Абхазии; и ухаживает за ними сам, называя их ласковыми именами. Государственные заботы возложил на

Чкондидели, сам же только и делает, что придирается к мандатурам, и дошел до того, что вопреки своему приветливому нраву стал нелюбезен даже с гостями.

Печалью наполнилось сердце царицы-матери при виде расстройства, в которое пришли дворцовые дела. Жалость к стареющему супругу овладела ею. Хотела завлечь как-нибудь царевича в Гегути, потому что знала: питали друг к другу уважение отец и сын.

Догадывалась царица Елена: не хочется царевичу взйти в Гегути свою супругу. Но ведь иначе весь мир узнает о разладе между царевичем и Русудан!

По ночам доносились до слуха царицы-матери рыдания подавленной горем беременной Русудан, и тогда молилась она за всех троих, преклонив колена, проливая слезы перед иконами.

Странная выдалась вообще эта зима: до конца ноября цвели на склонах фиалки, и вдруг выпал глубокий снег. Лошади вязли в сугробах, и скороходы не могли преодолеть Сурамский перевал.

Стаи ворон сорвались с холмов Чорчана и Бролосани и укрылись в амбразурах башен. Сплошным покровом, словно черной буркой, облепили птицы бастионы замка. Царица приказала лучникам истребить воронье. Сотнями уничтожали стрельцы каркающих птиц, но все новые и новые полчища прилетали к замку.

Гудели над Цагвлистави зимние ветры, волки выли по ночам на холме Чорчана. Ржали в конюшнях откормленные жеребцы. Утомленный бессонницей царевич мечтал услышать пение рога, трубящего зорю. А на рассвете, после бессонной ночи, поднимали гомон гуси, которыми кишели цагвльские озера, и сон опять бежал от очей царевича.

Елена вначале не знала о том, что царевич побывал в Клдекари, лишь позднее проговорился Махара о посещении Липаритова замка. Тогда поняла царица: причина томления царевича — встреча с Дедисимеди.

Подозрение зародилось в душе Елены: для чего понадобилось Чкондидели вести войска на Рустави через Триялетское эриставство? Уж не с тайным ли умыслом завел в Клдекари свои полки первый визирь?

И о других причинах печали Давида догадывалась пронзительная мать. Кахетинский поход был первым ратным делом царевича, а как дорого он обошелся всем: нагноились в пути без ухода раны Ниани Бакуриани, под Шергилом Ли-

партиани убили коня, и седок вывихнул ногу, Чкондидели схватил лихорадку, простудившись при переходе через Сурамский перевал. Сколько крови и труда стоила война — и все пошло прахом из-за неслыханного своеволия царя!

Почти каждую ночь видела дворцовая стража: женщина с закутанным в покрывало лицом неслышною поступью, словно привидение, поднималась в башенные покои. Проскользнув в опочивальню царевича, женщина опускалась на колени перед иконой, а потом осторожно целовала спящего в лоб.

Не поднимая век, чувствовал царевич на щеках влагу материнских слез, хотел отозваться, но таким утешением были для него эти слезы, пролитые в жаркой молитве, что, побеждая свое одиночество, черпал он силу в молчании.

КУДЖАИ

Ветры и воронье унесли с собой, причитая, зиму. По утрам, перед рассветом, видели царские лучники оленей, приходивших на холм Бролосани щипать молодые побеги. Зазеленели травкой пригорки, подернулись желтизной ивы, зашвистали в кустарниках красногрудки. У опушки леса на холме Чорчана, совсем близко от Цагвлиставского замка, выходили из чащи лесные курочки, поднимали немолчное кудаханье. У цагвлиставских конюшен собирались в теплые полдни ласки с уже покрасневшими спинками, подставляли солнцу белые грудки.

Хотелось размять тело, занемевшее в бездействии долгих зимних ночей, проведенных за чтением. Потянуло царевича на охоту.

Утром поднялся на башню Чорчана Махара, сообщил о приезде Ниании Бакуриани с азнаурами.

Царевич первым делом осведомился о ранах Ниании. Уже затянулась рана на бедре, лишь слегка припадал еще на одну ногу Бакуриани.

— Жажду войны, царевич, походов и битв. Увы, сколь напрасен оказался наш кахетинский поход! Ты знаешь, сын Липарита, Рати, приходится мне родней. И все же от всего сердца желал бы я бросить под ноги Махаре головы Квирике и Рати — неплохо подошли бы они к козлобородой голове Мухаммеда-Аттавиля!

Царевич улыбнулся.

— О войне мечтаешь, Нианиа? Что ж, позвоюем!

В этот день, как только покончили с завтраком, выехали они на охоту с небольшой свитой, добрались до самой Куры и в сумерки вернулись с добычей.

Заметил Давид: застоялись за долгую зиму лошади.

Приказал царевич главному управителю на следующее утро призвать пахарей с тридцатью парами буйволов и быков.

Удивился старик: зачем царевичу пахари?

По опыту знал он, что с приездом Ниании всегда начинались развлечения — охота, рыбная ловля, состязания наездников. Родовались псары, доезжачие, кречетники, охотники, звероловы и рыболовы: всем хотелось развеселить тоскующего царевича.

Но и во сне задавал себе старый управитель все тот же вопрос: зачем царевичу буйволы и быки?

Наутро поднялся царевич с Нианией до света. Возле Бролосанского холма приглядели полосу длиною в три стады. Приказали поглубже вспахать полосу, не разбивая комьев, не трогая глыб.

Дивились во дворце затее царевича, шутили:

— Покорена уже крепость Вежини, пора перековать мечи на плуги!

Главный управитель доложил царице Елене:

— Это поле было назначено для конного ученья приснопамятным Багратом Куропалатом и повелителем нашим царем Георгием. К чему пахать его без нужды, мало ли целины вокруг замка?

— Возьми себе за правило, Сумбат, — ласково, как всегда, ответила царица, — никогда не судить о деле по его началу.

— Боюсь, как бы не разгневался царь Георгий, лишь потому и осмелился я потревожить вас докладом, да не постигнет нас ваша немилость! — сказал, смутясь, управитель.

Когда поле было перепахано, Давид и Нианиа велели привести лошадей. Вскочив в седла — Давид на Турка, Нианиа на Пегую, — пустили они своих скакунов по пашне. За ними понеслось вскачь пятьсот наездников. Многие из всадников попадали с лошадей. Давид подходил к неудачникам и учил их править конем, скача по изрытой почве.

После ученья отпустили людей на отдых. Ушедших сменили новые всадники.

И опять скакал на Турке царевич, теперь уже пока-

зывая, как метать копьё и дрот, как вязать конного врага, накидывая на него аркан, как отклоняться в седле, чтобы спастись от удара мечом.

На другой день приказал царевич вызвать полсотни плотников.

— Зачем ему плотники, хотел бы я знать? — ворчал Сумбат; не нравились управителю затеи царевича.

Царевич вычертил перед плотниками башню, похожую на Чорчану, со столькими же бойницами и смотровыми окнами.

Башню велено было поставить на колеса. И размеры башни обозначил царевич — высота ее должна была равняться высоте Чорчаны. Когда построили плотники башню, царевич посадил в нее лучников и копыеносцев, а других поместил в Чорчане и устроил между обоими отрядами примерное сражение.

Когда разгорелась битва, два десятка нападающих, прикрываясь щитами, подкатили деревянную башню вплотную к Чорчане. Из деревянной башни выскочили воины и, карабкаясь друг другу на плечи, взяли приступом башню Чорчана.

Глядя на царевича, радовалась царица Елена.

— А какую же крепость вы собираетесь брать? — спросила юношей царица.

— К тбилисской твердыне стремимся мы, государыня, — ответил с улыбкой Нианиа.

— Баграт Куропалат, да будет вечна его память, истощил свою силу под Тбилиси... Дважды брал он твердыню, но не смог утвердить ее за собой. Помогите вам господь, дети мои, помогите вам господь!

— Я не успокоюсь, пока не назову Тбилиси нашим! И знайте, матушка, если бы даже тремя жизнями наградили вы меня, все три отдал бы я ради этой цели, — сказал царевич матери и добавил, как говаривал когда-то ребенком: — Мама, я хочу есть!

Но обед запаздывал: Лаклака, горничная Русудан, забыла приготовить белила и румяна для своей госпожи; подолгу сидела перед зеркалом Русудан.

Таойские азнауры украдкой поглядывали на набеленную и нарумяненную Русудан. Даже густой слой краски не мог скрыть темные пятна, оставшиеся от выбритых волос возле бровей и на щеках.

Глядели азнауры на Русудан и жалели прекрасного царевича.

Едва пригубил чашу царевич, как ворвался в палату взволнованный Махара и крикнул:

— Куджай при смерти!

Царевич поспешно поднялся, за ним вскочили и гости.

— Кто такой Куджай? — спросил Моркневели, один из азнауров.

— Это лошадь покойного Баграта Куропалата, — пояснила ему царица Елена.

Царевич, Нианиа и азнаур Моркневели, покинув стол, пошли в конюшню.

Двух коней держал царевич в одном стойле: Турка, своего жеребца, и дедовского Куджая, которого седлали ему только для охоты. Раза два ездил он на этом коне до самой Авчалы, недавно даже рану получил Куджай в стычке с бродячей шайкой сельджуков.

Тяжелая картина предстала взору царевича. В стойле, на земляном полу, лежала издыхающая лошадь. Земля вокруг нее была изрыта копытами. Лошадь то стонала по-человечьи, то издавала тонкое жалобное ржанье, билась, точно в оковах, раздувая ноздри, поднималась на передние ноги, загребала копытами землю и, не одолев тяжести своего тела, снова падала с ржаньем, билась о землю головой. Трепетало в предсмертных судорогах огромное тело, на губах клубилась пена, жилы вздулись под кожей.

— Куджай! — ласково позвал царевич.

Лошадь узнала голос хозяина, подняла голову, взглянула расширенными глазами на него, словно молила о помощи. И опять попыталась подняться, но подкосились задние ноги, и вот снова повалилась она, стала колотиться головой о землю, словно сетовала о дне своего рождения.

Моркневели вгляделся в конское тело, раздутое, как мех, подступившей смертью; пестрели шрамами шея, живот, хребет и бока.

Безмолвно, с тяжелым сердцем глядел царевич, как ожесточенно боролся со смертью боевой конь его деда, Баграта IV.

Не выдержали зрелища даже храбрые воины.

Поднявшись в замок, не пожелал царевич вернуться к столу. Не прикоснулись к мясу ни Нианиа, ни азнаур Моркневели.

Царевич бродил по замку, но куда бы ни ступала нога, всюду слышался голос умирающего Куджая; поднялся он на башню Чорчана, но и сюда доносилось лошадиное ржанье.

Был взволнован и старый Махара, хотя не раз видел он, как гибнут кони во время битвы.

— В битве у Манцикерта убили подо мною лошадь. Ног из стремени не успел вытащить, как уже издох мой конь. Но такого страшного ржання я не слышал никогда! — говорил Махара.

— Сколько лет Куджаю? — спросил Моркневели.

— Не меньше тридцати.

— А давно он заболел?

— После вежинского похода обессилел Куджай. Конюхи привели его под узды домой. И вот уже третий день борется он со смертью, но сегодня заржал впервые.

Вечером снова пошли все в конюшню — проведать коня.

В стойле было уже темно.

Царевич заглянул внутрь и позвал: «Куджай!»

В ответ послышалось ржанье.

Еще два шага ступил царевич и увидел: на полу лежал, вытянувшись во всю длину, мертвый конь; белая пена еще стекала с его губ на землю.

И снова послышалось ржанье, — но это ржал не Куджай, а Турок. Опечаленный, вышел царевич из конюшни и приказал главному конюшему:

— Отныне называть моего жеребца не Турком, а Куджаем!

НАДЕЖДА ТРОИХ

Давид и Нианиа отправились с воинами в горы Ломиси. Под вечер, когда на обратном пути они подходили к замку, у первой башни встретила царевича мать.

Расцеловала его и сказала:

— Радуйся, сын мой!

— Что случилось, матушка?

— Прибыл скороход из Гегути, — ответила царица Елена и вручила царевичу свиток.

Не спеша пробежал его глазами Давид.

Со дня на день ожидают в Хупте императрицу Мариам. Пусть приезжает скорее царевич вместе с семьей, — гласило послание, подписанное Георгием Чкондидели.

Радовалась царица Елена, вспомнила последнюю зиму,

те уже миновавшие печальные вечера, когда царевич и Русудан, словно связанные обетом молчания, не находили друг для друга ни единого слова.

Давид возвратил матери свиток, сказал:

— А выдержит ли царица Русудан поездку верхом на лошади?

— Добраться до Гегути не так уж трудно. В ту пору, когда носила я тебя во чреве, отец твой воевал в Самшвилде с сельджуками. Однажды ночью прискакали в Уплисцихе архиепископы урбнисский и бедийский, разбудили меня, посадили на лошадь... Зима была, снег лежал по колено. Небольшой отряд охранял наш поезд. Мела пурга, закидывала нас снегом. Дорогу сторожили дозоры сельджуков... Отбиваясь от врагов, мы прокладывали себе путь, скакали во весь опор до самого Цагвлистави.

— Это только ты, матушка, была так вынослива и терпелива.

Но и тут нашло выход мудрое материнское сердце:

— Ну, что же, мы с Русудан сядем в карету, а ты со свитой поедешь верхом.

Замолчал царевич — были отрезаны все пути к отступлению.

В золоченой карете разместились обе царицы, горничная Русудан, Лаклака, и урбнисский архиепископ.

Царевич, Нианиа и Махара, со свитой из карталинских и таоских азнауров, сопровождали их верхом.

От Чератхеви шла к перевалу Ломиси проселочная дорога. В деревнях цвели сливы. Сытые лошади легко брали подъемы. На зеленеющих склонах паслись белоснежные овечьи отары.

Когда в селах узнавали о приближении царского поезда, весь народ от мала до велика высыпал из домов и устилал путь царевича цветами и ветками вербы.

Царица Елена поминутно развязывала свои кошельки и раздавала милостыню вдовам и сиротам.

Искусственные локоны украшали еще молодое прекрасное лицо царицы Елены. Женщины шептались: «Это она — супруга царевича»; другие рассматривали Лаклаку, пышную, высокогрудую красавицу-армянку, прислужницу Русудан, и принимали горничную за госпожу.

Старая женщина, которую щедро одарила царица Елена, отблагодарила со слезами на глазах царицу, потом поцеловала стопы Лаклаке, приговаривая:

— Пусть дарует господь долгую жизнь супруге царевича!

Кровь отлила от лица Русудан, готова была провалиться сквозь землю молодая царица.

Царевич слышал слова старухи, но, притворившись, будто ничего не заметил, повернулся к Ниании, сказал ему:

— Благодарение господу, хоть в этом крае довелось нам увидеть пахаря на борозде!

И в самом деле, до десятка воловьих запряжек виднелось в полях, с песнею шли за плугами пахари.

Снова тронулась в путь карета, и горько вздохнула Русудан.

— Что с тобою, дочь моя? — спросила ее Елена.

— Воистину, лучше бы мне не родиться на свет, государыня. Несчастливая мать моя умерла в родовых муках. Желала бы я, чтобы и мне даровал господь такую судьбу, — шепнула Русудан.

— Не гневи бога, дочь моя; счастьем воздаст он тебе за страдания.

При воспоминании о матери слезы навернулись на глаза Русудан; заплакала и царица Елена, закрыв лицо вуалью.

Догадавшись, что ее слезы заметил архиепископ, сказала царица, что она прослезилась от ветра...

С нетерпением ожидали все трое — царица Елена, царевич и Русудан — встречи с императрицей Мариам.

С детства любил царевич свою божественно прекрасную тетку. Ясно помнился ему легкий аромат мускуса, что струился от ее шитого золотом сакко, тарбеи и лоори, украшенных драгоценными камнями.

Сам Давид был одет просто, и панцирь был на нем походный, так что крестьяне не узнавали его в толпе рыцарей. Одни принимали за царевича Нианию, другие — артануджийского азнаура Моркневели. В деревнях, на пути, спрашивали друг друга крестьяне:

— Который из рыцарей царевич Давид?

Взмыленные кони неслись вперед по каменистым дорогам.

Понятно было царевичу, почему столь почтительно отзывался об императрице Мариам эристав Липарит: это она десять лет тому назад в шутку назвала Дедисимеди «прекрасноокой нареченной царевича».

Но не одна лишь красота Дедисимеди обольщала Мариам. Она видела: не было конца вражде между домами Багратионов и Багуаш-Орбелиани. Неоднократно вмешива-

лись в эту вражду византийские кесари, но всегда старались использовать ее для собственной выгоды: то поддерживали эристава, но больше склонялись на сторону Багуаш-Орбелиани, ибо Баграт IV Куропалат, хотя и воспитан был в Византии, но ожесточенно боролся против империи, стремясь утвердить за грузинским скипетром фему Басиани, вотчину Давида Куропалата.

Не раз вмешивалась в эту незатихающую борьбу императрица Мариам, не раз примиряла она враждующих, но уезжала императрица в Константинополь, и снова вспыхивала вражда. Под конец к такому решению пришла Мариам: чего не могли достичь императоры, того, быть может, удастся достигнуть любви.

А потому зачатила Мариам в Триалетское эриставство, брала с собою отрока-царевича, успокаивала Липарита и Катуту, возила подарки в Липаритис-убани, сулила эриставу титул себаста, поставив ему условием, чтобы он породнился с Багратионами.

Кое-как удалось ей уговорить и брата своего Георгия II, но тогда подняли головы высокородные азнауры Абхазии, Сванети, Мегрелии, Джавахети и Тао-Кларджети. Воспротивились и старейшины, говорили царю: издревле были мы врагами Багуаш-Орбелиани, породниться с ними — все равно, что ввести предателя в крепость.

Иное тайно замышляли в сердце своем знатнейшие азнауры Квабулидзе, Варданисдзе, Кахаберисдзе и Абазаисдзе; ни один из них не считал свой род ниже рода Орбелиани, и у каждого из них была дочка на выданье.

А потом разразился в Византии дворцовый переворот, и когда императрица Мариам поспешно отправилась в Константинополь, улучили время епископы и азнауры, заставили царя Георгия привести в супруги царевичу Русудан, родственницу армянского царя.

Новые надежды родились в душе царевича на пути в Гегути. Пуше всего тревожил его вопрос о разводе, но велико было влияние Мариам на обоих католиков Восточной и Западной Грузии, и архиепископы смотрели ей в руки. Немало злата послала она первосвященникам бедийскому, кутаисскому, урбнисскому и манглисскому на украшение храмов.

Иначе думали Елена и Русудан.

«Императрица Мариам — женщина высокой добродетели, — думали они, — советы ее направят юного царевича по доброму пути».

Только злополучный Махара не радовался встрече со своей сводной сестрой. Ненавистно было ему все, что напоминало «этот проклятый Константинополь» (так называл его старик), город, где надругались над ним и где кончились счастливые дни его юности.

Рыцарем, ищущим приключений и удовольствий, приехал он в Константинополь, и та же императрица Мариам отослала его обратно несчастным скопцом, потерпевшим столь бесчеловечное наказание за ту самую страсть, которая доставляла зачастую титулы себаста или магистра другим любовникам жен императоров, domestikов и логофетов.

Притчею во языцех стала история последней любви Махары, и даже шутили в Гегутском дворце, будто и у матери нового императора, Анны Далассины, побывал в любовниках брат царя Георгия.

Странно было, что император Алексей Комнен и в самом деле походил на Махару; так же, как Махара, не мог Алексей произнести чисто букву «р», так же был он светлоглаз, невелик ростом, долгорук, и такая же плоская была у него спина.

И добавляли злые языки: не отошли Махару на родину императрица Мариам, Алексей Комнен и брат его Исаак выбросили бы скопца в море из окна дворца Буколеон.

ГЕГУТИ

Нет, не именем Зевса клянусь я
тебе, Агелай,
А страданьем отца моего...

Гомер.

Царица Елена ужаснулась. Волчата и медвежата, переваливаясь, разгуливали вверх и вниз по лестницам Гегутского дворца. Ковры, сиденья, циновки и шитые золотом подушки кресел были покрыты собачьей шерстью. В палатах пахло зверями и псиной.

Перед дверью царской опочивальни преградил царице дорогу начальник слуг:

— Никого не велел пускать к себе царь Георгий, государыня.

Нахмутив брови, взглянула царица на него, подумала: «Не сошел ли с ума старик?» — и сама открыла дверь.

Лицом кверху, с распахнутым воротом лежал Георгий II на тигровой шкуре, издавая странное хрипение. Пот катился с меченного шрамами лба, лицо было страдальческое, больше стало морщинок вокруг глаз.

Свечи в золотом подсвечнике чадили у изголовья царского ложа. Озаренный мерцающим светом, Георгий скорее походил на покойника, нежели на спящего.

Неприятный запах сала, горелого фитиля наполнял опочивальню. На полу валялся выпавший из рук царя молитвенник. С подушки свешивалась изуродованная десница Георгия; три пальца от нее остались на поле битвы в Парцхиси, большой палец был пригнут к ладони и лишь указательный устремлялся в пространство, как бы указывая на что-то.

Заслышав шаги, Георгий открыл глаза, моргнул два-три раза светлыми ресницами, пробормотал что-то недовольным голосом и повернулся лицом к стене.

Опечаленная отошла от его ложа царица Елена.

— Где же Чкондидели, Анфимоз? — спросила она постельничего монаха.

— Небывалое наводнение постигло этой весной окрестности Риони. Более шестидесяти селений затопила вода. Позавчера утром отправились туда Георгий Чкондидели с главным мандатуром. До сих пор нет от них вестей.

Едва успел монах окончить свой доклад, как разразилась неистовая гроза. Крупный град, величиной с голубиное яйцо, обрушился на дворцовый сад, где плодовые деревья только что оделись листвою. Загремел гром, молнии, словно клинки, рассекали собравшиеся над аджарскими горами ярусы туч.

Подняли гам собаки на пасрне и звери в охотничьих загонах. Волчата сидели у замкнутых дверей, повизгивая столь жалобно, что сердце царевича содрогнулось.

Нианиа улыбнулся, сказал царевичу:

— Однажды застигла меня гроза на вершине горы Гвиргвина. Я завыл, подманивая волков. Прибежали десятка два волчат, обступили меня с плачем, столь жалостным, что слезы навернулись мне на глаза. Странно причитают волки!

Сверкнуло в тучах, и вновь загрохотал гром. Ручной медведь, устрешенный молнией, взбирался по лестнице. Перепугались столпившиеся в проходе мандатуры, расступились перед взъерошенным зверем. Медведь толкнулся в дверь цар-

ской опочивальни, открыл ее мордой и ворвался к спящему царю.

— Вот единственный эристав, который входит к царю без доклада, — рассмеялся Махара.

В этот миг доложили царевичу, что сотня всадников-сванов подъехала ко дворцу. Это пожаловали в гости сванский эристав Вешаг и его азнауры.

Царевич знал, что уже давно велись переговоры между Чкондидели и сванским эриставом. Отступнические замыслы Липарита убедили Чкондидели: нужно прочнее укрепить связи с азнаурами Западной Грузии, а потому через архиепископа кутаисского послал он Вешагу Варданисдзе приглашение посетить Гегути.

Вешаг ответил: пусть утвердит за ним царь Такверское эриставство.

Узнав об этом, пришел в ярость царь Георгий, разгневался на архиепископа: как осмелился тот произнести перед ним столь дерзкие слова?

И догадывался Давид: видно, не дождавшись согласия царя, решил на свой риск отправиться ко двору эристав Вешаг.

Вешаг Варданисдзе просил, чтобы его допустили пред очи царя Георгия. Царевич приказал начальнику слуг ввести эристава со свитой в гостиную и разбудить царя.

Изменился в лице старик придворный, оробел.

Давид заметил: были безмерно запуганы все приближенные царя. Нахмурившись, взглянул царевич на начальника слуг, и тот, боясь послушаться, направился в царскую опочивальню.

Лениво поднялся с ложа Георгий II, раскинул свои длинные руки, потянулся, протер глаза.

Узнав о приезде сванского эристава, сдвинул гневно мохнатые брови. Медведю обрадовался он больше, нежели гостям, поласкал зверя, сунул ему в пасть горсть изюма, почесал у него за ушами и велел встать на задние лапы.

Медведь вытянулся во весь рост и пошел, переваливаясь, за царем к дверям палаты. Георгий открыл двери и втокнул медведя в залу. Сам же притаился за створкой, наблюдая за поведением гостей.

В просторной палате царил полумрак. Услышав шаги и решив, что то приближается царь, вскочил с места эристав Вешаг.

При виде незнакомого человека медведь заревел, ударил передними лапами эристава в грудь по стальному панцирю.

Испуганный неожиданным нападением, Вешаг обнажил меч и ударил им плашмя ревушего зверя. Потом, разъяренный, выбежал из палаты. Гнев обуял и его азнауров. И, приказав немедленно седлать лошадей, не прощаясь, покинул дворец царя эристава Вешаг.

Напрасно удерживал гостей начальник слуг, умолял их от имени царицы и царевича остаться, ссылаясь на хмель, не выветрившийся у царя после вчерашнего пира, просил эристава не оскорбляться невинной шуткой.

Остался глух эристава к мольбам, и невзирая на ливень и град пустили сванские азнауры вскачь своих лошадей.

Царевич огорчился. Отказался обедать: не надеялся на себя, — боялся вызвать гнев отца несдержанным словом.

Видел Давид: черная тоска овладела царем.

И еще одну новость сообщил ему начальник слуг Феофан. К востоку от Аджамети раскинулся большой дубовый лес, рощей святого Георгия называли его крестьяне. В этом лесу был убит во время царской охоты убежавший из Аджамети кабан.

Кутаисский архиепископ посетил на прошлой неделе царя, первый визирь присутствовал на приеме.

Дерзко заявил царю архиепископ кутаисский: это — лес святого Георгия, не только охотиться в нем, но войти в него — великий грех.

Государь вспылil, схватил хрустальную чашу, но удержал его Чкондидели, прикрыл собою побледневшего архиепископа.

Пока Феофан рассказывал царевичу об этом происшествии, вошел в палату главный судья и, воздав Давиду почесть, доложил:

— По повелению Чкондидели привезли из Уплисхихе семерых триалетских азнауров, тех, что были схвачены мухатгвердцами прошлой осенью. Первый визирь изволил уехать, и я не знаю, что делать с пленниками — бросить ли их в темницу или переслать в Кутаиси?

Царевич обратился к Ниани за советом.

— Решай сам, — ответил Бакурнани.

Неудобным считал царевич решать государственные дела, не спросившись государя. Приказал доложить царю.

Затрепетал престарелый главный судья, заупрямился и начальник слуг, сказал:

— Государь приказал мне запереть двери опочивальни, сердился, что не дали ему выспаться утром. И постельничему приказал не будить его ни в каком случае.

Оставался единственный путь: царевич велел позвать Махару. Все знали: когда не в духе государь, один Махара мог войти к нему без страха.

Глубокую нежность питали друг к другу царь Георгий и его сводный брат. Лишь на одного Махару никогда не гневался государь.

Чувствовал и Махара: во всем дворце только царь да царевич уважали в нем человеческое достоинство.

Махара был занят надзором за починкой рыболовных сетей. Забормотал угрюмо:

— Время ли идти к царю, когда чинятся сети? Завтра нужно везти царевича и Нианию на рыбную ловлю.

Тогда попросили его снова, от имени царевича Давида.

Как только вступил Махара в опочивальню, Георгий поднялся с ложа, расцеловал его, спросил, почему не показался ему на глаза, как приехал, почему не обедал с ним за одним столом?

— Рыболовы разодрали сети, и я следил за починкой, — отвечал Махара, — а еще я осматривал твоих охотничьих зверей и псарню.

Похвалил исфаганских борзых, одобрил серну, привезенную из Колхиды, сказал, что пора перевести их в сад — уже начали слезиться у них глаза, — предложил обрезать уши собакам, натасканным для травли кабанов.

Обрадовался разговору о своих любимцах царь Георгий.

— Завтра едем на охоту. Ты, конечно, с нами? — спросил он брата.

— Сперва есть у меня к тебе небольшое дельце, — ответил Махара и мигнул постельничему. Оставшись наедине с царем, сказал:

— Прибыли азнауры, которых ты велел привезти из Уплисхихе; главный судья не знает, как с ними быть, что ты намерен делать с этими азнаурами?

— Какие азнауры? — спросил царь Георгий, подняв мохнатые брови.

— Те, что взяты в плен мухатгвердцами, — ответил Махара.

— Эх, Махара, надоели мне человеческие дела, ныне занят я только делами зверей. Поступайте с азнаурами-бездельниками, как будет угодно царевичу и тебе.

Махара заметил, что обижен Георгий на царевича Давида.

— А хотите, ведите этих азнауров сюда, я дам им занятие: тут у нас в хлеву заперты два медвежонка; сколько ни трудились мы с ловчим, никак не могли научить их ходить на задних лапах. Может быть, азнаурам удастся добиться толку. Намучался я с людьми, Махара, не мог научить их ходить по-человечьи, теперь хочу хоть зверям привить людские повадки.

Когда Махара передал царевичу эти слова, Давид помрачнел и только тихо сказал Ниани:

— Бедный отец!..

Царевич приказал главному судье бросить пленных азнауров в темницу и выводить поодиночке на допрос.

Но по-прежнему упорно молчали узники. Били кнутом азнауров, дали по двадцати ударов каждому. По всему двору разносились их вопли. Попросили они, чтобы сняли с них оковы, обещали рассказать все без утайки. Когда расковали азнауров, они признались.

Все они — из Триалетского эриставства, липаритовы ставленники. Сначала намерение их было подстеречь где-нибудь в лесу, в Триалети, царевича и Чкондидели, едущих к Липариту в Клдекарский замок. Но потом посоветовался Липарит с амиром тбилисским, план этот был признан неудачным, и эристав послал азнауров к амиру Бану-Джаффару; с полутора тысячами лучников должны были они спрятаться около крепости Каспи и убить царевича с первым визирем из засады. Но к мухатгвердским войскам пристали крестьяне, вышедшие из тайников. Они поразили стрелами азнаурских коней и схватили семерых заговорщиков вместе с шестьюдесятью сельджуками.

Тогда приказал царевич: спросить о возрасте азнауров и дать каждому столько ударов кнутом, сколько ему лет.

И, наложив опять на всех семерых оковы, бросили азнауров в темницу, чтобы они дожидались там возвращения Чкондидели.

ВОСПОМИНАНИЯ В СУМЕРКАХ

К вечеру того дня кончилась непогода, снова улыбнулась нежная природа Имерети. На небе, с западной стороны, виделось одно-единственное облако, подобное огромной госпожине длани с протянутым указующим перстом.

На аджарских горах рука невидимого, художника трепала и рассеивала кудели тумана; солнце вперило свой ласковый взор в примятые градом цветы и листья; в саду белели цветущие черешневые деревья...

У царевича, вышедшего без шапки, болела голова. Одуряющий запах кориандра, яблоневых и черешневых цветов наполнял воздух. Набухшие почки лоз, обвинившихся вокруг высоких кленов, улыбались, но цветы не решались выглянуть из своих тайников.

Царевич свернул направо, пошел по тропинке, что вела к липам.

Не помнил он, чтобы когда-нибудь столько неприятных известий сразу встретило его в Гегути.

С какой радостью стремился он сюда, когда был ребенком! Накануне отъезда не мог сомкнуть глаз от волнения, потому что знал заранее: каждый человек во дворце постареется его чем-нибудь порадовать.

Начальник царской охоты берег для него пойманных оленьих детенышей, главный смотритель табунов растил для него жеребят, Махара со своими кречетниками и сокольничими держал для него в клетках молодых голубей, совиных птенцов и орлят, рыболовы разводили в садках и прудах рыбу тысячи пород, — и все это ждало царевича. И отрок-царевич хорошо знал: в Гегути найдет он свои силки и западни, удочки и ловушки, сети и верши.

Благодаря Махаре не взаперти, как все царевичи, а на воле рос Давид. Георгий Чкондидели строго воспитывал царевича, но Махара всегда умел поставить на своем, — в рионских прибрежных лесах и зарослях, вместе с детьми простолюдинов, босоногий, шлепал по лужам отрок-царевич, вместе с ними удил рыбу, залезал рукой в рачьи норы, знал хорошо, где прячутся лисица и хорек, где гнездятся коршуны или вороны, ходил в поле бить палкой перепелов.

И вот снова предстал глазам Давида все тот же старый дворец, все те же придворные и слуги; на прежних местах стояли ореховые и черешневые деревья, вздымались все те

же дуплистые старые липы, густолиственные и узловатые. Цвела вокруг природа, приятно гудели пчелы. Все было, как встарь, только прежняя радость исчезла куда-то, потому что сам он был уже другим.

Здесь был круг, в котором играла волной нетленная радость его детства. Здесь, в этих местах, бегал он босиком по росистым лугам, под этими ореховыми деревьями мечтал он, улегшись навзничь на траве. Вон виднеются любимые его персиковые и инжирные деревья. Сладость их плодов еще осталась на его устах.

Вот здесь, в этой чаще, где режутся теперь молодые олени царя Георгия, бегал и он когда-то, а за ним спешил Махара с огромным посохом в руке.

— Туда не ходи — там шакал в кустах; берегись этой ямы — в ней живут уродцы, в той дубовой роще — каджи, а под той горой — дэвы-великаны. В Риони живут водяные — драконы, что заплыли сюда из Черного моря. Они сразу проглотят непослушного мальчика, и что же тогда будет с бедной матушкой?

И верил мальчик всякому слову Махары, боялся волков, драконов, темноты и привидений. А теперь ничто больше не страшит царевича, вот только не может он преодолеть тоску, овладевшую им в Триалети.

Присел Давид под липой, на срубленном стволе гигантского красного дерева. Как будто совсем недавно сидел он здесь в последний раз, еще отроком. Здесь перед ним вознесил Махара хвалу месяцам.

— Миракани — воин, он ходит в пестрой кольчуге, носит на поясе рог и говорит...

Начнет Махара и замолчит, чтобы испытать дитя, выяснить, любознательно ли оно.

— Что же говорит Миракани, дядя Махара?

— А я ведь вчера рассказал тебе; или ты уже забыл?

— Скажи еще раз, скажи! — умоляет царевич.

— Говорит Миракани: «Я — рыцарь, одетый в броню, я поверг зиму и освободил землю от ледяного панциря, и теперь трублю в рог, призывая лето».

— А Игрика? — спрашивает мальчик.

— Игрика — пастух, в руках у него свирель, он играет сладостные песни и пасет по пригоркам белых ягнят.

— А Вардобиса — месяц роз?

— Вардобиса — дева в уборе из цветов.

— Мариали?

— Мариали — косарь. Венец из колосьев носит он на голове.

И радостно замирает царевич, потому что уже без просьбы продолжает Махара хвалу месяцам.

— Квелтобиса — месяц урожая — огородник с мешком пахучих дынь за спиной. Ахалцлиса — новогодний месяц — садовник с ношею персиков, груш и яблок. Ствлиса — месяц сбора винограда — виноградарь со связкою спелых гроздей на плече. Тирискони — мельник; он ходит, стеною, согнувшись под тяжестью кулей, наполненных мукою.

Говорит Махара и сгибается, словно это он несет мучные кули на спине.

— Тирисдени?

— Тирисдени — старик. Он льнет к огню.

— Апани?

— Апани — охотник, белый кречет сидит у него на шуйце, белые борзые бегут впереди — травят борзые белую лань. Сурицхуниси, конечно, — пахарь; он идет за плугом, поет «Оровелу» и покрикивает на быков.

— А теперь скажи мне, дядя, водится ли взаправду где-нибудь белая лань?

— Нет, только в сказке бывает она.

Когда спускалась ночь, они глядели оба в звездное небо, и рассказывал царевичу Махара, какие месяцы подчинены каким знакам зодиака: Овну, Деве, Скорпиону, Весам.

Радостно заржал на привязи Куджай, увидев своего господина; царевич вздрогнул, очнулся от дум, поглядел на коня ласково и повернул в плодовый сад.

Тихий ветерок веял с запада. Словно хлопья снега, реяли в воздухе лепестки черешни и сливы, цветочная метель убелила идущего по аллеям царевича, осеребрила каштановые его кудри.

Женщины, работавшие на огороде, не могли удержать улыбку, говорили:

— Поседел наш царевич!

В Гегутском дворце Махара впервые выучил азбуке царевича и впервые показал ему герб Багратионов: два льва, осененных короной, встали на задние лапы, а в передних держат христов хитон. Над головами львов скрещенные — скипетр, меч, арфа и праща.

И рассказал изумленному отроку Махара: потомком

семьдесят восьмого поколения приходится царевич псалмопевцу и пращнику царю Давиду.

Погруженный в мечты, идет царевич по тропам, тысячи раз искоженным в детстве. Сад обнесен высокой оградой, по ту сторону ограды — посевы, огороженные плетнем, а за ними — широкое поле. Там и поныне стоит рассеченный молнией дуб. Под этим дубом сживал царевич на коленях Махары.

Всадники царя Георгия упражнялись в поле. Один отряд раскинул свой лагерь с восточной стороны, на опушке дубняка, другой — с запада, возле кленовой рощи.

Старик рассказал отроку о том, как царь Баграт IV победил гянджинского амира Фадлона, как бежавший Фадлон был схвачен каким-то крестьянином, посажен на осла и привезен пленником к царю кахетинскому Ахсартану.

— Простофиля этот крестьянин, — говорит царевич.

— Вот и я так думаю. Надо было привезти пленника к Баграту Куропалату.

Радуют юного царевича рассказы о походах Баграта Куропалата.

И Махара рассказывает о том, как осаждал Баграт Тбилиси: «Поставил катапульти и сражался в Исани, меч стрельы из лука», или как в осажденном Тбилиси литра ослиного мяса стоила пятьсот драхм.

Никогда не надоедали царевичу рассказы об осадах крепостей, штурмах башен, казнях на кресте и на колу, ослеплении изменников.

И видит он: двинулись от дубняка и от кленовой рощи всадники, сошлись в поле, подняли копья и вот-вот готовы схватиться, точь-в-точь, как когда-то полки Баграта Куропалата с альф-арслановым войском в сражении при Ахалкалаки.

Затрепетал царевич, нахмурился, слезами налились глаза.

— Не бойся, сынок, — говорит ему старик.

Улыбается мальчик, видит, хоть и метнули копья всадники, но никто не убит и не ранен. И снова расходятся отряды: один возвращается к дубняку, другой спешит к кленовой роще.

Удивился отрок: своими глазами видел он, как поражали друг друга копьями всадники, а ведь никто не убит и не ранен, только двое свалились с коней, да и те проворно вскочили обратно в седла, примкнули к своим.

Ведомо ему, что всадники одеты в кольчуги, но знает он, что пробивает и кольчугу хорошо направленное копьё.

Разве не случалось деду его Баграту или отцу Георгию разрубать воина-сельджука вместе с броней и кольчугой? Об этом рассказывал ему Махара.

«Здесь какая-то хитрость», — думает царевич и снова вглядывается в сражающихся всадников. И замечает Махара: любопытство овладело царевичем. Но старик молчит, сдерживая улыбку.

— А у воинов в руках копьё? — спрашивает Давид.

— Копьё. Разве тебе не видно отсюда?

Махара встает, открывает плетеную дверь в заборе, ведет Давида к дубовой роще.

И говорит начальнику сотни:

— Царевич не может понять, взаправду ли бьются воины, настоящие ли у них копьё?

Улыбается сотник. Берет копьё у одного из воинов.

— Видишь ли, царевич, перед началом битвы мы снимаем с копий стальные наконечники. А деревянное острие не может ранить воина, закованного в броню.

И сотник отделяет острие от копьё.

Засмеялся обрадованный царевич.

Так волновался некогда, в детстве, Давид даже при виде воинских игрищ. А в Рустави, всего лишь пять месяцев тому назад, сам поражал копьём воинов и коней, шел впереди войска, звал за собою людей, подстрекал их к убийству. Своими глазами видел на другой день: вороньи стаи усеяли болота, стервятники клевали трупы убитых, волки и шакалы влачили по грязи человечьи внутренности, крысы пили смешавшуюся с болотной водой кровь, — но и тени жалости не ощутил он в душе.

В детстве, когда умирал у него соенок или пленец скворца, плачем оглашал царевич весь дворец; а сегодня он слышал, как вопили под кнутом триалетские азнауры, и не дрогнуло сердце.

И глядит царевич на разбитый молнией дуб, оглядывается назад, на протекшие годы, и удивляется, как длинен путь от этого дуба до Руставской крепости!

Вечерний туман поднимался над Рионской долиной; одинокая звезда блестела в небе, на западе сумерки понемногу окутывали прекрасные вершины аджарских гор, с башен Гегутского замка доносились звуки трубы.

ЧЕРНОКНИЖНИКИ

Пока не увижу своими глазами —
не поверю.

Баграт IV.

В страстной четверг произошло землетрясение.

Протодиакон на амвоне выронил из рук евангелие, присланное из Иерусалима матерью Баграта IV. Книга, заключенная в окованный золотом переплет, упала на пол, распалась надвое.

Тревожные перешептывания и разговоры вызвало это происшествие в Кутаиси и в Гегути.

На тысячу ладов толковали его попы и монахи. Одни говорили: о надвигающемся раздоре между отцом и сыном вещает это знамение; возложит на себя царский венец царевич Давид, отторгнет Тао и Картли от отцовских владений. Другие полагали: объявит себя грузинским царем эристав Липарит и в день пасхи будет помазан в Мцхета.

Царь Георгий был суеверен. Испугался он, вспомнив ссору с архиепископом кутаисским, — уж не проклял ли царя рассерженный архипастырь?

Странные слухи ползли в этот год по Грузии и по Византии. Тысячами бродили по дорогам предсказатели, ведуны и монахи, шептали: потоп, что назначен был богом на тысячный год, перенесен на тысячу сотый. С быстротою молнии облетели монастыри и приходы Грузинского царства вести, привезенные монахом Козманом из Византии. Какой-то греческий инок в Константинополе поклоняется псу, как богу; мать Алексея Комнена, Анна Далассина, примкнула к этой «собачьей секте».

Победа над половцами была обещана грекам наперед предсказателем-цыганом. Монах Козман привез в Триалети черную книгу, озаглавленную: «Знамения господни во образе землетрясений».

В страстную пятницу остановился в роще, вблизи Гегути, малый табор, душ в сто, кочевого племени, имя которого «Ацинганы» пришло вместе с ним из Византии.

Племя это вышло из Индии, появилось сначала в египетских землях и там разделилось надвое: одна часть перекочевала в Иран, постояла с год около Исфагана, потом поднялась вдоль побережья Каспийского моря и проникла в Кахети.

Другая часть, двигаясь из Константинополя через Тао-Кларджети, достигла в конце концов Гегути.

Те, кто кочевали по Кахети, не восприняли в Иране фарсидского языка, речи их не разумел никто. Те, что попали в Имерети, говорили по-гречески.

Были цыгане черны лицом, отпускали неимоверно длинные ногти. Дрожью и изумлением наполнял суеверных людей их облик. Одни принимали их за дьяволов, другие говорили, что цыгане хотя и люди, но пришли с рубежа Царства тений, путь их лежал через преисподнюю, и там опалили они себе бороды и волосы адским огнем.

Махара видел цыган не раз — в Багдаде, в Константинополе, в дунайских землях и подтверждал: цыгане — люди и вреда не могут принести никакого; занимаются они чернокопанием, а то и крадут, что подвернется.

И еще слышал Махара: когда осадили сарацины город Перангу, гадала одна цыганка начальнику крепости, велела привести двенадцать беременных женщин, метать между ними жребий и ту, на которую укажет судьба, бросить в кипящую воду, — в то же мгновение враг повернет вспять. По совету цыганки сварили беременную женщину в котле, но сарацины все же взяли город и истребили жителей.

С утра приставал Махара к царевичу и Ниани, тянул их на берег Риони, к цыганам, гадать о будущем.

Очень хотелось ему узнать, что скажут ведуны наследнику грузинского престола.

— А что они могут знать, твои цыгане? — спросил старика царевич.

— Они открыли «Сивиллины книги» для первого мужа императрицы Мариам, Михаила VII Дуки, и предсказали ему за два года, что свергнет его с престола Никифор Ботаниатес.

Улыбнулся царевич, ничего не ответил.

— Что ж, всякое бывает, мой Махара, — сказал Ниани. — Говорят, однажды поп отшвырнул от себя в сердцах ярмо, попал в зайца, бежавшего мимо, и убил его. Эти цыгане — большие пройдохи. Как только раскинут где-нибудь свой табор, тотчас расспросят в округе, кто чем жив, у кого какая печаль, — и давай гадать!

Все же хотелось и Ниани пойти к цыганам ради потехи, но не согласился царевич, и оба остались во дворце. А Махара уговорил двух монахов и отправился с ними.

С утра великое множество людей осаждало цыганский табор. Человек двадцать вооруженных цыган стояли у входа в шатер, все были одеты в пестрые лохмотья.

Лошади с ободранными спинами шипали на привязи траву.

Цыгане были черны лицом, белые зубы их сверкали, длинные ногти были выкрашены хною в красный цвет, казалось, только что вытащили они пальцы из крови.

Одни лишь мужчины умели говорить по-гречески, женщины и дети лопотали что-то на своем «ацинганском» языке, нагоняя пуший страх на тех, кто считал их приспешниками пещного.

Нетерпеливо волновались люди. «Начинайте!» — кричали цыганам по-грузински.

Цыгане не понимали, чего хотят от них. Вышел монах Укруай, повторил им по-гречески.

Тогда цыгане вытащили большие шесты, гладкие, как корабельные мачты, воткнули шесты в землю, а веревки, привязанные к верхним концам шестов, прикрепили к кольям, так что ни один из шестов не мог отклониться в сторону. Между шестами натянули канат.

Худошавый, крючконосый цыган с луком на плече взобрался по шесту, стал на канат, снял с плеча лук и закричал что-то по-цыгански. Из шатра вышла женщина, поставила себе на голову яйцо. Крючконосый метнул стрелу, разнес яйцо в куски. Потом обвил ногами канат, кружился, стрелял из лука в разные стороны, кричал, хохотал без устали.

Другой пустил вскачь коня, погнался за ним с хлыстом, ухватился за хвост и вскочил коню на спину.

Третий цыган поставил себе на голову копьё длиною в десять локтей с привязанной к острию бечевою. Мальчонка лет семи ухватился за бечеву, полз, старался что было силы и добрался до вершины копьё.

Полунагие, с оголенными сосцами цыганки сидели перед шатрами, объясняясь знаками с женщинами, что толпились вокруг. Средства от суставной ломоты, от кишечной слабости, от корчей продавали цыганки женщинам, каждое снадобье — за одно яйцо. Вокруг беззубой, полуслепой старухи сидели бесплодные женщины. Тут же пылал огонь, кипели во множестве глиняные горшки с разными смесями, стоял лекарственный запах. В маленьких бочонках извивались сотни пиявок.

Ломая греческую речь, цыганка продавала женщинам

траву-волчанку, волчий помет, смешанный с диким медом, толченую змеиную кожу, лягушечьи внутренности.

Тут же поблизости женщина с наруганными щеками объясняла приметы, относящиеся к зуду. Старый монах служил толмачом.

— Зуд в пальце правой руки — к победе над врагом; зачесется пупок у женщины — значит, родится у нее сын; если тянет молодца поскрести локоть правой руки — добудет себе врага; а коли чешется подбородок у старухи — будет она веселиться.

Мужчинам, утратившим мужскую силу, давал советы старый цыган. Раздавал им семена нарцисса, советовал замесить в тесте лягушечью кровь с бычьей желчью, класть себя на уд.

Низенького роста цыган собирал в шанку яйца, лопотал по-гречески:

— Если схватишь вора или лазутчика и не добьешься от него признания, надобно истолочь язычки головастика, смешать их с заячьим пометом, дать проглотить преступнику — и тот мигом выложит все, что знает.

Улыбнулся Махара: подоспел бы вовремя цыган со своей наукой, не пришлось бы кричать под кнутом липаритовым азнаурам.

Чернобородый цыган с дочкой заставляли плясать облезлого медведя; ведро висело на поясе у цыгана, в ведре плескалась мутная вода. Девчонка плясала, била в бубен, звенела колокольцами, потом подбежала к медведю, выдернула у него оставшиеся на хребте шерстинки, кинула их в ведро, приговаривая какие-то заговоры, потом выбрала волоски из воды и раздала любопытным — повесить в ладанке на груди, как талисман.

Курчавый, толстогубый, с глазами навывкате цыган сидел, скрестив ноги, на земле. У его ног на песке была изображена громадная рука. Согнувши пальцы своей правой руки, он поднимал ее вверх. Сперва, выпрямляя указательный палец, говорил по-гречески юношам:

— Это Юпитер.

Потом показывал средний палец:

— Это Сатурн.

Безымянный палец назвал он Солнцем.

Мизинцу дал имя Меркурий.

Этого цыгана взял на заметку Махара. Кое-что и сам

разумел он в астрологии и теперь решил, улучив минуту, поговорить с цыганом наедине.

Как только вернулись от вечерни царевич и Нианиа, уединились они в своих покоях, собрались наутро в Кутаиси, хотели пораньше лечь спать.

Взмолился к другу детства Нианиа: как-нибудь избавить его завтра от встречи с архиепископом кутаисским. Не любил архипастырь Нианию Бакуриани. Не только зверей и птиц умел передразнивать Нианиа, — в точности мог он воспроизвести голос любого человека.

Вспомнилась друзьям потеха с ряжеными, что была устроена десять лет тому назад в Гегутском дворце. Большую тыкву обрезал тогда Нианиа, придал ей форму епископской митры, накрылся ризой, взял в руку евангелие и принялся расхаживать по дворцу, читая молитвы голосом кутаисского архиепископа. И как раз в это мгновение открыл преосвященный двери палаты.

— Какое кощунство! — вскричал разгневанный архиепископ, тотчас же пошел к царю Георгию и потребовал немедленного изгнания Нианиа Бакуриани, дабы не вселял он неверия в душу царевича.

Нианиа и сейчас, лежа на постели, напевал голосом кутаисского архиепископа:

— Святой боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас!

Смеялся царевич, вспоминая детство, и вдруг увидел, что к нему в покои вошел кто-то чернолицый, огромного роста.

Изумился царевич: каким образом, миновав стражу и мандатуров, проник незамеченным во дворец этот человек?

На чистом греческом языке заговорил непрощенный гость:

— Кошка — даже вооруженная катапультой — может ли причинить вред двум львам?

И, распростершись на полу, воздал обоим почеть, потом стал на колени, сказал:

— Из вас двоих один — царь, другой — его визирь. Прогляните мне правые руки, и по когтям я узнаю льва.

Улыбнулись оба. Для забавы протянули ладони. Незнакомец просил позвать людей со светильниками. Когда трое

слуг осветили покои, цыган погладил левой рукой ладони обоих, потом поклонился царевичу и произнес:

— Полихронион!

Улыбаясь, сказал царевичу Нианиа:

— Уж не цыган ли этот человек?

И по одному этому слову поняв смысл его речи, ответил незнакомец:

— Нет, господин, я не цыган. В Каире усыновил меня цыганский чернокнижник, и я остался в таборе. Сам же я — египтянин.

Затем он обратился к Давиду с хвалою, которую воздают кесарям, назвал его басилевсом и вновь смиренно просил протянуть обе ладони.

Долго рассматривал руки царевича курчавый арап, вглядывался в линии и бугры, бормотал что-то на непонятном языке, словно повторял молитву. Потом попросил придвинуть поближе свет. Над самой его головой стали люди со светильниками.

Еще и еще глядел он в ладони царевича и сказал Ниании:

— Правая ладонь возвещает долгую жизнь, а левая — изобилие и славу.

Оперся арап на одно колено, взял царевича правой рукой за запястье, а шершавой левой рукой погладил нежно его ладонь, вперился в нее взглядом и наконец сказал:

— Жизненные знаки могучи, головные тверды, сердечные... — поколебался арап и пробормотал как бы нехотя: — шатки, линия счастья, — опять умолк ненадолго и снова пробормотал: — предвещает опасности. И то сказать: иного наследника счастливая звезда возводит на готовый престол славы и величия, еще предками воздвигнута ему опора, тебе же, о басилевс, предстоит закалиться в пламени невзгод, ты — та сталь, которой сарацины придают крепость на морозе, тебе, возросшему в бурях, не страшны треволнения мира сего. Многочисленнее морского песка твои враги, о басилевс, они долгоруки и черноволосы, только у одного из них медные волосы и борода: замки его неприступны, они отмыкаются единственным ключом, и ключ этот хранит прекраснейшая из дев. Если сумеешь склонить к себе сердце девы, то и замки покорятся тебе без сопротивления.

Всматриваясь в ладонь, долго молчал таинственный гость. Потом, подняв голову, сказал:

— Вот опасная линия, — и опять, взглянув на Нианию, обратился к нему. — Стрела и клинок врага бессильны против царя; только женщины и коня должен он остерегаться, в них таится опасность.

— А что говорят брачные линии? — спросил Нианиа.

— Женитьба — темна. И здесь тоже таится опасности.

Отнял руку от прорицателя Давид, сказал Ниании с улыбкой:

— Мне скорее по душе слова моего деда: «Пока не увижу своими глазами, — не поверю».

Чернокнижник встал, пожелал хозяину доброй ночи, пятясь, добрался до дверей и неслышно исчез.

Уход его был столь же внезапен, как появление, даже не успел одарить его царевич. Пошел было Давид вдогонку ему, но незнакомец успел уже выйти из горницы и слился с тенями колонн в проходе.

За дверью затаив дыхание стоял Махара.

— Кто это был, Махара?

— Гость вечерний, — ответил тот, шагнул через порог и вздохнул. Подсел к Ниании и сказал эриставу:

— Во дворце Малик-шаха, в Исфагане, цыганы гадали о будущем. Этот, курчавый, сказал: «Не сесть шести на одном». Малик-шах проник в тайный смысл гаданья: шесть лет исполнилось шахову внуку, а престол халифа — один во всем мире. Разгневавшись, султан изгнал цыган из Исфагана.

Опустив голову, сидел Махара.

Царевич спросил его, почему он грустит.

— Не нравится мне этот человек, — ответил Махара.

— Почему? — спросил Нианиа.

— Волосы у него чернее вороньего крыла, и он арап.

— Пусть арап, что же из того? Трех арапов держал у себя во дворце Баграат Куропалат, — сказал Давид.

— Арапы — сыны дьявола и Евы.

— Зачем же ты привел его во двор, если так боишься?

— Привязался, проклятый: покажи да покажи царевича! Махара поднялся с места.

— Эх, кто знает, быть может, все, к чему мы стремимся, окажется всего только дьявольским наваждением!

И, сказав это, вышел.

ПОВЕРЖЕННЫЙ ДВОРЕЦ

...О Брама, правитель вселенной.
Ранее ночи пришла эта ночь.

Близилась пасха; в Гегутском дворце шли большие приготовления.

Прибывали с дарами посланцы из Бедии, из Чкондиди, из Гелати, Ацхвери и Таоскари. Закололи множество скота. Но императрицы Мариам и византийских гостей все еще не было.

Царь Георгий терялся в догадках; вероятно, думал он, пронесся и по Черному морю тот вихрь, что бушевал на прошлой неделе в Грузии.

В страстную пятницу не присутствовал царь на торжественной службе в Кутаиси, не был на выносе плащаницы, не слушал вечерни в храме Баграта. В страстную субботу до самого обеда ждали в Гегути византийских гостей. А после царь и царевич с семьями и духовенством отправились в Кутаиси.

Нианин Бакурнани и азнауру Моркневели пожаловал царевич пару чистокровных жеребцов, сам же приказал оседлать Куджая, что звался ранее Турком.

Как только выехал на дорогу царский поезд, встретили его Шергил Липартиани и Чкондидели вместе с мегрельскими азнаурами.

В день воскресения христово должен был служить в храме Баграта архиепископ кутаисский с девятью епископами.

Махара, воспитанный при дворе византийских кесарей, любил пышную пасхальную службу: разряженных епископов в омофорах из виссона, пасхальную заутреню и крестный ход вокруг церкви. Очень хотелось ему сопровождать в Кутаиси царя. Но не согласился Георгий взять с собою Махару.

— Нельзя тебе отлучаться из дворца, — говорил он. — Кто же в случае внезапного приезда гостей будет хозяином в Гегути?

Было приятно Махаре, что возложили на него такую почетную обязанность; с легким сердцем остался он в Гегути. Но когда ветерок донес до него церковный благовест, проникла в сердце нежданная печаль; вспомнились давние времена, счастливые дни пасхальных праздников и особенно один из них, проведенный в Константинополе, при императорском дворе.

В ту ночь немало прождали в Магнарском дворце выхода Романа Диогена и Евдокии. Взволновался иверский рыцарь, когда увидел императрицу: рубины сверкали на ее лоори; куропалаты и domestiки простерлись ниц на мраморном полу.

— Полихронион! — возгласили кесарю и его супруге.

Потом началось церемониальное шествие синклита от Халкедона к собору Святой Софии.

В толпе рыцарей, одетых в златотканые скараманги, стоял закованный в золоченые доспехи Махара и украдкой любовался благочестиво простертыми к небу прекрасными руками Евдокии, еще прошлой ночью в любовной неге обвинявшимися вокруг его шеи на золотом ложе гинекеи.

А хоры пели:

*Cum crucifixus est sepultus et tertiae die resurrexit...*¹

Это была последняя счастливая пасха в бурной жизни Махары. А потом... Потом обрушился в гнев небосвод на его многострадальную голову...

Шел по липовой аллее Махара, доносилось до него с берегов Риони кваканье лягушек, протяжное и однообразное; душа его переполнилась тоской до краев. Тени гигантских дубов легли вокруг замка. Дымчатые тучи спешили к западу. Показалось ему невозможным провести пасхальную ночь в Гегути, одиноким среди дворцовой челяди. Сообразил: до полуночи будет время собраться, а под утро нечего ждать приезда гостей. Можно все же поспеть в Кутаиси к заутрене.

«Поскачу на коне», — подумал он.

Конюшни находились за оградой замка. У ворот напала на Махару падучая. Скорчилось беспомощное тело, запутался шаг, веретеном закружила его страшная сила, и рухнул безбородый на землю. Главный смотритель царских табунов случился рядом. Лишь за день до того был он переведен сюда из Квелисцихе, не знал Махары и никогда не видал больного падучей болезнью.

Поднял крик смотритель табунов.

Сбежались люди, связали руки припадочному, потерли виски, побрызгали студеной водой. Быстро пришел в себя Махара. Забыл о поездке в Кутаиси, вернулся во дворец.

Вечером он опять, как обычно, бегал за мандатурами.

— Что ты ходишь с метлой? Метла не будет мести одна, без человека, — кричал он начальнику дворцовой челяди.

¹ Когда распятый был погребен и на третий день воскрес...

— Эй ты, головастик, полно болтать языком, пошевели немного руками, — сердился он на начальника кухни.

Пуще чумы ненавидели Махару мандатуры, зато был он любим холопами и рабами. Рожденный женщиной из народа, был он полон жалости к людям простого звания. Жалея рабов, трудившихся в хлебопекарне, на кухне, на скотном дворе, часто беседовал с ними, балагурил запросто.

И теперь перекинулся шуткой с мясником, перепачканным кровью:

— На султана Альф-Арслана стал ты похож, Хвтисавар. Мясник ухмыльнулся, ничего не поняв.

— Когда овладел Альф-Арслан городом Аниси, приказал он убить десять тысяч детей, наполнил бассейн христианской кровью и выкупался в ней с наслаждением.

— Хорошо, что похож я на султана, а не на раба, — проворкотал Хвтисавар, отпущенный раб.

После оскпления не прикасался Махара к мясу, и теперь рассматривал с отвращением освежеванные олени туши, выпотрошенных телят и разделанных коз, развешанных на крючьях. Словно подсиненное после стирки белье, лиловело мясо убитых животных. Длинными рядами лежали на полках коровьи, бараньи, бычачьи головы. Невысказанная тоска таилась в померкшем взоре оставшихся открытыми глаз.

— Экий кровопийца — человек! Убил столько скота, а завтра сядут вокруг стола люди, именующие себя христианами, и поглотят все эти туши.

— И как еще поглотят! Косточки огложет дворцовая челядь.

Во дворе, вокруг рассыпанного для приманки зерна, кудахтали сотни кур. Поварята хватали птиц, отрывали им головы, бросали в сторону трепещущие тела. Живые птицы набрасывались на зерно, словно чувствуя, что едят в последний раз. Обезглавленные куры плясали на песке, а возбужденные петухи гоготали, вытягивали шеи, влеклись, распаленные страстью, к самкам.

Птичники бесстыдно хохотали, похабничали так, чтобы слышно было Махаре, потому что знали: любит скопец сквернословие.

С птичьего двора направился Махара к хлебопекарне. Вдруг увидел: незнакомый всадник подскочил к входной крепостной башне. «Посланец от Чкондидели», — подумал Махара.

Весь покрытый пылью, утирая рукавом пот со лба, стоял под липой гонец.

Смотритель замка, уткнувшись носом в исписанный греческими буквами пергамент, с трудом разбирал послание. Извещал главный письмоводитель императрицы Мариам: в Трапезунде долго ожидали корабли юго-западного ветра. С великим трудом добрались до Хупты. Императрица чрезвычайно утомлена. После Фоминой собирается выехать из Хупты. Поздравляет с праздником братьев и невестку. Шлет пошелуй царевичу Давиду, не терпится ей увидеть молодую супругу его, которую хвалили ей без меры мхетские монахи.

Не понравилось Махаре это известие. Вот приедет Мариам, и ободрятся сторонники Русудан в Гегутском дворце. Проклинал мхетских монахов, что ходили в Иерусалим ко гробу господню.

«Несдаром предупредил я начальника кухни, чтобы не забивал столько скота. Тремстам азнаурам и девяти епископам осилить ли столько яств?

Но ведь приедут еще Липартиани с азнаурами и урбнисский архиепископ со свитой?»

До позднего вечера ходил Махара следом за главным стольником, начальником челяди и начальником кухни, не давал покоя мандатурам:

— Пошевеливайтесь! На рассвете вернется государь. Стол должен быть накрыт!

Во дворце засветили свечи в золотых канделябрах. Когда закончились все приготовления и мандатуры с прислужниками прилегли, чтобы освежиться коротким сном, Махара обошел еще раз погреба, пекарни и кухни. Повалившись навзничь прямо на землю, отдыхали люди. Вокруг зажженных под дубами костров сидели сонные поварята и лениво крутили вертела со вздетыми на них цельными тушами. Трещал жир, капавший на раскаленные угли, парни рвали подгоревшее мясо, жевали в темноте во все челюсти.

Приметил Махара поваренка, который зачихал себе в рот поросычью ногу.

— Что, уже разговелся, Гио? — окликнул он слугу.

Парень еле успел отбросить в сторону кость и смущенно молчал.

— Уж не проглотил ли ты язык, Гио? — спросил Махара.

— Бес вселился в него, оттого и отнялся язык, — пошутил Хвтисавар.

— Не смущайся, сынок, — успокоил Махара слугу, — не входящее в уста оскверняет человека, но исходящее из уст. Наконец почувствовал усталость и сам Махара. Решил ненадолго прилечь в Багратовой палате.

По углам сняли зажженные канделябры, масляные лампы теплились перед образами.

Махара лежал на спине, смотрел на Баграта IV, изображенного на фреске южной стены.

Царь был написан сидящим на коне и облаченным в золотые доспехи. Мастерской рукой изобразил живописец царского жеребца Куджая. Махара помнил, как писалась эта фреска, — помнил так ясно, словно это было вчера.

Мерцавший на стене образ отца наполнял теплотой душу одинокого Махары.

Столько жизни вложил художник в картину, что зрителя тянуло заговорить с нею. В ярком пламени свечей сияли салмасуровые латы всадника, красные его сапоги и тонкие кружева, окаймлявшие белую шелковую хламиду. А Куджай, с развевающейся по ветру гривой и расширенными ноздрями, вытягивая шею, глядел умными, большими глазами на крепость, воздвигнутую над скалой, — словно ржал, порываясь в битву.

Махара повернулся лицом к стене, задремал, но и сквозь дрему думал о запутавшихся делах Гегутского дворца.

Не преминут воспользоваться этой путаницей враги Багратионов!

Вспомнились Махаре показания триалетских азнауров. Если доселе знали в Гегути лишь то, что могли подслушать лазутчики, то теперь в руках у царя были неопровержимые доказательства. Липарит хотел коварно убить царевича и Чкондидели, заманив их к себе в гости.

Никому не простил бы подобной дерзости Баграт Куропалат. Жестоко поступил он с изменником Липаритом Великим: взял крепость Лоцобани, принудил эристава бежать и в тот же день обесчестил супругу Липарита Мзиствалу.

Гнев обуял Махару. Твердо решил он: сейчас же после Фоминой недели посоветовать царевичу осадить Кледкарни, ослепить Липарита, посадить Рати на кол, постричь Русудан в монахини и жениться на Дедисимеди.

Лишь таким путем можно было положить конец нескончаемой войне с домом Орбелиани. Махара верил прорицате-

лям и ведунам. Вспомнилось ему предсказанье курчавого арапа.

Овладев триалетскими крепостями, покорил бы царевич и правый берег Куры, а тогда и Кахети подчинилась бы грузинскому престолу, тбилисский амир оказался бы замкнутым в кольцо, и исполнилась бы давнишняя мечта Багратионов.

Постельничий монах Укруай, позванивая кадилъницей, курил благовониями в покоях царевича. Запах алоэ донесся до Махара. Он встал с ложа.

Тускло светила луна сквозь песочно-серую кисею облаков. Сталью отливали листья плюща, всползшего по стене до самого окна палаты. Из башни несло многоголосое пенне воинов, слуг и прочей дворцовой челяди.

«Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ...»

Махара вздрогнул и почувствовал озноб. Он снова прилег.

Вспомнил свое счастливое детство, что протекало в Гегутском дворце. Он лежал ничком, с мокрыми от слез веками, и тихим голосом подпевал хору.

Дворцовый священник читал громким голосом:

«Вначале бе слово, и слово бе к богу, и бог бе слово...»

Вся тем быша, и без него ничтоже бысть, еже бысть».

Раз шестьдесят уже слышал Махара в пасхальную ночь этот стих, и только теперь дошел он до его сознания.

Задумался Махара:

«Неужели и в самом деле вначале было слово?»

Всю жизнь верил он, что вначале было дело, был меч. Мечу пожертвовал он и юностью, и мужеством своим.

Почувствовал странную дрожь, подумал: уж не вернулась ли падучая?

И вдруг под ним заколебалось ложе. Качнулась стоявшая напротив свечница. Замигали в стенных нишах горящие свечи. Послышалось жалобное повизгивание волчат. Во дворе замка завывала собака. И, словно ждали знака, тотчас же присоединились к ней еще несколько песьих голосов.

Махара встал, выглянул из окна.

Таинственно шептала в плюще черная ночь, окружавшая замок. Больше не видно было луны. Издалека доносилось кваканье лягушек.

«Почудилось», — подумал Махара.

В покоях царевича монах побрякивал кадилъницей.

И вдруг сотряслась вся палата. Едва успел вскочить на ноги старый воин, как услышал вопли монаха.

— Укруай! Гей, Укруай! — крикнул он громким голосом, чтобы ободрить монаха, и вбежал в покои царевича. Распростершись ниц на кирпичном полу, вопил Укруай.

Махара поднял его, взял факел из ниши и сунул монаху в дрожащие руки.

Послышался леденящий сердце гул. Со стенных полок попадали на пол шлемы, покатались у его ног, словно отсеченные головы. Образа сорвались со стен, полетели на кирпичный пол, распались на куски.

— Вставай! — крикнул Махара монаху, снова упавшему на пол с факелом в руках, и пошел впереди него, направляясь к Багратовой палате.

Войдя туда, он увидел, что канделябры опрокинулись и часть свечей потухла. Ступив через порог, внезапно услышал он лошадиное ржанье. Он взгляделся в полумрак. Снова раздалось ржанье — не умирающего, а идущего в поход боевого коня.

Изумился Махара. Конюшни были по ту сторону ограды, как могло донестись оттуда лошадиное ржанье?

Капли пота выступили на висках у неустрашимого воина. Тело его дрожало, подкашивались колени.

— Гей! — закричал Махара.

Повскакала на ноги сонная челядь. Утомившиеся бегом за день, люди даже не почувствовали землетрясения.

Узнав от Махары, что заржала на картине боевая лошадь царя Баграта, люди обезумели от страха.

Сталкиваясь друг с другом, бежали они по обломкам икон и битой посуды к выходам во двор.

Слабое сияние растеклось по небу.

Опять послышался ужасный гул из недр земли. Южная башня качнулась, расселась подобно грибу, и оттуда донеслись крики людей. Из других башен стали выбегать воины.

Затрубили рога, забили бубны. Без толку суетились начальник крепости, смотритель двора и мандатуры. Метался и ревел в загонах и хлевах скот, жалобно выли волчата, ветер доносил из конюшен тревожное ржанье коней.

Когда наконец воцарилась тишина, Махара в сопровождении воинов вошел во дворец.

Обратились вспять воины, усташась рассказа Махары:

— Заржала боевая лошадь Баграта Куропалата, написанная на стене двадцать лет тому назад.

Рано утром отряд всадников, одетых в доспехи, подъехал к замку Гегути. Махара принял этот отряд за царский поезд. Оказалось, то были кахетинские азнауры Барам Аришиани и Кавтар Барамисдзе.

Еще не успели разместить их лошадей по стойлам, как прибыли в замок эристав тухарисский Бешкен Джакели и Гуарам, владетель Бечисцихе, с малой свитой азнауров.

ЕЩЕ ОДНО СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

И обратил господь к земле гневное око, и распались в прах высокие горы и твердейшие скалы, рухнули грады и веси, храмы поверглись наземь, а дома поглотила бездна и стали они могилами жителей их.

Хроника Давида Стронтеля.

Черным днем был день пасхи 1089 года.

Возвратившийся из Кутаиси после заутрени царь нашел в Гегути до сотни трупов воинов и служителей.

Синевою покрылось лицо Георгия, простудившегося при переправе через разлившуюся Цхенис-Цхали.

Царь уединился в своей опочивальне. Царица Елена простерлась ниц перед образом богородицы, молилась о спасении христиан.

Во дворце царил переполох. Никто не знал, что предпринять, ибо землетрясение продолжалось и в этот день.

Первый визирь приказал поставить в дворцовой часовне гробы с телами людей, погибших от землетрясения. Священник служил панихиды за упокой их душ.

У Махары, не спавшего вторую ночь, слипались глаза и дрожала нижняя челюсть. Взволнованный, говорил он царице и Нианин:

— Что я вам говорил? Тот арап был сатана.

— Сатана? — встревожился Антоний, кутаисский архиепископ.

Все это время архиепископа преследовали дьявольские видения: всенародно рассказывал он, будто в страстную пятницу двое нечистых подошли к воротам Гегутского замка: босые, одетые в чохы простолюдинов, вели они за собою осла, нагруженного человеческими костями. При виде креста, которым осенили их люди из замка, сгнули окаянные.

— И у меня побывал этот арап, предсказал, что ждет меня возвышение. Так, значит, это был сатана? Тьфу! — говорил встревоженный Антоний.

— Смотри какое возвышение, владыко. Попасть на дыбу тоже значит возвыситься!

Архиепископ кутаисский тайно боролся с абхазским католикосом Евстратием. Был он духовником царя, но хотелось ему завладеть и патриаршим престолом.

Люди верили, что от проклятия владыки даже камни падаются на части. Много раз проклинал он Евстратия, но без всякого для него вреда; ныне молился: «Боже, прими душу впавшего в дряхлость».

Слова чернокнижника весьма обрадовали Антония. Решил он, что после пасхи отдаст богу душу Евстратий. Ужаснулся архиепископ, услышав, что прорицатель был сатаной.

Царя Георгия трепала лихорадка. Епископы и мандатуры собрались в царских покоях. Махара рассказывал, как заржал во дворце боевой конь Баграта Куропалата. Знаменем рока показалось царю это необычайное явление.

— За грехи наши спрашивает с нас господь, ибо стали мы подобны жителям Содомы и Гоморры. А эту лошадь я замечаю с давних пор. В годы сельджукского нашествия блаженной памяти мать моя осталась одна в Гегути... Я был тогда в Квелисцихе и Куджай был со мною, и вот тогда тоже заржало изображение Куджая на стене. Не один молебен отслужила покойная матушка.

Царевич и Ниания сидели там же, в царских покоях. Смешным казалось им это суеверие — по ночам читали они Аристотеля, — но сдерживали оба улыбку.

Вошел Чкондидели, молча присел в углу, перебирая четки беспокойными пальцами, бледный, с изменившимся лицом.

— И мне показалось недобрый знаменiem предсмертное ржание Куджая в Цагвлистави, — вставила робкое слово в беседу царица Елена.

— Через звезды и через животных извещает нас судьба о надвигающихся бедствиях, — говорил Махара, — но мы, люди, глухи к знамениям высшего промысла.

Царь Георгий вздохнул, посмотрел на струившийся через окно сумеречный свет.

Молчали старейшины и мандатуры. Никто не мог найти слов утешения.

Тогда поднял голову первый визирь; окинул взглядом царя Георгия и сказал спокойно:

— Лишь через ангелов возвещает господь свою волю, а не через животных и не через светила.

— Отцы наши согрешили, а мы искупаем их грехи, — вздохнул кутаисский архиепископ и заморгал рыжими ресницами.

В душе разумел он Баграта Куропалата, охотника до распутных женщин, Георгия II, который не запрещал своим егерям охотиться в священной роще, и католикоса Евстратия. Его поместил Антоний в число грешников лишь потому, что тот разрешал себе есть икру в постные дни; в свое оправдание католикос утверждал, что законоположники христианства не могли налагать запрет на икру, поскольку ее не употребляли во время Иисуса Христа.

Под конец испугался преосвященный, как бы не проник в его тайные мысли Георгий, и прибавил:

— Вот почему не видно конца и своеволию эриставов, государь. Третьего дня прибыл ко мне от Кириона Манглисского монах, по имени Кутала. Извещает Кирион: эристав Липарит острит свой меч против нас.

Махара ухватился за эти слова и рассказал о показаниях триалетских азнауров.

Возмутились кахетинские азнауры Барам Аришиани и Кавтар Барамисдзе, архиепископ бедийский, Шергил Липаргиани и владетель Бечисцихе Гуарам.

Георгий Чкондидели помолчал немного, потом сказал, склонив голову:

— Это все и многое другое, государь, следует, по-моему, доложить Совету старейшин. Кроме того, государь, вернулись из Исфагана посланные нами доверенные люди...

Не понравилось царю, что зашла речь о Совете старейшин. Общему возмущению способствовало еще одно известие. Кахетинский царь Ахсартан, оказывается, отправился ко двору султана Малик-шаха, а племянник его Квирик с эриставом Дзаганом отняли замки у верных царю азнауров Бараме Аришиани и Кавтара Барамисдзе за то, что те оказали помощь Георгию под Вежини.

В эту минуту вошел в опочивальню старший дворецкий, воздал почесть царю и доложил:

— Липарит Орбелиани с азнаурами прибыл пред царские очи. Просит приема кздекарский эристава.

— Вот и еще одно странное явление, — хотел было сказать Георгий, но сдержался, взглянул на первого визиря, прочел согласие на его лице, потом перевел взор на безмолвно сидевшего царевича.

Наконец обернулся к дворецкому:

— Прикажи ввести эристава.

Давид омрачился, взглянул на Чкондидели, словно окаменевшего в своем златокованом кресле, встал и покинул палату.

Чкондидели присел у царского изголовья, вполголоса говорил с царем, потом, сославшись на дела, попросил позволения удалиться.

Страх овладел кутаисским архиепископом. Несмотря на свое богатейское сложение, был Антоний осторожнейшим из смертных. Поглаживая рукою бороду, думал он с трепетом:

«Хуже, чем со сванским эриставом Вешагом, поступит сейчас государь с Липаритом Орбелиани».

Махара подошел к Георгию, приблизил губы к самому уху царя и прошептал:

— Да как же посмел Липарит показаться при дворе?

Полузакрыв свои большие, печальные глаза, царь Георгий поднес указательный палец к губам, приказывая своему сводному брату молчать.

Епископы и сановники приготовились к неприятной встрече.

Когда Липарит Орбелиани вошел в палату, в ней воцарилось неловкое молчание.

Статного Липарита сопровождали три азнаура, высокие и стройные, как триалетские сосны. Низкорослый, щедедушный манглисский архиепископ Кирион был среди них, словно колышек под кустом кишнеца. Скрестив на груди руки, выступал за ними, сутулясь, монах Козман. На худом, как скелет, долговязом иноке, словно чужая, болталась изрядно потерявшая ряса.

Липарит вошел без меча; меч и щит нес за ним оруженосец, тоже безоружный, как и его господин. У поясов триалетских азнауров висели пустые ножны.

— Христос воскрес! — сказал эристава и улыбнулся ца-

рю, подошел к нему быстрым шагом, преклонил колено, поцеловал протянутую руку.

— Воистину воскрес! — ответил Георгий и поцеловал эристава в бороду.

— Воистину, воистину, воистину! — повторили придворные.

Почтительно и ласково справился гость о здоровье царя и его семейства. Георгий сделал знак дворецкому, и тот придвинул Липариту окованное золотом кресло. Азнауры молча выстроились за спиной своего эристава.

Кавтар Барамисдзе, совсем юный азнаур, никогда еще не видал Липарита Орбелиани. Изумленно взирал он на триалетского эристава, с которым, казалось, не в силах была сладить старость. Необычайным благородством светилось его еще совершенно гладкое лицо с закругленной бородой, края которой завивались, словно украшенные резьбой.

— Хотелось нам попасть к заутрене в Кутанси, — сказал Липарит, — да застигло нас половодье на Куре перед самым Мцхетским мостом в великий четверг. Во весь опор скакали мы вдоль реки, вверх по течению, и лишь около полуночи удалось нам переправиться вброд.

И Орбелиани перешел к рассказу о землетрясении.

— Крепость Сканда рухнула перед моими глазами, — сказал он.

Пока Липарит рассказывал царю о половодье на Куре и о землетрясении, царевич в своих покоях вел беседу с первым визирем.

Чкондидели: Я вижу, царевич, ты удивлен приездом Орбелиани?

Царевич (помолчав): Эристав триалетский — человек, от которого можно ожидать всего, господин мой первый vizирь.

Чкондидели: Ты хотел сказать — и хорошего, и дурного, не правда ли?

Царевич: Насчет хорошего не скажу ничего.

Чкондидели: Мудрость состоит в том, чтобы не толкать человека ко злу, но пытаться склонить его к добрым делам.

Царевич: Должен признаться тебе, что непонятна мне тайная причина этого приезда.

Чкондидели: Липарит подослал великим постом ко мне в Чкондиди монаха Козмана, просил: пусть примет меня государь, и я испую свои прегрешения.

Царевич: Хорошо, если эристав чувствует угрызения совести. Но признает ли он свою вину?

Чкондидели: Одну только вину признает за собой эристав: что не смог он обуздать сына своего Рати. Не спрося отца, своевольно, Рати стал на сторону Ахсартана и Квирикэ, а сам Липарит будто бы ждал нас с войском в Триалет^е и только болезнь помешала ему присоединиться к царским полкам. Остальное, по его словам, — выдумки доносчиков.

Царевич на минуту умолк, поднял голову и спросил:

— А что говорит управляющий Липарита Зосим?

— Зосим побывал у меня на страстной неделе. «С приездом царевича в Клдекари, — сказал он, — изменилось настроение эристава. После бегства из Руставской крепости Рати приступил к отцу, просил настойчиво дать ему войско, чтобы зайти царевичу в тыл».

— И что же? — спросил царевич.

— Не пожелал Липарит. И еще говорит Зосим: «С упованием ожидает приезда императрицы Мариам эристав триалетский, не потерял он еще надежды породниться с царским домом».

— Породниться?

— Не скрыл и того Зосим, — продолжал Чкондидели, — что дурные вести приходят к эриставу из Исфагана. Наши сведения сходятся с рассказом Зосима. Тюркан-Хатун оспаривает исфаганский престол у Бархиарока.

Оба помолчали. Услышав шаги Махары, первый визирь взглянул на царевича и сказал почти шепотом:

— Но все же не это самое важное для нас, царевич. Доверенные люди сообщают из Исфагана: перешел в магометову веру царь кахетинский Ахсартан, изъявил покорность Малик-шаху, и султан прислал свою рать в Кахети. Эти-то войска и помогли Ахсартану отнять замки у Барамисдзе и Аришиани.

Царевич даже не изменился в лице, словно ждал он этого, сказал спокойно:

— Теперь мне все понятно.

Чкондидели встал.

— Вот последствия вежинской неудачи! Еще в прошлом году доносили лазутчики из Кахети: нового нападения ждал, оказывается, Ахсартан; говорил: «Царевич не простит нам своего позора». А теперь, думается мне, если и триалетский эристав пойдет по протоптанному Ахсартаном пути, то весь правый берег Куры может уйти из наших рук.

В тот вечер знобило царя Георгия, и слег он в постель в жестокой лихорадке. Прохладные примочки, одну за другой, прикладывала ему царица Елена. Когда понизился жар, пожелал царь уединиться с эриставом Орбелиани. Долго беседовали они наедине. Даже факельщики были отпущены из царских покоев.

После полуночи велел Георгий позвать царевича. Давид не хотел присутствовать при беседе, но уступил настояниям царицы Елены и Чкондидели.

Когда царевича ввели в опочивальню Георгия, Липарит вскочил с места, улыбнулся, блеснув своими желтоватыми зубами, подождал, пока царевич опустился в кресло, и лишь после того сказал:

— Поверьте совести моей, государь, и ты, царевич, доносчики, клеветники мутят нашу страну, я бессилён бороться с ними. Когда я был еще отроком, то, бывало, вооружался дедовским мечом, воображал, что выступаю в поход, и шел воевать с крапивой, разил ее беспощадно, но все же кусала мне икры проклятая. Согласитесь, что ныне уже не подобает мне сражаться с крапивой!

Молча рассматривал царевич Липарита, глядел в его большие глаза. Оттененные светлыми ресницами, блестели они, как драгоценные камни в золотой оправе.

Вспомнились царевичу очи Дедисимеди.

Странную близость ощутил он к коварному эриставу, словно был роднею Орбелиани и заговорил в нем голос крови.

Царевич размышлял над тем удивительным чувством, которому часто предшествует вражда и которое после вражды еще слаще, чем после дружбы.

Спокойно, невозмутимо вел беседу Липарит; приятный грудной голос был у эристава, пьянящий, как гашиш. Этим сладостным голосом уничтожал он «презренных людишек, добровольных лазутчиков и шпионов».

Царь догадался: Липарит осторожно намекал на Чкондидели. Георгий и сам не любил доносчиков, хотя знал: по всему государству, во владения тбилисского амира и в соседние мусульманские страны — повсюду первый визирь разослал от его имени лазутчиков.

Лазутчики эти были по большей части монахи, переодетые в мирское платье, и ездили они, выдавая себя за торговцев рыбой и вином. Добытые ими сведения тщательно сличал и сопоставлял первый визирь.

— В моем эриставстве, государь, до сих пор обходился

я без лазутчиков, — продолжал Липарит, — ибо знаю: если заведу шпиона, друзья и сторонники никогда не пожелают подкупить его, полагаясь и без того на верность мою и благородство, враги же мои подкупами и хлебосольством легко переманят лазутчика на свою сторону. И будут лазутчики хвалить мне врагов и чернить друзей, так что под конец покинут меня друзья и останусь я окруженный одними врагами.

Липарит Орбелиани остановился, отыскал взглядом глаза царя, почувствовал, что слова его проникли ему в душу, и добавил невозмутимо:

— Известны тебе, государь, слова мудреца: злые речи подобны стрелам: если даже пускать их из лука не целясь — все же хоть одна из тысячи да попадет в мишень. Жизнь наша — и это, конечно, известно тебе, государь, — устроена так, что даже самая нелепая клевета все же оставляет после себя маленькое пятнышко.

Разговором о лазутчиках Липарит снова отвратил от себя царевича. Царь же Георгий был вспыльчив, но простодушен, как дитя. В эту минуту он верил, что и в самом деле лишь лазутчики мешают ему установить добрые отношения с Орбелиани.

Но царевич прекрасно знал, что Липарит лжет.

Монах Козман был главным лазутчиком Липарита. Время от времени исчезал он из Триалетского эриставства. То он был в Исфагане, то ездил в Иерусалим, то появлялся в Константинополе. Он привозил в замок Орбелиани кирманские сукна и багдадские ткани, из Византии — золото и серебро, из Иерусалима — кресты, иконы и святые мощи, и отовсюду — сплетни.

Козман сопровождал Липарита в походах. Он был постельничим эристава, хранителем его шатра и осведомителем.

Не забыл и того царевич, что Козман ездил сватом в прошлом году в Исфаган, ему было поручено устроить женитьбу Бархиарока на Дедисимеди. И потому обрадовался, увидев ныне Козмана здесь, в Гегути.

«ЛЬВА, ХОТЯ БЫ КРИВОГО, КТО ПОСМЕЕТ НАЗВАТЬ КОСЫМ?»

Мудрость визиря обнаруживается лишь тогда, когда нужно исправить потерянное дело, а умение врача — когда нужно спасти умирающего больного. Если все будет идти благополучно, то каждый сможет сойти за мудреца.

Индусское поучение.

На следующий день, в понедельник, по обычаю уселся Чкондидели «за дверью милости и суда», окруженный письмоводителями опочивальни, а письмоводителей арсенала выслал к толпившимся во дворе замка жалобщикам, просителям, к разоренным землетрясением и ожидающим подаяния сиротам и вдовам.

Множество людей осталось без крова. До полуночи распределял Чкондидели пособия, черпая из благотворительной казны царицы, царя и царевича.

После обеда Чкондидели с царевичем, взяв с собой небольшую свиту, выехали осмотреть разрушения, произведенные землетрясением в городе Кутаиси и окрестных селах.

Единственно лишь царский дворец остался невредимым в Кутаиси.

Узнав о проезде царевича, собирались на перепутьях жители, плачущие женщины изливали свое горе перед юным властелином.

Казначей раздавали милостыню, дворцовые письмоводители переписывали разрушенные замки, храмы и монастыри.

Лишь через три дня вернулись путники в Гегути. Царь Георгий все еще недомогал.

В тот же день вошел Чкондидели к царю с прошением: созвать Совет старейшин. Георгий по-прежнему упрямо молчал.

После вежинской осады царь избегал созыва Совета старейшин, все надеялся сызнова собрать войска, утвердить за собой Кахети, а потом приняться за эристава Липарита. Лишь победоносным хотел он предстать перед Советом.

Многое успело измениться после того, но не отступал от своей мысли царь.

К вечеру прискакали гонцы из Абхазии, из Мегрелии, из Самхе. Эриставы и хевиставы слали вести о разрушении городов, крепостей и храмов.

Землетрясение повредило крепости Артануджи, Квели, Цеда, Цирквали, Цунда, Кумурлуси, храмы в Ошки и в Бана, монастыри Имерхевский, Мгелцхский, Нулийский, Сакартле и Оби, а также башни замка Каберни. Многие деревни вместе со всеми их обитателями были уничтожены оползнями и обвалами.

В час пасхального богослужения обрушилась крепость Гмогви; развалины ее похоронили друга детства царя Георгия, эристава Кахаберисдзе, вместе с его семьей.

Сраженный горем царь пригласил к себе первого визиря и повелел созвать Совет старейшин.

В тот же вечер монах Козман и постельничий Липарита Заргарели явились к супруге царевича Русудан. Козман привез молодой царице волосы святой Пелагии, присланные из Иерусалима игуменьей грузинской обители.

Долго слышались из покоев супруги царевича голоса люющих псалмы и зывающих к богу.

Георгий Чкондидели утомился от долгой езды на коне. И все же беспокойно ворочался он в постели, сон не смыкал его глаз. Приказал погасить свечи в канделябрах, отпустил факельщиков—и показались ему невыносимыми обступившие его потемки.

Бессонной ночью обдумывал он все, что нужно было доложить Совету старейшин.

Видел ясно: на краю гибели стоит Грузинское государство. И никакие обсуждения в Совете старейшин не могли уже помочь делу; не советы были нужны теперь, а решительные действия.

Огорчала Чкондидели болезнь Георгия. Был бы здоров царь, он сам предстал бы перед повелителем и смиренно просил бы его уступить дорогу юному царевичу.

На Совете старейшин, — надеялся он, — будет легче сказать об этом.

Если до сих пор казалось первому визирю, что рано еще царевичу венчаться на царство, то теперь он убедился, что в этом единственный путь к спасению.

Стараниями своих доверенных людей был прекрасно ос-

ведомлен Чкондидели обо всем, что творилось и за пределами Грузинского царства.

Словно грозное море, наступала на Грузию раскинувшаяся от стен Китая и до самого Египта держава сельджуков.

Три брата были основоположниками империи сельджуков, три родоначальника туркоманского племени: Тогрул-бек, Чакыр-бек и Пайгу.

Пастушьим племенам, знаменитым своими овечьими отарами и разбойничьей повадкой, стали тесны пастбища вокруг Бухары.

Тогрул-бек, Чакыр-бек и Пайгу послали письмо наместнику хорасанскому, визирю Газневидов Абу-Бади-Суру ибн аль-Мутазу, просили его предстательствовать перед повелителем Ирана Масудом ибн Мухаммедом, дабы этот последний позволил сельджукам перегнать свои стада на иранские пастбища.

Но предстательство визиря не увенчалось успехом. Повелитель Ирана прекрасно знал грабителей-кочевников и не дал своего соизволения. А тем временем предводительствуемые Тогрул-беком, Чакыр-беком и Пайгу туркоманы, не дожидаясь согласия Масуда, наводнили со своими чадами и домоладцами иранские пастбища.

Великого визиря своего Хаджиб-Зубата выслал против них повелитель Ирана, приказав изгнать разбойничье племя; но Чакыр-бек разбил Хаджиба с его ратью. Тогда уступил Масуд: отдал пастбища сельджукам, но с условием, чтобы прекратили они грабежи. В ответ на это Тогрул-бек завладел городом Мервом и заставил муллу вознести ему хутбу—хвалу перед аллахом.

Наконец сам иранский шах выступил в поход со своею ратью, но и его разбили Тогрул-бек, Чакыр-бек и Пайгу. Сельджукские орды вторглись в провинции Иранско-Багдадского халифата и взяли один за другим города Исфаган, Хамадан и Адарбаган. Вскоре и в армянскую провинцию Васпуракан вступил с многочисленным войском Тогрул-бек. Это было в 1048 году.

Тогдашний кесарь Византии Исаак Комнен выслал против Тогрул-бека своих полководцев Кевкамена Катаклона и Арона Веста, повелев не вступать в сражение до прибытия Липарита III Орбелиани с грузинскими войсками.

Арон и Катаклон потерпели поражение от сельджуков. Липарит III попал в плен к Тогрул-беку.

В завоевательных войнах против Ирана и Византии прославился сын Чахыр-бека — Альф-Арслан.

Он продолжал дело, начатое его отцом и дядями. Жестокое поражение нанес он у Манцикерта византийскому императору Роману Диогену и взял самого кесаря в плен. Помощником Альф-Арслана в государственных делах был высокоученый визирь Низам аль-Мульк. С помощью бесчисленных лазутчиков и карательных войск Низам аль-Мульк подавлял непрекращающиеся восстания и раскрывал бесчисленные заговоры. Жертвой одного из таких заговоров стал сам Альф-Арслан.

Низам аль-Мульк возвел на престол Малик-шаха — сына Альф-Арслана. Восстали амиры, после борьбы захватили дядю Малик-шаха Кавурда, брату же султана Текешу выкололи глаза. Тогда Низам аль-Мульк отвез Малик-шаха в Багдад, дабы испросить помазание на престол у халифа аль-Каима.

Вскоре скончался халиф аль-Каим и другой халиф — Моктади взошел на престол. По совету Низама Малик-шах выдал дочь свою замуж за нового халифа, и этот брак стал источником новой распри.

Малик-шах доверил борьбу с Византией брату своему Солиману, султану Никеи, и сыну его Килирдж-Арслану. Алексей Комнен платил ежегодно султану дань в триста тысяч золотых динариев.

По совету Низама аль-Мулька часть огромной рати своей султан Малик-шах распустил, чтобы уменьшить траты. Оставшиеся без дела войны искали покровительства у амиров и малых султанов. Новая волна восстаний пронеслась по владениям султана.

Был уже стар Малик-шах, но все же сражался с ожесточением. Неутомимо трудился первый визирь султана Низам аль-Мульк, человек просвещенный и испытанный в ратных делах.

Сельджуки отняли престол и царство у иранской династии Газневидов, оторвали Сирию и Малую Азию от византийских владений, завладели Аниси, Карисцихе и Олтиси — городами грузинских царей, и все же владения султана кишели голодными шайками. Истоющая покоренные земли, не умели сельджуки заниматься ни земледелием, ни торговлей.

Когда не стало хватать сельджукам добычи, амиры потребовали новых войн. Малик-шах потянулся к халифскому престолу.

Георгий Чкондидели только что получил известие от лазутчика из Исфагана. Сообщал армянский купец Аршаруни:

Багдадский халиф развелся с дочерью султана Маликшаха, отослал к нему обратно бывшую свою супругу и сына Джаффара.

Тем временем восстали против султана амирства Бухары, Самарканда и Кашгара.

Знал Чкондидели и то, что вновь покорил султан эти земли, оросил их кровавым дождем после победы, а амиров приказал удавить тетивами их же собственных луков. Но, кроме амиров и младших султанов, были и другие враги у Маликшаха.

Немалую смуту в дела государства вносили женщины — жены амиров и малых султанов.

Сложную паутину интриг раскинули эти женщины во дворцах. Вмешивались они в дела государственного управления и по своей воле назначали наследников престола.

Первою среди них была Тюркан-Хатун, женщина из полонцевского племени.

Чкондидели видел: вернувшийся победителем из Туркестана султан обратится вскоре и к Грузии. Уже имелись предвестия: переход в мусульманство царя кахетинского Ахсартана и прибытие в Кахети сельджукских войск.

Пропели петухи, в темноте подняли лай собаки.

Чкондидели встал, выглянул в окошко. На черном, как деготь, небе, словно скошенная полоса в поле, лежал светлый пояс, обведенный белесой каймой.

Угнетенному тяжкими мыслями визирю захотелось обменяться словом со своим воспитанником; он направился к покоям царевича.

Чей-то голос доносился из опочивальни. Подождав немного, приоткрыл дверь первый визирь.

Свечи еще теплились в канделябрах. Махара сидел у изголовья царевича и читал ему:

«Для чего скрываешь лице Твое, забываешь скорбь нашу и угнетение наше?»

Ибо душа наша унижена до праха, и утроба наша прильнула к земле...

...Препояшь себя по бедру мечом твоим, сильный!..»

Увидев Чкондидели, царевич приподнялся на ложе.

— Не вставай! — попросил его первый визирь.

Осведомился, почему не спится царевичу.

Оказалось, беспокоили царевича те же самые мысли, что не давали спать первому визирю.

Чкондидели изобразил на бумаге подобие паука.

— Так обычно, царевич, покоряют сельджуки полоненные ими земли. Главное войско врывается в столицу, потом его разделяют на четыре части и направляют в уцелевшие окраины, высасывая кровь из страны, как паук из жертвы, запутавшейся в его паутине. Тбилиси — в руках у сельджуков. Сейчас они разоряют Кахетинское царство. Если удастся им утвердиться в Триалетском эриставстве, то, поднимаясь вдоль правого берега Куры, пожалуют они наконец и к нам сюда. по эту сторону Сурамского хребта.

После доклада Чкондидели три дня заседал Совет старейшин.

Гурам Бечисцихский, эристав Липарит, архиепископ манглинский Кирион, архиепископ цилканский Стефаноз, Бешкен Джакели, Нианиа Бакуриани, архиепископы бедийский и тбетский, а также Шергил Липартиани требовали немедленного венчания Давида на царство.

— Царь Георгий уже устал, пора опереться ему на юную десницу царевича.

Урбнисский архиепископ колебался:

— Царевич — почти еще отрок, как бы не выказал он излишней пылкости в управлении государством. Нужно помнить: старость и мудрость ходят всегда рука об руку. Сам спаситель наш не смог бы нести свой крест, если бы пришлось ему подниматься на Голгофу шестнадцатилетним юношей.

Эристав Липарит не согласился с архиепископом урбнисским; привел в пример византийских кесарей — иные из них вступали на престол пятнадцатилетними юношами.

— Зачем далеко ходить за примерами? — добавил Орбелиани. — Разве не возвели эриставы девятилетним отроком на престол царя Баграта Куропалата?

Поднялся архиепископ бедийский.

— Не раз сопровождал я на поле битвы покойного Баграта Куропалата и повелителя нашего, царя Георгия, но и меня удивило спокойствие царевича в битве под Рустави.

Упорно хранил молчание Антоний Кутаисский. Все знали, что не любит он царя Георгия. Ждали, он-то и потребует отречения царя и венчания Давида на царство. Но Антоний издавна подозрительно относился к царевичу Давиду. Все еще не мог он забыть историю с тыквенной митрой. Хотя

царевич сам не участвовал в этом кошунстве, все же хохотал он от души, глядя на расшалившегося Нианию Бакуриани.

Не нравилась Антонию и дружба царевича с Нианией. Незаконным сыном великого домашнего Григория Бакуриани был Нианиа. Громко возмущался Антоний: как позволяет себе царевич дружить с сыном наложницы?

Только двое — архиепископы кутаисский и урбнисский — воздержались от голосования, когда старейшины постановили венчать Давида на царство.

Определили заранее и титул будущего соправителя Георгия II:

«Царь абхазов и грузин, ранов, кахов и армян».

Никто не брался сообщить царю Георгию о принятом решении. Заколебался даже стойкий в любом затруднении первый визирь.

Антоний Кутаисский пробормотал про себя:

— Льва, хотя бы кривого, кто посмеет назвать косым?

Нианиа Бакуриани, услышав шутку Антония, в тот же день передал ее царевичу.

Махара, узнав про нее, улыбнулся и промолчал.

На другой день долго сидел Махара у изголовья больного царя. Наконец, скрестив ноги, присел на ковре перед царским ложем. В руках он держал две игральные кости: одна была черная, другая — красная.

Подносил их по очереди к губам, шептал что-то, подбрасывал, смотрел, как падает брошенная зернь, и чему-то улыбался.

— Чему ты смеешься? — спросил его царь.

Снова улыбнулся Махара.

Георгий повторил свой вопрос.

— Ничего особенного... Вчера один глупец обмолвился мудрым словом.

— Кто и каким?

— Да вот, Антоний Кутаисский сказал вчера: «Льва, хотя бы кривого, кто посмеет назвать косым?»

— А зачем понадобилась попу эта пословица?

— Ты ведь знаешь — крылатое слово быстрее стрелы и смелее мудрого визиря. Вчера старейшины постановили на Совете посадить царевича твоим соправителем, да только никто не осмеливается доложить тебе об этом.

Георгий приказал позвать к себе Давида и первого визи-

ря, расцеловал обоих и со слезами на глазах благословил своего первенца.

Удивился Махара: впервые видел он слезы на ресницах царя Георгия.

ИМПЕРАТРИЦА МАРИАМ

Ни одно из созданий Апеллеса или Фидия не сравнится совершенством с императрицей Мариам.

Говорят, что Горгона обращала в камень всех, кто заглядывал ей в лицо; всякий же, кто хоть раз мельком видел Мариам, лишался разума.

Анна Комнев.

Наконец достигла Грузии императрица Мариам. Ее сопровождали друнгарий восточного флота Ласкарис, великий домestik Запада Григорий Бакуриани, епископы халкидонский, хиосский и пафлагонийский, домоправитель императрицы Цинцилук, письмоводители, горничные и прислужницы.

Не только в Грузии, — по всему миру славилась неопикуемой красотой императрица Мариам. В городах и селах встречали императрицу и ее свиту азнауры, духовенство и люди простого звания — бесчисленное множество народа, стекавшегося из ущелий.

В императорской карете из слоновой кости ехала Мариам. По правую руку ее сидел епископ халкидонский Епифаний, прозванный «Непьющим» в отличие от тезки его, епископа кесарийского, по левую руку — вдова куропалата Мелита, жемчужина дворца Буколеон.

Искренне любили в дворцовых кругах Грузии императрицу Мариам — не только за красоту, но и как великую милостивицу, покровительницу вдов и сирот. В храмах во время литургии имя ее упоминали сейчас же после имени царя Георгия: «Да умножатся дни и годы благочестивейшей царицы, августейшей Мариам!».

Великим утешением для народа, разоренного землетрясением и нашествием сельджуков, был также приезд Григория Бакуриани.

Полководец Византийской империи Григорий никогда не забывал своей Грузии. Домestik Бакуриани передал Георгию «Олтиси, Карисцихе и окрестные земли».

В Орпири встретили гостей царевич, Нианиа Бакуриани, Липарит Орбелиани, кутаисский и бедийский архиепископы со свитой из духовенства, более тысячи рыцарей в доспехах.

Расцеловала царевича Мариам, обрадовалась, увидев украшенного латами и оружием племянника. Положила ему руку на плечо, оглядела еще раз с ног до головы.

— Как ты напоминаешь мне блаженной памяти отца моего!

И еще раз поцеловала в щеку.

Справилась о царице Елене. А когда упомянула имя Русудан, тень скользнула по лицу Давида.

И это заметила пронизательная Мариам.

Удивилась и обрадовалась императрица, увидев Липарита Орбелиани в свите. Сказала:

— Неверные покушаются на вас; любовь к спасителю должна укреплять взаимную любовь между повелителем и слугой.

После того как в большом шатре императрицы отслужили благодарственный молебен по поводу благополучного окончания путешествия, даже дряхлые епископы целовали с вожделем прекрасные руки Мариам.

Монах Козман пал перед нею на колени, поцеловал ее красные сапожки. Прелесть Мариам снова пленила тех, кто видел ее десять лет тому назад. Почти не изменилась с тех пор императрица — «стройный кипарис», как называли ее в Константинополе.

Мариам была одета в далматик цвета чешуи ящерицы, с рукавами, расшитыми золотом, и в красные императорские сапожки, украшенные сапфирами и рубинами.

Увидев царевича и грузинских рыцарей на конях, императрица тоже пожелала ехать верхом.

Стального цвета кобылу, в латах, подвели императрице ласкательным именем самой Мариам — «Маико» — в шутку называл эту лошадь царь Георгий.

С проворством юной девушки вскочила в седло Мариам, уверенной рукой опытного наездника взмахнула хлыстом, пустила лошадь в галоп и поскакала наперегонки с царевичем и Липаритом.

Уже в Орпири очаровала она Нианию Бакуриани. Пылкий Эрот вселился в душу молодого эристава. Беспреданно мечтал он о лицезрении императрицы, неотступно следовал за нею, и каждый раз, когда горячий его жеребец обгонял «Маико», бросал восхищенный взор на прекрасную амазонку.

Столько радости привезла с собою Мариам, что Давид позабыл на время свою печаль, умноженную бедствиями землетрясения. И с Липаритом беседовала она так же ласково, как и в те годы, когда Дедисимеди считалась «прекрасною нареченною царевича».

Имеретинская равнина мало пострадала от землетрясения: виноградники, сады и поля остались почти нетронутыми; словно рубины, сверкали в густой листве краснощекие ягоды черешни. Радовали взгляд увешанные плодами ветки алычи. В рощах раздавалось кукование кукушки.

Наслаждалась Мариам, стосковавшаяся по родной природе.

Возле дубовой рощи всадники остановились на привал.

У кобылицы, на которой ехала Мариам, была маленькая голова, светлая грива, широкая грудь, тонкие бабки и тяжелые копыта.

— Какой породы эта лошадка? — спросила императрица.

— Нашей, грузинской.

Мариам потрепала кобылицу за уши, приложила щеку к ее голове.

— А когда назвали ее моим именем? — спросила она Давида.

— В позапрошлом году, в день Марии, — ответил царевич.

Мариам погладила голову лошадки и коснулась ее губами.

Нианиа удивился. Императрица это заметила.

— Чему ты удивляешься, юноша? Знай, что даже лошадь грузинской породы мне милее греческих куропалатов.

Нианиа пожалел в душе, что он не лошадь.

К эриставу Липариту обратилась Мариам:

— Смотри, Липарит, ни за что не отдавай свою дочь замуж в чужие земли. Возьми, к примеру, меня — я делила престол с двумя императорами Византии, а была бы куда счастливей, если бы покойный отец выдал меня замуж за пахаря-грузина.

Слушая ее слова, царевич тотчас же вспомнил о Бархироке. Такая же мысль мелькнула и в голове эристава Липарита. Между тем императрица снова обратилась к Нианиа:

— Мне хвалили твою доблесть михетские монахи, направлявшиеся в Иерусалим. Говорят, что ты медвежьим ревом испугал Мухаммеда-Аттавиля.

Нианиа покраснел до ушей и ответил:

— Упомяните лучше о доблести царевича, августа; я же своею небрежностью едва не погубил все войско.

Липарит Орбелиани не любил, когда в его присутствии хвалили чужую доблесть, но, чтобы скрыть свои тайные мысли, сказал:

— Нианна Бакуриани — доблестный воин.

Глаза Мариам не могли насытиться зрелищем сел, раскинутых по лугам, храмов и башен, вздымающихся на гребнях гор.

Каждый пригорок, каждый замок напоминал ей времена ее девчества.

С детства баловал Мариам царь Баграт Куропалат.

Семилетней девочкой увез он ее в Византию. В самый день ее приезда скончалась в Константинополе императрица Феодора. И Георгий Мтацминдели, находившийся в ту пору в Константинополе, обронил вещице слова:

— Сегодня ушла одна императрица — и пришла другая.

И в самом деле, через десять лет на голове Мариам уже красовалась корона кесарей.

Константинополем овладел мятежник Михаил Дука. Против побежденного под Манцикертом кесаря Романа Диогена послал он domestика Андроника.

Полками кесаря предводительствовал высокородный армянский азнаур Хачатур. Доместик Андроник разбил кесарево войско; сам Хачатур, чтобы спастись, подарил Андронику бесценное алмазное ожерелье.

Романа Диогена схватили, бросили в темницу и выжгли ему глаза. Слепым приволокли его в Константинополь и постригли в монахи в монастыре Пропонтиды — там же, где за два месяца до того приняла схиму его супруга Евдокия.

Двадцатилетним юношей был новый император Михаил Дука, но стариком называли его в народе, — не любил он ни войны, ни охоты; женщинам и пирам предпочитал писание бездарных стихов. Вечно копался он в книгах, и не хватало у него характера даже для того, чтобы осадить обнаглевших придворных, которые безнаказанно говорили ему дерзости.

Алмазное ожерелье, выкуп Хачатура, domestик Андроник поднес в дар императрице Мариам, когда кесарь Михаил Дука сделал ее своей супругой.

Императрица была так же неопытна в государственных делах, как и ее супруг; империей управляли магнстр Иоанн,

по национальности грузин, философ Михаил Пселл и монах Никифор.

Народ терпел притеснения и роптал без надежды. Этим воспользовался вельможа Никифор Ботаниатес, сжигаемый тайною страстью к Мариам. С помощью наемной рати туркопулов и варягов начал он борьбу против кесаря. Микелан Дукка заручился помощью Солimana, брата Миллик-шаха, но и того подкупил многоопытный сановник Никифор Ботаниатес.

На помощь Ботаниатесу поднялись также великий доместик Запада Алексей Комнен и военачальник Григорий Бакуриани.

Мятежники овладели Константинополем и возложили венец византийских кесарей на голову Никифора Ботаниатеса.

Новый кесарь пожелал вступить в союз с одной из прежних императриц. Евдокию и Мариам приметил Ботаниатес. В конце концов его выбор остановился на Мариам.

Доместик Алексей Комнен пожелал, в свою очередь, стать повелителем империи и супругом императрицы Мариам.

Брат Алексея Комнена Исаак был женат на дочери сводного брата Баграта Куропалата. Воспользовавшись этим родством, Алексей стал частым гостем во дворце кесаря. Чтобы укоротить злые языки, он добился того, что Мариам усыновила его.

Не рождался наследник у престарелого Никифора Ботаниатеса, а поэтому хотел он оставить престол своему родичу Санадину; императрица же Мариам желала видеть императором своего сына — Константина Порфирородного.

Об этих тайных разногласиях между кесарем и его супругой прослышал Алексей Комнен.

Однажды вечером он и его брат Исаак явились к опечаленной императрице Мариам. Спросили почтительно о причине грусти.

— Ах, стоит ли спрашивать об источнике печали женщины, выданную замуж на чужбину? — сказала Мариам.

— Я и мой брат преданы тебе навеки, августа. Прикажи, и мы будем тебе рабами.

Алексей Комнен подкупил военачальников. Изголодавшиеся наемные войска требовали прибавки жалованья.

— Я бы и рад увеличить вам вознаграждение, — говорил им Алексей, — но мне не позволяет император.

Комнен заручился поддержкой кесароса Иоанна и тезки его, изверского магистра Иоанна, которые имели большое влияние на управление империей. Алексей Комнен обещал Гри-

горню Бакуриани сан великого domestика Запада, если тот поможет ему взойти на престол.

7 февраля 1081 года, среди ночи, пробрались братья Комнены в конюшни Влахернского дворца, выбрали наилучших коней; остальным подрезали жилы на ногах и ускакали из Константинополя в лагерь к войскам.

В Константинополе вспыхнуло восстание. Беднейшие слои населения кинулись во дворцы богатых купцов и высокогородных дворян, разграбили их дочиста.

Алексей Комнен заручился поддержкой «гвардии бессмертных» и подкупил начальника Константинопольской крепости — немца Гильпрахта, который передал ему крепостные ключи.

Ботаниатес просил мятежников:

— Я уже стар, наследника у меня нет, — не отнимайте у меня престола, оставьте мне до смерти венец и красные сапоги кесаря и правьте страной по своему разумению.

Но не вняли мольбам старого императора, постригли его в иноки.

Императрица Мариам несколько не испугалась. Долго не хотела она покинуть дворцовые палаты, опасаясь, как бы не стряслась беда с «белокурым Менелаем» — Константином Порфирородным.

Новый император с юных лет был влюблен в Мариам. Хотелось и ему взять ее в супруги, но пересилила дворцовая партия — и императрицею стала Ирина Дука.

Императрице Мариам оставили ее владения в Христополе, а Константину Порфирородному пожаловали титул византийского кесаря, красные сапоги и золотую хрисобуллу, подписанную красными чернилами.

Императрица Мариам переселилась во дворец Мангану. Григорий Бакуриани стал великим domestиком Запада.

Увидев Гегутский дворец, опечалилась Мариам.

Когда царица Елена ввела ее в женскую половину дворца, в полутемных покоях находились только Русудан и горничная ее Лаклака.

Императрица Мариам, как и многие, приняла красавицу-армянку Лаклаку за супругу царевича. Когда испуганная горничная вскочила с места, Мариам вздрогнула: уж очень была уродлива невестка. Холодно подставила она Русудан свою щеку.

После натянутых приветствий и расспросов Мариам прошла в покои царя Георгия.

Монах Козман стоял на коленях у царского изголовья; он читал Георгию «Деяния апостолов», переведенные на грузинский язык Георгием Мтацминдели. Эту книгу только что привезли из Константинополя.

— Жаль мне царевича, — вздохнула Мариам.

— Почему же, Маико? Уж не потому ли, что собираемся венчать его на царство? — спросил Георгий.

Мариам обрадовалась, услышав свое девичье имя.

— Я привезла ему алмазное ожерелье, подарок домашнего Андроника, но знаешь, как я теперь решила поступить?

Она помолчала и сказала брату почти шепотом:

— Для новой царицы хочу сохранить это ожерелье.

Георгий поднял изумленный взор, хотел было сказать ей: «Не говори так, Маико!», но вспомнил, что рядом — монах, и промолчал.

Услышав слова Мариам, монах Козман насторожил уши, приложил кулак к губам и продолжал читать беззвучно.

ПРЕКРАСНЕЙШАЯ ИЛИ ЖЕСТОЧАЙШАЯ?

Императрица Мариам только подставила щеку супруге царевича!

По всему дворцу разнесла эту весть Лаклака, горничная Русудан. Обманули надежды царицу Елену и ее невестку вместе с их сторонниками — игуменьей женской обители Сохастери, епископами и азнаурами.

Вечером на женской половине царица Елена шепталась, вся в слезах, с императрицей Мариам, нежившейся, полулежа среди подушек. Четыре подсвечника горели по углам палаты, восковые свечи озаряли тусклым светом образа, которыми были увешаны стены.

Царица Елена была без головного убора, млажавое лицо ее украшала седина, блестящая, как свежесмотанные с коновок шелковые нити.

— Ты ведь и сама мать, — говорила она Мариам, — ты знаешь, как тяжело видеть в своей семье горе покинутой сироты. Создатель не наградил ее красотой, как тебя, но поверь мне: Русудан — святая женщина, добродетельная и чистая

душой. Раскаяние сдает несчастную: почему не предпочла она царской порфире монашеское платье?

Елена замолчала, поглядела на лицо Мариам, подернутое легкой бледностью; и в самом деле, напоминали черты Мариам образ Никорцминдской богородицы, висевшей сзади нее на стене, — так называл ее Нианиа Бакуриани.

Было неприятно Елене молчание Мариам. Опустила Елена голову, разглядывая подушку, на которой был вышит серебром стрелок с поднятым луком и летящий перед ним фазан; жотом подняла лицо и сказала:

— Боюсь, как бы не убило горе царицу Русудан, не взяты бы нам на душу греха, августа! Если бы ты знала, как она ожидала твоего приезда, — но, увы, отравили ей обманутые надежды и сон, и явь... Августа, я — мать этой семьи, я чувствую, как назревает в ней беда. Исполняя волю царя и Чкондидели, отослали мы накануне твоего приезда с кормчицей в Осстию младенца царевича Деметре. Жалостью переполнилось бы твое сердце, если бы ты видела, с какими горячими слезами прощалась еще не оправившаяся после родов мать со своим первенцем. Мать божья, защити и спаси мой дом от греха! — воззвала царица Елена к Никорцминдской богородице.

От века властвует грех над родом Багратионов. Ты, конечно, слыхала, что дом деда твоего, Георгия I, был полон блудниц. Потому и постриглась в монахини светлой памяти бабка твоя, царица Мариам. Охотником до женщин был также и Баграт Куропалат. Всю свою жизнь проливал потоки крови в войнах покойный царь, а когда возвращался из похода, проводил время, предаваясь разврату. На простых прислужниц готов был он променять царицу цариц Елену. А потом обесчестил супругу Липарита Великого и вызвал не угасающую и по сегодняшней день вражду между домами Багратионов и Багуаш-Орбелиани.

— Вот я и стремлюсь положить конец этой вражде, царица; для того и приезжаю уже третий раз из Византии, — невозмутимо ответила императрица Мариам.

— Разве не перед нашими глазами плод греха покойного Баграта Куропалата — несчастный Махара, не причисленный к живым и не поминаемый среди мертвых?

Когда Елена упомянула имя Махары, Мариам нахмурила брови, потому что и сама стыдилась его существования на земле. Елена почувствовала прилив силы и продолжала:

— Достояна жалости царица Русудан. Владения ее разо-

репы сельджуками, в минувшем месяце привезли ей вести анисские монахи: сельджуки убили в Киликии старшего брата ее, Сурена. С первого же дня невзлюбил супругу Давид, но мы с Георгием хотели иметь наследника престола. Через силу провел царевич первую ночь с Русудан. Потом отняли мы у Русудан первенца. Махара — злой дух нашей семьи: нашептывает денно и ночью царевичу, уговаривает его развестись с женой. Махара ненавидит Липарита, но воображает, несчастный, что если Давид женится на Дедисимеди, то триалетский эристав станет верным слугой Багратионов. Забывает, протак, что Дедисимеди — лишь младшее дитя Липарита, а сын его Рати — истинное порождение ехидны, неусыпный враг нашего дома. Молю тебя, как сестру, августа, защиты от зла многострадальную семью мою. Ты знаешь, с детства предан тебе всем сердцем царевич. Наставь юношу на верный путь, пусть изгонит он из сердца образ дочери эристава, ибо еще никогда не расцветали розы на кусте белены.

— Правильно говорят греки, царица, — отвечала Мариам: — Нельзя судить о человеке, пока он не умер. Никому не сладко всю жизнь слыть изменником, да никто среди людей и не может вечно оставаться одним и тем же, ибо все мы — люди, царица; все мы подвержены изменению, горим и таем в руках провидения, как восковые свечи. От века привыкли мы, Багратионы, считать потомков Липарита изменниками, а забываем при этом, что это они, Багуаш-Орбелиани, сохранили нам эриставство Триалетское. Ты знаешь, царица, что совершил царь кахетинский Ахсартан? Это все — наша вина, вина брата моего Георгия. Если человека каждый день называть изменником, — он и вправду, наконец, свершит предательство. Припомни мои слова, царица: если не совлечь Липарита с протоптанного Ахсартаном пути, пенье муллы скоро раздастся и в Триалети.

Опустила голову царица Елена.

— Таков уж закон нашего женского сердца, — продолжала Мариам, — что правде, высказанной без прикрас, мы предпочитаем льстивую ложь, потому что ложь всегда приятнее правды. Я не знаю, каковы мысли брата моего Махары, но что Русудан — не пара царевичу, это ясно даже тем мертвецам, что ожидают сейчас под землей, со скрещенными на груди руками, трубы Страшного суда. Если царица Русудан столь благочестива, как ты говоришь, то ведь владения создателя велики; ежели почему-либо не захочется ей принять схиму в какой-нибудь грузинской женской обители — хотя

бы в Сохастери, то я могу устроить ее в монастырь Пропон-тиды. Там пребывает доселе прекрасная Евдокия, супруга кесаря Романа Диогена, и не одна царица кончала там свои дни в покое и в мире душевном. А пожелает Русудан — пошлем ее в грузинский женский монастырь в Иерусалим.

Так говорила императрица Мариам, когда открылась дверь и на цыпочках вошли монах Козман и домоправитель Мариам — Цинцилук, воздали почести обеим царицам и уместились у ног Мариам.

Мариам приподнялась и, выпрямив шею, сказала:

— Поскольку, слышу я, превыше сладостей мира сего возлюбила царица Русудан спасителя нашего Иисуса Христа, пусть объявит себя христовой невестой.

Царица Елена омрачилась, тень пробежала по ее лицу. Ничего не ответила она Мариам, подумала только: «Чем женщина прекрасней, тем она беспощадней».

КОЗЛОНОГИЙ ЕПИСКОП

Начиналось лето; солнце, покинув созвездие Рака, приближалось к созвездию Льва. Могучие вихри бушевали в тот год, они вздымали тучи песка на берегах Риони и засыпали им Гегути. Вздвухшаяся река доходила зачастую до лестницы дворца. Когда вода в реке спадала, глубокий слой ила оставался на полях.

Гегути был зимней резиденцией абхазских царей, но царь Георгий жил здесь и летом: он не любил Кутаисского дворца. Его тяготила жизнь в крепостях — такой крепостью казался ему Кутаисский дворец, обнесенный двойной оградой.

Но после того как побывал в Гегути «курчавый посланец сатаны», после того как заржала лошадь Баграта, после землетрясения не мил стал царю и Гегути.

Однако самое важное было все же это. Приближалось время восшествия царевича на престол — Гегутский дворец не мог вместить всех ожидаемых гостей.

Махара думал, что уже в этом году будет венчан на царство Давид; не понимал он, почему откладывалась коронация.

Чувствовал Махара: с утра до ночи совещались, шептались, сплетничали, спорили во дворце, но толку было мало.

Был он обижен и на царя Георгия, и на царевича, и на Чкондидели: почему скрывают от него самое главное?

Иногда нечаянно удавалось Махаре застигнуть перешептывающихся сановников, но как только чуяли они приближение старика, тотчас умолкали. Особенно участилось это после прибытия Мариам.

Царевич казался Махаре обьятым унынием. Станным образом изменил свой нрав Давид: стал особенно скуп на слова, не присутствовал более ни на царских выходах, ни на пирах. После переезда в Кутаисский дворец стал увлекаться астрологией. Как только гасили люстры во дворце, поднимался он вместе с Нианией на вершину пристроенной к дворцу «Колхской башни», и там до рассвета оба они вглядывались в небесные светила, занимались гаданием по вещим книгам, чтением эфемерид. Увлекался царевич и греческими книгами, привезенными ему императрицей Мариам.

Придворные дамы пустили слух, будто в день помазания Давида на царство венчают царским венцом и царицу Русудан; Махара видел в том влияние императрицы Мариам.

Сердился старик: сама развелась с двумя кесарями, а как дошло до царевича — осуждает и один развод! Но одно обстоятельство зарождало в нем сомнения: благополучно разрешилась сыном царица Русудан, и все же казалась печальной.

То, что новорожденного отослала в Осети, не могло быть причиной ее печали. Издавна было обычаем у Багратионов воспитывать наследников в Осети.

Молчаливою стала Русудан, жила, не выходя ни днем, ни ночью из женских покоев. Не показывалась к столу, не сидела перед зеркалом, не румянилась и не белилась. Однажды столкнулся с нею в одном из коридоров Махара; испугало безбородого заросшее щетиной женское лицо.

Грузинские и греческие епископы окружали Русудан, из ее покоев то и дело раздавалось пение псалмов.

Разболтали горничные девушки то, что удалось им подслушать: плачет по ночам царица Русудан, потому что царевич хочет венчаться на царство один, без супруги; католикос Евстратий восстает против такого желания царевича.

Одного не мог понять Махара: уже разъехались по домам все эриставы, чего же Липарит Орбелиани дожидается в Кутаиси?

Раза два царь Георгий и Липарит совещались о чем-то во дворце царя Леона; даже факельщики были отпущены из

горницы, где происходила беседа. Не раз шептался эристав триалетский и с Чкондидели.

Махара прекрасно знал, что самым влиятельным из всех архипастырей был Антоний Кутаисский. Сам католикос Евстратий боялся этого архиепископа, ибо обычно его сторону держали многие архиереи.

Антоний ненавидел Махару: было известно скопцу взяточничество архиепископа.

Правая стопа Антония была отнята ниже шиколотки, и на обрубок ноги надет круглый деревянный башмак. Потому Махара называл Антония «козлоногим», и величал его так же за спиной, а открыто, за трапезой или на пиру. Когда хмель овладевал Махарой, он валился нарочно на ковер и кричал:

— Ой, ой, умираю, пусть козлоногий епископ прочтет мне напутствие!

«Ничего не поделаешь, дуракам закон не писан», — думал Антоний и безропотно переносил оскорбления.

Однажды вечером, после долгого размышления, решил Махара отправиться во дворец Антония — авось удастся выведать что-нибудь у злоязычного епископа.

Палаты архиепископа кутаисского были расположены на полдороге от царских хором к храму Баграта.

Махара прошел через сад Багратионов, углубился в аллею, осененную огромными смоковницами. Во дворце Леона зажигали свечи в канделябрах, люди несли вверх по лестницам фитили и сало.

Из боевых башен доносились уже звуки рогов, темные зубцы крепостных оград вырисовывались на фоне аквамариновых небес. Запоздалый луч солнца дрожал в листе опутавшего стены плюща. Тень и свет боролись друг с другом возле башен, дворцов и оград.

Из палат Антония Кутаисского в аллею вышли две фигуры. Опустив головы, беседовали, прогуливаясь, женщина и рыцарь.

Махара скользнул за ствол смоковницы и притаился, ибо услышал нечаянно слово «царевич». Вглядевшись, узнал он императрицу Марнам и Липарита Орбелиани.

Страстно захотелось Махаре хотя бы краем уха уловить их беседу. Еще раз послышалось имя царевича. Махара на дыпочках последовал за беседующими, но те внезапно свернули к дворцу Леона. Из дворца вышли мандатуры. Махара,

продолжая путь, миновал плодовый сад дворца Багратионов.

В конце плодового сада был небольшой участок, часто засаженный смоковницами, — его называли фиговым садом. Посреди смоковниц находился огромный каменный погреб. Возле погреба стояла небольшая часовня, наполовину разрушенная землетрясением. В нишах часовни теплились восковые свечи. Махара снял несколько свечей и поднял плиту, что лежала в углу часовни.

Под плитой открылся узкий подземный ход, пол и стены которого были выложены булыжником.

Махара шел согнувшись, чтобы не задеть потолка. В одной руке он держал свечи, другою рвал сети, раскинутые пауками. По замшелым стенам скользили бесшумные ящерицы.

Долго шел он под землей и пришел к перекрестку, где проход разделялся на три ветви: одна вела ко дворцу Багратионов, другая — наружу, за стены крепости, третья — к дворцу Леона. По этому-то проходу и пошел Махара. Плита, подобная той, которую старик откинул в часовне, прикрывала выход из подземелья. Осторожно упершись чубатой головой, Махара приподнял ее и оказался в главной палате дворца Леона.

Во всех четырех углах палаты стояли подсвечники с зажженными свечами, факельщиков нигде не было видно.

На том самом месте, где кончался подземный ход, стоял большой иранский шкаф из каменного дерева на подставках, имеющих форму слоновых ног. Этот огромный шкаф почти перегораживал палату пополам. Барельефы с крылатыми львами и дикими буйволами украшали его стенки. За этим шкафом и спрятался Махара.

В другом конце палаты сидели друг против друга на подушках мужчина и женщина.

Махара услышал голос императрицы Мариам.

— Надеюсь, эристав Липарит, ты привезешь Дедисимеди на торжество коронации?

Услышав имя Дедисимеди, наострил уши Махара.

Мужчина немного помолчал.

— Боюсь, не вызвал бы ее приезд ненужных пересудов, августа. Кроме того, я не знаю, что скажет на это царица Елена.

Еще помолчал короткое время Липарит, потом сказал:

— Не лучше ли было бы, государыня, приехать тебе самой к нам в Триалети? Ката и Дедисимеди ждут тебя с не-

терпением в Липаритис-убани. Кроме того, мы недавно построили две новые церкви — ужели не захочешь их осмотреть? На присланные тобою пожертвования украсил их архиепископ манглиссий.

— В день венчания Давида на царство вся Грузия съедется в Кутаиси, как же ты можешь не привезти свое семейство? Его отсутствие как раз дало бы повод к ненужным пересудам. И не тревожься о царице Елене; мне кажется, я здесь у себя дома, не правда ли? А после того, как Давид будет помазан на царство, я поеду с тобою в Клдекари.

Императрица Мариам поднялась с места. Махаре показалось, что она направляется в его сторону; он прижался к шафу, затаив дыхание.

Мариам подошла близко к Липариту, эристав приподнялся с места. Императрица просила его не вставать, положила руку ему на плечо и сказала вполголоса:

— Кое-как удалось мне добиться согласия царя Георгия. Царевич разведется с Русудан. Много твердила я царю, перечислила примеры византийских императоров и императриц. Да и в самом деле ничего необычного в этом нет... Трижды вступала в брак императрица византийская Зоя. Константин Мономах дважды разводился со своими супругами.

— А абхазский католикос?

— Евстратий согласен, но боится козлоногого Антония. Один лишь Антоний упрямится и требует, чтобы наложили епитимью на царевича. Не знает Антоний, что лишь при третьем браке налагал епитимью на молодых императоров константинопольский патриарх.

— Антоний Кутанский? — вскричал Липарит. — Но ведь он сам убеждал меня, что это Чкондидели с католикосом Евстратием не допустили царевича обручиться с Дедисимеди, а что он будто бы с самого начала стоял за то, чтобы сделать ее царицей.

— Двуличен архиепископ Антоний. Напротив, Чкондидели стоял за то, чтобы царь породнился с тобой, эристав Липарит.

Липарит все же встал и сказал:

— Все это было в прошлом. Ныне дочь моя созрела, боюсь, как бы не навлечь позора на мой дом, государыня.

Он опустил голову.

— Антоний?! Каков!

Мариам ответила ему громко:

— С архиепископом кутаисским справлюсь я сама. Пусть образумится козлоногий, а не то — как бы не пришлось наложить на него самого епитимью!

ХОРЕШАН

С нетерпением ожидали в Липаритис-убани приезда императрицы Марнам, но прибыло послание от нее и от Чкондидели: Ката, Дедисимеди и Рати приглашались на торжество помазания царевича.

Заупрямилась Ката — как везти в Кутаиси Дедисимеди, пока царица Русудан живет во дворце? Не выставлять же дочь на позорище!

Иначе думал сын Липарита Рати. Хотя и держал он постоянную связь с двором ширванского повелителя и с тбилисским амиром, все же был он правоверным христианином.

Принятие ислама царем кахетинским Ахсартаном возмутило Рати до глубины души. Триалетское эриставство врезалось мысом в море мусульманских земель. Обратят в мгометову веру царство Кахетинское, а потом настанет очередь Триалетского эриставства...

Часто Рати спорил с отцом, но сейчас и ему показалась своевременной попытка сблизиться с Багратионами.

Приглашение на коронацию объяснял Рати следующим образом: всемогущая императрица Марнам настаивает на своем, царевич разведется с Русудан, и, быть может, за коронацией последует свадьба.

В Липаритис-убани прибыл монах Козман. Он подтвердил эти догадки и еще добавил:

— Упрямо стоит на своем кутаисский архиепископ, но это — дело времени. Сребролюбив Антоний, он уже намекал мне, что сорок тысяч золотых драхм получил константинопольский патриарх за согласие на вторичный развод кесаря Константина Мономаха. Если будет необходимо, императрица Марнам заплатит эту сумму.

И еще одно радостное известие привез монах Козман: царь и Совет старейшин возложили на эристава Липарига обязанности спасалара — ведь нестары были спасаларами Багратионов эриставы из дома Багуаш-Орбелиани.

Упорство архиепископа кутаисского не страшило Рати.

Если и золото не смягчит сердца Антония, можно, взяв с собой триалетских азнауров, выманить его на охоту в Аджаметский лес, и нечаянно сорвавшейся с тетивы стреле будет приписана его смерть.

Дедисимеди расстроило неожиданное известие и в особенности упорства матери. Настоячиво уверял ее монах Козман: для тебя привезла императрица Мариам алмазное ожерелье, дар domestика Андроника. Очень хотелось дочери зривава присутствовать при восшествии царевича Давида на грузинский престол.

Частые обмороки изнуряли ее, и наконец слегла она в постель.

Так всегда бывает с кроткими и тихими: долго носят они безропотно горе в душе, а когда увидят, что кончилось испытание, сразу изменяет им сила терпения, и тогда накопленная сердцем горечь у иных выступает холодным потом, а у нежнейших разрешается слезами.

Призвала Ката домашнего врача Карсанидзе. Тщетно поили деву целебными шербетами. Наконец позвали кормилицу Дедисимеди, Хорешан...

Была Хорешан вещей сновидицей и ворожей, несмотря на слепоту, отменно владела лютней и сладостно пела ирмосы.

Расцеловала Хорешан воспитанницу, пощупала ей жилу на запястье, провела ночь у ее постели, а наутро заставила рассказать виденный сон.

— В желтое платье была я одета во сне, — отвечала Дедисимеди, — и видела желтый сад, и цветы и плоды были желтые в том саду. Желтый садовник ходил по саду, а глаза у него были цвета алычи.

«Сон к печали», — подумала няня. Провела еще одну ночь около Дедисимеди, напомнила ей детство, поиграла на лютне, спела ирмосы и усыпила больную. Утром снова спросила про сон.

На этот раз на Дедисимеди было надето белое платье, а крепостные стены окрасились в черный цвет. Царские войска пришли в Клдекарскую крепость, кизилово-красные штандарты несли они на копьях. Четверо рыцарей, закованных в латы цвета киновари, подошли к Дедисимеди; они бросили щит у ее ног, а потом подняли ее на этом щите.

— А куда унесли тебя рыцари? — спросила Хорешан.

Дедисимеди замолчала, даже от кормилицы утаила со-

кровенное: что Давид был одет в скараманг из червленной парчи и в руке держал щит — сплошь из золота.

Вошла разгневанная Ката. Спросила Хорешан о причине болезни.

— Болезнь от печали, — ответила кормилица.

Велела Хорешан принести пригоршню персикового цвета, ягоду унаби и сухое виноградное зерно. С десятью драхмами алилы и двадцатью зернами сунджи вскипятила она все это в одной мере воды и дала выпить больной.

Все же не стало лучше Дедисимеди. Тогда Хорешан прямо сказала супруге эристава:

— Обещай, что поедет она в Кутаиси, и немедленно пройдет ее недуг, потому что глубоко затронута душа девушки.

Ката, оставшись наедине с Хорешан, стала ее упрекать:

— Зачем сказала такое в присутствии Дедисимеди?

— А скажи мне, госпожа, почему ты не хочешь взять девушку на торжества в Кутаиси?

Опустилась в кресло опечаленная мать и сжала руками виски.

— Не знаю, как мне и быть, Хорешан. Рати, конечно, прав; императрица Мариам — доброжелательница нашего дома, но ведь ты знаешь, какие длинные языки у сплетников! Опять пойдет шепот по всему дворцу: «Вот, мол, приехала прекрасноокая невеста царевича!»

— Не говори так, госпожа. Вся Грузия будет в Кутаиси в этот день, может ли отсутствовать хоть одна из дочерей или жен эриставских на таком торжестве? Пожалей девочку, молю тебя я, ее слепая кормилица.

Ката смягчилась, призвала главного конюшего, приказала держать лошадей наготове.

В САДУ ПАНА

Нианна Бакурнани собирался в Таоскари — он был спешно вызван двоюродными братьями по делам своих владений. День коронавания Давида был трижды назначен и трижды откладывался.

Тяжко было Нианни оставаться во дворце. Стремился он уехать, чтобы положить предел безнадежной страсти своей к императрице Мариам.

Догадалась мудрая сердцем женщина о печали влюбленного юноши. Подсунула смятенному рыцарю куропалатису Мелиту.

Началось это так: отправились в женскую обитель Сохастери императрица Мариам, куропалатиса Мелита, царевич, Ниания и Епифаний Непьющий со свитою рыцарей и монахов.

На обратном пути Мариам намеренно отстала от остальных всадников. А потом внезапно пустила лошадь галопом и ускакала от Ниании и Мелиты.

Не выдержал женолюбивый Ниания; оставшись наедине с прекрасной Мелитой в лесу, впился в чувственные губы вдовы куропалата.

Во дворце за ними наблюдала тысяча любопытных глаз. Некоторое время сказывалась больной Мелита, потом пожелала совершить прогулку на лошадях к Сатаплии. Сатаплия — «Медовник» — дремучий дубовый лес у подножья горы Хомли. В расщелинах хомлийских скал гнездится несчетное множество белых пчел. Константинопольские монахи-пасечники часто упоминали об этих пчелах, утверждая, что мед их обладает свойством удлинять человеческую жизнь.

Мелита взяла с собой Нианию, своего постельничего монаха и трех диаконов. Тотчас по прибытии в Сатаплию Мелиту и Нианию угостили душистыми сотами, и влюбленные, отпустив спутников, наслаждались диким медом на берегу ручья.

Оба они быстро опьянели, потому что волосы Мелиты были золотисты, как мед, а тело у нее было белое, как снег, что еще с прошлой зимы остался кое-где на горе Хомли.

По всему дворцу разнесли диаконы слух о блудодействе тречанки.

Домоправитель доложил об этом Антонию.

Всегда был на страже архиепископ Антоний, ревнитель христианского благонравия. Он довел эту историю до сведения царя. Царь Георгий рассказал об этом сестре. Императрица Мариам строго осудила Мелиту и приказала ей немедленно вернуться в Константинополь.

Взмолилась вдова куропалата, чтобы императрица не отсылала ее из Кутаиси до коронования царевича. Мариам согласилась временно оставить гостью, тем более что после коронации должны были отправиться в Византию Епифаний Непьющий и хиосский епископ Севастий.

Как только начался Ствлиса — месяц виноградного сбора — множество гостей прибыло в Кутаисский дворец; еще не был назначен день торжества, но уже приезжали с дарами азнауры, богатые купцы, духовенство. Боялись: вдруг взбредет на ум царю Георгию неожиданно назначить день коронации, и тогда не удастся вовремя поспеть в Кутаиси.

Не менее чем десяти стадиям равнялась длина Кутаисского дворца вместе с каменными пристройками и башнями.

Дворецкие и домоправители сбились с ног, размещая эриванцев, епископов и азнауров с их многочисленной свитой и лошадьми. Приехавшие на арбах простолюдины раскинули шатры в рощах на берегу Риони.

Византийский кесарь Алексей Комнен прислал послов: четырех куропалатов, трех магистров и семерых турмахов. Они привезли в дар царевичу золотое копье с византийским штандартом, пятьсот склянок мускуса, сто локтей парчи, три исалтыри в золотых переплетках, двадцать тысяч драхм, десять венгерских коней, сбруи и седла, украшенные золотом, для трех лошадей. Все это прислал кесарь в дар защитнику христианства, будущему воителю против Гога и Магога.

Прибыли послы и от ширванского владетеля, привезли Давиду арабских лошадей и семь золотых панцирей.

Прибыли доверенные люди осетинского царя, приехали аниscopy, книжники и купцы, поднесли в дар три сотни карабахских коней, сто овец с руном разного цвета, серебряное копье и щит, покрытый золотом.

Был достаточно обширен дворец кутаисского архиепископа, но и здесь тоже было тесно от гостей. Последними прибыли дманисский, цинцаройский, урбнисский и ниоцминдский архипастыри.

По всему царству славился сад Антония Кутаисского. Огромные клены и дзелквы были обвиты лозами толще буйволиной ноги. Вдоль ограды сада стояли смоковницы, отягченные плодами, яблоневые и персиковые участки были размежеваны гранатовыми деревьями.

Под громадными дубами был устроен погреб; десятка два кевври — кувшинов, наполненных старыми винами, было зарыто в этом погребе. Но не все кувшины уместились в погребе, часть их была закрыта в саду, в беседках, оплетенных ползучими растениями. Словно великаны, лежали вокруг беседок порожние кувшины-амфоры, широко распялив рты в ожидании нового урожая.

Запаздывали коронационные празднества, нетерпение овладело грузинскими и греческими епископами, приготовившимися к пиршествам и веселью.

Перед тем как приступить к трапезе, гости архиепископа сидели обычно на бревнах дзелквы перед погребом.

В огромных давяльных чанах монахи с подвернутыми до колена штанами, охмелевшие от бродящего сусла, весело давили виноград. Другие, взобравшись на клены, обирали виноградные лозы, спускали гроздья в корзинах.

Византийские гости изумленно глядели, как, засучив рукава, монахи спускались в исполинские кувшины по лестницам и скребли щетками из черешневой коры глиняные стенки. Пчелы вились вокруг давяльни и отягченных гроздьями кленов. В ушах стояло немолчное пчелиное жужжание.

В золотых чашах принесли монахи виноградный сок, давали его пробовать гостям.

Завязалась беседа. Начал ее хиосский епископ, который рассказал о том, что нынешней весной в Кесарее родился двуголовый теленок.

Епифаний Непьющий продолжил беседу рассказом о поклонении собакам—суеверии, распространенном в те времена среди константинопольского населения. Пафлагонийский епископ поведал слушателям о том, что в Антиохии объявился ученый пес Пифон, которого обучил человеческой речи один турок-исмаилит.

— А ты веришь, владыко, — заметил хиосский епископ, — что Пифон и в самом деле пес? Эта собака, без сомнения, исчадие ада.

Дманисский и цинцкаройский епископы, прекрасно говорившие по-гречески, оба подтвердили, что пес, конечно, — сам сатана.

Выпитое мачари — бродящее сусло — пробудило у гостей аппетит.

— Хвалят безмерно колхидские устрицы, владыко, — обратился к Антонию хиосский епископ Севастий, у которого шея была тонкая и длинная, как у анста.

— О-о-о, и впрямь отменные устрицы в Колхиде, — ответил гостю хозяин (кстати сказать, сам ненавидевший устриц), — сегодня привез их для вас, владыко, высокопреосвященный Досифей, епископ цхумский.

Епископ Севастий почувствовал во рту слюну, когда заговорили об устрицах. Необычайно возбужденный, он едва не

воскликнул: «Так велите же принести их сюда!», но не посмел обратиться с такой просьбой к хозяину и только пробормотал:

— Колхидские устрицы хороши с хиосским вином, владыко.

— Вина предложу вам, ваше преосвященство, багдадского, капистонийского и оджалешского. Поверьте, владыко, колхидские вина ничем не хуже хиосских и лесбосских.

Епифаний Непьющий, не раз пробовавший колхидские вина, сказал:

— К колхидскому вину хороши — рионская осетрина и икра.

Цинцаройский епископ заспорил с ним:

— Летом лучше всего лопатка молоденького теленка, сваренная с чесноком, кориандром и базиликом, с подливкой из ткемали.

— Что до меня, то я болен полнокровием, — вставил свое слово мровийский епископ. — Кажется, и вы тоже, владыко? — обратился он к ниноцминдскому епископу.

— Да, и я тоже, — подтвердил епископ ниноцминдский.

— Тогда я вам советую мясо верблюжонка с фенхелем и бобами.

— А что вы скажете против джейраньего шашлыка, — спросил епископ кумурдойский, — с уксусом и барбарисовым соком?

Тут разохотился и сам Антоний:

— Всего лучше оленье мясо, но не только что пойманного оленя, а такого, что держали целое лето в загоне. Нынешней весной поймали мои охотники оленя, все лето поил я его обильно дождевой водой, мясо у него должно быть сладкое, нежное и легкое. Сегодня подадут его вам — убедитесь сами.

Взволновало гостей обещание Антония.

— Я всему предпочитаю лососину, — сказал цинцаройский епископ, — приготовленную по-кутаисски, с гранатовым соком.

— Что вы, владыко, — ответил толстый урбнисский епископ, облысевшую голову которого украшала бородавка величиною с миндалину, — разве сравнится что-нибудь на свете с мясом фазана, турача и куропатки?

— А я так полагаю, — вмешался епископ дманисский, — выше всего на свете форель из Арагви или из Алгети.

Взволновались греческие гости.

— Ну, куда же речной рыбе до морской или до понтийских устриц? — сказал епископ пафлагонийский Тимофей.

— Взяла бы нелегкая ваши устрицы — как морские, так и сухопутные, — по-грузински пробормотал цилканский епископ и при том так испуганно сощурил глаза, как будто сказал что-то совсем нечестивое.

Исполнилось желание греков: колхидские устрицы были поданы в самом начале обеда.

Как только окончили молитву, накинулись греки на устриц.

Осторожно открывал их Епифаний Непьющий, потому что читал где-то у Плиния, будто в раковинах колхидских устриц попадаются жемчужины.

Втайне был огорчен Епифаний Непьющий: Антоний заставил его председательствовать за столом, и не хватало ему времени для еды. Не раз Епифаний сопровождал императрицу Мариам при поездках ее в Грузию, и потому было достаточно знакомо ему искусство ведения пира.

Когда в семнадцатый раз обошла стол золотая чаша, Епифаний свалился, словно подкошенный; подскочили постельничие монахи, увели его под руки.

Теперь обязанности тамады принял на себя сам архиепископ Антоний. Он велел принести еще больший кубок, тоже из золота. Серна, убегающая от охотника, вооруженного луком, была вычеканена на этом кубке.

Один вид этого сосуда заставил епископа мровийского покинуть пиршество в сопровождении игуменов Тутайского и Сохастерийского монастырей и двух монахов. Только трижды успела обойти пирующих чаша с серной — и еще семерых пьяных епископов унесли монахи во дворец Антония.

В изумлении взирала на Антония Кутаисского вдова курупалата Мелита.

Краснощекий, растрепанный, стоял он во главе стола с золотым кубком в руке. На лесного бога Пана походил он — курносый, хмельной, с подернутым багрянцем кончиком носа. Возбужденный, затынул он застольную здравицу «Мравал-жамиер». Только свирели Пана не хватало развеселившемуся тамаде.

Еле поднимали тяжелые веки тонковейные греческие епископы. Среди упитанных, цветущих грузинских архипастырей выглядели они, как те фараоновы тощие коровы, которые пожрали жирных коров, а сами не стали жирнее.

В самый разгар виноградного сбора, когда виноград засыпают в давяльные чаны, начинались в древней Греции празднества в честь Бахуса, бога опьянения. Выжимками чер-

ного винограда греки обмазывали себе лицо, после чего начиналась вакханалия. Отдаленные отголоски этого обычая еще оставались в те времена и в Колхиде. Во время сбора винограда обитатели Кутаисской крепости, из простолюдинов, ходили, обмазавшись выжимками, по дворам, опьянялись перед погребками поднесенным вином.

Махаре несказанно хотелось попасть хотя бы невидимкой в сад к Антонию Кутаисскому.

Царевича и Нианию встретил он на лестнице дворца царя Леона.

— Сходи-ка в сад к архиепископу Антонию, погляди, как веселятся преосвященные, — сказал с улыбкой Давид и подмигнул старику.

— Знаешь ли что, Махара, — сказал Нианиа, — вымажь себе лицо выжимками и осмотри хорошенько сад.

Пришелся по нраву Махаре совет Ниании. Его безбородое лицо было словно нарочно создано для такого маскарада.

Переоделся Махара простолюдином, вымазался виноградными выжимками и, когда порядком стемнело, перелез через ограду в сад к кутаисскому архиепископу.

Стол, накрытый под сенью тутового дерева, нашел он уже опустевшим; опьяневшие монахи, не присаживаясь, доедали остатки пиршественных яств. Не было видно нигде ни гостей, ни хозяина.

Словно ищейка, бегал по саду Махара. Трое епископов, ухватившись за пустые квеври и напевая, проливали мочу.

Месяц уже стоял над крепостью.

В конце сада, в беседке из лоз, мелькнула человеческая фигура в белом женском платье; за ней, переваливаясь, брело огромное привидение. Махара притаился за стволом клена.

Привидение догнало фигуру в белом, заключило в распростертые объятия женщину, и оба, опьяненные страстью, прильнули к ограде.

Махара выступил вперед и узнал вдову куропалата; тотчас же выскользнула женщина из объятий любовника.

— Кто здесь? — закричал Антоний.

— Это я, Махара. Понадобился мне «Апостольский канон», для того искал я тебя, владыко.

— О, исчадие ада! — пробормотал Антоний.

Следующий день был понедельник, Антоний издавна считал его днем неудачи. Рано утром явился к нему Махара, вздрогнул архиерей, вспомнив приключение прошлой ночи.

Гость не дал хозяину даже одеться; не дожидаясь приглашения постельничего монаха, сам вошел в гостиную палату.

Растрепанный, с раскрытой грудью, заросшею щетиной, встретил Махару архиепископ.

— Прости мне, владыко, вчерашнее вторжение, но в самом деле мне очень нужен «Апостольский канон».

Сначала вспылил кутаисский архиепископ, потом устремил в изумлении взор на Махару. «Вчерашнее вторжение» он принял сначала за обычную шутку Махары, но теперь понял, что далеко не шутил безбородый.

Не говоря ни слова, вынес «Апостольский канон» и так же безмолвно положил книгу на стол.

— Слаб я стал глазами, — сказал Махара. — Прошу тебя, владыко, прочти мне главу двадцать девятую.

Долго листал Антоний «Апостольский канон».

— Должно быть, не часто приходится тебе читать эту книгу, владыко? — спросил Махара. Правая бровь у него подрагивала.

Наконец нашел искомое Антоний и прочел:

«Аще кто, епископ или пресвитер или диакон, деньгами сие достоинство получит, — да будет извержен».

— А теперь прошу тебя, владыко, прочти мне главу сорок вторую, — попросил гость.

«Епископ или пресвитер или диакон, блудодейнию или игре и пьянству преданный, да будет извержен».

— Воистину, воистину! — сказал Махара и встал.

Антоний хранил молчание. Махара сказал твердо:

— Теперь выбор предоставляется тебе, святой отец. Хочешь — дай свое соизволение царевичу на немедленный развод с царицею Русудан, не хочешь — потребую я, чтобы наложили на тебя епитимью.

— Я всегда держал сторону царевича в этом деле, так же, как и в других, — пробормотал Антоний, опустив голову.

Махара простился с хозяином.

На другое утро архиепископ кутаисский попросил приема у императрицы Мариам, предстал перед нею со склоненной головой и сообщил:

— Католикос абхазский и я, прах царствования твоего, — оба мы даем согласие на развод царевича с госпожою Русудан.

В пятницу утром прибыло в замок семейство Липарита в сопровождении семисот копыеносцев.

Императрица Мариам пригласила Катю, Дедисимеди и Рати во дворец царя Леона. В тот же вечер дала она большой ужин. Семь эриставов со своими домочадцами присутствовали на пиршестве.

По левую руку от императрицы Мариам сидели Дедисимеди, куропалатиса Мелита, Тинатэ, дочь цхумского эристава, — высокогрудая, с густыми, тяжелыми волнистыми волосами; дочери бечисцихского владетеля—Ина, Дуда и Хваша—прекраснейшие из дев Самцхийского края; Лума — супруга Шергила Липартиани, жемчужина мегрельских жен.

И все же на одну Дедисимеди смотрели стар и млад: единогласно объявили придворные дамы: в тот вечер дочь эристава затмила всех — даже Мариам.

— Руками, только руками! — говорила Мзисавар, дочь Шервашидзе, старая дева, что бывала на своем веку и в константинопольских дворцах.

И впрямь, чуть грубоваты были руки у императрицы Мариам.

После долгого путешествия обветрено было лицо Дедисимеди, но ланиты ее цвели, как персиковый цвет, и на лице ее играл персиковый оттенок, какой придавали обычно иранские мастера стройным фарфоровым вазам. Белы, словно лопотский мрамор, были руки ее с тыльной стороны, а ладони — чуть розоваты; длинные пальцы слегка выгибались кверху у основания ногтей.

В субботу вечером приблизился к дверям дворца абхазских царей архиепископ бедийский. За одетым в виссон преосвященным выступали — Кирион Манглисский, Стефаноз Цилканский и Досифей Цалкинский; большая свита духовенства сопровождала их с пением псалмов. В руках они держали зажженные большие свечи; кадя благовонным алоэ, вошли они в царскую палату.

Архиепископ бедийский положил на дискос царские венцы, скипетр, порфиру и виссон, накрыл их покрывалом и унес в храм царя Баграта.

Были положены в алтаре знаки царского достоинства. «Ночь бдения» провели около них архипастыри.

На другое утро облачились в пышные ризы абхазский католикос Евстратий, кутаисский, мровийский, бедийский, манглисский и цалкинский архиепископы и семь епископов. В алтаре разгорелся спор между Евстратием и Антонием.

— Архиепископ кутаисский — соборователь царей, поэтому и должен возложить венец на голову царевича, — говорил Антоний.

Чкондидели вмешался в дело, и было решено: по обычаю, как положено, венчает Давида на царство абхазский католикос.

Царевич был чуть бледен в то утро; волновался, все время молчал, не расставался с Нианией Бакуриани, Бешкезом Джакели и Шергилом Липартиани.

В царскую палату вошел крестоноситеь, за ним шли вельможи и воины. Склонившись до земли перед царевичем; воздал ему почесть крестоноситеь и сказал:

— Благослови нас, святой и самодержавный государь, да будут мнози годы и часы твои.

То же повторили воины.

Вновь склонился крестоноситеь, обратился к вельможам и воинам:

— Радуйтесь, сильные и непобедимые! Пришел час свершить положенное.

Царевич встал, поднялись вельможи и рыцарская свита.

Впереди несли «колокол царский», за ним — знамя и копье. Позади следовали крестоносители и архидиакон.

За крестоносителем выступал главный мандатур, он держал в руке золотой мандатурский посох; вслед за ним шли царь и войска. По правую руку от Давида шли военачальники. По левую руку — ведающие мирскими делами.

Липарит Орбелиани, препоясанный мечом, нес на вытянутых руках обнаженный державный меч.

За клдекарским эриставом следовал главный конюший, также препоясанный мечом.

Чкондидели шел слева от царя; правитель царского двора, начальник царских телохранителей и главный оружничий несли царский щит, царский пояс и ножны царского меча. Они шли непосредственно за царем.

У притвора храма Баграта встретил шедшего со склоненной головой царевича католикос Евстратий и приветствовал его, восклицая громко:

— Благословен приход твой и утверждение твое над цар-

ством твоим! Да повергнутся под стопами твоими враги и противники твои.

Присутствовавшие возгласили:

— Аминь!

Молча воздал царевич почесть католикосу и направился к дверям храма. Десницу его держал католикос Евстратий, шуйцу — бедийский архиепископ.

Введя в храм, архипастыри усадили Давида на царском месте.

Крестonosитель подошел к Липариту Орбелиани, взял у него царский меч, внес в алтарь и прислонил к животворящему дереву. Знамя же и копье держали перед воротами алтаря два рыцаря в латах.

Архиепископ бедийский взял с дискаса царский виссон, подступил к сидящему царевичу и накрыл ему колени.

Чкондидели с эриставом Липаритом подошли к царевичу, взяли его за руки выше локтей, подняли и подвели к католикосу.

— Благослови, владыко! — произнес Давид.

Евстратий осенил его крестом и сказал:

— Благословенно царствие твое во веки веков!

Протодиакон возгласил с амвона:

— Препояшь себя по бедру мечом твоим, сильной красотой твоею и добротой твоею, и гряди, и преуспевай, и царствуй истины ради, и кротости, и правоты.

И когда дошел до места, где говорится: «Предста царица одесную тебя, в ризы позлащенные одоянна», — тщетно искали Русудан любопытные.

Под конец обряда уже все — старый и малый, рыцари и женщины — бросали украдкой взгляды в сторону Дедисимеди.

Стояла, прижав руки к груди, дочь эристава Липарита, тихая и кроткая, словно горлинка.

Когда из алтаря вышел Давид, одетый в золоченый панцирь, и Липарит Орбелиани препоясал его державным мечом, что был вздымаем не раз со славою в войнах против сельджуков, — Дедисимеди отыскала взглядом глаза бледного, взволнованного Давида, и слезы подступили к ее прекрасным очам.

Процессия вышла из храма Баграта. Правую руку царевича держал католикос, левую — Георгий Чкондидели.

В царской палате царя Давида встретили царь царей Георгий и царица Елена, расцеловали первенца своего.

Католикос Евстратий и Георгий Чкондидели возвели царя Давида на трон, усадили и сошли обратно. Крестonosитель стал одесную царя, в руке он держал животворящее дерево креста.

После этого началось воздаяние почестей.

По одному подходили к Давиду императрица Марнам, абхазский католикос, Чкондидели, эристав Липарит, Григорий Бакуриани, эристав Гуарам, главный мандатур, главный казнохранитель и старейшины. Подходили эриставы и их домочадцы; склонившись перед царем, воздавали ему почесть.

Когда подошла Дедисимеди и поцеловала ему руку, царь почувствовал желание расцеловать руки дочери Липарита — белые, словно лопотский мрамор.

АЛМАЗНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

Уже кончался месяц Ствлиса.

Католикосом Евстратием и архиепископом кутаисским было решено в день святого Георгия объявить миру о разводе царя Давида с царицей Русудан.

Окончились торжества, устроенные в Кутаисском дворце после помазания. Разъехались по домам дальние гости и послы: кахетинские, карталинские, тао-кларджетские эриставы, архиереи и азнауры. Лишь несколько родовитых азнауров с семьями не собирались уезжать из Кутаиси, потому что по дворцу разнесся слух, будто за венчанием на царство не сегодня-завтра последует свадьба.

Русудан молила царицу Елену и кое-как добилась ее согласия привезти из Осети царевича Деметре. Отрядили скорохода, вызвали кормилицу вместе с дитятей.

Внимание всего дворца было сосредоточено на Дедисимеди. После коронации ни разу не покидала она женской половины Леонова дворца, ни разу не появлялась во дворце абхазских царей — не показывалась ни царю Георгию, ни царице Елене. Не расставалась с Лелой, своей молочной сестрой.

Тщетно пыталась императрица Марнам развеселить свою прекрасную гостью, раза два даже намеренно устроила про-

гулку на лошадях к Сатаплии, долго просила Дедисимеди поехать, — но все было напрасно...

Без усталы сплетничали во дворце. «Привел себе царь Давид в наложницы дочь эристава Липарита», — говорили одни.

Другие утверждали: «Царь развелся с царицей Русудан, предается разврату с Дедисимеди».

«Во всем подражает Баграту Куропалату царь Давид, дед его также все время водил любовь с женщинами из дома Орбелиани», — шипели придворные дамы Кутаисского дворца. Великие и малые, все следили за Дедисимеди.

Однажды столь многочисленная толпа окружила Дедисимеди, выходящую после обеда из храма с матерью и императрицей Мариам, что смутилась выросшая в одиночестве девушка.

Женщины из простонародья, приехавшие из дальних деревень, без стеснения подбегали к дочери эристава, хватали руками концы ее одежды, целовали ей рукава, восторженно ласкали тяжелые косы.

Архидиакон с трудом отнял испуганную девушку у толпы.

Стоило ей выйти прогуляться одной по двору замка, как тотчас бросались за нею толпой девочки-простолюдинки, кидали цветы под ноги будущей царице.

Как всякое создание совершенной красоты, не сознавала собственной прелести Дедисимеди; зрачки ее испуганно расширялись, изумление выражали ее большие глаза, и без того всегда слегка удивленные.

Недотрогою стала Дедисимеди, постоянно стремилась уединиться. В сумерках, закутавшись в Лелину шаль, уходила она к вечерне в храм царя Баграта. Отстаивала службу, прижавшись в темном уголке на женской стороне, и лишь когда расходилась паства, покидала собор, раздавала собравшимся на паперти нищим драхмы, приговаривая шепотом: «Молитесь за долголетие царя Давида!».

Было еще далеко до дня святого Георгия, истощалось терпение у дворцовых сплетников.

Сторонники Русудан проклинали католика Евстратия: почему разрешил он молодому царю привести наложницу во дворец?

Желавшие видеть Дедисимеди царицей бранили Антония Кутаисского: если бы не «козлоногий» епископ, давно украсил бы дочь эристава Липарита царский венец.

Гордиев узел развязался сам собой.

Согласие католикоса Евстратия и Антония Кутаисского оказалось в конце концов вовсе ненужным.

В субботу вечером устроила императрица Мариам небольшое пиршество для эристава Липарита и его семьи. Ни царь Георгий, ни царица Елена не были приглашены в тот день к Мариам.

Утром заметил Махара: спозаранку пришла Мариам к царю Георгию, долго сидели наедине брат с сестрою, под конец они пригласили к себе царицу Елену и Георгия Чкондидели. Через несколько минут из палаты вышла царица Елена. Щеки ее были красны от волнения; встретив в проходе Махару, она отвела от него заплаканные глаза.

Махара чувствовал ясно: что-то странное происходило во дворце. Совещались, шептались, сплетничали, волновались все — большой и малый, но никто не хотел поделиться с ним тайной.

После коронации ни разу не покидала своих покоев Русудан. Ранним утром входили к ней монахини во главе с игуменьей Сохастерийского женского монастыря Тутой, пели царице ирмосы.

После полудня началось столование во дворце Леона. Молодежь составляла большинство приглашенных на пир к императрице Мариам.

Прекраснейшие из жен и дев Грузинского царства окружали императрицу Мариам. По правую руку от нее сидела Дедисимеди, по левую — супруга Липарита, Ката. Напротив этих трех дам помещались Давид, Нианиа и Бешкен Джакели.

Между золотыми столами стоял серебряный. Чашник в вишневой шапке рубил топориком лед, укладывал его на фаянсовое, покрытое глазурью блюдо и ложкой с серебряною рукояткой подсыпал в кубки гостям.

С приездом императрицы Мариам изменился порядок пиршества: беседовали гости за едой, а не кушали молча, по грузинскому обычаю.

Куропалатиса Мелита без умолку болтала. То рассказывала она Давиду и Ниании о кесаревом ипподроме, то вспоминала масленичный карнавал, то описывала проделки цыган, пришедших в Константинополь из Багдада.

Нианиа Бакуриани потихоньку подливал вина куропалатисе, у которой уже раскраснелись щеки.

Молчаливо сидели грузинки: всех скромнее держалась

Дедисимеди. Предлагала ей кушанья императрица Мариам, упрасивала гостью отведать хотя бы немного.

— Такова уж моя дочь, августа, — говорит Ката императрице, — и радость и горе лишают ее аппетита.

— Что же, радость или печаль причиняет ей моя близость? — спросила Мариам, глядя на Дедисимеди. — Кажется, печаль, не правда ли, прелесть моя?

— Не говорите так, августа, — ответила Дедисимеди, взяла себе на тарелку фазанье крылышко, потом поднесла его ко рту, откусила самую малость, и когда хозяйка отвела от нее взор, положила снова мясо на тарелку и больше не прикасалась к нему во весь вечер.

— Гречанки пьют вино и в присутствии мужчин. Рассказывали о царице Зое, что она перепивала хиосских молодых, — сказала императрица Мариам, и пирующие взглянули на куропалатису Мелиту.

— Я не люблю женщин, обедающих на пирах, — вполголоса сказал Давид Нианин.

Когда стольники принесли подносы с персиками, орехами и виноградом, Мариам умоляющим голосом обратилась к своим гостям:

— Отведайте хоть плодов, дорогие гости, а то будут говорить, что я скупая хозяйка.

Выбрала Мариам самый красивый персик, золотившийся маленькими пятнышками с одного боку, полюбовалась прекрасным плодом и с тою радостью, с какой впервые протягивают ребенку созревший плод, предложила его Дедисимеди.

Время от времени бросала она взгляд на Давида и Дедисимеди, сидевших за столом друг против друга.

Когда болтливая Мелита снова привлекла к себе внимание гостей, заметила Мариам: большие сапфировые глаза устремил царь Давид на Дедисимеди, взглянув на нее как раз в ту минуту, когда дочь эристава повернулась к Хваше, своей подруге. Взор его остановился на прекрасной шее девушки, там, где свились колечками маленькие белокурые локоны, словно юные побеги только что зацветшей виноградной лозы.

Ни одна драгоценность не украшала дочери Липарита, тогда как у всех остальных дочерей эриставов, как и у Мелиты, грудь, шея и голова были отягчены множеством сверкающих камней — рубинами, сапфирами и алмазами.

Быстрым взором окинула обоих императрица Мариам и подумала: «Словно брат с сестрой, похожи друг на друга Да-

вид и Дедисимеди. Это Гимерос, чудодейственный бог, придает влюбленным такое сходство!»

Начальник слуг приказал зажечь в палате светильники. Мариам подозвала его и шепнула что-то на ухо.

Через некоторое время подошел к императрице домоправитель ее Цинцилук и положил у локтя своей госпожи что-то, завернутое в платок китайского шелка.

Мариам развернула шелк и достала ожерелье из алмазов, величиною каждый с соловьиное яйцо. Женщины не могли оторвать свои взоры от ожерелья.

— Эти алмазы купил в Индии у магараджи Хачатур, полководец Романа Диогена,— сказала Мариам и, надев ожерелье на Дедисимеди, добавила: — Отныне пусть украшают они твою прекрасную шею.

Взяла девушку за подбородок, заставила ее поднять лицо и, когда увидела сверканье тридцати трех алмазов на шее и на груди Дедисимеди, оглядела ее еще раз и поцеловала в щеку.

Сидевшие за отдельным столом старики пробовали только что поданное молодое вино, они были так увлечены застольной беседой, что никто, кроме эристава Липарита, не заметил, как императрица Мариам надела ожерелье на шею Дедисимеди. Клдекарский эристав не удивился: еще раньше говорил ему монах Козман, что в дар Дедисимеди привезла императрица Мариам ожерелье, подаренное ей domestikом Андроником.

Заметил он также, как вспыхнули щеки у Дедисимеди.

Григорий Бакуриани пригубил мачари и сказал:

— В Велиатове стоял я со своим войском, когда печенеги вторглись в Болгарию. Было время виноградного сбора, сладкое сусло текло реками из давилных чанов. Я приказал угнать скот из деревень, вывезти оттуда пшеницу, а сусло оставить. Голодные орды набросились на мачари, и вскоре тысячи печенегов пали жертвой бродящего вина.

— А какого они племени, эти печенеги, господин мой Григорий? — спросил Чкондидели. — Немало слышал я разного о них: иные говорят, что они — половцы, греки же называют их скифами.

— Действительно, господин мой Георгий, греки называют их скифами. Я же думаю, что они сельджуки — народ туркоманского племени. Похожи они на вихрь. Внезапно налетают из степей и столь же внезапно исчезают. Наказать их трудно, ибо нет у них ни дома, ни крова. Лазутчиком служит

им ветер, крепостью — темная ночь; убежище их — крутые скалы, шатер и степь.

Стольники подали гостям орехи. Григорий Бакурнани взял у столника щипцы, расколочил скорлупу и стал жевать сердцевину желтыми стариковскими зубами.

— А сколько их может быть, этих половцев и печенегов, господин Григорий? — спросил эристав Гуарам.

— Бесчисленное множество; так говорят, по крайней мере, люди ученые, путешествовавшие по их землям, господин Гуарам. Много земель разорили они, но ни в одной не смогли утвердиться. «Полипланетами» называют их греки, потому что вечно скитаются они по степям со всеми своими чадами и домочадцами.

— А какой веры, господин Григорий, эти кочевники? — спросил Чкондидели.

— Язычники они, поклоняются звездам.

— А что они едят? — спросила Тута, дородная супруга цхумского эристава.

— Хлеба они не знают вовсе. Варят просо и рис в конском молоке, едят мясо собак и кошек. Мясо кладут они под седло, покрывают потником, потом садятся на коня и пускают его вскачь. Когда мясо достаточно побито, рвут его зубами и ногтями. А лошади у них отменные.

Царь Давид безмолвно внимал рассказу Григория Бакурнани, когда же речь зашла о лошадях, повернулся к нему и внимательно прислушался к беседе.

— Есть ли цари или князья у этих неверных? — захотел узнать цхумский эристав.

— Никогда не было у них царей. Несколько ханов правят их улусами. Феофилакт, епископ болгарский, уверял меня, будто необычайным зрением обладают половцы — на расстояние целого дня пути достает их глаз. Кроме того, они баснословные стрелки из лука и великолепные наездники, — прибавил Григорий Бакурнани и опять черными волосатыми руками ухватил щипцы для орехов, достал белую сердцевину и стал ее жевать.

Гости увлеклись беседой. Эриставу Гуараму и Георгию Чкондидели хотелось расспросить еще о половцах и печенеггах, но вошел дворецкий и сообщил пирующим, что зазвонили к вечерне.

Как только Давид встал из-за стола, за которым сидел среди женщин, он отозвал Чкондидели в угол палаты и сказал ему:

— Как ты думаешь, не послать ли нам доверенных людей в половецкую землю, чтобы закупить там лошадей? Да и наемное войско наше порядком уже поредело. Если удастся взять на жалованье воинов-половцев, пригодятся они нам против сельджуков, не правда ли?

— Я сам хотел доложить тебе то же самое, государь,— сказал Чкондидели.

Императрица Мариам подошла к ним и обратилась к Давиду:

— Ты непременно должен идти с нами к вечерне.

Давид, Нианиа и Георгий Чкондидели собирались отправиться в Гегути. Сообщал главный смотритель табунов: привели лошадей из дзурдзукской земли. Давно уже ждал прибытия этих лошадей Давид, и ему не терпелось их увидеть.

— Поезжай послезавтра, — попрощала Мариам.

И Давид, склонившись перед теткой, сказал Чкондидели:

— Что ж, господин Георгий, коли так, поедem в Гегути послезавтра.

ТЫ ЕСИ ЛОЗА ИСТИННАЯ

Введите меня в дом вина,
и восставьте надо мною любовь.

Вечерняя служба кончилась поздно. Когда императрица Мариам ввела в дворцовый сад своих гостей, силуэты деревьев вырисовывались в лучах заходящего солнца.

Куропалатиса Мелита подошла к Мариам и сказала ей:

— Пойдем в сад кутаисского архиепископа, августа, отсюда приятно глядеть на Риони лунною ночью.

Мариам подняла брови.

— Зачем же ходить по чужим садам, мало ли места в своем?

Пропустила вперед мужчин и женщин, сама же догнала Давида и Дедисимеди, взяла их за локти и сказала:

— Много счастливых минут провела я здесь в девичестве. Такой же точно сад разбила я в своих владениях, в окрестностях Христополя.

И, взглянув на гнущееся под тяжестью плодов миндальное дерево, добавила:

— Только миндаль не принялся в моем саду. Гранатовые и фиговые деревья сначала сохли, пока не занялся ими садовник из Никеи. Он так хорошо окутал деревья, что в конце концов зацвели и смоковницы. Весьма нежное дерево смоковница. Не всюду растет она в Византии.

Нианна и Хваша отстали от гостей. Нианна тряс грушевое дерево, ловил рукой падающие плоды и предлагал их дочери эристава Гуарама.

— Дедисимеди скучает, и виноват в этом ты, Давид, — сказала с улыбкой Мариам. Потом взглянула на гранатовые деревья, выстроившиеся вдоль стены замка. — Ничего лучшего не увидит человеческий глаз на земле. Люблю их цветенье, но и осенью они хороши!

Все трое оглянулись. словно россыпи рубинов, мерцали гранаты под запоздалыми лучами солнца, проникшими сквозь густую листву.

Перепугались дрозды, взлетев, укрылись в плюще на стене крепостной ограды, подняли там неумолчный гомон.

— А теперь мне нужно торопиться, дорогие мои, — сказала Мариам. — Ката, вероятно, уже соскучилась без меня. Прогуляйся с Дедисимеди по саду, Давид, скоро взойдет месяц. Мы будем ждать вас в тutowой беседке.

Сказала это Мариам и догнала Нианну и Хвашу.

Давид и Дедисимеди медленно пошли по безмолвной аллее.

У девушки почти остановилось дыхание, когда она поняла, что осталась наедине с Давидом. Посмотрела вдогонку Хваше, платье которой мелькало, удаляясь, в листве алычи. Подступило ребячливое желание позвать Хвашу, крикнуть: «Подожди меня!», но изменил голос, слова застряли в горле. Вместо этого Дедисимеди протянула руку к свесившейся над дорожкой ветке алычи, сорвала листок и стала мять его пальцами.

Опустив глаза, шла Дедисимеди рядом с Давидом, и казалось ей странным все это, — словно не был он ее желанным, с которым не раз бегала она взапуски в липаритисубанском плодовом саду.

Когда кончилась алычевая аллея, показались на дорожке идущие под сливами куропалатиса Мелита и Джоджинки, сын цхумского эристава. Потом и они исчезли среди листвы. Звонкий смех Мелиты доносился откуда-то издалека.

Еще темнее стало в саду. На западе, между взметенными

ветвями кипарисов и тополей, плавился золотом склон неба-
свода.

У Давида от волнения пересохло во рту. Все приходи-
вшие ему на память слова казались бессмысленными и не-
нужными. Молча следовал он за девушкой и чувствовал: с
каждым мгновением все короче становился путь, оставшийся
до Леонова дворца.

Знал он прекрасно: под стерегущим взором родных и до-
мочадцев не легко будет ему улучшить случай еще раз остаться
наедине с Дедисимеди. Ката следила за дочерью, не сводила
с нее глаз, твердила одно: ни за что не позволит она уеди-
ниться молодым до самого обручения.

Был благодарен Давид своей божественно-прекрасной
тетке за то, что она оставила его с Дедисимеди в саду, а
сама отправилась занимать ее мать.

«Разве мы уже не обручились алмазным ожерельем?
Быть может, хоть теперь успокоится Ката», — подумал Да-
вид, набрался смелости и сказал девушке:

— Сколько же еще времени мы будем молчать, словно
поссорившись? Не довольно ли сердиться?

— Я никогда не сердилась на тебя, государь, — таков
был ответ.

Государь? Не по душе было Давиду это обращение.

Они шли по незатененным дорожкам. Месяц уже поднял-
ся высоко. Давид посмотрел на побледневшее лицо своей
спутницы. Была ли эта бледность от волнения или просто от
лунного света?

Когда подошли они к смоковницам, снова донесся до них
серебристый смех Мелиты. Дедисимеди догадалась: еще не
вошли во дворец молодые люди; в тутовой беседке ждут они
ее с Давидом. Волнение овладело ею: как вдвоем, без треть-
его спутника, выйти к гостям?

Разгневанное лицо матери встало перед глазами Дедис-
имеди. Девушка ускорила шаг, заторопилась туда, откуда до-
носился смех Мелиты. Давид взял свою спутницу за руку вы-
ше локтя и повел направо, по дорожке, что вела к смоковни-
цам. Темнели очертания лоз, обвивавшихся вокруг деревьев;
словно черные драконы, обхватывали они в полутьме их вер-
хушки. Высеченными из камня казались налитые соком вино-
градные гроздья.

По ту сторону крепостной ограды тускло сверкал сталь-
ной виток Риони.

Время от времени слышалась перекличка стражей на

башнях. Наконец безмолвие воцарилось в саду, лишь возился еж в сухой листве. Облачко затемнило луну.

В темноте оробела Дедисимеди. Приблизившись к своему спутнику, пошла рядом с ним, и когда, споткнувшись в потемках, коснулась нечаянно его сильного плеча, было приятно ей почувствовать его близость.

Вот уже опять под густою тенью шли они по тропинкам фигового сада. Пробивавшийся сквозь листву лунный свет вспыхивал время от времени искрой в алмазном ожерелье Дедисимеди.

— Раньше мы не гуляли с тобой вот так, молча, не правда ли? — спросил Давид.

— Раньше все было иначе... — почти прошептала Дедисимеди и сорвала тутовый листок.

— А теперь разве нам нечего сказать друг другу?

— Мне — нечего, кроме того, что я уже сказала.

— Зато мне нужно сказать очень много...

Дедисимеди взглянула на него, хотела спросить: «А что же?», но услышала шаги и умолкла. Какая-то рослая женщина, из челяди, показалась под смоковницами. Она несла, тяжело дыша от натуги, большой кувшин. Давид сошел с тропинки, чтобы не попадаться ей на глаза.

Женщина вперила взор в Дедисимеди, споткнулась о камень, но все же спасла кувшин с вином. А когда отошла немного, опять оглянулась на дочь эристава.

Стало еще темнее в фиговом саду. Выстроенные в ряд перед запертым погребом виноградные давилки были похожи в полутьме на туши великанов.

Заметив робость Дедисимеди, царь притянул ее к себе, спросил:

— Чего же ты испугалась, Назо?

Вздрогнула девушка, услышав давнишнее имя, которым звал ее еще в детстве царевич Давид.

— Я не испугалась, государь, только, признаюсь тебе, утомили меня любопытные взгляды в Кутаисском замке. Всякий считает своим долгом следить за мною. Когда я и Лела идем из дворца в церковь, окна теремов и верхушки башен полны соглядатаев. Видно, всем кажется удивительным мое пребывание здесь. Хоть бы скорее увезла меня мать отсюда!

— Куда же она увезет тебя, Назо?

— Куда, как не домой, в Липаритис-убани? Нельзя же всю жизнь провести в гостях, государь!

— В этом дворце отныне ты не будешь гостьей.

— Не гневи бога, государь, у тебя — законная супруга, данная тебе судьбой.

— Ныне я — царь, и воле моей не может противиться никто! — с юношеской самоуверенностью сказал обычно сдержанный и скромный Давид.

— О да, конечно, ты — царь, но от века сказано: и цари бессильны перед судьбой.

— Э, да будь я даже простолудином, отныне никто уже не разлучит меня с тобой, — сказал Давид и обвил рукой стан взволнованной девушки.

В виноградной беседке присели они на длинную скамью. Дедисимеди освободилась от сильных рук мужчины и опять сказала ему смело:

— Не гневи бога, государь, у тебя ведь есть законная супруга.

У Давида не повернулся язык сказать ей, что развод его уже решен; он ничего не ответил. Отсветы лунных лучей играли в алмазах ожерелья, и этот мерцающий свет, подобно нимбу, окружал ее бледное лицо.

Тихая, словно горлянка, сидела Дедисимеди, пленительная, чарующая, как первородный грех.

Давид хотел попросить ее не называть его государем, но вместо этого сказал:

— Помнишь, Назо, как сажал я тебя в Бечисцихе под черешневым деревом, а сам взбирался на него и кидал тебе в подол спелые ягоды?

«Счастливы были те времена, государь, когда в твоей близости всходило для меня солнце».

Слова эти были готовы сорваться с уст Дедисимеди, но она удержала их и только улыбнулась в ответ.

С юношеской легкостью вскочил на ноги царь. Пригнул к себе отяченную плодами ветвь, стал шарить рукой в листве, собирал подернутые росой ягоды и складывал их в подол дочери эристава.

Отведаль и сам, но все же не мог утолить жажду.

Встал, прошел мимо часовни, внутри которой мерцала лампада. Подошел к винному погребу. Замок висел на дверях. Распаленный страстью, с пересохшим ртом, он вернулся к смоковницам, стал искать под ними устья зарытых сосудов. Нога его споткнулась о ком глины. Он схватил лежавший там же тыквенный черпак, осторожно поднял крышку сосуда, ладонью снял пленку с поверхности вина.

Отраженный диск луны дрожал в огромном сосуде.

Давид наполнил черпак вином.

Когда царь подошел к часовне, заметила Дедисимеди: от часовни отделилась черная фигура и, слегка качнувшись, перебежала дорожку к смоковницам.

«Померещилось», — подумала девушка, но шелест, поднявшийся в листве смоковниц, убедил ее, что это не был обман зрения.

Чуть было не вскрикнула дочь эристава, но тут вернулся к ней Давид, и неслышно исчезла неведомая тень.

Давид протянул Дедисимеди черпак, полный вина, попросил:

— Попробуй хоть немного!

Удивилась Дедисимеди, сказала, что не пьет вина.

— Что испугало тебя? — ласково спросил Давид.

— Когда ты подошел к часовне, под деревьями мелькнула какая-то черная фигура.

— Тебе, верно, показалось, Назо.

— Сначала я и сама так подумала. Но прошелестело в листве, и я убедилась: то был человек.

— Не бойся; это, верно, кто-нибудь из челяди пришел тайком за вином, — ответил Давид.

Успокоилась девушка. Вспомнила служанку с кувшином, — она ведь тоже была в черном, и тоже была высокого роста. Быть может, отнесши домой один кувшин, вернулась прислужница за вторым?

Давид поднес ко рту обеими руками посудину и отпил из нее, как простолюдин.

Смеялся юный повелитель, пробуя благоуханное вино без стеснительного присутствия чашнагира и виночерпиев. С детства внушал ему Чкондидели, напуганный безмерным разгулом царя Георгия, чтобы остерегался хмеля Давид. «Знай, когда вступишь на престол, откажись совсем от вина, — говорил он царевичу. — Кто сочтет, скольких мужественных царей и мудрых визирей сгубило вино, ибо оно — источник всяческих искушений и соблазнов».

Лишь сегодня, во время пира, впервые нарушил Давид наказ своего воспитателя. И вот теперь он сидел подле избранницы своего сердца, пил по-крестьянски вино из черпака и радовался, как дитя, что отныне ему, царю, ничего уже нельзя запретить.

Рукою тронул он руку Дедисимеди и сказал с легким сердцем:

— Знаешь, Назо, я часто мечтаю: быть бы мне простым крестьянином, иметь погреб в фиговом саду и маленький виноградник на зеленом склоне горы; трудиться в нем для тебя, для тебя растить и собирать урожай...

Улыбнулась Дедисимеди. Спросила:

— Только виноградник?

— Нет, я шучу, Назо, что мне виноградник? Ты сама — лоза моя и виноградник мой, обильный плодами, сад моей радости.

Еще отпил вина, и хотя мал был сосуд, но хмель почему-то уже овладевал Давидом.

— Слова, что хотел я сказать тебе, тайно расцветали в моем сердце, как цветы лозы, ибо ты — вертоград мой замкнутый, источник опечатанный.

Узнала Дедисимеди слова, что слышала от Махары в Клдекари.

— Отныне я — господин лозы моей и виноградника моего, счастливый виноградарь.

Так сказал Давид девушке и поцеловал ее в щеку. При свете месяца лицо ее уже не светилось персиковым цветом, что с таким искусством выводят на белом фарфоре иранские мастера.

Сидела Дедисимеди и кротко улыбалась царю.

Давид поднялся, схватил черпак и скрылся в чаще фиговых деревьев.

Испугалась девушка, как бы не принес он опять вина. Когда же Давид вернулся с пустыми руками, Дедисимеди пожаловалась ему — опять привиделась ей черная женщина. Без сомнения, она была подослана кем-то, чтобы следить за ними.

— Отныне ничем не могут повредить нам выслеживающие, — сказал Давид трепещущей Дедисимеди, поцеловал ее еще раз и прижал к груди.

Когда же вырвалась Дедисимеди из страстных объятий царя, почувствовала, что разорвалось алмазное ожерелье. Алмазы упали ей на колени, иные же рассыпались по земле.

Давид огорчился; стал на колени и подобрал драгоценные камни. Когда они нанизали снова алмазы на нитку и сосчитали, их оказалось тридцать два вместо тридцати трех.

Давид нагнулся; напрасно он шарил в траве, — последнего алмаза не нашел.

— Все алмазы мира не стоят твоей печали, — сказала девушка.

Услышав это, обрадовался Давид.

— Не понимаю только, государь, — спросила Дедисимеди, — почему именно тридцать три алмаза нанизаны были на этом ожерелье?

— В этом особая символика: Христос провел на земле тридцать три года.

Замолчала дева. За горами блеснула зарница.

Царь осторожно взял девушку за подбородок, привлек к себе ее лицо и долгопил благоуханное вино своего виноградника. Обуянные страстью, в забытии, слышали они, как падали с яблонь на землю плоды.

Первую очнулась Дедисимеди, высвободилась из объятий царя. Притихнув, молча сидела она, устремив глаза в землю.

Ветер шевелил листьями смоковниц, узорчатые тени их копошились на земле, словно тысячи волосатых лап какого-то сказочного зверя. Казалось Дедисимеди, что это земля колеблется у нее под ногами. Небосвод прорезали частые зарницы.

Когда потускнел Млечный Путь и участились звуки рогов крепостной стражи, Давид посмотрел на небо. Фиолетовые облака окружали луну. С горы Хомли донесся гул запоздалого грома. Сверкали зарницы, возникали на своде небес силуэты увенчанных шлемами гор, потом снова — молчание и мрак среди смоковниц.

Снова жаловалась Дедисимеди: кто-то ходит поблизости в саду. Давид встал, взял за руку свою невесту и вышел неверными шагами из-под сени смоковниц, похожий на появившегося из рощи Вакха, веселого бога, которого древние греки считали также покровителем фигового дерева.

Уже накрапывал дождь, в листве смоковниц приятно шуршали капли.

Давид был без шапки, он радовался прохладе дождя, освежавшей ему лицо, и молча шел рядом со своей возлюбленной, желая, чтобы никогда не кончился этот путь. Они шли по саду, охваченному дремой; в темноте то и дело раздавался звук от падения плодов. Ежи копошились в опавшей листве. В тутовой беседке они не нашли никого.

Когда достигли лестницы дворца, Давид пропустил вперед Дедисимеди. Едва мерцали на стенах светильники, два постельничих монаха храпели в дверях.

На последней ступеньке лестницы столкнулась девушка

с одетым в латы мужчиной, испугалась, хотела повернуть назад к Давиду и вдруг услышала голос Рати:

— Где ты была так поздно, девчонка?

Давид догнал невесту.

Узнав царя, смутился Рати и отступил в молчании.

«ДА НЕ ВОЗЛЮБИШИ НИКОГО!»

По всему дворцу разнесли стольники и факельщики весть о том, что императрица Мариам подарила Дедисимеди алмазное ожерелье. Были возмущены сторонники Русудан, но никто не осмеливался рассказать ей об этом. Монах Козман был на седьмом небе от радости; обратился за помощью к Махаре долгополый, но тот отказался быть доносчиком.

Еще два дня терпел монах, а потом, дождавшись приезда игуменьи Туты из Сохастери, выложил ей, будто бы под секретом, все происшествие и посоветовал довести его до сведения царицы Русудан.

Тута поглядела в прищуренные глаза монаха и уловила искорки злорадного удовольствия в неприятном мерцании зеленоватых зрачков. Сказала ему:

— Если тебе так приятно, сообщи сам.

«То, что подлежит отсечению, да отсецется», — подумал монах. И в четверг, после вечернего пения псалмов, оставшись наедине с царицей, рассказал ей обо всем подробно.

Невозмутимо выслушала Русудан рассказ монаха. Потом побледнела и как подкошенная упала на ковер. Монах побежал за помощью, созвал прислужниц и привел врача. Всю ночь провела Русудан в молитве и в слезах, а на рассвете отрядила Козмана к Антонию, велела позвать его к себе.

Архиепископ с жадным любопытством следил за всем, что происходило во дворце, и когда Русудан возвестила ему о своем желании принять монашество, обрадовался, что без него обошлось щекотливое дело с разводом царицы. Притворился опечаленным, замигал редкими ресницами, прочесал рукой жиденькую, неприятно рыжеватую бороду и почти равнодушно побормотал:

— Да исполнится воля всевышнего, государыня, — и осенил царицу крестным знаменем.

Это было в пятницу.

Глубоко огорчило решение Русудан ее сторонников. Царица Елена перестала бывать во дворце царя Леона. Плакала и молилась она ночи напролет. Взволновало это происшествие и царя Георгия.

В субботу утром императрица Мариам собрала большую конную свиту, взяла с собою Давида, Нианию, эристава Липарита, цхумского эристава, Гуарама Бечисцихского, молодых эриставов, Дедсимеди и всех трех дочерей эристава Гуарама и отправилась с ними к Сатаплин — смотреть белых пчел.

Даже шороха не было слышно в опустевшем после их отъезда дворце. На лестницах сидели одетые в черные платья Лаклака и приближенные Русудан, проливая горькие слезы.

Не выдержал этого зрелища даже Махара, собрал рыбаков и отправился с неводом на Риони.

Архиепископ Антоний и настоятельница Сохастерийского монастыря Тута, в сопровождении иноков и инокинь, вывели царицу Русудан из дворца, плачущая царица Елена прижала к сердцу бывшую невестку, поцеловала в глаза и тут же заявила, что не отпустит Русудан одну, а поедет сопровождать ее в Сохастери.

Когда поезд приближался к какому-нибудь селу, звонили церковные колокола, сердобольные люди, склонив головы, встречали царицу на ее пути в монастырь. Старые женщины плакали.

В воскресенье непроглядный туман спустился с утра в ущелье Цкалцителли и только огромные ели высывались мохнатыми верхушками из стоячего моря тумана.

На лестнице Сохастерийского монастыря стояло десятка два женщин в черных платьях.

Дул неприятный ветер. Моросило.

У самого порога на ковре сидела царица Елена; правой рукой она обнимала плечи Русудан, прижимала к себе убитую горем царицу, словно мать тоскующую дочку. Была без искусственных локонов царица Елена, седина виднелась изпод черной вуали. Русудан была бодрее, молитва минувшей ночи успокоила ее. Было видно, что она уже примирилась со своей участью.

— Лишь одну печаль уношу я с собою, государыня, и это — забота о Деметре, моем дитяти. Плохою матерью оказалась я, покинула дорогого первенца моего. Молю тебя, государыня, будь матерью царевичу вместо меня. Душа моя

скорбит о том, что я не могла взглянуть на него на прощанье, но больше нельзя было мне оставаться во дворце.

Так вполголоса говорила Русудан, и слезы лились из глаз царицы Елены.

— Я буду молиться господу за твоего сына, государыня, — продолжала Русудан, — он не виновен передо мной: было великой ошибкой моей, что не вступила я с самого начала на этот путь. Судьба разорила мою семью, братья мои скитаются где-то в Киликии, — мне ли было искать счастья в этой жизни?

Опустила голову, отерла слезы черным покрывалом, еще крепче прижалась к груди Елены, беспомощно зашевелила жилистыми, восковыми руками и повторила:

— Я буду молиться за царя Давида, государыня, потому что не виноват он передо мною.

При упоминании о Давиде еще более растрогалась Елена.

— Умоляю тебя, Русудан, дочь моя, не помниай злом мою семью, молись богородице за юного царя.

Уже зазвонили в монастыре. Собрались инокини из келий. У порога положили монашеское облачение — рясу из власяницы, монашескую мантию, клобук и сандалии.

Из монастыря показалась Тута, приблизилась почтительно к Русудан, воздала ей почесть в последний раз. Высохшею длинною рукою взяла она за руку бывшую царицу и поставила ее, босую и простоволосую, на колени у самого порога монастырских дверей.

Началась литургия. Хор пел об «обители отчей». Две монахини подошли к Русудан, стали по бокам, подвели к алтарю, заставили преклонить колена.

Облаченный в омофор из виссона, вышел из алтаря католикос Евстратий, стал над Русудан и возгласил:

— Отверзи сердце твое, сестра Русудан, и внемли гласу, глаголящу: «Возьмите нго мое на себе и научитесь от мя, яко кроток есмь, и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим».

Кады фимиамом, католикос вернулся в алтарь, а к царице Русудан приблизилась игуменья монастыря Тута.

Начались обрядовые вопросы.

Тута: Что пришла еси, сестра, припадая святому жертвеннику и святой дружине сей?

Русудан: Желая отринуть суетный свет, честная мати.

Тута: Не от некия ли нужды или насилня?

Русудан: Нет, честная мати.

Т у т а: Храниши ли себе саму в девстве, и целомудрии, и благоговении?

Р у с у д а н: Ей, богу содействующу, честная мати!

Теперь уже архиепископ кутаисский вышел из алтаря, стал над коленопреклоненною и возгласил строгим, гудящим басом:

— Буди во бдениях неленостива; во искушениях не печалуй; в посте не расслабляйся; в немощах не пренемай. Возложив руку свою на рало, да не обратишься вспять, да не предпочтеша никого паче бога, ниже отца, ниже мать, ниже братию, ниже коего от своих, и да отвержешися себе и да возьмешь крест свой. Да не возлюбиши никого!

Наброшенным на плечи покрывалом от власяницы закрыла лицо Русудан, ибо вспомнила царевича Деметре, которого покинула в этой жизни, поручив заботам отца, собиравшегося обзавестись новой семьей.

Чернобородый, растрепанный, долговязый священник вышел из алтаря, одетый в черную рясу, с белой епитрахилью на груди.

Приблизившись к коленопреклоненной Русудан, он прогудел грубым голосом:

— Возьми и возврати.

И положил перед нею ножницы. Трижды брала их в дрожащую руку Русудан, трижды возвращала чернорясому духовнику. Священник нагнулся и отрезал у царицы накрест волосы на голове. Две монахини подошли к Русудан, подвязали сандалии к ее ногам, накрыли ей голову клобуком, тело облачили в грубую монашескую одежду и накинули на нее оплечья.

— Да не возлюбишь никого! — раздавалось в ушах новопостриженной инокини.

В одном из темных углов церкви одетые в черное женщины молились, распростершись ниц на кирпичном полу. Одна из них плакала навзрыд.

Русудан узнала голос царицы Елены, но даже не посмотрела в ее сторону, ибо уже не дозволено было ей оглядываться назад, прислушиваться к стенаниям суетного мира.

И казалось ей — еще отдавался под сводами монастыря гневный голос:

— Да не возлюбиши никого!

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ АЛМАЗ

Уныние воцарилось во дворце после пострижения в монахини царицы Русудан.

Махара рассказал обо всем вернувшемуся из Сатаплии Давиду. И добавил: кормилица привезла из Осети царевича Деметре.

Роптали сторонники Русудан: лишь на один день опоздала кормилица, не успели показать младенца матери перед отбытием ее в монастырь.

Потрясло Давида это известие. Разгневанное лицо царицы матери встало перед его глазами. Давид решил всячески избегать встречи с нею в эти дни. Сказал Ниании, ехавшему рядом:

— Завтра на рассвете уедем в Гегути. Пусть смотритель табунов держит наготове лошадей.

Было темно в дворцовых переходах. У открытой двери, что вела в женские покои, сидели два постельничих монаха; завидев царя, вскочили они на ноги. Давид ускорил шаги, но все же заметил: в низком кресле сидела его мать с распущенными волосами, ласкала маленького царевича Деметре.

Не успел Давид снять доспехи в своих покоях, как вошел к нему начальник слуг.

Доложил, склонившись перед царем: просит к себе сына царица Елена.

Два-три хрустальных подсвечника со свечами освещали женские покои.

Завидев сына, встала царица Елена, подняла на руки младенца и шепнула ему, вся в слезах: «Поцелуй отца».

Давид ощутил на своей щеке прикосновение нежных детских ручек, взял младенца на руки, поцеловал его и вернул Елене.

— Бедная Русудан поручила царевича мне, — сказала царица. — А теперь, прошу тебя во имя сыновней любви, исполни два желания твоей несчастной матери.

— Что угодно тебе, матушка?

— Не отсылай в Осети младенца. Отныне я замену ему мать.

Молчание царя Елена приняла за согласие, прижала младенца к груди и опустила в кресло.

— А какое другое желание твое, матушка? — спросил почтительно Давид.

— Ты видишь сам, мой сын, какое тяжелое испытание постигло твоих родителей. Отца твоего так потрясли события последних дней, что, опечаленный, слег он в постель. У меня за эти ночи поседела голова. Ты невинен в этом деле, — так сказала мне и несчастная Русудан.

Давид поглядел на непокрытую голову матери; в самом деле, она стала совершенно седою.

Царь молчал. Елена продолжала:

— Императрица Мариам все запутала в нашей семье. Ты знаешь сам — от века была домом распутства гинекея византийских императриц. Развратницею была императрица Феодора; рассказывают, что имела она любовников среди конюхов цирка и ипподрома, приворотным зельем одурманивала красивых мужчин. На весь мир прогремели любовные похождения императрицы Зои. Не менее постыдную жизнь вели императрицы Феофана и Евдокия, супруга кесаря Романа Диогена. Двух кесарей оставила в монастыре тетка твоя императрица Мариам, и теперь, говорят, из-за нее собирается развестись с Ириной кесарь Алексей Комнен. Омрачила она чистоту моей непорочной семьи.

Неприятно было Давиду слышать имя императрицы Мариам в числе женщин, известных своим распутством; не поднимая головы, спросил он:

— Так что же тебе угодно от меня, матушка?

— Ты уже не дитя, мой сын, скоро исполнится тебе двадцать лет. Я прошу тебя — не поддавайся чужим наветам, хотя бы отныне. Никто не осмеливается сказать тебе, а между тем по всему дворцу разнеслись недостойные сплетни.

— Какие же сплетни?

— Говорят, что завел себе любовницу во дворце молодой царь.

У Давида вспыхнули щеки, но сдержал усилием воли свой гнев.

— Кого же подразумевают при этом, матушка?

Помолчав, встала с места царица Елена. Ответила почти шепотом.

— Дочь эристава Липарита, мой сын. Я не могу произнести ее имя.

— Прости меня, матушка, но она — не распутная женщина, а... моя невеста.

— Твоя невеста? — спросила царица Елена и вдруг в изнеможении опустила в кресло.

Некоторое время она сидела, словно окаменев в молчании, потом ударила в ладоши. Вошли постельничие монахи. Царица приказала им отнести дитя к кормилице.

Черные бусы-четки снял со своей шеи один из них, дал в руки младенцу, и унесли его.

Вновь поднялась царица Елена, нахмутив брови, сказала Давиду:

— Если она — твоя невеста, то, вероятно, уже обручился ты с нею. А коли обручение произошло, то ведь, по правилу, не должен был ты оставлять в неведении меня и отца твоего, — не так ли?

Никогда Давид не видел свою мать такой рассерженной.

— Обручения еще не было, матушка, но императрица Мариам подарила на пиру алмазное ожерелье дочери эристава.

— А сколько было алмазов в том ожерелье, ты знаешь?

Удивился Давид: какое могло иметь значение число алмазов в ожерелье? — но ответил простодушно:

— Тридцать три.

Елена поглядела в пол и сказала:

— Тридцать три... Но, говорят, один из них уже потерял дочь эристава. Перевернула весь дворец императрица Мариам — и посейчас еще тщетно ищут повсюду этот алмаз.

Сказала и скрестила свой взор со взором Давида. Не выдержал он строгого взгляда Елены и опустил глаза.

— Ну, что ж, я доверю тебе одну тайну, а ты, смотри, никому об этом не проговоришь: жаль незамужнюю дочь эристава, опозорится имя ее.

Давид с нетерпением глядел в глаза матери, гадал: что бы такое могла она сообщить ему после столь таинственных намеков?

— Я — мать этой семьи и должна следить за нравственностью в этом дворце. Распущенность куропалатисы Мелиты оказалась заразительной. Весь свет знает о ее сатаплийских похождениях. Каждый день обещает мне Мариам отослать ее в Константинополь. Сначала говорила она, что отправит Мелиту с византийскими епископами, но те уже отбыли, а куропалатиса все еще здесь. Теперь обещает Мариам отослать ее в Хупту с Григорием Бакуриани. А пока что Мелита продолжает свои поздние прогулки по фиговому саду с молодыми эриставами. В ту ночь доложила постельничему монаху вдова Хелаисдзе, будто заметила она под смоковницами одну из дочерей эристава вместе с рыцарем в кольчуге. Я послала свое-

го постельничего монаха разузнать, в чем дело; сама я была больна в ту ночь, а ты собирался, кажется, уезжать в Гегути. Не поверила я своим ушам, услышав доклад монаха: рыцаря постельничий не узнал, а женщина... Как ты думаешь, кто была женщина?

Царица остановилась, а Давид нахмурился, стал мрачен.

— Дочь эристава Липарита! — воскликнула царица. — Во время ласк и объятий разорвалось ожерелье у дочери эристава, один из алмазов был найден монахом там же, на земле, поутру.

У царя покраснели уши при этом рассказе; тихо, не поднимая глаз, он спросил:

— А где же этот алмаз?

— У меня, — ответила царица и, подойдя к стенному шкафу, достала оттуда драгоценный камень, протянула его царю.

— Узнаешь ли ты алмаз?

Давид порывался ответить, но смелость изменила ему, и он промолчал, а Елена продолжала:

— Теперь прошу тебя, мой сын, немедленно изгнать из дворца дочь эристава Липарита, а не то она и куропалатиса Мелита внесут позор в мой дом. Липарит и Ката возмущены. Я представила им показания постельничего и этот алмаз. Рати подтвердил, что видел на рассвете во дворце Леона сестру свою, возвращавшуюся с незнакомцем, но не сказал, кто был этот рыцарь.

Было нелегко Давиду открыть матери тайну этого незнакомца, но, видя, что дело идет о чести Дедисимеди, он собрал всю свою смелость и, не поднимая глаз, сказал:

— Тогда я скажу тебе истину, матушка. Я был тот незнакомый рыцарь, и это я разорвал алмазное ожерелье на шее дочери эристава Липарита.

У царицы-матери подкосились колени. Поцеловала сына в оба глаза Елена и сказала:

— Если это правда, то исполни последнюю мою просьбу. Обзаводиться второй женой, после того как первая жена приняла пострижение, запрещено Номоканоном всякому христианину, мой сын. Отложи свое обручение хотя бы на один год, об этом умоляет тебя твоя несчастная мать.

Давид согласился на просьбу матери, поцеловал ее в щеку и, омраченный, вышел из палаты.

В вежинской битве множество лошадей потерял царь Георгий. Давид принялся обновлять войска, почему и стал заводить аланских коней; дважды прислал Мартиа Удзила, многоопытный знаток, табуны по три тысячи голов.

С третьим табуном приехал и сам Мартиа. Привел он кобылицу необычайного сложения, половецкой породы. Трое молодцов вели ее на веревке. Ввиду ее необычайной дикости, лошади дали имя «Сквитиа» — «Скиф». В Гегути попытался укротить ее главный конюший, надел на нее колючую узду, велел водить ее в двойном наморднике, томить жаждой. Наконец решили оседлать лошадь, но, завидев седло, пришла в ярость кобылица, откусила ухо у конюха Хахи, встала на дыбы: пятеро молодцов пытались удержать ее на веревке — она раскидала их в стороны и умчалась в лес. Галопом поскакали вдогонку за нею табунщики, преследовали целый день, но не могли настичь беглянку.

В страхе дрожал главный конюший. Знал: как зеницу ока, бережет лошадей Давид, и Махара непременно сообщит ему о потере Сквитии. Умолил он Махару, чтобы тот не докладывал царю о бегстве кобылицы, пока табунщики не приведут ее обратно.

Царь, как только прибыл в Гегути, приказал раскинуть шатры в рионских прибрежных чащах. С ним приехали эриставы: Липарит Орбелиани, владетель Бечиссихе Гуарам, Нияни Бакуриани и Рати.

Махара все еще не мог простить сыну Липарита его отступническую помощь Ахсартану и Квирике. Последнее время доходили до него слухи, будто Рати ропщет, недовольный: почему так медлит царь со своим обручением?

В присутствии постельничих монахов, не чинясь, упрекал он Давида, говорил:

— Пусть обручится скорее с моей сестрой царь, никто не смеет позорить дочь Липарита Орбелиани.

Монахи не смели сообщить об этом Давиду, зато Махаре рассказывали они обо всем, не стесняясь, уверенные, что старик не способен умолчать ни о чем.

Давид заметил и сам, что Махара последнее время не жаловал Липаритова сына. Часто шутил по поводу его неуклюжего сложения, называл его «длинношеим», говорил, что его длинные ноги пригодятся для столбов виселицы.

Боялся Давид, как бы не оскорбил чем-нибудь гостя Махара, и потому отослал его в Гегути объезжать аланских коней. Когда же прибыл сам в Гегути, порешил отослать его обратно в Кутаиси.

В большинстве своем оказались необъезженными выросшие в пустынных степях кони.

Дворцовые слуги привели пахарей, велели глубоко вспахать поле, потом стреножили лошадей, и всадники скакали на них по взрытой пашне. Заупрямившихся жеребцов нагружали камнями в переметных сумах, переводили с такими выюками через Риони. Дивились триалетские азнауры подобному способу объезжать лошадей.

Царь Давид с эриставами проводил ночи в шатрах, сам следил за обучением войск и укрощением лошадей.

Так же, как на войне, ложится он спать, не снимая панциря, на рассвете звуки рогов поднимали на ноги войско, и до самого захода солнца продолжалась джигитовка — скачки и метание копий.

Однажды Давид в сопровождении эристава поехал по прибрежным рионским рощам, чтобы отыскать подальше место для лагеря.

После обеда вернулись они в старый лагерь, и как только спешили всадники, подошел к ним Мартиа Удзила.

— Привели третий табун, — доложил он Ниани Бакуриани.

В этом табуне оказались одни жеребцы.

Рати подходил к лошадям, у каждой приподымал губу и осматривал зубы. Очутившись рядом с царем, он доложил Давиду:

— Хорошие кони у аланов, только жаль, что еще молодые.

— Молодость не порок для лошади, — вставил стоявший позади царя Махара.

— Молодая лошадь пуглива, в сражение может испугать ее звук трубы, а то и просто шум битвы, — сказал Рати.

— Плохо ты знаешь лошадей, как вижу, эристав, — ответил Махара.

На лице Рати выразилось недовольство.

— Для войны не годятся ни жеребцы, ни мерины. Половцы никогда не берут в битву жеребцов, — продолжал Махара.

— Ого! — воскликнул Рати. — А почему так?

Махара оглядел царя и эристава и сказал:

— Кобыла отправляет свою потребность на полном скаку, а жеребец, так же как и мерин, должен остановиться для того, чтобы пролить мочу. В это время может догнать их неприятель. Так случилось со мною у Манцикерта. Последней стрелой сразил я сельджукского амира. Поскакал за мною его конюший, что вел рядом с ним запасного коня; долго гнался он за мною по полю — и вдруг остановился мой жеребец, и, пока он мочился, приблизился турок и пронзил мне лопатку стрелой.

Но все же не согласился Рати со стариком — стоял на своем: жеребец лучше кобылицы и на войне и в состязании.

— Ладно, я сяду на кобылицу, а ты выбери себе любого жеребца, и посмотрим! — подзадоривал юношу старик.

Рати взглянул с презрением на увядшие щеки Махара и расхохотался.

Старик покраснел, готов был ответить ядовитым словом, но рядом был царь, и смолчал скопец.

Рати тем временем занялся следующей лошадью; осмотрел зубы, оглядел ее и сказал царю:

— А это скифский конь, государь; в этом табуна таких лошадей нет.

Махара обошел вокруг коня, осмотрел гриву, хвост и щетину над копытами, сказал Давиду:

— Из этого табуна убежала на днях половецкая кобыла. Три табунщика погнались за нею на отменных жеребцах и не могли ее настичь, вот тут-то и обнаружилось, что кобыла быстрходней жеребца.

Мартиа Удзила стоял за спиною царя. При упоминании о Сквитии перепугался старик, упал на колени и, воздев руки, доложил:

— Не моя вина, государь, да минует меня твой гнев! Я по счету сдал все три табуна главному смотрителю и ничего не знаю о том, как вырвалась Сквитиа от табунщиков.

— Встань! — приказал ему Давид и сказал ласково: — А что за лошадь Сквитиа?

— Сквитию отнял в битве аланский царь у вождя половцев. Так рассказывали мне, государь, осетины... Аланский царь подарил ее своему зятю, потом она попала к одному армянскому купцу, от которого я и купил ее, государь.

Давид позвал главного смотрителя табунов.

— Немедленно изловить лошадь, — приказал он.

Двух табунщиков, Кутару и Тату, посадили на крепко-

ногих коней. Вместе с ними отрядили ловчего-арканщика Рухию.

На другое утро отправились к новому лагерю царь с эриставами: по дороге встретили они табунщиков.

Двое молодцов вели на веревке упирающуюся, стреноженную кобылу. Двойною уздою была взнуздана лошадь, и все же с трудом сдерживали ее конюхи.

— А где Кутара? — спросил главный смотритель табунов.

— Кутаре переломала ребра проклятая кобыла, и сейчас он лежит без сознания, — ответил ловчий Рухия. — Всю ночь при луне преследовали мы беглянку. Наконец настigli у болота; кое-как я накинул ей петлю на шею. Кутара подскочил к ней первым, она повернулась к нему задом, государь, и ударила его обоими копытами.

Увидав лошадей царя и эриставов, громко заржала Сквитиа.

— Быть может, нужно ее покрыть? — спросил Липарит.

— И это пробовали мы сделать, великий эристав, да только изувечила она породистых жеребцов, окаянная.

Спешились Давид, Липарит, Рати и Махара, окружили лошадь, рассматривали ее с любопытством.

Липарит взгляделся в ее правое бедро и обратился к Рати:

— Зрение изменяет мне, посмотри-ка, аланское на ней тавро или половецкое?

Рати подошел к лошади, затенил глаза рукой и сказал:

— Полумесяцем мечена она; это, кажется мне, половецкое тавро, отец.

Хотел погладить ее сын Липарита, но вскинула крупом кобыла. Рати отступил, воскликнув:

— Да это не лошадь, а степной волк!

— И впрямь, дика, как скиф, — сказал Нианиа Бакуриани.

Маленькая голова была у Сквитии, длинные ноги, широкие копыта и округлая холка. Бабки узкие, тонкие, так что всякий давался диву: как такое большое тело могло держаться на столь тонких ногах? Над самыми копытами, с задней стороны, на всех четырех ногах отросла щетина, изогнутая, словно когти хищника. Издали казалось, что на ногах у нее отросли серпы. Мастью она была каурая, лишь на холке виднелась темная полоса, шириною с пиявку. Хвост и грива черные, но по краям они казались желтыми, — столь-

ко колючек запуталось в них после бега в кустарниках и зарослях.

Когда лошадь поднимала свою изящную, умную голову, эта спутанная грива с колючками вздымалась над изогнутой, как натянутый лук, шеей, похожая на шероховатые крылья каменных львов, что изображены на вратах Багратова храма.

— Развяжите ей ноги, — приказал царь смотрителю табунов.

С лошади сняли путы.

— Любопытно, сколько ей лет? — спросил Ниания Бакуриани.

— Посмотрим ей зубы, — сказал Липарит и бросил Рухи повод своего коня.

Но как только шагнул эристав к Сквитии, поднялась на дыбы лошадь, едва не загоптала Липарита.

Отступил назад смущенный эристав.

— И не таких еще случалось мне укрощать, — похвалился Рати, подошел к Сквитии, одной рукой схватил узду, а другой потянулся к верхней губе лошади; но оказалась проворнее его кобыла, разорвала ему парчовый рукав.

Рати рассвирепел, намотал на руку поводья, потянул их к себе; Сквитиа заржала, протасила за собой Рати.

Давид подошел к гостю, взял его за локоть, просил оставить затею — как бы не повредила его дикая лошадь.

Из круга эриставов вышел Махара, протянул лошади ладонь.

— Тф, тф, тф... — пробормотал он и смело приблизился к разъяренному животному. Сквитиа уставилась в протянутую к ней ладонь, потянулась вперед, но прежде чем успела прикоснуться к руке Махары, тот ухватил ее за нижнюю губу, а другой рукой зажал ей ноздри и крикнул:

— Седло, скорее!

Прибежал с седлом Мартиа Удзила. Долго мучились оба, пока наконец удалось подтянуть подпруги.

Махара укоротил узду, прошел с кобылицей несколько шагов и взглянул злыми смеющимися глазами на Рати, стоявшего между царем и эриставом Липаритом.

— А ну, кто храбрец, садись на эту лошадку!

Заметил Давид: покраснели уши у Рати; с минуту он колебался, но самолюбие победило страх, и он выступил вперед.

Испугался царь, как бы не повредила гостя дикая лошадь. Приказать рыцарю или попросить его не садиться на

кобылицу? Но мог оскорбиться такой просьбой вспыльчивый сын Липарита. А потому, опередив Рати, царь первым подошел к Сквитии.

— Я сам сяду на эту лошадь.

Махара не ждал такого оборота и побледнел от неожиданности. Для надменного Рати готовилось это испытание, а теперь, когда царь протянул руку к узде, Махара резко дернул в сторону лошадь и стал между Давидом и кобылицей.

Но царь был настойчив. Махара перепугался, — не втравить бы в беду молодого царя, — и собрался сам сесть на кобылу, но Давид вырвал повод из рук старика и быстро вскочил в седло. Все это произошло так молниеносно, что никто из эриставов не успел вмешаться.

Давид с места осадил кобылицу и крикнул на нее громовым голосом. Сквитиа заржала, вытянула шею и, словно вихрь, рванулась вперед.

Эриставы видели, как упорно боролся всадник с лошадью; Сквитиа стремилась свернуть на вспаханное поле, Давид твердой рукой удерживал ее на проезжей дороге.

— В седла! — крикнул эриставам Липарит Орбелиани и сам вскочил на подаренного Малик-шахом мерина.

Мартиа Удзила, Тата и Рухия также погнали своих молодых жеребцов в ту сторону, куда с такой быстротой умчала царя Давида половецкая кобылица.

Последние силы собрал Махара и во весь опор пустил царского жеребца Куджая. Вспомнился скопцу курчавый арап: «Грозит Давиду опасность от коня и женщины».

Досакав до перепутья, остановил своего мерина Липарит.

Решили разбиться на отряды и продолжать поиски царя по отдельности. Но еще не успели они разъехаться, как Нианна закричал:

— Царь едет!

На пригорке показался всадник, спускавшийся по склону. Улыбнулся испуганным эриставам царь, похвалил половецкую кобылицу.

— Не скоро удалось мне с ней справиться. До самого перекрестка она несла меня так, что я не смог согнуть ей шею. Наконец, скача в гору, она утомилась, и, кое-как овладев ею, я легко повернул ее обратно, — говорил он своей свите. — Долго не знала всадника, потому и испортилась лошадь.

Когда вернулись в лагерь, захотел испытать кобылицу и Рати, упрямо настаивал он на своем желании.

Как только приблизился Рати к кобылице, опять разъярилась Сквитиа, засверкала глазами так грозно, словно дьявол вселился в нее.

Ловчий Рухия пришел на помощь сыну эристава, подал ему стремя, когда тот садился в седло. Едва успел Рати собрать в руке поводья, как быстро умчала его Сквитиа. Своими богатырскими руками Рати согнул шею вспененной лошади; перебирая ногами вбок, сошла Сквитиа с проезжей дороги и внезапно встала на дыбы. Крепко держался в седле и не выпускал из рук поводьев Рати, но задняя нога вздыбленной лошади попала в борозду, всадник не мог удержаться и вылетел из седла.

Пока царь с эриставами, спеша на помощь, скакали на своих конях по перепаханному полю, Сквитиа поднялась, дрожа, словно в лихорадке, разорвала узду и пустилась вскачь по направлению к лесу.

Рати отделался дешево: лишь растянул подвернувшуюся правую ногу да ушиб левую руку возле локтя. Два дня лежал он в Гегутском дворце, потом перевезли его в Кутаисский замок.

Не стесняясь, во всеуслышание насмеялся Махара над сыном Липарита: бранил, мол, кобылу, а вот, поди ж ты, как отделала Сквитиа триалетского рыцаря!

Заспорил с ним Цихелаисдзе, говорил: по всему Триалети славится Рати как наездник.

— Не знаю, как в Триалети, а в наших краях никто не слышал об его искусстве, — злорадствовал Махара. — Хорошего ездока узнают на дикой лошади, а на обьеженной удержится и переметная сума.

Хотелось царю Давиду сопровождать раненого гостя в Кутаиси, но в тот самый день приехал в Гегути Вешаг, эристав сванский, которого склонил к дружбе с царем первый визирь еще в июле месяце.

Богатые дары привезли сваны новопомазанному царю.

Давид встретил гостей милостиво и принял от них клятву в «верности нерушимой», не знающей «хотя» и «если».

РЕВНОСТЬ СЫНА ЛИПАРИТА

Целую неделю не покидал постели Рати. Ката и Дедисимеди проводили бессонные ночи у его ложа. Наконец слегла и Ката. Дедисимеди занялась матерью, а бденне у одра Рати

принял на себя монах Козман. Когда монаху уже не о чем было рассказывать, он подробно изложил историю тридцать третьего алмаза.

В субботу вечером Липарит прислал Иа Цихелаисдзе справиться о здоровье сына. Сплетничать любил Цихелаисдзе, не мог удержаться, передал шутку Махары сыну эристава.

Рати пришел в ярость. Зарывшись лицом в подушки, проклинал он императрицу Мариам, именовал ее сводней, обзывал грубыми прозвищами Дедисимеди, попрекая царя Давида, кричал, что опозорили его семью в «развратном дворце Багратионов».

— Хотели убить меня в Гегути, посадили нарочно на необъезженную лошадь — для того и кобылу привели; слыханное ли дело — скакать по пахоте! И этого сумасшедшего Махару, видно, подговорили заранее, потому и побледнел он, когда царь сам захотел сесть на лошадь вместо меня!

Когда стемнело, еще сильнее разболелась ушибленная нога, поднялся жар, начался бред у Рати.

Струсил монах Козман, заставил в полночь привести лекаря Карсанисдзе. Горячие припарки из лечебной травы положили больному на коленную чашечку.

Обхватив обеими руками колено, скрежетал зубами, как зверь, ворочался и бредил Рати:

— Ой, клянусь богом матери моей, лучше было мне остаться в Руставской крепости, встретить в воротах входящего царя и изрубить в куски это исчадие ехидны!

Выл, как зверь, грыз себе запястья Рати.

— Спой мне ирмос, — крикнул он монаху Козману.

Монах исполнил его желание.

С трудом удалось больному задремать.

На другой день, на рассвете, пожелал Рати встать с постели.

Встревожился Карсанисдзе, лекарь.

— Замолчи! — крикнул Рати врачу.

Приказал монаху Козману узнать, вернулась ли из Бедин императрица Мариам.

Козман пришел с ответом: еще не возвратилась из Бедин императрица.

— Скатертью дорога в самую преисподнюю, — пробормотал Рати и встал с постели. — Отведи меня сейчас же к матери, — приказал он монаху и, опершись на его плечо пра-

вой рукой, прихрамывая, поплелся в опочивальню супруги Липарита.

В покоях Каты еще горели свечи в канделябрах.

Рати, как вошел, отпустил постельничих девушек.

— Что случилось, мой сын? — спросила Ката, встревоженно протирая глаза.

Рати сел у ее изголовья и сказал, разъяренный:

— До каких пор мы будем торчать в этом развратном дворце, матушка?

Изумилась Ката.

— То есть как — до каких пор? Императрица Мариам говорит, что обручение состоится в праздник святого Георгия. Не можем же мы уехать раньше, увести в Триалети девушку необрученной?

— Ничего не знает твоя Мариам.

Ката приподнялась, оперлась локтем о подушку и спросила разгневанного сына:

— А когда же, по-твоему?

Рати бросил взгляд на притулившегося тут же Козмана.

— Царица Елена сказала архиепископу Антонию, будто она добилась от царя Давида согласия отложить обручение на год. Кроме того, — сказал Рати, — по словам козлоногого епископа, Номоканон не позволяет царю обручиться ранее, чем через двенадцать месяцев.

— Номоканон не позволяет царю обручиться?! — воскликнула Ката. Она схватила сына за руку и сказала: — Напрасно, мой сын, тревожишься раньше времени. Завтра вернется императрица Мариам, и все станет ясно.

— Много еще неприятного узнал я вчера, — продолжал Рати и окинул взглядом палату: не подслушивает ли кто-нибудь позади поставца, стоявшего в углу комнаты.

— Достаточно и того, что ты уже рассказал.

— Прикажи позвать сюда Дедисимеди.

— Она здесь, рядом.

Рати встал, снова оперся на плечо Козмана и пошел, ковыляя, искать Дедисимеди.

Когда они обошли поставец, монах обомлел от неожиданности.

Сиреневый платок был накинут на плечи Дедисимеди, руки ее были сложены на коленях, ноги она поставила на низенький, инкрустированный перламутром диван, и сидела так, опустив голову, читая раскрытую на коленях книгу псалмов.

Заслышав шаги, вздрогнула Дедисимеди, платок соскользнул с ее плеч, странное сияние бросилось в глаза монаху: был расстегнут лиф у Дедисимеди, и на мгновение блеснула опьяняюще-пленительная белизна ее груди. Алмазное ожерелье лучилось под мерцающим светом теплившихся в нишах свечей. Ноги девушки были так же выхолены, как и ее руки. Розовым отсвечивало ее точеное тело.

Рати подошел к сестре и крикнул:

— Иди-ка сюда, на свет, девчонка!

— Подожди немного — я молюсь; кроме того, не видишь разве, я еще не одета, — ответила девушка и быстро натянула платок на плечи, но обнаженные колени ее все еще волновали монаха.

— Одевайся скорее, а помолиться успеешь и после, когда зайрут тебя в монастырь! — пробормотал разгневанный Рати. Он повернул Козмана обратно, и они направились к изголовью Каты.

Дедисимеди надела платье из лазоревой ткани, снова присела на ложе и продолжала молиться.

Рати вернулся, схватил ее за руку. Заупрямилась Дедисимеди, но Рати был настойчив, поднял девушку с места — псалтырь упала на пол.

Перед постелью Каты поставил Дедисимеди разгневанный брат, схватил алмазное ожерелье, висевшее на ее шее, поднес его к самому ее подбородку.

— Сколько было алмазов в этом ожерелье, девчонка?

Дедисимеди смутилась, стояла молча, с опущенной головой.

— Говори! — заорал Рати и сильно встряхнул девушку.

Побледнела девушка, рванулась, пытаясь освободить плечо из цепких рук брата, и сказала:

— Мне пора к заутрене, я спешу, пусти меня...

Лазоревый шелковый рукав разорвался выше локтя, и вновь бросилась в глаза монаху Козману соблазнительная белизна обнаженной руки. Рубиновые пятна проступили на ее коже, оставленные грубыми пальцами Рати.

Боль пронзила колено Рати, лицо его исказилось, рука опустилась до запястья Дедисимеди, и, выворачивая сестре кисть, он крикнул еще раз:

— Говори!

— Тридцать три, — прошептали губы Дедисимеди (на

сдвоенные лепестки гранатовых цветов были похожи они в этот миг).

От злости Рати забыл про боль в колене, выпустил плечо Козмана, пересчитал указательным пальцем алмазы, поднес ожерелье к самому лицу Дедисимеди и сказал:

— А здесь их только тридцать два!

— Тридцать два, — подтвердила девушка.

— А где же тридцать третий?

— Я потеряла его под смоковницами, — робко ответила Дедисимеди.

— А что ты делала там, девчонка, и кто разорвал тебе ожерелье? Говори!

Словно осинный лист, затрепетала Дедисимеди.

— Не брани ее, Рати, тридцать третий алмаз прислала мне вчера царица Елена. Дедисимеди уже порядком досталось за это от меня, — сказала Ката и хотела встать, прийти на помощь дочери, но не смогла, потому что одежда лежала далеко и было ей стыдно монаха.

Рати не обратил внимания на слова матери. Яростно продолжал он кричать:

— Говори!

На шум в опочивальню прибежали Лела, старшая среди придворных дам — княжна Шервашидзе и престарелый начальник слуг Арешисдзе.

Шервашидзе была сторонницей Русудан. Радость охватила ее, когда увидела она разорванное платье Дедисимеди, но она сдержала себя и, взяв сына Липарита за локоть, сказала спокойно:

— Ну, можно ли так себя вести, господин мой эристав? Не забывайте все же, что вы — в гостях, во дворце Багратионов.

Но Рати все кричал, разъяренный:

— Говори, кто?

Дедисимеди подняла голову, поправила волосы на лбу и отчеканила гордо:

— Будущий супруг мой, наш повелитель!

— Наш повелитель? — заорал окончательно расщипавший Рати.

Но тут вмешалась дочь Шервашидзе, вцепилась в Рати жилистыми, худыми руками, на помощь ей пришли и Козман с начальником слуг, с трудом увели они из опочивальни разгневанного Рати.

РИСТАЛИЩЕ

Когда императрица Мариам вернулась из Бедни, рассказали ей обо всем придворные дамы. Пришел к ней Рати и заявил, что он немедля уезжает вместе с матерью и сестрой в Триалети.

Видела Мариам: налаженное ею дело снова запутали сторонники Русудан и дворцовые сплетники.

Липарит был в лагере вместе с царем. Отъезд его семейства в такое время неминуемо обострил бы отношения между домами Багратионов и Орбелиани.

Ката сначала вторила Рати, но уговорила ее императрица Мариам, и в конце концов одумалась супруга Липарита, стала удерживать сына, убеждала его, что немедленный отъезд лишь обрадует сторонников Русудан.

Сплетники передали Кате и слова Шервашидзе:

— Пусть только уберется из дворца Липаритова семейка, а там увидим. Сохастери не так уж далеко, и византийские императрицы не раз сбрасывали монашеское платье, чтобы вновь облачиться в царственный пурпур.

Наконец и Рати понял, какая грозила им опасность. Понял он также, что Номоканон и в самом деле сковывал императоров и царей. Семья Орбелиани решила остаться во дворце до дня святого Георгия.

Наконец вернулся царь со своей свитой.

На другое утро долго ждала Мариам, чтобы начальник слуг сообщил ей о пробуждении царя. Лишь после полудня доложили императрице: государь устал от бессонных ночей и слегка простужен после переправы через Цхенисцхали, а потому не может он пожаловать к ней сегодня.

Тогда Мариам сама отправилась во дворец Багратионов.

Царь Давид лежал одетый на ложе. Молодые эриставы окружали его, Шергил и Нианиа сидели у изголовья.

Увидев императрицу, вскочили все и прервали беседу. Мариам расцеловала племянника, села в кресло и попросила присутствующих продолжать разговор.

— Мы беседовали о смерти кахетинского царя Ахсартана, — сказал Давид. — Из Кахети нынешним утром прибыл скороход, рассказал, что делается в их земле. Страшная кончина выпала на долю вероотступника Ахсартана: в ночь накануне своей смерти он сошел с ума.

— Значит, на престоле теперь Квирикe? — спросила Мариам.

— Еще с прошлого года, — ответил Давид.

— Не собирается ли он принять ислам?

— Не думаю, — ответил царь. — Квирикe — истинный христианин, но племянник его Ахсартан — легкомысленный человек. Нам придется, вероятно, приняться за него. Оказывается, Ахсартан и Квирикe приступили к эриставу зедазенскому Дзагану, подговаривают его изменить грузинскому престолу.

— Сельджуки соблазняют, вероятно, всех троих, — заметил Шергил Липартиани.

— Лазутчиками Низама аль-Мулька кишит Кахети, — продолжал вполголоса Давид. — Зная, что я в западной части страны, безнаказанно снуют они по всей кахетинской земле. Один пустынный рассказал мне, как подстрекают лазутчики эристава Дзагана: царь Давид, мол, отправился в Имерети развлекаться охотой, а ты воспользуйся случаем, вторгнись во Внутреннюю Картли.

Ничего, дайте только окончить войсковые учения, я выгону сельджуков с кахетинской земли. Как бы не пришлось Квирикe расстаться с престолом, а Ахсартану II и с собственной головой.

— Какие вести из Исфагана? — спросила Мариам.

— В Исфагане, как видно, начинается смута. С Низамом аль-Мульком, визирем Малик-шаха, борется Тюркан-Хатун. Малоазиатские амиры стали на сторону Бархиарока; сам Малик-шах уже стар, брат его Солиман колеблется, не знает, к кому пристать — к Тюркан-Хатун или к великому визирю. Посмотрим, что принесет нам будущее, — сказал царь Давид.

После непродолжительного молчания Мариам сказала царю вполголоса:

— Хочу сказать тебе кое-что.

Эриставы покинули палату. Заметил Давид, что тень недовольства омрачила лицо Мариам, и приготовился услышать неприятное известие.

— Мне хочется позабавиться зрелищем всадников, играющих в мяч: устрой поло в день святого Георгия, — попросила царя Мариам.

Давид удивился, улыбнулся тетке и взглянул ей в глаза.

Игра в мяч на конях была очень распространена в те времена при дворе византийских императоров и грузинских царей. И Давид устраивал часто эту забаву, но теперь, уста-

лому от долгой езды в седле, хотелось ему отдохнуть денька два-три, чтобы потом отправиться с эриставом цхумским в Абхазию восстанавливать крепости. И все же не мог он отказать обожаемой тетке, только спросил:

— Отчего же так захотелось тебе увидеть игру в мяч, государыня?

Императрица, перебирая гишеровые четки, ответила:

— Тысяча сплетен ходит при дворе после событий прошлой недели. В ту ночь старалась я, как могла, развлекать беседой Катю, Рати и Липарита, но уж очень вы задержались с Дедисимеди в саду, и Рати видел, как вы возвращались.

Юноша стыдливо отвел глаза в сторону, а Мариам продолжала все так же учтиво:

— Ты знаешь сам, как сварлива супруга эристава и как еспыльчив Рати. Дедисимеди пришлось выдержать неприятный разговор. А сторонники Русудан не унимаются, пустили слух, будто ты отказал от дворца молодому Орбелиани. Кто может унять сплетников при царском дворе? Как вижу, и наши придворные заразились болезнью дворцов Мангана и Буколеона. С юности отравляли мне все радости жизни дворцовые сплетни. Поверь мне, своей тетке: христианский мир в опасности. Видишь, сельджуки тянутся уже к Внутренней Картли, из Византии тоже приходят дурные вести. В такое время я не советовала бы тебе ссориться с Орбелиани. Мне удалось убедить Катю и Рати, что Номоканон обязателен даже для кесарей. Прошу тебя: прежде чем отправишься в Абхазию, устрой поло, чтобы народ мог увидеть тебя на состязании вместе с Рати.

Западнее Кутаисского замка расстилалось большое поле для войскового ученья. Липняком называли его, потому что с незапамятных времен росли там огромные липы.

Под сенью этих лип поставили византийский шатер.

Дворцовые дамы и эриставские жены и дочери окружали императрицу Мариам и Дедисимеди, сидевших в покрытых парчою креслах, поставленных на возвышении, под балдахинном.

Царь Георгий, Григорий Бакуриани, эристав Липарит и даже Георгий Чкондидели, обычно избегавший увеселительных сборищ, были тут же, около императрицы Мариам.

Ржанье сытых коней доносилось с поля.

Восточные ворота защищал Давид, сидевший на половец-

кой кобылице. Сторонниками своими царь выбрал сванского эристава Вешага — уже седеющего богатыря, Нианию Бакуриани, Джоджики — сына цхумского эристава, Шергила Липартиани, Папу — сына эристава Гуарама, сванского азнаура Каримана Сетиели и Бешкена Джакели.

Перед западными воротами стояли в конном строю: Рати Орбелиани, триалетские азнауры Иа Цихелаисдзе, Мамиствала Махароблидзе, Эдишер Гараканисдзе — дядя Рати по матери, месхский азнаур Дукидзе и Гарибайсдзе, начальник крепости.

На середину поля выехал Липарит Орбелиани и высоко подбросил мяч.

Двинулись всадники с востока и с запада. Изловчился Махароблидзе, поймал мяч на полном скаку, взмахнул клюшкой и бросил его триалетцам.

Погнались за триалетцами эриставы, но Рати на своей кобыле стальной масти с такой быстротой вел мяч, что не мог настичь его и сам Шергил Липартиани, великий мастер верховой езды. Когда забили мяч в восточные ворота, громкий ропот прокатился по толпе зрителей.

Снова повели мяч триалетцы, и опять Рати предводительствовал нападающими. Если эриставы отнимали мяч у кого-нибудь из триалетцев, тотчас догонял их Рати на своем крепконогом скакуне; клюшкой владел он ловко.

Но внезапно перерезал ему дорогу Джоджики на своей малорослой абхазской кобылке и выхватил мяч у Рати; бросился на мяч Махароблидзе, отклонил удар, но протянул свою длинную руку сванский эристав Вешаг, подставил клюшку под высоко летевший мяч и одним ударом вогнал его в западные ворота.

Дважды подряд атаковали триалетцы восточные ворота, подводили мяч совсем близко к цели, но оба раза отнимал его у них Джоджики.

Разъярился Рати Орбелиани, снова оставил позади себя эриставов; но едва он приблизился на полстадия к восточным воротам, как догнал его летевший быстрее ветра Ниания, лошади их столкнулись, удар Рати не попал в цель — Ниания успел передать мяч царю Давиду.

Царь оторвался с мячом от триалетцев, пришпорил Сквину, а триалетцы пустились за ним вскачь. Наконец догнали Давида Иа Цихелаисдзе и Махароблидзе, но, очутившись лицом к лицу с царем, не посмели отнять у него мяч.

Зашумели зрители, увидев юношу царя; радостными кли-

ками приветствовал его народ. Сквитиа испугалась, бросилась вбок, и Давид ударил неверно — повел мяч не в ту сторону.

Тем временем изловчился Рати, перерезал дорогу царю.

Высоко в воздухе летел брошенный царем мяч; поднялся на стременах на скачущей лошади Рати, изо всей силы замахнулся клюшкой, но рукоять выскользнула из его рук, клюшка полетела и с размаху ударилась в луку царского седла, точенную из слоновой кости. В толпе зрителей поднялся шум, раздались свистки и насмешки над Рати. У Рати вспыхнули уши, он подскакал к царю, спешился и попросил прощения.

Давид остановил лошадь, выпустил повод из левой руки, поднес кулак ко рту и улыбнулся насильственно, чтобы успокоить гостя.

И в то же мгновение заметил Давид, что какой-то незнакомый всадник пересек поле на полном скаку. Подъехав к византийскому шатру, всадник остановился, снял шлем и подал свиток вышедшему из шатра начальнику слуг.

Стоявший около царя Нианиа сказал ему вполголоса:

— Кажется, прибыл гонец, государь.

И такое встревоженное лицо было у Нианиа Бакуриани, что Давид покинул состязание и направился к шатру.

Раньше чем царь и Нианиа успели пересечь поле, вышел из шатра Георгий Чкондидели и стал вглядываться в даль, в поле, затенив глаза ладонью. Начальник слуг спешил навстречу Давиду.

Царь и Нианиа пришпорили коней.

— Царь царей Георгий просит царя пожаловать к нему, — доложил начальник слуг.

Когда выскользнувшая из рук Рати клюшка ударилась в луку царского седла, из всех, кто находился в шатре, одна Дедисимеди заметила это и, громко вскрикнув, упала в обморок.

Недоумевали присутствовавшие — в чем причина тревоги дочери эристава?

Услышав шаги входившего в шатер царя, Дедисимеди очнулась, открыла глаза и вгляделась в левую руку Давида. Кровь сочилась капельками из посиневшей кисти.

Обманулась в своих надеждах императрица Марнам. Пуше прежнего заволновались сплетники, пошли новые кривотолки и пересуды.

Роптал народ: сын эристава Липарита дошел в своей дерзости до того, что кинул клюшкой в царя.

ФАЛЛАШСКОЕ ИЗРЕЧЕНИЕ

По возвращении во дворец первый визирь прочел свиток обоим царям и Совету старейшин.

Квирике IV, царь кахетинский, гласил свиток, перешел Куру возле Мцхета. К нему пристали эристав зедазенский Дзаган и брат его Модистос.

Дзаган наложил руку на владения Светицховели, Цилкани и Шиомгвиме, заключил в темницы всех, кто остался верен царю, превратил в крепость Шиомгвимский монастырь и поставил в нем свои войска.

Не спрашиваясь карталинского католикоса, восставшие рукоположили в епископы Модистоса. Но и этим не ограничился Квирике: оказалось, что кахетинцы и сельджуки готовятся к осаде Мухранской крепости.

Обо всем этом извещал Кавтар Барамисдзе, который, бежав из Кахети, укрылся в замке Муцо.

— Неожиданного здесь нет ничего, — молвил первый визирь. — Квирике, хотя и прославленный христианин, вынужден идти по тому же пути, по какому шел Ахсартан: слишком крепко засели сельджуки в крепостях Кахети. Мы и раньше знали, что сильное войско ввел через границу Армении к нам Бархиарок — и грюныне пасут сельджуки на кахетинских эйлагах свои отары. Не смогли они обратить в ислам Триалетское эриставство — муллы были изгнаны отовсюду народом, и вот теперь сельджуки тянутся к Внутренней Картли.

Когда Чкондидели назвал Триалетское эриставство, Липарит приподнял бровь и досадливо заерзал в златокованом кресле.

— Придет время, когда цари Грузии с божьей помощью воздадут по заслугам царю Квирике и эриставу Дзагану, — продолжал Чкондидели спокойно. — Есть у нас достоверные сведения, что лазутчики сельджуков подстрекают кахетинцев против царей грузинских; но велика справедливость создателя — уже начинается смута при исфаганском дворе; Низам аль-Мульк, первый визирь Малик-шаха, препоручил владения султана своим несовершеннолетним сыновьям; Тюркан-Хатун, супруга султана, пришла в ярость, велела передать Низаму аль-Мульку: «Скоро я сдерну с твоей головы чалму».

«Моя чалма и твой султанский тюрбан неразрывно связаны друг с другом», — ответил визирь.

Господь милостив, он воздаст сторицею исфаганским пра-

вигелям за невинную кровь христиан — грузин, армян и греков. Мы должны ударить на сельджуков, улучив такую минуту, чтобы жертвы, которые понесет Грузинское царство, были возможно малыми. Тогда, вероятно, слетят одновременно и султанский тюрбан и чалма визиря.

Чкондидели опустил в кресло. Молчали почтенные эриставы и епископы.

Антоний Кутаисский шепнул архиепископу мровийскому, чтобы он, как старейший из всех, взял слово первым. Архиепископ приготовился встать, но от волнения начался у него кашель. Он долго кашлял и наконец умолк.

Бешкен Джакели встал с кресла:

— Коли старшие молчат, да будет позволено молодым высказать свое мнение. Когда Ахсартан Кахетинский отнял замки у Аришиани и Барамисдзе, азнауров, верных грузинскому престолу, у нас не хватило сил отомстить ему, ибо кахетинцы опирались на помощь сельджуков. Ныне тянутся Квирике и Дзаган к Внутренней Картли: от Мухрани не так уж далеко до Уплисцихе, а там доберутся они и до Цагвлистави, сокрушат твердыню Тасискари и вторгнутся в Самцхе.

Бешкен Джакели требовал, чтобы немедленно были посланы войска — наказать царя Квирике и эристава Дзагана.

Встал Гуарам, владетель Бечисцихе. Он признал, что своими силами трудно будет Георгию и Давиду справиться с кахетинцами и сельджуками. Взглянув на обоих царей, он сказал:

— Если будет на то воля царей, отправим послов к императору Алексею Комнени; в Константинополе много приезжих франков, варягов и болгар. Призовем их для пополнения наемного войска. А не выйдет, так поступим по слову царя Давида: отрядим послов в Шараган, к Атрахе Шарагановичу.

Эристав Липарит обрадовался, что Гуарам Бечисцихский отвел внимание старейшин от расправы над эриставом Дзаганом, заговорив о посольстве в Византию, к кесарю Алексею.

Красноречиво говорил Липарит, ибо даром слова владел он не хуже, нежели своим испытанным многократно мечом. Главное оставил он в стороне: о царя Квирике и эриставе Дзагане не упомянул вовсе. Зато порицал обоих Ахсартанов, недобрым словом помянул всех таящих в душе измену и всех врагов престола. Поддержал мнение эристава Гуарама, согласился, что необходимо послать доверенных ко двору императора, воздал хвалу кесарю Алексею Комнени, вспомнил свое-

го деда — Липарита III, сказав: «Вот кто был истинною грозою сельджукского отродья»...

— Что же до приглашения половцев для пополнения наемного войска, то половцы совсем не пригодятся грузинскому царю.

И хотя ни слова не проронил еще в тот день царь Давид, но все знали, что именно он хотел пригласить половцев и ему-то тайне противоречил эристав Липарит.

— Ни доблести, ни веры нет у половцев, — продолжал Орбелиани, — потому ни клятвой нельзя удержать их, ни рыцарским словом. Нет у них ни имущества, ни владений; как придут они селиться с чадами и домочадцами, так же со всем своим скарбом снимутся с места и уйдут. Трусость ведет их к коварству, а коварство — к измене. Если бы можно было довериться половцам, то призвал бы их в свое наемное войско Алексей Комнен, благо они издавна сражаются со злейшими врагами Византии — печенегами.

Еще не кончил бранить половцев эристав Липарит, как старший дворецкий ввел в палату рыцаря в латах. Тот подошел сначала к царю Георгию, приложился к царской руке. Давид приблизился к нему и расцеловал. Когда рыцарь повернулся к старейшинам, те узнали в нем Барама Аришиани.

Преследуемый Квирике и Дзаганом, через Хевсурети пробрался он на западную сторону Сурамского хребта. О вторжении кахетинцев и сельджуков во Внутреннюю Картли узнал он лишь в дороге.

Некоторое время прислушивался он к словам Липарита, потом простодушно спросил—так, что было слышно эриставу:

— А где они живут, эти половцы?

— По ту сторону хребта. К моему покойному отцу осетины часто приводили коней из их земли. Помню и сейчас, что рассказывали осетины: неисчислимые отары овец пасутся в половецкой земле, и сами половцы многочисленны, как овцы. Овечьи отары да конские табуны — вот все их добро.

Липариту было приятно напряженное внимание, с которым старейшины внимали его словам. Поэтому он постарался продлить свой рассказ.

— Нужно знать также, что у половецких лошадей не-уязвимые копыта, а их козлы и бараны—с короткими ногами, ибо зима в тех местах очень долгая. Сами половцы трусливы, они привыкли надеяться на быстроногих коней и беспредельные степи и в любую минуту готовы удариться в бегство. От-

важны эти трусы только в преследовании бегущего врага. А в таком случае, — доложу я тебе, царь царей Георгий, и тебе, царь и паниперсевастос Давид, — можно обойтись и без них; покажите мне хотя бы все маликшахово войско, — только обращенное в бегство, — и поверьте, достаточно будет меня одного с моими триалетскими азнаурами: по счету сддим вам головы сельджуков. Отступление тоже, конечно, требует мужества, но ведь главное — обратить в бегство врага: в этом и заключается истинная отвага. Вся сила половцев — в их бегстве, отступлении: бегством победили скифы персидского царя Дария. Целый год гонялся за ними по степям Дарий, наконец передохли у него кони, вымерло войско, и вернулся царь домой с позором. А потому половцы неуязвимы лишь в степях, а в нашей гористой стране, где сама природа преграждает путь беглецу, непригодны будут половецкие рати.

Пока Липарит изливал свое красноречие, Давид не сводил с него очей. Глаза эристава помутнели во время речи, скулы покрылись румянцем, от всех отводил он взор, только царю Георгию заглядывал в лицо. Заметил Давид, что царь Георгий часто кивал ему в знак согласия. Лишь когда Орбелиани сказал все, что хотел сказать, бросил он искоса взгляд на Давида и поспешил к своему золотому креслу.

Не ускользнуло от внимания Давида и то, что, пока Липарит держал свою речь, Рати нетерпеливо ерзал в кресле.

С трудом поднялся со своего места дородный архиепископ Афанасий Мровийский.

Говорил он беспомощно, кашлял, фыркая раздутыми ноздрями, а когда не хватало слов, захлебывался, словно тонул в воде, устремляя взор в пространство и изъясняя свои мысли с помощью жестов. А если обрывалось течение их, мычал: «О-о-о!..»

Пуще всего возмущало архиепископа Афанасия то, что Дзаган, не спрашиваясь у картлийского католикоса, рукоположил брата своего Модистоса в епископы. Обозвал Афанасий Дзагана еретиком и обвинил в неслыханном кощунстве.

Наконец дошел до сельджуков, проклял их многократно.

— Не только нас, — сетовал Афанасий, — весь христианский мир разорили эти нечестивцы. Плач христиан раздается из-под сводов Анисского монастыря, христианская кровь льется рекой в Антиохии, в Сирии и в Палестине. Гроб господень осквернен сельджуками. Мцхетские монахи вернулись из Ирака возмущенные; не пускают паломников-грузин поклонни-

ться святым местам... О... о... о... — замылся архиепископ Афанасий и добавил: — Конечно, кесарь Алексей Комнен пришлет франков на помощь.

Оказался достаточно красноречивым и Рати Орбелиани. Не поспешил на слова утешения.

— Могут ли повредить нам сети, сплетенные Квирике и Дзаганом? Дзаган не стремился к покорению замка, а хотел только рукоположить в епископы брата своего Модистоса.

Он позволил себе подать совет царям: не вступать пока во вражду с Дзаганом и Модистосом.

— Модистос — монах, — сказал он, — но в вежинской битве бился он против царя Георгия, закованный в доспехи.

Половцев Рати поносил, как и его отец, и закончил так:

— Даже если даст нам воинов Атраха Шараганович, повелитель половцев, — все равно осетины не пропустят их через Дариаланские ворота: издавна не прекращается война между половцами и осетинами-аланами.

Антоний Кутаисский также начал свою речь словами возмущения против незаконного рукоположения Модистоса. Алексея Комнена он восхвалял чрезмерно, сказал, что и константинопольский патриарх, со своей стороны, тоже, конечно, поможет собрать христианское воинство. Половцев поносил, как и другие, называл их нечестивцами и ворами.

— Можно ли исправить неверного? Что пользы читать евангелие волку? Пытался же царь царей Георгий воспитать волчат для охоты — однако лишь на овец охотились они, пообвыкнув в Гегути.

Царь Георгий рассмеялся этой шутке; семеро епископов, развеселившись, хохотали от всей души.

Давид и молодые эриставы молчали. Три других архипастыря повторили сказанное Антонием и мровийским архиепископом. Лишь епископ цилканский Стефаноз стал на сторону молодых.

Царь Георгий говорил неубедительно: его также душе всего тревожило незаконное рукоположение в епископы Модистоса.

— Послов к кесарю нужно отправить, — сказал Георгий, — а язычников-половцев можно ли впускать в христианское царство? Я уже отказался от мысли воспитывать волчат, — закончил царь.

После заседания Совета старейшин Георгий Чкондидели держал совет с обоими царями. Главою посольства, что дол-

жно было отправиться в Константинополь, назначили Антония Кутаисского; сопровождать его должны были архиепископы бедийский, мровийский, епископ цилканский и Гуарам, эристав бечисцихский. Григорий Бакуриани обещал оказать покровительство послам. Антоний не хотел брать с собой цилканского епископа Стефаноза — и по-гречески-то он не горазд говорить, — но Давид приказал включить его в посольство, и Антоний склонился перед царевой волей.

На исходе дня прибыл гонец из Константинополя: император Алексей Комнен спешно вызывал к себе Григория Бакуриани.

Вечером долго искал первый визирь царя Давида, но не мог найти его нигде во дворце. Уже собрался Георгий Чкондидели отбыть в Гегути, как доложил ему начальник слуг: в Колхской башне ожидает первого визиря царь Давид.

Царь полулежал в длинном кресле. Вокруг сидели Бешкен Джакели, Шергил Липартиани, Барам Аришиани и Нианиа. Увидев первого визиря, юноши почтительно встали.

Чкондидели не дал царю подняться, попросил эриставов сесть и продолжать беседу.

— Так вот, я хотел сказать тебе, государь, — продолжал Барам Аришиани, — что не понравились мне сегодня речи эристава Липарита.

Улыбка промелькнула на устах Давида. Медленно опустив веки на большие глаза и подняв их снова, он сказал:

— Отчего же? Сладко говорил эристав Липарит, да только напоминает сладость его речей колхидский мед; вы знаете, конечно, на берегах Цхенисцхали водится особенный мед: он пьянит сладостью и отравляет ядом.

— Оно и понятно, — сказал Нианиа Бакуриани, — ведь недаром сестра Каты замужем за эриставом Дзаганом.

— Липарит похож на рубанок: он строгает всегда в одну сторону, — сказал, улыбнувшись, царь.

— Поэтому избегал он упоминать имена Дзагана и Квирике, — добавил Георгий Чкондидели.

— Зато сын Липарита был откровеннее, — сказал Шергил.

— Откровенность — часто признак легкомыслия, — вставил Нианиа.

— А иногда — глупости, — добавил царь.

Бешкен Джакели: Мне непонятно, почему так поносили они половцев.

Чкондидели: Липарит и Рати боятся усиления наемного войска. Хорошо понимают Орбелиани, что тогда будет положен предел дерзости и своеволию эриставов.

Нианиа: Когда-то и сам Липарит собирался нанимать половцев, — он сражался тогда против царя Георгия, — но только цена показалась ему слишком высокой.

Бешкен Джакели: Как ты думаешь, государь, придет нам кесарь Алексей франков для наемного войска?

Давид: Кесарь был бы, конечно, рад изгнанию сельджуков из Картли, но меня встревожил его гонец. Не будь у Комнена острой нужды, не вызвал бы он так поспешно Григория Бакуриани. Незачем, в сущности, посылать теперь послов в Византию, да уж пусть будет так — пошлем посольство в утеху царю Георгию и епископам. Только беспомощный живет надеждою на других.

Когда разошлись эриставы, Давид намекнул Чкондидели на слабость и мягкосердечие царя Георгия.

— Одаривать изменников — таков издавна обычай царя Георгия, — сказал Чкондидели, — когда Иван Орбелиани, отец Липарита, разорил долину Ксани, а Нианиа Квабулидзе похитил сокровища Кутаисского замка, царь, по доброте своей, пожаловал Багуаш-Орбелиани—Лоцобани, а Квабулидзе — крепость Тмогви.

Давид встал, подвел Чкондидели к развернутому пергаменту и прочел ему фаллашское изречение, переведенное на греческий язык:

«Беспомощность моя не позволила мне решиться выпустить лишнюю кровь из моих жил. Тебе кажется, что я живу; но по причине бессилия моего я уже почти не существую».

Рукою Давида было отмечено на пергаменте это место.

Позднею ночью позвали Стефаноза Цилканского. Долго беседовали втроем. Перед тем как отпустить Стефаноза, Давид сказал ему:

— Попытайся добраться как-нибудь до половцев, Стефаноз; ты бывал не раз в осетинской земле — говорят, что многие из половцев понимают по-алански.

ЭПИСТОЛА

Не прошло и месяца после отбытия посольства в Византию, как вернувшиеся из Иерусалима грузинские монахи привезли в Кутаисский дворец послание кесаря Алексея Комнена; точно такие же послания император византийский разослал всем христианским царям и правителям. Эпистола гласила:

«Священную империю православных греков-христиан теснят беспощадно турки-сельджуки и печенеги. Они безжалостно грабят нас и отторгают от нашего царства различные земли. Христиан они истребляют, подвергая их страшным мукам; кровавые преступления неверных неслыханны и неисчислимы. Сельджуки насильственно обрезают христианских юношей и младенцев. Они отнимают честь у христианских девушек и жен на глазах у их матерей. Отроков, юношей, монахов и даже старцев епископов ввергают они насильно в гнуснейший и злейший из грехов — содомский грех. Почти все наши владения от Иерусалима до Греции, наконец вся Греция со всеми своими фемами, главные острова Хиос и Митилена, и многие другие земли, и даже сама Фракия разорены сельджуками. Один лишь Константинополь остался еще под нашей властью, но и этот град неверные похваляются отнять у нас, если не помогут нам вовремя христиане латинского племени. В Пропонтиде уже стоят двести кораблей, построенных греческими мастерами по принуждению захватчиков. Константинополю угрожает опасность как с моря, так и с суши.

Я сам, порфиноносный император, не вижу ниоткуда спасения. Часто я вынужден обращаться вспять перед сельджуками и печенегами; пока еще нахожусь я в моей столице, но не заставит ли и меня нашествие врага вскоре искать другого убежища?

Во имя господа нашего и во имя всех апостолов и святых великомучеников молю вас, воины христового воинства, кто бы вы ни были и к какому бы ни принадлежали племени.—спешите сюда для спасения гибнущих христиан.

Во сто крат предпочтительнее для нас покориться вам, нежели подпасть под власть язычников. Пусть достанется вам Константинополь, лишь бы не оскверняли его сельджуки и печенеги. Мнится нам, что и для вас не менее дороги те святые, что украшают Константинов град: орудие спасения нашего — то самое, которым пытали и умертвили спасителя, — честной крест, на коем был он распят, терновый венец, вен-

чавший чело его, бесчисленные мощи святых великомучеников, голова Иоанна Крестителя, нетленные останки святого Стефана... Ужели все это должны похитить язычники у христиан?

Если же не вдохновляют вас на подвиг эти христианские сокровища, я напому вам о несметном богатстве, которым владеет наш святой град. Сокровищ одних только храмов Константинополя — золота и серебра, жемчуга и драгоценных камней, шелка и парчи — достаточно, чтобы богато убраться храмы всего мира. Сокровищница же храма Святой Софии превосходит все эти богатства, взятые вместе. Я не буду говорить о несчетной казне, скрытой в тайниках почивших кесарей и дворян знатнейших родов.

Итак, спешите, войны святого воинства, ведите с собою ваши дружины, спасите эти богатства и сокровища от жадных рук сельджуков и печенегов. Уже не доверяем мы воинству, состоящему ныне под нашей властью, ибо оно может соблазниться грабежом этих несметных богатств.

Спешите, христовы войны, спешите, пока есть время, пока империя святого Константина и, более того, самый гроб господень не потеряны для вас и для нас навеки».

ДРАЧЛИВЫЙ ПАСТЫРЬ

Целую неделю провели послы во дворце Акрополя, ожидая приема; наконец Григорий Бакуриани был принят кесарем, и дейтерий назначил прием посольства на пятое января.

Повар дворца Акрополя оказался турком. Заупрямился кутанский архиепископ: как христианским пастырям прикоснуться к пище, приготовленной сарацином?

Наконец, по приказанию константинопольского патриарха, в монастыре Студии приготовили особые покои для гостей.

Эристава Гуарама пригласил в свой дворец Григорий Бакуриани. Стефаноз Цилканский колебался. Старый военачальник заметил, что не хотелось Стефанозу жить вместе с Антонием и с бедийским и мровийским архиепископами.

В путешествии люди узнают друг друга короче; в дороге успели подружиться Стефаноз и Бакуриани, и потому через два дня Григорий пригласил к себе и епископа цилканского.

Однажды вечером заметил Стефаноз, что Григорий не в духе, и спросил его, какая тому причина.

— Сдается мне, что придется нам воевать с печенегами, Стефаноз.

— Надеюсь, ты одолжишь и мне какой-нибудь старый доспех, авось и мне доведется убить одного-двух кочевников. Бакуриани встал, принес откуда-то ржавый панцирь и подал его Стефанозу.

Стефаноз примерил панцирь, не снимая монашеской рясы. Взглянув на епископа, закованного в латы, едва сдержал улыбку Бакуриани.

Длинная остроконечная борода доходила до пояса большеголовому и короткономому Стефанозу. Все лицо его, до самых скул, было покрыто густой растительностью; из ноздрей и ушей также торчали волосы. Одет он был в простую монашескую рясу грубого сукна, какое ткут горцы. И вообще был он похож на деревянное чучело. Такие пугала видывал Бакуриани на огородах — их ставили, чтобы отпугивать ворон.

Поседевший на службе у грузинских царей Стефаноз все время либо находился в походе, либо правил посольства по царскому приказу в дзурдзукской или осетинской земле. Церковным делам уделял он мало внимания, и потому владел им мирские привычки. Вино он пил с охотой, прекрасно управлял пирами, был отменным наездником. С крестом или с обнаженным мечом в руке всегда скакал он впереди войска.

О прошлом своем не любил рассказывать много претерпевший епископ. Трижды ранили его под Вежини кахетинские азнауры, и все же, пока не сняли осаду, не покинул он Георгия II.

Потому не удивился Бакуриани просьбе Стефаноза взять его с собою, если придется ехать на войну с печенегами.

Антоний Кутаисский учился в Византии. Были хорошо известны ему Константинополь и его окрестности. Он мог указать расположение любого из пятисот монастырей и храмов святого града. Под его руководством осматривали епископы город. Дворец Бакуриани находился далеко от Студийского монастыря. Часто Стефаноз плутал в извилистых константинопольских улицах и переулках и опаздывал к назначенному часу.

Не дождавшись Стефаноза и махнув на него рукой, нетерпеливый Антоний уходил с епископами в город. А цилканский епископ отправлялся на поиски один, смешил народ своим ломаным греческим языком; прохожие останавливались посмеяться над неотесанным горцем, а тот замирал перед каждым храмом, дворцом или монументом, раскрыв рот в изум-

лении. Так осматривал он конные статуи императоров, бронзовых коней, воздвигнутых перед ипподромом, бронзового быка на «Боос Агорас» (в котором византийцы в ту пору сжигали осужденных на смертную казнь). Золотые ворота, дворцы Августеон, Филлоксен, Лавс, Антиохийский и Патриарший.

В бане Вевксиппа едва не ошпарили Стефаноза, ибо знание греческого языка изменило епископу, и банщик вылил ему на спину шайку горячей воды вместо холодной.

Однажды грузинских гостей посетил Епифаний Непьющий с архиепископами хиосским и пафлагонийским.

Греческие архипастыри с утра повели грузин в храм Святой Софии. Блеск золота, серебра и точеного мрамора ослепил Стефаноза.

— Вот бы нам в Цилкани такой храм, — подумал он вслух.

Когда проходили мимо колонны, вокруг которой обвился огромный бронзовый змей, мровийский архиепископ спросил Стефаноза:

— Не пожелаешь ли и змея?

— Змея пожелаю Антонию Кутаисскому в его сад, только живого, — ответил Стефаноз, улынувшись.

Был суеверен кутаисский архиепископ; услышав сказанные вполголоса слова, обиделся он на шутку Стефаноза.

Из Святой Софии греческие епископы повели всех четверых гостей в «Та Палатайон».

Несчетная толпа запрудила площадь Августеон. Греки, болгары, руссы, турки, индийцы, египтяне и арабы толпились тысячами.

Уже не оглядывались прохожие на Стефаноза: более интересное зрелище привлекало внимание константинопольцев.

В эти дни прибыли в Константинополь с Запада рыцари-крестоносцы под предводительством фландрского графа Роберта де Фриза.

Рыцари на конях, закованные в серебряные латы, красуясь, двигались по улице Месы, иные же шли пешком, осматривая город.

Толпа бездельников шла за чужеземцами, с жадным любопытством рассматривая их вооружение и сбрую коней. Весь город говорил о Роберте де Фризе и его рыцарях.

Рыцари, увидев, что привлекают всеобщее любопытство, осмелели и стали дерзко обращаться с жителями города; входили в храмы, не снимая шапок; глазами покупателей раз-

глядывали святыя образа, а подчас и вытаскивали драгоценные камни из их окладов; нагло щипали женщин; то и дело толкали греков, затевали с ними беспричинные ссоры, зачастую же сцеплялись друг с другом, не поделив наворованного добра, и ссоры эти порою так разгорались, что требовалось вмешательство константинопольскаго епарха.

Антоний Кутаисский не любил епископа Стефаноза, подсменвался над ним, обзывал «дьяконом» из-за бедной его домотканой рясы и неотесаннаго вида горца стыдился показываться с ним на улице.

И на этот раз он тоже шел в стороне от него, следуя за Епифанием Непьющим и хиосским архиепископом.

Узкая улица была запружена народом, трудно было идти из-за тесноты. Епископы говорили только по-гречески. Стефаноз, не принимая участия в их беседе, печально плелся позади.

Уже дошли до городских предместий епископы, голод разбирает Антония Кутаисскаго, и он то и дело заглядывал в харчевни, откуда выходили, пошатываясь, подвыпившие люди.

Моросил неприятный, мелкий дождь; лужи чернели на грязных улицах. Увлеченные беседой епископы шли, приподняв руками полы своих рясы.

Епифаний Непьющий с удовольствием вспоминал проведенные в Грузии дни, колхидские вина, которыми угощали его в саду Антония Кутаисскаго, колхидские устрицы, рионскую осетрину и олени шашлык.

Греческая пища успела наскучить кутаисскому архиепископу, слюнки текли у него, когда речь заходила об этих кушаньях.

Пафлагонийский архиепископ беседовал с бедийским и мровийским своими братьями, тоже о колхидской кухне...

Наконец Епифаний Непьющий остановился и сказал Антонию:

— Сегодня я хочу показать вам, владыки, нетленные мощи святого Стефана... Вы не осматривали еще церкви Сорока мучеников, храмов Анастасии и Теодориха и, самое главное, головы Иоанна Крестителя.

Карманы грузинских епископов уже были набиты волосами святой Ирины, ногтями святого Виталня, клочками рубахи святой Анастасии, нагрудными образками и крестами.

— О чем говорит Епифаний Непьющий? — спросил Стефаноз мровийскаго архиепископа.

Тот перевел.

— Передай-ка ему, владыко, что лучше бы он дал нам попробовать греческого вина.

Антония покорило подобное кощунство, он поспешил вперед, отделился от спутников.

— Кто такой этот монах, владыко? — спросил у Антония Епифаний Непьющий.

— Это наш диакон, — ответил по-гречески Антоний Кутаисский.

В это самое время двое рыцарей в кольчугах вышли, пошатываясь, из харчевни. Дорожка, вымощенная кирпичом, была проложена по краю мостовой. Епископы шли по этой дорожке гуськом, потому что посредине улицы стояли после дождя большие лужи.

Рыцари спокойно прошли мимо Антония, одетого в шелковую рясу и украшенного золотым крестом, висящим на груди. Так же спокойно прошли они и мимо других епископов. Но когда поравнялись со Стефанозом Цилканским, один из рыцарей — безбородый, в серебряном панцире — высунул язык, схватил себя за подбородок и проблеял по-козлиному:

— Мэ... э... э...

Внезапно развернулся епископ цилканский и нанес звонкую пощечину рыцарю в серебряном панцире. Рыцарь покачнулся и упал лицом в грязь.

На помощь товарищу пришел другой рыцарь, в медном панцире. Он потянулся к остроконечной бороде епископа. Стефаноз быстро отвел голову назад, схватил рыцаря за руку, взвалил себе на плечо громадного детину и сбросил, словно мешок, в лужу — на рыцаря в серебряной кольчуге. Потом Стефаноз оседлал поверженных противников, сорвал с них мечи и принялся бить их, нанося удары плашмя.

Прохожие греки столпились вокруг Стефаноза, восхваляя его удаль; стражи связали руки рыцарям и отвели их, запачканных грязью с ног до головы, к епарху.

Безмерно разволновался архиепископ кутаисский.

— Видано ли где-нибудь, чтобы пастырь церкви дрался, как кулачный боец, и чтобы посол царя связывался на улице с пьянчугами?

— Не видал я и того, чтобы где-нибудь царского посла хватили за бороду, — коротко отрезал Стефаноз.

Позабыл Антоний и про франков, и про варягов, и про паломничество ко святым местам. Сытые, обильные обеды во дворцах хиосского и пафлагонийского архиепископов последовали за осмотром храмов и монастырей.

Оказался скупым Епифаний Непьющий. Ни разу не пригласил он епископов к себе на пир, но зато охотно произносил застольные речи, осыпая похвалами грузинских гостей, обещал непременно приехать к ним в гости и на будущий год.

На этих пирах тоска по родине не раз томила душу Антония, ибо жирная, маслянистая и сладкая греческая пища невольно приводила ему на память острые, подперченные, заправленные чесноком и зеленью грузинские кушанья и ароматные грузинские вина.

И мровийский архиепископ поддакивал Антонию:

— Воистину, владыко, во всей вселенной нет страны лучше нашей.

ТОГОРТАК И ТОГОРТА

Пятого января, когда грузинские послы приближались к дворцу Хризотриклин, на железных дворцовых воротах вывесили кесаревы доспехи, щит и меч.

Мровийский архиепископ остановился.

— Что случилось? — спросил он Григория Бакуриани.

— Это знак объявления войны, — ответил тот. — Печенеги третьего дня вторглись в пределы империи.

Бакуриани советовал грузинским послам: хотя и назначен прием у кесаря, все же ввиду начавшейся войны не следует просить у него франкских и варяжских ратников для наемного грузинского войска.

Порешили ограничиться приветствием христианскому кесарю от имени царей Грузии.

Как подобает римскому патрицию, византийский кесарь принимал послов и клиентов в семь часов утра. В гостиной палате уже собрались мандатуры и слуги дворца; в златотканые скараманги были одеты они, на поясах висели мечи.

В палате толпились гости: болгарские, армянские, русские князья и епископы. Среди них бродили два-три заложника-мусульманина — жители дворца Акрополь.

Как только пробило семь часов, к серебряной двери, ведущей из южного крыла дворца Хризотриклин в спальню покойника императора, подошел дежурный и трижды постучал.

В золотую палату вступил император Алексей Комнен. Он был одет в пурпурную тогу, шитую золотом по кайме; грудь

и плечи скрывались под драгоценными камнями. На голове возвышался венец «кесарикнион», усыпанный жемчугом.

Император преклонил колена перед образом спасителя. Потом поднялся и уселся в золоченое кресло, поставленное рядом с высоким тронном.

Направив взор на папия, вытянувшегося как струна, император произнес:

— Логофета!

Папий вышел в палату Лавзиакан, приказал:

— Позвать логофета.

Войдя в палату, логофет воздал почать императору, распротершись перед ним. Поднявшись, он предстал перед кесарем и доложил:

— Орды печенегов вторглись через Железные ворота и разбили лагерь между Диамполем и Голоэ.

Побледнело лицо Алексея Комнена.

— Быть войскам наготове! — приказал он логофету.

Спустя час кесарь принял фландрского графа Роберта де Фриза, рослого рыцаря в золотых доспехах.

После этого начался прием послов и клиентов.

Заметив озабоченность императора, оробел Антоний и, сославшись на нетвердое знание греческого языка, просил Бакуриани предстательствовать перед кесарем от имени грузинского посольства.

Григорий Бакуриани воздал почать императору. По обычаю, обратился он к логофету:

— Как чувствует себя базилевс, взысканный господом, создателем нашим, духовный отец царей грузинских? Как здоровье императрицы, августейшей повелительницы нашей, и базилисы, дочери кесаря? Здоров ли патриарх константинопольский, отец и упование всех христиан?

Логофет передал Бакуриани ответ:

— Как чувствует себя духовный сын боголюбивого базилевса, царь царей всех иберов, абхазов и сванов, себаст Георгий? Как здоровье царя абхазов и паниперсебаста Давида? Здоровы ли возлюбленные господом царицы, сыновья и дочери царей грузинских?..

...В день святого крещения константинопольский патриарх служил в соборе. Ранним утром началось церемониальное шествие синклита от Палатайона к Святой Софии. Бесчисленная

толпа встречала синклит пением псалмов, люди падали ниц перед кесарем.

Алексей Комнен вознес спасителю молитву за всех христиан и в тот же день отбыл с войском в Диамполь.

С ним отправились Григорий Бакуриани и владетель бесчисских Гуарам.

Цилканский епископ Стефаноз также не пожелал оставаться в Константинополе. Облачившись в доспехи, он отправился на поле битвы вместе с когортами Григория Бакуриани.

Едва император прибыл в Диамполь, как донесли лазутчики: вслед за вторгшимися в Железные ворота печенегами движутся толпы половцев. Они уже достигли Дуная и идут на Балканы. Из Малой Азии готовился ударить по Византии брат Малик-шаха Солиман.

Страх проник в душу Алексея, но, к счастью, прибыли в лагерь пятьсот всадников Роберта де Фриза; они привели полторы тысячи лошадей и продали их кесарю.

Узнав о прибытии рыцарей, закованных в латы, испугались печенеги, укрылись в овраге и стали выжидать удобного случая.

Новый враг появился у императора. Еще при кесаре Никифоре Ботаниатесе в Константинополе во Влахернском дворце воспитывался малолетний сын какого-то мусульманского амира. Имя его было Чаха, после принятия христианства был пожалован ему титул протонобилиссима.

Этот Чаха бежал из Акрополя, собрал отряд туркоманских разбойников, отнял у греков несколько кораблей, составил небольшую эскадру и овладел городами Фокеей и Казоменой, островами Хиосом и Лесбосом. Он отправил послов к печенегам, напомнил им о кровном родстве и предлагал вместе ударить по Константинополю.

Было ясно Алексею Комнени: надобно быстро пресечь опасность, иначе гибель неизбежна.

Кесарю Никифору Мелиссина император отправил объявить поголовный воинский сбор. Мелиссину же поручил собрать скотоводов — болгар и кочующих по Фессалии влахов.

Отрядил он гонца и в днепровские степи, послал подарки и золотую грамоту вождям половцев Тогортаку и Тогорте, звал их на помощь.

Эристав Гуарам и епископ Стефаноз крепко надеялись:

если выиграет войну кесарь Алексей, можно будет получить всадников для наемного войска от Тогортака и Тогорты.

И все же невесел был император. Половцы, естественно, должны были стать союзниками империи, но прекрасно знал император Алексей: половцы вероломны и на слово их нельзя положиться. Опасно было впускать в пределы империи подобных союзников.

Алексей посоветовался с Бакуриани. Григорий вспомнил рассказы Липарита; сам он тоже знал половцев, потому не советовал Комнени пускать их на Балканы.

— Лучше уж начать переговоры с печенегами, — полагал Бакуриани.

Кесарю тем более пришелся по сердцу этот совет, что он возлагал большие надежды на рыцарей Роберта де Фриза. Катепана Синезия отправил он к предводителю печенегов, поручил отвезти ему подарки и золотую грамоту, подписанную красными чернилами. В обмен за этот почет требовал он заложников.

Печенеги приняли подарки, но прислать заложников отказались.

Тем временем половецкие вожди Тогортак и Тогорта приблизились со своими ордами к балканским горам. Встретив на пути византийские когорты, они попросили их:

— Пропустите нас, мы хотим видеть императора.

Греки ответили учтиво, что не нуждаются ныне в помощи, и попросили половцев, приняв подарки, вернуться обратно.

Между тем лазутчики донесли Алексею, что печенеги двинулись на город Энос. На берегу реки Гербы должны были встретиться предводительствуемые Чахой сельджуцкие мореходы и орды печенегов.

Было ясно Алексею Комнени: сельджуки и печенеги, два туркоманских племени, протягивали друг другу руки над Босфором.

Приказав снарядить корабли, кесарь со своим малочисленным и наемным войском пошел к западу по берегам реки, осмотрел побережье, разведаль пригодные для лагеря места и выбрал обширное поле, с одной стороны обтекаемое рекой Гербой, а с другой — переходившее в топкие болота.

Подступы к лагерю он приказал защитить рвами. Затем кесарь отправился в Энос, но Григорий Бакуриани известил его, что несметные чужеземные орды приближаются к лагерю.

Бакуриани хотел немедленно вступить с ними в битву, но Стефаноз Цилканский посоветовал ему подождать прибытия

императора. В тот же вечер появился в лагере Алексей Комнен и своими глазами увидел грозную картину.

Затемнили горизонт несметные орды кочевников, вооруженных кто стрелами, кто мечом, а кто косою. Закутанные в звериные шкуры печенег ехали на неоседланных лошадях, иные же шли пешком или облепили кибитки.

В толпе встречались и женщины — они сидели на лошадях или ехали в телегах, через плечо у них висели колчаны или ревущие младенцы, на которых никто не обращал внимания. По пятам за беспорядочно текущей толпой шли с ревом, мычанием, ржаньем и лаем стада быков, конские табуны, ослы и собаки со сверкающими по-волчьим глазами.

Императора привело в замешательство это зрелище, Бакуриани же был готов ринуться в бой со своими двумя тысячами латников.

В это время прискакал гонец и доложил Алексею о прибытии половцев. Алексей пригласил к столу половецких вождей Тогортака и Тогорту. В шатре императора поспешно накрыли византийский стол.

Тогортак и Тогорта, в сопровождении десятка рослых воннов, явились к императорскому шатру; столь высоки они были ростом, что ни один не мог войти, не согнувшись, в шатер.

Кесарь и Григорий Бакуриани угощали их разнообразнейшими жареными и вареными кушаньями — жирными и подслащенными, по византийскому обычаю.

Но гости отказались от еды.

Тогортак и Тогорта в изумлении взирали на одетых в золотые брони императора и западного domestика, трогали руками их доспехи, их золоченые мечи и серебряные колчаны и при этом смеялись, радуясь, как дети, показывали острые зубы хищников и спрашивали кесаря через толмача:

— С кого ты это снял?

Заметив, что половцы не прикасаются к яствам, Алексей принялся сам за еду и сделал знак Григорию Бакуриани и катепану Синезию, чтобы те последовали его примеру.

Увидев, что хозяин занялся едой, ободрились половцы, но сыроедам-кочевникам больше всех изысканных яств пришелся по вкусу сыр.

Император налил Тогортаку вина; тот набрал его в рот, раздув щеки, потом выплюнул обратно и обрызгал одежду Алексея.

Император подарил обоим вождям по мечу с золотой рукоятью и по стальной кольчуге. Гости обрадовались, как дети.

Тогортак поднялся, хлопнул рукой кесаря по плечу и повернулся к переводчику:

— Скажи этому царю в золотой одежде, чтобы он дал нам сроку три дня — мы расправимся с печенегами по-своему. Император ответил толмачу:

— Переведи им: даю сроку хоть десять дней.

Толмач был монах, грек, он был не тверд в половецком языке. Тогортак понял из его слов, будто кесарь приказывает ему ударить по печенегам не ранее как через десять дней. Тогортак обиженно нахмурился, встал из-за стола и вышел со свитой из шатра.

Гости вскочили на коней и ускакали в половецкий лагерь.

И кесарь и domestик Григорий догадались, что половецкие вожди обиделись, но не могли доискаться причины.

Призвал толмача император, подробно выспросил, как перевел он гостям его слова? Но толмач поклялся сорока святыми мучениками, что в точности передал половцам слова кесаря.

Прошло три дня. Лазутчики донесли императору: печенеги сидят в своем лагере, не шевелясь, и половцы не тронулись с тех лугов, где они разбили свои шатры.

Алексей Комнен испугался: как бы не подошел мятежник Чаха, не напомнил половцам и печенегам об их кровном родстве, и как бы не ударили сообща все три племени.

Однажды вечером сели на коней император Алексей, Григорий Бакуриани и катепан Синезий, выехали на разведку к вражескому лагерю.

На востоке увидел Григорий множество телег, скрипевших под тяжестью облепивших их оборванных людей. Алексей смутился, решил, что приближается враг, но оказалось, что это были собранные Никифором Мелиссином пастухи — болгары и влахи.

Тогортаку и Тогорте не терпелось получить подарки от кесаря; они подождали еще пять дней и прислали вестника к Алексею:

— Доколе ждать нам знака к началу битвы? Знай, мы потерпим еще три дня, а на четвертый наши зубы должны попробовать либо овечьего, либо волчьего мяса.

Когда стемнело, перед главным шатром преклонили колена кесарь и его свита, зажгли свечи, прикрепленные к остриям копий, молились истово, пели псалмы.

Наутро началось кровопролитие. Греки и половцы напали на укрепившихся в ложине печенегов.

Печенегі огородили свой лагерь тысячами опрокинутых телег. Когда греки приблизились к печенегам на расстояние полета стрелы, Бакуриани приказал передовым сойти с коней. Всадники перелезли через телеги и забросали печенегов дротиками.

К этому времени подоспели фландрские рыцари.

Печенегі грудью пошли на ту когорту, которую вел Григорий Бакуриани, убили передовых и окружили domestика. Расправил плечи многоопытный полководец и с поднятым мечом поскакал к главарю печенегов.

Из-за опрокинутой телеги вылез чубатый, полуголый печенег, вытащил меч из ножен, подсек задние ноги лошади Григория, но тут подоспел Стефаноз Цилканский, вспомнил свою юность, взмахнул мечом, срубил с плеч чубатую голову.

В этот момент громадного роста половец соскочил с коня, крикнул что-то по-половецки, ухватил за чуб отсеченную голову и сунул ее в мешок (позднее узнал Стефаноз, что чубатый был кровным врагом этого половеца).

Дрогнули передние когорты. Бакуриани кликнул клич полкам; кесарь Алексей бился неподалеку на коне. Тут подоспели половцы. Кесарь приказал знаменосцу развернуть среди половцев императорский стяг.

Далеко за полдень затянулся бой. Жажда мучила воинов. У половцев уже накануне не было в лагере воды.

Ранив кого-либо из печенегов, половцы припадали к его ранам и пили горячую кровь.

Алексей Комнен повелел разослать по окрестным селам болгарских пастухов, чтобы те принесли воды в мехах.

Утолив жажду, еще больше озверели половцы, и когда трупы печенегов устлали лошину, обратились к опрокинутым телегам, принялись истреблять притаившихся там женщин и детей.

Цилканский епископ содрогнулся от этого зрелища. Он вложил меч в ножны, взял в руку нагрудный крест и, разъезжая на коне между половцами, умолял их во имя Христа пощадить младенцев. Половцы не могли удержаться от смеха; они рубили головы детям печенегов, вздергивали их на копья и кидали, словно мячи, в овраг.

Три дня продолжалось истребление печенегов; оставшиеся в живых побросали оружие, укрылись в соседних кустарниках, но ни кесарь, ни Григорий, ни цилканский епископ не в силах были сдержать озверевших половцев. На скачущих лошадях рыскали они по кустарникам, отсекали головы безо-

ружным, срывали с них одежду, выкалывали глаза, собирали в общую кучу отсеченные головы и руки.

Лишь три тысячи печенегов увели в свой лагерь греки и западные рыцари; половцы хотели истребить и этих, но кесарь настоял на своем.

Вечером Алексей приказал Бакуриани обезоружить пленных печенегов и приставить к ним стражу.

Это приказание было исполнено немедленно, но после полуночи явился к Григорию катепан Синезий и попросил его разбудить императора.

Алексея разбудили, и Синезий доложил:

— Лучше будет сегодня же ночью перебить пленных печенегов. Лазутчики мне донесли, что в лагере половцев уже жалеют о том, что так безжалостно расправились с безоружными печенегами. Эти дикари похожи на детей, — добавил Синезий, — только что истребляли людей и уже жалеют убитых. И боюсь, как бы эта жалость не заставила половцев освободить пленных печенегов и как бы оба племени не ударили на нас соединенными силами.

— Конечно, печенеги — дикое племя, но оставим им жизнь, они нам могут пригодиться, — ответил император.

Долго в эту ночь бодрствовал Синезий. Только начала одолевать его дремота, как вдруг волчий вой донесся до его слуха. Подумалось ему: это зверь вышел из лесу поживиться мертвечиной; насытится он и уйдет.

Но волк продолжал выть.

Выслал Синезий лучников, приказал им убить зверя. Но стрелки вернулись и доложили: это не волк, а человек воет по-волчьи.

Измумлился катепан, разбудил толмача.

Выяснилось, что было обычаем у Тогортака выть по-волчьи после победы над врагом. Синезий испугался, подумал: верно, потому так близко подошел Тогортак, что хочет волчьим воем подать знак печенежским пленникам. Синезий поднял на ноги лучников и велел отрубить головы спящим печенегам.

Наутро узнали об этом в лагере половцев. Испугались вожди Тогортак и Тогорта, как бы не обвинил их кесарь в истреблении печенегов, подняли лагерь и поспешили в свои степи. Даже обещанных кесарем подарков не стали они дожидаться.

Так Григорий Бакуриани обманулся в своих надеждах: не удалось ему вступить в переговоры с вождями половцев.

Цилканский епископ в тот же день вернул свои доспехи Григорию. «Я должен исполнить приказ царя Давида», — сказал он полководцу. И, надев опять свою рясу, сменив меч на медный крест, попрощался с Гуарамом Бечисцхским и Григорием Бакуриани и пустил своего коня в том направлении, в каком скрылись половцы.

О ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ

Отъезд Антония Кутаисского вселил новые надежды в сердце императрицы Мариам. Был далеко теперь «пастырь христианского благочестия». Католикос же абхазский Евстратий вообще не заботился о мирских делах.

Твердо знала Мариам: Номоканон сковывал византийских кесарей в их поступках. По-гречески был воспитан Антоний, потому и требовал подчинения Номоканону. А как посмотрят в его отсутствие на это дело грузинские архипастыри?

Почти совсем опустел Кутаисский дворец, оставленный на попечение слуг и дворцовых дам. Царь Георгий готовился к зимней охоте и потому отправился всем домом в Гегути. Эриван Липарит с женой, сыном и дочерью собирались отбыть в Триалети, и царь Георгий накануне отъезда устроил для гостей охоту на косуль в Аджамети.

Шутя похвалялся хозяин перед Липаритом и Рати, обещая им, что затмит джейранью охоту, устроенную ими в те дни, когда гостил он во владениях Орбелиани в Алгети. И впрямь, охота была на редкость удачная: более сотни косуль убили царь Георгий и Рати.

Дамы также присутствовали при этой прекрасной забаве...

Рати чувствовал: обиделась на него императрица Мариам за его грубое обращение с Дедисимеди. И потому, как только удавалось ему поразить косулю, тотчас же, даже не извлекая стрелы из раны, взваливал он добычу на плечи и приносил ее к ногам императрицы, расположившейся со своей свитой под вековым дубом.

За охотой последовали пиры. Сидя полукругом возле большого камина Гегутского дворца, хозяева и гости само-

лично следили, как под наблюдением начальника кухни жарились на вертелах туши убитых косуль.

Чашнагир пробовал одно за другим багдадские вина. Флейтисты, привезенные из Таквери, сладостными напевами улаживали своих гостей, восседавших вокруг золотых столов.

Рати пришлось по душе охота на косуль. Ката же стремилась скорее уехать в Триалети.

Однажды начальник царской охоты привез новость: стадо кабанов перешло вброд реку ниже Гегути. Теперь к кабаньей охоте обратились мысли царя Георгия и Рати.

Но не пришлось им осуществить свои намерения: Рати внезапно заболел лихорадкой. Лекарь Карсанисдзе заявил, что это — болотная лихорадка, лечить ее нужно долго, не хватит, пожалуй, и трех месяцев.

Странная выдалась зима в этом году: накануне рождества сызнова зацвели сливы, и вдруг выпал снег — глубокий, обильный, доходивший до стремени всаднику.

Не скрывал своего огорчения царь Давид: бездорожье разобщило области; прервалось сообщение с Абхазией, Самухе и Внутренней Картли; прекратилось пешее и конное воинское ученье в Гегути; Георгий Чкондидели задержался в Такверском эриставстве.

Ликовал царь Георгий, предвкушая обильную охоту. Радовалась и императрица Мариам, потому что Рати не мог увезти сестру в Триалети, а Давид — уехал в Цхуми.

Шел снег; словно дикая лошадь, металась выюга по гегутским полям, осыпала белыми клочьями дворец, заваленный снегом по самые окна. Лишь к исходу января очистилось небо, началась оттепель, рощи подернулись синевой. Только Кавказский хребет стоял покрытый льдом на севере — огромная хрустальная цепь, заградившая небосклон.

В повседневной толчее Гегутского дворца лишь у большого камина могли встречаться Давид и Дедисимеди; стесняясь ее родных, даже взглядом не решался обменяться с нею юноша-царь.

Время шло, все труднее и труднее становилось в этой тесноте императрице Мариам, привыкшей к жизни больших дворцов Мангана и Буколеона. Нестерпимо ей было наблюдать молчаливое страдание влюбленной четы, приелись большие сплетни маленького двора и перешептывания дворцовых старых дев. Наводили на нее тоску доносившиеся из зарослей на Риони гоготанье диких гусей, непрерывный трубный зов

оленьих стад и пенье фазаньих петухов в ближнем лесу. К всему этому шуму примешивался еще неумолчный лай с псарни царя Георгия.

Милостивая императрица разъезжала по ближайшим селам, крестила детей, раздавала монеты — ботинаты, золотые и серебряные кресты, образа святых и молитвенники, привезенные из Афонского иверского монастыря.

Утомленная дорогой, возвращалась она в Гегутский дворец, и тут же должна была принимать бежавших из Иерусалима грузинских иноков, собиравших милостыню, монахов из Самцхе, игуменов и игумений обитателей Внутренней Картли, просивших средств на восстановление разрушенных землетрясением монастырей. Они терпели ныне великую нужду, ибо после воцарения Давида вся государева казна тратилась на покупку боевых лошадей и на возведение крепостей.

Недаром шутил царь Георгий: если еще хоть год проживет в Гегути сестрица Маико, у каждого крестьянина в Грузии появится во дворе свой собственный монастырь.

В крещение царь Георгий примирил царицу Елену и Мариам. Видела царица Елена — ни на день не покидала царя Давида печаль, и согласилась с Мариам: быть обручению после пасхи, на Фоминой, если, конечно, будет на то соизволение католикоса.

Тревожилась Мариам, пора было думать о возвращении в Византию. Гонец, с трудом пробравшийся из Хупты, привез послание: извещал домоправитель императрицы, что у императора — война с печенегами. Константин Порфирородный, — сообщал домоправитель, — скоро напишет сам; но где находился сын Мариам, об этом в послании не говорилось.

Весть эта огорчила Мариам, и все же, наделенная сильной волей, хотела она еще до отъезда завершить дело с обручением Давида, ибо предвидела: вернется из Византии архиепископ Антоний, и сызнова начнутся споры вокруг Номоканона.

Жестоки были страдания Давида. Он замкнулся в себе, сердце его наглухо закрылось для Георгия и Елены. Уединение привлекало его, целые дни проводил он за чтением, лишь иногда играя в нарды с Джоджики или Нианией.

Дедисимеди также была во власти печали. Бледностью подернулись ее щеки, исчез тот оттенок персиковых цветов, что так красил ее лицо. Вся сжалась горестная дочь эристава; похожая на привидение, скользила она среди широкобедрых дворцовых дам.

Царицы Елены она избегала, царя Георгия сторонилась, брату своему Рати робко глядела в глаза и, как ручная косуля, ходила следом за императрицей Мариам, лишь в ее присутствии чувствовала себя легко.

Едва проснувшись, рассказывала она императрице свои невинные сны, если же случалось войти неожиданно к супруге Липарита, замолкала на полуслове. Трепетала девушка под ястребиным взором матери.

Карсанисдзе, лекарь, потребовал, чтобы больного лихорадкою Рати перевезли в Кутаиси, и только тогда облегченно вздохнула Мариам. Обрадовалась счастливой случайности: не тодилось отправлять гостей в Кутаисский замок, если не будет там хотя бы одного из хозяев. И, приказав запрячь свою золоченую карету, отправилась в Кутаиси вместе с семейством эристава Липарита.

Пыталась она залучить и царя Давида: в большом Кутаисском замке хоть изредка, но все же могли бы влюбленные встречаться на свободе.

Так полагала проницательная императрица, но приехал из Гегути Козман и привез известие о том, что царь Давид, взяв с собою Нианию Бакуриани, Джоджики и Шергила Липартиани, с тысячью закованных в латы рыцарей отбыл тайно на рассвете из Гегути.

Ни главный смотритель царских табунов, ни главный казначей, ни кто-либо иной из придворных не знали, куда отправился царь.

— А царь Георгий? — спросила Мариам.

— Царь Георгий хранит молчание, августа; не мог же я осмелиться его расспрашивать! Подозревают, что у самсхскийского рубежа сельджукские шайки нарушили границу и царь Давид отправился в Джавахети, к Бешкену Джакели; иные думают, что царь — в Абхазии, а третьи полагают, что он в Сванети.

— Ты плохой вестник, Козман: лишь снег и ветер приносишь с собою.

Так, с шуткою, отпустила она монаха, сама же изумлялась: что заставило Давида обречь себя на путешествие в такую погоду?

Подошла к окошку и поглядела на засыпанный снегом замок. Только головы и шеи были видны у людей, хлопотавших во дворе.

— Вот так же забывал о самом себе мой, светлой памяти, царь Баграт, — сказала Мариам сидевшей перед камином Дедисимеди, не сводя взора с раскачивающихся верхушек кленов. — Будь то пасха, рождество или Новый год, в бурю или в ведро, зимою или летом, — воевал, боролся, трудился. Однажды, помнится, были крестины в Уплисхихе, в Фомин день. Накрыли на стол. Гости едва успели вымыть руки, — а уже нигде не могли доискаться отца. Главный конюший принес известие: с тремястами всадниками царь спешно отправился в Сапурцле. Мы думали, что он в Бедии служит молебны, а он в это время сражался с сельджуками у Алгети. На коне он спал, на коне молился и даже держал совет со своими военачальниками на дороге в седле!

Дедисимеди сидела в кресле, вышивала золотом. Огромный дзелквовый пень пылал в камине. Кирпичный пол был застлан тигровой шкурой, на ней свернулась калачиком кошка, похожая по расцветке на охотничьего гепарда; изнеженный зверек щурил лениво глаза.

Возли факельщики, чтобы зажечь свечи в золотых подсвечниках. Мариам махнула рукой, чтобы оставили ее в темноте.

Словно жалуясь, трещал в огне громадный пень.

Смотрит в огонь и думает Мариам:

«Какие непонятные силы восстали против настойчивого желания ее сердца? Оставить ли начатое дело и отправиться в Византию, как только откроются дороги? Но жаль эти бедные юные сердца. Конечно, Давид — мужчина, самозабвенно делающий свое дело. Но не достойно ли жалости это ангелоподобное существо, что сидит, опустив лицо, перед огнем? Воистину, печальна участь женщины: возлюбленную приемлет она жестокие страдания, мать — терпит обиды, а если она счастливая супруга, то разрывается, чтобы совместить обязанности супруги, матери и возлюбленной».

И еще предвидела мудрым сердцем императрица: если расстроится обручение — кто знает, какая причуда овладеет Липаритом и Рати? Возгордившиеся мусульманские султаны вожделенно поглядывают на грузинских красавиц.

Вспомнился недавний Совет старейшин. Не понравились Мариам речи Липарита и Рати. Эристав Дзаган стал на сторону кахетинского царя, а их возмущало только одно: как посмели рукоположить епископы Модистоса; брата Дзагана? И усиление наемного войска явно не по душе отцу и сыну Орбе-

лиани. Допустим, что придет на подмогу франков император Алексей. Давид укрепит свою рать, а Липарит снова упадет, и старая сказка начнется сначала.

И, отведя глаза от огня, Мариам жалостливо смотрит на девушку.

Развившийся локон, цвета золотых нитей на вышивании, спустился на щеку Дедисимеди. Заметила Мариам: были заплаканы глаза девушки.

Прекраснейшие из женщин рождаются под несчастливой звездой, — думала Мариам. — Не печальна ли и ее собственная участь? Дважды опрокидывали из-за нее мужчины императорский престол, оба раза заливали кровью площадь Августеон и золотые покои Палатайона; исковеркали жизнь Мариам, но и сами не достигли желанного счастья.

Вновь взглянула императрица на погруженную в рукоделье девушку — еще прекраснее была она в печали!

И Мариам подумала: «Если придет она когда-нибудь в гости ко мне в Византию, прикажу живописцам написать ее изображение в восточном приделе Пигийского монастыря — и фреска эта назовется, без сомнения, «Иверской божьей матерью».

Приласкав дочь эристава, спросила ее Мариам:

— Почему ты печальна, душа моя?

Девушка подняла свои всегда изумленные глаза и спросила в свою очередь:

— Неужели еще идет снег, августа?

— Идет, дорогая моя, идет...

Дедисимеди склонила лицо и продолжала вышивать.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— О, ничего особенного, августа, — мне только жаль всадников, которые должны путешествовать в такую погоду.

Легко догадалась Мариам, о ком грустила дочь эристава. Ласково погладив ее рукой по волосам, притянула девушку к себе и тихо поцеловала в зардевшуюся как от огня щеку.

Ветер гремел на дворе, бился в смотровые оконца замка и завывал по-волчьи. Верхушки кленов сгибались под ветром во мраке.

«О плавающих, путешествующих, страждущих и плененных и о спасении их господу помолимся...» — вспомнились Мариам слова молитвы.

ДОБЫЧА ЯСТРЕБА ИЛИ ДОЛЯ ГРАЧА?

Отыди от меня, сатана, ибо ты соблазняешь меня, ибо замышляешь ты не божеское, но человеческое.

Не помогла Рати охотничья добыча, смиренно поднесенная им императрице в Аджаметском лесу. За два месяца ни разу не навестила больного Мариам; то ссылалась на простуду, то извинялась головной болью, то отговаривалась делами.

Такое невнимание императрицы обидело Катю, не отходявшую день и ночь от одра больного.

Однажды вечером Мариам приказала управителю пригласить к ней супруга эристава.

Справилась о Рати, побеседовала о способностях Дедисимеди к рукоделию, о том, как быстро овладела девушка искусством золотого шитья.

— Теперь я обучаю ее вышиванию серебром. — сказала Мариам.

— Книги и врачевание болезней — вот что всегда была страстью моей дочери, потому и отстала она в рукоделии, августа, — сказала супруга эристава.

Когда Дедисимеди вышла из комнаты, Мариам заговорила о предполагаемом обручении; упомянула и о Номоканоне, успокоила супруга Липарита: если обручение состоится до возвращения кутаисского архиепископа, то католикос как-нибудь сумеет обойти затруднение. Прибавила также, что Евстратий дряхл и болен, смерть его близка; после его кончины Антония возведут на патриарший престол, и тогда трудно будет сломить упрямство своевольного монаха.

Ката выслушала, шевельнула рыжими ресницами, перевела взор на огонь в каминé и сказала:

— Я ныне уж не властна решать это дело, августа. Пусть встанет с одра болезни сын мой, а там увидим, что скажут Липарит и Рати.

Гнев овладел Мариам, изумленно смотрела она на Катю. Уж не потеряла ли разум дочь Дукидзе? До сих пор по три раза в день сама напоминала об обручении, плакалась на строгость Номоканона, а теперь, когда препятствие это преодолено, ссылается почему-то на Липарита и Рати.

— Извини меня, госпожа моя Ката, за прямоту и за от-

кровенность, но должна сказать тебе, не кривя душой: как родную дочь, люблю я Дедисимеди; но пусть не думает никто, что императрица Мариам или царь Давид будут обивать пороги Орбелиани. Лучше будет, если дело не дойдет до выбора, ибо известно каждому, что во всем христианском мире никто не откажет в невесте царю Давиду. Я могу, не ступив ни шагу из дворца Магнавра, выдать замуж за моего племянника Анну Комнен, дочь кесаря Алексея, или же прекраснооую ПириССу, дочь венгерского короля Владислава II. На одни только алмазы каждой из них можно купить все Триалетское вриставство.

Ката просила прощения, ссылаясь на бессонные ночи, жаловалась: болит голова, ослабленная ночными бдениями, потому и язык мелет, не спросясь хозяйки, что попало; сама она боится немилости императрицы, как господнего гнева.

— Лишь благодаря тебе, милостивая августа, столь неожиданно открылись врата небесные перед нашим родом, а впрочем, и без того, кто осмелится проявить к тебе неблагодарность, августа?

Дедисимеди вошла в палату, и Мариам перевела разговор на посторонние темы, а под конец тоже извинилась головною болью и оставила мать с дочерью вдвоем у камина.

В полутьме, одна, лежала императрица, и слезы текли по ее щекам.

Одно только горе принесли все ее намерения и начинания! Мученическое лицо Русудан стояло перед ее глазами. Любимого первенца оставила несчастная в этом мире. И неужели концом всему этому будет лишь то, что византийская императрица должна будет отправиться в Сохастерийскую обитель просить прощения у бывшей царицы?

Мариам закрыла глаза ладонью.

Во всем дворце, знает она, нет у нее сторонников или единомышленников. Доносил ей монах Козман, что не только дочь Шервашидзе, но и приближенные: начальник слуг, главный дворецкий и другие, подобные им, и даже, подумать только, сама эта блудница куропалатиса Мелита, — порицали, оказывается, Мариам. Да, да, и куропалатиса Мелита осуждала ее поведение, говорила, что она лишь без толку встревожила дворец Багратионов, где будто бы счастливо жили во взаимной любви Давид и Русудан, приехала из Византии, свела юношу-царя с Дедисимеди, заставила заточить в монастырь Русудан.

Ясно, что Липарит и его супруга стали опять колебаться — был необычно холоден с Мариам эристав триалетский в Гегутском дворце. Имеет ли смысл выведывать правду у сына Липарита? Вероятно, и он умоет руки; подобно Пилату, свалит все на отца.

Козман — ясновидец, сердцевед, он всегда заискивающе смотрит в глаза императрице Мариам. Пять лет протекло с тех пор, как Липарит обещал ему кафедру цилканского епископа, но и по сей день никак не дождетсЯ он рукоположения. Теперь он надеется, что Мариам устроит его настоятелем монастыря Пропонтиды. Монах, привыкший к странствованию по чужим землям, разумеется, предпочтет приорство Пропонтиды цилканской кафедре.

Мариам обязательно исполнит это желание Козмана, если только тот поверит ей тайные помыслы семьи Орбелиани. Наконец, пострижение Русудан есть в немалой мере заслуга монаха!

— Приведи ко мне Козмана, — приказала Мариам Цинцилуку.

«Благородство поступков обязательно для любого дворянина», — думала Мариам. Потому доверяла она Козману: он был не простого происхождения, а азнауром из знатного рода Абазаисдзе. Слыхала также Мариам, будто в юности Козман любил — и не безответно — Тату, дочь именитого купца Варсима Вардзели; но Липарит послал Варсима доверенным в Исфаган, где купец насильно выдал дочь за Кербогу, военачальника Бархиарока.

Когда рассказали об этом Козману — в миру носил он имя Саама Абазаисдзе, — он был занят игрою в поло во дворе собственного замка. Тут же отправился он в ближайший монастырь и в тот же день постригся в монахи. Съедаемый тоскою, пьянствовал потихоньку Козман в монашестве, а потому не удостоился быстрого возвышения, какое обычно бывало уделом «братьев из знатных родов».

Из трех монастырей был изгнан брат Козман и наконец нашел приют у Липарита. Эристав триалетский тайл недовольство против манглисского архиепископа Кириона, ибо последний считался в Триалетском эриставстве сторонником царя Георгия. Поэтому намеревался Липарит изгнать Кириона из Триалети, а епархию передать Козману.

Конечно, после примирения с царями было бы уже неловко лишить кафедры Кириона, и Липарит утешал Козмана:

хотя и не удалось изгнать Кириона, зато недолго дожидаться смерти епископа Досифея.

Страстно стремился к епископской кафедре Козман и был поэтому преданнейшим человеком при дворе Липарита, поверенным тайн и домашним другом дома Орбеллиани.

Управитель Цинцилук вернулся в сумерки и доложил императрице: монах Козман отправился в Гегути.

Лишь на следующий день вернулся он и явился к управителю Цинцилуку.

— Сегодня мы будем в бане с Дедисимеди, пусть зайдет к нам вечером, после службы, — велела императрица передать Козману.

Кутаисский замок окружили вечерние тени, но жар горячего солнца остался в набухших почках деревьев, стволы и ветви налились соком, и сок этот курился прозрачным, легким туманом. Ветер, утихший к закату, согнал тучи с неба свода цвета эklarского камня; над закованной в ледяной панцирь горой Хомли роились облачные призраки, похожие на серафимов с распростертыми крыльями.

У стены замка нежился Козман, притихший под теплою ласкою весеннего дня. Отсюда Козман любил смотреть на прекраснейшую долину Риони.

За рекою раскинулось село, за ним — пригорок, а на пригорке — замок с башней. Вспомнился Козману Макабели — замок его отца.

И вдруг захотелось очутиться в замке Макабели, скинуть монашескую рясу, облачиться в дедовскую броню, опоясаться добрым мечом, а не простой бечевкой, и надеть на голову шлем, а не монашеский клобук.

— А дальше? А дальше... Фуй, сатана, что за мысли лезут в голову в эти дни!.. Козман, я не узнаю тебя, брат, — окликнул его внутренний голос.

Как возмутила, встревожила спокойную жизнь Козмана его встреча с Дедисимеди в опочивальне Каты! Не проходит дня, чтобы трижды не тянуло поглядеть на ее лицо.

Проснется поутру и ждет нетерпеливо, когда управитель Цинцилук позовет его к императрице Марнам. Зимой, пока дороги были закрыты, он знал, что непременно застанет ря-
ном с ней сидящую возле камина Дедисимеди — любимую и

прекрасную, как только что оперившийся птеник, притаившийся под крылом фазаньей самки.

Уже весна, скоро вернется царь Давид, и начнутся опять верховые прогулки к Сатаплии; уже весна, и весьма вероятно, что сумеет настоять на своем императрица Мариам — после пасхи будет не только обручение, но и свадьба.

«Козман, я не узнаю тебя, брат... Не на твоих ли глазах попрос этот фазаний птенец? Еще до твоего отъезда в Исфган часто сиживала у тебя на коленях эта маленькая ласочка, одетая в кирманские шелка. И вот внезапно возникла она пред твоим взором в образе полной соблазна девы; и даже более того, — одним дуновением загасила образ Таты Вардзели, горевший в твоей душе».

Весь мир от края до края объездил Козман, влюбленный монах; Исфган, Багдад, Антиохия, Иерусалим, Смирна, Никея, Константинополь — где только не ступала его нога!

На невольничьих рынках видел он, как покупали прекраснейших наложниц для гаремов Малик-шаха, Бархиарока и Солимана.

Были там невольницы чарующей красоты — турчанки, армянки и гречанки.

Наблюдал Козман и белолицых придворных дам Палатойна — высокогрудых жен и дочерей нобилиссимов, кесаросов и куропалатов, стройных, как кипарис, гречанок, чернооких болгарских дев, родосских нимф с глазами цвета алычи или лесбосских девственниц, чьи очи отливали цветом морской воды и чей страстный взгляд волновал мужчин, как молодое, бродячее вино.

Но монах оставался тверд среди всех этих искушений и ни одна из женщин не в силах была изгнать из души образ Таты Вардзели.

И разве мало наблюдал он за Дедисимеди — свидетель того, как выросла она, превратилась из подростка в женщину? Но наблюдал равнодушно, как некто, издали следящий за плодовым садом, кто видит каждое утро из своего окошка, как подрастает какое-нибудь деревцо — скажем, унаби. И вот, в одно прекрасное утро, выглянув из окна, увидел он ветви, отягченные красивыми плодами; вчера еще незаметное, стоит деревцо в пурпурном уборе, как некое чудо, устремившееся к небесам.

И все это свершил сын Липарита Рати. Грубыми руками

он совлек шелковые покровы, скрывающие от чужого глаза красоту его сестры, сдернул с нее шаль, отнял псалтырь и обнажил перед монахом колдовскую красоту дочери Орбелиани, мягкие, круглые колени и розовое мерцание обнаженной плоти.

«О сатана-искуситель! Как затемняешь ты сознание человеческое: всегда сулишь ты в удел смертному сыну плоти гораздо больше того, что бог и судьба даруют человеческому племени!»

В это мгновение готов был монах Козман отдать всю свою жизнь за то, чтобы хоть еще раз увидеть розовое мерцание обнаженных колен дочери эристава...

Стая грачей поднялась из ущелья. Прилетели в дворцовый сад шумливые птицы, подняли гомон на верхушках старых лип.

Козман потянулся, окинул взглядом Риони и направился ленивым шагом ко дворцу царя Леона.

Запоздалый луч играл на золоченом куполе храма царя Баграта. Меж оплетенных плющом зубцов крепостной стены суетились кедровки.

К зеркально-чистому своду небес возвел глаза размечтавшийся монах. Два ястреба описывали круги в воздухе; один кружился совсем низко, почти задевая за верхушки деревьев, а другой покачивался на крыльях, словно на волне, и парил кругообразно в небе, стремя все ниже и ниже свой полет.

«Верно, следят за грачами», — подумалось Козману. Но вот внезапно устремился молнией вниз тот, второй, с небес, хищники схватились в эфире, и — о удивление! — к ногам Козмана упала обезглавленная куропатка.

Монах направился ко дворцу, но едва успел он дойти до первой ступеньки лестницы, как с верхушки липы слетел один из грачей, схватил и унес с собою добычу.

Нестерпимо захотелось вина Козману, и он пошел к царскому погребу, надеясь, что пригласят его чашники, дадут испить чарку-другую, рассеять немного тоску, что налегла на сердце.

Но двери погреба были закрыты.

Понурия голову, миновал Козман цветочный сад и пошел по тропинке, что вела к дворцу Леона.

АФРОДИТА ЗЕДАЗЕНСКАЯ

Поднимаясь по ступенькам лестницы, вспомнил Козман слова некоего арабского астролога: «Небо и звезды являют знамения каждое мгновение, нужно только, чтобы человек стремился проникнуть в их тайну».

Дворцовая служанка встретила его по дороге. Сказала монаху, что императрица еще не вернулась во дворец.

Козман колебался — хотел пойти в храм Баграта, чтобы помолиться и рассеять соблазн. Но, дойдя до дворца кутаисского архиепископа, повстречал дворцовых дам, уже возвращавшихся от вечерни.

Подождав, пока женщины прошли мимо, монах направился к фиговому саду.

На этот раз сквозь двери царского погреба пробивался свет. На цыпочках Козман скользнул в погреб, огляделся... Запах вина поразил его обоняние.

Мясник Хвтисавар стоял над горлом врытого в землю винного кувшина, держа в руках зажженную лучину. Чашник Грубела, стоя над кувшином на коленях, ладонью снимал с вина пленку.

Узнав Козмана, удивились оба: никогда раньше не видели они монаха в погребе. «Подослан, верно, Орбелиани», — подумали оба.

Монах пожелал им мирного вечера.

— Да ниспошлет тебе мир святой Георгий! — был ответ.

— Не побрезгуй нами, пожалуй к нашему столу, — сказал гостю Грубела, — преломим хлеб у очага.

— Нет, я не голоден, а вот коли дадите вина — не откажусь. Замучила меня жажда, — сказал монах.

Большой черпак наполнил вином Грубела. Монах, припав губами к сосуду, опорожнил его.

— Может быть, приятно будет выпить еще? — спросил Грубела. — Что такому рослому молодцу чарка с наперсток?

— С наперсток? — осклабился монах. — Наперсток наперстком, а вино уже бросилось мне в голову!

Но не отстал от него Хвтисавар, и опорожнил Козман еще один черпак.

Поблагодарил и ушел из погреба, нетвердо держась на ногах.

Испугался: не заметил бы кто-нибудь при встрече, что охмелел монах. Забрел в часовню, присел на каменной плите.

Перед полусмытой дождями фреской божьей матери теплилась, мерцая тусклым светом, единственная лампада.

Вспомнил монах про подземный ход, ведущий к бане.

— Отыди от меня, сатана! — воскликнул он и обратил взор к лику богородицы. Но слишком велико было искушение, рожденное вином и любовью. Мысли, что гнал от себя Козман, возвращались к нему снова, роились вокруг него, словно пчелы вокруг улья, откуда их только что выкурили дымом. Вот сейчас, в это самое мгновение, вероятно, снимают одежды с дочери эристава, и уродливые, безобразные банщицы, конечно, не заметят розового мерцания нежных колен...

Кровь прилила к голове монаха, он встал и почувствовал, что колени подламываются под ним, но все же устремился вперед, шатаясь, как пьяный.

Своды подземного хода были низки, Козману пришлось идти согнувшись; так, склонив голову, пробирался он по мощенной булыжником подземной тропе.

А если встретит он кого-нибудь из прислужниц?

Тогда он скажет, что направляется в замок.

Ощупью пробирался вперед Козман.

Царивший в подземелье густой мрак не могли рассеять повешенные кое-где на стене чугунные светильники. По левую и по правую руку бежали рядами глиняные трубы, через каждые двадцать шагов поставлены были огромные водосборные кувшины.

Так вот и шел вперед, пробираясь в полутьме, богатырь-монах, а услышав малейший шорох, простирался, как ящерица, на земле, продолжая свой путь ползком; лицо его и губы запылились, он обливался потом, но все же упорно двигался вперед, влекомый желанием еще раз увидеть хотя бы уголком глаза ту колдовскую красоту, которую приоткрыли перед ним грубые руки Рати Орбелиани.

Три тоннеля сходились у перекрестка, и когда Козман свернул в тот проход, что вел к дворцовой бане, он увидел где-то далеко впереди туманное сияние. Запах бани и горячего пара ударил ему в ноздри. Теперь нужна была особая осторожность, и уже не на коленях, а на животе пополз монах, стремясь к мелькавшему впереди свету; в кувшинах бурлила вода, биение собственного сердца раздавалось в его ушах.

У порога бани стояли три огромных кувшина и между ни-

ми — наполовину вывернутая каменная плита. Монах скрылся за кувшинами и отыскал глазок для наблюдения.

В бане горели медные свечницы, но пар клубился в ней столь густо, что прислужницы,двигающиеся в этом тумане, похожи были на привидения.

У западной стены висели на железных перекладинах три громадных чугунных котла. Под котлами и вокруг них бушевало пламя, высотой в человеческий рост, вода из кувшинов по длинным рукавам с шумом стекала в котлы.

Кто-то кричал непрерывно из темного угла:

— Хартута, эй, Хартута, подлей холодной воды!

Выходила из клубящегося пара высохшая старуха в одном переднике, хваталась рукой за кран на глиняном приводном рукаве и студила слишком горячую воду.

А когда Хартута приближалась к пылающим под котлами кострам, казалось наблюдавшему из своего тайника монаху, что это старая ведьма бродит вокруг огня. Она была волосата и опалена огнем; двумя безобразными кошельми болтались ее увядшие груди.

Как раз против Козмана на каменной скамье ничком лежала молодая женщина. Козман сперва не опознал ее. Лишь когда подошла банщица Хартута и стала ногами ей на спину, звонко засмеялась женщина, и Козман узнал голос Дедисимеди.

В глазок было видно, как старая ведьма мяла ногами обнаженное тело дочери эристава. Начала она с лопаток и спустилась по спине. Потом слезла на землю и стала бить ладонями нежное тело. Звук ударов был слышен явственно, Дедисимеди смеялась серебристым смехом. Потом приподняла ее Хартута, посадила, продела ей сзади под мышками руки, отгибала плечи назад, заставляла снова ложиться, отгибала ноги к спине. Прислужницы принесли полные ведра воды и обильно поливали тело дочери Липарита.

Когда все это кончилось, Дедисимеди встала и подошла к пылавшему под котлами огню. Теперь еще более громким казалось Козману биение собственного сердца. Лишь голова и шея Дедисимеди виднелись из клубившегося вокруг нее густого тумана.

— Поддай мне коши, Хартута, — раздалось приказание Мариам. Ясно было, что она уже оделась. Кто-то направился к двери. Козман сорвался с места, и выходящая из бани прислужница испуганно вздрогнула, увидев, как темная пасть подземелья поглотила метнувшуюся тень.

Всю ночь проворочался монах в постели без сна.

«Мир забыл, что под этой грубой монашеской рясой льется в жилах кровь Абазаидзе!» — думал монах.

Козман встал, зажег свечу в свечнице. Вынул из-за пазухи заплатанной рясы свиток, тайно присланный Варсимом Вардзели в Кутаиси для Липарита Орбелиани.

«Право же, лучше будет, если царь Давид прочтет его раньше, чем Орбелиани, — размышлял Козман. — Конечно, после этого Давид сам откажется от обручения. А потом? Снова пойдут посольства и переговоры между Триалети и Исфаганом. Меня отправят к Бархиароку, а уж я сумею затянуть дело. Протяну подольше, и — кто ведает? — быть может, отдаст провидение добычу ястреба — грачу! Я сниму с себя монашескую рясу, надену дедовские доспехи, увезу Дедисимеди в замок Макабели, — а там пусть попробует подступиться кто похрабрей!»

В третий раз пропели петухи.

Пригрезилось монаху: на горе Зедазени зажжены три костра, достающие до небес. Кругом воздвигнуты идолы из золота и серебра. Имеют уста и не говорят, имеют очи и не зрят, имеют ноздри и не обоняют, имеют руки и не осязают, имеют стопы и не идут, и не взывают голосами своими. На самой вершине стоит статуя Афродиты, по склонам горы коленапреклоненно ползут к вершине несметные толпы людей. Вкруг костра и кумира пляшут юноши и девы Иберии.

Козман, прямой, не склоняя головы, поднимается по пригорку. Мирская одежда надета на нем, панцирь цвета ржавчины прикрывает ему грудь и плечи, дедовский меч висит у пояса.

Он уже не Козман-монах, а надменный и высокородный азнаур Саам Абазаидзе.

Вот приблизился к подножию Абазаидзе и видит: это Дедисимеди, а не Афродита стоит, улыбаясь, на пьедестале.

Простерся ниц гордый рыцарь и преклонился пред обеими запретными силами-искусительницами: силою огня и красотою женщины.

НЕДОВЕРИЕ?..

Притих и притаился Козман, почти ежедневно отправлялся он в Гегути, чтобы не встретиться с Рати. Липарит проводил дни в лагере, на войсковом ученье, и когда говори-

ли Козману, что к вечеру ждут эристава в Гегути, тотчас монахах возвращался в Кутаиси.

Со дня на день ожидали во дворце царя Давида. Ему прежде всех решил показать монах письмо Варсима Вардзели.

Однажды спросил Махару: «Когда вернется царь?»

Но у Махары были особые правила: мало кому ответил бы он на такой вопрос. В оправдание же говорил: «Пути охотников и царей никому не ведомы».

— Возможно, что царь не вернется еще в течение месяца, — ответил он монаху.

Козман заколебался в своем решении и в тот же день явился к сыну Липарита.

Рати бросилось в глаза, как изменился облик монаха. Прежде ходил Козман сутулясь, как это свойственно людям высокого роста, теперь же он вошел в дверь палаты, поднимая плечи. Обычно всклокоченная борода Козмана была теперь тщательно причесана, черные, как смоль, кудри, падавшие на плечи, даже красили его, обычный густой налет перхоти не покрывал больше ворота его монашеской рясы.

Пожелав хозяину доброго дня, не ожидая приглашения, Козман присел к его изголовью, подал свиток и сказал спокойно:

— Из Исфагана, великий эристава, от Варсима Вардзели пришло письмо.

Рати вскочил, словно ужаленный, развернул свиток и, пробежав его второпях, спросил:

— Когда получено письмо?

— Третьего дня, — солгал Козман.

— Третьего дня? Где же ты был до сих пор?

— Трижды приходил я к тебе, эристава, и не мог заставить никого: то Карсанисдзе, лекарь, то постельничий монах Арифимоз сидели в твоих покоях. Да не падет твой гнев на меня, великий эристава, я предпочел остеречься. — И, оглянувшись на поставец со слоновыми ножками, кинув быстрый взор на входную дверь, продолжал шепотом: — Напрасно воображаем мы, триалетцы, будто живем одни в Кутаисском дворце. Кругом кишат лазутчики и шпионы царя Давида. Говорят, даже с императрицы Мариам не спускают они глаз. Никак не удавалось мне уединиться с тобой. Потом попытался я отвезти письмо великому эриставу Липариту в Гегути; один день он проводил на войсковом ученье, другой — на

кабаньей охоте с царем Георгием. Лишь однажды удалось мне найти его в Гегути, да только проклятый Махара никак не хотел отойти от нашего господина. Тщетно кружился я вокруг да около.

— А где теперь этот полоумный старик?

— Сегодня пожаловал из Гегути. Он может забрести и сюда, схорони получше этот свиток. Слух у царских лазутчиков остр, они слышат даже сквозь каменные стены.

— Я прячу все, что нужно, в поставце императрицы Мариам, но и Мариам не заслуживает доверия. Лучше зашейка ты, Козман, это письмо в свою заплатанную рясу, — сказал Рати.

— Ты прав, великий эристав! Иногда заплатанная монашеская ряса сохраняет золото или тайну лучше, нежели железные ларцы царей и эриставов, не правда ли?

Монах положил свиток обратно за пазуху, придвинул кресло к ложу и сказал сыну эристава:

— Хорошо, что я сам следил из-за ограды за дорогой, ведущей к воротам замка. Уже издали узнал я триалетского гонца и едва не сбился с ног, торопясь встретить всадника перед храмом Баграта. Все же узнали во дворце о приезде гонца из Триалети. Вчера ночью призвала меня императрица Мариам. Но напрасно считает она меня простаком. Сначала царица улеживала меня, спрашивала, не пойду ли я в игумены монастыря Пропонтиды. Я поблагодарил, но отказался, — сказал, что епископ Досифей готовится к смерти, возможно ли променять епископскую кафедру на клобук настоятеля монастыря? Потом обещала она послать меня в Иверский монастырь на Афоне. Наконец неожиданно задала вопрос: правда ли, что к Орбелиани прибыл из Триалети гонец? Я отрицал, сказал, что никакого триалетского гонца не видал ни разу за все время пребывания моего в Кутаиси.

Рати встревожился. Опершись локтем на ложе, взволнованный, с расширенными глазами, он спросил монаха:

— Откуда узнала проклятая про письмо?

Козман отвел взор, ответил:

— Как только кончилась вечерня и молящиеся вышли из храма, откуда-то появился этот безбородый бес: вероятно, заметил он где-нибудь гонца. Еще не отъехал гонец на расстояние полета стрелы, как уже Махара бросился ко мне и спросил, не получили ли мы свиток из Исфагана. Я притворился непонимающим, удивился, — о каком свитке идет речь?

«Тот всадник, — сказал я ему, — спрашивал у меня дорогу в Таквери».

Рати лежал молча, потом приказал монаху:

— Одень меня скорее.

Уже одетый, сказал Козману:

— Прикажи оседлать лошадь и как можно скорее приведи ко мне моего отца и триалетских азнауров.

Еще не вышел из палаты Козман, как просунулась в дверь козлобородая голова управителя Цинцилука.

Императрица Мариам звала к себе сына эристава. Рати поморщился.

Императрица сидела за золотым столом. Перед нею стоял серебряный кувшин и серебряное же блюдо, наполненное сладостями. В руках у нее был развернутый свиток, который она пробегала глазами.

При виде Орбелиани она не спеша свернула свиток, взяла его в левую руку и попросила Рати сесть.

Дедисимеди сидела тут же рядом, перелистывая псалтырь. Рати преклонил колено перед императрицей, дважды приложился к ее руке и, потирая ладони, сказал:

— Странная весна в Кутаиси, августа. Пасха уже на дворе, а все еще холодно в палатах.

Мариам подала знак Дедисимеди, чтобы та оставила ее наедине с эриставом, приказала факельщикам зажечь свечи в золотых канделябрах и удалиться.

Рати все посматривал на свиток в руках царицы.

Мариам заметила это и сказала спокойно:

— Только что привезли письмо от царя Давида.

Любопытство овладело Рати.

«Где же государь?» — хотелось ему спросить, но он удержал слова, готовые сорваться с языка, и только сказал:

— Как видно, дороги уже открылись.

Мариам заговорила:

— Завтра отправляемся мы с Дедисимеди в Моцаметский монастырь с небольшой свитой. Перед отъездом хотелось мне, эристав, побеседовать с тобою откровенно о некоторых обстоятельствах. В Гегути я приложила немало стараний, но в суете и тесноте тамошнего дворца не могла улучить минуту побеседовать наедине с эриставом Липаритом. Мать твоя, госпожа Ката, последнее время стала неразговорчива со мной, хотя я не знаю, право, чем я заслужила в вашем семействе такое, я сказала бы... — здесь императрица

остановилась и закончила, произнеся почти по слогам: — Недо-верие.

— Недоверие? Сохрани боже, так ли я понял тебя, августа? Не ты ли являешься с давних времен августейшей покровительницей нашего дома? Недоверие? Да пусть обрушится на нас в гневе небосвод, если кто-либо из нас позволит отнестись к тебе с недоверием! Наше семейство — и недоверие к императрице Мариам!.. Да совместимо ли это? — говорил Рати.

— Я со своей стороны, — невозмутимо продолжала Мариам, — перенесла немало огорчений ради вашего семейства. Ты, вероятно, знаешь, эристав, что любимая невестка моя, государыня Елена, и по сей день на меня обижена. Вероятно, дошло до твоего слуха, предметом скольких осуждений, порицаний и пересудов оказалась я только потому, что способствовала пристижению несчастной Русудан, бывшей царицы. Но знает всякий — я никогда не боялась хулы, если чувствовала себя правой перед господом и людьми!

Воспользовавшись минутой молчания, Рати сказал:

— Пусть отсохнет язык у того, кто посмеет осуждать тебя, августа!

— Я уже сказала тебе, эристав, что не страшусь хулы, но я женщина и мать взрослого сына, и поэтому я не могла остаться равнодушной к скорби несчастной матери, которая отказалась от мира, оставив во дворце своего горячо любимого первенца. Господь мне свидетель, когда привезли из Осети царевича Деметре, я три ночи не могла заснуть, и каждый рассвет встречала в слезах.

— Кто же не знает твоего любвеобильного сердца, о счастливая августа, — снова заговорил Рати. — Ужели есть у тебя хоть тень сомнения, государыня, в том, что наши сердца переполнены благодарностью к тебе за твое августейшее заступничество? Я безмерно горжусь, что благодаря тебе не сегодня-завтра должен стать нашим зятем паниперсебаст Давид, царь абхазов и грузин.

Чуть-чуть раздосадованная нетерпеливостью Рати, приподняла брови и невозмутимо продолжала свою речь Мариам:

— Этого мало, эристав. Дурные вести идут из Византии. Кесарь воюет с печенегами. Весьма возможно, что сын мой Константин Порфирородный, будучи кесаросом Византийской империи, сопровождает на войне императора Алексея, хотя он

совсем еще мальчик. А кроме того, любимый племянник мой не побоялся метелей и бурь и отправился воевать.

«Уж не на эристава ли Дзагана напал царь Давид?» — подумал Рати и воскликнул:

— Воевать? Что ты изволишь говорить, августа? С кем же воюет царь Давид?

Императрица положила свиток на стол и сказала:

— Сельджуки напали в Джавахети на владения Бешкена Джакели. Царь Давид сообщает мне, что вторгшиеся войска сельджуков обращены в бегство и уже изгнаны из пределов Грузинского царства.

Пораженный неожиданным известием, Рати не мог пошевелить языком.

Подумать только:

«Вот где недоверие! Царь Давид отправляется исподтишка на войну и до самого дня победы не сообщает об этом Липариту Орбелиани, полководцу державных войск!»

— Я и Дедисимеди проводили ночи в неустанных молитвах, и это, вероятно, понятно тебе, эристава?

И это было не по душе младшему Орбелиани, но он предпочел промолчать.

— Я должна сказать тебе, эристава, что сестра твоя — добрый ангел вашего семейства. Лишь такая чистая и непорочная душа, как Дедисимеди, способна погасить огонь извечной вражды между домами Багратионов и Багуаш-Орбелиани. Я верю в это и потому не жалею своих стараний. Из расположения к вашему семейству и, конечно, движимая безграничной любовью к моему племяннику, не постыдилась я взять на себя унизительную роль свахи. Правда, женщины обычно не стесняются таких дел, но я никогда не имела ничего общего с женщинами этого рода. Недавно пригласила я твою мать Катю и пыталась успокоить ее тревогу: кутаисского архиепископа здесь нет, католикоса Евстратия я уговорила; Номоканон можно будет преодолеть. Я сказала о скором обручении в уверенности, что доставлю матери твоей радость этой вестью. Но вместо этого я услышала лишь пустячную отговорку. «Пусть сначала выздоровеет мой сын», — сказала мне Ката.

Рати покраснел, а императрица умолкла, ожидая ответа.

— Ужели хотя бы малейшее подозрение могло зародиться в тебе, августа? Ужели среди нас найдется кто-нибудь настолько неблагодарный, чтобы не понимать, что ты послана

небом нашему дому, подобно голубю, несущему масличную ветвь. Пусть только удастся преодолеть Номоканок, а других препятствий к обручению нет. Ты—любящая мать, августа, и сердце торопит тебя обратно в Византию—это понятно и нашему низкому разуму. Но скажи мне: ужели, государыня, ты уедешь, не осмотрев до отъезда храмы и монастыри, построенные твоим же радением, твоими же щедротами? Ведь манглисский архиепископ проклянет в этом случае меня и моего отца! Пожалуй же к нам в Триалети, помолись, по своему обычаю, в святых местах, отведай убогой хлеб-соли нашего дома, а после этого что же может помогать обручению? Сам я, ничтожный прах царствования твоего, разостлался бы ковром под твоими стопами, великая государыня. Мне безразлично, где состоится обручение—в Кутаиси или в Липаритис-убани, но родители мои—пожилые люди, они непременно блюдут обычай, дошедшие до нас с незапамятных времен.

Льстивое красноречие Рати усыпило подозрение императрицы Мариам. И еще в одном уверилась она: что ни Липарит, ни Ката, а Рати вращает рулевое колесо корабля Орбелиани.

Когда сын эристава Липарита покинул покои императрицы, Мариам чистосердечно решила: и в самом деле, было бы несогласно обычаю совершить обручение в Кутаиси.

«Он совсем глуп, этот бедный Махара!»—подумала императрица.

Это Махара уверял Мариам, будто теперь Орбелиани будут уклоняться от прямого ответа и оттягивать обручение в ожидании каких-то больших событий.

— Он, наверное, сам все выдумал про письмо Варсима Вардзели, полученное будто бы из Исфагана,—почти громко прошептала Мариам и расшевелила щипцами дремавший в камине огонь.

ТРИ ВОЛОСКА

Постельничий монах Анфимоз привез Махаре известие из Пегути: виночерпии заманили Козмана в погреб Антония Кутаисского, напоили его и заставили проболтаться. Оказывается, получено письмо из Исфагана, от Варсима Вардзели.

Махара приехал в Кутаиси и весь день тщетно искал Козмана. Поиски начал он со дворца кутаисского архиепископа. Словно привидение, бродил он по пустым палатам, прислушивался к разговорам челяди, подстерегал шептавшихся в проходах монахов, учтиво приветствовал каждого, расспрашивал — нет ли каких-нибудь новостей? Но лишь рассказы о землетрясении и паводке были у каждого на устах.

Беглый послушник из Эдессы привез предсказание: на пасху ожидают землетрясения столь необычной силы, что звезды посыплются с неба, подобно листьям смоковницы, а что будет с землёй в это время — про то никому неизвестно.

Махара отправился в царский дворец и сперва забрел в хлебопекарню.

Обсыпанный с ног до головы мукой пекарь Хота месил тесто в ларе, а Маглия свесился в торню, и только ноги его торчали в полумраке. Когда Махара вошел в пекарню, Маглия кончил приклею лавашей к стенкам торни. Выбравшись из торни, он стал на ноги.

— А я думал, Маглия, что ты решил отныне ходить не иначе, как вниз головой, — пошутил безбородый.

— Я-то ничего такого не решил, сударь, а вот мир, кажется, собирается перевернуться вверх ногами, — ответил пекарь.

— Что случилось, Маглия?

— Вчера ночью мельники заметили на небе хвостатую звезду, да и монахи предсказывают, что страшное землетрясение будет нынче на пасху, сударь!..

— А больше ты ничего не слышал, Маглия?

— Ничего, сударь, да продлит господь твои дни; да и откуда бы нам набираться новостей? День-деньской трудимся, свесившись в горячую торню.

Главного дворецкого повстречал Махара в плодовом саду, спросил его — не видел ли тот Козмана?

— Как же, мелькнул у меня перед глазами; возвратился из Гегути монах.

Перед царским погребом три простолюдина сидели на бревнах — два виночерпия и мясник Хвтисавар. На коленях у чашника Грубелы лежал бурдючок, а Патаркаца протягивал Хвтисавару вино в небольшом роге молодого бычка.

Как только увидели они Махару, вскочил Хвтисавар, загородил ему путь, поклонился.

— Удостой выпить с нами рог вина!

Сперва отказывался безбородый, говорил, что сердце пошаливает, мешает пить вино. Но когда приступили к нему с просьбой и двое остальных, старик не захотел их обидеть, присел на бревно. Отпил вина и изумился.

— Это не царского погреба? — спросил он.

— Настоящее такверское маглари, клянусь святым Георгием, — побожился Патаркаца. — Привез мне его мой отец.

Оказалось, что простолюдины беседовали о землетрясении.

— Я немного смыслю в толковании небесных знамений, и не думаю, чтобы в нынешнем году случился тряс на земле, — успокоил Махара своих собеседников.

Хвтисавар пригубил вино из рога, но вдруг отнял его от рта и крикнул:

— А вот идет Козман, уж он-то наверное знает о землетрясении. Поднесем винца монаху.

Удивился Патаркаца: разве пьет вино монах?

— Не откажется, клянусь его головой. В субботу вечером затащили его мы с Грубелой в погреб Антония Кутаисского и напоили так, что не мог он отличить правую руку от левой. Говорят, он еще в монастыре был пьянчугой, потому и не добыл епископскую митру, — сказал Хвтисавар.

— А разве епископы не приемлют вина? — спросил Патаркаца.

— Пьют, но с умом, не так, как наш брат, простой человек. Столько вина, сколько хлебнул в своей жизни архиепископ Антоний, не выпил и наш старший виночерпий, — ответил Хвтисавар.

Махара наострил уши и шепнул Хвтисавару:

— Так это ты напоил в субботу вечером монаха?

— Я вместе с Грубелой, сударь, и еще был с нами Бартия — виночерпий архиепископа Антония.

— Так это при вас хвастался Козман, будто получил письмо из Исфагана?

— При нас, сударь, клянусь вашим солнцем, — ответил Хвтисавар и наполнил рог безбородому.

Махара опорожнил рог и похлопал по плечу Патаркацу:

— А ну-ка, беги — дай бог тебе скорее вырасти, — догони монаха, попроси его выпить с нами за наше здоровье!

Чашник через минуту вернулся:

— Отказывается монах, говорит, что торопится к своему господину.

— Ну, тогда поди, прикажи ему моим именем явиться сюда немедленно.

Козман подошел бледный, согнув спину и не осмеливаясь взглянуть в глаза Махаре. Благословил сидящих, но к вину не прикоснулся, извинился:

— Липарит с триалетскими азнаурами уезжает послезавтра, до питья ли мне нынче?

— Не заботься об этом, — успокоил его Махара, — завтра вернется царь Давид, еще на неделю задержит гостей в Кутанси.

Махара понял: открыто, на виду у людей, монаха пить не заставишь. Встал и сказал Грубеле:

— У кого ключи от погреба?

— Ключи-то у меня, сударь, да только, если узнает смотритель погреба, — несдобровать мне.

— Какое дело смотрителю погреба до тебя и твоих ключей, если я с вами?

Войдя в погреб, Махара приказал Патаркаце запереть дверь изнутри. Грубела снял с полки прошлогодний бурдюк.

Когда отведали вина, Махара хлопнул Козмана по плечу и сказал:

— Говорят, знатно ты выпил в погребе Антония? А хороши, не правда ли, вина у козлоногого попа?

— Уж как хороши! — ответил Козман и пальцами, словно граблями, прочесал свою черную бороду. — Когда будет у меня епископская кафедра, пожалуйста в гости в мой погреб.

— А ну-ка, сбегай, приготовь нам поскорее шашлык, — приказал Махара Хвтисавару. Патаркацу он послал за горячим лавашом, а Грубелу отрядил за сушеными фруктами.

Оставшись наедине с Козманом, Махара снова наполнил рог, протянул его Козману, похлопал монаха по плечу и сказал:

— Пей, и да попадешь ты в царствие небесное!

— Не надлежит иноку упиваться вином, — сказал Козман.

— Брось чиниться! Даже константинопольский патриарх Ксифиллин, и тот не отказывался от вина.

Махара налил себе, опорожнил, вновь наполнил рог и, держа его в руке, сказал:

— Знаешь что, Козман? Если ты хочешь в самом деле добиться епископской митры, покажи мне сейчас письмо, что привез гонец из Исфагана. А не то... Надеюсь, ты слышал об Анаморе? Он тоже был монахом, этот Анамор, и постельни-

чим Липарита III, но это не помешало Баграту Куропалату вздернуть его на дыбу. Теперь выбирай сам, что ты предпочитаешь: дыбу или епископскую кафедру?

Козман побледнел, попытался обратить слова Махары в шутку.

— Да нет, я не шучу, монах, клянусь своей головой.

Козман не растерялся и теперь.

— Мне передал это письмо Рати, клянусь гробом спасителя. Я сам, без твоего приказа, хотел показать его царю Давиду, да только сейчас нет со мной письма; когда придет царь, будь мне заступником, чтоб допустил он меня пред свои очи, я сам представлю ему письмо. Я уже сыт по горло службой у Орбелиани. Десять лет я в рабстве у них, все обещают сделать епископом, а цилканский епископ и не думает умирать.

Махара подал еще один рог. Монах опрокинул его себе в горло и сказал шепотом:

— Я скажу тебе еще больше, если ты не выдашь меня: нынче вечером триалетцы будут держать совет во дворце Леона, — я узнал об этом случайно. Сегодня в храме Баграта служит католикос, а после вечерни будет, вероятно, ужин у Липарита.

Шашлыки еще более возбудили жажду.

Хвтисавар, опорожнив свой рог, сказал:

— Эх, государь мой, все равно земле недолго осталось жить, так уж пусть потоп не застанет нас трезвыми!

Подождав, пока монах опорожнит в свою очередь рог, сказал Махара:

— Утопающий иногда хватается и за плывущую рядом древо, но знаешь ли ты, монах, хоть кого-нибудь, кто бы достиг спасения этим путем?

Козман был уже пьян и на притчу ответил притчей:

— Эх, Махара, бесценный мой, и тому, кто не жалеет себя на царской службе, не легко сохранить на плечах голову.

Махара понял тайный смысл иносказанья, взгляделся пристально в узкие глаза Козмана и сказал ему, чуть изменившись в лице:

— Ты в миру был Абазаисдзе, не так ли?

— Абазаисдзе я и сейчас, — гордо ответил монах.

— Я знаю и то, что ты сын Сумбата, не правда ли? Это ведь твой дед Ваче сопровождал Чанчахи Фалели, когда тот отправился в Византию, привел с собою войска императора

Константина и передал грекам крепость Церепи? Тогда схватил Баграт Куропалат Ваче Абазаидзе, отсек ему нос и держал на цепи в кутаисской темнице в течение трех лет. Ты не видал никогда кутаисской темницы?

— Нет, не видел.

— Когда идешь подземельем к бане, то по правую руку открывается ход, ведущий ко дворцу Багратионов. Пройдешь этим ходом до конца и попадешь в эту самую темницу. На стенах там и теперь еще висят оковы толщиной в руку. Вот там-то и был прикован к стене твой предок Ваче Абазаидзе.

— А мне приходилось слышать в детстве, будто в лесу возле Квеши Ваче Абазаидзе разбил в сражении Баграта Куропалата, — сказал монах.

— Подвинься-ка поближе ко мне, что это у тебя выросло на носу?

На кончике носа росли у Козмана с самого детства три волоска. Протянул Махара руку и вырвал с корнем эти волоски.

От боли брызнули слезы у Козмана, но и это принял он якобы за дружескую шутку. Протрезвившись мгновенно от боли, постарался он загладить впечатление от своих необдуманных слов:

— Хочет венчаться царем эристав Липарит, а потому нельзя мне терять времени.

АЗ ЕСМЬ ЧЕРВЬ, А НЕ ЧЕЛОВЕК

У Махары болела голова; хмельной, едва волоча ноги, плелся он по липовой аллее. То, что услышал он в этот день, не вмещалось в его сердце. А из близких людей во всем Кутаисском замке не было в этот час никого, кроме императрицы Мариам.

Управитель Цинцилук показался в дверях Леонова дворца.

— Императрица Мариам и Дедисимеди отправились в Моцамети помолиться, — сообщил он старику.

Махара собрался было повернуть восвояси, да вспомнил: быть может, найдется у Мариам средство унять головную боль?

Дверь большой палаты была открыта. Махара заглянул — палата была пуста. Вошел, открыл дверцу шкафа на слоно-

вых ножках, тщетно рылся в нижних ящиках. Потом распахнул двойную дверцу. Приятный мускусный запах ударил ему в ноздри; громадный шкаф был весь наполнен одеждой. В одной половине висели платья императрицы Мариам: отделанные драгоценными камнями лоори, сакко, шелковые накидки; в другой половине — яркие цветные кабачи Дедисимеди, ее кисейные покрывала-лечаки, сорочки для купанья, платья для верховой езды, седла и катиби куньего меха.

В среднем ящике лежали серебряный панцирь Рати Орбелиани, огромные ковровые мешки, полные добра, и переметные сумы. Один из этих мешков вытащил безбородый из ящика и бросил в темном углу, позади шкафа.

Услыхав приближающиеся шаги, Махара вошел в шкаф и неплотно прикрыл за собой дверцу. Прислушавшись и убедившись, что никто пока не собирается войти в палату, он положил усталую голову на какой-то мешок и притих. Чувствовал: сладким сном обволакивает его хмель.

Он очнулся от звона посуды. Взглянул в замочную скважину: триалетцы сидели вокруг накрытого стола, чаша, полная вина, переходила из рук в руки. Не было видно в палате слуг со светильниками, лишь две золотые свечницы с зажженными свечами сияли во главе и в конце стола.

Казалось беспокойной супруга эристава Ката, то и дело выходила она из палаты.

Махара услышал голос Липарита:

— Так ты думаешь, во дворце не знают ничего о письме Варсима Вардзели?

— Ничего, — ответил Рати.

— И императрица Мариам ничего не подозревает?

— Расспрашивала она Козмана, как я уже говорил тебе. Заскрипела дверь. Чашники принесли сосуды, наполненные вином, поставили перед пирующими и ушли.

Рати осушал одну чашу за другой.

— Я узнал еще новость, — сказал Липарит вполголоса, — эристав Гуарам прислал письмо в Гегути. Алексей Комнен еле спасся от поражения, в последнюю минуту помогли ему половцы.

— А еще что пишет Гуарам? Не ведет ли он с собою половцев к нам, в Грузию? — спросила Ката.

— Половцы перебили печенегов, а потом сами испугались кары императора и поспешили в свои степи.

— И то неплохо, не правда ли? — сказал Рати.

— Так, значит, эристав Гуарам и Бакурнани не смогли сговориться с половцами? — спросила Ката.

— Этот дурак, цилканский епископ, пустился за ними вслед, и никто не знает, куда он делся — жив или убит.

— Выходит, что обманули царя надеждой на войско наемников?

Вот что хотел знать Рати.

— А теперь расскажи нам, отец, как удалось тебе прочесть письмо эристава Гуарама? — спросил он шепотом.

— Я подноил во время охоты царя Георгия, и он рассказал мне все, попросив, чтобы я не проговорился царю Давиду о его нескромности, — отвечал Липарит.

— А договорился ли ты до чего-нибудь с эриставом Вешагом? — продолжал спрашивать младший Орбелиани.

— Ты знаешь, как людно в Гегутском дворце; было трудно найти случай для деловой беседы. Этот безбородый дьявол не сводил глаз с моего рта. Вешаг недоволен: говорит — ни о чем, кроме войны, не думает царь Давид; если влясать под его дудку, так не останется времени ни для охоты, ни для пиршества. И все же колеблется Вешаг, боится, как видно, эристава такверского. Чкондидели, этот злейший демон, собирает исподтишка полки. При мне Давид говорил, будто послала его императрица Мариам для восстановления разрушенных землетрясением храмов.

Стольники поставили на столы подносы, полные плодов. Когда дверь скрипнула еще раз, Рати начал опять.

— Говорила со мной об обручении императрица Мариам. Казалась очень взволнованной, словно настоящая обманутая сваха. Кое-как удалось мне умаслить ее, даже убедить, что обручение должно непременно состояться в Триаleti. — Рати повернулся к азнауру Махароблидзе: — Ты помнишь, Мамиствала, натасканного орленка, что был у моего отца в Липаритис-убани? Сначала мы заставляли его летать, потом показывали ему прилуку, подзывали манком, и когда подлетал он, ловили и вырывали пух у него из-под крыла, чтобы дикарь постепенно стал покорным. Знай, Мамиствала, что сестра моя Дедисмеди — прилука в руках нашего семейства. Дай только заманить в Клдекарский замок венценосного зятя моего, нашего государя, а уж я берусь выщипать у него пух.

— Не кричи так громко, как бы не подслушал кто-нибудь, — сказала сыну Ката и вышла из палаты.

Рати осушил еще одну чашу, снова наполнил ее и передал здравницу Цихелансдзе, сам же сказал Липариту:

— Жаль, что мы находились здесь, в крепости, пока он сражался с сельджуками в Джавахети: нужно было нам быть вместе с ним и вонзить ему меч в спину!

— Еще много времени впереди! — невозмутимо заметил Липарит.

Рати поднял большой рог, пожелал здравия Липариту, он был уже хмелен и обращался к триалетцам, еле стоя на ногах:

— Азнауры мои, вы — внуки и правнуки тех отважных, кто не раз побеждал в бою Багратионов. Царь со своими эриставами не могли победить нас в игре в мяч на конях, и в битве тоже не смогут они устоять перед нами. Когда брошенная мною клюшка поранила царя, я притворился огорченным, подошел и поцеловал ему руку. Я попробовал его крови. Солона оказалась кровь Багратионов; и сейчас я жажду ее, азнауры! Баграт Куропалат ускользнул от моего деда Липарита III, но пусть я не буду называться Рати Орбелиани, если оставлю хоть одну лазейку для бегства Давиду. Что касается обручения, напрасно тревожьтесь, друзья мои. Пусть не то что с сыном султана Бархиарока, а с грязным водовозом разделит ложе сестра моя, лишь бы не помогла она Багратионам продолжить их выродившийся род: царевич Деметре болезнен, сам Карсанисдзе не мог выяснить, почему он мочится кровью. Давиду придет конек от моей руки, и останется лишь один безумный Махара законным наследником престола. Верь мне, отец, на следующий же день после этого ты будешь венчан на царство в Мцхета.

— Многие лета царю! — воскликнул Мамиствала Махароблидзе и протянул рог к Липариту.

— Многие лета царю! — закричали и остальные азнауры-триалетцы.

Не успел осушить свой турний рог Цихелансдзе, как из шкафа вывалился Махара, ударил кулаком по золотому столу и крикнул:

— Многие лета царю!

Триалетцы испугались, иные повскакали с мест.

— Садитесь, садитесь, — пригласил Махара гостей, — во дворце Леона ныне хозяин я. Вы ведь пили за здоровье царя Давида, не правда ли? Рати, наполни мне рог!

Так кричал Махара, с трудом открывая заспанные глаза.

— Вы так тут нашумели, что даже разбудили меня, хмельного, — прибавил безбородый и осушил рог.

Триалетцы и впрямь убедились: лишь от последней здравницы проснулся Махара. Все знали его обычай засыпать там, где его застиг хмель; это ободрило эристава Липарита, и он, улыбаясь, сказал старику:

— Зачем это ты забрался в шкаф, Махара? Ты кто — червь или человек?

Тут Махара сам наполнил рог вином, осушил его разом и, словно подкошенный, упал на ложе.

Когда, обрызганного собственными извержениями, волокля его слуги прочь из палаты, губы скопца пробормотали нетвердо:

— Аз есмь червь, а не человек.

Еще не кончился пир, когда вошел в палату монах Козман. Он успокоил триалетцев:

— С самого утра пьянствует безбородый дьявол.

ТОЛЬКО ВИШНИ ЦВЕЛИ В САДАХ

Без усталости неслись кони по склонам холмов; ветер развеивал длинные гривы, свистел в зубах замков, воздвигнутых на самом краю отвесных скал, шумел морским прибоем в верхушках елей и сосен. Где-то в горах мяукала рысь.

Тяжело вооруженные ратники следовали за крестоносцем и державным знаменем. Пар валил от разгоряченных коней. Грязно-серые тучи спешили на запад, глухари кричали в ущелье. Горный волк, испуганный стуком конских копыт, остановился над обрывом, завыл и кинулся в провал. Стая его собратьев поднялась в редком лесу, пустилась за ним с воем и визгом.

По свежевыжженному, вспаханному в лесу починку проскакали лошади. Давид почувствовал запах земли, вздымавшийся от пашни. Он скользнул взором по веренице волов, тянувших плуг, окликнул взволнованную волчьим воем Сквигию и направился по проселку, что вел к обрыву скалы.

— Не поздно ли уже пахать? — спросил один из ратников.

— Это на будущий год, — ответил всадник, скакавший рядом.

Пахарь, подняв голову от плуга, снял шапку, тщетно пытаясь опознать среди передних всадников царя — все одинаково были в шлемах цвета ястребиного крыла.

Ущелье открывалось перед взором Давида; ясно видел он на противоположном склоне людей, привязавших себя бечевками к скале и борющихся мотыгами с землей на самой крутизне.

Немолчно шумел поток на дне ущелья. На булыжниках его русла трудился над лошадиным трупом бурый медведь со своими медвежатами. Хлопотливые сороки кричали на них сверху, с берез.

Мирный колокольный звон доносился из приютившихся между скал деревень. Всадники молча осенили себя крестным знаменем.

Не было видно конца дороге на запад.

На рассвете выехав из замка Вахани, выбрались всадники из гор на равнину. Белые церкви венчали вершины зеленеющих холмов. По ту сторону суровых замков ветер гонял стогами белые туманы. На пригорках цвели черешни.

Увидев на дороге державное знамя, шумно выбегали на обочины работавшие в садах люди, чтобы посмотреть хотя бы издали на юношу-царя.

Царь глядел на пашни, раскинутые в лощинах вправо от ущелья. Среди зеленеющих всходами полос они казались шахматной доской.

Ласточки резвились в безоблачном небе. Теплом и прелестью весны встретила всадников равнина.

И все же нахмуясь сидел в седле Давид.

Шергил Липартнани скакал рядом с царем; тщетно старался он рассеять его печаль.

«Уже начинается Имеретинская равнина, жители многочисленных сел и городов будут встречаться на пути, не подобает показывать им опечаленное лицо», — так хотел сказать своему царю Шергил, но не набрался смелости.

Пораженный в самое сердце потерей Ниани Бакуриани, всю дорогу от Джавахети до Имеретинского нагорья царь Давид проехал так, что ни разу никто не заметил улыбки на его лице.

Долго ужинали в замке Вахани. Лишь горсточку кумели отведал Давид, перед сном же истово помолился.

Когда отъехали от крепости Вахани, морщины на лбу царя разошлись, спокойно взирал он на водопады, свесившиеся со скал; отвесная круча напоминала здесь замок, а еще более — дворец дэвов-великанов.

Кони трусили попарно по кремнистой тропе, издавая время от времени отрывистое ржанье.

Медленно вздымались орлы и кружили над ущельем.

Шергил Липартиани взглянул на молчаливого царя и подумал: «Необычайный человек! Всегда без слов борется с тяжестью, обременяющей его сердце».

И вспомнил его же слова: «Шергил, никогда не должен мужчина говорить о горе, страхе и смерти. От упоминания лишь усугубляется недуг».

Одинокое дерево, выросшее на крутизне, виднелось на противоположной стороне ущелья; из рассевшегося под ним обрыва высывались извилистые корни, похожие на змей.

— Как ты думаешь, Шергил, что это за дерево растет там над кручей? — спросил царь.

Шергил взгляделся.

— Не догадываюсь.

— Дзелква, — сказал Давид, и спокойная улыбка пробежала по его устам. — Ты, вероятно, заметил: от рубежа Срединной Картли и до этих мест всюду встречалось нам это дерево. Очень хороша для выделки копий и дров дзелква. Дерево это неуязвимо, оно стойко выдерживает мороз и великий зной — потому и не вредят ему вихри, проносящиеся между Понтом и Каспийским морем.

Шергил обрадовался — наконец-то заговорил подавленный печалью повелитель — и ответил охотно:

— Сдается мне, и на плуги годится это дерево.

— А еще лучше оно для постройки кораблей и для аробных колес. Рассказывал мне Махара: на дыбу из дзелквы вздернул дед мой Баграат сына эристава Внутренней Картли Ваче Абазаидзе, того, что сражался вместе с Великим Липаритом против царя в Сасиретском лесу.

— Значит, и для казни изменников годна, государь, дзелква? — воскликнул с улыбкой Липартиани. — Жалко, что не растет она ни в Картли, ни в Кахети.

— Не беда, я велю привезти ее из Имерети.

Сказал Давид и осадил внезапно метнувшуюся Сквитию. Село, раскинувшееся в долине, открылось перед всадниками; весь народ, от мала до велика, высыпал из домов, столпился у мельницы.

Шергил задержал своего коня, чтобы в броненосном рыцаре, следовавшем за крестоносителем и царским знаменосцем, народ признал своего государя.

Тем временем Джоджики, сын цхумского эристава, догнал Шергила Лицартнани.

— Трудно понять душу нашего молодого властелина, — сказал ему Лицартнани. — В Рустави поразил он нас с Нианией своим необычайным спокойствием, а в Джавахети разъярился, словно гепард. Ты видел, с каким воодушевлением сражался он, когда мы на рассвете ворвались в Тухарисский замок к сельджукской дружине? Стальная кольчуга его была красна, как вино. Недаром так любит он дзелкву; что среди деревьев — дзелква, то царь Давид среди людей.

— Утрата Ниании разъярила царя в Джавахети, — сказал Джоджики.

Давид, сдерживая лошадь, вел ее шагом, приветствовал народ.

— Да продлится жизнь царя! — слышались голоса из толпы.

Задумчиво и гневно глядел Давид на вымазанных в жидкой глине, увядших женщин, на детей, теребивших сморщенные, как высохший инжир, сосцы матерей, на стариков и нищих со всклокоченными бородами и ввалившимися щеками, желтых от голода.

По ту сторону изгородей стояли молодые люди, они прикрывали свою наготу мешками из грубого рядна. Вместо домов торчали обломки погребенных под землей пепелищ, лишь погребамарани уцелели в некоторых дворах. Пострадали от пожара даже деревья. Под единственным грушевым деревом хозяева поставили плетенную из прутьев хату; трое детей и женщина хлопотали вокруг нее.

На глазах у всадников на калитку взлетел петух. Красный, как кровь, гребень его свисал набок. Хлопая огненно-красными крыльями, петух прокричал «кукареку».

Заметил Шергил: повеселело лицо у царя.

— Да будет благословенно в этом мире мужское начало, — сказал Давид, — в нем заключена сила возмездия.

Кони негромко ржали; на колокольне, на самой верхушке горы, звонил в колокола звонарь в черной чохе.

Уже въезжали всадники в ущелье Цхалцители. Взор Давида остановился на монастыре Сохастери. Болью отозвалось неприятное воспоминание: страдальческое лицо Русудан вста-

ло перед глазами Давида; вспомнился царевич Деметре — так и не знала царь, стало ли легче больному мальчику.

Тени ложились на склоны, из-за холмов доносился визг шакалов. Всадники пустили коней в галоп.

Заходящее солнце горело костром вдаль на куполе храма Баграта.

«Ничто так не пленяет глаз, как игра света на золоте». — подумал царь.

Уже вставал вдалеке Кутаисский замок.

Мысли Давида невольно обратились к Дедисимеди.

Выехав из деревни, царь пригляделся к стадам, которые пастухи гнали в заросли и в поле. Животные еле плелись по проселочной дороге. В роще тощие лошади с натертыми спинами лениво шипали весеннюю траву.

Из разрушенных землетрясением монастырей выбегали монахи с лицами, желтыми, как воск, падали ниц на дороге, распевая псалмы; нищие, калеки и убогие подстерегали царя у въезда на мост.

Пели:

Враги повержены в прах.
Мы же воспряли и ободрились.
Господи, продли жизнь царя.

Когда всадники оставили за собою нагорье и выехали на равнину, все чаще и чаще стали попадаться села, разоренные сельджуками. Местами лишь обугленные стены оставались от домов, построенных из каштанового дерева, а местами виднелись одни закопченные трубы.

Кое-где хозяева уже возвратились на пепелища. Вишни цвели в садах — кроме них, впрочем, ничто не веселило глаз.

Давид остановил коня, обернулся к Шергилу и к Джорджики:

— Больше всего пострадали от сельджуков эти края, ибо здесь собирал царь Георгий свое войско в те годы.

Недобрые вести привез царю в Тухарисский замок последний гонец, приехавший из Кутаиси. В самом сдержанном тоне написала письмо императрица Мариам, но между слов все же сквозило раздражение; не скрывала она, что не все во дворце шло так, как бы хотелось. «А возможно, — писал она, — придется мне в скором времени уехать в Византию».

С грустью подумал Давид: ведь если уедет из Грузии императрица Мариам, не останется никого, кто бы мог быть поверенным сердечных тайн его и Дедисимеди.

Но не дольше мгновения продлилась эта печаль: вновь воскресла надежда в душе воина.

Там, где бессильной окажется пронизательность женщины, должен проложить путь меч мужчины.

«Дедисимеди хотела сама написать тебе, — извещала Марнам, — но не осмелилась; разболелась голова у дочери эристава, всю ночь проплакала она».

И еще сообщала императрица; денно и ночью молится девушка о благополучном возвращении царя.

«Ты молилась обо мне? Молитва твоя вознеслась к небу, как сладчайшее благовоние, любимая. Ты хотела прислать мне привет, Назо, но не могла найти слов прощения для моего грубосердечия; я ведь ускользнул из Гегутского замка, даже не сказав тебе прощального слова, потому что не хотел увидеть на твоих глазах слез разлуки».

Вечер был тихий, всадники въезжали в долину Риони, оставляя позади себя ветер.

Уже видны были смотровые окна Кутаисского замка; черешни цвели вокруг его стен.

«Да святится основание того дома, что служит тебе обителью, да святятся окна замка, из которых устремляется навстречу мне твой взор, Назо!» Так мысленно говорил Давид.

Из Гегути прискакал в Кутаисский замок гонец. Нынче вечером, сообщил он, ждут возвращения царя из Джавахети.

Тотчас собрались Липарит, Рати и триалетские азнауры со всей свитой в Гегути — встречать царя.

Прежде чем переправиться через Риони, повелел Давид Шергилу Липартиани отвести войско в Гегути и ждать его там вечером следующего дня.

Взял с собою только одного оруженосца и вплавь на коне переправился через вздувшийся Риони.

В Кутанском замке его никто не ждал. Когда стража узнала царя, звуки большого рога подняли на ноги людей, факельщики забегали по дворцовым лестницам. Начальник слуг с посохом в руке носился за ними.

В палатах зажгли золотые канделябры.

Весь вечер тревожилась императрица Марнам: Дедисимеди исчезла куда-то. Слуги говорили, что видели ее на женской половине храма Баграта, — одна, без спутника, отправилась она к вечерне.

Тотчас же по въезде в ворота замка спешился утомлен-

ный путешествием царь. Бросив повод оруженосцу, сняв с головы шлем и подставив лоб сладостному весеннему ветерку, пошел он медленным шагом по аллее дзелкв и по цветнику: кругом стояли персиковые деревья, притихнув в безветрии, — они были одеты в одежды, прекраснее соломонových. Листья плюща поблескивали при лунном свете.

С обнаженной головой шел по цветнику царь.

Персидские розы чернели большими темно-рубиновыми чашами, алмазами блестели на их лепестках капли росы.

По заросшей плющом стене замка ползли вверх цветущие растения. словно снежные хлопья, выделялись цветы на металлическом фоне плюща.

Царь остановился. Призрачная фигура в белом выступила из тени тутовой аллеи. Завидев Давида, она подбежала и, по-детски радуясь, охватила руками шею рыцаря.

Долго сидели под сенью тутовых деревьев призрачная фигура в белом и рыцарь в броне.

Девушка долго не могла выговорить ни слова, лишь плакала беззвучно, опершись на плечо Давида.

— Почему ты плачешь, назо? — спросил ее царь.

Но испуганная девушка не могла шевельнуть языком, чтобы приступить к страшному и необычному рассказу.

Давид взял девушку за подбородок и ласково приподнял ее лицо. Лунный свет заиграл на прекрасных, обрызганных слезами щеках.

ОБ УСМИРЕНИИ ЭРИСТАВОВ

То, что я вижу, знает и он.

Шейх Абу-Саид Мейхен.

— О спокойствии Картли, об укреплении пределов наших, об усмирении эриставов и князей, об изгнании врага, об утверждении христианства господу богу помолимся...

Так возгласил абхазский католикос перед алтарем и обратил взгляд к царю, сидевшему на возвышении под святыми образами. Златотканая мантия с разноцветной бахромой была на Давиде, на голове его красовался венец «злата червонного, усеянный яхонтами и смарагдами».

Потом католикос перенес взгляд налево, к эристам, стоявшим впереди ратных людей.

— Аминь, — сказал громко Липарит Орбелиани. То же повторили Ката и триалетские азнауры.

— Аминь, — прогудели войска.

Несметная толпа народа роилась в тот день в храме Баграта. Давид различил голос Липарита среди тысячи других голосов. Вспомнил, что рассказал ему накануне Махара, и подумал: «Притворство — самое худшее качество, какое может быть у человека».

Долгую речь держал католикос.

Семь раз проклял он амира сельджуков Неджим-Эддина иль-Гази, что пустил в Иерусалимском храме стрелу из лука и всадил ее в купол.

Проклял Кербогу — саранга Бархиарока, что схватил неподалеку от Иерусалима самцхийских монахов, шедших из Зарзмы ко гробу господню на поклонение.

— Опасность грозит и Афонскому иверскому монастырю, — говорил католикос, — и богоматери Иверской; христиан истребляют в Сирии, Антиохии и в самом Иерусалиме: осквернили неверные могилу спасителя. Пришло время объединиться христоробивым рыцарям, царям, правителям и эриставам христианским, дабы положить конец неудержимому насилию мусульман!

Еще не кончил проповеди католикос, как разнеслась по всему храму весть, что архиепископ Антоний прибыл из Византии со всей своей свитой.

На семи мулах вез из Хупты сокровища церкви — образа, мощи святых и кресты — архиепископ кутаисский. До самого полудня не расходились молящиеся, и все же не было видно Антония.

На обеде, устроенном императрицею Мариам, гости охотно кушали оленье вымя и рионского осетра.

Тщетно пыталась Мариам развеселить гостей — был молчалив Давид, все еще не мог забыть об утрате Ниани Бакуриани.

После того как гостей обнесли кушаньями, начался пир. Имя Ниани Бакуриани было на устах у всех эриставов. Многие из знатных азнауров ненавидели «этого детеныша потаскухи», которого считали виновником всех «грехов» царя Давида. По его внушению царь возвышает безродных азнауров, холоден к епископам, потакает обнаглевшему юродивому Махаре, читает по ночам в Колхской башне Аристотеля, наблюдает небесные светила и возится с «развратными женщи-

нами». Под этим наименованием разумели эриставы Дедисимеди, дочь Липарита Орбелиани.

И несмотря на это, стар и млад славил в тот вечер Нианию Бакуриани, «истинного рыцаря и христоролюбивого воина», столь отважно принесшего себя в жертву в битве с неверными сельджуками.

Рати приводило в ярость самое имя Ниании. Он прилежно хвалил вино, присланное в дар Шаманом, эриставом такверским.

— Словно рак клешнею, — говорил он, — это вино хватает пьющего за язык.

— Скажи мне, государь, — спросил Давида Липарит Орбелиани, — сколько было воинов у Ниании Бакуриани в тот вечер, когда ты послал его объехать Вечернее озеро?

— С ним были джавахетские воины и аргветская дружина, — грустно ответил царь.

Вошел начальник слуг, доложил царю, склонившись перед ним, что прибыл из Таквери Георгий Чкондидели. Мандатуры были вынуждены снять его с седла, ибо первый визирь чувствует себя нездоровым; он хотел бы видеть царя.

С лица Давида сбежала краска.

И добавил начальник слуг: кутанский архиепископ, вернувшийся нынче утром из Византии, просит разрешения предстать перед царем.

Царь немедля встал из-за стола, поцеловал в щеку тетку свою Мариам и поспешно покинул палату.

— Одного я не могу постичь, эристав, — сказал Шергилу Липарит, — ведь джавахетские ратники с аргветской дружиной вернулись невредимыми. Как же схватили Нианию эти нечестивцы сельджуки?

— Царь приказал Ниании и Бибилури, предводителю джавахетской тысячи, обойти Вечернее озеро с юга и прийти на помощь Бешкену с левого крыла.

Нианна, взяв с собою аргветскую дружину, обогнул озеро и застиг сельджуков у входа в ущелье. Нианна приказал Бибилури защищать ущелье, а сам обнажил меч и погнал сельджуков к лесу. Во время погони Нианна и его оруженосец оторвались от дружины. На вспаханной земле споткнулась лошадь Бакуриани; сельджуки, увидев это, повернули, окружили Нианию, связали ему руки и увлекли его в лес с быстротой молнии.

— Не беда! — сказал Липарит. — Говорят, сребролюбив

Муктафи бен-Абдаллах, не трудно будет царю Давиду выкупить из плена Нианию Бакуриани.

— Где же теперь Муктафи бен-Абдаллах!—сказал Шергил с удивлением.

— Как это, где? — спросил его Рати.

— Джоджики убил его, — ответил Липартиани и взглянул на сына цхумского эристава, что сидел рядом, храня молчание.

— Сначала нанес ему рану царь, — сказал, робея, Джоджики. — Я и Шергил старались что было сил вывести государя из жаркой сечи, но когда сельджуки приперли к болоту Дешкена Джакели, не смогли мы уже удержать царя. Он обнажил меч и пустил лошадь вскачь. На целый полет стрелы ушла вперед от моего и Шергилова жеребцов Сквития; с коня я видел, как сверкнула сталь в руках царя Давида, разившего мечом неверных, тогда как оруженосец его Индо Гараканисдзе наносил им удары копьём. «Увы мне! — крикнул я Шергилу. — Убьют нашего повелителя!» Мы прищпорили лошадей и, ворвавшись в гущу всадников, я увидел, как, раненый рукой царя, качнулся в седле Муктафи бен-Абдаллах; двое оруженосцев подхватили его под руки с обеих сторон и пустились галопом прочь, но все же мне удалось достать его моим копьём. Сельджуки одолели бы нас у Вечернего озера, если бы царь не сражался так самоотверженно.

Пир еще не кончился, когда вошел в палату архиепископ кутаисский со своей свитой.

Антоний подошел к императрице Мариам, приложился к ее руке, поднес ей эмалевую икону, дар константинопольского патриарха, ноготь святого Аполлинария, подаренный ему Епифанием Непьющим, а также письмо от Константина Порфирородного с радостным известием о поражении, что нанес печенегам кесарь Алексей Комнен.

Слушая рассказ Антония Кутаисского, эристава и епископы позабыли о Ниании Бакуриани.

С восторгом описывал Антоний бесконечные церемонии и пиры, которыми отмечена была победа кесаря над печенегами. Ему самому довелось служить торжественную литургию на греческом языке в храме святого Аполлинария.

Из рассказов архиепископа одно известие пришлось не по сердцу императрице Мариам: в Константинополе объявился неизвестный человек, которого недруги императора Алексея провозгласили сыном покойного кесаря Романа Диогена, хо-

тя царевич этот, по имени Константин, несколько лет тому назад был убит в битве с сельджуками на подступах к Антиохии.

Сперва Алексей Комнен не обращал внимания на безумную болтовню этого бродяги, но когда весь Константинополь заговорил о нем, как о законном наследнике престола, кесарь Алексей повелел призвать из монастыря супругу царевича Константина Феодору, и та объявила во всеуслышание, что этот оборванец никак не мог быть ее мужем.

Император дознался: дворцовые интриганы подговаривали и одобряли лжецаревича. Узнал он и о том, что половцы, не получив вознаграждения после победы над печенегами, тоже поддерживали самозванца.

Чтобы покончить с этой опасностью, кесарь Алексей приказал схватить лжецаревича и его сторонников, обрить им головы, воздвигнуть виселицу на площади Быка и повесить преступников.

— Я сам видел этого несчастного, — сказал Антоний.

— Так, значит, половцы вмешиваются и в такие дела! — сказал не без злорадства Липарит Орбелиани и повернулся к императрице Мариам. — Не говорил ли я, августа, что эти нечестивцы преисполнены коварства? А между тем царь Давид остался недоволен, что я не хвалил половцев.

Антоний Кутаисский жадно набросился на грузинские кушанья. Со лба его стекали капельки пота, — с таким усердием уплетал он громадные куски рионского осетра.

— Епифаний Непьющий признался в Константинополе, — сказал преосвященный с торжествующим смехом, — что рионская осетрина намного превосходит босфорскую. Обещали на пасху будущего года прнехать к нам в гости епископы пафлагонийский и хиосский. Драгоценные дары для храма Баграта прислали они со мною: косы святой Пелагии и ноготь с большого пальца Иоанна Крестителя.

Епископов, что сидели рядом с Антонием, привело в восторг это известие.

— А не покушаются ли сельджуки на Константинополь? — хотел узнать епископ цхумский Павел.

— В Константинополе царит великое воскрыление, — ответил Антоний. — Патриарх отправляет службу ежедневно, то в Святой Софии, то в церкви Сорока мучеников, то в храме святого Аполлинария. Несчетное число верующих возносит молитвы в храмах. Там собрались епископы, уехавшие из

Сирии. А спросите о монастырях — у каждого дворянина свой монастырь в родовых владениях. Старые люди говорят, что подобного торжества христианской веры не было в Византии с незапамятных времен. Так что сельджуки и близко не смеют подойти к стенам Константинопольской крепости.

— А куда девался Стефаноз, цилканский епископ? — спросил Рати с злой улыбкой.

— Стефаноз осрамил нас, — ответил Антоний, бросив взгляд в сторону пустого кресла царя Давида. — Двух рыцарей фландрского графа Роберта де Фриза он вывалил в грязи, а потом пустился с Григорием Бакуриани на войну. Злые языки рассказывают, будто бы половцы схватили его, остригли и теперь заставляют несчастного чистить лошадей.

— Значит, Стефаноз не сможет привести к нам половцев? — хотел спросить Рати, но тут Махара вошел в палату, и он удержал слова, готовые сорваться с языка.

Гости уже собирались покинуть палату, когда Мариам сказала Антонию Кутаисскому, что царица Елена согласна на немедленное обручение Дедисимеди.

Антоний помолчал, взглянул на Липарита Орбелиани, потом обратил свой взор вновь к императрице Мариам и сказал смело:

— По поводу этого дела я говорил с константинопольским патриархом. Он подтвердил мне: после пострижения царицы в монастырь ни один кесарь доньше еще не привел себе супругу ранее, чем через год.

Заметила императрица: равнодушно выслушал это известие Липарит. Немного позднее, сославшись на нездоровье, поблагодарил императрицу Мариам триалетский эристав и, поцеловав ей руку, удалился.

Дедисимеди сидела в конце стола; она догнала уходящего Липарита, взяла горящий светильник из ниши и пошла впереди отца, освещая ему дорогу в опочивальню.

СУРА КОРАНА

На следующий день Давид посетил императрицу Мариам. Она радостно встретила племянника.

Долго беседовали они вдвоем. Несмотря на все доводы, твердо держалась своего императрица, говорила:

— Я знаю непреложно, что в твою честь провозгласили здравницу триалетцы. Я сама расспросила обо всем Катю. Клялась своим сыном дочь Дукиддзе, что вся эта история — плод воображения Махары. Она сама присутствовала на пиру и слышала — за здравие царя Давида осушали чаши азнауры Липарита. Махара спал в шкафу; громкий разговор разбудил бездельника, он с ревом вывалился из шкафа, перепугал Катю насмерть. В последнее время совсем невыносимым стал этот старик! Выдумывает проделку за проделкой. В сумерках подстережет девушек возле цветника, выскочит из кустов и крикнет им: «Ба-ха-ха!». Это с юности у него такие привычки. Наверное, Махара решил и триалетцев напугать таким же образом. Кроме тебя, не считается он ни с кем; с чашиниками и пекарями бражничает в царском погребе, суесловит с монахами, подстраивает непристойные шутки епископам.

У моего супруга Никифора Ботаниатеса было семь дворцовых шутов, и у Алексея Комнена их трое, одеты они в болгарские одежды, но только изредка допускают их в золотые палаты. Блаженной памяти отец мой тоже любил скоморохов и держал их при себе, но лишь тогда позволял приводить их в палату, когда был под хмельком. И еще одно скажу тебе, милый, только не обижайся на меня: монах Козман сообщил мне по секрету, что Рати Орбелиани уверен в злом умысле, он утверждает, что нарочно привели ему половецкую лошадь, нарочно подослали Махару подстрекнуть его, — одурачили.

— Будьте милостивы, не говорите так, государыня. Ужели не доложили вам, что я сам первым сел на эту лошадь?

— Во всяком случае, милый, Махару нужно обуздать. Такой друг только прибавит тебе врагов. Ну, скажи, чего искал в моем шкафу Махара? Все перерыл этот бездельник, самые дорогие мои сакко измял, разлил пять склянок мускуса. Кабачи и собольи шубы Дедисимеди он подостлал под себя. Совсем помутился в разуме злосчастный. Хоть бы поехал он со мною в Константинополь — там есть врач-грек, исцеляющий умалишенных. Быть может, он поможет бедняге...

Царь невозмутимо выслушал Мариам, и когда она успокоилась, спросил:

— А о письме Варсима Вардзели что вы скажете, государыня?

— С супругою Липарита беседовала я по этому поводу. Поклялась мне жизнью своих детей дочь Дукиддзе, что не ви-

дела ни скорохода из Триалети, ни письма Вардзели. Какой-то всадник, державший путь в Такверз, спросил дорогу у монаха Козмана; тем часом Махара, возвращавшийся от вечерни, увидел всадника и приступил к монаху: это, мол, гонец из Триалети, верно, привез вам какое-нибудь письмо!

— Всему этому я верю, августа. Возможно, что Ката и вправду не видела письма Вардзели, а между тем...

— Что же между тем?..

— Может быть, его видел кто-нибудь другой? Выясняется, что письмо это было не от Варсима Вардзели...

— От кого же тогда, мой дорогой? — воскликнула Марнам и поднесла к щеке правую ладонь.

Горькая улыбка тронула уста царя Давида. Сжав кулак и опустив его перед собою на золотой стол, он сказал спокойно:

— От Бархиарока, сына султана Малик-шаха. Он советует триалетскому эриставу переменить веру и обратиться к Магомету. Рукою Варсима Вардзели приписано лишь несколько слов в самом конце.

— От Бархиарока? — удивилась Марнам. — Ну, уж нет, всему могу поверить, но чтобы Липарит Орбелиани собирался отречься от Христа, — в этом никто меня не убедит. Пройшей зимой в Гегутском замке сказал мне Липарит, что султан Малик-шах обещал сделать его амиром, но для этого не надо менять веру. Немало знаю я христианских азнауров, которые были возведены в амирский сан.

— Об этом я ничего более не скажу тебе, августа. В письме Бархиарока содержатся две или три суры из Корана. Притчами говорит султан Липариту Орбелиани.

У царицы расширились зрачки.

— Если все, сказанное тобой, окажется правдой, я должна буду признать, что те, кто коварством и лестью похитили трон у Никифора Ботаниатеса, — небесные ангелы по сравнению с эриставом триалетским.

— Если поближе приглядеться к двуличию и коварству Багуаш-Орбелиани, то Комнены, без сомнения, покажутся ангелами.

— Если все это — правда, то выходит, что родная тетка вела тебя к гибели, не правда ли, мой милый? Нет, не верю я этому! Призови Махару немедленно. Пусть любым путем дойдет он письмо Бархиарока.

— Дедисмеди удивила меня, — сказал Давид. — Когда я вернулся из Джавахети, она встретила меня в тутовой аллее.

со слезами бросилась мне на шею, долго плакала, — я успокаивал ее ласковыми словами. Потом просила меня ни на рождество, ни на пасху не приезжать к ним в Липаритис-убани. «Если прикажешь, я возьму с собой Лелу, — сказала она, — и убегу к тебе из Триалети». Я спросил ее о причине такой просьбы. Она ответила, что в свое время я сам все узнаю. Очевидно, Дедисимеди слышала краешком уха какие-нибудь разговоры. Да и кроме того, чутьем угадывает она, что нечто страшное готовят нам Орбелиани, — конечно, если мы не примем своевременных мер.

Это показалось уже более убедительным императрице Мариам.

— А если все это правда, то неужели ты все-таки собираешься ехать в Триалети? — спросила она, уже примерно испуганная.

— Я, конечно, поеду, и это так же верно, как то, что солнце светит в небе. Но не для того, чтобы испрашивать у Липарита и у Рати разрешения жениться на Дедисимеди. Сначала придется мне как следует проучить и отца и сына Орбелиани.

— Боже милостивый! — воскликнула Мариам. — Опять война между братьями! Жаль мне этого ангела, девушку эту. Под несчастливою, видно, звездой родилась Дедисимеди, бедняжка моя!

— Кровь пугает тебя, государыня, и это мне понятно. Но таков уж печальный закон, царящий над людьми: без крови никто еще не построил ни замка, ни города, и без крови никто не сохранил их за собою. Лишнюю кровь надо выпускать, август. Потому-то лекари и ставят больному пиявки.

Так сказал царь и большими, печальными глазами взглянул на покрывшееся румянцем возбуждения лицо императрицы.

Мариам ударила в ладоши.

— Приведи ко мне немедленно Махару, — приказала Мариам вошедшему начальнику слуг.

Шуткою встретил Давид безбородого:

— А тебя не звали к себе Орбелиани в Липаритис-убани, Махо?

Удивилась Мариам, услышав из уст царя обращенное к старику ласкательное имя.

— Дерзостью почитаю я и то, что они посмели пригласить тебя.

— Чего ты хочешь от эриставов, Махо? Разве не почести и не гостеприимство обещаны нам?

— Прекрасно! — сказал Махара и подмигнул Мариам. — Слон убивает свою жертву хоботом, змея — поцелуем, царь — улыбкой, а изменник — возданием почестей.

— Я не думаю, чтобы в самом деле прибыло из Исфагана письмо от Варсима Вардзели, да и то, что ты рассказал царю третьего дня, кажется мне сомнительным, Махо! — сказала Мариам.

— Ты не веришь, Маико, ты сомневаешься? Ты не хотела поверить и в предательство названного сына твоего, Алексея Комнена, пока он не утянул из-под тебя императорский престол... Доверчивость, пожалуй, даже к лицу прекрасным царицам, но царю она непростительна. Я слышал притчу, рассказанную некогда мудрецом: летучие мыши воевали против фламинго, и сначала силы обеих сторон были равны. Но летучие мыши подослали к фламинго кроткого голубя, а тем временем сами ворвались в крепость.

— Я не такой уж голубь, как это тебе кажется, Махо. брось свои притчи! А вот можешь ли ты показать письмо Бархиарока или какое-нибудь несомненное доказательство того, что оно действительно было вручено кому-нибудь из Орбелнани?

— Я все могу, Маико, стоит мне захотеть, — похвалился Махара и вышел из палаты.

Долго ждали его в опочивальне царь Давид и Мариам.

Трижды докладывал начальник слуг, что ужин подан.

Наконец потеряла терпение императрица:

— Я знаю, Махара теперь не будет показываться нам на глаза, вот увидишь. Он был опять под хмельком, несчастный!

Но Давид упорно молчал.

За дверью опочивальни послышались чьи-то шаги. Вошел управитель, старый Цинцилук, доложил, что Георгий Чкондидели просит разрешения видеть царя по делу особой важности, приносит извинение в том, что потревожил государя в столь поздний час.

Давид обрадовался, что первый визирь выздоровел, приказал ввести его в палату.

Чкондидели вошел с закутанным горлом; лицо его было бледно, он с трудом переводил дух и часто кашлял.

Он доложил государю: конюший его Долай послал Марию Удзилу в дзурдзукские земли. Не понравились аланские

лошади конюшему; расспрашивая встречных, добрался Узунла до Шарагана, стал закупать половецких коней. Там встретил конюший Стефаноза, епископа цилканского.

Услышав имя Стефаноза, приподнялся в кресле Давид.

— А не прислал ли епископ письма? — спросил он Чкондидели.

— В той земле нельзя найти ни бумаги, ни пергамента, ни чернил, — сказал Чкондидели и снова закашлялся. — Стефаноз начал переговоры с половецким предводителем Атрахою Шарагановичем, — продолжал Чкондидели, — но половец встретили епископа недоверчиво из-за бедной его одежды. Пока он пробирался к половцам с Балкан, трижды ограбили его по дороге и обрили ему бороду и усы на сельджукский лад. Закутанный в звериные шкуры, бродил он по половецкой земле. Половцы, рассерженные на Алексея Комнена, приняли Стефаноза за византийского лазутчика, Тогорта держал его целый месяц на привязи в яме. Только крест удалось Стефанозу уберечь от грабителей, да и тот носил он тайно, под рубахой. Половецкие вожак Тогортак и Тогорта продали его своим соплеменникам в Узкенд. Оттуда он бежал в Шараган, где наконец его приютил один армянин из Тбилиси, торговец лошадьми. В конце концов он все же достиг большого шатра Атрахи Шарагановича... Там сказали ему, чтобы его повелитель прислал других, более представительных и долгобородых послов. «Меня обрили; ежели будете ждать, пока отрастет моя борода, придется повременить с десятк лет», — пошутил по своей привычке Стефаноз.

Давид обрадовался известию.

— Об этом поговорим подробнее завтра, — сказал он первому визирю.

Когда царь рассказал Чкондидели о двуличии Липарита и Рати, первый визирь побледнел еще больше: он сидел молча, сжимая сплетенные пальцы рук так, что трещали суставы.

— Мне рассказывал что-то в этом роде Шаман, эристав такверский, — будто бы Липарит Орбелиани пытается привлечь на свою сторону азнауров-имеретин. И еще говорил мне эристав Шаман, будто Липарит уговаривал Вешага, сванского эристава...

Не удалось Чкондидели закончить свою речь. Без спроса в палату вошел Махара. За ним показался длинный, словно неурожайный год, Козман. Давиду был неприятен его облик, и он отвел взор от монаха.

— Вот какое длинное я вам привел доказательство, — сказал Махара.

Войдя в палату, Козман простерся ниц на полу, воздал почесть присутствующим, подполз, не вставая, к царю и поцеловал его колена. Давид почувствовал отвращение, словно коснулась его скользкая и холодная жаба.

— Полихроннион, полихронион! — возгласил монах проречески.

— Встань! — приказал ему царь.

Монах стал между Давидом и золотым канделябром, он моргал узенькими щелками глаз, неясно было — ослепил ли его блеск свечей или он старался не глядеть в нахмуренное лицо царя Давида.

Царю не хотелось начинать сразу с вопроса о письме Бархиарока, и потому он спросил нехотя:

— Ну, как, монах, скоро ли ты получишь епископскую митру? Что говорит тебе твой господин?

— Митра моя пока что украшает Кириона Манглиско-го, а Досифей еще не собирается умирать. Мудрое правило достиг я на старости лет, государь: лишь под сенью большого дерева должен искать приюта и покровительства убогий, одинокий, как я, человек, — дерева, щедрого и тенью и плодами. Пусть даже вихрь собьет плоды с ветвей, но тени у него никто не отнимет!

— Эге, монах, да ты, я вижу, полон мудрости, — сказала с улыбкой Мариам.

— Одной только мудростью никто и никогда еще не добивался райского блаженства, августа. Это поучение услышал я в Исфагане, на рынке, где покупал изюм. Шейх сказал эти слова султанскому евнуху, шедшему с ним рядом.

— Ты ищешь нового покровителя, монах? — спросил Давид.

— Истинно так, повелитель и государь наш.

— А почему это вдруг тебе понадобилось?

— Одно только упоминание имени великого царя принесет удачу такому обездоленному человеку, как я, государь, — подобно тому, как некогда лягушки добились счастливой жизни только потому, что назвали луну по имени.

Царь улыбнулся, понял: настало время спросить сладкоречивого монаха о самом главном.

— Если правда все, что ты сказал, монах, то почему же так поносит меня твой господин?

Козман оглянулся на Махару, поднял на царя упрямый взор и сказал:

— В глазах человека недостойного самое возвышенное величие обращается в ничто, государь, ибо в малом зеркальце не может уместиться большой образ.

Подумала Мариам: как видно, не принес никаких существенных доказательств Козман, потому и изощряется в хитрых речах; спросила с неудовольствием:

— И это все, что ты слышал в Исфагане, монах?

— Нет, августа, об Исфагане я расскажу особо, а эта маленькая притча — плод моего короткого ума.

— Ты бы лучше рассказал нам, не откладывая, про Исфаган, — нетерпеливо сказала Мариам.

Козман еще более согнулся в плечах, засунул длинную, волосатую руку под мышку, долго шарил за пазухой своей заплатанной рясы и наконец вытащил оттуда потертый и измятый пергаментный свиток. Глаза его опасливо бегали во круг, то и дело оглядывался он на дверь.

Георгий Чкондидели взял свиток из рук Козмана и подал знак Махаре, чтобы тот увел монаха.

— Свиток будет тебе возвращен, — добавил первый визирь.

Когда же Махара и Козман покинули палату, царь взял свиток, взглянул, передал императрице Мариам.

— Он написан по-арабски, — сказала императрица и протянула свиток первому визирю.

Чкондидели придвинул кресло к золотому канделябру, поднес письмо близко к глазам и принялся медленно переводить написанное:

«Месяца Шабан, тринадцатого дня, именем аллаха. Малик-шах Джалал аль-Дин Доулах Моиз-Эддин амир аль-Мумнин шлет привет эриставу триалетскому Орбелиани Липариту, сыну Ивана, которого приснопобедоносный великий султан иранских и неиранских владений возвел в достоинство амира в предпрошедшем году месяца Джумад, дня седьмого, и напоминает собственное его, Липарита, обещание. В месяце Рамадан эристав триалетский совместно с тбилиским амиром должны были схватить царевича Давида и отправить его в Исфаган; в том же самом письме, представленном нам доверенным лицом триалетского эристава Варсимом Вардзели, Липарит Орбелиани обещал нам об-

ратиться в истинную веру пророка Мохаммеда. Но приснопобедоносный султан никогда не думал уклоняться от суры Корана, которая гласит: «Не вынуждайте никого силою принимать ислам, ибо правда и кривда и без того разделены в глазах человеческих. Но тот, кто отвергнет Тагут и обратится к аллаху, получит в руки величайшую силу. Аллах всевидящ и всеведущ».

До нашего слуха дошло, что амир Липарит вместо того, чтобы исполнить обещанное, снова примирился с царем Давидом и принял должность военачальника царских войск. Сказано мудрым: «Да не пожелает никто принять сторону зла, ибо гуся убили за то, что он водил дружбу с вороном, и перепела постигла смерть потому, что он расхаживал рядом с этой черной птицей. Аллах же всевидящ и всеведущ».

Султану Малик-шаху было неприятно узнать, что амир Липарит обещал свою дочь в супруги царю Давиду. Если амир Липарит в самом деле собирается обратиться в веру аллаха, то пусть он вспомнит суру Китаба, которая гласит: «Пусть никто не отдаст своей дочери неверному, пока жених не обратится сам в истинную веру, потому что истинно говорю я вам: верующий раб угоднее аллаху, нежели неверный царь. Аллах всевидящ и всеведущ».

У Георгия Чкондидели дрожали руки от гнева и поднялся неудержимый кашель. Давид сидел с опущенной головой, улыбался язвительно. Императрица Мариам, казалось, окаменела от изумления. Когда Чкондидели умолк, она попросила его продолжать чтение.

«По приказанию высокого повелителя иранских и не-иранских владений я, сын султана, Бархиарок, послал из Армении в Джавахети легкое войско под предводительством моего саранга Муктафи бен-Абдаллаха. Известие это мы заблаговременно сообщили владельцу Зедазени Дзагану и эриставу триалетскому Липариту, чтобы оба они соединенными силами преградили путь царю Давиду через Сурамский хребет, а саранг мой сокрушал бы джавахетские твердыни. Как нам довелось узнать с опозданием, эристава Дзагана приковал к одру недуг, а от амира Липарита мы не получили даже ответа на наше послание. Аллах всевидящ и всеведущ».

Того же года, в месяце Зуль-Хиджа я пошлю в Триалети саранга моего Кербогу, дабы он, эристав Дзаган, и амир Липарит соединенными силами сокрушили крепости Уплис-

цихе и Цагвлистави и изгнали из Внутренней Картли царя Давида».

— Собственноручную подпись Бархиарока, сына султана, подтверждает великий визирь Низам аль-Мульк, — добавил Чкондидели.

Он еще раз поглядел на свиток и сказал:

— Простите! Здесь Варсим Вардзели приписал еще несколько строк по-грузински.

«Что же касается желанья, высказанного сыном Липарита Рати в его последнем письме, о том, чтобы породниться с Бархиароком, — сын султана приказал мне передать в ответ, что и в этом деле многое будет зависеть от обращения амира и дочери его в истинную веру, ибо та же сура учит нас: «...и не берите в жены дочерей неверных, пока они не обратятся к аллаху. Истинно говорю я вам: верующая невольница угоднее аллаху, нежели царевна из неверных, хотя бы прекраснейшая из прекрасных. Аллах же всевидящ и всеведущ».

Когда первый визирь прочитал приписку, императрица Мариам приложила ладони к вискам и воскликнула:

— Теперь мне все понятно; одно только безмерно удивляет меня: как могла Дедисимеди, этот кроткий ангел, родиться в этом злодейском гнезде?

— Месяцы и числа точно совпадают, — заметил царь Давид.

— Зуль-Хидджа — это ведь мусульманский декабрь, не правда ли? — спросила Мариам.

— Да, приблизительно декабрь, — подтвердил первый визирь.

— Вот почему на рождество звали нас к себе Орбелиани, — заметил Давид.

Все трое помолчали немного, затем Мариам сказала:

— А теперь скажите, как мне поступить? Завтра я собиралась созвать гостей на прощальный пир перед отъездом семейства Орбелиани.

— Может ли что-либо отвратить тебя от обязанностей гостеприимства, августа? — ответил Чкондидели.

— Кроме того, Липарит и Рати не должны знать, что мы проникли в их тайные намерения, — сказал Давид и пожелал императрице Мариам доброй ночи.

Дворец затих, нигде не было слышно ни звука. Пламя светильников тускло мерцало в нишах.

Когда царь Давид и Георгий Чкондидели вышли из палаты, Давид вполголоса сказал первому визирю:

— Завтра мы отправим в половецкую землю цхумского эристава Догато. Свиту себе пусть он подберет сам. Джорджики пошли в Исфаган, в Эчмиадзин отправь Аршаруни, чтобы он наблюдал за передвижением сельджукского войска по Армении. Напиши также письмо Кириону Манглисскому, пусть отец Анфимоз отправится в Триалети, попытается увидеть Липаритова управителя. Еще когда я был в Джавахети, прислал мне сообщение Зосим, управитель Липаритис-убани, будто бы главный мандатур эристава Тиркаш собирается вступить на путь Анамора. Если тот водил дружбу с греческими лазутчиками, этот принимает, как гостей, сельджукских шпионов. Сам же ты, господин мой первый визирь, должен будешь посетить Внутреннюю Картли. Возьми с собой семерых мастеров-строителей, пусть немедля исправят что нужно в крепостях Уплисцихе и Цагвлистави.

ЭРИСТАВ ШАМАН

Императрице Мариам не пришлось устраивать прощальное пиршество перед отъездом семейства эристава Липарита. На следующий день прибыл мандатур из Гегути, привез от туда вести. Старший стольник извещал: царь Георгий ожидает в гости такверского эристава Шамана, просит всех пожаловать в Гегути на пир.

Непривычно радостен был царь Георгий перед встречей с другом юношеских лет. Нисколько не встревожили его известия, тайно сообщенные сестрою Мариам.

О двусмысленной здравнице за царя, провозглашенной на пиру триалетцами, сказал так:

— Наверное, пили за мое здоровье азнауры, а этот злополучный Махара все перепутал. Удивляюсь тебе, Манко, неужели ты и твой племянник только теперь впервые узнали Липарита Орбелиани? И я помню от него не мало зла, но и добра не забываю. Таков уж Липарит — есть в нем и доброе и худое; весел и гостеприимен, чего же еще вам от него надо?

Рассказали Георгию о письме Бархиарока, но и это не удивило царя.

— Такова вежливость султанов, от века подсовывают они христианским правителям свой Китаб. И меня не мало уговаривал Малик-шах, раза два-три завел речь об этом на охоте, раз в Исфагане, другой раз в Багдаде. Обещал отдать мне Адарбаган, если я приму мохаммедову веру. Нужен мне его пустынный, опаленный солнцем Адарбаган! Я промолчал в ответ на все его уговоры. После этого ни один из нас не вспомнил о той беседе. На прощанье он расцеловал меня и отпустил, благословив в путь.

Заметила Мариам: проба вин, которые царь подбирал для пира в честь эристава Шамана, подействовала на него. Убедившись в этом, Мариам умолкла и оставила царя одного в палате.

Почти до заката ожидали в Гегути такверских гостей. Наконец встревожился царь Георгий, как бы не проголодались, сжидаячи, триалетцы, приказал стольникам подавать кушанья.

Пир закончился скоро. Уже выносили посуду, когда в дверях появился радостный Махара: эристав Шаман с большой свитой и с богатыми дарами въехал во двор замка.

Взволнованный царь Георгий бросил партию в нарды, которую играл с Липаритом.

Прошло уже пять лет с того времени, как царь в последний раз видел друга своей юности, эристава Шамана. За это время оспа отняла зрение у многоопытного воина, которого и стрелы на бранном поле не могли лишить света очей.

Когда белобородый богатырь в кольчуге песочного цвета переступил порог, все замолчали.

В GRIDНИЦУ вошел такверский эристав; одной рукой оперлся он на плечо Джонди, своего сына, другая рука обнимала шею младшей дочери, прекрасной Гванцы.

— Увы мне! — воскликнул царь Георгий, ударил себя по лбу обеими руками и быстро пошел навстречу слепцу. Обнялись давнишние соратники. Слезы струились из незрячих очей Шамана, стекая по щекам и по белоснежной бороде.

Плакали также царица Елена и императрица Мариам, Дедисимеди и старшая среди дворцовых дам Мзисавар, дочь Шервашисдзе. Плакал, как ребенок, и Липарит Орбелиани, даже Рати почувствовал слезы на глазах. Один лишь архиепископ кутаисский Антоний стоял посреди палаты с окаменевшим лицом. Даже всегда невозмутимого царя Давида тронуло это необычайное зрелище.

— Ах, если бы только увидеть, какой ты стал, Георгий! — сказал Шаман и рукой отер слезу. Другой рукой он ощупывал лицо царя и целовал ему щеки. — Благодарю господа, что довелось мне еще раз если не увидеть, то хоть коснуться тебя рукою. Георгий Чкондидели рассказывал мне, что ты остался все тем же — отменным наездником и стрелком и в гостеприимстве лучшим из всех людей. А у меня господь пожелал погасить свет в очах — сижу день и ночь во мраке, солнце не светит для меня и звезды не сняют в небе. Благодарю создателя, что привелось мне услышать еще раз твой голос, мой государь и повелитель.

Эта встреча потрясла до глубины души Мариам. Молчаливая и задумчивая, сидела она поодаль и смотрела на двух прекрасных старцев, обрадованных, как дети, встречей.

Царь Георгий приказал старшему дворецкому призвать немедленно старших стольника и виночерпия. Когда представили оба, царь Георгий приказал старшему стольнику подать холодную телятину, свежую икру, рионского осетра, оленьи вымя и кабаньи ребра. А виночерпию приказал подать так-верское маглари — старейшее вино Капистони и Багдади.

Потом усадил гостей, подсел к другу, сам резал ему телячью лопатку и кормил ломтиками, как заботливая мать кормит беспомощного младенца. Чашнагира, стоявшего, как полагается, посреди палаты, он скоро отпустил, сказав, что ему и Шаману не нужен пробник.

— Это — лопатка молодого теленка, Шаман. Помнишь, нам подавал такую же после сражения один поселянин в Парцхиси?

— Помню, Георгий, как не помнить; у этого поселянина не оказалось вилок, и мы с тобой ели руками. Крестьянин смеялся. Я спросил, почему он смеется; он ответил: «Никогда я не слышал, что царь может кушать мясо руками».

— А ну-ка, вспомни, как звали этого крестьянина, Шаман?

Эристав задумался.

— Дай бог памяти, — сказал он, приложил руку ко лбу и вдруг крикнул: — Хоргай!

— Верно, Хоргай, — подтвердил Георгий.

— Он был безбород и мечен родимым пятном: помнишь, Георгий?

— Да, да, на правой щеке было у него родимое пятно,

помню, как же, помню, Шаман, — подтвердил Георгий и подал гостям мясо.

Давид удивился, услышав этот разговор.

— Этого крестьянина видел и я, государь и отец мой. три года тому назад.

— Где ты его видел?

— По дороге в Триалетское эриставство, вместе с Чкондидели.

Подали шашлык на вертелах. Царь Георгий сам взял вертел и сказал эриставу Шаману:

— Это кабаньи ребра, Шаман. Зимой убил я огромного кабана возле рионского брода, с тех пор хранят его для тебя в коптильне.

Гости и домашние ушли из горницы, лишь немногие близкие люди остались смотреть на давнишних друзей.

— Садись поближе к нам, Липарит, — сказал Георгий триалетскому эриставу. — Мы с тобой старые люди, люди других времен; всего нового, незнакомого чуждается наше сердце. Как дети, ссорились мы друг с другом, и, несмотря на это, по-детски безгрешными оставались наши души. Если была надобность, мы и с мечом выступали друг против друга, но наступала пасха, рождество или Новый год — и мать, тетка или бабка вкладывала нам сосцы в губы, мирила нас, и снова мы сражались вместе, трудились сообща...

— Только мы с тобой, государь мой, ни разу не поссорились даже тогда, в юности, — сказал эристав Шаман.

— Да, мы с тобой не знали, что такое ссора. Да ведь ты таков, Шаман, что тебя хоть за пазуху к себе посади, и то ты будешь безропотен, — говорил Георгий. — Помнишь, возле Парцхиси, когда мы сражались против сельджукского саранга, я ждал тебя накануне сражения до самого заката солнца на берегу Алгети, и только в сумерках подошел ты, наконец, с такверской дружиной. Оказалось, что лошадь упала под тобою в пути и ты повредил себе ногу... Я не знал ничего и, как только увидел тебя, подскочил к тебе, кричал на тебя, ругал за опоздание. А ты, помню как сейчас, стоял на одной ноге, держа в руке поводья коня, и глаза у тебя наполнились слезами от обиды. Я смотрел на тебя и дивился: почему ты стоишь на одной ноге? На другой день ты, с больной ногой, покрыл себя славой в сражении. Я обнял тебя тогда и расцеловал, Шаман.

— Увы, где то время, Георгий?.. Не лучше ли было мне

быть убитым сельджуками под Пархиси, нежели дожидаться смерти в вечном мраке? — сказал печально слепой эристав и отпил из чаши немного вина.

Осетровую икру подали гостям столыники. Царь взял блюдо, положил ложкой на тарелку Шаману икры и сказал: — Это — икра рионского осетра, Шаман. Для тебя одного Махара приказал рыболовам изловить этого осетра.

Царь подлил вина Липариту Орбелиани и сказал:

— Когда мы с Шаманом брали крепость Карисцихе, заупрямился начальник крепости Иссахар бен-Исмаил. Я послал сказать ему: «Если ключи не будут вручены мне до первого снега, не сносить тебе головы».

До самого рождества не сдавался Иссахар, лишь в сочельник прислал через муллу крепостные ключи. Я вошел в крепость в гневе, твердо решив отсечь голову упрямому начальнику крепости. Долго искали его мои люди, но нигде не могли найти. Наконец я послал Шамана, чтобы он привел ко мне Иссахар бен-Исмаила, но и он тщетно шарил по палатам и помещениям для ратных людей. В замке была одна старая-престарая церковь, незадолго до того переделанная сельджуками в мечеть. Шаман заглянул в эту мечеть. В полумраке притвора натолкнулся он на женщину, лицо которой было закрыто чадрой. «Это, верно, жена начальника», — подумал Шаман и отвел глаза, но вдруг уловил торопливый звон шпор. Тогда, повернувшись, он погнался за женщиной и, схватив ее за ногу, увидел перед собой рослого детину. Улыбнулся пойманный начальник крепости, сказал по-своему: «Проклятая шпора, забыл-таки ее на одной ноге второпях», — и обнажил белые зубы. Такая была у него детская, простодушная улыбка, что очарованный ею Шаман просил меня подарить жизнь пленнику. Мы привезли его в Гегути, заставили пить вино. Позднее он стал христианином. Мы женили его на дочери Коджихисдзе. Потом он умер от болезни кишок, а потомки его живут и доселе в Гегути, носят фамилию Исахарисдзе.

И, вновь наполнив чаши Шаману и Липариту, сказал, обращаясь к Мариам, царь Георгий:

— Таковы были, Майко, люди нашего времени — негибаемые в бою, но милосердные к поверженным врагам, учтывые с женщинами и пленниками.

Молчаливо сидел на дальнем конце стола царь Давид, незаметно наблюдая за девушками, расположившимися между Шаманом и Липаритом. Как сестры, были они схожи од-

на с другою, обе белокурые и стройные, обе окруженные сиянием шелковисто-золотых волос, что вились пленительно на шеях возле щек, словно побеги лозы.

Прекрасные и воздушные, прилежно слушали они беседу пожилых воинов и упорно хранили молчание. Лишь когда царь Георгий рассказывал, как эристав Шаман схватил за ногу переодетого начальника крепости, тихая улыбка скользнула по губам обеих, но и ту сдержали они в то же мгновение.

Губы Дедисимеди были алы в этот вечер, как сдвоенные лепестки цветка гранатового дерева, а уста Гванцы были чуть выпуклы, над верхней губой золотился нежный, еле-еле заметный пушок, и глаза у Гванцы были необычайные, не каштановые, а цвета чистого прозрачного меда, увенчанные бровями, изогнутыми точно так, как рисовали мастера того времени на эмалевых изображениях святой девы.

Вошел начальник слуг:

— Царица Елена просит царя Давида пожаловать к ней.

Мариам присоединилась к пожилым.

Царь Георгий наполнил чашу Шаману, потрепал его рукой по запястью и сказал:

— Это вино — твой дар, Шаман. Всю зиму наслаждаюсь я им перед этим самым камином, вспоминая тебя и свою юность.

Снова наполнил чаши, чокнулся с другом и сказал:

— Пусть господь дарует тебе долгие годы жизни, Шаман, на радость мне. Много бед знавали мы вместе с тобой, но ни разу не позволили ненависти угнездиться в наших сердцах, ибо ненависть — ржавчина души. Пусть же любовь согревает тебе сердце, Шаман.

— Твоими милостями, великий государь, — ответил слепец.

Молчаливая сидела возле них императрица Мариам, слегка удивляясь притчам своего царственного брата. С какой невозмутимой веселостью предлагал он вино триалетскому эриставу после всего того, что рассказала ему о тайных замыслах Липарита еще нынешним утром сама Мариам! И впрямь, детское сердце сохранил до старости царь Георгий.

Еще одну здравицу провозгласили седые вонны.

— Да пошлет нам господь лучшие времена! — так сказал Георгий.

— Увы, мне уже их не увидеть, государь. Моя дочь водит меня за руку, точно младенца. А все же, Георгий, как сладка

жизнь! Если бы еще хоть раз приоткрылись мои глаза, чтобы мог я увидеть, как прекрасна земля, как велик подсолнечный мир!

— Мир испортился, Шаман; только горы остались неизменны, да реки текут по-прежнему по своим руслам, но изменились обычаи и нравы людей. Злоба поселилась в сердцах человеческих, душевный мир покинул наше молодое поколение. Помню, когда привезли меня почти умирающим из Самшвилде в Уплисцихе благословенного царя Баграта, ты тоже была с нами, Манко. Покойная матушка наша сидела у его изголовья, слушала, как сожалел умирающий царь о прожитой жизни. «Все свои дни провел я в непрестанных битвах, — говорил он, — а между тем земная власть и все, что на земле, — лишь суета перед лицом смерти». Сын мой Давид пошел в деда, Шаман. Я говорю ему: «Будем довольны тем, что у нас есть», а он жаждет войны.

Вошел начальник слуг, доложил Липариту: нездоровой почувствовала себя супруга эристава.

Липарит покинул палату, а царь Георгий продолжал:

— Дни напролет проводит Давид на войсковом ученье или объезжает лошадей. От радостей этого мира он отвратился совсем — не охотится, не берет в рот вина. Затвердил: «Хочу завоевать Тбилиси, утвердиться во Внутренней Картли и в Кахети». Отец мой Баграт тоже был не робкого десятка, дважды брал он Тбилиси, и оба раза отдавал его снова, бился то с амиром Фадлоном, то с тбилиским амиром Бану-Джаффаром; трижды сражался он с Альф-Арсланом под Ахалкалаки, окрасили они кровью воды Куры, а потом умерли оба в один и тот же день — и Альф-Арслан и царь Баграт IV — и не узнали даже о смерти друг друга. И вот царь, столь много воевавший на своем веку, унес с собой в могилу всего только три локтя холста... — сказал печально царь Георгий и добавил:

— Пей, Шаман, пожелаем вечной памяти царю Баграту!

Слепой эристав поднял сосуд. Рубиновое вино мерцало и искрилось в золотой чаше, словно пронизанное огнем. Большие канделябры струили щедрый свет на прекрасные седые волосы и бороду эристава.

Шаман обмакнул хлеб в вино и сказал:

— Эх, жалок был мне покойный царь перед смертью, когда землистым цветом подернулось его лицо и когда сказал он матери своей: «Мать моя, участь твоя жалка мне, ибо

всех, рожденных от чрева твоего, видела ты поверженными перед собою, и так умрешь!»

— Вернемся же к началу нашего разговора. Таким же беспокойным духом наделил господь сына моего, царя Давида; совсем отрекся он от радостей юности. И мне рано пришлось возложить на себя тяжелейший венец Багратионов, еще совсем отроку дали мне в руки царский скипетр, но из другой руки я все же не выпускал охотничьего колчана со стрелами и лука. И вино пил, и от женщин не прятал взора...

Так сказал Георгий и улыбнулся сестре, но, бросив нечаянный взгляд на прекрасную Гванцу, сдержал улыбку; взор его помутнел, он схватил серебряное блюдо и протянул эриставу Шаману:

— Это — фазаньи потроха, Шаман, с чесноком и пахучей зеленью. В юности любили мы с тобою отведать этого блюда после пира, когда уже бывали под хмельком.

Потом взглянул на покинутое Липаритом золотое кресло.

— С эриставом Липаритом не ладит царь Давид.

— О Липарите и мне рассказывали кое-что, — ответил, понизив голос, слепой старец.

— Кому доводилось иметь дело с изменниками чаще, нежели мне? — продолжал Георгий. — Я поседел в битвах с картлийскими и кахетинскими азнаурами и все же всегда стремился избегать кровопролития, Шаман! Царь Давид и молодые эриставы вместе с Георгием Чкондидели только и думают, что о войне. Этого престарелого визиря я совсем не узнаю. Из Таквери привезли его чуть ли не умирающим, а теперь отправил его царь Давид чинить крепости Цагвлистави и Уплисцихе. Затвердили все в один голос: не хотят больше давать дань султану Малик-шаху. Малик-шах уже стар, но придет его сын Бархиарок, и снова прольется кровь, Шаман, как лилась в Ахалкалаки во времена царя Баграта. Дзагану, владельцу крепости Зедазени, собирались уже объявить войну, но я привлек на свою сторону епископов и наиболее почтенных из старейшин, и мне удалось спасти страну от братоубийственного кровопролития.

Эристав Липарит вернулся к столу. Царь Георгий наполнил его чашу и продолжал:

— И за половцами мы, пожилые, не собирались отправлять послов. А молодые не послушались нас, отрядили в посольство Стефаноза Цилканского и Гуарама, владельца Бечисцихе. Эристава Гуарама свалил недуг в Византии, злосча-

стного Стефаноза увели в полон половцы. Не зря сказал я на Совете старейшин: нельзя допускать волков в овчарню!

Липарит Орбеллиани отпил из чаши, взглянул сперва на царя Георгия, потом на императрицу Мариам и сказал:

— Баграт Куропалат тоже привел некогда в страну варяжский полк в три тысячи человек, — ты помнишь, наверное, великий государь. Варягов разместили в Башки. Семьсот человек он взял с собою. Потом пошел царь Баграт с этими варягами и ратью картлийцев против Липарита, деда моего, чтобы схватить его; и вот сошлись царь и эристав в Сасирегском лесу, но картлийцы не выдержали и отступили; также и варяги дрогнули в битве. Потому я и докладывал на Совете: не пригодится нам наемное войско половцев. А царь Давид невзлюбил меня за эти слова.

В это мгновение царь Давид вошел в палату, и Липарит замолчал. Георгий взглянул в окошко и, увидев отблески лунных лучей, сказал:

— Луна взошла, Шаман. Ах, в юности мы с тобою в это время отправлялись на реку с рыбаками ловить рыбу. В этот час поднимается по Риони против течения черноморский осетр.

...ЛЮБОВЬ — УТЕХА ОПЕЧАЛЕННОМУ СЕРДЦУ

Приезд Гванцы, дочери такверского эристава Шамана, вновь оживил пересуды дворцовых старых дев и сторонниц Русудан. Они намеренно подстрекали Гванцу льстивыми речами, заверяли, что прекраснее ее нет невесты во всем царстве.

Говорили еще, будто бы по желанию царицы-матери Елены привезли Гванцу в Гегути, и как только отправят в Триалетское эриставство Дедисимеди, — состоится обручение Гванцы с царем Давидом.

Антоний Кутаисский вернулся из Византии исполненный боевого духа. Неверие свило гнездо в Кутаисском дворце, шута Махару нужно обуздать как можно скорее, чтобы утвердить веру в юном царе. Также и на Георгия Чкондидели сердился Антоний: с тех пор, как царь Давид взошел на престол, не строятся больше храмы и монастыри, кони съели в стойлах государственные средства, на возведение крепостей тратится вся казна Грузинского царства.

Было ясно Мариам: после ее отъезда поднимется сызно-

ва при дворе грузиня. Постельничие монахи передавали ей такие речи:

— Пусть только уедет императрица Мариам, тотчас же снимут с инокини Рипсимии власяницу и снова Русудан оденется в царский пурпур.

Так будто бы говорил Антоний, архиепископ кутанский. Печалили сердце Мариам все эти разговоры.

Вдруг прибыла в Гегути игуменья Сохастерийского монастыря Тута, объявила обоим царицам и обоим царям:

— Бывшая царица Русудан, ныне невеста спасителя, инокиня Рипсимия, просит вас отослать ее в Иерусалим и определить в грузинскую женскую обитель хотя бы простой послушницей.

Царица Елена ничего не ответила игуменье.

Встревожилась Мзисавар, дочь Шервашидзе. Царица Елена еще на прошлой неделе согласилась с нею, что как только уедут триалетцы, придется подумать о возвращении Русудан из монастыря. А теперь, когда бывшая царица собиралась в Иерусалим, царица Елена замолкла столь подозрительно.

Тщательно наблюдала за нею Мзисавар. Заметила она, что все ночи напролет молилась, бодрствовала царица Елена.

На следующее утро, на рассвете, Елена призвала к себе дочь Шервашидзе, и как только Мзисавар вошла в опочивальню, отпустила постельничих девушек, велела запереть двери и сказала:

— Придвинь поближе кресло, Мзисавар.

Дочь Шервашидзе догадалась сразу: видно, тайну собиралась сообщить ей царица; обрадованная, подседа она к изголовью госпожи.

— Помнишь ли ты, из какого рода была Гурандухт, бабушка Гванцы?

— Гурандухт, бабушка Гванцы, была из кларджетских Багратионов, государыня.

— Правда, правда, Гурандухт была дочерью Багратиона. Баграт III пригласил в замок Фанаскерт сыновей своей сестры Сумбата и Гургена и заключил их в темницу. Дети их бежали в Византию. Одну из внучек старшего брата Ашота привез отец эристава Шамана Эдишер и взял себе в жены, не правда ли?

Мзисавар Шервашидзе догадалась, что разумела царица Елена, и ответила, улыбувшись:

— Царская кровь, государыня, течет в жилах прекрасной Гванцы.

Царица тоже улыгнулась и сказала:

— Родство слишком далекое, чтобы служить помехой, не правда ли, Мзисавар?

— Конечно, государыня! Баграт III был отцом Георгия I, не правда ли, а следовательно, прапрадедушкой царя Давида. А Гурандухт — внучка племянника Баграта III. Так что родство получается в восьмом колене.

— Восьмое колено, верно, — подтвердила царица Елена, хотя сама она не вполне уяснила себе, в восьмом или в девятом колене было родство, ибо думала в ту минуту: «Следует отпустить Русудан в Иерусалим или нет?»

— Ты поняла, Мзисавар, зачем я спрашиваю тебя об этом?

— Как не понять, государыня.

— Прекрасна дочь Орбелиани, Мзисавар, безобидна и скромна, благочестива и кротка, но многие беды готовит моему сыну этот брак, это родство. Ведь и тебе рассказывал монах Козман, что Бархиарок стремится заполучить в жены Дедисимеди. Да и вообще, не принесет Багратионам добра родство с Багуаш-Орбелиани.

— Правда, государыня... Чкондидели называет Дедисимеди лилией, но еще никогда не расцветали лилии на кусте шиновника.

И, помолчав немного, добавила шепотом Мзисавар:

— Вероятно, и о том рассказывал тебе Козман, что на рождество приглашают они царя в Липаритис-убани, чтобы там отдать гостя в руки Кербоги, военачальника Бархиарока.

Царицу Елену ужаснуло это известие. Ничего подобного не говорил ей монах Козман.

— Нет, Мзисавар! Я не отпущу Гванцу из Гегути всю эту зиму, и царь Давид не поедет на рождество в Триалети. «С глаз долой, из сердца вон», — гласит поговорка. Красавица Гванца очарует юношу царя, я уверена в этом...

— Вероятно, затоскует царь, а любовь — утеха опечаленному сердцу... — заключила Мзисавар Шервашидзе, сама никогда не знавшая любви.

ДВОЙНОЙ КРЕСТ

— Правду говоришь ты, августа, — сказала царица Елена зловке своей Мариам, — тяжело монахине-царице Русудан

быть столь близко от возлюбленного своего первенца и не видеть его...

Слезами наполнились глаза обеих цариц, растрогались также сидевшие у ног их Ката и дочь Шервашисдзе Мзисавар.

Дедисимеди и Гванца вошли в опочивальню. Царица Елена, отвечая на приветствие, поцеловала обеих. Дедисимеди подошла к матери своей Ката, а Гванцу царица Елена взяла за локоть, поцеловала еще раз в щеку, посадила себе на колени, гладила девушку рукой по волосам, а другой рукой отирала слезы с лица. Удивленно взирала на все это Дедисимеди, не в силах постичь: о чем же плакали царицы?

Наконец Мариам сказала так, чтобы было слышно Дедисимеди:

— Правда, нынче дорога, ведущая в Иерусалим, не безопасна от сельджуков, но в Константинополе есть доверенный человек султана Никеи, амир Абд-эль-Вахид, я напишу ему, а он в свою очередь пошлет письмо амиру Неджим Эддин иль-Гази.

— А кто такой иль-Гази? — спросила Ката.

— Амиру иль-Гази отдал султан Малик-шах во владение Иерусалим, — ответила Мариам.

Царица Елена отерла слезы платком. Она поняла, что столь открытое предпочтение, оказываемое Гванце, может возбудить подозрение в душе Дедисимеди, и, погладив еще раз по волосам дочь такверского эристава, сказала:

— У меня на коленях выросла эта девочка.

И все же удивленно смотрела Ката на эту ласку. Липарит и Рати не посвятили ее до конца в свои замыслы, они считали, что не следует доверять женщине тайну; письма, присланного Бархиароком, не видела она вовсе. Слова, сорвавшиеся с уст Рати на пиру, она приняла за пьяную похвальбу. Поэтому думала она простодушно, что в сочельник и в самом деле состоится обручение.

Приезд Гванцы и ласки, расточаемые ей, заставили призадуматься дочь Дукисдзе. Вспомнились ей и нашептывания Козмана: будто бы переменили намерения царицы Елена и Мариам, теперь уже Гванцу прочат они Давиду в жены.

Ката встала и вышла в гостиную палату. Глядя в окошко на рнонские луга и заросли, она размышляла:

«Эх, старая Хорешан, слепая кротиха, где был мой разум, когда я решила послушаться совета такой темной женщины, как ты? Почему не упала подо мною лошадь, когда я везла свою дочь на торжество коронации?»

Упряма была супруга Липарита. Как? Уехать из Гегути ни с чем? Да ведь это значит опозорить девушку перед всем светом!

В гостиную палату забрел монах Козман.

— На завтра готовят лошадей, — сообщил он Кате.

— Ну, время ли сейчас уезжать? Отыщи сейчас же Липарита; он, кажется, играет в нарды с царем Георгием.

Уже в третий раз вынужден был отложить свой отъезд триалетский эрстав.

«За эти три дня многое выяснится, — думала Ката. — Русудан отсылают в Иерусалим, эрстав Шаман не нынче-завтра уедет в Таквери; посмотрим, увезет ли он с собою Гванцу? Если девушка останется здесь, то, значит, права Мзисавар Шервашидзе: наверное, уговорились царица Елена и архиепископ Антоний после отъезда Русудан в Иерусалим женить царя Давида на Гванце. На этот раз и Номоканон не будет препятствием. И хотя Гванца — правнучка артануджийских Багратионов, родство в девятом колене не помещает бракосочетанию ее с Давидом».

Но и через три дня не удалось Кате разрешить свои сомнения, ибо отъезд Русудан встретил некоторые препятствия.

Бывшая царица отказалась от сокровищ, привезенных из Аниси в качестве приданого. В Гегути оставляла она драгоценнейшие златотканые, усеянные камнями одежды, вышитые жемчугом шапочки и обувь, золотые резные иконы, серебряные зеркала и золотую посуду — блюда, тарелки и ложки, иранские чаши золотого чекана, серебряные жемские кольчуги и серебряную же конскую сбрую, золотые канделябры и эмалевые иконы, золотые серьги, украшенные громадными рубинами и изумрудами, что в течение столетий носили потомки армянских династий Багратуни и Арцруни.

Единственное сокровище просила она дать ей в дорогу — крест из животворящего древа, сопровождавший в войнах царей из дома Багратионов. В тот год, когда кутаисские сокровищницы были разграблены сельджуками, этот крест был спасен монахом Анфимозом, тайно увезшим его на осле в переметной суме и хранившим его три года в подземельях горы Хомли, в Сатаплии.

Это был боевой крест высотой не менее пяти локтей, весь усеянный рубинами, смарагдами и жемчугами. Он был заключен в ковчежец крестообразного же очертания. Ковчежец был тоже украшен и тоже сделан из животворящего древа. Сто сорок крупных изумрудов украшали его, более сотни

рубинов, столько же нишабурских жемчужин, крупные сапфиры и алмазы окаймляли его по краям.

Этот крест был во много крат драгоценнее, нежели тот, что был послан Георгием I через католика Мелхиседека эриставу Чнаберу. Он хранился постоянно и неизменно в Гегути, ибо Георгий II нерушимо верил в его победоносную силу.

Баграт IV Куропалат не раз за время своих постоянных войн брал этот крест с собою в сражения. Парцхисскую победу приписывал силе этого креста царь Георгий II.

Царь Георгий был весьма расположен к Русудан, высоко ценил эту «благочестивую и добродетельную» женщину, как он ее называл, но отдать ей крест не решался.

Антоний Кутанский, услышав о просьбе Русудан, тотчас же приехал в Гегути и, оставшись наедине с Георгием, сказал ему:

— Можно ли, великий государь, выпускать из пределов царства столь чудодейственную святыню — и в такое время, когда неверные нападают на нас со всех сторон. Войско наше утратит победоносность, государь!

Но накануне ночью единогласно постановили обе царицы и оба царя: дать чудодейственный крест паломнице Русудан, едущей поклониться гробу господню. Поэтому Георгий ответил архиепископу:

— Отчего ты так взволновался, преосвященный? Крест посылаем мы в Иерусалим, а не в Мекку, не правда ли?

Антоний Кутанский опустил голову и сказал:

— Сельджуки грабят на иракских дорогах паломников-христиан, что, если ратники амира иль-Гази преградят путь бывшей царице?

Царь рассмеялся и ответил:

— Ну, это уж ты сказал нехстати, Антоний. Сколько раз этот крест брал с собою на войну Баграт Куропалат, и мне он трижды даровал победу, — почему же именно сейчас попадет он в руки агарян? Если образ Иверской богоматери приплыл по морю из Никеи к Афонской горе, ужели царица Русудан не довезет чудотворного креста до Иерусалима?

Антоний смолчал, ибо всякое, самое легкое возражение против такого довода могло показаться кощунством в устах архипастыря.

Если повествование мое еще не прискучило тебе, мой читатель, ты убедишься в дальнейшем, что крест этот благополучно был доставлен из Хупты в Константинополь, несмотря на тогдашние смутные времена, а потом из Никеи, по ирак-

ской дороге, его провезли через владения сельджуков, — все это, разумеется, благодаря письму императрицы Мариам, ибо она была предметом вожделений как султана Никеи Килирджи-Арслана, так и его доверенного человека в Византии, амира Абд-эль-Вахида, да и владетель Иерусалима иль-Гази наслышав был о красоте вдовы двух греческих императоров.

Грузинские монахи сберегли этот крест во времена неоднократных разграблений Иерусалима, а под конец франкские крестоносцы привезли животворящий крест в Париж, где с большим торжеством воздвигли его на лбу Сен-Дени в маленькой базилике, на фундаменте которой позднее был выстроен собор Notre-Dame.

Архиепископ Кутаисский утверждал усердно, будто эта святыня была сделана из дерева того самого креста, на котором распяли «господа нашего Иисуса». При взятии Иерусалима персами в 614 году Хосрой получил его в числе военной добычи. Потом император Иракий, отвоевав Иисусов крест, сам взвалил его себе на плечи и с большим торжеством вознес на Голгофу.

По словам Антония Кутаисского, христианские государи поделили между собою святой крест, и из доли, доставшейся Грузии, был сделан тот крест, о котором идет здесь речь. Столь бесценное сокровище собираются послать за море! Решение это послужило для Антония главным доводом против Давида: он утверждал, что Давид отвратился от веры.

Молниеносно разнесли эту весть по всему царству монахи, епископы были оскорблены, и все же решено было отправить крест с Русудан в Иерусалим.

По повелению царя Георгия хранитель царских сокровищ передал бывшей царице на дорожные расходы две тысячи дирхемов, семь литр золота, пять икон золотой чеканки, украшенных алмазами и рубинами, семь образов нагрудных, усеянных яхонтами.

Императрица Мариам от себя дала Русудан на дорогу тысячу ботинатов и три золотые иконы; семь прислужниц отправились с царицей-инокиней, три постельничих монаха и горничная ее Лаклака.

В субботу императрица Мариам и царица Елена отправились в Сохастери с большой свитой; с ними были Ката и Мэисавар Шервашидзе. Царевича Деметре взяли они с собой, чтобы показать его на прощание матери. В пустом хра-

ме, коленапреклоненная перед алтарем, встретила гостей инокиня Рипсимия, в миру Русудан. С нею была лишь одна послушница, зажигавшая свечи перед иконостасом.

Когда царницы вступили в храм, Елена держала царевича Деметре на руках. Слепленный блеском свечей ярко освещенного храма, испугался младенец и заплакал.

Услышав его голос, встала монахиня и, согбенная, жалкая, направилась неверным шагом; словно лунатик, к женской половине.

Бабушка поставила мальчика на кирпичный пол храма. Когда дрожащие руки женщины в черном коснулись малыша, он еще сильнее разрыдался, ухватился ручонками за бабушкин подол.

Монахиня простерлась ниц на полу и воздала почесть по ревнчу.

Царицу и ее свиту до слез потрясло это зрелище. Инокиня отвязала от кушака гишеровые четки и дала их мальчику. Лишь после этого позволил приласкать себя маленький царевич, розовые пальчики его забегали по увядшим от печали и слез щекам матери.

К бывшей супруге царя подошла игуменья и произнесла строгим голосом:

— Теперь довольно печали, сестра Рипсимия.

И, сказав это, она взяла твердой рукой из рук инокини мальчика и передала его царице Елене. Потом та же рука протянулась к чудотворному кресту, что держал неподалеку постельничий монах, и передала его Русудан; при этом игуменья сказала громко:

— Возьми же сей крест животворящий, сестра Рипсимия, и отнеси его ко гробу господню.

В Гегутском дворце еще долго после этого шептались приближенные, говорили: царица Русудан взялась нести ко гробу господню двойной крест. При этом под вторым крестом разместили не ковчег крестообразного очертания, в котором был заключен крест животворящего древа, а горькую судьбу бывшей царицы и ее неугасимую любовь к царевичу Деметре.

ДРЕССИРОВЩИКИ ЗМЕЙ

Станным образом переменилось расположение духа царя Давида. Возможно, что причиною тому был приезд Джонди.

сына эристава Шамана. Нианию Бакуриани напоминал царю своими повадками молодой такверский эристав. В тесной дружбе сошлись Давид, Дедисимеди, Гванца и Джонди, к ним примкнул и Махара со своими псеводами, удочками и птичьими сетями.

Было то время года, когда обычно прошлогодние, переживавшие соколы, кречеты и кобчики Махары меняли оперение и безбородый ловил новых в Аджамети. Делал он это так же серьезно и прилежно, как Георгий Чкондидели занимался государственным управлением.

Зачастую трех птиц одновременно вынимал Махара из клеточки; одну сажал себе на голову, двух других — на руки. Пока у этих трех он удалял пух из-под крыльев, остальные, прирученные, послушно сидели на ветвях яблони, сердито глядели желтыми глазами и ожидали призывного свиста своего повелителя, — как хорошо выезженные лошади, что убегают от конюха на недалекое расстояние и оттуда, изящно изгибая шею, оглядываются на хозяина и, красуясь, кивают ему головами.

Дедисимеди и Гванца, словно дети, повсюду бегали за Махарой.

После того как Махара, покормив птиц, переменяв иным ремешком на лапе, поставил масляные клистиры тем, что были че в духе, размещал их по клеткам, на арене появлялся Джонди. Не забудем, что Джонди и сам походил на хищную птицу; он был низколоб, с высокими скулами и горбатым носом; адамово яблоко выдавалось далеко вперед на длинной шее, голова обрита наголо, уши заострены, как листья вяза. Таков он был обычно; а одетый в стальную кольчугу цвета ржавчины напоминал ястреба. У него были широкие, слегка сутулые плечи, мускулы вздувались узлами на длинных руках, ноги он ставил косо и вообще все туловище его было вылеплено подобно барельефным изображениям, тесанным из камня старинными мастерами.

Друзья садились вместе в плодовом саду, Джонди выходил на середину и изображал ястреба таким, каким бывает этот хищник, когда, проглотив слишком большой кусок, вытягивает шею, раздувает зоб, пригибается, ероша крылья, и испуганно вращает желтыми глазами.

А вот, измученный жаждой, просит ястреб господ бога о дожде. Раскинув длинные руки, Джонди делает вид, будто парит в воздухе. Сначала лениво описывает один-два круга,

а потом вдруг оглашает окрестность истошным криком, какой иногда в знойный день доносится с неба.

— Архиепископ кутаисский, оказывается, сказал о тебе, Джонди: вот еще одним шутком больше стало в Гегути, — говорит ему Махара. — А ну-ка, покажи, как кушает Антоний!

Джонди садится на пень. Обеими руками мечет он себе за щеки воображаемую пищу и глотает так же быстро и жадно, как ястреб.

Тут Махара кричит своему новому ученику:

— А теперь покажи, как возглашает ектенью преосвященный Антоний!

Джонди вскакивает, щуря глаза, надувает щеки, поводит глазами, словно призывая из лесу чертенят, и, опустив книзу складчатый подбородок, поет скороговоркой:

— О мире всего мира миром господу помолимся!

— Никогда не видел я, чтобы двое людей так походили друг на друга характером, как Нианна и Джонди, — говорит Гванце царь.

— В Таквери он всегда проказничал, но не думала я, что он так осмелеет во дворце, — отвечает Гванца.

Потом друзья идут посмотреть зверей царя Георгия, запертых в клетках и в загонах.

И тут каждого в отдельности передразнивает Джонди — рысь, волка, кабануху, которую вместе с поросятами изловили прошлой зимой по велению царя Георгия, бурого, как папоротник, медведя и попугаев, привезенных из Исфагана.

— А ну-ка, передразни барсука, Джонди, — говорит Махара.

Джонди молчит, прищурился глаза.

— Плохо. Нианна передразнил барсука гораздо удачнее.

Мастерски воспроизводил Джонди повадку рассерженного сановника, надменного епископа, царского домоправителя с посохом, старшего стольника Гегутского дворца, постоянно жующего смолку, и Мартию Удзилу, знатока лошадей, о котором сказал Махара, что достаточно Удзиле взглянуть на помет коня, чтобы определить его породу.

Но более всего высмеивал Джонди начальника челяди Бежана Коджихисдзе: вытягивал шею, как тот, и вращал белками выпученных глаз.

Давид смеялся вместе с другими от всего сердца; отдыхал душою, вспоминая проказы недавней своей юности.

Переменилось и его отношение к Дедисимеди. Если в

прошлом году при других он не смел глаз поднять на свою нареченную, то ныне он не считался более ни с царем Георгием, ни с семьей Липарита — ни с кем, кроме царицы Елены.

Часто сидели они вместе — Давид, рядом с ним Дедисимеди, по обе стороны — Джонди и Гванца. Царь рассказывал друзьям о какой-нибудь проделке Нианни Бакуриани. Но случалось зайти к ним царице Елене, и Давид вставал тотчас с места и умолкал.

Рано утром приказывали они седлать лошадей, брали с собою Махару с его рыболовами и отправлялись ловить рыбу на Риони, иногда же растягивали большие птичьи сети между двух дубов, где-нибудь у опушки лесного починка, и следили, как запутывались в сетях стайки птиц.

В тот самый день, когда царицы отвезли в Сохастерийский монастырь царевича Деметре, Давид велел оседлать пять лошадей, собираясь в Сатаплию с Дедисимеди, Гванцей, Джонди и Махарой. Свиту он решил не брать, приказал только двум конюхам быть наготове.

Уже с утра разузнал об этом монах Козман, тотчас донос Липариту и Рати: царь собирается везти Гванцу и Дедисимеди в Сатаплию.

Никто из семьи Липарита не проронил ни слова в ответ. Изумленно взирал монах на триалетского эристава.

Как курильщика опиума медленно окутывает опьянение, проникая в жилы, застилая сумерками глаза и сгоняя краску со щек, так и Липаритом постепенно овладевал гнев. Сначала проступил у него румянец на скулах, потом покраснели кончики ушей, словно петушиный гребень.

А Рати взглянул на Козмана разгневанно, как будто монах был виноват в том, что царь Давид вез его сестру в Сатаплию веселиться.

Заметив, что выпущенный им яд не оказал большого действия, монах попытался объяснить сыну эристава, что такое Сатаплия.

— А это — некий вертоград блуда, куда еще в прошлом году таскался Нианни Бакуриани с куропалатисой Мелитой, а в старину царь Баграт Куропалат возил блудных девок и молодых жен престарелых эриставов.

Опершись локтем о колено и подперев подбородок кулаком, сидел эрстав Липарит в кресле. Ястребинный взор его был неподвижно устремлен в пространство.

Монах испугался, как бы не сорвал на нем свою ярость разгневанной Орбеллани, и тихо выскользнул из палаты.

Когда конюхи провели под окнами дворца пять оседланных лошадей, Рати, только что вставший с постели, еще не был одет по-дневному, а Липарит поднимался в эту минуту по лестнице, собираясь войти к царю Георгию в опочивальню. Давид взял у одного из конюхов поводья Сквитии, проверил узду, намордник, оглядел нагрудник и подпруги, приказал конюху подтянуть стремяна и только после этого осмотра сам подвел кобылицу к Дедисимеди.

Липарит подумал: «К царю Георгию все равно уже поздно идти жаловаться; не лучше ли обратиться к Давиду, авось удастся убедить его самого?»

Повернув обратно и сойдя по ступенькам лестницы, эристав подошел к царю и спросил почтительно:

— Эта лошадь — Сквитиа, не правда ли, государь?

Как будто в самом деле не знал, какая это была лошадь.

Царь повернулся и ответил коротко:

— Да, это — Сквитиа, эристав.

Липарит запнулся и с трудом выдавил сквозь зубы слова:

— Боюсь, как бы не причинила девушке вреда горячая лошадь.

— Мои лошади более покорны мне, нежели иные из моих эриставов, — сказано было в ответ резко и сухо.

Липариту показалось, что земля закачалась под ним, словно от землетрясения. И все же сдержался эристав, проглотил вертевшиеся на языке слова: «Но ведь я — отец этой девушки!»

Джонди и Гванца в это время разговаривали с Махарой. Дедисимеди мельком взглянула на отца: лицо у него было жалкое, как у старца, сознающего собственное бессилие.

— Садись! — почти приказал царь Давид Дедисимеди.

Лицо девушки радостно засияло, она оперлась рукой о плечо Давида и с юной легкостью вскочила в седло.

Рати не мог вынести этого зрелища, он отошел от окна, чтобы, по крайней мере, не видеть, как скакала «проклятая девчонка» на кобылице, которая осрамила некогда его, прославленного рыцаря и наездника.

Объятый яростью, упал он ничком на постель, клялся всеми святыми отплатить сторицею царю и сестре за такое унижение.

Всадники поскакали вверх по Риони; царь был одет в

свою обычную кольчугу цвета ястребиного крыла, на голове у него был дедовский кольчатый шлем, низко надвинутый до самого переносья, чтобы никто — ни в пригородах столицы, ни в верхних селах — не признал царя, встретив его на дороге.

Но все же, как только приближались они к деревням, на околицу выходили мужчины и женщины, подносили путникам хлеб и вино на деревянных блюдах.

Непривычно веселым казался девушкам в это утро царь.

— Столь радостным не видела я тебя никогда, государь, — сказала ему Гванца.

— Сегодня я отдыхаю от долгого царствования, — пошутил в ответ Давид.

— А я — от долгого исполнения обязанностей визиря, — сказал Джонди, опустил подбородок, надулся и в самом деле стал похож на Чкондидели.

В тот день царь ехал на своем жеребце и потому остерегался вести его рядом со Сквитней. Резво брал подъемы Кузужай.

Сквитня же сперва не давалась Дедисимеди. Но девушка, хотя и не была опытной наездницей, вскоре подчинила ее себе. Лишь иногда переставала Сквитня слушаться ее руки и носилась далеко вперед, обгоняя других всадников.

Дедисимеди, скакавшая рядом с Джонди, видела, как смело беседовала с царем прекрасная Гванца. Слов не слышала дочь Липарита, но угадывала по лицам, что весьма веселой была эта беседа.

И без того опечаленною поехала она на эту прогулку: впервые в жизни послушалась Дедисимеди отцовской воли. Ясно видела она, как не хотелось Липариту, чтобы она садилась на эту кобылицу. Глазами, полными мольбы, смотрел Липарит на свою дочь. Конечно, не хотелось ему отпускать дочь вместе с царем, да еще куда! — в пресловутую Сатапню. На целый год хватит теперь разговоров гегутским и кузужайским сплетницам.

Липарит не хотел перечить Давиду и потому промолчал. А что скажут Рати и Ката? «Они не видели нашего отъезда, — думала Дедисимеди, — а не то, кто знает, какой бы они подняли шум». Неудачно, неудачно начался этот день — и для чего? Неужели только для того, чтобы она могла наблюдать с поворотов, как Гванца любезничает с ее возлюбленным?

Задумалась Дедисимеди. Может быть, правду говорил

звонарь Микела?.. Нет, она не хочет сейчас вспоминать его слова.

Шутовство Джонди больше не веселило дочь эристава. Но, боже, какие глупости болтает этот юноша!

— Вон, видишь эту гору, у подножия которой берет начало Риони? Эту гору зовут Фасис-мта. Там водятся туры в несчетном числе. А в верховьях Риони я ловил в прошлом году форель. У той форели были красные плавники.

Дедисимеди не отвечала ему. Не все ли ей равно, какого цвета были плавники у форели?

Джонди сложил губы, словно собираясь свистнуть кречета.

— А я люблю... форель.

И спустя мгновение спросил девушку:

— Ты любишь рыбную ловлю?

— Нет, не люблю, — ответила Дедисимеди.

— Охоту?

— Тоже нет.

— Цветы?

— И цветов не люблю.

— А месяц?

— И его тоже.

— Так что же ты любишь?

— Ничего.

— !!! И никого?

— Никого, — ответила девушка, улыбнувшись.

Джонди надул щеки и стал поразительно похож на Антония Кутаисского.

Дедисимеди почувствовала неловкость: не обиделся ли Джонди? И по очереди задала ему его же вопросы.

— Нет, теперь я разлюбил и форель, и охоту, и цветы, и месяц, но... — сказал Джонди.

— Но что? — спросила девушка.

— Но... — Теперь Джонди стал передразнивать зайку, заморгал ресницами, как косноязычный, когда он не может произнести слово, и закончил тоном читающего молитву епископа: — Но если бы меня полюбила дева, прекрасная, как ты, — дай бог тебе радости, дочь эристава, — я полюбил бы снова и форель, и цветы, и полный месяц.

— Я вовсе не так прекрасна, как тебе кажется, Джонди. Я слышала, что в Таквери у вас немало красавиц, правда ли это?

— Много, но что из того?

— И никто из них тебя не полюбил?

Джонди пошевелил правым ухом.

— У девушки не спрашивают, каков ее выбор. Понравится мне кто-нибудь в Такверском замке — велю привести ее ко мне в опочивальню. Так любили мои предки, так поступаю и я.

Дедисимеди понравилась его откровенность, и она сказала:

— А вот я, например, не люблю тебя, Джонди. Что же ты и меня похитил бы, если бы я приехала в Таквери?

— Похитил бы, — ответил тот и улыбнулся.

— А теперь скажи мне, Джонди, что бы ты сделал с тем, кто отнял бы невесту у царя Давида?

— Спустил бы с него шкуру, клянусь душою моей матери!

— Ну, так знай, Джонди: я считаюсь невестою царя Давида.

Джонди покраснел, приблизил своего коня к лошади Дедисимеди и сказал:

— Прости мне глупую шутку, дочь эристава, не прими ее за оскорбление.

— Не беда, Джонди, я тоже пошутила с тобой, — мне ли, недостойной, взойти на трон об руку с царем Давидом?

Растерялся Джонди, не мог понять, что из сказанного Дедисимеди — правда, а что — балагурство. Он свернул язык трубочкой и засвистал по-соловьиному.

Подъем остался позади. Джонди прискучило шутовство. Настоящие соловьи свистели в рощах. Дочь Орбелиани вспомнила те счастливые дни, когда вдвоем с любимым слушала она в Липаритис-убани соловьиные трели. Ни дворцовые сплетни, ни страх перед родителями, ни докучный Номоканон не мешали тогда их блаженству.

Издали царь заметил скорбь на лице Дедисимеди. Увлечая за собою Гванцу, он догнал ускокавших вперед и повел коня рядом с дочерью эристава. Теперь скакали впереди брат с сестрою.

— Не упрявилась ли Сквитиа? — спросил Давид девушку.

— Нет, очень смиренная лошадь Сквитиа. Говорят, это ты объездил ее, государь?

— Да, это я объездил ее.

Дедисимеди сказала, улыбаясь:

— Говорят, что даже черта может привести к покорности царь Давид.

Усмехнулся царь, не мог понять, что разумела Дедисимеди под этими словами.

— На днях я была с императрицей Мариам в Моцаметском монастыре, — сказала Дедисимеди. — Жажда томила меня, и звонарь Микела повел меня к роднику. В стене пещеры я увидела глиняную трубу, из которой капала вода. Звонарь Микела уверял меня, что из этой трубы выглядывает иногда нечистый. Я наклонилась, заглянула, но черта не увидела.

— Нечистый? — переспросил царь. — Откуда в роднике быть нечистому?

— Рассказывал звонарь, будто однажды вечером царь Баграт Куропалат, еще когда он был царевичем, возвращаясь с охоты, встретил по дороге черта, вступил с ним в борьбу и одолел нечистого духа. Черт оборотился мулом, а царевич надел на него узду и привел в монастырь. На другой день монахи заметили его там и удивились — почему пасется мул в узде? Сняли с него узду. Тогда мул снова оборотился в черта и спрятался в глиняной трубе.

Давид молчал; конь его споткнулся о камень, и царь прикрикнул на него. Дедисимеди снова взглянула на царя, но шлем спускался до самых его скул, и девушка не могла уловить выражение его лица.

Оба молча ехали под гору по проселочной дороге.

Царь спросил, почему печальна дочь эристава.

— А какие у меня причины быть веселой, государь?

— Я уже говорил тебе однажды: я — твой нареченный, а не государь и не повелитель.

Вздыхнула девушка:

— Весь мир ополчился против меня, — или не видишь ты этого сам, государь? И мои близкие, и твои приближенные, и кутаисский архиепископ, и придворные дамы обоих дворцов — все твердят в один голос; будто бы новую невесту для царя подыскала Мзисавар, дочь Шервашисдзе.

— Кого же? — спросил Давид.

— Ты догадываешься, наверное, сам, государь.

Давиду показалось: Дедисимеди изменилась в лице за эти дни. Губы потеряли яркий цвет, вокруг глаз появилась легкая синяя тень.

Захотелось приласкать ее, утешить. Совсем близко к девушке подъехал Давид, потрепал рукой по нежной щеке, возле уха, где золотистые пряди, завивавшиеся в колечки, словно побеги лозы, шевелились под дуновением ветерка.

— Ты разумеешь, вероятно, Гванцу, — сказал царь, — но мы с нею выросли вместе, да и кроме того...

Дедисимеди натянула поводья и с не свойственной ей нетерпеливостью перебила царя Давида:

— Говорит дочь Шервашидзе: во всем Грузинском царстве не найдется девушки, которая сравнилась бы красотой с Гванцей. Царская кровь течет в ее жилах, и, что самое важное, она — дочь эриставов, от века верных престолу...

Последние слова произнесла Дедисимеди с затруднением. Тень пробежала по ее лицу, она опустила веки и добавила:

— Все это — непреложная истина, государь, точно так же думаю и я сама.

— Ты не печалься, Назо, — сказал Давид. — Разве спрашивает царь у дворцовых старых дев, на ком ему жениться? Гванца — из рода артануджийских Багратионов, она состоит со мною в кровном родстве.

— Если бы даже и так, — дрогнувшим голосом сказала Дедисимеди, — опасность грозит тебе, государь. Поэтому я еще и еще раз умоляю тебя, не приезжай к нам в Триалети, откажись...

Горькая улыбка промелькнула на устах царя.

— И опять-таки ты не печалься об этом, Назо. Никто не может помешать мне ездить, куда я хочу, по моим владениям!

Давид заметил: увлекшись беседой, свернули оба с проселочной дороги. Дикие черешни цвели на лужайках, залитых солнечным светом.

Куджай и Сквитна шли по тропинке так тесно друг к другу, что стремяна всадников соприкасались. Давид обвил рукою плечи девушки, притянул ее к себе и поцеловал ей кончик уха.

— Ни о чем не печалься, любовь моя. Если я, как ты сказала сама, могу привести к покорности нечистую силу, то и врагов моих ждет та же участь.

Дедисимеди внимательно взглянула на царя и сказала:

— Я прошу тебя все же еще раз, не приезжай в Триалетское эриставство, а я, если хочешь, сама убегу из дому в Ластисцихе.

— А что тебе нужно в Ластисцихе?

— Это — замок мамки моей Хорешан.

Царь помолчал, и Дедисимеди приняла его молчание за знак согласия. Соловьи свистели вокруг них; и вновь припомнилось печальному сердцу Липаритис-убани...

— Едем вперед, — сказал Давид.

Дедисимеди это было неприятно. «Хочет догнать Гванцу», — подумалось ей.

— Они поехали проселочной дорогой, а мы проедем полями, — сказал царь, и обрадовалась девушка.

Пришпорили лошадей. Дедисимеди пустила Сквитию по ее воле.

Проносились мимо них прекрасные великаны-дубы, в течение трех веков ни разу не слышавшие звука топора, ели, окутанные ползучими растениями, и любимые деревья царя Давида — дзелквы.

Внезапно переменяла свою одежду природа, дорога побегала среди лесов, обугленных огнем.

— В детстве моем сотни раз ездил я этой дорогой, но никогда не видел сожженного леса, — сказал царь Давид.

— А кто сжег этот лес?

— Молния. В этом лесу стояли такие могучие дзелквы, что девять человек, взявшись за руки, едва могли обхватить их стволы.

Несметное множество белых пчел облепило отвесные скалы горы Хомли, другие роились в воздухе, как снежинки в метель. Пчелиное жужжание наполняло воздух.

Одна за другою взлетели стаи куропаток, укрылись в скалах такого же цвета, как они сами. Радовался юноша, глядя на птиц. Сказал Дедисимеди:

— Махара помогал нам с Нианией убежать из дворца: здесь мы убивали куропаток, разводили костер, и старик рассказывал разные разности. Потом мы с Нианией состязались — кто взберется выше вот по этим тропинкам на гору.

Давид привязал лошадей, еще ниже опустил на лицо забрало шлема.

— На пасечника с сеткой на лице похож ты, государь, — пошутила девушка.

С юношеской резвостью царь стал взбираться вверх по громоздившимся один над другим ярусам камней.

Дедисимеди дрожала от страха. Наконец пасечник в железной сетке добрался до расселины и снял мечом соты, полные меда. Когда он поднес мед девушке, та удивилась: как не искусали его пчелы? Давид пошутил: пчелы не трогают спокойных и кротких...

Жажда заставила их отыскать родник. Множеством черных бабочек был усеян пестревший цветами луг.

Дедисимеди сказала:

— Видеть черных бабочек не к добру — что-то злое го-

товит нам судьба. Кормилица моя Хорешан рассказала мне: на реке Алгети видела она однажды черных бабочек, словно облако, покрывали они поток. И на другое же утро потеряла зрение несчастная Хорешан. С тех пор двух вещей боюсь я на свете, государь: оспы и черных бабочек.

Давид улыбнулся.

— Ты скажи лучше, чего ты не боишься, любовь моя?

— Я не боюсь ни волка, ни гиены, ни гепарда, потому что не видела их никогда.

— А крыс? — спросил царь и взял ее за подбородок.

По-детски обиженные губы прошептали:

— Да, боюсь крыс, летучих мышей и пауков.

— А скорпионов? — спросил Давид.

— И скорпионов тоже... Словом, многого боюсь, государь. Кормилица моя смеялась надо мной, говорила, что если бы мне повстречались ночью птенцы домашнего фазана, и то бы я испугалась... Такая уж я трусиха, государь! На земле столько зла, столько коварства...

Когда вернулись к лошадям, Дедисимеди почувился какой-то неприятный запах.

Царь догадался, что это за запах, но не сказал девушке.

— Это запах старого меда, — успокоил он дочь эристава.

Тем временем подъехали остальные.

Едва успел спешиться Махара, как, поведя носом, сказал царю и Джонди:

— Ветерок доносит запах неназываемого¹.

— Да нет, не змеей, а медом здесь пахнет, — сказал Джонди.

Царь спросил Гванцу:

— Ты не боишься черных бабочек, Гванца?

Гванца не поняла, почему был задан этот вопрос.

— Черных бабочек? Нет, я ничего на свете не боюсь.

— А гиены?

— Ни гиены, ни волка, ни гепарда. Я ходила с Джонди на охоту в Таквери.

Джонди засвидетельствовал: прекрасно стреляет из лука Гванца. Трех туров убила она в сванских горах.

Попробовав меду, все пятеро отправились к роднику. Кошохов оставили при лошадях.

Гванца поймала несколько черных бабочек, посадила их

¹ Существует обычай не называть змей, скорпионов и проч.

себе на плечи и на голову, одну взяла в руку — пугала ею Дедисимеди, а сама весело смеялась.

Махара снова повел носом, лицо его сморщилось. Он достал тростниковую свирель и заиграл на ней приятную мелодию.

Оглядел Махара скалы цвета куропатки, и улыбка осветила его лицо, глаза купоросного цвета засветились.

Давид прислушивался к мелодии, вспоминал свои детские годы; здесь учил его безбородый, как вызывать затаившуюся змею.

Давид попросил гостей немного помолчать.

Не прошло и минуты, как у края скалы колыхнулись сухие сучья бузины. Огромная змея, цветом не отличимая от скал, скользнула навстречу им. Голова и шея змеи были отвесно подняты и гордо покачивались в воздухе.

Дедисимеди побледнела, испугалась и Гванца. Джонди огляделся: поблизости не было камня. Тогда он стал перед девушками и вытянул меч из ножен. Он тоже боялся змей.

Махара положил свирель в карман, наклонился над головой ползучего гада, приложил кулак ко рту и начал нашептывать. Потом схватил змею за шею, изогнул ее кольцом, продел руку в петлю и стал раскачивать, а потом осторожно опустил змею обратно на землю. Подмигнул Давиду:

— Ну, теперь твоя очередь.

Когда царь, безоружный, приблизился к пресмыкающемуся, вскрикнули в страхе Гванца и Дедисимеди. С трудом удалось Махаре удержать Джонди на месте.

— Теперь начинается дрессировка, — сказал он.

Змея подняла голову и поползла к скале. Волнообразно извивалось ее гибкое тело. Давид догнал гада и движением руки, каким берут раскаленный уголь, схватил змею тремя пальцами за хвост, поднял в воздухе и трижды встряхнул.

Все поспешили к скале. В траве беспомощно лежало змеиное тело.

— Что ты сделал с ней, государь? — спросила изумленная Гванца.

— Сломал позвоночник, — ответил за царя безбородый. И лукавая улыбка скользнула в глубине его купоросных глаз.

Солнце склонилось к западу.

Вновь оседлали конюхи лошадей. Царь подвел к Дедисимеди, вместо Сквитии, спокойного мерина: ночь могла застигнуть всадников на дороге, Сквитиа была пуглива в тем-

юте. Гванца попросила разрешения сесть на половецкую кобылицу.

Когда, помогая ей вскочить в седло, царь подхватил под мышками высокогрудую Гванцу, покраснела девушка, смутилась и схватилась обеими руками за луку седла.

Не проехали и полдороги, как в темных кустах прошелестела лисица. Сквитиа испугалась, понесла Гванцу под гору. Махара, Джонди и оба конюха пустились вдогонку.

Царь огорчился, но, чтобы не покинуть Дедисимеди, догнал ее и укоротил повод так же встревоженного Куджая.

Смеркалось. Когда достигли сожженного леса, заметил царь, что грусть овладела Дедисимеди. Молча сидела она в седле, крепко вцепившись обеими руками в поводья.

Рухнувшие дзелквы были раскиданы по лесу, словно трупы дэвов. Обгорелые пни казались девушке зверями, приготовившимися к прыжку. Плетни осота, обвившиеся вокруг сухих сучьев, представлялись ей мертвыми змеями.

Все чаще и чаще слышались крики ночных птиц. Ночь воцарялась в лесу. Возле дороги мякнула рысь. Где-то закричал олень, убегавший от волка и свалившийся с обрыва. Дикие кошки подняли возню возле дороги, фосфорические глаза их мерцали в колючем кустарнике.

Кони ржали все чаще и тревожней. Давид старался вести Куджая как можно ближе к мерину, на котором ехала Дедисимеди; как только ее лошадь выказывала признаки тревоги, Давид протягивал руку к поводьям. Стремена их соприкасались.

Лес уже поредел, месяц взошел на голубино-сизом небе.

Давид увидел: совсем изменилась в лице Дедисимеди. Он взял ее за запястье; рука девушки была холодна как лед.

Охотничья хижина стояла под высохшим дубом. Царь соскочил с лошади, снял с седла, словно дитя, дочь эристава.

— Мне страшно, — жаловалась она, дрожа. Ей повсюду мерещились мертвые змеи.

Дверь хижины оказалась запертой на замок.

Царь посадил Дедисимеди под дубом, присел рядом, обнял ее за плечи. Прижавшись к сильной мужской груди, девушка дрожала, как ивовый листок.

Давид успокаивал ее.

— Эта змея, что убили давеча, напугала меня, — жаловалась девушка.

Давид погладил ее по волосам и сказал:

-- Главное в том, чтобы победить страх, а после можно схватиться хоть с чертом.

Дедисмеди подняла глаза на царя. Теперь она убедилась окончательно: правду говорил звонарь Микела, когда рассказывал, что царь одолел сатану, и опять взглянула она в лицо рыцарю в кольчатом шлеме. Странно-чуждым показался ей этот человек. Что-то жестокое было в его взгляде. Давид уже не был похож на того веселого юношу, который шутил, забавлялся и «отдыхал от царствования» в этот памятный день.

— Что с тобой, Назо? — спросил ее царь.

— Мне страшно, я боюсь тебя, государь, — сказала дочь эристава.

Тогда царь снял с головы шлем. Лунный свет изменил выражение его лица. И когда сильные мужские руки сжали в объятиях трепещущий стан девушки, исчез в ее душе тягостный страх перед таинственным.

Кончился лес. Давид первым заметил на пригорке фигуры четырех всадников. «Значит, Гванца удачно отделалась» — подумал он, но ничего не сказал Дедисмеди.

Они пустили лошадей галопом, чтобы догнать уехавших вперед спутников. Улыбалась дочь эристава: луна разогнала видения ночного леса. Мимо них неслись тополя, похожие при лунном свете на зажженные свечи. И хотелось дочери Липарита Орбелиани скакать так вперед до самого края земли.

Счастливым близостью любимой, с радостной душой погонял Давид коня по этой устланной шелком лунного сияния дороге, которую предстояло ему вспоминать всю жизнь, как очарованный полет в блаженном Элизиме.

В воскресенье снарядили в Иерусалим Русудан, во вторник проводили Липарита с его семейством, а в среду прискакал гонец из Хупты. Домоправитель Христопольского дворца сообщал императрице Мариам, что враги Алексея Комнена запутали в дворцовые интриги Константина Порфирородного. Получив это известие, немедленно пустилась в путь Мариам. Царя Давида Георгий Чкондидели вызвал в Уплисхихе.

Опустел Гегутский дворец. Из гостей в Гегути осталась лишь Гванца. Джонди по приказу Давида должен был вернуться из Такверн через неделю. В обоих дворцах это повеление вызвало большие пересуды. Придворные полагали, что царь Давид назначил юного эристава Джонди предводителем такверской дружины.

СМЕРТЬ ДВОИХ

Долго готовился царь Давид, чтобы закрепить за собою Триалетское эриставство. Кирион, епископ манглисский, извещал: Липарит Орбелиани тоже точит свой меч, спешно чинят и отстраивают Клдекарскую крепость, завершили возведение стены вокруг Липаритис-убани, а Рати исчез неизвестно куда — то ли отправился в Кахети, то ли поехал в Армению к сарангу Кербоге.

Понимали прекрасно и царь Давид и Георгий Чкондидели, к чему стремились сельджуки. Кахетинские цари подпали под их влияние. Дзаган, владетель Зедазени, уже дважды нападал на крепость Мухрани, но оба раза отразили его царские войска.

Примет ислам эристав Липарит, переманит на свою сторону тбилисского амира, Дзагана и Квирике, и тогда, если сумеют сокрушить с помощью сельджукского войска уплисискую и цагвлисскую твердыни, возьмут они крепость Тасискари и обойдут с севера месхов, теснимых сельджуками с юга.

12 сентября 1092 года царь Давид выступил в поход из Кутаиси со всем войском, прибыл в Уплисцихе и расположился там лагерем. Посланные в Вагаршапат разведчики наблюдали за движением сельджуков по Армении.

Чкондидели и Шергил Липартиани колебались; царь намеревался вторгнуться в Триалетское эриставство в октябре, но епископ манглисский прислал монаха, отца Анфимоза: Кирион настоятельно советовал ни в коем случае не осаждать Манглиси и Клдекари. «Беспричинное нападение, — писал он, — восстановит против царя коренных жителей Триалетского эриставства». Он, Кирион, и Зосим, домоправитель Липарита, следят за Орбелиани, и недолго придется ждать царю повода, чтобы пустить в ход оружие.

Не прошло и недели, как прибыл гонец из Вагаршапата и сообщил: Бархиарок спешно вызвал в Адарбаган Кербогу с его ратью. Глухие вести доходят из Адарбагана: говорят, будто во всей стране вспыхнуло волнение.

Так сообщил доверенный царя Арамаис Аршаруни.

Давид оставил Чкондидели в Уплисцихе, отослал Шергила Липартиани в Цагвли, а сам отправился в Гегути с приближенными и сановниками.

В Картли распространился слух, будто царь отправился в Аджамети на охоту.

Октябрь был уже на исходе.

Отъезд Давида, Чкондидели и Липартиани в Картли опечалил царя Георгия. «Собираются воевать», — думал он с грустью.

Когда же Давид в конце октября вернулся в Гегути, Георгий обрадовался; решил, что подействовали его уговоры.

Просил он сына поохотиться в Чкондиди. Но Давиду не хотелось уезжать так далеко, он предлагал удовлетвориться пока охотой в Аджамети.

Утро царь проводил в охотничьей засаде, вечерами же огромные бревна дзелквы трещали в большом камине в Гегути и Давид играл в нарды с прекрасной Гванцей.

Одно только не нравилось царю Георгию: все время юноша царь нетерпеливо ожидал откуда-то гонцов.

20 ноября, после полуночи, прискакал в Гегутский замок гонец.

Джоджики сообщал из Исфагана:

«Месяца Рамадан, 14-го дня, убийца, переодетый в платье суфия, заколол кинжалом великого визиря империи сельджуков Низама аль-Мулька, сопровождавшего из Исфагана в Багдад султана Малик-шаха».

Еще юношею Низам аль-Мульк сопровождал султана Альф-Арслана в набегах его на Армению и на Грузию.

Неожиданно вторгся в Грузию Альф-Арслан, разорил Кангар и Триалети, разослал мародеров по всей стране.

«Азнауры Месхети и Верхней Картли твердо отстаивали Ахалкалаки и сражались три дня. Не было крепкой стены вокруг града сего, и бывшие в нем войска не могли выдержать долгой осады, а потому надели доспехи все, бывшие внутри, и открыли городские врата и, выйдя, схватились жестоко с врагом.

И ворвались во град сельджукские рати и побрали в полон людей христианских без числа. И не только жителей града убивали, но и знатных и великих правителей и эриставов нашего царства. И окрасились кровью воды в реке ахалкалакской, и отправил посла к Баграту IV Куропалату султан Альф-Арслан, дабы породниться с ним, и требовал себе в жены дочь сестры царя Баграта»¹.

Племянница царя Баграта, которую хотел взять в жены султан, была дочерью брата армянского царя Квирике.

¹ «История Грузии».

Баграт IV согласился на брак, но Квирикe, армянский царь, не захотел породниться с султаном.

Тогда царь Баграт отрядил своего эристава Варазбакура Гамрекeли, а тот подговорил знатных армянских азнауров, схватил армянского царя в лесу возле Квeши и привел его к Баграту. «И тогда уступили армяне, и отдали султану дочь брата царя Квирикe».

Эту свою жену султан уступил позднее визирю Низаму аль-Мульку.

Высокоученый визирь всячески старался привить культуру Ирана раздираемой смутами империи кочевников-сельджуков.

Визирь хотел привести в согласие высшую власть султана сельджуков и багдадского халифа. Халифат должен был подчинить своей власти всех малых султанов и амиров империи, простиравшейся от границ Туркмении до Иерусалима.

Золото и серебро, добытые грабежами в провинциях, оторванных от Грузии, Армении, Ирана и Византии, сельджуки израсходовали на бесконечные войны. Семьсот тысяч ратников должен был кормить султан; нужны были новые и новые средства. Оставался не взятый один лишь Константинополь, ибо без флота не могли подступиться к нему сельджуки.

Уже начиная с IX века, византийские императоры, римские папы, христианские государи — короли, герцоги, правители Западной Европы, так же как грузинские и армянские цари, — посылали громадные вклады и пожертвования в иерусалимские монастыри.

Когда сельджукским амирам уже нечего было расхищать, они устроили засады на караванных путях, грабили паломников и даже иерусалимские монастыри.

Все немусульманское население империи сельджуков — греки, грузины, армяне и евреи (всех их сельджуки называли «зимиями») — было обложено двойным налогом.

С каждого зимия бралась подушная дань — «джизия» и дань с имущества и доходов — «хараджа».

Подушную дань, джизию, платили лишь совершеннолетние мужчины. Не платили джизии: нищие, монахи, отшельники, женщины и сумасшедшие. Ни джизии, ни хараджи не платил зимий, принявший веру пророка.

Зимии были мечены: они носили клеймо на шее, и эта пе-

чать снималась с них только тогда, когда они уплачивали джизию и хараджу.

Если зимий упрявился, его заковывали в кандалы, ставили на солнцепеке, а иногда и убивали.

Зимию воспрещалось поступать на государственную службу, лишь в редких случаях доверяли ему какое-нибудь дело, но, если находился мусульманин, искусный в этом занятии, у зимия тотчас отнимали должность.

И внешне зимий не должен был быть похожим на мусульманина. Для отличия от правоверного каждый христианин должен был носить цветной «зунар» — шнурок вместо пояса.

Зимию воспрещено было надевать «кабу», носить меч, ездить на породистой лошади и покрывать голову чалмой. Женщины зимиев не смели носить шелковое платье и садиться на лошадей, им разрешалось ездить на мулах, оседланных вьючным седлом.

Чтобы сесть на простую ломовую лошадь, зимий должен был пользоваться вьючным ослиным седлом.

В городах, завоеванных сельджуками, христианам воспрещалось торговать вином, выгонять свиней со двора на улицу, показывать крест и даже садиться на мула, если к луке седла не были прикреплены крупные, величиною с гранатное яблоко, цветные шары.

Христиане имели право открыто носить крест лишь на праздниках — но и то только в том случае, если в знак уплаты хараджи с шеи у них был снят знак «Сика». Им воспрещалось возводить новые храмы или чинить старые, а также звонить в колокол или бить в било, пока мулла не окончит утреннюю молитву — «азан».

На зимиев сельджуки смотрели, как на рабочий скот, ибо закон пророка наставлял их следующими словами:

«И, клянусь аллахом, истинный мусульманин должен жить трудами рук неверных, и так, пока живо нынешнее поколение; когда же мы перейдем в иной мир и они умрут, сыновья и дочери наши будут жить трудами рук их детей»...

Тщетно старался Низам аль-Мульк добиться того, чтобы сельджуки удерживались в границах этих законов. Почти в течение целого столетия не могли сельджуки приняться ни за торговлю, ни за земледелие, и оставались все теми же кочевниками, преданными разбою, какими они были до вторжения в Иран.

К восстаниям и смутам, раздиравшим империю сельджуков, присоединились интриги султанского дворца. Малик-шах был уже очень стар, за право наследовать ему начали борьбу жена султана Тюркан-Хатун и сын его Бархиарок.

Тюркан-Хатун враждовала с Низамом аль-Мульком; в конце концов визири Ибн-Бахмайар и Саид аль-Руаса подговорили любимого шута Малик-шаха, Джаффарака, и попытались отравить великого визиря.

Визирь был вовремя предупрежден. Заговорщикам отсекали головы. Но вот опять началась смута в Багдаде. Низам аль-Мульк сопровождал султана Малик-шаха, когда тот с войском отправился из Исфагана в Багдад. По дороге Низама закололи кинжалом.

После смерти визиря Малик-шах и его жена совсем уже неразумно повели корабль империи.

В Багдаде с султаном были амиры Тутуш и Ахсанкор с громадной ратью.

Халифу аль-Моктади султан повелел покинуть Багдад без промедления, ибо он собирался сам вступить на халифский престол. Халиф попросил на сборы один день.

В тот вечер Малик-шах выезжал на охоту и, вернувшись домой, захворал болотной лихорадкой. Вместо целебного снадобья дома ему дали выпить яду. Никто не знал, кто это сделал — Тюркан-Хатун или кто-либо иной.

Халиф аль-Моктади и Тюркан-Хатун договорились без труда.

Халифу вернули сына его Джаффара, а халиф в свою очередь утвердил на троне сельджуков Махмуда, сына Тюркан-Хатун.

Тогда попытался овладеть престолом Бархиарок, старший из сыновей Малик-шаха. Вначале его постигла неудача. Но под конец он все же взял Багдад, и в мечети Джами аль-Султан мулла вознес аллаху хутбу во имя Бархиарока.

Тем временем один из влиятельных амиров Малик-шаха Тутуш напал на амира Ахсанкора, обезглавил его, овладел Эдессой и Халабом, пересек с войсками Месопотамию, Армению и Адарбаган.

К победителю примкнули малые амиры и вместо Бархиарока объявили султаном Тутуша — как в Хамадане, так и в Багдаде.

Когда известия об этих событиях достигли Гегути, Георгий Чкондидели только что вернулся из своего путешествия

С сияющим взором рассказывал царь Давид своему воспитателю о событиях в Иране.

— Да, во владениях сельджукских султанов начались в самом деле смуты, — сказал первый визирь.

В эту самую зиму Липарит Орбелиани через Кириона Манглисского просил передать царю Давиду, что ждет его для обручения в Клдекари. Царь промолчал в ответ на приглашение триалетского эристава.

Прервались дружественные отношения между Гегути и Триалетским эриставством. Время от времени монах Анфимоз ездил туда и обратно на своем старом муле. Он возил с собою икону — образ святого Георгия, и в окладе этой серебряной иконы прятал письма, что посылала царю Давиду Дедисимеди.

Почти в каждой записке дочь эристава предупреждала своего нареченного, чтобы он, хотя в Триалети и ждали его, не приезжал туда ни за что, как бы его ни звали.

Последний же приезд отца Анфимоза был неожидан для всех, ибо стояла зима — злейшая из злейших. На этот раз извещал царя Кирион Манглисский: Липарит Орбелиани подвергся обряду обрезания и обратился в мохаммедову веру.

Просьбы и увещания царицы Елены и царя Георгия, слезы прекрасной Гванцы — ничто не могло остановить Давида. Поставив Джонди во главе такверской дружины, взяв с собою полки Восточной и Западной Грузии, он перевалил через покрытый снегом Сурамский хребет и раскинул лагерь у Начрамагеви.

КЛАРДЖЕТСКИЕ МОНАХИ

— Что это за крепость, отец Анфимоз? — спросил пешеход ехавшего на муле монаха и прикрикнул на тяжело нагруженную выючную лошадь, которая, прерывисто дыша, взбиралась за хозяином на гору.

— Это Хулути, господин мой эристав.

Человек, одетый в овчину, остановился, оглядел вздымавшийся на высокой скале замок. Туманом была окутана его кровля, ущелья по обе стороны дороги устилала мгла, каменистый путь, взбегавший по крутому косогору, белел, словно мыс, врезавшийся в море.

Были безмолвны убранные в белое елки, снег хрустел под ногами путников. Мертвое молчание царило вокруг, мул осто-

рожно продвигался вперед по извилистой тропинке. Человек в овчинном тулупе едва волок за собою на поводу своего жеребца.

В небе цвета голубиного крыла проглянуло солнце. Его лучи озарили оснеженные вершины Триаletского хребта. Старый монах остановил мула, прикрыл глаза ладонью, оглянулся ущелье под собою и сказал:

— Вон, сдается мне, показались и наши!

Человек в овчинном тулупе обернулся, подтвердил:

— Да, это наши!

— Хорошо, что они догнали нас раньше, чем мы дошли до Шошилетского леса! Не то бы...

— Не беспокойся, отец Анфимоз, сам черт не узнает нас в этих овчинах. Да и как могут себе представить триалетцы, чтобы такверские азнауры путешествовали на вьючных лошадях. Только Кариман тревожит меня, чтоб ему пусто было. Во всем Начармагеву не оказалось тулупа, который пришлось бы ему впору. Да и кроме того, вспыльчивый и отчаянный человек Кариман!

— Кто же такой этот Кариман, господин мой Джонди? Впервые в жизни вижу я такого великана.

— Кариман Сетнели — мой молочный брат, сванский азнаур, владетель замка, — ответил Джонди и снова оглянулся назад, потому что услышал топот лошадиных копыт.

К ним подъехал богатырь в овчинном тулупе, сидевший на вьючной лошади; стальные поножи его били по коленям высокого мерина.

— Береги себя, господин Кариман, — учтиво сказал всаднику ехавший на муле монах. — Если лошадь твоя, не дай боже, свалится вместе с тобою с этих скал, то придется собирать тебя по косточкам, сын мой!

— Не опасайся за меня, отец Анфимоз, свана не удивишь триалетскими кручами. И в более опасных местах доводилось мне джигитовать, — ответил Кариман и обнажил в улыбке свои белые, сверкающие зубы, острые, словно звериные клыки. Щеки у воина покраснелись, белокурые волосы рассыпались по плечам. Поверх шлема на голове у него была надета задом наперед остроконечная шапка, какую обычно носили дворцовые шуты.

— Застегни тулуп, сын мой, поправь на голове шапку да сними поножи и спрячь их в суму; слыхано ли, чтобы колени пастуха, едущего на вьючной лошади, были украшены

рыцарскими поножами? Мы въезжаем в лес Сакориа; говорят, в этих местах часто охотится на медведей сын Липарита — Рати... Как бы не натолкнуться нам на него в недобрый час, господин Кариман, — сказал Анфимоз.

— Что же мне делать, коли я не вмещаюсь в этот чертов тулуп? А если встретим Рати, так ведь мне только того и нужно, отец Анфимоз.

Нахмутив лоб, Джонди сказал Кариману по-свански:

— Брось свои шутки, Кариман! Если бы царь Давид хотел прибегнуть к оружию, он послал бы не девятерых, а девять тысяч человек. Наш повелитель пока что решил избежать пролития крови. Мы должны вести себя так, чтобы ни одна душа не знала о нашем присутствии в этих местах.

Кариман Сетиели соскочил с лошади, снял шлем и поножи, уложил их в хурджин, застегнул тулуп, спрятал под ним рукоять меча.

Уже остался позади лес Сакориа, проехали и ровное плоскогорье, когда, наконец, у перепутья остановил своих спутников отец Анфимоз.

— А теперь я и сам не знаю, как дальше поступать, господин мой эристав. Тропинка эта приведет нас на противоположную сторону ущелья; там начинается Шошилетский лес. Ждать ли здесь остальных или ехать лесом до Шошилетской церкви? — спросил монах.

Джонди оглядел лес, простиравшийся по правую руку от него, и задумался; а монах добавил:

— Нам нельзя мешкать: отец Василий и управитель Зосим ожидают нас с самого утра в церкви шошилетского святого Георгия. А вдруг они, не дождавшись нас, запрут церковь и уедут? Где я тогда укрою девять человек с девятью лошадьми?

— Не говоря уже о том, что мы уморим голодом лошадей в этом занесенном снегом лесу, — сказал Кариман Сетиели.

— О лошадях не заботьтесь, — ответил Анфимоз. — Нынче же вечером отошлем их к епископу Кириону. У него целый табун в конюшне, ваших коней он присоединит к своим.

— Лучше все же ехать вперед, отец Анфимоз. Остальные найдут, надо думать, путь по нашим следам.

Подъехали к оврагу, через который был перекинут мост, сплетенный из прутьев. Мул Анфимоза обнюхал мост и уперся на месте.

Огорчился Анфимоз, спешился. Кариман Сетиели осыпал животное ударами плетки. Мул стал лягаться.

— Ох, и упрям же он, чертова добыча! — жаловался Анфимоз. — Иной раз пройдет по волоску, а когда нужно спешить, обязательно заупрямится.

— Ну, погоди ж ты у меня! — с угрозой крикнул Кариман Сетиели, сунул поводья своего коня монаху, подошел к мулу, схватил его своими длинными руками, поднял на воздух, словно телят, и перенес через мост.

Хохотал отец Анфимоз, слезы текли по его щекам.

Тишиной и теплом встретил путников Шошилетьский лес. Изредка раздавался стук дятла, а когда воцарялось безмолвие, путники слышали, как падают с верхушек вязов снежные хлопья. Отец Анфимоз трусил на своем муле впереди, приглядываясь к местности, искал в лесу занесенные снегом тропинки. Наконец он обернулся и сказал почти шепотом своим спутникам:

— В Шошилети вам всем придется переодеться, дети мои. Кольчуги видны из-под ваших тулупов; мечи и поножи вам тоже придется снять.

— Мы и без того одеты, как пастухи, отец Анфимоз, а я, как видишь, напялил еще себе на голову шутовской колпак, — чего же еще от нас требовать, скажи на милость?

— Отец Василий даст вам монашеское платье, — ответил Анфимоз.

Улыбнулся Кариман, потом спросил:

— А где отец Василий найдет столько монашеских ряс?

— У эриставов Орбелиани собственный монастырь в Липаритис-убани, господин мой Кариман. Отец Василий — настоятель этого монастыря.

В лесу раздался свист.

Отец Анфимоз вздрогнул.

— Это, наверное, наши, — сказал Кариман, засунул два пальца в рот и трижды свистнул. Семеро всадников рысью въехали в густой вязовый лес.

— Скажи мне, отец Анфимоз, — сказал эристав Джонди, — открыта ли нынче церковь шошилетьского святого Георгия?

— Альф-Арслан разорил ее, превратил в верблюжье стойло. Липарит Орбелиани восстановил церковь, еще в позапрошлом году собирался расписать стены, да нынче сам от-

рекса от веры христовой. Говорят, собирается сделать из храма мечеть.

— А есть ли какое-нибудь селение рядом с этой церковью? — спросил Кариман Сетиели.

— Было и селение вблизи церкви, богатое и многолюдное, но теперь осталось от него лишь пепелище, — ответил отец Анфимоз и, остановив мула, обратился к эриставу Джонди: — Я поеду вперед один, дети мои, а вы держитесь следов моего мула. Только помните, вы должны ехать поодиночке. Когда минуете вязовую рошу, увидите перед собою овраг; оставьте его, не пересекая, по правую руку от себя. Далее увидите лесистый мыс горы — тут непременно спешьте и пройдите его по тропинке. Как только окажетесь на ровном месте, увидите вдали купол: это и будет церковь святого Георгия, а перед ней дубовая роща, куда пастухи выгоняют телят и свиней Багуаш-Орбелиани. Помните, что вы не должны спрашивать дорогу.

Сказав это, монах подхлестнул своего мула.

— Твердо запомните, — сказал эристав Джонди своей свите, — мы с вами пастухи, джаваетцы. Эту ночь мы, вероятно, проведем в Шошилетской церкви, а лошадей отошлем к Кириону, епископу манглисскому. Сегодня же мы с Кариманом отправимся в Липаритис-убани, разузнаем, как там обстоят дела. Когда разделимся, — запомните твердо: вы должны будете воздерживаться от вина и от ссор с триалетцами. Удержите в памяти приказ нашего повелителя: даже после того как порученное нам дело будет выполнено, никто в Триалетском эриставстве не должен знать, кто мы такие.

В дубовом лесу, сплошь изрытом свинными рылами, Джонди увидел несметное стадо свиней и телят. Пастухов не было видно. Наконец он заметил вдалеке дым, поднимавшийся к небу.

Под дубом горел костер. Пастухи сидели, греясь, вокруг огня.

Старик с длинным кинжалом у пояса преградил путь конному эриставу, спросил, кто он такой.

— Я из Джавахети, дедушка, еду издалека, проголодался и продрог. Еле добрался до этих мест. Дай мне поесть, если найдется что, — пожаловался Джонди.

— Что понадобилось джаваетцу в Триалетском эриставстве?

— Господин мой, Бешкен Джакели, послал меня заку-

лечь скот; мы держим путь в Кахети, дедушка, — ответил Джонди.

Человек с кинжалом оглядел всадника с ног до головы: и впрямь, показалось ему, путник продрог. Схватив за поводья коня, подвел он его к дереву и почти приказал:

— Слезай!

Джонди смутился. Вокруг огня грелись по меньшей мере сорок свинопасов. У каждого из них висел на поясе кинжал. Не хотел Джонди сойти с коня, боялся, как бы нечаянно не показалась из-под тулупа кольчуга.

Но старик не отставал от Джонди, требовал настойчиво, чтобы он сошел с лошади. Вооруженные кинжалами свинопасы вскочили и окружили всадника. Это уже походило скорее на приказание, чем на просьбу.

Джонди подумал: а может быть, не соглашаться? Но минуты на минуту подоспел Кариман, затеет ссору со свинопасами, чего доброго, еще вяжется с ними в потасовку, и тогда придется оружием прокладывать себе путь в этом дубовом лесу.

Джонди, спешившись, протянул руки к весело трещащему огню. Старик уже учтиво попросил гостя присесть на пень.

Джонди стоял в нерешительности, ибо знал, что, если сядет, обязательно заметят пастухи кольчугу и меч; старший свинопас взглянул на своих подручных.

— Ну, довольно греться, — сказал он им.

Громко разговаривая между собой, пастухи разошлись по лесу. Улучив мгновение, Джонди зажал между ног полы своего тулупа и присел на пень.

Старший свинопас подал эриставу сыр, достал кувшин и налил арак; потом присел на корточки перед огнем, вынул из костра хлеб, облепленный золой, преломил его и поднес гостю.

Приятный запах ударил в ноздри проголодавшемуся Джонди; он откусил хлеб и, благословив хозяина, осушил рог.

— Доблестно защищался Бешкен Джакели, твой повелитель, — сказал свинопас, — хотя, не подоспей к нему на помощь царь Давид, разве справился бы один с сельджукской ратью эристав тухарисский?

У Джонди polegчало на сердце, когда старик помянул добром царя Давида. Он спросил свинопаса:

— Чье это стадо?

— Нашего господина Липарита Орбелиани, эристава над эриставами, — ответил тот.

Второй раз достал старик из горячих угольев хлеб, облепленный золой, ударил по нему ладонью, — зола посыпалась в лицо эриставу Джонди, — вновь преломил лепешку и подал гостю.

— Что подельывает твой господин, эристав Липарит? — спросил Джонди.

— Господин наш отрекся от спасителя, — сказал свинопас и огляделся кругом. — Страшась царя Давида, укрылся он в Кддекари и ждет со дня на день сельджукскую рать. Мураями наполнилось эриставство Триалетское, сдается мне, и я не избегну обрезания на старости лет.

И снова наполнил рог для гостя. Джонди взглянул в прямодушное лицо пастуха, светившееся добротой, решил довериться его честности, поднял рог, и такие слова выскользнули из его уст:

— Бог тебе в помощь, добрый старик. Мне думается все же, что не будет позволено твоему господину осквернить христианскую землю.

Старик взглянул в глаза гостю и ответил:

— И мне так кажется, сын мой. В Триалетском эриставстве ждут царя Давида. Говорят монахи, будто юный царь заступник и покровитель христианства.

Заметив, что последний из такверских всадников уже миновал дубовую рощу, Джонди поднялся с места. Несмотря на уговоры старого свинопаса, он поблагодарил хозяина и вскочил на коня.

В церкви святого Георгия Шошилетского всадники нашли лишь пустой иконостас, потемневшие от пожара фрески и пол, устланный птичьим пометом. Но все же, войдя в святой храм, обнажили головы такверцы, творя крестное знамение, приблизились к дверям алтаря.

Отец Анфимоз вышел им навстречу, торопливо заложил двери храма засовом и ввел рыцарей в святилище.

За гранитным столом сидели два старца: один с длинной, как у патриарха, белой бородой, доходившей до монашеского вервия, служившего ему поясом; круглое и приятное лицо другого украшала густая растительность цвета волчьей шерсти.

Подведя гостей к белобородому, Анфимоз сказал:

— Это — отец Василий.

Второй оказался домоправителем Липарита — Зосимом.

На хурджине, лежавшем у ног стариков, было сложено несколько монашеских ряс и куколей.

— Осторожность никогда не мешает, дети мои, — сказал сидевший на каменной скамье отец Василий. — Перемените одежду сейчас же.

Новоприбывшие немедленно сняли тулупы, и вместо девяти рыцарей в латах — девять монахов сели вокруг стола. Даже по печальным лицам настоящих монахов пробежала улыбка при виде Каримана Сетиели, широченные плечи и голова которого не вмещались в рясу и куколю.

Джонди нарушил воцарившееся молчание; он взглянул в глаза отцу Василию и Зосиму и сказал:

— Вероятно, уже сообщил вам отец Анфимоз о причине нашего прибытия в Триалетское эриставство, святой отец?

Отец Василий поднял мохнатые седые брови и ответил едва слышно:

— Отец Анфимоз только что изволил прибыть, но еще прежде предупредил меня преосвященный Кирион, епископ манглисский, что я должен оказать содействие доверенным людям царя Давида, которые приедут в Триалетское эриставство. Сверх этого я ничего не знаю, сын мой.

— Повелитель и господин наш, царь Давид, приказал нам взять живым эристава триалетского Липарита или же сына его Рати и доставить к нему в Начармагеви, — твердым голосом сказал такверский эристав.

Отец Василий даже бровью не повел, услышав это, и Джонди продолжал:

— Мне приказано выслушать ваш совет, прежде чем приступить к выполнению моей задачи, и воспользоваться вашей помощью в этом деле, святые отцы.

Отец Василий помолчал, провел рукой по украшенной сединой голове, взглянул на управителя Зосима и лишь после этого ответил такверскому эриставу:

— Ты знаешь, вероятно, и сам, господин мой эристав, что я готов на любую жертву ради царя Давида, не пожалею живота моего, лишь бы схватить нечестивого триалетского эристава. Но дело это нелегкое, дети мои: с тех пор, как Липарит Орбелиани стал на путь Иуды Искарниота, заперся он в Кледкарском замке и, как подтвердит тебе и отец Зосим, не доверится даже собственному семейству. На старости лет не мог

он найти себе лучшего занятия, как учиться у ходжей закону Хадиса. Я думаю, что схватить эристава Липарита удастся лишь тогда, когда царь Давид обложит и сокрушит, с божьей помощью, клдекарскую твердыню. Что же касается Рати, то давно уже не видели мы его в Липаритис-убани. Постельничьи монахи шептались, будто он отправился в Кахети, иные же полагают, что он уехал в Исфаган к Бархиароку, сыну султана. Вчера сообщил мне один послушник, что ходил он в лес Сакориа за дровами и повстречался там с сыном эристава; убив джейрана, возвращался со свитой Рати.

Отец Василий умолок и оглянулся на Зосима.

— Все, что сообщил вам отец Василий, все это в точности так, — сказал Зосим, — но вы должны помнить, что и Рати схватить будет не легко. Без свиты не показывается нигде сын эристава, а кроме того, вам, вероятно, известно, что Рати—храбрый воин и меткий стрелок. Липаритис-убани обнесено каменной стеной, во дворце сейчас готовы к осаде, около трехсот триалетских азнауров и до тысячи ратников охраняют дом Липарита Орбелиани. В Триалетском эриставстве каждый ребенок знает, что царь Давид нынешней зимой расположил свои войска лагерем в Начармагеви. Тысячи предположений строят здесь по этому поводу. Одни полагают, что царь угрожает тбилисскому амиру, другие думают, что он умышляет против Дзагана, зедазенского эристава; сам же Липарит уверен, что царь собирается вторгнуться в Триалетское эриставство. Мне известно наверное, что Липарит собирается укрыть в Клдекари все свое семейство, но дочь эристава была больна до последнего времени.

Джонди попросил прощения и перебил Зосима.

— А как поживает нынче госпожа Дедисимеди?

— Вчера она встала с постели. И еще говорила супруга Липарита Ката: три дня собирается она подождать, и если дочери станет лучше, уедет с ней в Клдекари. Помните также, — добавил Зосим, — что Рати не оставит мать и сестру одних в Липаритис-убани, а если женщины увезут в Клдекари, нечего будет и думать о том, чтобы схватить Рати.

Эристав Джонди прижал обе ладони к вискам, устремил взор в кирпичный пол, потом поднял голову и сказал:

— Допустим, что нам удалось каким-либо образом задержать семейство Липарита в Липаритис-убани. Как тогда можно будет схватить Рати Орбелиани?

— И в этом случае, — ответил Зосим, — вы должны следовать примеру великих царей наших: Баграт III обычно при-

глашал к себе врагов и изменников на пиршество, а Баграт IV приказывал хватать их во время охоты. Вероятно, вы слышали о том, как Баграт IV подослал Гамрекели к армянскому царю Квирике? И знаете, как овладел царем Гамрекели? Замазил его на охоту в квешские леса. Еще и первой стрелы не выпустил из лука Квирике, как азнауры Гамрекели напали на него, заткнули ему рот платком, связали и умчали с собой. Точно так же во время охоты схватили по повелению царя Баграта Ваче Абазаисдзе в Церовани.

Управитель Зосим замолчал, а отец Василий сказал, улыбаясь:

— Отныне и этот способ будет для вас непригоден, чада мои, ибо Рати и на охоту не выезжает без свиты. Да и кроме того, разве поедет он охотиться с чужими людьми?

Джонди улыбнулся, хотел сказать что-то, но удержался и сказал другое:

— Этому уж сумеем помочь я и мой Кариман.

Кариман тоже улыбнулся чему-то, но и он не произнес ни слова, ибо был занят едой.

Став на колени, отец Анфимоз достал еду из хурджина. Такверские азнауры, сидевшие вокруг, молча уписывали предложенные монахами кумели и коркоти. Джонди взглянул на Каримана, но услышал лишь журчание вина, лившегося, словно ручей, в горло ненасытного Каримана из запрокинутого кувшина.

Кариман отер кулаком длинные усы; щеки его покраснелись. Он спросил Зосима:

— Скажи мне, святой отец, на какого зверя охотится обычно Рати?

— С приходом весны он обычно охотится на гусей в зарослях реки Храми, а на масленицу травит оленей.

Отец Анфимоз заговорил с хозяевами о лошадях и о размещении азнауров по жилищам.

Лошадей отец Василий предложил отослать к епископу Кириону, а Джонди и его азнауров обещал взять с собою в монастырь.

Придется только кольчуги и все доспехи ваши припрятать в церкви; а себя называйте, если будут спрашивать, кларджетскими монахами, собирающими милостыню и держащими путь в Кахети.

— Прости меня, святой отец, что я наскучил тебе расспросами, — сказал отцу Василию эристав Джонди, — но я бы хотел узнать еще одно: по велению царя Давида я должен

вручить дочери эристава в собственные руки письмо. Можно ли будет устроить мне встречу с нею в монастыре—в твоём присутствии, святой отец?

— Это сделать легче всего, — ответил отец Василий. — Дочь эристава ежедневно посещает нашу обитель. Она лечит от недуга печени одного больного. С божьей помощью, встречу мы устроим.

Когда одетые в монашеские рясы азнауры такверского эристава поднялись с мест, отец Василий почувствовал страх: ни в одной обители, ни в Кларджети, ни в Липаритис-убани, не приходилось ему видеть монахов столь высокого роста, как Кариман Сетиели.

БЕСОВСКОЕ НАВАЖДЕНИЕ

Колокола разбудили Дедисимеди: звонили к заутрене в монастыре. Она сидела в постели и слушала — только этот звон и убеждал ее, что она находится в Липаритис-убани, а не в Ластисцихе.

После возвращения из Гегути однообразной и тоскливой стала ее жизнь — время сна встречала она с большей радостью, нежели час пробуждения.

«О, если бы вся эта жизнь оказалась сновидением!» — часто думала девушка.

Суровая триалетская зима затрудняла переезды, отрезала от всего мира Липаритис-убани, и без того окруженное дремучими лесами. А от манглисского епископа все еще не было вестей о возвращении отца Анфимоза.

С большим трудом удавалось доставлять в Липаритис-убани письма царя. Частые поездки Анфимоза в Гегути могли вызвать подозрение; поэтому сам отец Василий должен был являться к Кириону, тот своими руками снимал привезенный Анфимозом образ, вынимал из оклада письмо и вручал послание отцу Василию.

Отец Василий недомогал последнее время. ни один лекарь не мог вылечить его печень; лишь шербеты Дедисимеди поддерживали быстро дряхлевшего старца. Единственная забота владела теперь дочерью эристава: вырвать из когтей смерти этого кроткого и доброго старика.

Звонили монастырские колокола в утренний час, молчливо сидела Дедисимеди на своем ложе, три прислужницы хлопотали около нее, одевая дочь эристава.

Нана обувала ноги, прислужница Дуда причесывала волосы, а Лела готовила втирание для лица.

Еще не очнувшись ото сна девушка охотно подчинялась руке причесывавшей ее Дуды, закрывала глаза, прислушивалась к потрескиванию гребня в густых косах, и как только поднимала веки, навстречу ей глядело из серебряного зеркала собственное ее лицо.

Не было уже на ее щеках того нежнейшего оттенка персиковых цветов, что с таким мастерством наводили на фарфор иранские мастера того времени. Словно траур, лежали тени под ее глазами, зеленоватые жилки выделялись на шее.

Солнце заглянуло в окошко дворца, и зеркало засверкало в его лучах. Девушка уже не видела больше своего лица, ибо полированное серебро само замерцало нежным сиянием.

Играл солнечный луч на зеркальной поверхности металла, ежеминутно менял окраску, подобно саламандре, горел то изумрудом, то рубином; красные, темно-голубые и зеленые цвета плясали, сплетались, сверкали, чаруя глаз.

Сидела девушка и развлекалась, следя за игрою света и металла. Каким-то таинственным и волшебным предметом стало для Дедисимеди это серебряное зеркало, подаренное ей императрицей Мариам в Кутаисском замке.

Вставленное в золотую оправу, зеркало было окаймлено листьями лозы нежно-зеленого лугового цвета, на листьях этих был ясно заметен тот росистый налет, которым бывает подернута поутру листва в винограднике. На чуть шероховатой, бархатистой поверхности видны были даже линии прожилок, чуть утолщающиеся возле стеблей. Красиво изогнутые побеги, которыми лоза обвивается вокруг кольев, были тщательно вычеканены из золота. Виноградины, неотличимые от настоящих, были гладки, прозрачны и продолговаты — в точности таковы, как ягоды будешури на исходе того месяца, когда солнце сгущает в виноградинах сладость и тепло на радость людям. С неменьшим искусством были созданы цветы лозы из мелких жемчужин.

В это утро, как всегда, зеркало императрицы Мариам умножало в сердце Дедисимеди неясную печаль, навеянную сновидениями. Далеко позади остались счастливые дни, проведенные в Кутаиси, Гегути и Сатаплии. Не видно было лица царя Давида, освещенного лунным сиянием, оно было теперь закрыто суровым забралом цвета ржавчины; где-то далеко звенел доспехами ее возлюбленный. Доходили неясные слухи: будто

бы к предстоящим битвам точит свой меч царь Давид, усмиритель сатаны.

Имя его было на устах у всех. В эриставстве Триалетском укрепляли замки и башни, чтобы встретить его. Он же где-то скакал на коне, бушевал, грозил и бряцал оружием.

И о императрице Мариам тоже ничего не было слышно. Из-за далеких морей прибыла эта прекрасная, несущая радость и утешение фея, лицо которой еще при жизни изображали на фресках и на священных иконах грузинские и византийские мастера.

Ни днем, ни ночью не умолкал в ушах Дедисимеди нежный голос императрицы Мариам, ее неизменное, ласковое «прелесть моя».

Из-за далеких морей прибыла она и принесла минутное счастье беззащитной деве, которой изменили все самые близкие, у которой отняли радость и утешение. Своей волшебной рукой развязала прекрасная фея темные сплетения рока, на мгновение дала вкусить влюбленным незабываемое блаженство, и вот — вновь исчезла без следа за морем.

Уехала императрица Мариам, и иссяк для Дедисимеди незамутненный родник радости, и снова остался лишь «вертоград замкнутый, источник опечатанный»...

Из коротеньких записок Давида нельзя было понять, что он намеревался предпринять: не упоминал он ни единым словом ни о приезде в Липаритис-убани, ни о встрече в Ластисцихе.

Обращение же Липарита в мусульманство вовсе лишило Дедисимеди надежды на обещанное обручение. Из всего, что слышала краем уха Дедисимеди, было ясно, что Липарит и Рати готовятся к войне. Рати стал совершенно невыносим, беспричинно сердился он на сестру и ругал ее. С нетерпением ожидала девушка, когда уедет он на охоту или еще куда-нибудь по своим таинственным делам. Зато Ката внезапно стала особенно ласкова с дочерью; по ночам не раз слышала Дедисимеди, как молилась и плакала супруга эристава, прося господу помиловать мужа, «свергшего себя в геенну неверия».

Последнее время, уже после возвращения Рати из Кахети, слышала Дедисимеди по ночам: после полуночи приезжали в Липаритис-убани какие-то всадники; во дворе и в проходах эриставских хором случалось им обронить тюркское слово. Дедисимеди пробирала дрожь, когда она слышала их. Отослав факельщиков и прислугу, Рати запирался с гостями в гостиную палату, и всю ночь доносилась оттуда тюркская

речь — иногда горячился Рати, в ярости часто называл он имя царя Давида. На рассвете уезжали гости, во дворе замка слышался свист плетей, тюркские восклицания и собачий лай.

Однажды ночью прискакал с большой свитой из Клдекари Липарит. Он был одет в боевые доспехи, а вокруг его шлема была обвита зеленая, цвета травы, чалма, какую носили амиры Бархиарока, которым случалось иногда приезжать в гости в Клдекарский замок.

Лицо отца показалось Дедисимеди изменившимся, сам он — надломленным. В тело этого бритоголового, с подстриженными усами старика словно вселился совсем другой человек.

Когда перед отъездом он поцеловал Дедисимеди, девушка почувствовала какой-то новый, неприятный для нее запах, не похожий на тот привычный, родной, любимый аромат, который обычно издавало платье эристава. Это был смешанный запах гашиша и нашатыря.

Так обстояли дела последнее время во дворце Орбелиани; не только сон, но и смерть казалась желанною Дедисимеди.

Днем беспрестанно шел снег, по ночам гудел ветер, волки и шакалы подходили совсем близко к каменной ограде Липаритис-убани, выли перед стойлами, словно плакальщики, без конца. Но пуше волчьего воя пугал Дедисимеди топот коней сельджукских всадников, въезжавших во двор.

Тайный страх мучил Дедисимеди: как бы не оказались эти всадники посланцами Бархиарока, приехавшими за нею. Подозрительно молчала Ката, хотя Дедисимеди заявила твердо, что скорее утопится в Алгети, нежели пойдет замуж за Бархиарока.

В последнее время приступал к ней настойчиво Рати, сказал, что собирается увести ее с матерью в Клдекари. Между тем монах Козман сообщил, что в Клдекарский замок повадились сельджуки; не хотелось Дедисимеди переезжать в замок, но и причины такой не могла она выискать, чтобы как-нибудь остаться в Липаритис-убани. Хорешан обещала ей, если будет необходимо, тайком увести ее в Ластисцихе.

Самое важное и самое тягостное было, однако, то, что ни Ката, ни Дедисимеди не знали даже приблизительно, что творилось в эти дни в Триалетском эриставстве.

Стон донесся до слуха Дедисимеди; она взглянула на спавшую у ее изголовья Хорешан. Заранее знала: как всегда, спросит о вчерашнем сне старая няня.

И впрямь, не заставила долго ждать слепая старуха.

— Что привиделось тебе, радость моя, этой ночью?

— Я и во сне несчастна теперь, няня. Будто мы сидели с тобою во дворце, в Ластисцихе. Зернами ячменя кормила я фазаньих птенцов. И будто была весна и к тебе вернулось зрение. И вдруг ты подняла крик: «Гей, гей, прочь отсюда!» Ястреб кружился над замком. Я не успела поднять глаз, как опустился проклятый на моих птенцов.

— Это хороший сон, свет очей моих.

— Сон к добру, — подтвердила Лела.

Дедисимеди разделила рукою на лбу спутавшиеся волосы, заглянула в незрячие глаза Хорешан.

Слепая сказала ей так:

— Ястреб — это твой нареченный. Разве не рассказывал тебе Зосим-управитель, что царь стоит лагерем в Начармагевии со своею ратью?

Лела встала свое слово:

— Скоро налетит этот ястреб на Клдекари.

— Не говори, не говори так, Лела! Да спасет нас господь от братоубийственного кровопролития! — простонала Дедисимеди.

— Об этом ты не печалься, дочь моя. Наш господин Липарит — разумный правитель, он не доведет до этого. Крепко запомни мои слова: будет даже рад великий эристав. Возможно, что наружно он окажет сопротивление нареченному зятю, но таково уж, знать, правило отцов. В прошлом году на рождество все уже было готово к свадьбе, но приехал архиепископ манглисский и известил Липарита, что обручение откладывается: царь отправился в Абхазию вершить государственные дела.

Хорешан приподнялась на подушках и продолжала:

— А разве не так же женился отец твой на нашей госпоже? Три года засылал он сватов к Дукидзе, владельцу замка Деметисцихе. Дукидзе не верил, чтобы триалетский эристав женился на его дочери, ибо в юности любил распутных женщин твой отец. Поэтому трижды откладывалось обручение. Наконец Липарит выступил из Клдекари с войском, осадил Деметисцихе и внезапно взял замок твоего деда. Я помню так ясно, словно это было вчера: на третий день пасхи произошло это событие, дочь моя. Липарит вошел в Деметисцихе так, что не пролилось ни одной капли крови—ни триалетцев, ни крепостных войск. С улыбкой на лице встретил старый Дукидзе нареченного зятя. «Христос воскрес!» — приветствовали они друг друга. Воюющие азнауры обнялись, и на Фоминой сыгра-

ли свадьбу. Так же будет, наверное, и сейчас: Липарит и Рати для видимости будут сопротивляться царю Давиду, а потом все устроится самым лучшим образом, вот увидишь!

Вошла монахиня, инокиня Теклэ, поцеловала колена Дедисимеди и сообщила ей: преподобный отец Василий просит пожаловать к нему дочь великого эристава.

— Не болен ли опять отец Василий? — спросила Дедисимеди.

— Я сама не видела преподобного игумена; отец Анаксимандр, инок, передал мне его приказание. Знаю только понаслышке: переносит болезнь на ногах отец архимандрит, — ответила монахиня.

Хорешан просила Дедисимеди сперва позавтракать, а потом уже идти к отцу Василию; но Дедисимеди не послушала ее, собрала свои лекарственные склянки и, не взяв с собою даже Лелы, одна направилась в монастырь.

Глубокое уважение питала Дедисимеди к отцу Василию. Удивительно успокаивал ее душу этот старец, человек кроткий и спокойный, но вместе с тем непоколебимый и мужественный. Дряхлый и болезненный священнослужитель на каждом богослужении всенародно воссылал молитву за долголетие царя Давида, хотя по повелению Липарита в триалетских храмах должны были упоминаться лишь имена царя Георгия и императрицы Мариам.

Узнав о приходе дочери эристава, настоятель монастыря вышел к воротам встретить гостью. Он осенил Дедисимеди крестом, а когда та приложилась к его руке, запечатлел поцелуй на ее лбу и с великой почтительностью повел ее за собою. Перед тем как войти в монастырскую церковь, он оглянулся и сказал девушке вполголоса:

— Для тебя есть письмо от царя Давида, дочь моя.

Лицо Дедисимеди сперва просияло, но потом она побледнела: невольная дрожь, словно от лихорадки, охватила ее.

— Не приехал ли отец Анфимоз, святой отец?

— Отец Анфимоз приехал, но письмо привез совсем другой человек, я сейчас представлю его тебе, дочь моя.

Монахи клали поклоны, хотя служба еще не началась. В придел храма, ярко освещенный восковыми свечами, ввел Дедисимеди отец Василий. Сверканье паникадила, полного зажженных свеч, ослепило девушку. Из темного угла вышел навстречу незнакомый монах, преградил ей дорогу, смиренно склонился перед нею и поцеловал ей руку.

Девушке показалось чрезмерною смелость, с какою при-

близился к ней простой монах; она отступила и вгляделась в незнакомца.

— Не узнаешь меня, дочь эристава? — спросил монах и сдернул куколь с головы.

— Джонди! — воскликнула Дедисимеди.

— Тсс... — прошептал такверский эристав. — Я отныне не Джонди, а кларджетский монах, собирающий милостыню, по имени Феофилакт.

Дедисимеди смутилась: уж не шутит ли по своему обыкновению Джонди? Но сомнение скоро рассеялось, потому что Джонди сказал ей, нахмуря брови:

— Повелитель наш прислал меня по делу весьма срочному и приказал мне передать тебе это письмо в собственные руки.

И вынул свиток из рукава.

— Дрожащею рукою Дедисимеди взяла запечатанное послание и поднесла его, чтобы прочесть, к подсвечнику перед образом святого Георгия. Руки ее дрожали. Она жадно пробежала несколько строк, выведенных на пергаменте царской рукой.

«Окажи содействие эриставу Джонди. По мере возможности не уезжай ни в Клдекари, ни в Ластисцихе, пока я не извещу тебя через того же эристава Джонди», — писал ей царь.

Девушка ломала голову: что означало такое приказание Давида? Вероятно, он собирается осадить Клдекарский замок и не желает, чтобы она присутствовала при возможном кровопролитии.

Мысль эта была столь ужасна, что у нее задрожали и подкосились колени, а свечи перед образом святого Георгия так сильно замерцали в ее глазах, словно ветер прошелся по усеянному лютиками лугу.

Дедисимеди еле нашла в себе силы сказать эриставу:

— Я должна известить тебя, господин мой эристав, что послезавтра мы все уезжаем в Клдекари, — так повелел мой отец. В Липаритис-убани останутся, наверное, только домоправитель да десяток слуг.

Джонди был озадачен, подумал: значит, напрасны все старания?

В сердце Дедисимеди разгорелся огонь, зажженный письмом царя Давида. Она рассуждала так: в Клдекари два самых близких, самых дорогих ей человека — отец и жених — должны пасть, сражаясь друг с другом; зачем же ей тогда

«стылая жизнь, которую сохранит она, спрятавшись в Липаритис-убани? Догадывалась Дедисимеди, что все было не так просто, как это казалось Леле и Хорешан, что дело шло о гораздо большем, нежели простые нелады зятя с тестем.

«Ты еси лоза истинная!» — пели монахи. Вскоре должно было начаться богослужение. Джонди торопился уйти из храма, чтобы провести весь этот день в усыпальнице, расположенной под монастырем; поэтому он несколько торопливо обратился к девушке:

— А тогда, сдастся мне, было бы хорошо, госпожа моя, чтобы ты сказалась больною и как-нибудь избежала переезда в Клдекари. Это весьма и весьма важно для нашего дела!

Дедисимеди свернула свиток.

— Мне все понятно, господин мой эристава. Впрочем, тебе известно, вероятно, что я и жизни не пожалею, если это понадобится нашему повелителю... Но к одному я неспособна — ко лжи! — сказала она, и ланиты ее вспыхнули.

Отец Василий промолчал: были по душе ему прямота и честность девушки, но, не желая изъявлять ей свое одобрение, он лишь устремил свой взор в каменный потолок. Дедисимеди же закончила:

— Я уже выздоровела. Как же мне солгать моим родителям?

— Я сообщил тебе желание нашего государя, дочь эристава, а дальше — рассуди сама, — строго сказал эристава Джонди и кинул взгляд на дверь, ведущую наружу.

Дедисимеди показалось: Джонди сейчас уйдет и отвезет ее ответ царю. Она внезапно побледнела, схватилась за стену руками и, раньше чем кто-либо из присутствующих успел поддержать ее, упала на кирпичный пол. Пока отец Василий созывал послушников, чтобы унести Дедисимеди, «кларджетский монах» исчез из храма.

Казна липаритисубанского дворца уже была перевезена в Клдекарский замок, а сокровища и утварь, наполовину уложенные в огромные сундуки и лари, ждали своей очереди. Приступить к перевозке клади собирались, как только наступят лунные ночи. Поэтому Рати было чрезвычайно неприятно узнать о внезапной болезни Дедисимеди.

Ни Дедисимеди, ни отцу Василию не понадобилось прибегать ко лжи, чтобы затянуть отъезд. Еще не успели принести Дедисимеди на носилках из монастыря, как во дворец прибежала монахиня Теклэ и рассказала: Дедисимеди молилась в

приделе храма, внезапно святой Георгий сошел со своей иконы, и от этого видения заболела дочь эристава.

Взволновалась Ката, вспомнила, что в прошлом году в той же часовне святой Георгий явился одной болнисской молеельнице из простонародья, и та помутилась в рассудке.

Засуетилась, захлопотала Хорешан, нашептывала заговоры над больной. Приметила и сообщила она Ката: как и та болнисская молеельница, Дедисимеди жаловалась на боль в глазах, так же начался у нее жар, тело покрылось краснотой и одолевали ее частые сердцебиения.

Рати спешно отрядил Козмана в Клдекари.

В этот самый день приехал туда к Липариту Ахсартан II — наследник кахетинского царя Квирике. Гости и хозяин были в большом замешательстве: Ахсартан II привез известие о смуте, начавшейся в Исфагане, об убийстве Низама аль-Мулька и отравлении султана Малик-шаха.

«Липарит ожидает эристава Дзагана и потому не может приехать в Липаритис-убани, — сообщил, вернувшись, Козман. — зато завтра же он придет к Дедисимеди арабского лекаря».

В Клдекарском замке у эристава Липарита последнее время жил мулла, присланный из Исфагана, чтобы обучить его закону Хадиса. Звали муллу Реджеб бен-Ибрагим, он был прославленный врачеватель, высокоученый и весьма искусный в лечении целебными травами.

Ката не хотела, чтобы этот сарацин приехал в Липаритис-убани; тем более что больная отказывалась видеть «несчастливого».

Слепо верующею христианкой была Ката. «Пусть хоть этот липаритисубанский дворец не осквернят мусульманские хаджи!» — думала глубоко опечаленная отступничеством своего мужа дочь Дукидзе.

Болезнь Дедисимеди смутила и Рати: уж не кара ли это божья за вероотступничество?

На следующий день приехал Реджеб бен-Ибрагим — рослый, стройный старец. Снежно-белая чалма украшала его голову, а еще более белая, чем чалма, борода окаймляла его почтенное, полное достоинство, красивое лицо.

И все же появление мусульманина встревожило Дедисимеди. Слепая Хорешан, услышав мусульманское приветствие, хотела выйти из палаты, второпях ударилась лбом о створку двери и, словно подкошенная, упала на каменный пол.

Хорешан увели, а мулла от неловкости не знал, куда ему

деться. Дедисимеди заметила, как смутился гость, чувство учтивости взяло в ней верх, и она протянула ему запястье.

Вошел Рати, спросил лекаря о причине болезни. Мулла взглянул на Дедисимеди и сказал на своем сладкозвучном языке:

— Тело человеческое подобно городу, а естество тела — царь того города, недуги же и болезни — враги, ворвавшиеся во град, дабы разорить его, тогда как целительные снадобья — оружие, защищающее стогны града. Искусный врач подобен доброму оруженосцу. Надобно, чтобы хорошо знал он ратное дело, был воином доблестным и мужественным и умел бы защитить царя в сраженье с врагом. Когда царь, увидев перед собою врага, велит подать оружие, то, если враг еще далеко, оруженосец должен подать лук и стрелы, если же враг подошел близко, — меч или копье. Если оруженосец труслив, или неумел, или нескор в бою, то и царя легко покорить.

Врач взглянул на лоб больной, осмотрел ногти на пальцах рук, потом вновь повернулся к Рати:

— Сестра твоя могла бы быть дочерью моей дочери, великий эристав. Не попросишь ли ее дать мне посмотреть ногти и на пальцах ног?

Дедисимеди отказалась.

Врач все же вынес свое заключение:

— Дьявольское видение пригрезилось больной.

Ката побледнела от гнева. Не понравилось и Рати, что мулла назвал дьяволом святого Георгия. Но, уважая возраст гостя, они ничего не сказали ему.

Вести, привезенные Козманом, жгли, как огонь, сердце Рати Орбелиани. Смогут ли теперь наследники сельджукского султана послать войска в Триалетское эриставство?

Пока еще не было единства среди врагов царя Давида. До сих пор торговались, спорили о рубежах Липарит Орбелиани, Квирике, царь кахетинский, и зедазенский владетель Дзаган; тбилисский же амир Бану-Джаффар торговался со всеми тремя, ибо стремился за счет их земель раздвинуть пределы своих владений.

Но если бы даже уступили амиру тбилисскому остальные трое, приняв его требования, то и тогда сомнительно было, удастся ли им без помощи сельджукского войска вытеснить царя Давида из Срединной Картли.

И еще одно известие привез в Клдекари Ахсартан II: царь Квирике и владетель зедазенский Дзаган послали доверенных людей к царю Георгию в Гегути. Весьма радостно встретил

гостей гостеприимный царь, устраивал им пиры, заверял словом своим и клятвою, что ни ему, ни царю Давиду не приходило на ум осаждать Клдекари, Зедазени или кахетинские твердыни. Царь Давид и Георгий Чкондидели заняты восстановлением дворца в Начармагеви, сами следят за работой мастеров; иногда же царь Давид занимается войсковым учением.

После всего этого еще больше забеспокоился Рати. Что, если царь внезапно вторгнется со своей ратью в Триалети? Может ли устоять ограда Липаритис-убани перед таранами и катапультами царских войск? Царь осадит Клдекари и разобьет таким образом отца и сына, а также их войска.

Рати торопился поскорее уехать из Липаритис-убани; поэтому спросил он Реджеба бен-Ибрагима:

— А могла бы выдержать больная путешествие, если нести ее на носилках?

Но лекарь счел это невозможным. Он вытащил из-за пазухи цветные флаконы с целебными снадобьями, научил Катю, как и когда давать больной эти шербеты, и удалился.

Дедисимеди отказалась даже прикоснуться к лекарствам «нечестивого сарацина».

В тот же вечер неожиданно понизился жар у больной, и на следующий день она известила брата и мать о скором своем выздоровлении.

ЕПИТИМЬЯ

Управитель замка Зосим немедленно сообщил об этом эриставу Джонди. Такверский эристав явился к отцу Василию и попросил его как-нибудь уговорить дочь эристава Липарита сказываться больною еще в течение хотя бы недели, чтобы оттянуть отъезд.

Отца Василия удивила эта просьба, даже обидела. Не колеблясь, ответил он Джонди: ему ли, иноку и духовному отцу монастырской обители, подстрекать ко лжи христианскую душу? Но не унимался Кариман Сетиели: как, не выполнив поручения, покажутся такверцы на глаза царю Давиду? Теперь и Джонди соглашался с его планом: встретить Рати Орбелиани на дороге, когда он со своей дружиной поедет в Клдекари, схватить его и увезти с собою или полечь всем девятерым в неравном бою.

Отчаяние овладело Джонди — обычно человеком спокой-

ным и хладнокровным. В этом безумно смелом предприятии видел он последний, единственный выход.

Тем временем Рати приказал главному хранителю сокровищницы в два дня подготовить всю кладь к перевозке.

Джонди послал трех азнауров в Шошилетскую церковь за оружием и доспехами.

Джонди и Кариман обследовали заранее дороги, ведущие в Клдекари, и выбрали место для нападения на Рати Орбелиани. Место это было у того плетеного из прутьев моста, через который Кариман перенес на руках мула отца Анфимова. Решено было сперва пропустить эристава на ту сторону потока, потом быстро убрать настил моста и, пока дружина будет переправляться через овраг на помощь своему господину, увлечь Рати в лес.

Джонди согласился с планом Каримана, хотя и видел ясно, что не к добру затевали они это дело.

Уже все было готово у такверских азнауров, но возникли новые обстоятельства, и сыну триалетского эристава опять пришлось отложить переезд в Клдекари.

Мамиствала Махароблидзе, начальник крепости Хулуги, явился к Рати поздней ночью и известил господина: в прошлую субботу лазутчики донесли, что из устья реки Верэ десять всадников выехали в Триалетское эриставство, следы десяти лошадей привели лазутчиков к шошилетскому дубняку и здесь потерялась, так как свиньи разрыли почву лесного починка.

Из расспросов пастухов выяснилось: старший свинопас Голай Авжандисдзе угощал хлебом и вином какого-то приезжего джавахетского всадника. И прибавил Махароблидзе: кольчуга была надета под тулупом у путника, а на поясе висел клинок, хотя и то и другое он усердно старался скрыть от посторонних глаз.

Это известие заставило призадуматься Рати. Из Джавахети сообщили ему еще прежде: Бешкен Джакели тоже готовится к войне, отстраняет бастионы тухарисской твердыни, возвел стены ахалкалакской ограды, и как только вторгнется в Триалети царь Давид, двинется со своей ратью из Джавахети и Бешкен Джакели.

Старшего свинопаса допрашивал сам Рати, Голай Авжандисдзе встревожился, но не растерялся, ответил: путник-христианин просил у него хлеба, он дал ему пресную лепешку, облепленную золой, ни кольчуги, ни меча, ни кинжала он

вовсе не видел, незнакомец был одет в вытертый тулуп, ехал на кляче с вьюком вместо седла, был пастухом, а путь держал в Кахети, чтобы закупить скот.

Этим не завершились розыски. Манглисский лазутчик привез донесение в Липаритис-убани: в конюшню архиепископа Кириона привели и поставили девять вьючных лошадей. Рати отрядил конюшего в Манглиси, но не мог ничего добиться. Смотритель табунов все отрицал: для чего Кириону чужие лошади, когда и свои-то едва умещаются в конюшнях?

Рати не удовлетворился этим. Он отправил в Манглиси начальника своих конюшен. Архиепископ манглисский был в отъезде, в Цалке, конюшни его обыскали и нашли в них девять вьючных лошадей. Один простофиля конюх сболтнул, будто лошадей этих привели среди ночи какие-то пастухи.

Узнав об этом, Рати Орбелиани пришел в ярость. Монах Козман был послан к манглисскому архиепископу, чтобы потребовать объяснений.

Кирион был и без того разгневан на Липарита Орбелиани и на его семейство за вероотступничество.

Козмана он встретил грозно.

— Передай от меня Липариту и его сыну, — сказал он монаху, — что я — не триалетский эристав, лазутчики из Исфагана не ездят ко мне по ночам. Вьючных лошадей я посылал в Болниси за воском, лошади эти принадлежат мне и поэтому стоят в моих стойлах. Пусть явится ко мне немедленно твой господин и испросит прощение за проступок своего неотесанного слуги, за дерзкий обыск моих конюшен. Иначе, смотрите, я заставлю ползать червем по земле сына Липарита.

Рати Орбелиани заколебался: число всадников, указанное лазутчиками, не совпадало с числом лошадей, обнаруженных в конюшне Кириона, ибо следы мула отца Анфимоза также были приняты за лошадиные невежественными соглядатаями.

Козман был послан в Клдекари к эриставу Липариту за советом. Старый Орбелиани пришел в ярость: как осмелился этот лысый поп всенародно приказывать его сыну?

— Кафедральный собор в Манглиси построен моим дедом! — кричал эристав. — Пусть Кирион возьмется за ум, не то я обращу этот храм в мечеть, а его самого прикажу схватить и посажу на цепь, как свинью, в клдекарском подземелье!

Козман подумал: «Теперь пришла пора Кириону расстаться с епископской митрой!»

В тот же день он явился в Манглиси, от радости напился пьяным у своей кумы и рассказал ей о похвальбе Липарита.

Рати хорошо знал злопамятный нрав Кириона: в течение многих лет тягался архиепископ с Липаритом Орбелиани из-за монастырских лесов и рыболовных угодий.

Задумался сын эристава Липарита: со дня на день ожидали в Триалети царя Давида. «И так уже духовенство возмущено вероотступничеством Липарита, а тут еще этот проклятый поп подольет масла в огонь, совсем восстановит священников против нас», — подумал Рати и, решив замять дело с девятью лошадьми, вновь принялся готовиться к переезду в Жлдакари.

Но Кирион Манглисский не унимался. Через отца Василия сообщил он Рати, чтобы тот не позднее чем через неделю явился в кафедральный Манглисский собор.

Испугалась Ката: как бы не проклял ее семью разгневанный архиерей. Настойчиво советовала сыну немедленно отправиться к епископу на поклонение.

Не хотел и слышать о поклонении надменный эристав; он поручил Козману принести извинение за него, сказать, что болезнь не позволяет ему лично явиться к преосвященному, и послал Кириону три вьюка меду.

Но Кирион Манглисский не принял Козмана, выслал к нему своего постельничего монаха и велел передать:

— Если не явится ко мне в назначенный срок твой господин, в воскресенье после богослужения предам я всенародному проклятию обоих — отца и сына.

Приношение он отослал обратно.

Ката, заливаясь горячими слезами, молила сына не губить своим упрямством вместе и отца и всю семью. Рати и сам был испуган угрозой, но не признавался в этом.

В воскресенье утром, взяв с собою большую свиту, он отправился в Манглиси. Все Триалетское эриставство собралось в Манглисском соборе. Арбы и верховые лошади тесно сгрудились вокруг храма. Народ не умещался в церкви, битком набит был и огромный двор.

Любопытные взоры толпы устремились на рыцаря в серебряных доспехах, гордо выступавшего впереди своей свиты. Сгрудившаяся толпа раскололась надвое.

— Рати! Рати! — пронесся шепот.

Вытягивая шеи, люди поднимались на цыпочки—все хо-

тели увидеть лицо Рати. Нахмуренный, суровый, отделился он от свиты, вышел вперед и стал впереди всех азнауров, владетелей замков, против правой двери алтаря, перед амвоном, — там, где обычно становился Липарит Орбелиани.

Из царских врат вышел низкорослый епископ, одетый в виссон и увенчанный золотой митрой; он кадил и что-то бормотал нараспев. Спокойно и невозмутимо было лицо Кириона. Азнауры свиты убедились, что гроза миновала.

Заметил и Рати: архипастырь подошел к нему совсем близко, даже заглянул ему в лицо и, позванная кадилом, повернул налево.

Богослужение кончилось. Рати собирался уже покинуть храм, когда из царских врат вышел бледный епископ и начал проповедь. Издалека подошел он к тому, о чем собирался говорить своей пастве.

Слабый голос Кириона терялся под высокими сводами огромного храма. Паства затаив дыхание слушала проповедь архиепископа, покашливая время от времени. Кирион коснулся в своей речи исфаганских дел, упомянул о смерти султана Малик-шаха и сказал:

— Содрогнулись неверные, склонились цари, всевышний поднял свой голос — и сотрясается земля; господь нашей силы и живота нашего... сотворивший знамения миру сему... уничтожит луки и стрелы, и обратит в прах доспехи, и щиты сожжет небесным огнем... Судный день уже близок, — продолжал Кирион Манглисский, — над владениями сельджукского султана уже занесен меч возмездия. За пролитую кровь храбрых воинов наших, за грады и веси, сожженные Альф-Арсланом, Малик-шахом и их сарангами, воздал господь султану сельджуков и его визирю!

И вдруг, прервав рассказ о смутах сельджукского государства, Кирион назвал имя Липарита Орбелиани — изменника царю, вере и родине. Подробно изложил он пастве историю его отступничества.

— Да будет он извержен! — воскликнул архипастырь.

— Отлучи его! — прогудела паства, и странное жужжание раздалось в храме.

— Да будет извержен Липарит, предатель царя и государства нашего! — воскликнул Кирион.

Рати почувствовал, как вспыхнули его щеки. Уже при первом упоминании об отце у него покраснели уши, и словно кипятком облили его лицо следующие слова Кириона:

— Да будет извержен и проклят изменник и отступник!

еры, государя и отечества нашего, эристав над эриставами Липарит, сын Ивана Багуаш-Орбелиани! Да покроет его проклятие, как шапка, да проникнет, подобно воде, во извержения его, и, подобно мозгу, в кости его, да будет оно ему платьем, что оденет его, и поясом, конм препояшется он везде и присно.

Затрясся надменный Рати, пал на колени, подполз к архиепископу, одетому в омофор из виссона, и молил его не проклинать хотя бы семейство Липарита Орбелиани, дать ему, Рати, свое благословение.

Манглисский архиепископ поднял коленопреклоненного эристава и осенил его крестом. За упрямство наложил на него епитимью: в течение трех недель не вкушать ничего, кроме хлеба и воды, и спать на голом полу, не снимая доспехов.

Сын эристава Липарита безропотно подчинился наложенной архиепископом епитимье, но этим не завершились его страдания.

Во дворце триалетских эриставов с давних пор висело распятие огромной ценности, которое император Константин Мономах подарил деду Липарита — Липариту III в 1047 году, когда «пошел Липарит на Двин и сражался за греческого царя против града сего».

Это распятие Липарит III увез в Иерусалим, там он постригся в монахи и умер. Сын его Иванэ привез распятие в Кацхи, где похоронил останки своего отца.

Из Кацхи эристав Иванэ, сын Липарита III, перенес распятие в Липаритис-убани, и здесь оно висело на стене в опочивальне эристава как при нем, так и при Липарите IV.

На изображении голгофского холма, сделанном из сердолика, возвышался черный мраморный крест. К нему был пригвожден тремя остриями Иисус Христос, выточенный из цельного куска слоновой кости, — лишь руки были приставлены к торсу и прикреплены у плеч.

Голова спасителя была склонена вправо, из приоткрытого рта, казалось, вот-вот вырвется крик страдания. С необычайным искусством вырезала рука мастера искаженные мучкой, исхудалые черты, мельчайшие подробности мученического лика распятого человека. А истерзанное тело было изображено со всеми костями, со всеми суставами, с маленькими ямками возле шеи, с желобками, что бегут между каждых двух ребер, с хрупкими костями пригвожденных к кресту рук и ног и сведенных мучкою пальцев.

На золотой дощечке, прикрепленной к подножию, была вырезана надпись: «Иисусе, помилуй раба господня инока Антония, в миру Липарита III».

С такою законченностью было вырезано все тело спасителя, словно резец скульптора придаст слоновой кости мягкость живой плоти.

В жизни людей часто случается так: судьба посылает страдания за страданиями, и к этому еще прибавляются необычайные явления в природе; в таких случаях древние греки возлагали вину на Пандору, невестку Прометея, принесшую зло в мир, а христиане — на сатану.

В сущности ни Пандора, ни сатана не были, наверное, виноваты в том происшествии, что потрясло ужасом Рати Орбелиани и его семью.

3 февраля 1093 года, в шесть часов утра, еще до того, как зашевелились тени во всем Триалетском эриставстве, трижды слабо сотряслась земля, — настолько слабо, что слуги во дворце Орбелиани даже не почувствовали толчков.

В ту ночь ожидали приезда Липарита Орбелиани из Кледжари. Рассерженный епитимьей, наложенной на Рати, эристав был объят нетерпением и собирался сам прибыть в Липаритис-убани.

Всю ночь читала псалмы и молилась прилежно супруга эристава Ката.

Перед распятием, повешенным на стене, теплились, как обычно, три неугасимые лампы. Голгофский холм, иваный из сердолика, горел как пламенеющая купина.

Ката молилась спасителю за своего отлученного от церкви и преданного проклятию супруга, за сына, несущего епитимью, и за несчастную дочь.

Рати в полном доспехе лежал на кирпичном полу и спал.

Поочередно спали на джейраньих шкурах постельничьи девушки, немолчно пели на дворе петухи.

Вдруг привиделось Ката: обе руки Христа отделились от гвоздей, что прикрепляли их к кресту. Спаситель склонился вперед, руки его опустились, и так, опираясь на острие, пригвождавшее его ноги, стоял Назарянин, словно пловец на скале над морем, который, протянув обе руки вдоль бедер и слегка согнувшись в пояснице, готовится броситься в пучину.

Ката ужаснулась, вскочила с ложа и закричала, встрепенулись постельничьи девушки, разбудили Рати, зажгли свечи. Сын Липарита протер глаза, также содрогнулся перед этим зрелищем, и все бросились прочь из опочивальни.

Зосим тотчас послал за отцом Василием, и старца привезли из монастыря. В полном облачении, сопровождаемый многими монахами, ходил архимандрит по дворцовым палатам, монахи пели псалмы и кадили.

Повесив голову и скрестив руки на груди, следом за ним шел Рати и напевал вполголоса псалом:

«Обрати ко мне лицо твое и услышь меня, господи, ибо я немощен и убог...»

СНЕЖНАЯ БАБА

Хладнокровного эристава Джонди также объяло нетерпение. Епитимье, наложенной на Рати Орбелиани, не было видно конца. Кроме того, все труднее становилось такварским азнаурам утолять голод Каримана Сетиели, да и слишком много внимания привлекал он к себе своим богатырским сложением. Монашеской пищи ему не хватало, ибо, ненасытный, съедал он целого ягненка за завтраком.

— Кушать хочу, — по-детски жаловался он друзьям ежеминутно.

Отец Василий и Джонди, посоветовавшись, решили посетить его в Шошилетской церкви и посылать ему туда из Липаритис-убани баранины вдоволь.

Но терпение Каримана Сетиели было на исходе. Однажды ночью подал он такой ребяческий совет эриставу: позволить ему, Кариману, напасть ночью на дворец и похитить Рати Орбелиани с его ложа.

Джонди уже успел осмотреться в Липаритис-убани. Дворец и монастырь были обнесены довольно высокой каменной стеной, а стену окружал дремучий лес. Невдалеке от монастыря стояла боевая башня. Сам дворец, сложенный из тесаного камня, был двухэтажный, в стенах его, как в крепости, имелись боевые оконца для наблюдателей и стрелков, так что враг, даже войдя внутрь ограды, вряд ли мог бы захватить дворец без осадных орудий.

По ночам в Липаритис-убани спускали собачью свору, псы помогали ратникам, стоявшим на страже вокруг дворца.

Пока Джонди ломал голову над своей задачей, к нему прибыл лазутчик. Шергил Липартиани извещал: царь Давид собирается покинуть Начармагеви и отправиться в Мухатгверди со всем войском. Государь уверен, что еще до того, как лес

оденется листвою, задача такверского эристава будет выполнена.

Джонди сгорал от стыда. Какое доверие оказал ему царь Давид, — сделал начальником такверской дружины, даже ни разу не испытал его хотя бы в самой малой боевой схватке! Но обстоятельства сложились особенно неблагоприятно, — схватить Рати Орбелиани оказалось делом невероятной трудности.

Через три недели кончится епитимья Рати, и уедет он со своей свитой в Клдекари, а уж оттуда не сумеет его достать и сам дьявол.

Однажды вечером собрал такверских азнауров Джонди и объявил им:

— Если порученное нам дело не будет выполнено, вы увезете из Триалетского эриставства только мой труп.

Внезапная мысль мелькнула в его напряженном уме. Но и здесь необходима была помощь Кириона Манглисского.

Предварительно посоветовался он с отцом Василием. Обнадежил молодого эристава архимандрит: Кирион — человек мужественный, он не откажет такверцам в их просьбе.

В темную и ветреную зимнюю ночь взял с собой Джонди Каримана Сетиели, и оба они отправились пешком из Шоши-лети в Манглиси.

С большим почетом принял Кирион Манглисский такверских азнауров, посланных царем Давидом, сильно обрадовался, признав сына Шамана в молодом эриставе, прибывшем с тайными поручениями царя Давида в триалетские земли. Джонди же слышал еще раньше от своего отца о безупречной доблести архиепископа Кириона и удивился, когда вместо рослого, полного мощи богатыря увидел лысого маленького старичка со сморщенным, словно высушенная виноградина, лицом, со слабым голосом и маленькой, хотя и увенчанной высоким лбом, головой. Когда епископ улыбался, вокруг его янтарно-желтых глаз собирались лучами бесчисленные морщинки.

Редкая рыжеватая борода была подернута сединой, и на лысой голове кое-где виднелись серебристые клочки волос — жалкие, как выщипанная гусьями травка на лугу. Ни тоненький голосок, ни сложение — ничто не говорило о доблести или о мужестве.

Кариман Сетиели удивлялся: откуда у этого немощного старика нашлась такая смелость — вступить в борьбу с эрис-

тавом Липаритом, против которого сам царь Давид, вооруженный осадными орудиями, не решался начать войну.

«Настигни его сильный ветер где-нибудь в ущелье, — унесет, как хворостинку», — думал Кариман Сетиели.

Когда они втроем усаживались за накрытый стол, Кирион посмотрел на юного эристава и сказал:

— Мы с твоим отцом сопровождали царя царей Георгия в битве у Алгети; я тогда был еще молодым священником, под рясой я носил кольчугу и с крестом в руке шел впереди картлийских войск.

Пока манглисский архиепископ рассказывал о своем участии в битвах, Кариман Сетиели улучил минуту и прикончил целую свиную вырезку.

Когда Кирион спросил Джонди о цели его посещения, эристав такверский не решился открыто посвятить епископа в дело и, набравшись смелости, начал так:

— Еще одну нашу просьбу ты должен исполнить, преподобный отче, но только, умоляем тебя, не спрашивай нас покамест о ее причинах. Отец Василий, наверное, рассказывал тебе, с какою целью посланы мы в эти края царем Давидом. Так вот, мы просим тебя лишь об одном: укороти срок епитимьи эриставу Рати Орбелиани.

Лукавая улыбка пробежала по устам Кириона Манглисского; он потрогал свою бородку, пошевелил иссохшими пальцами в редкой щетине повыше подбородка, потом взглянул в лицо такверскому эриставу и сказал:

— Так, значит, вы пришли в мой дом замолвить слово за Рати Орбелиани, — так я вас понял, дети мои?

Крепко сжатые губы Джонди тронула едва заметная улыбка, уши его, заостренные наподобие листьев вяза, покраснели, и он засмеялся.

— Выходит, что так, преосвященный отец.

— Понятно, понятно... — четко сказал старик. — Завтра же я отправлю дворцового в Липаритис-убани, призову Рати к себе и сниму с него епитимью.

Целое стадо жертвенного скота послал Рати Орбелиани в Манглиси, когда сняли с него епитимью. Обрадованный, вернулся он в Липаритис-убани.

Управитель замка Зосим известил такверского эристава: Рати Орбелиани готовится к охоте на медведя. Совсем осмелел Джонди: уже и среди дня входил он теперь в дворцовый двор, смешивался с толпой суетившихся и галдевших перед

пекарнями и погребамн дворовых людей, слушал их разговоры — голос простонародья. Все во дворе знали ласкового, учтнвого «кларджетского монаха — сборщика милостыни».

История с распятием до сих пор еще служила поводом для пересудов. Говорили: так рассердило спасителя вероотступничество триалетского эристава, что он уже спустился с креста и собиpался было уйти из дворца Орбелиани, да только отец Василий, святой человек, сумел смягчить своими молитвами сердце Назарейнина.

Однажды вечером Джонди сидел возле торнэ и слушал беседу хлебопекон. Шел редкий, медленный снежок. Молчаливо передвигавшихся по двору слуг трудно было отличить друг от друга. Но все же приметил Джонди: по ступеням лестницы спустился Рати, без меча, без шлема, и направился к конюшням в сопровождении одного лишь главного надсмотрщика над табунами.

Вскоре сын Липарита вернулся. Джонди совсем осмелел, пропустил мимо себя Рати и смотрителя табунов, уллучил, наконец, удобную минуту и пошел за ними вслед.

— Сколькo вам понадобится лошадей на послезавтра, великий эристав? — спросил смотритель табунов.

— Тридцать, — ответил Рати. — Для меня прикажешь оседлать Мрешу; в горах она, пожалуй, будет лучше, не правда ли?

— У Мрешн до сих пор не зажило колено, великий эристав.

— Тогда оседлай Зердагу! А впрочем, завтра ввечеру я сам осмотрю рану у Мрешн.

— Пусть будет по твоей воле, господин мой великий эристав.

Джонди достаточно было и слышанного. Он не пошел дальше и вернулся в монастырь.

Когда стемнело, снег перестал идти, ветер рассеял облака и появилась луна, Джонди взял с собою такверского азнаура Пешанги Гарнбаисдзе и пошел осмотреть расположение конюшни. Конюшни Орбелиани стояли за оградой, которой был обнесен дворец, возле елового леса.

На лугу такверцы заметили две-три человеческие фигуры, словно закутанные в саваны. Они стояли на местах, не шевелясь, как воины на страже.

Джонди встревожился: уж не поставил ли Орбелиани наблюдателей перед своими конюшнями? Он нащупал ору-

жие под монашеской рясой. Но когда такверцы приблизились, они увидели, что это всего лишь снежные бабы, и вспомнил эристав: здесь, перед конюшнями, забавлялись игрой в снежки дети конюхов. Тут же рядом видны были построенные ими маленькие ледяные башни и дома.

В конюшне они не нашли никого из людей — лишь порою негромко ржали лошади. С двух сторон обступил конюшню частый ельник, на западе виднелось покатое русло ручья, стекавшего к ущелью. Нужно было долго идти по тропинке, чтобы достичь оврага. Сейчас тропинка была занесена снегом так, что, выйдя из конюшни, можно было скатиться кубарем до самого ручья.

Дважды обошли такверцы помещение конюшен, вернулись на прежнее место и стали вглядываться в освещенное лунным светом ущелье. Потом спустились под гору, долго шли по снегу и достигли занесенного снегом ручья.

Вода журчала под снежным покровом. Такверский эристав счел нужным измерить глубину ручья.

Гарибаисдзе перешел вброд на другую сторону ручья; вода доходила ему до пояса. Вернувшись, он сказал Джонди:

— Это место самое удобное для нас: с той стороны над ручьем — частый лес, заросший под стволами кустарником; погоне будет трудно следовать за нами.

Они снова вернулись к конюшням и осмотрели ельники на плоскогорье. Джонди сказал:

— В этих елях будет трудно скрыться от погони: лес редок, преследователи могут скакать за нами на лошадях.

Молча шли к монастырю две похожие на тени фигуры; наконец опять послышался голос Джонди:

— Теперь ты отправишься в Шошилети, Пешанги, приведи сюда Каримана, да возьмите с собою оружие и доспехи. Понадобятся нам и луки со стрелами. Смотрите, не забудьте и про тулупы.

На другой день с утра густо повалил снег. Щедро сыпались с неба крупные белые хлопья.

Когда же за вечерело, поднялся ветер, подхватил снежинки и закружилась метель. Как раз неподалеку от ледяных башен такверцы, одетые в пастушеские тулупы, принялись играть в снежки.

Каримана Сетиели прислонили к снежной башне; зарытый в снег по пояс, залепленный до усов, напоминал он огромного серебряного идола. Остальные восемь его всех сторон забрасывали его снежками.

Джонди первый заметил, что Рати Орбелиани показался внизу. Смотритель табунов сопровождал своего господина.

Джонди услышал слова Рати:

— Если и нынешней ночью будет идти снег, лошади, вероятно, уже не понадобятся.

— И я так думаю, господин мой великий эристав; в ельнике вы не сможете охотиться на лошадях, — ответил главный смотритель табунов.

Рати увидел перебрасывающихся снежками людей, подивился: неужели так скучают взрослые парни, что занялись детской игрой? Завидев Рати, Кариман Сетиели неподвижно застыл на месте. Эристав взглянул на него, принял издали за снежную бабу и продолжал свой путь, подумав: «Это забавляются конюхи». И он медленно пошел к конюшням.

Кариман Сетиели скатал увесистый снежок, прицелился и бросил его в Рати; снежное ядро попало Орбелиани в шею, но тот решил, что лишь нечаянно, перебрасываясь друг с другом, попали в него парни.

Снова бросил снежком Кариман.

Главный смотритель табунов остановился — он тоже принял такверцев за своих подручных — и крикнул им:

— Что это вы, головы, что ли, потеряли? Или не узнаете своего господина?

— Знаем, знаем прекрасно, что он за птица, — ухмыльнулся в ответ Кариман, швырнул третий снежок и залепил все лицо эриставу. Такверский конюший Горгиа кинулся на смотрителя табунов и, смяв его, словно лаваш, воткнул головою в снег. Джонди и Кариман подскочили к Рати Орбелиани; долго боролся с двумя рослыми бойцами эристав, но в конце концов Кариман перекинул его правую руку себе через плечо, взвалил Рати на спину и поволок под гору к ручью.

Конюший Горгиа выпустил смотрителя табунов, звавшего на помощь, и побежал за такверцами к оврагу.

Четверо молодцов волокли Рати Орбелиани под гору. Кричать он счел унизительным для себя, зато освобождал время от времени то руку, то ногу и колотил напавших на него такверцев что было силы. Между тем на крики высыпали вооруженные дубинами конюхи, спустили собак и бросились в погоню за похитителями.

Заметил Кариман: такверцам было скользко идти по снегу под гору; он велел остальным выпустить Рати, бросился на него сам, свалил, и оба покатались кубарем по склону. Остальные тоже сели на полы своих тулупов и соскользнули в овраг.

Страшное смятение воцарилось во дворце Орбелиани. Ударили в било. Уже темнело, никто не знал, что предпринять.

Главный смотритель табунов и его подручные конюхи растерялись, не догадались спуститься в ущелье по способу такверцев, а пустились по занесенным тропинкам, но все же в конце концов настигли похитителей.

Такверский эрстав оставил Рати на попечение Каримана и Горгна, сам же обнажил меч, преградил путь конюхам и погнал их прочь; во время этой стычки один конюх упал раненный в снег. Конюхи не любили Орбелиани и не очень ратовали за него; они кинулись к раненому товарищу, а главный смотритель табунов пустил за беглецами собачью свору.

Тем временем Кариман взвалил себе на плечи Рати, утомленного борьбой с девятью противниками, и уже собирался переправиться с ним через ручей, когда одна из собак вонзила ему в ногу свои клыки. «Авай!» — закричал Кариман, выпустил Рати, обнажил клинок и одним ударом пронзил пса. Потом прыгнул и очутился на противоположном берегу.

Джонди заметил: кровь лилась струей из ноги Каримана Сетиели. Он подхватил Каримана на спину, подоспели остальные такверцы на подмогу и утащили Каримана в лес.

Когда всадники, вооруженные копьями, достигли ручья, нападающих уже нигде не было видно. Избитого до полусмерти Рати унесли во дворец. На следующее утро обшарили лес по ту сторону ручья, но все поиски были тщетны.

Восемь добрых молодцов на спинах тащили по лесу Каримана Сетиели и еле-еле донесли его до конюшен манглисского епископа Кириона.

Липаритис-убани было объято страхом.

Видел Рати: опасно ему оставаться во дворце. Хотел перебраться в крепость Хулути, но так болело избитое тело, что не мог он лежать ни на одном боку.

Липарит Орбелиани неожиданно приехал из Клдекари. Он не был согласен с сыном: нет, не царем Давидом были посланы эти похитители. Бешкен Джакели следил внимательно за триалетскими замками, его-то лазутчиками и были, по мнению Липарита, эти люди.

И еще одно обстоятельство вспомнил эрстав. С юности отличался невоздержанным женолюбием Рати. Где-то на храмовом празднике в Джавахети, во время ночного бдения у святыни, заметил он красивую девушку, увез ее в Хулут-

ский замок, держал наложницей три месяца, а потом отослал назад к родным.

Девушка эта оказалась дочерью Хурсидзе, владетеля замка Фанакари, и жены его, родной сестры Бешкена Джакели. Разгневался тухарисский эристав и обещал когда-нибудь схватить Рати Орбелиани и заточить его на всю жизнь в подземелье Тухарисского замка.

Пять лет прошло с тех пор, но Липарит знал хорошо: злопамятно было сердце Бешкена Джакели. И сейчас подумалось ему: это тухарисский эристав решил отомстить Рати за грехи его юности.

И еще говорил Липарит:

— Царю Давиду пока еще не до нас. Лазутчики мои принесли достоверное известие: царь Давид покинул вместе со своими войсками Начармагеви и спускается вниз по течению Куры. Лазутчики тбилисского амира также доносят: царь Давид готовится к борьбе против Бану-Джаффара.

ЗЕМЛЯ

Неожиданное отступление царя Давида от Начармагеви упрочило душевное спокойствие Липарита, а между тем царь поступил так не только для устрашения владетеля Зедазенского замка Дзагана и амира тбилисского Бану-Джаффара, но и для того, чтобы ввести в заблуждение триалетского эристава.

Последнее землетрясение нанесло ущерб Клекарскому замку, стены крепости были в значительной мере повреждены. Липарит поставил мастеров восстановить стены, а сам переехал в Липаритис-убани, решив, в случае, если царь Давид вторгнется в Триалети из Мухатгверди, опереться на две ближние к Липаритис-убани надежные крепости — Хулути и Берикали, защищенные естественными оградами из скал.

Убийство Малик-шаха и Низама аль-Мулька ассасинами повлекло за собою гонение на христиан в Палестине, Сирии и Малой Азии; в Армении были разгромлены храмы, удвоенные хараджа и джизия легли на плечи жителей.

Случилось это потому, что, по убеждению сельджукских амиров, за фанатиками-ассасинами стояли христианские цари и епископы. И до Тбилисского амирства дохлестнула волна этого гонения.

И здесь увеличили хараджу и джизию, беспощадно убивали грузин и разоряли армян.

«Был полон град кровью христианскою; подчас поднимали ссоры и избивали без причины всех христиан, сколько могли найти; подчас же отдавали сопровождавшим караваны турчинам входящих во град и выходящих из града христиан и ввергали их в полон или предавали смерти, и так опустошалась земля многократно».

Долго ждал гонца от эристава Джонди царь, стоявший с войском в Начармагеви, но ни Кирион Манглисский, ни такверский эристав не слали вестей. Отец Анфимоз простудился при переходе через Сурамский перевал и укрылся, злополучный, в Кинцвисском монастыре. Лишь случайно прибывшие из Манглиси монахи привозили отрывочные известия о триалетском эриставе и его семействе.

Непривычно волновался царь, ибо знал: если Рати успеет запереться в Клдекари, много крови придется пролить царским войскам, чтобы извлечь оттуда отца с сыном, а этого остерегался Давид.

Шергил же Липартиани и Георгий Чкондидели советовали царю сделать наоборот: сперва рассчитаться с эриставом Дзаганом и царем кахетинским Квирике, а потом уже наказать эристава Липарита.

Но безмолвствовал Давид. Известно было ему, что спор из-за границ между Дзаганом, Квирике и Липаритом был уже окончен; теперь все трое договаривались с тбилисским амиром, но Бану-Джаффара привлекала Коджорская крепость, и потому до времени оставался в стороне тбилисский амир.

Давид был уверен: если бы он осадил Зедазенский замок, эристав Липарит немедленно провел бы свою рать верховьями речки Верэ, без труда взял бы Мухатгвердскую крепость и зашел бы в тыл царским войскам.

У триалетского эристава, кроме семисот тяжело вооруженных рыцарей, было двадцать тысяч конных воинов, не считая войск в крепостях.

Давид, находясь в Начармагеви, хорошо изучил с помощью лазутчиков военную силу кахетинского царя Квирике и владельца Зедазени Дзагана. Конных войск, кроме азнауров, у них почти не было, обороняться же в крепости они могли без труда. А если бы Квирике и Дзаган вывели гарнизоны из твердынь и отрядили их на помощь Липариту в Три-

лети, то верные царю кахетинские азнауры, в ту пору укрывшиеся в горах, спустились бы под предводительством Аришиани и Барамисдзе в долину и могли бы отторгнуть кахетинские крепости у их владетелей.

Такая смута объяла к тому времени владения султана, что на помощь сельджукских войск не мог надеяться ни один из трех союзников.

Было правилом у Давида: спокойно выслушать совет каждого, но хранить в тайне свое решение.

На исходе февраля повелел он своим лазутчикам распространить по Картли слух, будто бы в отместку за преследование христиан царь собирается идти на Тбилиси.

И вот Давид раскинул лагерь в окрестностях Мухатгверди.

Шергил Липартиани был с царем в лагере, а Георгию Чкондидели было приказано держать в Гегути три тысячи маргветских лучников, готовых выступить по первому зову.

Шергил Липартиани был убежден, что царь собирается переправиться через Куру у Мухатгверди, обойти с севера владения тбилисского амира и осадить кахетинские твердыни. Весьма разумным казался этот план военачальнику, ибо если бы удалось царю сломить тамошние крепости, то на обратном пути единым ударом была бы сокрушена и крепость Зедазени, а после того настала бы очередь и триалетского эристава.

Эристав Гуарам привез царю письмо от императрицы Мариам. Весьма радостные известия сообщала племяннику прекрасная императрица. Сына ее, Константина Порфирородного, враги Алексея Комнена в самом деле запутали в интригу, сплетенную, чтобы поднять восстание против императора, но милосердный кесарь отнесся незлобиво к своей нареченной матери и великодушно освободил кесароса Константина. А кроме того, императрица Мариам сообщала Давиду, что предприняты попытки выкупить из плена Нианию Бакуриани.

Из того же письма узнал царь, что Нианию немало носила по свету причудливая судьба. Из Джавахети похитители увлекли его в Исфаган. Амиры Бархиарока отвезли пленника в Багдад. После поражения сына султана Ниания достался, в числе прочей добычи, Тутушу, а Тутуш продал его амиру иль-Гази. В настоящее время Ниания находится в Иерусалиме, в качестве пленника иль-Гази, который окружил сына великого доместика Бакуриани величайшим вниманием

в надежде на то, что отец не пожалеет за него десяти тысяч дирхемов.

Благочестивая тетка прислала христоробивому племяннику вновь переведенные на грузинский язык Евфимием Мтацминдели «Деяния апостолов» и переплетенный в свиную кожу «Органон» Аристотеля на арабском языке.

Неприятные известия каждому легче передать устно, нежели изложить в письме. И Мариам не написала ни слова об одном происшествии, о котором зато рассказал Давиду эристав Гуарам.

Император Алексей Комнен сослал в Херсонес лжецаревича Константина, самозванного сына Романа Диогена. Одна из башен Херсонесского замка была обращена в темницу, и в нее император заточил самозванца. Половцы приезжали в Херсонес покупать железо, они подкупили тюремщиков этой башни и увели лжецаревича с собою в степи. Торгортак и Торгорта еще не забыли «неблагодарности» кесаря Алексея Комнена. Увидев самозванного сына Диогена в своем лагере, они обрадовались и объявили его императором Византии. Потом, нимало не медля, снялись с места и пошли покорять империю кесарей, взяв с собою лжеимператора.

Алексей Комнен видел, какой страшный вихрь надвигается на его обессиленную империю, и немедленно укрепил проходы Балканских гор. Он поспешно собрал совет военачальников, родичей и старейшин.

Алексей Комнен страдал ревматизмом, но, несмотря на болезнь, был храбрым воином и без колебания сообщил совету свое мнение: встретить половцев в сраженье. Члены синклита устрешили, единодушно советовали кесарю укрепиться в замках и там ожидать врага. Император заколебался и в конце концов решил «посоветоваться с богом».

В таких случаях византийские кесари обычно раскрывали наугад священное писание и сообразно вычитанному отрывку решали дело.

Иначе поступил Алексей Комнен: в сопровождении большой свиты, состоявшей из константинопольского патриарха, доместиков войска, друнгариев флота, куропалатов, новелисимов и епископов, направился он в храм Святой Софии.

Два листка взял он в руки. На одном было написано: «встретить в сражении», на другом — «укрепиться в замках». Оба листка были запечатаны и, по велению кесаря, положены патриархом на алтарь.

Ночь провели в соборе без сна. Как император, так и весь синклит молились коленопреклоненно, пели гимны, взывали к небу до утра. Когда рассвело, патриарх вытянул жребий, вынес листок в храм и подал императору. Алексей Комнен распечатал его и прочел:

«Встретить в сражении».

На третий день после этого кесарь выступил из Константинополя со своей ратью и расположился лагерем в окрестностях города Анхиалиса. Военачальников своих Никифора Мелиссина и Георгия Палеолога он послал к Верроэ — защищать этот город и его окрестности.

Вскоре один из валахских дворян известил его тайно, что половецкие орды уже приближаются к Балканским горам.

Кесарь созвал совет. Военачальники и родственники — все единодушно советовали ему встретить врага в Анхиалисе. Алексей принял этот совет и укрепил твердыню Термы. Защищать ее он оставил военачальников Татика и Кантакузена.

Новое известие принесли лазутчики: будто бы к Адрианополью приближались половцы. Кесарь призвал адрианопольских дворян и внушил им храбро встретить врага, не жалеть стрел, держать крепостные входы запертыми днем и ночью.

У балканских горных проходов встретили половцев валахи. Они указали им дороги и провели врагов в византийские владения.

Так постепенно половцы достигли города Голоэ. Горожане торжественно встретили лжецаревича Константина, схватили защитников крепости и выдали их половцам.

Лжецаревич надел красные сапоги, знак императорского сана, возложил на себя золотой венец, облачился в виссон и златотканую парчу. Не удовлетворясь этим, он повел свою рать к Анхиалису и окружил город, чтобы взять в плен своего соперника Алексея Комнена.

Анхиалисская крепость была неприступна, она стояла на высокой скале, откуда защитники скатывали камни на половецких всадников. Под конец лжецаревич снял осаду и направился к Адрианополью.

Но и Адрианополя не сумел он взять. Тем временем Алексей Комнен выступил из Анхиалиса, но раньше чем он достиг Адрианополя, греки заманили лжецаря в боевую башню, напоили его допьяна и заковали.

Алексей Комнен напал на главные силы половцев, истребил многих, увел в полон три тысячи, уцелевшие же рассы-

пались по лесам и устремились назад в свои степи, грабя по пути мирных жителей.

Опечаленный, рассказывал обо всем этом царю Гуарам, владетель Бечисцихе. Посоветовал царю отозвать немедленно посланных в половецкие земли Догато, эристава цхумского и Стефаноза, цилканского епископа.

Царь молча взглянул на Шергила Липартиани. И Шергила встревожил этот рассказ.

— Изменников немало у нас и дома, государь; если теперь призвать еще половцев, как бы еще более не разжечь смуты в стране!

— И все же, думается мне, — сказал царь, — кесарь Алексей не сумел использовать половцев, как подобало. — Он оглянулся на Махару и добавил: — Если охотник, поймав кречета, возьмет его на охоту и необученным выпустит на фазана, то возможно, что хищник схватит птицу, но уж наверное сам растерзает свою добычу, а потом вернется в родные леса. Махара же поступает иначе: поймав кречета, выщиплет у него из-под крыла пух — признак дикости, потом залепит глаза воском, посадит себе на шуйцу связанного петлей, сидит над ним дни и ночи напролет и все время кричит ему в ухо.

— Правду изволит говорить царь, — вставил, не спросясь, обрадованный притчей скопец, а царь продолжал:

— Если кесарь и вправду хотел сделать половцев своими союзниками, он должен был сперва поселить их в Византии, обратить в христианство, превратить их в оседлых жителей на своей земле, а потом уже снова посадить их на коней. Понятно, что на кочующие толпы никак нельзя положиться; ничто так не объединяет людей, как земля.

КАК МЕЧ ОТВЕРГ НОЖНЫ

...И сказал Абдулла ибн-Равахам: «Лишь двух милостей просил я у творца: отпущения грехов моих и силы в плече — такой, чтобы от удара меча, занесенного моей рукой, пена выступила на губах врага, или чтобы копье, кинутое мною, вонзилось ему в грудь до самого сердца. И чтобы прохожие, идя мимо моей могилы, говорили:

— Вот истинный рыцарь! Да устроит его господь благостно в потустороннем мире, ибо на земле он ходил всегда прямыми путями!»

Абу Абдулла ибн-Исхак ибн-Изар.

В царский шатер вошел начальник Мухатгвердской крепости Фарджаниани, воздал почести царю и пригласил его к

завтраку. Давид, эристав Гуарам, Шергил Липартиани и Махара направились к замку. Эристав Гуарам вполголоса беседовал с повелителем. Сладостные весенние ароматы источала земля. Птицы пели в лесу, кукованье кукушки доносилось с Дигомской равнины. Взор царя остановился на толпе, шумевшей в поле, вблизи замка. Давид спросил начальника крепости о причине волнения.

Доложили ему: мухатгвердские поселяне отправились в Тбилиси покупать подковы. Закупили товар мухатгвердцы, но сельджуки хотели отнять его у земледельцев. Кузнецы грузины пришли на помощь своим единоплеменникам и помогли им выбраться из города, прежде чем были закрыты крепостные ворота.

Поселянам удалось добраться до Лочинского ущелья. Здесь напали на них сельджуки, шедшие с караваном; мухатгвердцы схватились за мечи. Несколько сельджуков было убито, пятерых крестьян увели в полон караванщики.

Когда Давид с сопровождающими выехал на поле, взор его остановился на высоком поселянине, вооруженном кинжалом. Пригляделся царь: родимое пятно величиною с деньгу чернело на скуле у поселянина. Царь приказал начальнику крепости привести к нему этого человека.

В замке царь и свита его нашли накрытый стол; Махара немедля приступил к еде и сам угощал царя и свиту вареными сметками. Гуарам, эристав бечисцихский, снова вернулся к византийским новостям и начал рассказывать про Роберта де Фриза. Мандатуры внесли влажные кувшины с вином.

Давид обратился к Шергилу Липартиани:

— Завтра же отряди гонца в Хупту и напомни мне нынче вечером, я напишу письмо императрице Мариам — пусть немедля освободит она Нианию Бакуриани, отправив требуемый выкуп иль-Гази.

С удовольствием отведал царь свежей рыбы, наполнил чашу вином, уговаривал и остальных угощаться и пить.

Все увлеклись едой, лишь один Махара сидел молча в конце стола, у окна, и глядел в Аристотелев «Органон», что лежал у него на коленях.

Заметил это Давид и сказал ему:

— Почему ты читаешь с конца, Махо?

— В конце этой книги есть арабская приписка, ее-то я и стараюсь прочесть, — ответил безбородый.

— А ну, прочти нам ее, Махо!
Махара долго глядел в книгу и наконец прочел. записная:

Дрема неслышно подкралась к моим очам,
И кто-то в ночной темноте произнес такие стихи:
«Вчера вечером, когда мы достигли Урдуна,
Верблюд мой издал жалобный стон,
Горюя о своем нежном, любимом верблюжонке.
Не плачь, ничего не случится с твоим дитятей,
Пока есть время и судьба моя — в моих руках.
Мне кажется: я бренчу, веселый, на сандже,
Сидя среди кувшинов, полных шипучей влаги.
И еще горше заплакал мой верблюд,
Горюя о своем нежном, любимом верблюжонке,
Чьи бока распоролы минувшей ночью,
Словно мех, полный макадийского вина».

Царь Давид хотел узнать имя написавшего эти стихи, но на страницах книги не оказалось подписи.

Начальник крепости Фарджаниани ввел в палату поселянина с кинжалом. Узнал его Давид: то был Хоргай, который впервые в Тедзмийском ущелье назвал его царем.

Гость простерся на полу, воздал повелителю почесть.

— Встань! — приказал ему Давид и добавил, указав на полную чашу: — Испей вина!

Благодарил поселянин, колебался, робея.

— Испей! — повторил царь.

Длинную свою десницу протянул за чашей слегка согбенный великан-поселянин. От запястья до пальцев была содрана кожа на его руке.

— Что случилось, отец, с твоей рукой? — спросил Давид.

— Старший сын мой был в плену у нечестивцев-сельджуков. Я взял двух младших и последовал за мухатгвердцами, что шли в город покупать подковы. Есть у меня, государь, кузнецы-родственники в городе, я думал — может быть, удастся узнать что-нибудь о судьбе моего молодца. Как только дошли мы до ворот Сагодебели, перегородили нам дорогу сельджуки, заставили сойти с лошадей — придрались, почему у нас, зимнев, не надеты на конях ослиные седла; отняли и лошадей и седла. Раздосадованный, я поколотил одного сельджука, но нечестивцы схватили меня, привязали на ночь цепью в темном хлеву, на следующий же день собирались свести меня в темницу. Спасибо, отыскиали меня родичи, под-

купили стражу, вывели меня; а правую руку пришлось вырвать из обруча оков — тогда и повредил я ее, государь.

— А дальше, дальше? — спросил царь.

— А дальше — кузнецы помогли мне ускользнуть из города, отвели меня к мухатгвердцам да к моим сыновьям, что скрывались в Лочинском ущелье. Собрались мы обратно домой, пустились в погоню за нами караванщики, гнались до Авчальской лощины, настигли, хотели взять в плен; трех неверных мы изрубили кинжалами, да подоспели им на помощь их соплеменники, одолели нас. Двух моих сыновей и трех мухатгвердцев увели сельджуки с собой в неволю.

Спросили Хоргая, как его имя.

— Габриэлем меня зовут, государь.

Успокоил его царь:

— Не беспокойся, Габриэль, скоро покажу я тебе, как надо обращаться с сельджуками.

И приказал начальнику крепости накормить Хоргая. Колебался Габриэль, — пока не приказали ему, не хотел сесть за царский стол.

— Что еще нового в Тбилиси, Габриэль? — спросил царь.

— Уж очень озверели сельджуки, государь. У всех пять городских застав воздвигли они по дыбе. Как схватят кого, кто не уплатил хараджи, тотчас вздернут на дыбу. У входа на майдан расставлены лазутчики. Они наблюдают за приезжающими в город зимиями. Только через Абатские ворота входят в город грузины. Если заметят, что зимий продает что-нибудь, тотчас отнимут у него товар; только покупать дозволено христианину. Рассказали мне кузнецы, государь, будто турки ждут нападения царя Давида. В нынешнем году починили они башни у городских ворот, Цхалкинскую и Таборскую, заново возвели ограду Исани, разрушенную землетрясением. В сумерки пустеют площади и улицы, только тяжело вооруженных всадников увидишь в городе.

Хоргай замолчал.

— Испей вина, — сказал ему Махара.

Спросили Хоргая, чем он занимается. Оказался Хоргай пахарем, ходил он за плугом. Вспомнился Давиду рассказ царя Георгия. Спросил:

— Видел ли, Хоргай, когда-нибудь царя царей Георгия?

— Как же, государь, отец мой и семеро братьев моих, мы все трижды сопровождали царя царей Георгия в битвах.

— А где твои братья, Хоргай?

— Трех убили под Парцхиси сельджуки, еще одного в Карнифоре, а самого младшего — под Карисцихе.

— Где ты раньше жил, Габриэль?

— На Алгети стоял наш двор, да сельджукский саранг съел его, государь.

— Когда ты и мухатгвердцы вышли из города?

— Вчера ночью.

— Быть может, ты знаешь — не ждет ли прибытия новых войск Бану-Джаффар?

— В Лочинском ущелье встретили мы кахетинцев, и те рассказали нам, что идет караван из Гянджи, и множество сельджуков едут вместе с этим караваном, государь.

Царь замолчал, учтиво предложил пахарю отведать что-нибудь из кушаний.

Когда же Габриэль Хоргай вышел из палаты, Давид приказал начальнику крепости призвать Индо Гараканисдзе и велел царскому оружничему, взяв с собою пятнадцать всадников, угнать скот горожан в сторону Авчал. А там, в Авчальской лошине, встретит их он сам.

Еще не кончил царь завтракать, как уже приказал Шергилу Липартиани держать наготове три сотни всадников на крепких конях.

Липартиани удивился приказу: уж не с тремя листами всадниками хочет царь вступить в бой с сельджуками? И все же не посмел возразить псевелителю. Когда всадники были готовы, он доложил Давиду и просил только взять его, Шергила, с собою.

Махара же без спроса оседлал своего мерина и взгромоздился на него. Царский шатер и присланные из Византии книги были уже уложены в тюки.

Шергилу Липартиани Давид приказал оставаться в лагере вместе с Гуарамом Бечисским.

— Ежели будет какая надобность, я вас позову, — обещал он.

Царь перешел Куру ниже Мухатгверди.

Авчальский лес уже покрылся листвою. Царь с войском укрылся в Авчальском ущелье.

«Не доверился ничьему чужому глазу, а отправился сам, без спутников, не имея никакого оружия, кроме меча, и взял богословскую книгу, а войскам своим повелел не трогаться с места до возвращения своего; пятнадцать рабов исполнили приказанное им и угнали скот из Лочинского ущелья, а тур-

ки догнали их и после большого боя убили под рабами лошадей и заставили их спешиться; но и пешие бились они отважно.

Царь же, сойдя с лошади и не думая, что посланные вернутся так быстро, занялся чтением, и настолько подчинила книга разум его, что вовсе забыл он про предстоящее ему дело, пока не достигли слуха его звуки сражения.

Тотчас бросил он книгу и поскакал на лошади в ту сторону, откуда шел крик, и застал рабов своих в бранном труде, и так как слишком далеко были его дружины, чтобы послать к ним за помощью, то видел он, что полягут рабы его. И тогда с быстротою орла низвергся на врагов царь, и рассеял их, как куропаток, истребив столько, чтобы коней их хватило для рабов его; вскочив же в седла, убили они еще столько, что лишь немногие достигли города и укрылись в нем. И были дороги полны трупами неверных, и меч, погнувшийся от сильного боя, отверг ножны свои».

Молодой месяц поднялся в небе. На берегу болота, в камышах, пел весенний ветер. Радостный, вел рысью своего Куджая Давид вверх по течению Куры. Достигнув Авчальской лощины, царь с воинами догнал четырех пешеходов, которые несли на руках завернутого в бурку юношу.

Повелитель остановил коня, приказал Индо Гараканисдзе узнать, кто такой этот раненый юноша. Он оказался сыном Габриэля Хоргая и был тяжело ранен кинжалом в живот.

Узнав это, вновь опечалился царь.

ОЛЕНЬ ТРУБИТ...

Соображения Липарита показались Рати убедительными: он тоже склонился к тому, чтобы счесть своих похитителей людьми Бешкена Джакели. От века хранили верность престолу Багратионов месхетские владетели. И вспоминал старинную историю Рати: как Сула Калмахели схватил в Дливи Липарита III и сына его Иванэ и отдал их в руки Баграту IV. И поэтому Рати Орбеллани решил укрыться в Хулутском замке. Крепость Хулуты стояла на самом берегу реки Кцин, с трех сторон она была окружена редким вязовым лесом.

После того как сняли с него епитимью, страстно потянуло Рати к радостям жизни. Весна была уже на дворе, звероловы и рыбаки празднично бродили по замку. Оправдалось предсказание зрителя охоты: после суровой зимы расплодился лесной зверь.

Рати прискучила однообразная жизнь в Хулутском замке. Тревожило лишь, что врага не было видно нигде, — опасность подстерегала ежеминутно, стоило только выйти за ворота замка. Не знал Рати, до каких пор придется ему сидеть взаперти в этой крепости, в окружении стражей и воинов.

На исходе великого поста Рати заметил странное явление: почти каждое утро, на рассвете, в чаще вязов возле замка трубил олень. Он посылал охотников с луками, ловчие обыскивали лес — нигде не было следов оленьих копыт.

В эти же самые дни старая кормилица Рати Асинет приехала к нему в гости из Мтиулети. Рати проводил целые дни у огня, слушая ирмосы Асинет, с удовольствием ел приготовленные ею арису и хинкалы.

Асинет тоже обратила внимание на повторявшийся каждый день зов оленя. Каждое утро старуха дрожала от страха.

Спросил свою мамку воспитанник, почему она боится.

Призналась ему Асинет:

— У нас в Мтиулети почитается дурной приметой, ежели олень трубит вблизи жилища человека. Говорят у нас: если охотник убьет больше сотни оленей и не зарует в землю своего лука и стрел, каждое утро будет являться к его окошку Очопинтре — звериное божество, чтобы криком рассеять сон бессердечного.

Рати задумался: больше ста оленей убил он на своем веку, а лука не зарыл.

Призвал он начальника охотников, рассказал ему о поверии. Посмеялся над Очопинтре старик-ловчий.

— Необычайно расплодился в нынешнем году лесной зверь, великий эрстав; олень приходит по утрам в эту рошу щипать свежую листву. И не диво: еще благословенный дед твой убивал здесь оленей каждой весной.

— Неужто водятся они среди этих вязов? — спросил Рати.

— Нет, господин мой эрстав, из Шаорского леса приходят сюда олени.

Снова затрубил под стенами Хулутского замка олень.

Переполнилась чаша терпения у страстного охотника. Мамиствалу Махароблидзе послал он в Липаритис-убани,

чтобы сообщить отцу: «Собираюсь в Шаорский лес охотиться на оленей, если угодно — присоединяйся ко мне».

Липарит Орбелиани был озабочен известиями, что приходили в последние месяцы. Он послал сказать сыну: «Дурные сведения получаю я из Внутренней Картли, мне нынче недо охоты. да и тебе не советую выходить за ограду замка; потерпи немного, успеешь и после потравить оленей».

В понедельник на страстной неделе приехал в гости к Рати Ахсартан II с большой свитой.

Эристава Липарита вызвали спешно в замок Хулути.

Кахетинский наследник привез новости: царь Давид заманил сельджуков в Авчальскую долину и безжалостно истребил воинов Бану-Джаффара. Ахсартан настойчиво советовал обоим Орбелиани: если царь поведет осаду Тбилиси, нужно, объединившись, напасть на царское войско, ибо, если Давид возьмет город, сельджуки и пальцем не пошевелят, чтобы помочь эристам. Не пройдет и года, как Давид осадит кахетинские и триалетские крепости. Ахсартан добавил еще, что Дзаган, эристав Зедазени, обещает свою помощь в данной войне.

Рати принял с восторгом этот совет, но Липарит колебался. Еще в Гегути он пригляделся к царскому войску и знал, как велика была наступательная сила.

— Сомнительно также, чтобы Дзаган поддержал нас, — а впрочем, и всем четверым вместе нам нелегко будет справиться с царем Давидом.

И он советовал молодым:

— Пока что воздержимся от войны, тем временем и исфаганские дела прояснятся; мне сообщили, что царь Давид и Георгий Чкондидели решили после смерти Малик-шаха отказать выплачивать дань сельджукам. А сельджуки не уступят хараджи. Вот и мы тогда выступим, чтобы общей силой разбить врага.

Через два дня прибыл Дзаган, владетель Зедазени.

Наконец молодые одолели Липарита, убедили его согласиться с ними. И таким образом в Хулутском замке было решено: ежели царь Давид осадит Тбилиси, царь кахетинский Квирике и племянник его Ахсартан II нападут на царя, пройдя через Лочинское ущелье. Орбелиани введут в Тбилисское амирство войска через Дидгори, а Дзаган пойдет со своими воинами из Зедазенского замка и, выйдя к Авчалам, пережмет подвозные пути царской рати.

В ту ночь до утра продолжался ужин. На рассвете рев оленя разбудил гостей и хозяина. В ребяческом восторге вскочил Ахсартан, бросился к смотровому окошку.

Снова затрубил олень.

— Это самец, Рати! — воскликнул Ахсартан.

— Самец, — подтвердил Рати. — Этой весной совсем близко к замку подходит олень и трубит вот так по утрам.

— Одолею тебя, видно, лесной зверь, — сказал Дзаган с улыбкой. — В прошлом году и у нас трубил олень в Зедазени, да я взял с собою ратников и преследовал его до самой Сапурцле. Огромного самца уложил я тогда стрелой.

— Неужто еще не охотились вы на оленя в нынешнем году? — спросил удивленный Ахсартан.

Рати молчал, да и Липарит не мог рассказать гостям, почему они еще не охотились в этом году. Когда Ахсартан и Дзаган изъявили желание поохотиться на оленя, Липариту показалось невежливым не исполнить просьбу гостей. После завтрака был призван смотритель охоты, и ему приказали готовиться к выезду.

На следующий день в Липаритис-убани шли большие приготовления. Множество народа собралось еще до приезда гостей: триалетские азнауры — владельцы замков с семьями, молочные братья и сестры, друзья и подносители. Всем хотелось взглянуть на кахетинского наследника.

Триалетцы слышали, что царь кахетинский Ахсартан I принял ислам; многие думали, что и этот Ахсартан — мусульманин. Еще не началась служба в монастыре, как Ахсартан и эристав Дзаган с большой свитой появились перед оградой.

Отец Василий удивился, увидев перед амвоном коленапреклоненного Ахсартана. Долгобородые кахетинские азнауры молились жарко и истово и пели вполголоса, вторя хору монахов.

Столь торжественный прием, устроенный Ахсартану в Липаритис-убани, породил тысячу толков среди приближенных Орбелиани. Начальник челяди и первая среди дворцовых дам Вардиа утверждали, будто Дзаган, двоюродный брат Ахсартана, прочит в невесты кахетинскому наследнику дочь эристава Липарита.

Внешне Ахсартан был похож на мусульманского амира. Он был одет в платье из тигрово-желтой иранской парчи и иранский же салмасуровый панцирь; на голове у него был

золоченый шлем сельджукского образца, на вершине которого виднелись изогнутые наподобие козьих рогов отростки.

Когда после заутрени Ахсартан вернулся во дворец, его встретили прекраснейшие из дочерей и жен триалетских азнауров. Разжигал женщин соколиный взор этого стройного красивого рыцаря. Но тщетно искал он глазами Дедисимеди. Ката была с гостями у заутрени. Вардиа, старшая над прислужницами, встретила ее сообщением, что Дедисимеди осталась у одра внезапно заболевшей Хорешан.

Долго ждала ее Ката в большой палате, наконец сама пошла в тот флигель дворца, где жили Хорешан и Лела.

Дедисимеди чувствовала, ради кого гостил в Триалети племянник кахетинского царя.

Лела передала Хорешан рассказ Вардиа: будто бы теперь уже за Ахсартана сватают ее воспитанницу.

Еще жалостнее застонала больная старуха.

Когда вошла мать, у Дедисимеди подкосились колени. Она притворилась, будто не поняла, зачем пришла Ката, и еще прилежнее стала толочь в серебряной ступке лакричный корень.

— Ты еще не одета к выходу? — разгневалась мать.

— А зачем мне выходить, когда все утро Хорешан томится в жару? — ответила Дедисимеди.

— Ну, посуди сама, Хорешан, — во дворце гости, а дочь моя не хочет выйти в большую палату!

Хорешан принялась просить зарумянившуюся девушку, пока, наконец, не сдалась она на просьбы и уговоры матери.

В юности Ахсартан видел однажды Дедисимеди в замке Вежини, где Липарит гостил у Ахсартана I со всей семьей. Увидев ее уже созревшей девушкой, кахетинский наследник почувствовал любовный пыл и беззастенчиво стал ухаживать за невестой царя Давида. Еще за завтраком неумеренно пил вино Ахсартан, опьянел, как несовершеннолетний юнец. До появления в палате Дедисимеди он ухаживал то за сестрой Мамиствалы Махароблидзе Назиа, то за племянницей Иа Цихелаисдзе Нателой. Увидев же Дедисимеди, он отстал от обенх и, как мальчик, умолял дочь Липарита, чтобы она сыграла с ним в нарды.

— Я не умею играть в нарды, — ответила девушка.

Дзаган заметил, что наследник кахетинского престола ведет себя не так, как подобает. Он обнял опьяневшего Ахсартана за плечи, поговорил с ним и сам сел играть с ним в нарды.

ды. Когда Дедисмеди удалилась из палаты, Ахсартан бросил игру и вышел в сад с непокрытой головой. Стоя перед бассейном, он печально развлекался, наблюдая плавающих рыбок.

Ахсартан хорошо понимал причину суровости Дедисмеди, но, выросший при дворе султанов, он никогда не придавал значения согласию девушки; мужчина должен или похитить или купить женщину — так думал кахетинский царевич.

Дзагана встревожило внезапное увлечение Ахсартана; он вышел к нему в сад, взял под руку почетного гостя и повел его, развлекая беседой, ко дворцу.

Когда они взошли по ступенькам лестницы, Ахсартан заметил: Дедисмеди и Назиа стояли у загона для косуль.

Навострив уши, подошли к девушкам маленькие косули, лизали протянутую руку дочери эристава.

Мысли спутались у Ахсартана. Он попытался оставить Дзагана, хотел пойти к загону; долго умолял его Дзаган, наконец насильно втащил гостя во дворец.

Гнев охватил Ахсартана, он оставил зедазенского владельца и вошел в гостиную палату. Здесь он снял со стены лютню, сел по-мусульмански, подогнув под себя ноги, и спел по-фарсидски:

Среди женщин нет прекраснее моей возлюбленной.
Глаза ее словно одолжены ей
Косулю Джасима.

Больше всех был взволнован приездом Ахсартана монах Козман. Бархиарок потерял престол, царь Давид оказался врагом трилетского эристава, теперь пришел черед Ахсартана. После приезда из Гегути Рати твердил отцу неотступно: издавна были союзниками дома Орбелиани кахетинские цари, лучшего зятя, чем Ахсартан, не сыскать Липариту. Породнившись с ним, утвердили бы Багуаши тройственный союз, направленный против царя Давида.

Еще не кончил песни певец, как в палату вошел Козман.

Ахсартан оборвал песню, но продолжал играть на лютне; напев без слов доносился до слуха Козмана из сомкнутых уст Ахсартана. Вдруг костяная пластинка сломалась в его пальцах, Ахсартан отложил лютню и спросил вошедшего:

- Бывал ты в Багдаде, монах?
- Бывал, — ответил Козман.
- Видал ли дворец Малик-шаха?
- Который из дворцов?

— Летний дворец султана, тот, что рядом с мечетью Джами аль-Султан?

— Видел, конечно.

— Так если ты и впрямь бывал во дворце, то, верно, видел и цветник султана?

— Видел и цветник султана, — ответил Козман.

— А если ты видел этот цветник, то, верно, помнишь, как по весне распускаются в нем розы, белые розы, — вернее, не белые, а изжелта-беловатые, цвета старой слоновой кости.

— Видел и белые розы.

— А если ты видел и это, то признаюсь тебе, монах, что дочь твоего господина напоминает мне такую розу. Судьба долго таскала меня между Исфаганом и Багдадом, прошел я и по большим караванным путям между Антиохией и Халабом, но прекраснее Дедисимеди не встречал никого и среди женщин, покрытых чадрой!

Козман омрачился, не мог понять, почему хвалит ему Ахсартан дочь Липарита. Стоял в изумлении монах, не зная, что ответить.

Наконец Ахсартан откровенно сказал ему о самом важном:

— Как же твои дела, монах? Скоро ли увидим тебя епископом?

Козман не ожидал такого вопроса. Он спросил в свою очередь — какая же разница между монашеской рясой и епископским омофором?

— Я думал, — продолжал Ахсартан довольно равнодушно, — что хоть в этом году твой господин снимет епископское облачение с Кириона Манглисского.

— Это не так легко сделать, царевич, — ответил Козман. — Кирион Манглисский — ставленник царя Давида.

— Немало было и у нас в Кахети непокорных архиереев, но царь Квирикэ не задумался низложить их. Приходилось нам рукополагать в епископы и мирян — хотя бы, например, Модистоса, брата эристава Дзагана, — сказал Ахсартан.

Царевич помолчал немного, услышав донесшиеся из прохода чьи-то шаркающие шаги, а потом продолжал:

— Звезда Бархиарока закатилась, и царю Давиду также больше нечего надеяться стать супругом Дедисимеди; помоги мне завладеть этой девушкой, и я вздерну на дыбу бодбийского епископа Макария, а престол его отдам тебе, монах.

Козман почувствовал себя в эту минуту оскорбленным так же глубоко, как в то мгновение, когда Махара вырвал у

него три волоска, что росли на кончике его носа; но, привыкши пресмыкаться перед сильными мира сего, он проглотил и эту обиду и стал нагло лстыть Ахсартану:

— Ты прав, царевич, звезда Бархиарока потонула во мраке, а для встречи царя Давида в Триалети укрепляют замки. Простым же азнаурам, хотя бы владеющим замками, не отдаст дочери эристава Липарит Орбелнани. Я полагаю, господин мой Ахсартан, что только за царя Кахети и отдадут Дедисимеди, хотя бы потому, что прекраснейшая должна быть уделом храбрейшего, — так повелось от века, царевич.

Так говорил Козман, хотя знал прекрасно, что у Ахсартана есть жена и не менее трех наложниц.

— Ты прав, монах, — ответил царевич, польщенный похвалой, — девушке этой нужен престол, достойный ее красоты. О, как ей, прекрасной, стройной и златовласой, был бы в лицу царский венец или тюрбан султанши! Допустимо ли, чтобы она сидела у очага простого азнаура и пряла лен?

Словно меч, вонзились эти слова в сердце Козмана, ибо к таким «простым азнаурам» причислял он и себя и вовсе не утратил надежды, что добыча схватившихся друг с другом ястребов попадет когда-нибудь в лапы грачу. Но, подумав, он остался доволен.

«Необходимо, — думал он, — чтобы у царя Давида появился новый соперник. Пока Ахсартан разведется с женой и избавится от наложниц, утечет немало воды; события же развиваются быстро. Багратион и царь кахетинский должны сразиться не на жизнь, а на смерть».

Монах посмотрел на Ахсартана.

Широкоплечий, мощный рыцарь сидел на ковре. Было к лицу ему платье из тигрово-желтой парчи. Белые, длинные пальцы его покоились праздно на струнах лютни. Глаза его были зелены, как алыча; длинные черные ресницы опускались и поднимались так лениво, словно царевич в дремоте смежил веки.

Испугался очарованный красотой Ахсартана монах: как бы не пленил сердце Дедисимеди, окаянный! Хотелось ему спросить рыцаря, когда он намерен вернуться в Вежини, но не нашел повода к вопросу. В это самое мгновение вошли в гостиную палату Ката, Дедисимеди и Назиа. Увидев женщин, Ахсартан вскочил и, склонив голову, пошел им навстречу.

Вошел главный дворецкий, раскрыл нарды и положил их перед гостями. Ахсартан сыграл партию с супругой эристава.

Наконец Ката встала, сослалась на домашние дела и приказала Назиа и Дедисимеди развлекать гостя.

Козман сидел в углу палаты, перелистывая житие святого Серапиона. Время от времени он взглядывал украдкой на Ахсартана и Дедисимеди. В конце концов монах решил, что эти два прекрасных существа господь создал для того, чтобы их соединить. Это заключение погрузило монаха в печаль; он с трудом поднялся с места и вышел из палаты. Когда и Назиа последовала за ним, Ахсартан сжал игральные кости в кулаке, потряс ими и попросил Дедисимеди сыграть с ним партию.

— Я уже доложила вам, господин мой Ахсартан, что не умею играть в нарды, — ответила девушка.

— Ну, так поедем завтра на охоту вместе с нами! Дедисимеди кинула на гостя изумленный взгляд.

Ахсартан был смел в обращении с женщинами, как это свойственно красивым мужчинам. Он дерзко сказал Дедисимеди:

— Ведь ездила же ты на охоту с царем Давидом, госпожа моя?

Дедисимеди подняла брови, удивилась — как придумал такое Ахсартан? Потом догадалась, что он разумеет прогулку к Сатапли, и не пыталась отнекиваться.

Молчание девушки привело Ахсартана в замешательство. Он потерял власть над собой, красота Дедисимеди, столь недоступная, помutilа его разум. Он устремил на нее взгляд поверх раскрытой игральной доски и сказал:

— Верно, ты удивилась, откуда я узнал об этом, и потому замолчала, не правда ли?

— Нет, я удивляюсь скорее тому, что ты так смело равняешь себя с царем Давидом.

Ахсартан был избалован женщинами, он не ждал столь резкого ответа от дочери Орбелиани. Ей самой он не посмел сказать ничего обидного, но не постеснялся назвать «коварным и двоедушным» царя абхазов Давида и обвинил его в том, что он, не дождавшись смерти царя Георгия, завладел отцовским престолом. Но и это не утолило его ярости.

— Скоро положим мы предел разнузданности этого дерзкого царька, — сказал он.

У Дедисимеди покраснели щеки при этих словах. Резкие слова просились на уста, но из уважения к гостю она удержала

ла их, только часто опускала и поднимала ресницы, и ответила спокойно:

— Я думаю, господин мой Ахсартан, что всякий человек, похваляясь, должен походить не на осенний гром, раскатывающийся в тучах понапрасну.

Ахсартан омрачился, хотел продолжать поношение царя Давида, но вошел главный дворецкий и пригласил гостя к столу.

Когда начался пир, Ахсартан стал усиленно пить вино. Ратеванское белое подливали ему виначерпии, и он опорожнял одну чашу за другой. Рати заметил, что Ахсартан пьянел все больше, и сделал знак чашникам, чтобы те подали царевичу болнисского вина, цвета желудя, ибо ратеванское было слишком крепко.

Но пьяный царевич заметил, что вино переменяли, заупрямился, потребовал, чтобы ему подлили ратеванского, что отливало цветом крыла гусенка. Дзаган знал, что Ахсартан буен во хмелю; он уже раздавил, как скорлупу орешка, хрустальный стакан своими прекрасными белыми зубами. Дзаган шепнул Рати, чтобы тот рассеял Ахсартана беседой и как-нибудь отвлек его от вина.

Рати подсел к гостю и стал поносить царя Давида; Ахсартан подхватил беседу и разразился грубой бранью.

Как только Дедисимеди услышала его брань, она встала и покинула палату. Ката побледнела, Липарит же заметил, но не подал виду.

Ахсартан пододвинул еще ближе к Рати свое кресло и спросил его шепотом:

— Уж не состоялось ли обручение?

Уста Рати тронула горькая улыбка; потом они источили яд:

— Вовремя принял он меры предосторожности, этот змееныш, а не то кровавую свадьбу справили бы ему в Кледкарском замке.

Ахсартан сказал ехидно:

— Увы, напрасно ты упустил случай, Рати, нужно было схватить его вместе с приближенными, — тогда царь Георгий уступил бы нам без боя всю Внутреннюю Картли!

Рати ответил:

— Царя Георгия нынче уже не спрашивают ни о чем, так же, как старейшин и епископов; теперь царь Давид, Чкондидели и молодые спасалары плетут сети для нас.

— Я думаю, что Липарит ошибается, — продолжал Ахсартан, — полагая, что те разбойники были людьми Бешкена Джакели.

— А кто же они?

— Несомненно, это Давид подослал своих лазутчиков.

Рати задумался и сказал:

— Вначале и я думал так. Но отец убежден, что их подослал Джакели.

— Даже если так, ты должен быть очень осторожным. И завтра не оставайся один, будь начеку!

— Не думаю, чтобы похитители посмели покуситься на меня в присутствии большой свиты.

Ахсартан отпил еще из чаши и сказал:

— Если царь призовет на помощь половцев, нам будет трудно одолеть его даже всем четверым вместе. Знай это, Рати! То же самое твержу я каждый день и царю Квирике в Вежини. Нужно как-нибудь заблаговременно избавиться от царя абхазов.

Ката подсела к ним, просила не уезжать завтра на охоту, ссылаясь на дурные сны. Потом повернулась к Рати.

— Отец поедет с гостями, а ты успеешь поохотиться на оленя и осенью, мой сын.

Но Рати заупрямился, как всегда:

— Надоело мне сидеть в этом замке. Я был безоружен, когда напали на меня у конюшен, иначе не посмели бы разбойники попасться мне на дороге.

На другой день триста азнауров в доспехах выехали сопровождать на охоту почетных гостей. Кроме того, Рати взял с собою из дворцов Липаритис-убани, Клдекари и Манглиси охотников, ловчих, загонщиков и егерей.

До шестидесяти пар гончих взяли с собою псаря. Три шатра и десять вьюков вина взвалили на ослов и отправили вслед за охотниками.

Еще не вышли охотники из густых дубрав Липаритис-убани, как подняли целое стадо коз. Охотники преследовали его до леса Чикиани и полностью истребили по дороге.

В сумерках охотники разбили лагерь в Чикиани, развели костры, зажгли факелы из лучины и зажарили шашлыки.

Как только рассвело, ударили в кимвалы, и громкий лай собак разбудил спящие чаши. Когда взошло солнце, ловчие заполнили лес. Подвыпившие азнауры гарцевали на откорм-

ленных жеребцах, шлемы и панцири сверкали на ярком солнце — скорее походили они на когорты, рвущиеся в бой, нежели на мирных охотников. Как только охотники покинули дубовые рощи Чикиани, послышались звуки рогов Рати заметил прежде всех: десятка два оленьих самцов и несколько самок пустились под гору с мычанием и свистом. Гончие подняли страшный шум и с лаем пустились за стадом оленей.

Рати заметил, что любимая гончая его, Сеира, опередила других, догнала стадо, окруженное в зарослях, и вцепилась в ляжку одной из самок. Огромный самец кинулся вперед, опустил голову, вздел собаку на рога и ударил ее оземь.

Рати не хотелось отделяться от остальных, но так разъярила его гибель гончей, что он пустил вскачь своего жеребца Мрешу, не побоялся спуститься под гору галопом, но самцы-олени оставили самок позади, прижали к спине развесистые рога и, разорвав заросли, проложили путь стаду.

Лошадь Липарита во время этой скачки по косогору споткнулась несколько раз, но он, тревожась за Рати, все же пустился за ним вдогонку. Когда всадники выехали на ровное место, Липарит увидел, что сын его тшетно пытается поразить стрелами несущееся впереди стадо. Вскоре начался опять лес и щепенный подъем; из густой чаши вылетел самец оленья, Липарит пустил в него стрелу и ранил зверя. Олень споткнулся, бросился в сплошные заросли, прорвал их и догнал стадо, бегущее впереди. Рати выстрелил в него, но опять промахнулся.

Охотники, преследуя стадо, уже приблизились к ущелью Шаори; испуганные олени бежали по редкому березняку — здесь покатые тропки были еще более щепенны, местами заросли осота преграждали оленям путь. Но стадо неуклонно прокладывало себе дорогу, а всадникам приходилось все время объезжать препятствия и скакать по покатым тропам.

Слева и справа от охотников скакали загонщики, они были в кимвалы и свистели в камышовые дудки, сгоняя оленей, чтобы стадо не рассеялось по оврагу. Рати надеялся, если стадо удастся выгнать из ущелья Шаори, оно будет бежать оврагом до озера Фанакари. А потом оленей загонят в топи, что раскинулись вокруг озера, там, где Шаори впадает в него.

Охотники уже приблизились на расстояние двух стадий к озеру, когда на пути попались рыбаки и засвистели стаду.

Олени резко свернули в сторону и помчались к скалам Шаори. Обрыв был высок, самцы прыгнули в поток Шаори,

самки остановились, побежали вдоль берега, а потом снова скрылись в березняке.

Липарит заметил, как трое всадников переправились через поток и погнались за самцами по другому берегу. Этих троих Липарит принял за Рати, Ахсартана и Дзагана. Триа-летский эристав решил и сам погнаться за оленями.

Не успел еще Липарит подъехать к берегу Шаори, как заметил: теперь уже девять всадников показались над обрывом, откуда прыгнули в воду олени самцы; эти девять пустили коней с обрыва в воду, пересекли по краю прибрежный луг и въехали в лес.

«Это наши охотники», — подумал Липарит, направляясь к обрыву. Трижды подхлестнул он своего коня, но животное заупрямилось, зафыркало и уперлось перед обрывом. Тогда Липарит поднялся вверх по течению реки и пересек ее вброд. Здесь он попал в заросшую трясину.

Заметил Липарит: начальник охотников и двое псарей перешли реку и не спеша углублялись в лес. Тщетно пытался он окликнуть их — они не слышали его голоса.

Липарит повернул коня назад, обошел топь слева и увидел на той самой скале, с которой не хотела прыгать его лошадь, своего оруженосца. Крикнул ему эристав:

— Куда поехал Рати?

Оруженосец приложил к уху ладонь и ответил:

— Рати с гостями погнались за оленьими самками.

Снова хотел Липарит переправиться через поток, но заметил брызги крови на траве возле дороги.

«Это, верно, кровь раненного мною оленя», — подумал он и все же повернул к реке, но в эту самую минуту рев оленя донесся до него из ближнего леса.

Удивился эристав: охотники преследовали оленей по пятам, как же этот один ускользнул от погони? И сообразил опытный охотник: «Это, верно, раненный мною олень отстал от других в лесу, провалился где-нибудь в трясину и трубит там, не будучи в силах выбраться из топи».

Было прекрасное весеннее утро. Испуганные стуком лошадиных копыт, то здесь, то там поднимались фазаны. Самцы бежали по земле, наполняя шумом крыльев заросли осота.

Не вытерпел Липарит, метнул стрелу в фазана, что поднялся прямо из-под копыт коня. Птица перевернулась в воздухе и камнем упала в кустарник.

Спешился удачливый охотник, привязал лошадь к дере-

ву. Искать ему пришлось недолго — прекрасный крупный фазан лежал бездыханный в кустах ежевики, пронзенный стрелой, как вертелом.

Вспомнил свою юность эристава. В этом самом заповеднике охотился он двадцать лет тому назад и на этом самом месте убил, как сегодня, фазаньего петуха.

Он привесил дичь к луке седла, и радостью наполнилось его сердце.

Одно только заботило эристава: почему оставил он Рати на той стороне потока? Не жалея, гнал он лошадь вперед, решив, если удастся, выследить раненого оленя, снова пересечь Шаори и присоединиться к Рати.

На обширном лесном починке выехал он на распутье и внезапно услышал топот копыт. Он оглянулся — какой-то всадник в тулупе выехал из лесу на луг. Увидев Липарита, он свернул с тропинки, бросил на эристава злой взгляд и погнал лошадь в густую чащу.

Липарит заметил, что через плечо у незнакомца висел колчан, полный стрел, а позади седла болталось несколько глухарей; одна из птиц была еще жива и билась в муках.

Разъярился эристава, увидев в заповеднике своих предков неизвестного охотника.

— Стой! — крикнул он незнакомцу; но тут опять услышал он, как затрубил олень. Зов этот не был похож на призыв страстного самца — скорее это был голос раненого животного. Липарит пришпорил лошадь и понесся вскачь в лес. Издалека слабо доносились бряцание кимвалов и лай гончей своры.

Немного проскакал Липарит и опять услышал жалобный олений зов. Он выехал на лесной луг, и совсем рядом мелькнула лошадь незнакомца. Но на этот раз на голове его был железный кольчатый шлем и под распахнутым тулупом виднелся панцирь цвета ястребиного крыла.

Увидев Липарита, всадник обнажил меч и пришпорил коня. Орбелиани узнал эристава Джонди, но, прежде чем он успел схватить рукоять своего меча, к нему бросились другие всадники, также одетые в тулупы, и двое из них, один за другим, накинули на него арканы. Испуганная лошадь понесла Липарита. Он не успел еще выхватить оружие, как Кариман Сетиели потянул веревку и сбросил эристава на землю; шлем свалился с головы Липарита и укатился в кусты.

Первым к упавшему Орбелиани подбежал эристав такверский. Грозно нахмурив брови, он возгласил:

— Именем Давида, царя абхазов и грузин, объявляю тебя нашим пленником, амир Липарит!

Кариман же Сетиели, не дав Липариту произнести ни слова, сунул ему в рот платок, надел на голову карман переметной сумы и вскинул эристава на седло. Подскочили остальные такверцы, крепко привязали Липарита бечевам к седлу, а позади пленника посадили конюшего Горгию.

Трех убитых оленьих самок приволокли Ахсартан, Дзаган и Рати в Липаритис-убани. Ахсартану снова захотелось пить вино и лицезреть Дедисимеди; пир продолжался.

О Липарите пока не тревожились, ибо начальник охотников и псари также еще не вернулись с охоты. Когда же появились они, нагруженные дичью, и заявили, что нигде на другом берегу Шаори не видели своего господина, вскочили гости и хозяева. Целую неделю искали Липарита по обоим берегам потока, но нашли только его шлем в кустах.

Когда в Липаритис-убани принесли шлем владельца, женщины расцарапали себе щеки. Пастухи из Тедзмийского ущелья рассказали: девять всадников в тулупах везли на коне рыцаря, голова которого была закутана в черную ткань.

Тогда согласился с Ахсартаном Рати, что подосланные царем Давидом люди похитили триалетского эристава. Гости перепугались. Ахсартан и Дзаган поспешили уехать со своей свитой в Вежины, а Рати Орбелиани немедля заперся в Клдварском замке.

НАЧАРМАГЕВИ

Еще в августе, по приказу царя Давида, были приведены строители — каменщики и плотники — для восстановления разрушенного дворца в Начармагеви. Семь зодчих руководили постройкой четырехбашенной ограды, а водопроводчики и оросители восстанавливали фонтаны и пускали по трубам воду из родников.

Георгий Чкондидели руководил работами: он сам поднимался на леса. Почерневшие от пожаров палаты красились сызнова, и художники расписывали фресками их стены. Садовники выхаживали плодовые сады и огороды, виноградари обрезали лозы, пущенные на деревья хурмы. Чкондидели на-

слаждался своим занятием, ибо его радовало пробуждение умершей было жизни на разоренном пепелище.

Когда пришел к нему старший садовник и попросил разрешения срубить грушевые деревья времен Баграта IV, задушенные смолой, заколебался первый визирь.

— Да почему же их нужно срубить, Маркоз?

— А потому, что эти старые груши уже больше не принесут плодов, они только затеняют свет свежевывсаженным персиковым саженцам, господин мой первый визирь.

Чкондидели сказал садовнику:

— Почему ты так любишь, Маркоз, выкорчевывать старину? Свежая поросль лишь тогда украсит плодовый сад, если рядом с нею старые деревья будут свидетельствовать о его возрасте.

Чкондидели знал, что садовник прав, но, не спросив царя, не мог он приказать рубить старые деревья, ибо знал, что Давид любил все, что тешило некогда взор его деда Баграта.

Узнали про то и виноградари — и никто уже не осмеливался рубить лозы, переставшие носить плоды. Они обвивали деревья, лишённые зелени, пускали побеги, даже цвели, — но были бесплодны, как сама старость.

Непривычно спокойная весна выдалась в этом году для Чкондидели. Утром он молился, обходил мастеров, убеждался, что каждый стоит на своем месте. шел в плодовый сад, работал и сам, радовался тому, как краснели побеги лоз и как упорно из недр земли выбивалась на поверхность воскресшая жизнь.

Она пробуждалась не только в плодовом саду: опустошенный сельджуками дворец Начармагеви одевался новым блеском и светом, — только нигде не было видно того, для кого делалась вся эта работа.

Седмица уходила за седмицею, а от царя Давида не было никаких известий.

Наконец прибыл в Начармагеви гонец, но прислан он был из Гегути. Письмо было подписано рукою письмоводителя царицы Елены.

Неприятные вести сообщала Елена: императрица Мариам написала в Гегути, что кесарь Алексей Комнен объявил соправителем императора малолетнего своего сына Иоанна; до сих пор соправителем императора считался первенец императрицы Мариам Константин Порфирородный, кесарос и законный наследник престола, сын покойного императора Михаила VII Дуки.

В самом скором времени собиралась Мариам приехать в Гегути.

Чкондидели понимал, что это известие пришлось не по сердцу в Гегутском дворце. Царь Георгий слег в постель от огорчения, извещала царица Елена. Большие надежды возлагали на воцарение в Византии Константина Порфирородного как Георгий II, так и многие из сановников, ибо кровный родич Багратионов на византийском престоле был бы утешением для Грузии, если не помощью. Из письма было видно, что единственная надежда утешала царицу Елену — надежда на то, что приезд императрицы Мариам удержит царя Давида и заставит его отказаться от мысли привести к покорности Триапетское эриставство.

В конце письма царица просила: если не согласится царь Давид; то пусть хотя бы Чкондидели приедет в Гегути дня на три.

Чкондидели настолько огорчился, прочитав это письмо, что решил на следующий же день отправиться в Гегути.

Но в этот же вечер прибыл Махара, привез приказание Давида — ждать его в Начармагеви.

Вестник был так утомлен, что едва ворочал языком; он весь словно горел в огне и обливался потом. Главный конюший сказал, что конь Махары обрызган грязью до самой гривы и еле стоит на ногах после долгой скачки.

Долго расспрашивал первый визирь, но и главного не мог узнать: именно — где находился царь.

Чкондидели спросил: скоро ли вернется повелитель.

— Я уже доложил вам, господин мой Чкондидели, что царь приедет тогда, когда он приедет, — неучтиво ответил Махара, махнул рукой и вышел. Но вскоре ввалился снова и сообщил:

— Еще приказал тебе повелитель отправить гонца в Гегути, призвать маргветскую дружину.

В тот вечер и так был нездоров Чкондидели, а эти вести совсем испортили ему настроение. Он колебался — отправить ли гонца в Гегути? Знал, что сбор маргветских войск испугает царя Георгия и царицу Елену.

Он позвал начальника дворцовой прислуги, известил его, что ожидается приезд царя. Приказал убрать палаты и помещения, подготовить большие канделябры, вытрясти ковры, циновки и подстилки, сменить свечницы перед образами.

Как обычно, еще на закате лег в постель первый визирь, тайно тревожась: зачем царю маргветская дружина?

Не по душе была Чкондидели и стычка с сельджуками в Авчальской долине. Он не имел привычки распалтаться без меры в военных начинаниях. И без того шептались друзья и враги первого визиря, будто совсем свели с ума преклонного старца царь и его молодые спасалары.

Не приведи господь, вдруг какая-нибудь беда стряется с царем? Тогда и царь Георгий, и старейшины взвалят всю вину на него, Чкондидели!

Как-то подозрительно необщителен был Махара. Опасался первый визирь: как бы, стремясь увидеть Дедисимеди, царь Давид не отправился в Триалети один, без него. А возможно, что он уже и воюет там и сейчас вызовет новые войска себе на помощь.

Чкондидели было отлично известно, что из всех тех владельцев, которые противились объединению Грузинского государства, триалетский эристав был повелителем наибольшего числа подданных. Были отважны в бою как Липарит и Рати, так и азнауры Триалетского эриставства. Их войска были хорошо обучены и тяжело вооружены. Триалетские замки возвышались на гребнях неприступных скал, и, кроме того, помощницей их была суровая триалетская природа. Не одобрял Чкондидели и посылки в Триалети сына эристава Шама-на. «Это так же бесполезно, — думал многоопытный воин, — как пытаться изловить льва, натравив на него щенка охотничьего гепарда».

Царь же утверждал: жеребец узнается по породе.

«Но каждый ли жеребец?» — думал Чкондидели.

Уже было известно, что такверскому эриставу не удалось схватить Рати Орбелиани. Если такверские азнауры не смогли овладеть неосторожным Рати, то как же удастся им увезти Липарита IV, который хитростью и коварством не уступал ни Липариту III, ни своему отцу Иванэ.

Тревожные мысли ронлись в мозгу Чкондидели.

Как бы не заманили юношу-царя в узкое ущелье Кции, где сто трусов могут справиться с тысячью храбрецов, попросту скатывая на них камни со скал. И, конечно, Давид не удовлетворится покорением ущелий Алгети и Кции и тамошних крепостей. Главное для него — клдекарская твердыня, о которую разбились уже однажды византийские войска.

Не удивила Чкондидели странная невежливость скопца. Он тоже верил слухам, что ходили про Махару: будто безбородый — колдун и по ночам тайно общается с дьявольскими

силами. Седина не одолевает его, он не стареет и, чтобы скрыть это, красит волосы хной; под самым сильным ливнем он остается сухим. И другим подобным сказкам верил Чкондидели.

«Он столько шлялся среди туркменов, суфиев и исмаилитов, что, наверное, и в делах веры грешил немало, безбородый дьявол!» — думал Чкондидели.

Смеркалось, ночная мгла вползла в палаты через окна. С башен доносилось бряцание кимвалов, в дворцовой церкви били в доску и из зеленой комнаты доносилось бормотание Махары:

— Славьте господу, ибо он благ, ибо велика и вечна милость его! Славьте господу, ибо, единый, творит он чудеса великие!

Чкондидели дремал. В черных от копоти нишах мерцали восковые свечи. Слышался писк и шелест летучих мышей, леденящий сердце.

Десять всадников подъехали к первой башне дворца Начармагеви. Нетерпеливо ржали взмыленные кони, панцири и шлемы сверкали при лунном свете. Лаяли собаки-волкодавы. Кричали с башен царские лучники.

Слуги признали в прибывших такверских азнауров, но смутились, увидев десятого всадника, также одетого в доспехи, но с лицом и головой, закутанными в черную ткань. Лишь он один был без шлема. По-видимому, он не был мертв, хотя и сидел в седле безжизненно, словно окаменев, и не издавал ни звука.

Эристав Джонди вызвал начальника крепости. Долго стояли они вдвоем в тени башни и шептались о чем-то. Наконец начальник крепости приказал позвать царских телохранителей; Кариман Сетиели и трое телохранителей стащили рыцаря с закутанной головой с лошади и бросили его в темницу башни Теней.

Поразились телохранители: пленник не произнес ни слова.

Не по сердцу пришлось такверскому эриставу то, что сказал ему начальник крепости: именно, что царь еще не изволил пожаловать в Начармагеви.

«Уж не разминулся ли царь с нами в дороге и не отправился ли в Триалети без нас?» — думал Джонди.

Он не любил это угрюмое место — Начармагеви, много раз разоренное хазарами, арабами и сельджуками, окружен-

ное полуразрушенными башнями. И названия этих башен были странные: башня Месяца, башня Солнцепека, башня Роши и башня Теней.

Трехсотлетние дуплистые липы стояли во дворе, они были оголены до самых верхушек и постоянно усеяны грачами. Разорены были плодовые сады и цветники Начармагеви. В бассейнах, полных лягушек, стояла гнилая вода.

Словно мгла окутывала душу юного эристава под сводами этого дворца, почерневшими от пожаров: наводили уныние огромные каминные входы всех семи палат, зияющие мрачно, словно ненасытный зев Хаоса. Кричали пронзительно исфаганские попугаи, и по ночам роптал подаренный осетинским царем львенок.

И эти выжившие из ума мандатуры — неучтивые, всегда угрюмые, шамкающие старики, давнишних, багратовских времен, одетые в полинялые, вытертые скараманги! Шаркая туфлями из заячьих шкурок, одиноко бродили мандатуры по безлюдным палатам.

После кратковременного пребывания в Начармагеви Джонди хорошо их изучил. Он знал, что старики не одобряли ни царя Давида, ни его «отчаянных» спасаларов. Привыкшие к строгому византийскому этикету, они осуждали «простонародные привычки» царя Давида.

— Любит ходить пешком, по ночам гуляет один на берегу Лиахвы, ведет монашескую жизнь, не будучи иноком, — столь юные годы! — говорили старики.

Не нравилось им также, что царь вечно глядел в пергаменты, бродил, как привидение, по дедовским палатам, а иногда, преклонив колени, пел псалмы в темноте.

Он не устраивал пиров, как Баграт IV или как Георгий II, не любил принимать гостей. «Скуп!» — порою шептали о нем по углам.

Уедет куда-нибудь, не скажет никому о цели поездки, никогда не объявит наперед о сроке возвращения. Когда докладывали ему о чем-либо, невозможно было понять, по душе ли пришлось ему известие?

Пленник с головой, закутанной в черную ткань, совсем всполошил этих мандатуров. Весь дворец стал на ноги. Постельничие, дворецкие, стольники, факельщики, кравчие — все шептались, спрашивали друг друга: кто он, пленник башни Теней, с закутанной в черное головую?

Георгий Чкондидели вышел навстречу гостям.

Пока первый визирь и такверский эристав беседовали на-

едине, приближенные толпились у запертой двери в надежде уловить хоть краешком уха, кто такой этот таинственный пленник.

Тысячи предположений рождались в праздных умах обитателей Начармагевского дворца; одни говорили, что это — амир тбилисский Бану-Джаффар, схваченный царем в Авчалъской долине, другие принимали пленника за Квирике, кахетинского царя, третьи считали его Дзаганом, владельцем Зедазени.

Насторожив уши, прислуживали за трапезой стольники. Чкондидели поужинал с такверскими азнаурами, но никто из них не обмолвился ни словом о пленнике с закрытым лицом, хотя обычно несловоохотливый Чкондидели сегодня много говорил — о восстановлении картлийских замков и о лошадях.

Он огорчался: аланские лошади болели сапом.

— Три табуна отвели в Дариал табунщики, все три вымерли от тамошней травы, — сказал Чкондидели.

Удивился эристав Джонди.

— Что же это за трава, господин первый визирь? — спросил он.

— Неподалеку от Дариала, на хребте Орбодзала водится, оказывается, такая трава, что ни одна лошадь из других краев не может пастись на ней — сразу умирает. Смотритель табунов испуган, не знает, как оправдаться перед повелителем.

Когда беседа о крепостях и о лошадях подошла к концу, главный дворецкий повел такверских азнауров в их опочивальни, а Чкондидели с такверским эриставом уединились в хрустальной палате. Своды этой палаты при царе Баграте были выложены хрусталем; когда Альф-Арслан впервые сжег дворец, своды палаты полопались от жары. Теперь лишь кое-где видны были обломки хрусталя; в иных местах остались лишь дыры, также почерневшие от дыма.

Хрустальную палату еще не начинали отделывать заново, ибо царь приказал без него не прикасаться к ней.

Чкондидели пожелал спокойной ночи эриставу Джонди и оставил его.

Когда Джонди ехал в Начармагеви, он полуспал в седле, а во дворце сон покинул его совсем. Он прислушался — за дверью не было слышно мандатуров; удивился, почему не видно начальника факельщиков Сабии? Потом встал, сам потушил свечи в канделябре. Стало зябко ему в темноте; лишь в нишах теплились восковые свечи.

Как только погасли свечи, откуда-то появились в палате летучие мыши. Они летали попарно, преследовали друг друга во тьме с головокружительной быстротой и при этом издавали писк, нагоняющий тоску.

Джонди встал, оделся. Тщетно пытался сызнова зажечь свечи.

Потом вышел из палаты. В проходах храпели растянувшиеся на сундуках постельничие монахи. Нигде не было видно ни слуг, ни факельщиков.

В зеленой палате горели большие канделябры. Возобновленные фрески великомучеников обрисовывались на стенах смутными тенями. Святой Иоанн запихивал себе в глотку громадный меч, святой Шио держал дубинку в руках, у ног его простерлись, склонив головы, тигры, львы и гепарды.

Одна из стен была занята двумя фресками. Верхняя изображала распятие Иисуса Христа, нижняя — императора Ираклия. Неся на спине огромный животворящий крест, он поднимался на Голгофу.

Еще не успели как следует прибрать эту палату. Беспорядочно были разбросаны по ней скараманги, лоори и сакко. епископские омофоры, митры, посохи, рыцарские и женские доспехи, конская сбруя.

И в желтой палате тоже уже обновили фрески, некогда исполненные византийскими мастерами. Теперь вполне различимы были: прибытие аргонавтов в Колхиду, пахота на огнедышащих волах, наказание Иксиона, похищение Ганимеда орлом, посланным Зевсом с Олимпа.

В этой палате Джонди заметил рыцарские доспехи — греческие шлемы, грузинские панцири, сельджукские кольчуги, копьё с царским значком, алебарды, бахтерцы, металлические зеркала.

По углам стояли поставцы из дзелквы — такие же точно, как те, что такверский эристав видел в Кутаиси.

Тщетно искал Джонди Сабню, старшего факельщика, открывая и снова закрывая двери палат. Какой-нибудь уснувший факельщик, простонав во сне, переворачивался на другой бок и снова издавал мирный храп. Джонди не хотел будить спящих, проходил мимо.

Он вернулся в хрустальную палату.

Где-то лаяли собаки, а иногда раздавался громкий шакалий вой. Теперь в дворцовом дворе подняли тьяканье пастушьи псы. Джонди подошел к окошку — месяц глядел свер-

ху на объятые молчанием крепостные башни. В тени башен бесшумно двигались стражи.

«Как-то себя чувствует мой пленник?» — подумал эристав.

В палату вошел человек с горящим светильником.

Гость пригляделся, узнал старого Сабиа.

Сабиа был одет в скараманг шафранного цвета из золотоканной парчи, слегка потертый на локтях. На голове у начальника факельщиков была островерхая шапка. Старик воздал почесть эриставу и приветствовал его, извиняясь: был он в отсутствии, ездил в Руиси за светильнями и только что узнал от Гедеона, стольника, о прибытии эристава.

Джонди всегда отличал среди мандатуров этого учтивого балагура-старика. Он прекрасно играл на лире, пел ирмосы, и на устах его всегда юношеская улыбка. Слышал эристав: так сладостно играет старый мандатур на арфе, что, приведись ему вовремя поспеть к одру большого Баграта IV Куропалата, быть может, и спас бы он царя от смерти.

Нос у Сабии горбат, шея длинная, уши словно обрезаны, как у старой овчарки, ноги тонкие и высокие — старик походил немного на аиста, и походка у него была такая, словно он приплясывал на ходу.

— Что это ты сидишь во тьме, эристав? Не прикажешь ли зажечь свечи?

— Зажги, Сабиа, я мучился немало, но не мог никак их зажечь. Зажги, чтобы летучие мыши улетели прочь из палаты. Они так пищат, что вряд ли мне удастся заснуть. Не люблю я летучих мышей, Сабиа! — сказал гость и ткнул железной кочергой в пылающее бревно; раскаленные уголья посыпались на кирпичный пол. Сабиа схватил щипцы, стал на колени и, подбирая головешки, бросал их обратно в камин.

— И я не люблю этих адских соловьев, господин мой эристав. Немало старался старший мандатур, чтобы их уничтожить, да все не мог добраться до их гнезд. Говорят, они спускаются в палаты через дымовые трубы, — сказал Сабиа и зажег свечи в подсвечниках.

Джонди зевнул и спросил главного факельщика:

— А что же ты любишь, мой Сабиа?

— Я люблю солнце, господин мой эристав, ласточек, жаворонков, огонь и вино.

Джонди улыбнулся.

— А еще что?

— Еще много такого, чего у меня нет, господин мой эристав. К примеру — охоту и сладостное веселье, звуки лиры и мир на земле.

— Так, значит, война тебе не по душе?

— Да, войны и кровопролития мне не по нраву, господин мой эристав.

— А скажи мне, Сабиа, кому же по нраву война?

— Если не разгневаешься, скажу тебе по правде, господин мой эристав.

— Скажи!

— Говорят, господин мой эристав, что наш юный царь Давид и его спасалары день и ночь мечтают о войне.

Джонди улыбнулся и ответил:

— Без войны не бывает мира, как без дыма нет огня, без подков — коня, без меча — рыцаря и без ручья — мельницы.

— Нет, я говорю тебе не об этом: наш повелитель, царь Баграат, тоже любил воевать, но и наслаждения мира сего не были чужды великому властителю. Кто перечислит, сколько пиров видали здешние хоромы! Мы были тогда молоды, а палаты эти были покрыты позолотой, хрусталем и росписью; иногда целую седмицу продолжался пир. Прекраснейшие из жен и дев нашего царства плясали самайю перед этим каминном, господин мой эристав, музыканты и певцы увеселяли пирующих. Уже более года, как находится в Начармагеви наш новый повелитель, и никто еще не видел улыбки на его лице.

Перед глазами Джонди возник образ тоскующего в этих разоренных хорах царя.

— Если не разгневаешься, я задам тебе один вопрос, господин эристав, — сказал старик.

— Не думай о моем гневе, Сабиа, столь сладок твой голос, что тебе простится все, что ни скажешь; о певцах ведь судят по голосу, а не по уму.

— Тогда скажи мне, господин мой эристав, кто тот несчастный с закутанной головой, которого вы давеча бросили в башню Теней?

Джонди улыбнулся и ответил:

— Не спрашивай меня о вещах, которые не дошли еще даже до слуха самого царя.

Сабиа смутился, потянул ноздрями, помолчал немного и снова обратился к эриставу с просьбой:

— Я слышал, что царь Давид весьма жалуется тебе, так не гневайся на меня за мою просьбу...

— Говори!

— Умоли нашего повелителя, чтобы он перевел меня в Гегутский дворец. Сказывают, у царя Георгия там горит камин побольше этого. Вокруг огня сидят такверские флейтисты, и хлебосольный царь услаждает свой слух сладкозвучной музыкой. Я не жаден до еды — хватит мне и горсти пшеничной каши, клянусь твоим солнцем, но я люблю веселье, пенье ирмосов и благоволение в людях. В этом дворце все угрюмо, все печальны. Эти зияющие каминны, эти мандатуры, столы и дворечки, — укус у них стекает по лицам, клянусь твоим солнцем... Да, наконец, здесь нет ни одной женщины, ни одной кошки, а ведь ты знаешь: женщины и кошки созидают в доме уют.

Джонди улыбнулся, а Сабиа продолжал:

— Я уже стар, господин мой эристав, а все еще люблю женщин, клянусь твоим солнцем, ибо приятно лицезреть женщину. Больше сотни служащих в Начармагевском дворце, и все — мужчины. Вот уже сколько лет, как мы сражаемся с летучими мышами, крысами и тараканами и никак не можем истребить их, а все потому, что нет здесь ни одной женщины. Сколько ни пробовали заводить кошек, все они убегали, потому что без женщины и кошка не уживается в доме.

Джонди рассмешили эти забавные рассуждения. Он обещал старику похлопотать за него перед царем Давидом. Ободрился Сабиа.

— Еще один вопрос я задам тебе, господин мой эристав, а потом приляг; я спою тебе стариннейшие ирмосы, клянусь твоим солнцем.

— Спрашивай!

— Что у нашего повелителя была законная супруга, об этом знаю и я. В Начармагеви прошел слух, будто дочку эристава Шамана прочит за царя Давида царица Елена. Если это правда, то не переводи меня в Гегутский дворец. С невестой царя придут, вероятно, и прислужницы ее, тогда мы отыщем кошку, и летучие мыши с крысами отстанут от нас, клянусь твоим солнцем.

У Джонди покраснели уши, он взглянул на простодушное лицо Сабии, подумал: «Видно, старик не знает, кто я такой», — и ответил:

— Знаешь, мой Сабиа, каждый из нас должен остерегаться спрашивать о том, кого любит или кого ненавидит царь.

Сабиа опустил голову, потом встал, opravил постель для гостя, а когда эристав улегся, присел у изголовья и затянул ирмосы.

Еще не кончил первого ирмоса Сабиа, как во дворе ударили в кимвалы и послышалось ржанье лошадей и тявканье собак.

Сабиа вскочил поспешно и поднял факельщиков на ноги. Едва Джонди успел одеться, как царь, Чкондидели, Шергил Липартиани, Гуарам Бечисцихский, Бешкен Джакели и Махара вошли в палату.

Джонди бросился навстречу, чтобы поцеловать руку повелителю, но тот отнял ее у юноши и сам поцеловал его в щеку. Словно стыдливая дева, покраснел юноша.

Новоприбывшие разместились у огня. Царь отпустил факельщиков, главного дворецкого и начальника слуг.

Джонди не осмеливался сесть.

— Сядь! — приказал царь и схватил его за локоть. — Должен признаться тебе, Джонди, я уже не надеялся, что тебе удастся схватить Липарита.

— А мне сдается, государь, что если повелитель прикажет, ничего невозможного нет на этом свете. Сказать тебе откровенно, государь, — продолжал Джонди, — мы хотели взять в плен Рати, а попался нам в руки Липарит.

Царь улыбнулся и спросил:

— Как это удалось вам выманить отца с сыном из замка?

Озорная улыбка мелькнула на юношеском лице Джонди, глаза его засияли, кончик ястребиного носа блестел.

— А все же, как? — спросил Махара.

Джонди поднял голову, устремил взгляд своих светлых глаз на повелителя и сказал:

— Попытка похитить Рати вывела Липарита из Кледарского замка. Позднее узнал я, что, по мнению Липарита, это покушение было делом Бешкена Джакели, который будто бы хотел отомстить Рати за обиду; поэтому Липарит укрыл сына в замке Хулути. Долго кружили мы вокруг этого замка, но никак не появлялся Рати вне его стен без свиты. Даже когда он ездил к обедне в монастырь Липаритис-убани, каждый раз его сопровождало до сотни всадников. Все труднее становилось нам прятаться у отца Василия; верзила Кариман обращал на себя внимание. Не посчастливилось нам и в конюшнях Кириона Манглисского, ибо один из лазутчиков Липарита начал нас подозревать. Мы проводили

ночи в охотничьих шалашах или на мельницах, питались по большей части дичью. А там Кирион Манглинский вручил нам письмо Шергила Липартиани, в котором Шергил передал нам повеление царя выманить Рати, трубя по-оленьи. Как только настала масленица, стали мы каждое утро на рассвете ходить в вязовую чащу, что граничит с Хулутским замком, и, закрывшись листьями, подходили к замку, трубили под окнами оленьими голосами. Были со мной при этом Кариман и конюший Горгиа. Несколько дней из замка не было никакого отзыва. Я испугался, что хитрость наша раскрыта. Но потом, как видно, Рати убедился, что и впрямь это олень трубит под его окнами. Стали высылать в рощу ловцов с гончими псами. Мы тотчас взбирались на опутанные ползучими растениями деревья.

Когда мы похитили Рати из конюшен, собаки чуть было не изодрали Каримана. После этого стоит ему слышать собачий лай, как он трясется от страха.

Рассмеялись царь и Чкондидели.

— Злейших псов держит Липарит, — добавил Джонди.

— Оно и понятно: как не быть злою собаке, коли хозяин сам — злейший пес! — сказал Махара.

— А дальше? — спросил Давид.

— Потом сообщил нам управитель Зосим, что в Хулуты ждут в гости Ахсартана и Дзагана. Кариману Сетиели пришла в голову мысль сперва схватить этих двоих, а потом уже овладеть Липаритом и Рати. Орбелиани пригласили своих гостей на оленью охоту. Признаюсь вам откровенно, тут и я согласился с Кариманом. Из тех двоих мы могли бы схватить любого. В конце концов счастье улыбнулось нам, и вместо Рати сам Липарит попал в наши руки.

Щедро наградил такверских азнауров царь. Эриставу Джонди он пожаловал золотой меч, Каримана Сетиела сделал начальником царских телохранителей.

ПАТНОС ERDOMEN!

После того как с царя сняли доспехи, он отпустил факельщиков и приказал главному постельничему завтра ранним утром призвать к нему Георгия Чкондидели.

В опочивальне висел единственный образ — икона богоматери, вся усеянная рубинами.

Давид помолился, стоя на коленях, лег в постель и стал читать Фукидида; отложил книгу, но сон бежал от его очей. Из плодового сада доносился легкий шум: какая-то птичка чирикала беспокойно в листве, отрывисто тьякали собаки. А потом опять притихла природа, лишь кваканье древесных лягушек — отдаленное и негромкое — доносилось до слуха царя, словно зов из страны сновидений.

Дрема отяжелела веки. В полусне с яркостью яви предстал перед ним образ Дедисимеди. Кабача цвета киновари была на дочери эристава. Девушка выходила из пламени, стремилась к Давиду, но не могла достичь; руки ее были вздеты к небу, как руки отлетающего ангела на фресках мастеров того времени, уста ее были открыты, но она не могла издать ни звука и лишь глядела на царя своими изумленными, большими глазами. Улыбалась Дедисимеди, но не была радостной ее улыбка, слезы струились по щекам цвета персикового плода, она трепетала, но от радости или от страха? — этого не мог бы сказать Давид.

Внезапно послышался устрашающий рык. Царь открыл глаза; птичка в саду перестала чирикать, не было слышно уже кваканья лягушек.

«Это львенок, — подумал царь, и перед его взором возникли сверкающие огненными искрами глаза хищника. — О, как трудно сильному уместиться в узких границах! Дайте льву обширную пустыню, коню — ристалище, а храброму воину — меч».

Так думал царь.

Перед отходом царя ко сну Чкондидели доложил о письме царицы Елены.

— Бедная мать! Проводит ночи в бдении, за молитвой. Смоченный слезами хлеб едят старики в Гегути. Женщина — причина войн, и все же сама более всех ненавидит войну.

Две женщины звали Давида в разные стороны. Одна звала его к уюту гегутского камина, другая притягивала своей чарующей прелестью, и для того, чтобы завоевать ее, нужно было сражаться.

Война и кровопролитие...

Мать и возлюбленная оказались друг против друга — и теперь, как прежде.

Два года тому назад слезы матери заставили Давида подавить свою страсть, а то бы он не остановился и перед запретом кутанского архиепископа, женился бы на Де-

дисимеди, и, быть может, не пришлось бы ему сегодня идти войной на Триалети. А теперь ценою крови должен был вернуть себе Давид «вертоград замкнутый, источник опечатанный».

Вернуть ту, которая боялась не только войны и крови, но даже совершенно безвредных черных бабочек.

Как неумолима судьба! О этот слабый, беспомощный пленец горлицы! Это она кинула свой плат между вечно враждующими Багуаш-Орбелиани и Багратионами, но оказалась недостаточной кротость ее. «Да рассудит нас меч!» — пожелали потомки Липарита III. Но написано: «Поднявший меч от меча погибнет».

Липарит и Рати хотели, но не успели поднять меч.

Тревожное лицо Дедисимеди промелькнуло в сознании Давида. «Я боюсь тебя, государь!» — слышались ему сказанные ею в Сатаплии слова. Какой пламень сжигает ее душу сегодня! Любимого отца ее увезли похитители, и она даже не знает, жив или мертв сейчас Липарит.

О, как безжалостен приговор рока! *Pathos erdomen!*

Жесточайшие страдания должны мы порой причинять любимейшим существам — и не имеем возможности облегчить им эту тяжесть!

Pathos erdomen!

Давид поднял глаза на образ богоматери. Кровавым ореолом окружили деву Марию сияющие вокруг ее лица рубины.

Разве мало крови было пролито на земле под покровительством этой кротчайшей?

Царь сомкнул веки, пытался восстановить в воображении лицо Дедисимеди, каким оно было в ту ночь, когда, подобная дрожащему под ветром цветку, она прильнула, трепеща, к его груди, закрытой панцирем, и пожаловалась: «Я боюсь тебя, государь!»

Давид лег ничком, закрыл глаза ладонями и пытался уснуть. На рассвете пожалует первый визирь, нужно будет выслушать его мнение о чрезвычайно важных делах...

Хорошо известно царю, что юность стремительна, как бранная сталь, а старость тверда, как кремень. Если не высесть искру сталью о кремень, откуда возникнуть огню?

Завтра утром царь и первый визирь должны решить — отправиться Давиду в Гегути или в Триалети?

Поехать в Гегути. — значило отказаться от Триалети. Недостаточно взять в плен Липарита, чтобы утвердить за

собою все его эриставство. Рати будет драться отныне с еще большим ожесточением. Да и Бархиарок пока еще жив. Кроме того, эристав Джонди докладывал царю, что теперь Рати старается породниться с Ахсартаном II.

Отправиться в Гегути — значит наверняка задержать дела. Опять начнется охота в Аджамети, игра в нарды с прекрасной Гванцей, поучения царя Георгия.

«О великой Грузии мечтал дед мой Георгий Первый, он сразился с императором Василием и одолел его, но все же был зарыт в храме Баграта и обошелся шестью локтями земли, — не так ли?»

О великой Грузии мечтал всю свою жизнь и твой дед Баграт IV, но в конце концов умер и унес с собою на тот свет шесть локтей холста, — не так ли?»

Так будем довольны своим маленьким царством — уютным огнем гегутского камина, такверским маглари и сладкозвучным сазандари. Жизнь наша подобна детским исподникам — она так же коротка и так же испачкана, мой друг, не так ли?»

Так скажет царь Георгий, а если не подействуют его увещания, придет императрица Мариам и, ласково сказав: «милый мой», расставит шелковый силоч приготавливавшемуся взлететь орлу.

Опять послышалось рычанье львенка. Царю представилось, как без усталости ходит по клетке дикий зверь. Прыжков, самозабвенного бега, битвы и преследования захотелось его молодым мускулам... Зачем зажжен матерью-природой такой яркий огонь в его глазах, зачем даны ему гордый взгляд, быстрые ноги и острые когти?

Потому и презирает лев расставленные охотниками западни, вырытые ими волчьи ямы и тайно посылаемые из зарослей отравленные стрелы. Лишь для сильного и отважного предназначен этот мир!

Давид встал, подошел к окошку; перед башней Теней бесшумно двигались стражи. В башне этой сидел сейчас другой лев, тоже плененный, но старый, к львиной смелости примешавший лисью хитрость. Только он не рычал, не роптал, а сидел молча в башне Теней, хотя, наверное, и он, вверженный в оковы, не спал в эту минуту.

Царь Давид вспомнил приезд Липарита в Гегути. Как странно похожим на Дедисимеди показался ему эристав триалетский.

Жалость? Нет, жалость только прикрывает бессилие.

Кто сказал царю эти слова?

Давид оглянулся.

Уж не пробрался ли в опочивальню Джонди? Это он умеет подражать разным голосам.

Царь взглянул наверх. Летучие мыши носились под потолком, и тени их попарно скользили по полу. Преследовали друг друга эти соловьи преисподней, писком печалили сердце.

— Гегути или Триалети? Посмотрим, что принесет нам завтрашний день.

Снова обрела голос невысказанная мысль. Неясная тень забрела в опочивальню.

— Кто здесь? — крикнул царь.

Откликнулся голос Махары.

— Ты не спишь еще, Махо?

Молчал вошедший.

— И к тебе не пристал сон? — спросил Давид.

— Я-то пристал к сну, да он не хочет ко мне пристать, — ответил безбородый, подошел к иконе божьей матери, снял свечу из ниши и зажег свечи в одном из подсвечников.

— Ты с кем-то держал совет, государь, не правда ли? — спросил безбородый и оглянулся.

— Ни с кем.

— Тот, кто советуется ни с кем, часто получает наилучший совет. Ибо тайна, услышанная шестью парами ушей, зачастую назавтра же разносится шестью устами.

— Я не понимаю смысла твоих речей, Махо.

Снова заревел львенок.

— Ты слышишь львиный голос, государь? Он-то и нарушил мой сон. Потому и бродит по клетке дикий зверь, что он стремится к беспредельности.

— Как видно, и ему приелась клетка?

— Как тебе — уют гегутского камина.

Царь рассмеялся от души и сказал:

— Гегутский камин и львиная клетка!

— У этого камина расставлена для тебя западня.

— Какая западня?

— Уж будто не знаешь сам?

— Не знаю.

— А цветущая, высокобедрая Гванца? Месяц тому назад я видел ее. О, как выросла и как расцвела дочь эристава Шамана! Кого не соблазнит ее высокая грудь, чарую-

щая прелесть ее юной плоти! Созрела Гванца. Алые губы ее рдеют так, словно она поцеловала огонь.

Царь покраснел и ничего не ответил. Вспомнил и сам, как вечером на рождество он целовал эти губы у гегутского камина, когда тоска по Дедисимеди начинала теснить ему грудь. Хорошо помнил он, что тело Гванцы мягко и нежно.

Махара подошел близко к постели царя и сказал ему почти шепотом:

— Запомни хоть одну из моих безумных речей, государь: никогда не предпочитай женщину битве, ибо женская ласка сладка лишь тогда, когда женщина добыта нами в бою.

Царь лежал навзничь, молчал, нежась на теплых шкурах серн и следя глазами за полетом маячивших под сводами летучих мышей.

В плодовом саду поднялось птичье чириканье, и львиный рык умолк во дворе, ибо началось уже шевеление теней — бледное сияние проникало в окна опочивальни.

Когда Георгий Чкондидели вошел в палату, Давид встретил его уже одетый, в панцире.

Приветствием ответил он на приветствие первого визиря и приказал выступить в поход на Триалети.

Давид сказал:

— Ты поезжай в Гегути, господин мой Георгий, успокой стариков; если мне понадобятся маргветские ратники, я извещу немедленно, и тебе придется самому вести их.

Почти с мольбою сказал первый визирь царю:

— Возьми с собою эристава Гуарама!

Давид понял, что разумел Чкондидели, и велел позвать владельца Бечиссиче.

ОРЕЛ И ПРИЛУКА

Бряцание кимвалов подняло на ноги лагерь. Крестоносец пошел впереди войска. Чухчарх Кариман Сетнели и тяжело вооруженные чухчи — телохранители царя — пошли вслед за ним.

Царь Давид ехал на своей Сквитни. По левую и по правую руку от него следовали спасалары: Шергил Липартиани, Папуна, сын эристава Гуарама, Бешкен Джакели и Джонди.

Когда вышли из Начармагеви, царя догнал на буланом мерине Гуарам Бечиссичский. Царь не хотел брать Гуарама с собой в Триалети, боялся, что разжалобит его старый эрис-

тав, но столь убедительно просил его Чкондидели, что не смог он отказать ему; и подумал, что царю Георгию с царицей Еленой будет тоже, пожалуй, приятно, что Гуарам находится при нем.

В Триалетском эриставстве несчетные толпы народа встречали повелителя хлебом-солью. Но лазутчики сообщили, что хевиставы — предводители сельских общин, гзири и мамасахлиси убежали в Клдекари.

Войска несли с собою приставные лестницы. Пятьдесят пар буйволов и быков тащили высокие деревянные башни. В Триалети никто не видел еще осадных машин, и прохожие взирали на них с изумлением.

Деревенское духовенство выносило хоругви из церквей, встречало царя и войско пением псалмов.

Жалобщики, взобравшись на холмы или на деревья, протягивали царю прошения; угнетаемые властью имущими эриставства Триалетского, искали они защиты у него. Письмоводители главного судьи заносили жалобы в списки.

Эристав Гуарам не решался спросить царя, куда направляется войско — в Клдекари или в Липаритис-убани? После того как царь вошел в пределы Триалети, Гуарам ни на шаг не отходил от него. Беседовал, вспоминая путешествие в Византию, восхваляя Алексея Комнена — «истинно христоролюбивого кесаря», «милостивого и великодушного».

— Я сам сопровождал кесаря, когда он изволил осматривать лагерь убитых половцами печенегов. Когда кесарь увидел эту леденящую кровь картину, он преклонил колена среди поля, осенил себя крестным знаменем и в слезах молил спасителя не возлагать на него вины за убийство этих несчастных.

Давид понял, зачем рассказывает ему старый эристав эту историю. Ежели император-христианин так жалел язычников-печенегов, то ему, христианскому царю, еще более подобает щадить своих кровных братьев.

Лицо Давида, не спавшего минувшую ночь, было строго. Вовремя сдержанная улыбка слегка тронула его губы. Он повернулся к эриставу Гуараму и сказал:

— Помнишь ли ты, господин мой Гуарам, притчу царя синдов, рассказанную им Вахтангу Горгасали?

— Какую?

— О том, как ворона нашла ястребиного птенца, вырастила его и воспитала, но как только воспитанник возмужал,

проснулся в нем хищник, и он съел свою воспитательницу. С тем, кто дружит со своим врагом, случится то же самое, что с этой вороной. Кесарь Алексей—отменный воин, но, не обойдись он столь милостиво с Чахой, этот воспитанный им сельджук не уготовил бы столь грозной опасности Византийской империи.

Эристава Гуарамы испугали слова царя. Он вспомнил, что когда царское войско выступило из Начармагеви, чухчи несли вслед за Кариманом Сетиели дзелквовую дыбу, а за ослами, на которых были навьючены шатры, шла сотня чухчей, ведя с собою эристава, голова которого была укутана в черную ткань.

Теперь владетель Бечисцихе был убежден, что царь осадит Клдекари и чухчарх Кариман Сетиели вздернет на дыбу обоих Орбелиани — отца и сына.

Опечалился старый эристава. Не раз приходилось ему видеть, как вздергивали людей на дыбу. Подумал: «Хоть бы сломал я себе ногу и вовсе не приезжал из Византии».

Он укоротил повод, немного отстал от царя и оглядел молодых спасаларов. Головы их так же были покрыты шлемами цвета ржавчины, они так же молча сидели в своих седлах и лица их были так же строги и жестоки, как лицо их повелителя.

«Меняются времена, — подумал владетель Бечисцихе. — И мы были юношами когда-то, и мы носили доспехи и вели войны. Совсем иное поколение выросло после нас — безжалостное и жестокое. Если бы царь Георгий действовал, как Давид, лишь мне да эриставу Шаману удалось бы сохранить головы на плечах. Еще совсем юноша царь Давид и любит дочь Багуаш-Орбелиани столь самозабвенно, — а вот идет с войском во владения ее дома, чтобы вздернуть на дыбу будущих тестя и шурина. Меняются времена, меняются обычаи и повадки людей...»

Орлы взлетали с ближних скал; спугнутые бряцанием кимвалов, устремлялись легконогие стада серн; с необычайной быстротой мчались они по пригоркам. От лошадей шел пар. Лисицы перебегали тропинки — и пугались необъезженные жеребцы. С непокорным ржаньем шли они по крутым трапам.

Дорога сворачивала налево, на противоположной стороне оврага начинался новый подъем. Мост был проломан арбами. Царь пришпорил Сквитию и перескочил на противо-

положный берег. Лошадь Гуарама вытянула шею, поглядела в овраг и отступила назад.

Владелец Бечиссихе прикрикнул на своего мерина — лошадь прыгнула, но разорвала подпруги.

Царь обернулся.

— Что с твоей лошастью, господин Гуарам?

— Придется мне просить у тебя разрешения отлучиться, государь; я подожду конюхов, они переменят мне подпруги.

Шергил Липартиани подтехал к царю и повел коня рядом с его Сквитней.

Когда обозники и хранители шатров догнали Гуарама, Махара приказал конюхам переменить подпруги под седлом эристава Бечиссихского.

— Видно, слишком много ячменя давали твоей лошади, господин мой Гуарам? — сказал Махара эриставу.

— Ты прав, Махо. Сколько ни молю я начальника моих конюшен не откармливать так безбожно коня, он все поступает по-своему.

— Сытая лошадь не годится ни в состязании, ни на войне.

Гуарам согласился с безбородым.

— И сытый человек еще никогда не покорил ни одной крепости, — добавил Махара.

— Только одним царям простительна сытость; не так ли, Махо?

— И им непростительна она, господин Гуарам. Чревоугодие, бесконечные пиры и охота — самые большие грехи царей.

— Так кто же может быть счастлив на земле, Махо?

— Ни тот, кто вечно думает о своей сытости, ни тот, кто плетет сети против ближнего. Истинное счастье добывалось людьми лишь ценою большого геройства, господин мой Гуарам.

Пока эти двое вели такую беседу, конюхи, следовавшие за ними, прислушивались к их словам.

Эристав Гуарам укоротил повод, пропустил конюхов вперед и, убедившись, что они далеко, огляделся и сказал Махаре:

— Лишь мы с тобой — старики среди этой молодежи, Махо. Как-нибудь нужно отвратить царя от пролития братской крови.

— Сбылись желания сына Липарита, господин Гуарам.

Он хотел завлечь орла в Триалетское эриставство прилукой. Так пусть теперь узнает, кто попал в западню.

Не доезжая трех стадий до Манглиси, Кариман Сетнели и чухчи царя повстречали на дороге латников на конях. Вместо того, чтобы, спешившись, встретить с почестью чухчей, всадники прищпорили коней и приготовили копыя к бою.

Кариман Сетнели узнал Мамиствалу Махароблисдзе, обнажил меч, пустил коня вперед и заставил его ударить грудью лошадь знаменосца. Одним взмахом меча он снес голову закрытой панцирем лошади и сбросил ее вместе с всадником с обрыва.

Атаковали в ответ и триалетцы, убили лошадей под передовыми, но тогда чухчи развернули плечи, и триалетцы, бросив коней, скрылись кто куда, попрыгав со скал.

Никто не понимал в Триалети, куда направится царь Давид со своими полками. Был вторник, а церковные колокола звонили без устали, иногда же слышалось в ущельях и гуденье набата. Это делалось по приказанию Кириона Манглисского. Все эриставство поднялось. Даже монахи-отшельники оставляли свои пещеры, выходили на дорогу, прикладывались к боевому кресту и падали перед лошадью царя, целовали копыта Сквитии.

Необычайный страх объял триалетских азнауров. Они покинули Манглисский замок и укрылись в крепостях Хулуги и Берикали.

Когда Кариман Сетнели с чухчами прибыли в Манглиси, они застали дворец эристава запертым.

Лишь престарелый начальник слуг, главный посудник и главный стольник стояли с обнаженными головами перед дворцовой лестницей, которую стерегли два крылатых льва из черного гранита.

Чашники, посудники, стольники, пекари возились у открытых торней и погребов.

Овчарки с обрезанными ушами храбро лаяли и набрасывались на воинов.

Ворота ограды дворца Орбелнани были распахнуты настежь, все же четыре башни заложены снаружи засовами.

Кариман Сетнели на полном скаку въехал на замковый двор. Волкодавы окружили его. Кариман был одет в стальные поножи, но все же вытащил ноги из стремян, поджал их,

напуганный собаками, и в душе сам посмеялся над своим страхом.

Начальник слуг, стоявший с обнаженной головой, удивился, что чухчарх царя не потребовал у него ключей от дворца.

— Где семейство эристава? — спросил его Кариман.

— В Липаритис-убани, господин мой чухчарх.

Солнечные часы дворца Орбелиани показывали девять. Кариман послал чухчей на башни, оставил в них шестьдесят человек.

Голодные телохранители тянулись к пекарням. Чухчарх приказал начальнику слуг вынести вино в кувшинах и горячие хлебы. Кариман скатывал лепешки, жевал их, смеялся — вот, мол, попробовали и мы хлеба-соли Орбелиани!

Потом взглянул на солнце и приказал чухчам садиться на коней.

Вверх по течению Алгети двигались тысяча двести тяжело вооруженных всадников. Был осторожен Кариман Сетиели, уверенный, что еще до прибытия в Клдекари встретит его Рати со своими когортами.

По приказу начальника спешились чухчи, коней оставили монахам и оруженосцам, сами же взбирались на гребни скал и на деревья, осматривали впереди дорогу, разыскивали в лесу и в оврагах неприятелей и пересвистывались, извещая друг друга о своем передвижении.

Вокруг стояла тишина, лишь порой испуганный зверь шмыгал, шелестя листвою. Голуби ворковали в безлюдных буковых лесах.

Как только проехали лес Цитихто, показался Клдекарский хребет. Этот горный кряж проходит прямо с севера на юг. С незапамятных времен он был рассечен пополам, и эта открывшаяся в скалах дверь была черной, как врата ада.

Кариман Сетиели остановил коня и приказал позвать тех из чухчей, которые были жителями Картли.

Сказал Сулаисдзе начальнику чухчей: не стоит входить в Клдекари без разведчиков; лучше заночуем в ущелье Тадарджина, пошлем лазутчиков, а потом попытаемся хотя бы с боем проложить себе путь.

Прежде чем зашевелились тени, лазутчик принес известие: дружины эристава стоят по ту сторону прохода Клдекари. Кариман Сетиели повел своих чухчей рано утром, до света; карталинские чухчи и Сулаисдзе ушли вперед, подня-

лись на гору и стали скатывать камни на триалетских ратников, стоявших в проходе по ту сторону скалистых врат Клдекари. Кариман же Сетиели в сопровождении тысячи копыеносцев ворвался во врата Клдекари. Люди эристава Липарита обратились в бегство.

Когда кончился высеченный в скале путь, Кариман увидел огромное плоскогорье, окруженное со всех сторон горами Клдекари и Эрджевани. Эти конусообразные горы были похожи на башни. С востока Клдекарский хребет кажется зеленым, заросшим травой, а если взглянуть на него с другой стороны скалистых ворот, он представляется сизым, выжженным солнечными лучами, лишенным зелени и одетым лишь серебристым мохом.

— Все это ущелье — неприступная крепость, господин чухчарх, — сказал Сулаисдзе Кариману.

Сетиели окинул взором возвышавшийся на синей скале Клдекарский бастион.

У подступов к нему стояли войска, слепило глаза сверканье панцирей и шлемов.

Вокруг раскинувшихся на склонах деревень были разбиты шатры. Скот эристава — табуны и овечьи отары — рассыпался по эйлагам.

Блеянье баранов, ржанье лошадей и гиканье воинов, сливаясь воедино, оглашали окрестность.

На этой стороне ущелья, вдоль всего Клдекарского хребта, видны были в открытых конюшнях оседланные лошади: отмахиваясь от мошкары, они дергали головами.

Наконец догнали чухчарха крестonosитель и передовые воины.

Трудно было одолеть склоны, ведущие к стенам Клдекарского замка. Воины Рати Орбелиани вышли из крепости и забрасывали царские войска камнями.

Царь захотел испытать воинское искусство Джонди; он приказал такверскому эриставу выйти вперед и очистить путь войскам.

Джонди дал приказ такверской дружине спешиться, отклонился от главной дороги, ведущей к крепости, рассыпал сгорты по склону и приказал им ползком подниматься по тропинкам, укрываться за кустами и так одолеть подъем.

Рати удивила эта военная хитрость. Он знал по расска-

зам, что, когда парикман кесаря Константина напал с греческим войском на Клдекари, он не додумался до этой уловки, а упрямо следовал прямой дорогой в гору — и войско его было перебито камнями.

Рати заметил также: вслед за такверской дружиной ползли катапульты, деревянные башни и шел целый отряд тейхспелетов; он испугался, обратился вспять вместе со своими людьми и заперся в замке.

Царь послал Гуарама Бечисцхского в крепость, предложил Рати сдать ее без сражения.

Заупрямился сын Липарита и ответил нападающим: «Отец мой — пленником у вас; освободите его, а мне дайте уйти — и я передам вам крепостные ключи».

Царь приказал Шергилу Липартнани подвести ближе к замку осадные орудия.

На дорогу, ведущую к замку, стали сыпать землю и утаптывать ее ногами. Пододвинули бревенчатые лестницы и приготовили к бою деревянные башни. Царь собирался, как только расширят путь, втащить башни на гору и подвести их к стенам замка с тем, чтобы лучники попытались перейти с башен внутрь ограды.

Гуарам Бечисцхский видел такие башни только в Византии. Он не посмел ничего сказать повелителю, но про себя подумал, что вряд ли смогут с их помощью одолеть клдекарскую твердыню.

В эту самую минуту подоспел Кирион Манглисский с большой свитой духовенства. Манглисского архиепископа и отца Василия послал в крепость царь Давид.

Больше, чем царя, Рати боялся проклятия Кириона, и все же стоял на своем, кричал: «Пусть рассудит нас меч!»

Когда Кирион Манглисский вернулся из крепости, Кариман Сетнели по приказу царя воздвиг на видном месте дыбу.

Теперь уже было видно и из бойниц Клдекарского замка, как сняли черное покрывало с лица Липарита Багуаш-Орбеллиани и как Кариман поднял его на руки, словно мальчика, и подвесил к дыбе.

Эристав Гуарам содрогнулся, закрыл лицо кольчатым забралом шлема.

Рати не выдержал зрелища казни отца. Монах Козмаэ

вынес крепостные ключи, явился к царю в его шатер, простерся перед ним и возгласил:

— Полихроннион!

Пока царские войска входили в крепость, Рати Орбелиани ускользнул из замка через потайной ход.

На амира Липарнта наложили оковы и посадили его на цепь в темнице. Начальником крепости Клдекари назначили такверского эристава Джонди.

В течение семи дней царские войска взяли без кровопролития, при помощи деревянных башен, самые неприступные из триалетских твердынь. В Хулути Давид оставил Шергила Липартиани, Берикальский замок поручил Папуне, сыну эристава Гуарама Бечисскихского, а сам отправился в Липаритис-убани вместе со своим войском.

Конец первой книги

КНИГА ВТОРАЯ

ТРИАЛЕТСКИЙ ВЕТЕР

Лето настало и в горах. Солнце, миновавшее созвездие Рака, приближалось к созвездию Льва. Засевшие в пограничных крепостях передовые отряды царя Давида видели по ночам созвездие Пса.

Ветер метался в ущельях, и мощные ели гудели, как морские валы. Ураган, налетая на одинокое дерево, повисшее над пропастью, набрасывался на него, как голодный перезимовавший волк на оленя. Затем он с ревом несся по ущельям, врываясь в черневшие над обрывами пещеры к отшельникам и охотникам.

И ветер, и страх сопутствовали царю Давиду, вступившему в Триалетское эриставство. Азнауры Рати ожидали прихода сельджуков из Армении и Кахети. Они предполагали, что отряды Бану-Джаффара находятся в окрестностях крепости Коджори. Азнауры были весьма огорчены, когда вместо сельджуков в эриставство вступили царские войска.

Все знали, что эти войска возглавлял Давид, но никто не мог выяснить, где он находится. Ждали царя — одни с радостным нетерпением, другие с неопределенным страхом.

В воображении праздных и любопытных людей рождались небылицы о том, что царь Давид носит заколдованные доспехи, что его отравленные стрелы пробивают любой щит — арабский, корейшитский, обтянутый змеиной кожей, иранский — из шкуры крокодила и греческий — из бычьих кож.

И потому не могли меряться с Давидом ни турки-сельджуки, ни воины Липарита.

Внезапное падение Клдекари вызвало смятение у триалетцев. Старики хорошо помнили, как потерпел поражение domestik греческих войск императора Константина Восьмого на подступах к этой крепости.

У всех на устах было имя Давида. Каждый стремился хотя бы мельком увидеть его. Едва появлялись царские войска, мужчины и женщины бежали навстречу и любовались всадниками в доспехах.

Все знали, что молодой царь не носит ни золоченых лат, ни хорасанской кольчуги, ни салмасурской, и что на нем — обыкновенная стальная броня и шлем Багратионов, цвета соколиного пера, с сетчатым забралом. Но такие же доспехи носили и спасалары царя, и тысяцкие. Поэтому трудно было отличить царя от свиты.

Народу были известны и другие подробности: царь ездит на кобыле сливовой масти, которую зовут Сквитиа, а запасного коня ведет оруженосец. У нее вдоль спины — каштановая полоса, грива — цвета вороньего крыла, а на правом бедре выжжено кипчагское тавро. Поэтому любопытные приглядывались больше к лошадям, чем к всадникам.

Все эриставство заполнилось войсками царя Давида, хлынувшими, подобно приливу, из Картли. Отряды, наступавшие из Джавахети, запрудили дороги и долины, заняли крепости и башни. Начальствовавшие над укреплениями и ущельями были смещены. Отряды царя двигались по проселочным дорогам и конным тропам. Всадники заставляли коней прыгать с обрывов. Все заглушало лошадиное ржанье.

Триалетцы не раз видели войска царя Георгия. У его испытанных воинов виски белели сединой, многие носили длинные бороды, а войско царя Давида состояло в большинстве из молодежи, еще безусой.

Пока Давид со свитой подъехали к Липаритис-убани, ветер утих и вечер стал медленно спускаться с небес.

На аметистовом небосклоне четко обозначились Триа-

летские горы. Вершины хребтов напоминали облачные замки, а заостренные, как воронки, утесы — изумрудные башни.

Челюсти ущелий почернели, и взошла луна. Горы, ухдившие на запад, стали смарагдового цвета, а далекие обрывистые скалы выделялись угольными очертаниями на фоне крапчатого, как лосось, неба.

Царь крепко держал в левой руке поводья. Норовистая лошадь была утомлена. Сквитиа фыркала и осторожно ступала по крутой тропе.

Как химеры, ползли тени всадников. Ночь шумно дышала в ущелье. Где-то во мраке шелкал одинокий соловей.

Мысли царя Давида внезапно перенеслись в Липаритис-убани к Дедисимеди.

Он хорошо знал обо всем, происходившем в эриставстве. Кариман Сетиели и его лазутчики были царскими ушами и глазами.

Войска занимали крепости и башни, а небокорных и предателей заковывали в цепи. Начальник чухчей сообщил царю о тех, кто бежал с сыном Липарита Орбелиани Рати и кто присоединился к нему позже.

Чухчи успели обыскать все ущелья до границ Армении. Были захвачены и разведчики-сельджуки, проникшие в Триалетское эриставство.

Только одного не знал властитель — что происходило в Липаритис-убани. Он запретил начальнику чухчей появляться там, зная, что там находится семья Липарита.

Кариман Сетиели доложил и о том, что Рати и его сторонники собирались на горе Шолта в прошлую субботу. Азнауры дали клятву Рати, что они заставят Давида и его войско покинуть Триалетское эриставство.

Но не решились сообщить о болезни Дедисимеди.

Никто не смел коснуться этой раны. Только Кирион Манглисский случайно проговорился накануне, что потрясенная девушка занемогла.

Царь посмотрел в глубь ущелья. Каменные глыбы лежали у обрывов, словно драконы, подстерегавшие вступившего в ущелье скорби после победы над врагом. И в сердце царя была горечь, так как он не знал, чем увенчает его любовь эта победа.

Когда Давид выехал из ущелья, он невольно оглянулся. Каменные глыбы и теперь напоминали драконов.

Колокольня какой-то церкви виднелась на небосклоне.

Царь остановил коня и взглянул на раскинувшуюся перед ним долину, за которой начинались леса, окружавшие Липаритис-убани.

Победоносный царь — во владениях своей невесты, но что, если ее сердце окажется для него замкнутым?

Царь вспомнил рассказ эристава Джонди о том, как заупрямилась Дедисимеди и не захотела сказать неправду отцу и брату. Царь хорошо знал благородный нрав девушки.

Прошлой ночью в Клдекари Давид читал Аристотеля — то место, где мудрец дает истолкование любви — «филиас» как антипода «вейкоса».

«Действительно, они так же чередуются, как тень и свет», — подумал Давид.

Сквитиа заржала, увидев едущего навстречу всадника, шарахнулась в сторону. Царь издали признал по седой бороде эристава Гуарам. Этот представительный старец был похож в лучах луны на святого, осененного нимбом.

Некоторое время они ехали молча по плоскогорью — властитель и вассал. Гуарам взглянул на гребни елей. Силуэты хвойных деревьев рисовались на зеркальном небе, как черные лапы взметнувшихся хищников.

— Помнишь, мой повелитель, — сказал эристав, — когда ты и царь Георгий гостили в Липаритис-убани, Липарит здесь устроил скачки.

Царя уязвило это воспоминание.

Владелец Бечисцихе продолжал:

— Говоря откровенно, я думал, что любовь преодолет вражду.

Царь молча смотрел на небосклон. Оттененные луной горы окружали стеной долину. Легкий ветерок колыхал траву, доходившую пешему до колен и волновавшуюся местами, как море.

Царила странная тишина. Сова жалобно кричала в ущелье.

— Не разбить ли здесь шатры и не переночевать ли... Что ты скажешь, батону Гуарам?

Эриставу Гуараму это не понравилось. Было ясно, что царю не хотелось тревожить ночью удрученную семью Липарита. Гуарам молчал. Давид приказал оруженосцу позвать Махару.

Шергил Липартиани и Папуна нагнали их. Не отозвался

и Бешкен Джакели, а Шергил пожал плечами. Сам повелитель, мол, знает лучше, как поступить.

Наконец их нагнал и Махара.

— А что ты скажешь, Махо? — спросил царь.

У Махары засияло лицо. Он посмотрел на горы и сказал:

— Если будет ваша воля, шатры я могу разбить и там...

Когда Кирион Манглисский и его спутники услышали, что царь собирается ночевать в ущелье, они встревожились и смутились, особенно забеспокоился Кирион, — его планы могли не осуществиться.

Кирион Манглисский был вспыльчив и доверчив. Он искренне верил в то, что иногда черт обхаживает человека, рассчитывая, что внушениями, советами и уговорами как-нибудь подчинит его своей воле. Отлучив от церкви Липарита, епископ решил, что никогда сердце его не обратится к вероотступнику. Но произошло то, чего он не ожидал: когда чухчи сняли с Липарита парчовое платье, расстегнули золотой пояс с крупными рубинами, надели на него рядницу и повели в темницу, эристав сорвал дамастовый тюрбан, подаренный ему султаном Бархиароком, и злобно швырнул на землю.

Кирион Манглисский объяснил этот поступок раскаянием эристава, принявшего мусульманство. У Кириона появилась надежда, что Липарита можно будет снова приобщить к христианской вере. Он попросил начальника чухчей оставить его одного с бывшим амиром. Кариман Сетиели сперва заколебался, но затем согласился.

Кирион прочитал впадшему в отчаяние пленнику покаянные молитвы и утешил его. После этого епископ решил: во что бы то ни стало добиться от царя смягчения судьбы пленного эристава.

Он послал в Липаритис-убани своего постельничего, чтобы передать Ката: достойно примите царя, я сам приеду завтра с ним, и мы с тобой будем просить повелителя о милости к пленнику.

Узнав, что царь собирается расположиться на ночевку, епископ растерялся. Если царь откажется от гостеприимства семьи Липарита, то исчезнет всякая надежда на примирение царя с эриставом. Махара уже звал ведавших царским шатром. Подъехала семерка мулов, которая везла его.

Кирион набрался мужества, сошел с коня и обратился к царю:

— Ты наш повелитель, и быть покорным тебе — долг вассала. Я с юности был другом твоего отца. Я непримиримый враг твоих недругов. Пусть господь дарует тебе долголетие, сын мой. Но ты молод и бываешь иногда скор на решения. Не задерживайся здесь, повелитель: семья Липарита ждет нас в эту ночь. Если бы женщина была даже из вражьего стана, рыцарь должен отнестись к ней с уважением.

Царь взглянул на епископа, затем посмотрел на долину и, помедлив, сказал:

— Пусть будет по воле твоей, преподобный отец, но знай, что это не облегчит судьбы Липарита.

Махара сперва нахмурился, но, услышав слова «не облегчит», успокоился.

«ОКО ЗА ОКО!»

Царь тронул поводья. Дорога шла по ущелью, усеянному валунами и гранитными глыбами, вдоль узкой, извилистой речки, блестящей, как зменная чешуя. Давид видел издали чухчей, взбиравшихся по тропам и обследовавших местность. Отдавшись мыслям, он все же услышал цоканье копыт и вздрогнул. Его нагонял сгорбившийся всадник.

— Это ты, Махо?

— Я, мой господин!

Царь остановил коня и, когда Махара поравнялся с ним, заглянул в его затененные шлемом глаза и сказал:

— Я не могу привыкнуть к твоему молчанию, Махо. Когда ты не щеголяешь красноречием, мне кажется, что ты страдаешь...

— Я не хотел молчать, мой господин, но, скажи я что-либо, епископы налетели бы на меня, как церковные вороны. Они осуждают и бранят меня: ты, мол, даешь пагубные советы нашему повелителю. Все считают меня виновником измены Липарита и твоей ссоры с его сыном Раги.

Давид молча смотрел на черные базальтовые скалы и утесы, сверкавшие, как гишер, при свете луны. Речка, протекавшая по ущелью, поворачивала к югу. Ущелье теперь стало шире. Чернели обломки скал, словно обрушенные землетрясением.

Дул южный ветер.

— Оказывается, и в этом ущелье дуют ветры... А я не люблю ветров, мой государь. Но дело в том, что человеку

следует быть подобным ветру, всюду вовремя поспевать и, как стремительный ветер, обгонять всех.

— Быть не ветром, а ураганом, Махо.

— Да, пожалуй, ураганом.

Царь натянул повод, заставил коня перескочить довольно широкий овраг и сказал:

— Я наслаждаюсь, когда ураган, неистовствуя, сотрясает этот мир, Махо. Какой смысл родиться на земле, если ты оставишь ее такой же, какой она была до твоего появления?

— Потому я и осмеливаюсь сказать тебе, повелитель: не слушайся советов калек, которые ползают, как черепахи. Надо немедленно очистить Триалети от врагов. А какое дело до этого епископам? Разве они трудились над твоим воспитанием? Ты ведь знаешь, что хоть я и несчастен и обоеден судьбою, но все же одной крови с тобой. Разве у меня меньше, чем у других, болит сердце за судьбу царства? Ты взял Клдекари, не пролив капли крови, ты превзошел в военном искусстве императора Константина. Теперь ты собираешься овладеть Парцхисской крепостью, хотя бы для этого тебе пришлось пролить потоки крови! И земля, и божество в одном схожи — оба они требуют крови, мой повелитель. Это так!

Царь посмотрел на луну, которая уже касалась верхушек елей, затем бросил взор на залитое светом ущелье и сказал:

— Тот, кто пожелает сразу овладеть всеми крепостями, потеряет и взятые. Помни это!

— Стремительность решает все в сражении.

— В зависимости от того, где и когда? Временами человеку надлежит быть стремительным, как смерч, но иногда медлительным, как черепаха. Видишь эту маленькую речку, что медленно течет по каменистому руслу, она проложила себе это русло не в один день.

Махара все же отстаивал свое:

— Я думаю так, мой господин: надо во что бы то ни стало немедля взять крепость Парцхиси и захватить Рати, пока триалетские азнауры не привели полчища сельджуков. А тогда уж победа дорого нам обойдется.

Давид молчал, и Махара добавил:

— Ты можешь взять без пролития крови и эту крепость.

— К сожалению, у Рати нет второго отца.

— Но у него есть мать — Ката!

Царь вздрогнул.

— Что ты говоришь, Махо? Женщин даже Альф-Арслан не сажал на кол.

— Что из того? Пусть Ката — женщина. Если спросить меня, баба и является корнем всякого зла. Разве не баба Тюркан-Хатун? Когда султан Малик-шах умер, она не царапала себе щек, не разодрала платья. Она скрыла труп султана, надела доспехи, привела войско к присяге и около Буриджира вступила в бой с Бархнароком. Женщиной была и твоя бабушка, но Липарит Великий не особенно почитался с этим. Око за око...

— Это была только месть, Махо. Дед мой Баграт поступил не по-рыцарски с Мзнствалой, супругой Липарита Великого.

— Я кукарекнул, а зарю пусть зажигает господь. Не советую тебе воспользоваться этой ночью гостеприимством семьи Липарита. Мы раскинем шатры тут. А завтра утром прикажи Кариману Сетнели захватить Катую, Рати тотчас же сдастся.

Царь, ничего не ответив, тронул стремями коня и переехал речку. Махара был занят своими мыслями и оторвался от них, лишь услышав, как застучали копыта Сквитин по скользким прибрежным камням.

«СЛЕЗА ЖЕНЩИНЫ — КАМЕНЬ, ПУЩЕННЫЙ ИЗ КАТАПУЛЬТЫ»

Еще не дрогнули ночные тени, когда люди Липарита распахнули окованные медью дубовые ворота. Мандатуры с факелами встретили запоздавших гостей.

Кони пугались огней. Дворовые палками разгоняли лающих псов.

Слуги с факелами взбегали по лестнице. По всему двору мелькали огни, словно воины собрались на празднество света.

Повязанная черным платком Ката встретила царя и его свиту в большой гостиной.

По углам пылали золотые светильники. Были зажжены и багдадские хрустальные люстры, с которых свешивались прозрачные рубиновые гроздья. Перед иконами горели лам-

пады. Все это вместе создавало праздничную обстановку, хотя лица — и у гостей, и у хозяев — были печальные.

Взгляд Давида встретился с красными от слез глазами Каты. Жена Липарита сильно похудела. Эту худобу еще больше подчеркивало черное дамастовое платье. Вместе с ней с тахты встали семь приближенных женщин, одетых в хатайские шелка.

Ката гордо шла впереди. Медленно колыхались ее золотые серьги, почти касавшиеся плеч. Приблизившись к царю, она, склонив голову, опустилась на колени и пыталась облобызать его руку. Давид, отведя руку, поднял Катю и коснулся губами ее плеча.

Ката приникла к правой руке Давида побледневшим лицом. Из ее глаз полились слезы.

Свита стояла, словно окаменев, и молча наблюдала эту встречу. Затем эристав Гуарам и царь повели Катю к тахте, и она бессильно опустилась на нее.

Давид успел заметить, как дрожали плечи у супруги Липарита. Из свиты выступили Кирион Манглисский и отец Василий.

— Воды! — шепнул пастырь прислужнице Ноне. Отец Василий сел рядом с потрясенной Катой.

— Выпей, дочь моя! — обратился он сочувственно к жене Липарита.

Когда отец Василий помог Кате подняться, Кирион Манглисский отошел в сторону и его осторожный взгляд скользнул по лицу царя. Он не заметил на нем и тени сочувствия. Но отец Василий все же не терял надежды: еще такая тяжелая сцена, и у юного царя смягчится сердце.

Домоправитель Липарита Зосим рассказал обо всем Махаре. Тот повернул голову к начальнику чухчей и шепнул ему:

— Ничего не поделаешь! Слеза женщины — это камень, пущенный из катапульти.

ВІВAMUS

Ужин начался поздно. За царским столом сидели спасалары Шергил, Джоджики и Бешкен, а также Кирион Манглисский и отец Василий. Из женщин за столом сидела одна Ката рядом с Гуарамом.

Все видели, что повелитель был не в духе. Никто не ре-

шался нарушить молчание. Наконец Кирион заговорил о триалетских храмах. В Гомаретской церкви обветшала крыша, ее надо перекрыть. Ограда Манглисского храма в трех местах разрушена февральским землетрясением. Ката вполголоса сказала Гуараму:

— Не довелось сделать это Липариту: ведь он собирался перекрыть шифером Гомаретскую церковь, она ведь усыпальница рода Липаритов.

Царь не слышал ее слов. Он повернулся к Шергилу Липартиани и сказал:

— Императрица Мариам предназначила тысячу дукастов на обновление триалетских храмов. Напомни мне об этом в Гегути, и Чкондидели выдаст эти деньги.

Пастыри с вниманием слушали речь царя.

Ката потчевала Давида разными блюдами. Но царь ни к чему не прикасался и в отсутствии аппетита винил Махару, угостившего его в дороге вяленным турьим мясом. Царь отказался от вина и пил только ледяную воду.

Шергил Липартиани, срезывая с телячьей ляжки длинные полосы, тонкие, как пергамент, насаживал мясо на вилку, которой оканчивалось острие ножа, и угощал повелителя.

Давид прислушивался к тихой беседе сотрапезников. Он украдкой поглядывал на золотой лекиф с вычеканенной на нем Дианой, настигающей оленя. Царь вспомнил то время, когда он гостил в Клдекарской крепости: такой же лекиф стоял на столе около молчаливой Дедисимеди.

И все складывалось как-то странно. Столько перевалов он перешел, столько взял крепостей, чтобы оказаться в Липаритис-убани. А где же Дедисимеди?! Сейчас он сидит за трапезой. Его угощают вином Липарита, а повидать Дедисимеди ему все же не удалось.

«О превратный мир, как преодолеть твои коварные козни?» — подумал Давид.

Вошли Нона и Лела и шепнули Кате, что у больной дочери усилился жар.

Жена Липарита извинилась перед гостями и вышла.

Зосим подошел к Гуараму и, наклонившись, тихо сказал:

— Махара напился пьяным и ведет себя непристойно. Дурачится с конюхами и непочтительно отзывается о Липарите и Рати. Мы не смогли его уговорить. Быть может, сам повелитель образумит его.

Давид приказал позвать Махару.

Тот вошел, слегка покачиваясь. Через правое плечо у него, по арабскому обычаю, висел меч, подаренный Григорием Бакуриани. Он волочился по полу и путался у него в ногах.

Давид хмуро обратился к нему:

— Зачем ты, Махо, напиваешься, едва очутившись в Триалети?

— Тебе известно ведь, мой повелитель, что вино охотнее пьется в той стране, где не растет лоза. У меня и в Начармагеви не пересыхает горло. Липариту присылает виноград из Кахети царь Квирикэ, а виноделы эристава выделывают прекрасное вино.

Присутствующие были смущены упоминанием о Липарите. Странная жалость тронула сердце Кириона Манглисского. Он представил себе в эту минуту закованного в цепи Липарита в подземелье Клдекари.

«Как жесток этот мир! Жених любимой девушки вынужден был заключить ее отца в оковы».

Он втайне проклинал султана Бархиарока и сельджуков, которые вызвали междоусобицу в христианском государстве.

— «*In vino veritas!*», повелитель, не так ли? — сказал, ослабившись, Махара.

Царю бросились в глаза два одиноких желтых зуба, торчавших в его ствисшей нижней челюсти.

— Я прошу тебя, повелитель, когда умру, не хорони меня, незаконнорожденного, в усыпальнице Багратионов, ни в Бедли, ни в Кутаиси. Зарой меня в винограднике Начармагеви, там, где мой благословенный отец Баграт насадил лозы тита, дзелшава, будешура и цхенисдзудзу. Похорони меня где-нибудь под старой лозой, чтобы ее корни могли питать меня божественным соком.

Сказав это, он взял золотую чашу, на которой были выгравированы вставшие на задние ноги козлы, нагруженные корзинами с виноградом.

Давид обрадовался, что Махара рассеял царившее за столом тяжелое настроение. Потому он и не мешал Махаре держать пространную речь о вине.

— Если ты так любил наши вина, как ты мог так долго оставаться в Константинополе, Махо?

— Я пил там хиосское вино и греческое хондро. А в Багдаде я страдал невыносимо, когда Роман Диоген отправил

меня туда послан ко двору халифа. Я пил даду — напиток более приторный, чем вино с примесью териака,—сказал Махара и заморгал веками, словно он только что отведал этого вина. — Я пил шербет, приправленный нардом и перцем, розовую воду, цвета рубина, и даже финиковое вино. Пах, пах, пах! Финиковое вино и тебе понравилось бы, повелитель.

Финиковое вино... — продолжал Махара, протягивая чашнагиру чашу. Он уставился на Шергила Липартиани загоревшимися от вина глазами.

— Знаешь, Шергил, вино из фиников замечательно. Кроме того, у арабов есть еще вино, о господи, дай припомнить... — Он почесал висок ногтями, крашенными хной, а затем крикнул, как ошпаренный:

— Сикера, да, сикера! Это вино тоже готовят из фиников, примешивая к нему террак и мирту. Когда напьешься сикеры, непременно приснятся обещанные Магомтом голые гурии или женщины из гарема халифа с глазами, зелеными, как ящерицы, хе-хе-хе!

Махара, усмехаясь, кривил рот.

Кирион Манглисский и отец Василий тоже заметили его уцелевшие желтоватые клыки. Оба они насупились, как свиные птенцы, неожиданно вынесенные из мрака на свет.

Конечно, за этим столом не пристало вспоминать о гаремных женщинах. Но из уважения к царю они не дали это почувствовать Махаре. Отцу Василию приходилось и раньше слышать про балагурства Махары, но видел он его впервые. Хмурясь, он смотрел из-под нависших бровей на лысого Махару, болтавшего непристойные вещи в присутствии царя и его свиты.

«Каждый христианин может развратиться в стране мусульман. Не только коран, но и нравы их и обычаи растлевают наш народ».

Так думал отец Василий.

Махара был пьян, но все же заметил, что у царя, хотя он и улыбался через силу, выражение лица было печальное...

И он не отставал от него:

— Пей, повелитель! Пред богом и вином равны и царь, и раб. Георгий Чкондидели не любит трех вещей в этом мире: вина, чеснока и чертей. Я знаю, он запрещал тебе пить вино.

Махара замолчал. Сначала он взглянул на Кириона Манглисского, потом на отца Василия. Сощурился глазами и смеясь, посмотрел на его голову с львиной гривой и продолжал:

— Был знаменитый пьяница халиф Мансур. Ни коран, ни визирь Якуб бен-Давуд не могли отучить его пить вино. Один мутриб сказал ему двустипие:

Пусть у Давуда пересохло горло, — нам это все равно.
На что нам райское блаженство, когда мы пьем вино!

Давид уступил просьбе Махара и взял хрустальную чашу с красным вином, которую подал ему виночерпий. Он пригубил вино и оставил чашу.

Донесся петушиный крик. Шергил Липартиани подошел к царю и шепнул:

— Если мы завтра едем на разведку к Парцхисской крепости, пора ложиться спать.

Махара не отставал от Давида. Он добивался, чтобы царь, согласно греческому обычаю, столько раз осушил чашу, сколько букв в его имени. Кирион Манглисский и отец Василий еще пуше нахмурились.

Царь и сотрапезники встали и пожелали друг другу спокойной ночи. Махара тянулся к чашнагиру и, мрачно смотря на священнослужителей, кричал: „*Vibamus!*“

Удалившись в опочивальню, царь никак не мог заснуть, так как знал: за стеной, в жару и скорби, с сокрушенным сердцем, страдала Дедисимеди — «вертоград мой замкнутый».

Всю ночь ржали кони, лаяли овчарки, а затем в наступившей тишине защелкали соловьи.

СИТКВАИ КОРА

Обследовав окрестности Парцхиси, Давид приказал снять осаду с крепости и оставить там для наблюдения лишь несколько чухчей.

Он поручил Кариману Сетнели завербовать какого-нибудь смельчака из гарнизона Парцхиси, чтобы через него узнавать намерения Рати. Кариман трижды направлял в крепость переодетых в монашеское платье чухчей. Но всякий раз их разоблачали и, раздев догола, после пыток вешали на зубцах крепостных стен.

По приказу царя снова окружили Парцхиси. Но теперь все было налажено так, чтобы осажденные оставались в неведении относительно того, что за ними скрытно следят чухчи, затаившиеся в пещерах, оврагах и в лесных дебрях.

Они не мешали подвозу провианта и сношению осажденных с внешним миром.

Начальник чухчей сразу понял намерения Давида: царь хотел, чтобы сторонники Рати все оказались в крепости. Рассеянные и притаившиеся в эриставстве, они были бы куда опаснее.

«Пусть соберутся, — думал Кариман, — мы их потом всех изловим, как гусят».

Вначале Рати собирался бежать в Ках-Эрети. Еще будучи в Клдекари, он тайл надежду, что, как только войска царя Давида перейдут границы эриставства, кахетинский царь Квирике, владетель Зедазени Дзаган и тбилисский амир Бану-Джаффар, согласно уговору, приведут сельджуков. Бежав из Клдекари, Рати направился в крепость Коджори, но ему преградили дорогу чухчи. Азнауры посоветовали Рати укрепиться в Парцхиси.

Это была небольшая крепость. Ее гарнизон не располагал достаточными запасами. Поэтому, едва темнело, азнауры Рати выходили на дороги, преграждали путь аробщикам и погонщикам верблюдов и отнимали у них продукты и скот.

Царь приказал Кариману выяснить, куда скрылся монах Козман, сколько азнауров примкнуло к Рати и где спрятаны сокровища Липарита, его казна и запасы оружия.

Тщетно чухчи обыскивали тайники Клдекари, Хулути и Бери-Калисцихе. Ничего не было обнаружено и в Манглиском дворце. Лишь в тайнохранилище Гомаретской церкви нашли около десятка греческих шлемов, несколько иранских щитов, и то проколотых копьями, но зато там оказалось несколько тысяч золотых ботинатов.

Больше всех старался Махара: днем и ночью крутился он в трапезных монахов, подпаивал пекарей, конюхов, факельщиков, выведывая слухи. Он расспрашивал о сокровищницах Липарита и тут же вскользь интересовался исчезнувшим Козманом.

Махара неожиданно появлялся где-нибудь в марани, где давили масло. Он проявлял напускное любопытство, как будто впервые видел, как рабы в ярме, словно скот, вращают жернова.

Но и здесь никто не мог рассказать Махаре о сокровищницах и никто не знал достоверно, куда скрылся Козман. Одни говорили, будто он бежал в Исфаган на второй же день после взятия Клдекарской крепости, другие утверждали, что он нашел убежище в Ках-Эрети.

Наконец Давид приказал захватить кого-нибудь из защитников крепости и, заключив в темницу, допросить.

На второй день чухчи задержали в окрестностях монастыря Гвианы хранителя сокровищ Рати Сабунисдзе и начальника оружейного склада Оболаисдзе. У Сабунисдзе была обнаружена связка из семи больших ключей, висевшая на поясе, а у Оболаисдзе — веревочная лестница. Кариман Сетиели сам допросил азнауров.

— Куда вы направлялись и для чего вам были нужны ключи и лестница?

Сабунисдзе притворился немым. Как только его настигли чухчи, он словно от страха лишился языка и не произносил ни слова. А Оболаисдзе прикинулся сумасшедшим. Он дергался и на все вопросы давал один ответ:

— Не знаю, ей-богу!

— Как тебя зовут, дядюшка? — спросил его Кариман.

— Не знаю, ей-богу!

— А кто этот старик? — продолжал тот, показав пальцем на Сабунисдзе.

— Не знаю, ей-богу!

— А где замки к этим ключам?

— Не знаю, ей-богу!

— А эта веревочная лестница для чего была тебе нужна?

— Не знаю, ей-богу!

— Сколько времени собирается отсиживаться ваш господин в Парцхисской крепости?

— Не знаю, ей-богу!

Тогда разгневанный Кариман Сетиели приказал: снять с них шаровары и сечь негодяев розгами.

В конце концов Оболаисдзе заговорил. А потом уже оба заявили:

— Можете побоями выколотить у нас душу, но все равно вы ничего не добьетесь, так как мы связаны клятвой и не укажем, где находятся сокровищницы и склады оружия. Не откроем, для чего нам были нужны ключи и лестница. И вы не узнаете от нас о замыслах Рати.

Кариман оставил пленников в темнице, созвал чухчей и

объявил им: кто найдет замки к этим ключам, получит в дар от царя саблю с золотой насечкой.

Прошло две недели, но как ни старались чухчи, они ничего не разузнали. В Начармагеви к ним пристал какой-то конюх, заяка и хромой, и, судя по синякам, побывавший в изрядной перделке. Парень оказался остроумным, он понравился Кариману, и его взяли, как шута, в Триалети.

У конюха было прозвище Ситкван Кора, а настоящего его имени никто не знал.

В том году, когда царь Георгий нанес поражение сельджукам у Алгети, сельджукский авангард проник в Атенское ущелье, полонил хизанов и сжег Хидистави.

Георгий Чкондидели и Махара были в Гори с небольшим отрядом. Они погнались за сельджуками, настигли их около Цилисцихе и отбили хизанов.

Махара пронзил одного сельджука копьем, конь рванулся, и при этом из переметной сумы вывалился пятилетний мальчик.

Он взял с собой мальчишку и привез в Начармагеви. Тут обнаружилось, что у малыша раздроблено бедро.

Махара позвал костоправа и попросил его наложить лубок на бедро. Мальчика оставили в Начармагеви у конюхов. Нога зажила, но кость срослась криво. Мальчик жил в конюшне и рос среди лошадей. Он спал на мякине и ходил всегда осыпанный трухой.

Мальчишка был рыжий, как Искарриот, каким его писали старинные изографы. Он косил глазом, брови у него были рыжие, шея тонкая. Когда он возмужал, у него выросла огненного цвета борода, а лицо покрылось густыми веснушками.

Длинные ногти он красил хной, чтобы отвести дурной глаз. Махара приохотил его курить териак и научил грамоте, заставляя писать буквы углем на бычьей лопатке. Он гнусаво пел псалмы и знал всякие заклинания. Махара повесил ему на шею амулеты. Все ненавидели этого рыжего. При встрече с ним люди отплевывались и крестились.

— Тьфу, дьявол! — кричали ему вслед.

Как-то царь пошел посмотреть в Липаритис-убани своих лошадей.

Ситкван Кора упал к ногам царя. Когда его подняли, он покраснел, затем побледнел и стал что-то бормотать.

Ни Давид, ни Шергил, ни Кариман не могли понять, что он хотел сказать. Царь пожалел парня, спросил, чего он боится, и ободрил зайку. В конце концов Ситкваи захлопал своими огненными ресницами и кое-как пролепетал:

— Я... я... я... п...рошу послать меня в Парцхисскую крепость. Я все разужнаю.

Царь обратился к Кариману:

— Этот конюх был со мною на Авчальской речке. Он на моих глазах выпотрошил кинжалом двух сельджуков. Отправьте его в Парцхиси. Посмотрим, что ему удастся разужнать.

Когда Давид уехал, чухчи обступили Каримана. Они хихикали: на что способен этот недоносок? Кариман тоже мало верил в его удачу — если на мужчину противно смотреть, то где уж ему совершить подвиг.

Ситкваи подошел к начальнику чухчей и шепнул ему:

— Мне надо остаться с тобой наедине, и я кое-что тебе сообщу, батоно.

Кариман засмеялся в душе, но все же приказал чухчам удалиться.

— Дайте мне двадцать халваров хлеба, три меры вина, две меры сыра и десять мулов. Я покажу вам тогда, кто я и на что способен!

Кариман, едва сдержав улыбку, подумал:

«Сам как общипанный цыпленок, а тоже бахвалится!»

Тем временем появился Махара, улыбнулся Ситкваи и ласково похлопал его по темени:

— Сегодня какой день, Ситкваи?

— День коня, батоно.

— День коня — счастливый день.

Кариман удивился: куда он гнет?

— Ситкваи умеет объяснять сны, мой Кариман, — сказал Махара. — Он может снять наговор, знает заклинания против бесов и всякой нечисти. Ведает, как звезды влияют на судьбу человека, умеет гадать по песку...

Кариман знал, что от Махары ничего не скроешь, и он рассказал ему, куда направляется Кора.

— Ситкваи — мой воспитанник, — сказал скопец. — Ради царя он согласится броситься в раскаленную печь.

В конце концов Ситкваи дали все, что тот просил, добавив отобранные у Сабунисдзе семь ключей и кинжал.

— А на что мне кинжал? Слово мое острее любого кинжала, — сказал с улыбкой рыжий.

— Возьми, возьми! Кинжал может пригодиться человеку даже в раю, — ответил Махара и сунул ему оружие.

После полуночи Ситкваи пустился в путь. Его сопровождали двое чухчей. На третий день вернулись гонцы и доложили своему начальнику:

— Мы сопровождали Кору до подступов к Парцхисской крепости. Тут на него напали воины Рати. Ситкваи поднял крик. Обнажив кинжал, он ранил одного из нападавших. Под конец его захватили и вместе с мулами забрали в крепость. О дальнейшей его судьбе мы ничего не знаем.

НОВЫЕ КОЗНИ

Приезд царя Давида в Липаритис-убани поставил на ноги все эриставство. Давид принял пришедших к нему на поклон азнауров, владельцев крепостей, хевиставов, именитых купцов.

Вместе с урбнисским епископом Пиросом и голготским — Анаксимандресом явились епископы и служители церкви Картли и Ках-Эрети — одни, чтобы убить время, другие — с различными ходатайствами, а некоторые для подачи жалоб.

Все были убеждены, что после пленения Липарита ничто не помешает царю жениться на девушке из рода Багуашей. Знали хорошо и то, что на свадьбах и праздничных пирах цари бывают щедрыми и добрыми. Одни ожидали пожалований и милостей, другие собирались жаловаться на хищения и произвол должностных лиц.

Любители пиров заранее смаковали угощение. Постельничие монахи распустили слух, что царь собирается отпраздновать в Липаритис-убани пышную свадьбу. Это известие, разрастаясь, как лавина, распространялось все дальше и дальше по Картли, Джавахети, в эретских монастырях, крепостях и селах. В Липаритис-убани понаехали музыканты, игравшие на разных инструментах — на лире, соинари, ствири, и народные певцы. А за ними потянулись мутрибы и псалмопевцы.

Начал большие приготовления и Махара. Он собрал охотников и рыбаков, обошел лесные уголья в Алгети, Кциа, Шаори и наметил места, где можно было устроить облаву,

где установить рыболовные снасти, на каких полях использовать сети для ловли птиц и где поставить капканы для зверя. Он поручил привести в порядок сети для ловли диких голубей и силки.

У эристава Гуарама отлегло от сердца, так как он заметил, что Ката уже примирилась с неизбежностью обручения Дедисмеди с царем. Но никто еще не решался хотя бы вскользь спросить об этом Давида. А царь был занят делами. Он то совещался со спасаларами и сановниками, то читал, то разъезжал по эриставству.

Давид каждое утро посылал Махару передать привет Дедисмеди. Но он ни разу не высказал желание в присутствии третьего лица навестить свою больную невесту.

Гуарам допытывался о судьбе Дедисмеди то у Шергила Липартиани, то у Махары. Шергил молчал. А Махара говорил, кривя рот.

— Все образуется! Все произойдет в свое время, а чему не быть, то и не случится!

Дедисмеди не поправлялась. Девушка металась в жару и бредила по ночам. Жар не спадал, ей не помогали ни холодные примочки, ни лед.

Из гостей только Махару допускали в спальню. Он шептал над ней заговоры. Отец Василий, Хорешан и лекарь Утеванисдзе ухаживали за больной.

Каждое утро Махара приносил в подарок девушке разные ароматные вещества: амбру и мирту, приготовленные по-арабски, или мускус и фиалковую эссенцию.

Не стесняясь присутствующих, он называл дочь эристава любимой невесткой и добавлял, что все им приносимое — царские подарки.

Не раз собирался Гуарам спросить царя, когда же состоится обручение. Но слова всякий раз застревали у него в горле, и он менял предмет беседы, так как замечал, что Давид, догадываясь о его вопросе, становился мрачным.

Эристав хорошо знал, что если царь назначит день обручения, с амира Липарита будут сняты оковы, с его сыном Рати прекратится вражда, а в эриставстве воцарится мир.

Из Гегути гонец все еще не возвращался. Из Начармагви тоже ничего не было слышно.

Что же думали о происшедшем Георгий Чкондидели, царь Георгий и царица Елена?

Как-то в Манглиси заехал Гуарам для того, чтобы посоветоваться с Кирионом. Но оказалось, Кирион отправился в Гомарети.

Вечером Ката позвала к себе Гуарама.

— Ах, если бы императрица Мариам находилась здесь все бы устроилось, — говорила Ката. — Я — мать девушки. батоно Гуарам, и разве мне пристойно просить Давида: «Обручись с моей дочерью!» Ты в почтенном возрасте и наш близкий родственник. Но ведь и ты не обратишься к царю с такой просьбой. Ее несчастная няня и та не находит себе места, батоно Гуарам. Я едва в силах ее удержать. Она говорит: пойду, кинусь к ногам царя и скажу: «Если считаешь, что наша любимица достойна тебя, обручись с ней. Если же нет, оставь нас и не позорь нашу семью на весь мир!»

Сейчас мой ангел болен. Если богу будет угодно, Дедисимеди скоро поправится. Что из того, что ее жених — царь? Разве слыхано, чтобы под одной крышей жили необвенчанные девушка-невеста и жених? И без того имя наше на устах у злоязычников. Ко мне и так пристают: «Неужели царь ни разу не пытался навестить невесту?» Одного из них я жестоко отчитала.

Гуарам не знал, как утешить отчаявшуюся мать.

В жизни часто случается так: приснится друг, уехавший в далекие края. Утром проснешься и слышишь, что он стучит в дверь. Помечтаешь о чем-нибудь, и заметишь, на второй день твое желание неожиданно исполняется.

Так случилось и тогда. На следующий день прибыл гонец из Гегути. Он сообщил, что императрица Мариам с большой свитой выехала в субботу из Хупты.

Надежда воскресла в сердцах Гуарама и Каты.

Только Мариам сможет развязать этот запутанный узел.

Но радость эта оказалась недолгой: Махара шепнула Гуараму, что епископы Картли и Эрети сговорились препятствовать всеми силами обручению. Но они этим не ограничились и каждый день твердят Кириону Манглисскому отцу Василию, что ни один из Багратидов не венчался со своей подданной.

— К тому же, — добавил Махара, — они не могут допустить того, чтобы царь-христианин, поссорившись со своим эриставом и бросив его в темницу, обвенчался бы с его дочерью!

Такие поступки позволяли себе только басурмане — сель.

джукские султаны. Они заключали в тюрьму восставших амиров, а их жен и дочерей брали в гарем.

И еще сообщил он Гуараму следующее: урбнисский епископ Пирос, вернувшийся из Константинополя, видел там прекрасную ПириССу, дочь венгерского царя. И урбнисский епископ считает, что царь должен жениться на девушке царской крови или же на Дее, сестре нормандского графа Гумпертопулоса.

Говорят, приданое каждой из этих девушек стоит всего Триалетского эриставства.

Епископ Пирос будто бы настойчиво упрашивал Кириона не оказывать содействия обручению царя с Дедисимеди, не то Бархнарок, овладевший Исфаганом, пройдет через Армению и прольет в Триалетском эриставстве такие потоки крови, какие в свое время пролил Альф-Арслан, когда Баграт Куропалат заупрямился и не захотел уступить султану своей племянницы.

Гуарам навестил отца Василия. У него он застал Кириона Манглисского. Долго с ними совещался владетель крепости Бечисихе. Гуарам видел, что они встревожены не на шутку.

Стец Василий молчал, а Кирион не скрывал, что он уже сомневается — стоит ли в этом деле поддерживать царя? Кирион говорил, что священнослужители Триалети, Джавахети, Картли и Ках-Эрети изменили свое мнение под влиянием новых обстоятельств. Липарит заточен царем в темницу, а обручение царя с его дочерью противоречит уставам Кормчей книги.

Правда, Кирион и отец Василий были раньше ревностными сторонниками того, чтобы царь породнился с Липаритом, так как они опасались, что Липарит, став мусульманином, станет насаждать магометанство в Триалети.

Теперь же, когда дела сельджукских султанов запутаны и Тюркан-Хатун, Махмуд и амир Тутуш оспаривают трон у Бархнарока, опасность омусульманивания Триалети отпадала.

А царь не удовлетворится заточением Липарита и захватит все эриставство. К тому же и Кириону Манглисскому и отцу Василию осточертел своими выходками Махара.

Говорят, что Махара сумасшедший, но его астрологические волхования могут в конце концов повергнуть царя в бездну неверия. Среди епископов только манглисский, цалкинский и бедийский сочувствовали воцарению Давида. Дру-

гие же пастыри отнеслись к этому событию равнодушно, считая, что такой юнец все равно не сможет справиться с государственными делами.

С ранней юности Давид увлекался охотой. Священнослужители рассчитывали, что в этом отношении он пойдет по стопам отца.

Архиепископ Кутатели жаловался — царь все чаще вмешивается в церковные дела. И он не раз твердил Кириону: царь должен помнить, что единственным владыкой земным и небесным является Христос. А Пирос Урбнисский говорил открыто, что, когда Давид завладеет Триалети и Ках-Эрети, духовенству придется туго.

Епископов возмущало и то, что Махара не пропускал случая, поднимая на смех пьяного Пироса, упомянуть и о незаконнорожденных мальчиках Харчашнели и наложницах голготского епископа. Он изображал, как бегал пьяный Кутатели с развязанными шальварами за куропататисой Мелитой. А царь даже в присутствии свиты невольно улыбался этим выходкам.

Так свойственно ненависти. Она часто ссылается на недостаточные уважительные причины. Говорю «недостаточно уважительные», так как после Георгия Мтацминдели никто не смел заявить, что пьянство, обжорство, близость с распутными женщинами и nepoтизм — позор для пастырей. И епископы ненавидели всех, кого приближал к себе царь.

Презирали Махару, как человека, «снюхавшегося с чертом», не могли терпеть и «незаконнорожденного» Нианию Бакуриани. Того, к счастью, взяли в плен сельджуки. Сейчас «неверующие» сблизилась «с отъявленным безбожником» Джонди, который передразнивал обжор епископов.

В последнее время епископы начали расхваливать царя Георгия, отца Давида. Говорили, что он мудрейший из мудрых, исполненный **высокой веры царь царей**. Он — благодетель бедняков, церковнослужителей и чернецов.

Все знали, что он заботился больше о своих борзых и волчатках, чем о попах. Но все же они говорили, что столь достойного и мудрого царя никогда не было на грузинском троне. А подоплека для таких хвалений была вот такая.

Любя охоту, царь редко вмешивался в церковные дела, и ему под стать был Кутатели, объявлявший охотничьи угодья «святыми рощами». Равнодушно взирал царь царей на то, как жирели церковные владыки — «стяжатели золота и серебра».

как пьянствовали монахи, выходцы из княжеских семейств, или как епископы «покровительствовали ничтожным и рукополагали недостойных» и как торговали духовными должностями

Такие же бесчестные деяния имели место и в царствование Георгия Первого и Баграта IV Куропалата. Царь Георгий успокаивал Давида:

«Что делать, сын мой, таков наш мир. Никто из смертных еще не сумел выпрямить верблюжий горб, собачий хвост или хвост скорпиона. Так было и при отцах наших».

Епископы предвидели, что если царь Давид женится на дочери Багуаша, он сумеет обуздать Рати. А завладев Триалетским эриставством, захватит и Ках-Эрети.

Отцы церкви очень хотели, чтобы на ках-эретском троне сидел богобоязненный и чтущий священнослужителей царь Квирике. Пусть Давид удовлетворится Западной Грузией, а епископы будут самостоятельно распоряжаться каждый своей епархией.

Но не так думали рядовые священнослужители. Они окончательно убедились в том, что недостойные так крепко держат бразды церковного правления, что ни ученостью, ни духовным рвением, ни какими-либо благими деяниями нельзя заслужить их благоволения.

И эти обойденные возлагали все надежды на Давида, так как видели, что царь не боится выдвигать худородных. Даже к незаконнорожденному Ниани Бакуриани он был весьма милостив. Монах Козман как-то повторил слова Давида: «Есть две вещи, которые никто не может себе присвоить, — гень от дерева и талант человека».

И эти слова были постоянно у них на устах.

Ката знала, какие препятствия могли создать священнослужители обручению Дедисимеди. Если в первое время только Кутатели отстаивал уставы Кормчей книги, теперь все, кроме епископов цалкинского и бедийского, его поддерживали. Жена Липарита слышала не раз, что в прежние времена духовные отцы накладывали запрет на обручение Багратионов с невестами не царского рода. Но оставалась надежда — те же епископы смотрели в руки покровительнице церкви императрице Мариам и вряд ли посмели бы противиться ее желанию.

Гуарам же считал, что императрица Мариам набожная

женщина, и не допускал, чтобы она пошла против священнослужителей. Он больше рассчитывал на решение царя — в конце концов все зависело от него.

Одно было ясно: Давид молчал и слышать не хотел о Липарите. Пока не сняли оков с эристава, был сомнительно, чтобы царь решился на обручение или венчание.

И было совсем неутешительно то, что царь укреплял приалетские крепости. Недавно он послал осаждавшим Парцхисскую крепость продовольствие. Это не указывало на возможность примирения с сыном Липарита.

Кариман Сетиели неумоимо рыскал со своими чухчами по всему эриставству, задерживал сторонников Рати, допрашивал их, а затем сажал в темницу.

СИЛКИ ДЛЯ СОЛОВЬЕВ

Лекари никак не могли определить болезнь Дедисимеди. Махара подробно расспросил Хорешан о прошлогодних событиях — о «дьявольском наваждении» перед иконой святого Георгия и о видении «сошествия Христа с распятия». После этого он решил, что сатана подобрался к семье Багуаш-Орбелиани.

«Конечно, ее сглазили! А что другое могло случиться с таким ангелом?»—думал Махара. Он был уверен, что мир создан так, что всякая красота и добро вызывают зависть и вражду.

Махара говорил, что добра в мире всего с заячий хвост, а зло перекроет и сорочий хвост.

Как-то Махара отправился в лес и долго бродил по зарослям. Он собирал какие-то цветы, грибы и коренья. Достал ступку, истолок отобранные снадобья, сварил их, приправив медом и солодом, и дал напиток отстояться. Махара поручил женщинам сплести шелковые сети и окрасить хной.

Вечером он отнес все это в спальню Дедисимеди, завесил сетями окна, больной дал выпить приготовленное зелье. После этого Махара прочел заклинанья от дурного глаза, сатаны и всякой нечисти.

Смеркалось. Склонившееся к западу солнце запуталось, как золотой павлин, в вершинах елей. Вечер медленно проникал в спальню Дедисимеди. Хорешан сидела у изголовья больной, Махара молчал. Потом он поднял голову, посмотрел на распятие из слоновой кости и сказал:

— Это распятие — большое утешение в такое время, моя горлица. Каждое мгновение чреватое тайной — такое распятие спасло и Манганский дворец, когда сатана проник в хризотриклиний и показалось созвездие Докида. Оно было похоже на виселицу и двигалось к западу.

Я был в Гегути в пасхальную ночь, когда злой дух проник во дворец. Конь Баграта Куропалата, написанный на стене, начал ржать. Иконы упали со стен, как листья смоковницы, и только распятие осталось на месте.

Дьявольские силы — спутники сумерек, — закончил Махара.

Хорешан с трепетом слушала все это. Она тоже была в Липаритис-убани, когда «Христос сошел с креста». Слепая перестала вязать и вся обратилась в слух.

А Махара продолжал рассказывать, как злые духи заполняют этот мир. Людские души ждут часа, когда солнце спускается в земную утробу, чтобы предаться сну, а черти в это время начинают носиться по полям и рощам.

Они мчатся с ветром к земле и плыжут вверх по течению рек. Они меняются каждый миг, то принимая облик красавиц, перебегающих дорогу охотникам, то эта нечисть цепляется за конскую гриву, то вскакивает на коня, если всадник не окрасил хвост или гриву.

Они то путают сети рыбаков, то гоняют лошадиные табуны, то, саранчой покрыв поля, объедают посевы до корня, а простые люди думают, что урожай уже собран.

Они обращаются то в белых змей, то в черных с белыми крапинками.

— В том году, когда я был в Багдаде, громадный черный змей приполз в Мекку для того, чтобы поклониться черному камню. Был праздник навруза. Толпа кинулась на змея. Он повернул обратно, распустил крылья и хотел улететь. Тут оказался какой-то греческий монах. Он простер крест и перекрестил нечистого. Тот сомлел, и его добились камнями.

Но на другой же день в Мекке началась чума, и появились белые змеи и черные скорпионы, которые язвили жителей.

Черти заползают в утробу зеленых лягушек, которые взбираются на деревья и квакают. Черти могут превращаться в полевых мух, в черных бабочек и в летучих мышей, величиною в утку.

Дедисимеди повернулась к Хорешан и сказал ей:

— А я боюсь черных бабочек и летучих мышей!

— Надо всегда завешивать окна такими сетями, моя горлица, — сказал Махара и стал поправлять сети.

— В Аравии, — продолжал он, — один шейх видел, как двигались по пустыне черти в облике пауков. Впереди, сидя на еже, ехал главный черт...

Ты же носишь крест на груди, моя горлинка, и тебе нечего страшиться.

Дедисимеди сняла образок с архангелом, висевший у нее на золотой цепочке, и протянула Махаре. К образку был пришеен маленький чеканный крест. Махара перекрестился, поцеловал образок и вернул Дедисимеди.

— Этот образок и этот крест принадлежали моей прабабушке Мзиствале. Он был на Липарите Великом, когда тот отправился на богомолье в Иерусалим. После смерти Мзиствалы крест этот носила Мана — мать моего отца, после Маны — моя мать, которая и передала его мне.

Махара достал из-за пазухи амулеты, украшенные мелкими рубинами, и добавил:

— Эти амулеты я дарю тебе, моя милая. Они принадлежали императору Василию. Одно время их носила семья Исаака Комнена, затем они достались Евдокии, бывшей жене Романа Диогена. А она подарила мне. Это амулеты защищают человека от дурного глаза, от злого солнца и завистливого взора.

В спальне сгущались сумерки. Вошли служители и хотели зажечь светильники. Безбородый знаком отстранил их и сам зажег семь светильников в нишах.

Дедисимеди рассматривала амулеты.

Махара достал из кармана маленькую книжечку, переплетенную в коричневую кожу. Он сел у ниши, долго ее перелистывал и наконец стал читать:

«Скажи, я ищу защиты у бога, возжигающего зарю для того, чтобы пограть злые силы и ночные существа, когда мрак объемлет мир и взвиваются духи ночные и подземные. Я прошу пограть заклинателя узлов, когда на его лице пылают два глаза — один огненный, а другой водяной, чтобы лопнул глаз водяной и вода пролилась на огненный глаз и погасила его.

Скажи, я ищу защиты у господина, милующего людей и царя мира, — для поправления завистников, когда они завидуют днем и ночью, для того, чтобы пограть напускающего веред, когда он приближает к больной полные пламени уста и нашептывает и нашептывает, пока не навеет сон на того, кого сглазили, и не проникнет к нему в душу».

Махара перестал читать, так как в спальню вошел отец Василий. Он пожелал всем доброго вечера и сел у изголовья Дедисимеди. Василий бросил злой взгляд на Махару, кото-

рый, спрятав книжечку в карман, встал и прочитал над девушкой вечернюю молитву.

Махара даже не взглянул на отца Василия. Он обратился к Дедисимеди:

— В Липаритис-убани плохо спится. Я не люблю этих черных, как смола, ночей Триалети.

Затем он прекратил разговор о ночах и прибавил, что царь отправляется послезавтра в Манглиси.

Отец Василий, сложив руки на ожиревшем животе, хмуро смотрел из-под нависших бровей на Махару.

Тот бросил косой взгляд на архимандрита и подумал, что глаза у него похожи на свиные гнезда.

Затем он встал, достал снова книжечку, поднес к свече, долго перелистывал и, найдя место, которое только что читал, положил раскрытую книжечку на грудь Дедисимеди и попросил, чтобы она коснулась книжки языком. Девушка это сделала.

Отец Василий проводил злобным взглядом спину Махары. Потом он взял за руку больную и спросил:

— Правда, что жар у тебя стал спадать?

— Жар у меня спал, преподобный отче, — ответила Дедисимеди, — но гнет на сердце у меня с каждой минутой тяжелее.

— Сердце у тебя бьется учащенно?

— Нет, преподобный отче. Но когда я поворачиваюсь на левый бок, мне кажется, что сердце мое отрывается.

Отец Василий спросил Хорешан, кладут ли на голову больной охлаждающие примочки.

— Да, мы все это делаем, — ответила Хорешан.

— Что это за книжицу читал Махара? — спросил отец Василий Дедисимеди.

— Не знаю, — ответила она, смотря в темную нишу.

Отец Василий хлопнул в ладоши и приказал служителям, чтобы они зажгли все светильники.

* * *

На следующий день Гуарам встретился с Махарой в саду. Он ставил силки в кустах шиповника.

— Что ты там потерял, Махо? — спросил Гуарам.

— Ставлю силки для соловьев, батоно!

— А на что тебе соловьи, Махо?

— Я обещал царю, что, если он женится на Дедисимеди,

я приготовлю для него такое блюдо из соловьиных языков, какого никто не пробовал даже у халифа Валида.

Сказав это, Махара осклабился и показал свои желтые клыки.

У Гуарама блеснула надежда: видимо, слух оказался верным — царь Давид решил в ближайшие дни отпраздновать свадьбу.

Это происходило в субботу вечером. Долго сидел Гуарам в саду, погруженный в думы.

Колокольный звон и пение монахов заставили его вснуться.

«Посмотрим, что нам принесет завтрашний день?» — подумал владетель Бечисцихе и медленными шагами направился ко дворцу.

По дороге его встретил постельничий монах Липарита Заргарели. Он передал эриставу, что Ката просит его к себе.

В малой приемной тускло горели свечи в медных канделябрах. Кирион Манглисский, Пирос Урбнисский и отец Василий сидели около Каты и вполголоса беседовали.

Когда Заргарели вышел, Ката посмотрела на дверь и сказала:

— Ты наш близкий родственник, батоно Гуарам, благородный рыцарь, любящий нашу семью. Эта ночь — словно канун великого праздника.

Убедите пастырей, — продолжала Ката, — чтобы они просили царя не губить мою семью, перенесшую столько несчастий. Бог свидетель, что Липарит ни в чем не виновен, батоно Гуарам. — Ката молящими глазами взглянула на образ спасителя, висевший на стене: — Муж мой не получал никаких писем от Бархиарока. Он и не помышлял вызывать сюда сельджуков, не помышлял и об измене царю и родине.

Все это выдумал тот сатана — насочинил злобный Махара, батоно Гуарам.

Солнцем твоим клянусь, Гуарам, клянусь моими любимыми детьми, Липарит без вины мучается в Клдекарской темнице.

Единственная вина, которую я признаю за Липаритом, это то, что он отступил от веры христовой, — сказала Ката и опять взглянула на образ спасителя. — Но ведь сам знаешь, что нет на этом свете греха, которого нельзя было бы искупить смертному раскаянием и молитвами. Отец Кирион может подтвердить, что Липарит раскаивается... — сказала Ка-

та и посмотрела на Кириона Манглисского. — Ты знаешь, у Липарита большие почки, и он не перенесет заточения в подземелье... Об одном прошу тебя, обратись от моего имени и от имени моей семьи к повелителю, пусть он сочтет достаточными эти не заслуженные Липаритом муки.

При этих словах слезы потекли по щекам Каты. Она закрыла обеими руками лицо, припала к столу и зарыдала.

Эристав и священнослужители встали и начали ее утешать.

Гуарам обещал Кате, что он в эту же ночь повидается с царем, добавив, что он тоже собирался ходатайствовать о смягчении участи Липарита.

В эту ночь Гуарам и священнослужители долго беседовали в приемной.

Царь, Шергил Липартиани и Кариман Сетиели находились с небольшим отрядом на юге, обследуя границы.

Епископ урбнисский и отец Василий упорно утверждали, что именно Махара посеял вражду между царем и Липаритом.

— Я много слышал о нем, — сказал отец Василий. — Когда я его увидел впервые, я уже почувствовал, что он сплелся с чертом. Вам ведомо, преподобные отцы, что этот нечестивый Махара припадочный.

А всем известно, что припадочные одержимы сатаной. Когда припадочный падает в судорогах на землю, он тщетно пытается исторгнуть из себя нечистого, и на губах у него появляется пена. Наш христианский долг как-нибудь удалить этого сатану от царя.

По природе отец Василий был человек спокойный. Сегодня впервые Кирион увидел его столь взволнованным.

Епископ урбнисский тоже стал поносить Махару:

— Я имею неопровержимые сведения, что Махара — сельджукинский лазутчик. Сельджуки всегда обзаводятся шпионами при царских дворах. Византийских наследников они подкупали золотом. Эти нехристи осмелились предложить взятку даже Никифору Ботаниатесу. Сельджуки подкинули императору Алексею Комнени юного Чаху. В конце концов тот поднял мятеж против своего же воспитателя. Каждый сумасброд, будь он даже ничтожеством, мечтает стать царем!

— Не забывайте, — заключил отец Василий, — Махара из рода Багратионов, и, видимо, он пытается раздуть вражду между азнаурами и царем, чтобы погубить его и самому захватить и трон, и венец Багратионов.

— Я не думаю, — сказал Кирион Манглисский, — чтобы

этот скопец попытался бы захватить трон. Но одно ясно для меня — он или суфий, или шейх ассасинов Аль-Джебала.

Эта секта имеет приспешников и среди христиан. Махара много скитался по мусульманским странам. Он сведущ в арабском хадиси. Говорят, что он читает коран... и кто знает?.. — Епископ манглисский, колеблясь, не договорил.

— Неужели? — сказал отец Василий. — Да, истати скзать... Я видел своими глазами, как он читал вчера вечером коран Дедисимеди.

— Читал коран? — Епископы вздрогнули. А отец Василий продолжал:

— Вчера вечером я зашел к Дедисимеди и застал Махару, читавшего ей коран. Увидев меня, он смутился, закрыл книжку и спрятал ее за пазуху. Потом он опять достал ее и предложил больной прикоснуться к ней языком.

— Прикоснуться языком? И он это предложил дочери приставы? — воскликнул Кирион.

— Она коснулась книги языком, как это делают язычники сарацины, — ответил отец Василий.

Монахи были возмущены.

После полуночи в приемную зашел Давид. Он приветствовал пастырей. Епископ манглисский заметил, что царь был в хорошем настроении. Подсев к нему, он завязал с ним беседу, осторожно коснувшись судьбы Липарита. Его поддержал урбнисский епископ, который клялся шестьюдесятью пятью святыми Георгиями, что Липарит страдает без вины:

— Он не собирался звать на помощь сельджуков и не получал писем от Бархиарока. Единственная его вина — это переход в мусульманство. Но и отец Кирион может засвидетельствовать, что Липарит сорвал с себя тюрбан, и ныне этот блудный сын готов вернуться в лоно христианской церкви.

Гуарам собирался присоединиться к просьбе урбнисского епископа, но, заметив, что царь угрюмо молчит, воздержался. Давид, взглянув на епископов, сухо сказал:

— Напрасно вы беспокоитесь, преподобные отцы. Я хорошо знаю, кто о чем думает и кто чем занят в моем царстве (эти два последних слова он произнес особенно внушительно). Пока я не захвачу Рати в Парцхиси, я не могу снять оковы с Липарита. Запомните это хорошо, преподобные отцы.

Когда все разошлись, Давид приказал постельничему потушить свечи: помолившись, он лег. Пирос, епископ урбнисский, догнал в дворцовом саду манглисского епископа и сказал ему:

— Я жалею, отче, что мы ничего не осмелились сказать повелителю насчет этого безбородого беса.

— Относительно Махары я скажу все царю во всеуслышание, — ответил ему на это Кирион.

И, словно ища опоры, потянулся к богатырской руке епископа урбинского. Во дворе замка было уже темно, а из монастыря доносились одинокие удары колокола.

МАГОМЕТ, СИДЯЩИЙ НА ЛЬВЕ

В воскресенье утром, на заре, развернули большое знамя.

Царь отправился в Манглиси со свитой. Две тысячи рыцарей в доспехах сопровождали его. Празднично одетый всадник, везший крест, возглавлял это шествие.

Был день святого духа.

Колонны дворца и ворота были украшены вербой и полевыми цветами. Шлемы и конская сбруя также были убраны вербою.

Синее небо сияло над Триалетскими горами.

Из ущелий навстречу отряду выходили люди и пением псалмов приветствовали царя и царское знамя.

Господи, силой твоей да укрепится царь,
И милостью твоею да будет счастлив он!

Отшельники, покинувшие пещеры, рабы, неимущие и бедняки, стоя по обочинам дороги, с любопытством глазели на отряд царя.

Махара разукрасился полевыми цветами от верхушки шлема до стальных наколенников. В гриву коня были вплетены лилии, а хвост его лошади был окрашен хной. Цветами шиповника он убрал рукояти обоих мечей. Священники посмеивались: черт — в чертополохе!

Царское знамя поставили у ворот храма.

Пока не началось богослужение, манглисский епископ провел царя в середину храма и показал на купол, где был изображен Магомет, сидящий на льве.

На чернородоме Магомете был атласный кафтан и зеленый дамастовый тюрбан. В руке он держал извлеченную из черных ножен саблю с золотою рукоятью. Над Магометом сверкали три звезды и мусульманский полумесяц.

Царь с изумлением смотрел на фреску, исполненную с большим мастерством.

Епископ стал объяснять царю:

— Три месяца я был болен и не вставал с постели. Дьявол улучил это время и писал ночами эту картину. У меня уже подготовлены леса, и это сатанинское творение будет уничтожено.

Кирион не знал, что после перехода Липарита в мусульманство эта фреска была исполнена по приказу эристава одним суфийским художником. Священники, боясь гнева епископа, приписали все это сатане.

Епископ был не робкого десятка, но дьявола боялся. По ночам он избегал ездить — старцу всюду чудились злые духи. Он не пил даже воды, не освятив ее.

Давид долго смотрел на лицо Магомета, потом бросил взгляд на черта, изображенного на иконе, вделанной в иконостас. Святой Георгий поражал черта копьём в пасть. Царь повернулся к Кириону и сказал:

— Скажи, преподобный отец, ведь ничего не станется с божьим домом, если там заведется лишний черт!

Быстрее мелькнувшей тени эти слова дошли до священнослужителей. И тут же какой-то диакон так переиначил слова царя:

«Что с того, отче, разве чертей и разбойников мало в нашей церкви?»

— Царь, должно быть, намекал на епископов, — шепнул диакон.

Священнослужители возмутились.

Епископ урбнисский, оставшись в алтаре с Кирионом, доложил ему:

— Царь постоянно копается в арабских рукописях, а Махара читает ему коран, и потому он так благосклонен к Магомету.

— Ни один Багратион не говорил ничего подобного, — сказал Харчашнели.

— На твоём месте я завтра велел бы мастерам уничтожить изображение дьявола, — добавил голготский епископ.

Ни епископу манглисскому, ни отцу Василию не понравился ответ царя.

Неужели христианский царь, считающий себя мечом Мессии, может так равнодушно взирать на изображение богопротивного Магомета в куполе?

У Кириона Манглисского испортилось настроение.

«ОТЦЫ ВКУСИЛИ ОЦТА»

Кирион, отец Василий и с ними семь епископов служили обедню. Склонив колени у амвона, царь долго молился на том месте, где обычно молились триалетские эриставы.

С горестным сердцем слушали службу сторонники Рати: никого из Багуаш-Орбелиани не было в церкви в день сошествия святого духа.

Когда в придел, где молились прихожанки, вошло несколько женщин в нарядных парчовых платьях, среди молящихся распространился слух, что это пришла Дедисимеди с подругами. Некоторые говорили даже, что Давид и дочь Липарита сегодня венчаются.

Храм был торжественно убран. Даже образа были украшены розами. Розы держали в руках и епископы. Но напрасно любопытные смотрели во все глаза. Царь молился один. Он был мрачен и несколько бледен.

С любопытством следили прихожане, как он становился на колени, вставал и крестился. Молящиеся прислушивались к звяканью кольчуги и стуку ножен о плиты, когда Давид спускался на колени.

Женщины втихомолку осуждали Дедисимеди: она виновница заключения отца и бегства брата. Она привела в дом возлюбленного и собирается завладеть всем эриставством.

Завистники говорили еще худшее: Дедисимеди завлекала Бархиарока, но, узнав, что его дела плохи, обратила свои взоры к звезде Давида.

По окончании богослужения епископ манглисский произнес длинную проповедь. Он был в облачении из виссона винного цвета и держал в руках розы. Епископ стоял на усыпанном цветами ковре. Этот старец с иссохшим лицом расточал цветы красноречия, говоря о смерти и страшном суде. Он обрушивался на находящихся в плену у греховного мира, яростно осуждал плотские вождения и радости и угрожал грешникам геенной огненной.

— Подумай о том, сын человеческий, что смерть подстерегает тебя у каждого порога. Ты возникаешь из небытия и погружаешься в небытие. Смерть и дьявол смотрят на тебя из каждого зеркала, глубины вод, с солнечного лица и с небосклона.

Сын Адама, ты подобен пшеничному зерну. Тебя сеют на ниве смерти, и если вместо пшеницы вырастет терние, а не великое христианское дерево, то терние ввергают в костер,

зажженный Вельзевулом, и пепел бросают свиньям, пасомым дьяволами.

Поэтому говорю вам, отриньте нечистого и превратитесь в ниву господню, чтобы в день жатвы урожай скосили ангелы огненными косами, а не дьяволы стальными серпами, изогнутыми как полумесяц мусульманского лжепророка, изображенный на черном знамени Магомета.

Народ затаив дыхание слушал напыщенную проповедь Кириона Манглисского, но понять ее мог только вдумчивый человек.

— Когда человек смотрит в бездну вселенной, он видит безграничный небосвод, знаки зодиака и светила: солнечный и лунный диски, и начинает вычитывать тайны в небесных письменах.

О сын Адама, помни хорошо: нет в этом мире тайн, помимо господя, ибо господь бог—величайшая тайна, и вне его пусть никто не пытается познавать другие.

Господь дал распять себя на кресте ради нас, и ради сынов наших он прошел через врата адовы, вознесся на небо, и дух его явился к нам в образе этих цветов, роз и лилий, ибо только Христос является негасимым солнцем. Свет беззакатный, он сам является эпифанией таинственной вечности.

Эти розы,—воскликнул проповедник, подняв при этом иссохшую руку, — эти розы да напомнят нам день последний, ибо они когда-нибудь украсят наш гроб.

Христос — наш спаситель, истинный князь смерти и ада. Он величайшая тайна, и пусть никто не ищет тайны вне его.

Напрасно трудятся ученые и кроткие сердцем, пытаясь разгадать загадки мироздания. Они напоминают мне летучих мышей, рожденных ночью. Слепцы, не видящие мира, они тщетно бьются в темные зеркала.

Бог является для разума закрытым окном мира, и охваченные жаждой познания бесплотно пытаются постичь мир.

Духу надо замкнуться в молчании и не допускать к своему зеркалу дьявола, ибо любопытен дьявол и он—у каждого окна. И как некий нетопырь, он везде — в ветре, воздухе, воде и мякине, но больше всего он жаждет утвердиться в человеческом сердце.

Среди нас распространилось неверие, и потому так часто умирают некрещенные дети. В Триалетском эриставстве семь селений заразились икотой, так как люди там не носят креста на груди и при проклятии каждый раз поминают дьявола. Они гадают по песку и обращаются к знахарям.

Этот образ дьявола... — продолжал епископ, подняв руку с розами к куполу и обращая взоры молящихся к изображению Магомета. — Конечно, это дело сатаны. Потому вы должны крепко запира́ть вечером окна. Остерегайтесь входить в воду без креста на шее, в ветреный день прикройте лицо руками. Пусть женщины крепче завязывают шейшиши, чтобы мерзость дьявола не проникла в утробу к ним и не вызвала зачатия.

Пусть это уразумет смерд, поймут цари и владетели, знатные и незнатные. Пусть никто не посягает силой разума на тайны мира, земли, неба и ада. Пусть никто не обращается к звездочету или толкователю снов, или к ведуну, так как только господь бог является единственной тайной — непостижимой и неразгаданной.

Давид внимательно слушал златоуста. Он понимал, на кого намекал красноречивый проповедник.

— Суфии и ассасины разрушают великий султанат сельджуков. Нам следует обогащаться опытом и на неудачах наших врагов. Поэтому цари и эриставы, престолюдины и немущие должны бороться с уклоняющимися от чистой веры и с посланцами дьявола, — заключил Кирион.

Проповедь была закончена, но никто не покидал храма. Церковный двор был полон народом. И все же запоздавшие пытались пройти через ворота к храму.

Стонали стиснутые женщины, плакали дети, но народ все продолжал тесниться у церкви. Чухчи, охранявшие ворота, не могли сдержать напора толпы.

Тщетно умолял царя Кариман Сетиели, чтобы он не уходил из храма, пока не разойдется народ. Когда царь и священнослужители приблизились к выходу, Кариман заметил, что какой-то престолюдин с взлохмаченными седыми космами, костлявый, как скелет, протискивался к храму, отбиваясь от чухчей, оборвавших рукава его ветхой рубахи.

— Кто ты? — добивались чухчи, но он не отвечал.

Незнакомец дико мычал. Толпа кричала: «Он немой!»

Царь переступил через порог, и тут немой вырвался из рук чухчей.

Когда Кариман увидел, что к царю кинулся какой-то оборванец, начальник чухчей схватился было за рукоятку меча, пристально рассматривая незнакомца. Старик был высокого роста, широколоб, с лицом, изможденным, как у голодающего. Нос у него был с горбинкой, а борода цвета волчьей шерсти.

Кариман был уже рядом с Давидом, когда незнакомец упал к ногам царя и облобызал его пурпурную обувь.

Коленопреклоненный, он поднял голову и взмолился:

— Дай лицезреть тебя, о царь мой, и не заграждай уши от просьб моих. Города и села разграблены безбожными сельджуками, крепости и башни наши разрушены. Отцы вкусили отца, а у сыновей на языке — горечь.

Оленям негде пастись, так как всю траву потоптали вражьи полчища.

Возьми меч, государь, и поражай им врагов, наводя на них ужас и неся им смерть.

Старец поднялся и взглянул на меч царя.

— Ты — меч, сверкающий нашей ненавистью, над конями и воинами их! Рассей спасетов и военачальников вражьих, ибо ты — лев из пустыни Иорданской.

Присмотревшись к старцу, Кирион узнал монаха-столпника Годолия, который тринадцать лет соблюдал обет молчания.

ШЛЕМ С ЗАБРАЛОМ

У Каримана Сетиели иссякло терпение. Ситкван Кора не показывался. Под конец он сам решил устроить засаду азнаурам Рати около Парцхисской крепости, захватить их и завербовать изменника.

В субботу вечером Сетиели отправился в конюшню выбрать коней. Лошади были уже оседланы, когда он услышал какой-то шум. Оказалось, что вместе с чухчами прискакал Ситкван Кора. Лицо его сияло.

Кариман удивился. «Должно быть, он действительно из чертова племени!» — подумал он. На Кора одежда была изодрана.

Продираясь сквозь чащу, он исцарапал себе щеки. Кариман велел чухчам уйти и внимательно выслушал заикку.

Ситкван Кора предложил захватить ключи и лестницы. Он уже знает дорогу к хранилищу ценностей и складу оружия.

Царь лично расспросил Кору.

Ситкван волновался в присутствии Давида, и у него еще больше заплетался язык.

— Вв-сее, что ты приказал, повелитель, я в точности исполнил.

— А оружие все же тебе пригодилось? — спросил ласко-

во царь, взглянув на кинжал, висевший на поясе и достигавший почти колена.

— Когда азнауры Рати преградили мне дорогу, я сделал вид, что принял их за чухчей, и крикнул: «Чтобы я все это отдал чухчам!» — и я ткнул кинжалом одного из них в бедро. Но они поклялись: мы, мол, азнауры Рати, и отвели меня к нему.

Я начал с того, что кахетинский царь послал со мною трех азнауров и двух диаконов с подарками. На берегу Алгети мы наткнулись на чухчей Давида, которые на нас напали.

Мои провожатые стали сопротивляться, а я, воспользовавшись темнотой, скрылся, подгоняя мулов.

Гомаретского диакона Лачия Рати назначил постельничим. Я завербовал его и обещал царскую милость.

Оказывается, бедняга не знал о том, что царское войско уже вошло в Триалетское эриставство. Он мне признался: «Я думал, что Рати бежал от сельджуков». Когда я упомянул о царе Давиде, глаза у него загорелись и он сказал мне: «Я слышал, что молодой царь жалуется таких неимущих и бедняков, как я».

Лачия под конец открыл мне все. Но одного он все же не знал: где скрывается этот проклятый монах Козман.

Как-то после полудня три воина в доспехах пришли в Парцхисскую крепость. Один из них был в черной кольчуге и черном тюрбане. Через правое плечо у него висел огромный меч. Когда его ввели к Рати, Лачия шепнул мне:

— Обрати внимание на этого чернобородого. Это — монах Козман.

Забрало на его шлеме было низко опущено.

Еще много рассказал Ситкваи царю. Он сообщил, что Рати, видимо, не собирается покинуть Парцхисскую крепость. Возможно, что он замыслил пробиться через царские войска в Эрети.

Именно в ту ночь, когда прибыл Козман, Рати и его азнауры решили отправить доверенных людей в Исфаган и Багдад просить султана и халифа о присылке войска.

Рати рассчитывает, что, если в Триалетское эриставство войдут сельджуки, он со своими азнаурами осадит в крепостях царские войска и уничтожит их. А самому Давиду не избегнуть быть посаженным на кол.

Кариман Сетиели, договорившись с Махарой и Зосимом, велел чухчам взять факелы, ломы, веревочные лестницы и следовать за Ситкваи Кора.

Они ехали всю ночь. Ночь была лунная. Добравшись до тех скал, где чухчи захватили Оболадзе и Сабунисдзе, они оставили лошадей в ущелье. Ситкваи бросил взгляд на тень, падавшую от монастыря Гвианы, и начал торопливо подниматься по крутой тропе.

Он взобрался на гребень горы, как ящерица. Оставшимся внизу Ситкваи спустил веревочную лестницу и знаками указал следовать за ним. Они долго карабкались по поросшим мхом ступенчатым тропам, прошли сквозную пещеру, занавешенную плющом, и вышли на поляну, заросшую терном. По пути им опять попала пещера. Пройшли и эту пещеру и начали подыматься по крутой тропинке. Они кое-как двигались по ней, держась за вьрвку.

Наконец отвесная тропа окончилась. Перед ними высилась башня с разрушенной верхушкой. Они миновали ее и подошли к утесам, побелевшим от птичьего помета. В них зияли покинутые пещеры.

Тут Ситкваи нашел обрывистую тропинку. Он пополз по ней, захватив веревочную лестницу. Затем, спустив эту лестницу, помог спутникам подняться к пещерам.

Вошли в одну из пещер. В ней можно было идти не сгибаясь. Зажгли факелы. Кариман осмотрелся и увидел выдолбленные в стенах кельи.

Когда-то, видимо, здесь жили монахи.

— При Липарите Великом эти пещеры служили местом заточения, — сказал Зосим. Он поднял факел и осветил стену. На ней висели цепи толщиной в руку. Тут были прикованы преданные Баграту Куропалату азнауры — Абусер, артабуджский эристав, владельцы крепостей Цихисджвари и Ацкури. Иванэ Эристави, отец Гуарама, владельца Бечисцихе, и Иван Даднани, которого выманил из Аниси Липарит Великий.

Позже, при Иване, сыне Липарита Великого, один из монахов-столпников основал здесь монастырь. Когда саранги Малик-шаха подошли к Алгети, сельджуки ограбили монастырь.

Наконец они подошли к железной двери. На ней висел огромный замок.

Тщетно перепробовал Кариман все ключи — ни один из них не подошел к замку.

Тогда взломали замок ломом. Пройдя коридор, они подошли к дубовой двери. В центре ее резной орнамент, сплетаясь, образовал крест высотой в человеческий рост, по углам двери

были изображены такие же маленькие кресты. Замок открыли ключом.

В пещере оказались сокровища.

Там стояли большие иранские сундуки и ларцы, железные и стальные, с медными вставками.

В скалу были врезаны ниши.

Открыли сундуки, и при свете факелов в них блеснули золотые солиды, дукаты, ботинаты и константинаты. Кариман Сетиели доставал горстями византийские монеты, на которых с одной стороны были отчеканены профили императоров, а с другой — изображение Влахернской божьей матери.

Сетиели стал рассматривать грузинские монеты. На них также был изображен с одной стороны образ Влахернской божьей матери, а на обороте шла надпись: «Спаситель, будь милостив к Баграту Куропалату», «Помилуй, Христос, царя царей Георгия севастоса».

Чухчи перебирали медные монеты, на которых была надпись: «Спаситель, благослови царя Давида—он меч Мессии».

В других сундуках лежали золотые перперы, динары, чеканенные в Гераклее, арабские дирхемы и аттические драхмы.

Чухчи открыли огромный иранский сундук. Махара велел взять оттуда три золотых столика, один ясписовый, с ясписовыми ножками, кубки, чаши, вазы, ковки, золотые ложки и серебряные вилки, ручные зеркала — серебряные и стальные.

Чухчи открывали все новые и новые сундуки.

Оттуда извлекали хамаданские ковры, златотканые паласы и попоны, иранские шелка с желтыми полосами, намотанные на валики, армянские брокаты, полосатые, как зебры, и иракскую парчу — то оранжевую, то синюю, то цвета иволги, греческие далматики и арабские плащи, кафтаны и платья, парчовые, дамастовые и атласные, кирманские и арабские шали, намотанные также на валики.

Махара с чухчами проник в следующую пещеру. Они взломали замки и открыли сундуки и ларцы. В них были стальные кольчуги — греческие, иракские, бахрейнские, изготовленные в Муте, арабские мисрафские клинки, шоборканские и хорасанские сабли, оружие работы бассорских мастеров, салмасурские и ферганские чешуйчатые кольчуги, стальные шлемы с забралами, называемые сарацинскими «козгандами», вызолоченные арабские шлемы «шудах», сарацинские арболеты, арабские стрелы, которые сельджуки называли «гарад» — саранчой.

Махара стал рассматривать вороненные шлемы с сетчатыми забралами.

У Каримана загорелись глаза, когда он их увидел. Махара надел один из них на него, спустил забрало и сказал:

— Это забрало арабы называют литамом. Такие шлемы носят арабские вельможи и спасалары во время путешествий, когда они не хотят, чтобы их узнали.

«Прошлой зимой, когда доверенные люди Бархиарока пробирались по ночам в Липаритис-убани, на них были черные шлемы с такими забралами», — вспомнил домоправитель Зосим.

Царские писцы взяли все на учет. Кариман Сетнели на следующий день доложил о найденных сокровищах Давиду.

ПОКАЯННОЕ ПИСЬМО

Задержка царя Давида в Липаритис-убани вызвала всякие пересуды. Больше всего были возмущены Хорешан и Вардия.

Махара ставил ежедневно силки для ловли соловьев. О свадьбе пока не было речи. Епископы не покидали монастыря. Рыбаки с трудом доставали потребное к столу священнослужителей количество лососей и форелей. Ката немало хлопотала, чтобы удовлетворить их обжорство.

Дедисимеди стала поправляться. Ката и Хорешан уговорили лекарей не разрешать больной вставать с постели: не пойдет же Давид к ней в спальню. А если бы Дедисимеди встала, ей было бы неудобно уклоняться от встреч с гостем.

По ночам царь куда-то отправлялся то с Кариманом Сетнели и спасаларами, то с маргветским отрядом, стоявшим в Липаритис-убани.

Он присутствовал при упражнении месхетских лучников и абхазских наездников. Обучал войска строю, а воинов — уменью искусно владеть мечом, различными приемами метания копья, а также изготовлению стрел и луков и бою на мечах. Он обучал всадников перескакивать овраги, отпуская или подбирая поводья у слабоуздых и тугоуздых лошадей.

Он учил, как насыпать крепостные валы и как их преодолевать, объяснял, как ловче всаднику на скаку скользнуть под брюхо лошади, уклоняясь от вражеских стрел, как противостоять пешим воинам отряду всадников, как сражаться верховому против верхового или пешему использовать волчьи ямы и рвы, сражаясь с вражеской конницей.

Ката была в постоянной тревоге. Никто не знал намерений царя. Болтливый Махара по-прежнему ловил соловьев, но по поводу столь ожидаемой свадьбы не говорил ни слова.

Эристав Гуарам проглядел глаза, высматривая гонцов. Не было никаких вестей ни из Гегути, ни из Начармагеви.

Как-то вечером царь взял с собой Гуараму и спасаларов. Миновав Коджорскую крепость, они подъехали к границам Тбилисского амирата. Царь остановил Сквентию у горы, приложил ладонь к глазам и, взглядываясь в даль, сказал владетелю Бечисцихе:

— Тбилиси можно взять и со стороны Коджори.

Гуарам тронул коня. Он поравнялся с царем и сказал:

— В первый раз Баграт Куропалат взял Тбилиси со стороны Исани. Он ворвался в город с кахетинскими лучниками, эретскими и абхазскими всадниками именно со стороны Исани. Липарит Великий сопровождал царя. Баграт Куропалат два года осаждал город. Он взял крепости Парцхиси и Орбети у Джаффара — сына Али.

Испуганный тбилисский амир спасся, уплыв ночью по Куру на бурдюках. Но лазутчик сообщил царю, что войска сельджуков уже вступили в Армению, Баграт, не известив Липарита, снял осаду и увел войска в Абхазию. Оскорбленный Липарит стал врагом царя.

Спасалары подъехали к Давиду. Шергил Липартиани стал утверждать, что взять город легче со стороны Дигоми.

Эристав согласился с ним.

— Я слышал от моего покойного отца, — сказал Гуарам, — что, когда царь Баграт после смерти амира Джаффара снова осадил город, к нему явились монахи и обещали ему помощь при взятии Тбилиси.

Царские войска проникли в город со стороны Дигоми, здесь их встретили монахи, придворные и дигомские всадники. Народ, кто пешком, кто на коне, вышел навстречу царю. Трубили в трубы и били в тулумбасы, Баграт обошел город. Его славословили и осыпали драканами.

Царю передали ключи от крепости и, поставив во дворце амира трон, приветствовали его как повелителя.

Баграт взял вслед за тем крепость Дариджели и обе башни—Цхалкинскую и Таборскую—и передал их эристам. В Исани еще держались сельджуки. Мост через Куру был разрушен. Царь установил тараны, осадил Исани и громил крепость баллистами.

Давид со свитой вернулись в Липаритис-убани. Гуараму было не по себе. На следующий день царь Давид выступил с

маргветским отрядом, не взяв с собою Гуарама, и тот невольно подумал:

«Видимо, повелитель собирается осадить Тбилиси».

Старый эристав не мог успокоиться — почему царь не делится с ним своими замыслами?

Махара вошел в приемную. Он долго разглагольствовал о гневе епископов, издевался над приверженцами семьи Липарита и христианской моралью.

— Кириона Манглисского епископы также перетянули на свою сторону, — сказал Махара Гуараму, — я вчера ночью слышал, как Кирион беседовал с девятью епископами. Они, не стесняясь, порицали царя за то, что он задерживается в Липаритис-убани.

Так говорил епископ урбнисский, а Кирион Манглисский, ему поддакивая, заявил:

— Пора пастырям заострить меч обличения, так как ревностные монахи в этом мире неподвластны никаким царям.

На следующий день Давид с отрядом вновь вернулся в Липаритис-убани. Эристав Гуарам вздохнул свободней. Он уже собирался поехать в Гегути к Георгию Чкондидели посоветоваться с ним относительно того, что недопустимо, чтобы молодой царь осадил Тбилиси без разрешения Чкондидели и Высшего совета. Гуарам был убежден, что главный визирь скажет свое веское слово и относительно брака Давида с Дедисимеди.

Вечером приехал такверский эристав Джонди, оставив в крепости Клдекари своим заместителем азнаура Моркневели. Он привез собственноручное письмо Липарита Кириону Манглисскому. Джонди не мог ни распечатать свитка, ни передать его епископу без разрешения царя.

Долго совещались Давид и Джонди о положении дел в Триалети.

Махара проговорился Гуараму, что царю прислано письмо из заточения амиром Липаритом. Владелец Бечисцихе насторожился: быть может, это письмо сможет разрубить гордиев узел. Он подбил Махару выведать, что пишет Липарит.

Махара и сам любопытствовал. Не долго думая, он без спроса вошел в большую приемную.

— Когда Липарит отправил это письмо? — спросил царь такверского эристава.

— В прошлую субботу Липарит просил послать к нему церковнослужителя, — ответил Джонди. — Я отправил в темницу священника Иотаама. Вернувшись, он доложил, что

эристав просит дать ему пергамент и письменные принадлежности. Я послал их Липариту, и вот письмо.

Царь взял свиток, запечатанный воском. Махара стал убеждать повелителя:

— Сперва прочти сам, что пишет амир Липарит епископу манглисскому. И запечатанное письмо, и взведенная стрела бывают часто равно опасны.

Но царь не послушался. Он улыбнулся и послал Махару за епископом.

Когда Кирион Манглисский и отец Василий вошли в приемную, царь не встал со своего места. Давид предложил Джонди поставить для них золоченые кресла. Царь посмотрел испытующим взглядом на изможденное лицо Кириона и невольно вспомнил сказанные ему Махарой слова, что «ревностные монахи в этом мире неподвластны никаким царям», и в его упрямом взоре он почувствовал непреклонную волю.

Этот монах с восковым лицом сидел гордо и величаво. Его черные глаза выражали чувство собственного достоинства и сознание власти.

Давид взглянул на второго черноризца. Львиная грива оттеняла высокий благородный лоб. Он был широкоплеч, и у него была курчавая длинная борода. Тяжелые веки с черными ресницами прикрывали большие умные глаза, которые лениво дремали.

Они сидели, сжав побледневшие губы. Было ясно умеющему разбираться в людях Давиду, что они думают: видимо, нас выдал Махара. Они решили упорно защищаться.

Давид посмотрел на лежавший на подносе свиток. Глаза черноризцев также обратились к нему. Потом царь спокойно протянул к свитку руку с длинными пальцами и, взяв его, как жезл, сказал Кириону Манглисскому:

— На ваше имя, отче, письмо из Кледеари.

Для Кириона Манглисского неприятно прозвучали эти слова, так как в этой фразе не доставало еще одного слова «преподобный», которое обычно прибавлял Давид, обращаясь к нему.

Епископ побледнел. Затем его желтые, как айва, щеки побагровели. У него мелькнула мысль: «Просветленный богом и раскаявшийся эристав понял, что я хочу примирить его с царем, и — кто знает — возможно, потому и послал мне письмо, в котором, может быть, есть хула на царя».

Его иссохшие руки потянулись к свитку.

Дважды пробежал по строкам его быстрый взгляд. Да-

вид заметил, как отхлынул румянец на его щеках и отчетливо выступили мелкие, похожие на корешки, красноватые прожилки, которые были у него на носу и на висках. Лицо у первосвященника стало спокойным, едва он убедился, что Липарит писал только то, что было необходимо для его помилования.

Епископ посмотрел на царя. Взглянул он и на «ненавистного» Каримана Сетиели, убежденный, что они оба уже прочитали письмо. Он вернул Давиду послание Липарита, сказав:

— Прикажите, чтобы вам прочитали его, повелитель.

Давид посмотрел на развернутый свиток, узнал почерк Липарита и с таким выражением, словно он сам не мог прочитать послания, вручил его Джонди, стоявшему рядом. А тот передал его Махаре, сидевшему в конце золоченого стола.

Махара не мог скрыть волнения, быстро встал, развернул свиток и начал хриплым голосом читать:

«Я, Липарит, сын Иванэ Багуаша, по наущению сатаны отступивший от истинной веры и перешедший в веру сарацин, осознал свою тяжкую вину и хочу вернуться вновь в лоно христианской церкви — не по принуждению или к тому толкаемый каким-либо несчастьем...» (При чтении этих слов лукавая улыбка скользнула по лицу Махары. В углу рта у Джонди мелькнула такая же усмешка.)

Скопец продолжал читать: «...Ни со злым умыслом, ни с себялюбием, а всей душой и сердцем, с любовью к исповеданью Христову отказываюсь от веры сарацин, проклиная Магомета, которого они почитают как пророка и прорицателя. Отступаю и от Али, и от Асана, и от Гусейна, и от Абубекра, и от Омара, и всех других его последователей и ревнителей магометанской веры. Отрекаюсь от книги его, именуемой кораном, и от всех в ней заключенных догм, предписаний и поучений».

Когда Махара кончил чтение, епископ манглисский бросил торжествующий взор на Давида. Узкие, поблескивающие глаза старца напрасно искали на лице царя хотя бы малейший след удовлетворения. Все же он смело обратился к Давиду:

— Я же вам докладывал, повелитель, что клдекарский эристав расклевывается.

Царю не понравилось титулование «клдекарский эристав», которое звучало упорным высокомерием рода Липаритов. Царь посмотрел на стол и не ответил.

Это молчание первосвященник понял как одобрение царем поступка Липарита и с воодушевлением произнес:

— Силы незримые и сверхъестественные передадут законному и раскаявшемуся эриставу сии слова:

Если христианин, сошедший с пути истинного, столь искренне раскаивается, первосвященникам и служителям церкви надлежит обратиться к нему с благословением!

Отпусти, господи, раскаявшемуся грехи его, вольные и невольные, сознательные и несознательные, отклонения и нарушения веры, которые он допустил по дьявольскому наущению.

Когда Кирион произносил последние слова, отец Василий посмотрел на Махару, вполне уверенный, что именно Махара был орудием сатаны, внесшим разлад между царем-христианином и эриставом.

Кирион Манглисский громко добавил:

— Ошибся он и согрешил словом и делом, сердцем и помыслом.

Царь несколько раз моргнул веками. Сперва он посмотрел в окно, через которое виден был цветник, потом взглянул в упор на епископа и сказал:

— Это письмо, отцы, не говорит мне ни о чем значительном, так как Липарит изменял трону и родине и тогда, когда он строил церкви и, коленапреклоненный, молил господа о разрушении нашего царства.

Сказав это, он встал и вышел в сад.

Огорчение и досада охватила Кириона и отца Василия. Ускользнула последняя надежда. Епископ был убежден, что раскаяние Липарита может смягчить царя и он откажется от захвата Триалетского эриставства. Тогда епископы не посмели бы слова молвить против того, чтобы Багратионы и Багуаши породнились. Давид помирился бы с сыном Липарита Рати и царем Квирике, благоволившим к священнослужителям. Все пошло бы мирно — у епископов осталась бы паства, у эристава Липарита — Триалети, а Квирике и Ахсартан владели бы Кахети и Эрети.

Махара пристально посмотрел на согбенную спину Кириона Манглисского, и когда постельничий Липарита Заргарели закрыл дверь за пастырями, безбородый сказал, обращаясь к Кариману и Джонди:

— Царь не имеет права соперничать в великодушии с богом, так как богу вручены только души наши, а царю и души и тела.

ESSENTIA ESSENTIARUM

Махара и Джонди последовали за царем в сад. Давид сидел на буковом пне и смотрел на заросшее ущелье. Давид был так погружен в свои мысли, что не заметил, как к нему подошли его приближенные.

Вороны, усевшись на липе, временами каркали.

Махара подошел к кусту шиповника, подобрал птичий пух, рассыпанный под силком, и, сунув его под нос эриставу, сказал:

— Соловей оставил только пух, а сам улепетнул.

— Пух?! — повторил Джонди, не разобравший, что, собственно, хотел сказать скопец.

— Да, пух, Джонди. И эта земля, и этот цветник, и эти ели, и вон та гора, и небосвод—все это пушинки перед мощью создателя *Essentia omnium essentiarum*. — сказал Махара, впившись взглядом в ячменного цвета глаза Джонди. И, заметив, что тот его не понял, добавил: «То есть сущность всего сущего».

Джонди молчал. Махара посмотрел на царя и понял, что раздумье не помешало ему услышать изречение.

Джонди сказал:

— Ты мне вот на что ответь, Махо: богу поручены наши души, а царю — и души, и тела. Верно?

Махара тяжело вздохнул и ответил:

— Эх, а кто же это знает?

Джонди взглянул в его глубоко запавшие глаза цвета купороса, с тяжелыми веками, окаймленные рыжими ресницами.

— Кто знает, может быть, Адам был прабабушкой нашей, а Ева — отцом нашим?

Потом Махара посмотрел на небо и добавил:

— Эти белые птицы, что кружатся сейчас в небе, возможно, были когда-то воронами. Возможно, что когда ты сидишь на пне, — ты приближаешься ко мне, а когда ты идешь ко мне, — ты удаляешься от меня.

Кто знает, быть может, эти алые розы в действительности всего только вонючие травы, а кебаб, что вчера нам подали к ужину, был приготовлен поваром из псмета сойки?

Кто знает?—заключил Махара, разжал пальцы, и ветерок унес с его ладоши пух.

Царь молча слушал эту беседу. Затем повернулся к Махаре и сказал по-арабски:

— Аввал олвагибати, алла литлаки хова ишек.

— Знаешь что, — ответил Махара, — когда я напи-
ваюсь, то начинаю шататься, и именно тогда я верю во все без
колебания.

Царь улыбнулся, скользнул взором по нижней челюсти
Махары, в которой торчали два пожелтевших зуба, и отвел
глаза, не сказав ни слова.

НАЗИДАНИЕ СКОПЦА

О ловле соловьев, затеянной Махарой, Джонди слышал
еще в Клдекарской крепости. Постельничие монахи разнесли
весть об этом «свадебном блюде» по всему эриставству. На
следующий день Джонди встретился в приемной с Махарой,
державшим в руке соловья.

— Сколько соловьев ты поймал за этот месяц, Махо? —
спросил Джонди.

— Соловьев у меня достаточно. Я уже могу приготовить
из них замечательное блюдо, если ты отвезешь его амиру Ли-
париту.

— Это будет для него большая честь.

В это время вошла Вардия — первая среди приспешниц
Каты. Она их приветствовала. У нее был пискливый, несколь-
ко надтреснутый голос, как у сойки.

Джонди улыбнулся и тихо сказал Махаре:

— И что за пискливый голос исходит из этой громадины?

— Не знаю, у кого какой голос и откуда он исходит, —
ответил Махара и проводил взглядом бедра Вардии, с трудом
протискивавшейся через дверь.

— Если ты хочешь посмотреть моих соловьев, я тебе по-
кажу и соловьев, и горлинку, Джонди.

— Ты принял теперь и за горлинок, Махо?

— Я помог царю поймать горлинку, но завистники сгла-
зили ее, и бедняжка больна.

Джонди и этого не понял. Махара взял его за локоть и
повел по коридору. Когда они подошли к спальне Дедисиме-
ди, Махара открыл дверь.

У изголовья Дедисимеди сидели Нона и Лела.

Услышав шаги мужчин, они вздрогнули и встали. Скопца
здесь считали своим человеком, и он входил сюда так же без
спроса, как и в гинекеи дворцов Влахерна, Халки и Манган-
ского. Постороннего мужчины еще никто не видел в спальне
дочери Липарита.

Джонди смутился, увидев Дедисимеди, лежащую под

шелковым одеялом. У него покраснели щеки. Он приветствовал Дедисимеди и ее подруг. Заметив Хорешан, Джонди еще более растерялся. На кресле с высокой спинкой сидела крупная женщина с иссохшим, рябым лицом и широким лбом.

На верхней губе и на подбородке у нее росли волосы, похожие на мох.

Джонди, взглянув на Хорешан и вспомнив ее сварливый характер, стал на цыпочки и прошелся, покачивая бедрами, как женщина.

Дедисимеди и Лела не могли удержать улыбки. А плутовка Нона расхохоталась. Джонди, высоко подняв брови, стал передразнивать Вардию, у которой брови были насурмлены и выгнуты, как луки. Джонди пропищал тонким голоском:

— Что ты нам пожелаешь, повелительница?

— Доброго утра, — сказал Махара.

Хорешан смутилась. У нее был тонкий слух. Она сразу признала по шагам, что двое мужчин вошли в комнату, но, услышав голос Вардии, усумнилась. Она решила, что ошиблась, и продолжала вязать.

— Как твое самочувствие, моя красавица? — передразнивая Вардию, продолжал Джонди.

Девушки захохотали. Дедисимеди смеялась до слез. Они стекали по щекам, к которым вернулся цвет персиковых лепестков, искусно отображенных иранскими мастерами на фарфоре.

Хорешан была весьма честолюбива и недолюбливала, когда смеялись по неизвестному ей поводу. Чего же паясничает этот нечестивец перед девушками? И она не терпела Махару, так как отец Василий убеждал ее, что скопец приспешник дьявола.

Хорешан отложила вязальные спицы, взяла посох и направилась к дверям. Лела последовала за ней.

Дедисимеди вытерла выступившие от смеха слезы и приветствовала гостя:

— Как чувствуете себя, батано эристава?

Джонди взглянул в сторону двери, через которую вышла Хорешан, и ответил уже своим голосом:

— Прекрасно, дочь эристава!

Лела вернулась. Она и Нона подсели к Джонди. Они продолжали смеяться, хотя Джонди перестал гримасничать. Джонди моргнул Ноне и, скосив челюсть, задвигал ею, как Пантисдзе, главный конюший при дворе Липарита.

— Совсем Пантисдзе! — воскликнули девушки.

Так, никого не называя, Джонди стал передразнивать всех приближенных Липарита — постельничего Заргарели, который ворочал глазами, как бык, и одновременно чесал затылок, кравчего Цабансдзе (Джонди, разговаривая, жестикулировал руками, кривил лицо и стибался в три погибели). Эристав цевал и тотчас же крестился, как это делал главный повар Напетваридзе, который всегда опасался, как бы черт не залез ему в глотку, ибо он, подобно епископу манглисскому, боялся сатаны и не пил воды, не опустив в нее крест.

Нона и Лела диву давались: как мог Джонди за два дня научиться подражать стольким лицам.

— Тсс!.. Идет Кириос Манглисский! — предупредил Махара. Нона и Лела вскочили с мест, думая, что действительно идет архиепископ. Махара схватил черную шаль Хорешана, взвил ее, как знамя халифа, и кинул Джонди.

Тот подошел к двери и, сложив шаль монашеским клобуком, надел на голову. Он вытянул шею и придал лицу кислое выражение, словно епископ вселился в его утробу. Эристав засеменил ногами, поклонился девушкам, презрительно посмотрел на Махару, почесал себе бороду, съежился и хриплым голосом воззвал:

— И пришли ангелы предстать пред лицом господя, и ярибыл с ними дьявол, и рек господь дьяволу:

«Камо грядеши?»

И ответил черт богу... (Джонди стал на цыпочки, взлохматил волосы, скрутил из них подобие рогов, оскалил зубы и стал действительно походить на нечистого). «Обошел я моря и земли, прошел через ад и поднебесье и предстал»...

Дедисимеди, Лела и Нона задыхались от смеха. Даже Махара вытер набежавшую слезу и, как гипнотизирующий факир, крикнул эриставу:

— Сейчас закашляет епископ урбнисский и прочтет кверекс.

Джонди напыжился, как индюк, надул щеки, насунился и начал рычать, как старый лев, а потом так сильно закашлялся, что перед образом погасли свечи. Наконец он изрек:

— Ангел мира, защитник душ и тел, господу богу помолимся.

Когда эристав принял свой обычный облик, Махара сказал ему:

— Знаешь, Джонди! Ты лучше дразнишь дьявола, чем сам епископ манглисский!

Затем он поднял правую руку и крикнул:

— Теперь его преосвященство голготский епископ будут вкушать арису.

Махара взял с серебряного подноса золотое блюдо и серебряную ложку и положил перед Джонди.

Тот выпучил глаза, выпятил живот, затем наклонился, протянул руку и сделал жест, словно он жрет арису, потом сделал вид, что ломает хлеб и кладет куски в рот, а другой рукой берет баранью погу, обгладывает ее и кладет в сторону. Затем он начинает облизывать свои жирные пальцы, подобно туркам. Джонди проделывал это так отвратно, что человека могло стошнить. Махара принес отделанный серебром огромный турий рог, передал Джонди и крикнул девушкам:

— Епископ урбнисский изволит пить вино.

Джонди сел, развалившись в кресле, и стал шевелить пальцами, словно перебирал четки. Взглянув на турий рог, он перекрестился, взял его в руки и, откинув голову, сделал вид, что выпил его залпом.

Когда Махара отобрал у него рог, он проводил его жадным взором.

Женщины, смеясь, упрашивали: представь мровского епископа или мандатуртухуцеси Тиркаша.

Тиркаш был хромым. Джонди схватил с подоконника воображаемый костыль, сунул под мышку и заковылял. Он не сводил взора с женщин так же, как это делал Тиркаш, когда он сообщал Липариту донесения, полученные из эриставства.

— Последнее представление! — крикнул Махара. — Разрешите ему представить, как Козман идет с челобитной к царю.

Джонди подошел к дверям, затем повернул обратно, вытянулся, согнул плечи и подошел к сидящему Махаре, низко ему поклонился, заморгал веками, затем стал перед ним на колени и провозгласил: «Полихронион — многая лета!»

Махара встал и начал снимать с подоконника маленькие клетки. В каждой из них была пара соловьев. Моргнув эриставу Джонди, он сказал:

— Это все свадебные соловьи, Джонди.

Джонди не понял, что он хотел этим сказать, и спросил:

— Неужели всех этих соловьев ты поймал к свадьбе?

— Да, дорогой Джонди. Я только хочу счастья и радости этой семье.

И Махара взглянул на Дедисимеди.

Джонди рассматривал соловьев. Махара добавил:

— Пока я был счастлив на этой земле, я даже не понимал, как мало нужно человеку, чтобы ощутить счастье. Но одно важно — вовремя осознать его. Несчастье похоже на колючку. Едва пройдешь около нее, она сама зацепит тебя. А мимо счастья мы можем пройти, как мимо соловья, оно притаится, а потом незаметно улетучится.

Тут Махара взглянул на Дедисимеди. Она испугалась, как бы старик не вздумал раскрыть это иносказание, и обратилась к Джонди:

— Как себя чувствует Гванца, батона эристав?

Джонди поблагодарил за внимание.

Дедисимеди продолжала:

— А где Гванца?

— В Гегути. Когда я был в Начармагеви, отец заболел. Она отправилась в Такверн и пробыла там целый месяц. А потом царица Елена неожиданно ее вызвала.

— Вызвала царица?

Эти слова неприятно подействовали на Дедисимеди.

Махара поцеловал больную в лоб и сказал:

— Завтра ты должна встать, моя милая. Два-три дня ты пробудешь дома. А потом я и Джонди отправимся с тобой в сосновый лес — ставить сети для ловли птиц.

Дедисимеди вспомнила о том, как они развлекались в гегутских лесах, — она, Давид, Махара, Джонди и Гванца.

Они прислушивались, как Махара подманивал пищиком куропаток и перепелов, и ждали, когда птицы попадут в силки.

Махара и Джонди ушли. Дедисимеди попросила девушек оставить ее одну. Она долго думала о назиданиях Махары.

Дедисимеди подозревала, что тяготит Давида. Она могла попросить о помиловании отца, и потому царь избегал встречи с ней.

Сегодня утром отец Василий рассказал Дедисимеди, что отец ее прислал из Кледкарской крепости покаянное письмо, но он не сообщил больной, что ответил Давид по этому поводу ему и епископу мавглискому.

Обрадованная девушка думала, что раз отец покаялся и решил вернуться к христовой вере, царь простит его.

Если девушка до того горевала об участи отца, заключенного в кледкарской темнице, то сейчас неожиданная радость охватила ее. Она захотела встать, одеться, и в ней, как никогда, проснулась жажда жизни. Дедисимеди невольно удивилась.

лась, как могла она уступить настоянию лекарей, почему не встала и не попыталась хотя бы мельком увидеть царя?

Дедисимеди решила, что завтра непременно встанет и пойдет в лес с Махарой и Джонди.

Но было одно обстоятельство в неясных намеках Махары, вызывавшее тревогу: рассказанное им назидание о притаившемся счастье. А что, если Давид, находящийся под одной кровлей с нею, уедет в Гегути? Да, именно возвращение царя в Гегути грозит ей бедою. Царь преодолел столько гор и овладел столькими крепостями, теперь он в Липаритис-убави, но до сих пор не посетил больную.

Может быть, это своего рода предостережение Махары? Ясно, что в Гегути царя встретит окрыленная радостью Гванца, дочь друга юности его отца, девушка царской крови.

На небе уже исчезло созвездие Медведицы, когда Дедисимеди кончила молиться и поцеловала шейный образок. Но сумерки и сон, которые часто сами по себе приносят успокоение, на этот раз не утешили ее.

Ей снилось, будто в Сатаплию отправились втроем: Давид, она и Гванца.

Дедисимеди оставили одну под утесом. Она долго рыдала у ручья. Потом встала и пошла по отвесной тропе. Она шла, и сердце у нее замирало. Белые пчелы преследовали ее и жалили в щеки. Она хочет бежать, но ноги ее не слушаются, ибо внизу разверстая бездна, а над нею кромешная тьма. Слезы текут по ее лицу. Наконец она решила кинуться со скалы.

Взглянув вниз, она увидела у ручья, что кто-то обнимает Гванцу; она явственно услышала мужской голос: «Сладки, как мед, твои губы, Гванца!»

Она присмотрелась к мужчине, но не могла рассмотреть лицо, так как на нем был шлем с забралом.

Утром Дедисимеди спросила Лелу, какой шлем носит царь?

Лела удивилась, почему Дедисимеди спрашивает об этом?

— Скажи! — настаивала Дедисимеди.

— У него шлем с забралом цвета коршуна, — ответила Лела и заметила, что тень огорчения скользнула по лицу дочери эристава.

БЕЛЫЙ ВОРОН И ПОЛУМЕСЯЦ

Царь вновь отослал доверенных людей в Исфаган, так как от находившегося там Джоджики долго не было известий. Надо было досконально узнать, что творится в сельджукском султанате.

Между тем монахи, прибывшие с горы Синай, сообщили, что в Исфагане и Багдаде все еще не улеглось восстание. Заодно монах Доримидон передал Давиду, что Нианию Бакуриани выкупили люди императрицы Мариам. По дороге же из Багдада в Исфаган его захватил саранг Тюркан-Хатун — Кербога. Но за Нианию вступился сын Низама аль-Мулька и племянницы Баграта Куропалата — Абу Абдала Гусейн, который и вернул ему свободу.

Сейчас Ниания находится в Исфагане и ждет каравана, идущего в Грузию. Царь весьма обрадовался, узнав об этом.

В субботу вечером Кирион Манглисский отслужил по этому поводу благодарственный молебен в Липаритис-убани. Долго молился коленопреклоненный Давид, благодаря бога за спасение своего отважного спасалара и друга юности.

Вести из Армении также подтверждали события, происходившие в султанате.

Давид хорошо знал: пока Бархиарок враждует с амиром Тутушем и Тюркан-Хатун, турки не посмеют вторгнуться в Триалети.

Не давали о себе знать и расположившиеся лагерем на южных границах Грузии авасинские войска. Турки уже не пытались гнать свои отары на летние пастбища Картли.

Бану-Джаффар перестал преследовать христиан в Тбилисском амirate.

Царь считал, что уже пора овладеть крепостью Парцхиси и захватить Рати. Но в воскресенье утром прибыл гонец из Гегути и привез царю письмо от Георгия Чкондидели.

Чкондидели просил царя ограничиться пока заключением Липарита в темнице и не осаждать Парцхисской крепости. О том же просили царь Георгий и царица Елена. Они убеждали Давида примириться с сыном Липарита — Рати, так как тот трижды отправлял послов в Гегути с просьбой помирить его с царем. Воспитатель советовал воспитаннику не проливать братской крови, так как Рати без боя, конечно, не сдаст крепости.

Георгий Чкондидели сообщал в приписке, что в Гегути со дня на день ждут императрицу Мариам.

Царя задела просьба Чкондидели.

«Значит, они и его перетянули на свою сторону! — думал он. — А тут еще пожалует императрица Мариам и начнутся ее христианские назидательные рацеи».

В воскресенье вечером чухчи задержали ехавшего из Парцхисской крепости в Вежини точильщика мечей. Кариман Сетиели посадил его в темницу и учинил допрос. Но добром он ничего не мог добиться. Тогда он приказал сечь точильщика. После долгого отпирательства он признался в следующем, поклявшись перед иконой, что говорит правду:

— Дважды приходили в Парцхиси посланцы кахетинского царя и убеждали Рати, чтобы он не сдавал крепости еще некоторое время. Скоро явятся на помощь кахетинцы и сельджуки. Они непоколебимо верят, что изгонят из Триалети Давида и его войско.

Кариман Сетиели расспросил точильщика и относительно монаха Козмана и узнал, что тот находится в Исфагане.

Все это подтверждало предположения Давида: Рати все еще не знает, что происходит в сельджукском султанате. Он посылал людей к царю Георгию в Гегути, рассчитывая так или иначе выгадать время и продержаться до прихода союзников — турок и кахетинцев.

Царь хорошо знал, что никому, кроме Козмана, Рати не мог доверить миссию в Исфаган. Но как ни искали чухчи по всему эриставству Козмана, захватить его не удалось.

Неделю тому назад Аршаруни сообщил из Вагаршапата, что за последние три месяца ни в одном караване, направлявшемся из Эчмиадзина в Исфаган, он не обнаружил Козмана.

Когда Кариман Сетиели доложил об этом царю, тот ничего ему не ответил.

Махара сидел и курил гашиш. Поморщившись, он выпустил дым из ноздрей и сказал:

— Возможно, что монах Козман отправился в Исфаган из Ардебеля.

Давид промолчал.

Махара встал, прошелся по приемной, подошел к окну и посмотрел на цветник. Его возмущало хладнокровие Давида: он был убежден, что Козман должен был повезти к Бар-

хиароку просьбу Липарита о присылке войска для освобождения Триалетского эриставства.

Махара прекрасно знал, что Давид не уступит без кровопролития Триалети. А кто мог в самом эриставстве поддерживать царя?

Крестьяне и мелкие церковники, неимущие и рабы.

Триалетские азнауры со дня на день ждут появления сельджуков: и встретят их с хлебом и солью именно те азнауры, которые ежедневно посылали подарки и льстили царю-победителю.

Махара не мог понять, почему Давид был не в духе в последние дни? Из-за неосуществленного желания овладеть Тбилиси или вследствие невозможности встретиться с Дедис-имеди?

Особенно удивляло его то, что царь встретил так равнодушно известие о бегстве монаха Козмана в Исфаган.

Вот что приключилось на следующий день с Кариманом Сетиели: лазутчик сообщил ему, что какой-то высокий монах ехал на белом муле по болнисской дороге.

— Как только путник был нами замечен, мы быстро бежали с горы, но монах исчез в дубняке.

Кариман захватил с собою чухчей и долго искал незнакомца, расспрашивая встречных. Но никто не видел монаха на белом муле.

Вечерело. Возвращаясь, начальник чухчей обратил внимание на пораженный молнией дуб. Пчелы роились у его дупла.

Кариман приказал чухчам взобраться на дуб и достать мед, но, боясь пчел, они медлили лезть на дерево.

Он улыбнулся их нерешительности, вспомнил свою молодость, закрыл лицо забралом, подпрыгнул, уцепился за ветку и быстро добрался до дупла, около которого роились пчелы.

Кариман ткнул кинжалом в дупло, но оттуда высунулась длинная мохнатая рука и с такой силой ударила его, что он упал с дерева в густой куст ежевики.

Чухчи обступили Каримана и стали расспрашивать: не медведь ли сшиб его?

Но тот клялся святым Георгием, что это была не медвежья лапа, а черная, волосатая человеческая рука.

Встревоженные чухчи долезли до дупла и обшарили его, погружая туда клинки, но ничего не обнаружили. Озлобленные, они подожгли дуб, решив, что если кто-нибудь там скрывается, то он погибнет.

Ушибленного Каримана привезли в Липаритис-убани и позвали знахаря. Тот стал шептать заговоры, велел больному читать молитвы против бесов.

Кариман Сетиели невольно вздрогнул, когда знахарь в заключение заявил, что в дупле таился сатана.

Давид сочувственно взглянул на Каримана, когда тот к нему явился, и не стал его ни о чем расспрашивать, так как был убежден, что в дупле мог быть только медведь.

На следующий день табунщики пригнали из Тадарджинской долины коней. С ними был и Ситкваи Кора. Он начал умолять Махару, чтобы его повели к Давиду. Тщетно старались Махара и Кариман выведать у Ситкваи, зачем ему нужен царь.

Давид улыбнулся, узнав о его настойчивом желании. Ситкваи привели в царскую спальню. Он упал ниц перед Давидом. Царь ласково обратился к нему:

— Встань! — спросил: — Что ты хочешь сказать?

Ситкваи забормотал сначала что-то невразумительное, а потом, заикаясь, рассказал следующее: в Тадарджинской долине есть небольшая гора, а в ней — пещера, прозванная обителью Элия.

В прошлую субботу, когда он с товарищами пас поблизости от нее лошадей, в сумерки из пещеры вышел незнакомец в черном шлеме с забралом, сел на лошадь и поехал в сторону Клдекари.

Они кинулись за ним, окликая его, но незнакомец, пустив коня вскачь, взобрался на такую крутизну, что табунщики решили: «Это — черт!»

— Я не верил, что это черт, но, когда я присмотрелся к следам коня, оказалось, что подковы у него были прилажены вадом наперед на всех четырех ногах. Я слышал, повелитель, что на подкованном именно так коне ездит черт, — лепетал Ситкваи.

— Черт?

Царь припомнил столкновение Каримана Сетиели с чертом. Услышав этот рассказ, Давид невольно подумал: «Разве только черту вадом этот прием? На лошадях, подкованных таким образом, ездят и сельджукские лазутчики».

Но кто же всадник в шлеме с черным забралом?

Тадарджинская долина расположена недалеко от Кледжари. Возможно, что это сельджукский посланец, отправленный к амиру Липариту.

Одного не понимал царь, как тот мог проникнуть к заключенному эриставу? Давид строго-настрого приказал никого не пускать к пленнику, кроме Кириона Манглисского или духовника.

Царь велел Махаре позвать Каримана. Махара рассказал обо всем начальнику чухчей, и тот, невольно вздрогнув, вошел тяжелыми шагами в приемную и низко поклонился Давиду.

Царь сидел в кресле. Он приказал Кариману отправиться в Тадарджинскую долину и во что бы то ни стало захватить всадника в шлеме с черным забралом.

Начальник чухчей, склонив голову, молча выслушал Давида.

Царь заметил синяк на его правой щеке, там, где началась густая борода.

Он спросил Каримана:

— Что это у тебя за синяк?

Тот покраснел, как мальчишка. Опустив еще ниже голову, он смущенно сказал:

— Черт ударил меня лапой, повелитель, когда я хотел достать из дупла мед.

Царь сказал:

— Ты пока оставайся здесь. А завтра мы с тобой поедem в Самшвилде и разузнаем, что затевают турки. А в Тадарджинскую долину с чухчами поедет Махара.

Давид через неделю вернулся из Самшвилде. Царю бросилось в глаза, что Кариман пожелтел, исхудал, мало ел и сидел, в седле согнувшись.

Он заметил, что в сумерки, когда им случалось ехать лесом, Кариман тревожно осматривался, а когда приходилось перескакивать верхом овраг или переплывать реку, он перед тем усиленно крестился.

По пути в Липаритис-убани, подъехав к Шошилетской церкви, Кариман сошел с коня, сблобызал замок, висевший на двери храма, и долго молился.

В Липаритис-убани они прибыли поздно. Луна освеща-

да вершины гигантских елей. Лаяли волкодавы. Доносились скрип ворот и шум со двора.

Царь был не в духе, так как лазутчик из Самшвилде сообщил плохие вести. К пограничным отрядам прибыли на помощь новые отряды, возможно, турки хотят вторгнуться в Триалети. Пора было овладеть крепостью Парцхиси, но царь Георгий и Георгий Чкондидели были против неизбежного кровопролития.

Если бы турки проникли в Триалети, они заставили бы триалетских и ках-эретских азнауров перейти на свою сторону, и тогда царскому войску пришлось бы туго.

Въезжая во двор Липаритова замка, Давид заметил на балконе спальни Дедисимеди женщину, закутанную в шаль. Потом показалась другая женщина, с факелом, окликнула первую и исчезла.

Давиду послышалось имя Дедисимеди. Но он не был в этом твердо уверен. Все же необычайная радость охватила его: значит, больная уже встала с постели!

Пока царь не сошел с коня, он не сводил глаз с балкона. Тень женщины еще смутно виднелась между белыми колоннами, молчаливая и неподвижная.

Царем овладело юношеское желание избавиться от спутников—Шергила и Каримана, пройти в замок с черного хода через узкий коридор и встретиться на балконе с молчаливой тенью. Но ни Кариман, ни спасалар не оставляли Давида.

Конюшие увели лошадей. Смолкли ржанье коней и собачий лай. Перестали суетиться факельщики. Царь снял шлем и медленно направился к замку. Он слышал за собой звяканье шпор спасалара и начальника чухчей.

Давид посмотрел на балкон, женская тень все еще маячила там.

Вновь показалась вторая женщина, позвала Дедисимеди уже более явственно, с недовольством в голосе, и вернулась, не получив ответа.

Войдя в приемную, царь сказал Шергилу и Кариману, что они могут удалиться. Пришли мандатуры, чтобы снять с царя латы. Факельщики зажгли светильники. Вошел дворецкий и спросил, когда повелитель изволит ужинать?

Давид не пожелал снять латы и ничего ему не ответил.

Когда царь остался один, он погасил светильники и оставил только лампы, тускло горевшие перед образами.

Давид повесил шлем на стену, снял меч, подошел к распятию, висевшему на стене, опустился на колени и стал мо-

литься. Потом сел в кресло, склонился к столу и подпер подбородок рукой. Сидя в полумраке, он думал о тени, которую видел между колоннами.

С трудом сдерживал Давид волнение; ему не хотелось снять кольчугу. Он смутно надеялся, что, быть может, Дедисмеди почувствует, что он хочет ее видеть, и останется на балконе, пока все не уснут...

Давид посмотрел в окно. Ели стояли неподвижно, посебранные луной. Сноп лучей освещали этот прекрасный мир, эти липы, горы и девушку, стоявшую неподвижно между белыми колоннами.

Давид встал, тронул рукой шлем, взял меч и повесил его на стену.

«Для чего мне меч?» — подумал он и в этот момент услышал шум за дверью.

Давид сел в кресло. Дверь открылась. На пороге появился Махара с факелом. Он пожелал царю доброго вечера и удивился, что светильники погашены.

Махара их зажег.

— Для чего тебе столько света, Махо?

— Я хочу почитать тебе.

Махара подошел к Давиду и хотел снять с него доспехи

Давид заколебался: он все еще не хотел снимать кольчугу. Не позволить?! Махара решит, что он собирается идти куда-то. Царь догадался, что Махара не хочет оставить его одного. И вдруг он почувствовал сильную усталость и разрешил Махаре снять с него доспехи и сапоги.

Давид доверился заботам старика, который начал готовить ложе, устланное шкурами туров, с такой же заботливостью, как и десять лет тому назад в Гегутском дворце.

Когда царь удобно улегся, Махара сел у изголовья и попросил прощения: у него был приступ ишиаса, и потому он не мог отправиться в Тадарджинскую долину.

Давид заметил, что Махара не менее встревожен, чем Кариман.

«А вдруг тот воин в шлеме с черным забралом действительно черт?»

Царь подумал: «Черт не черт, но возможно, что это был сельджукский лазутчик».

Махара молча смотрел на пол. Давид лежал на спине, заложив руки за голову. Он следил за мерцанием лучей, которые скользили по потолку.

Уловив шелест страниц, Давид взглянул на Махару, держащего на коленях книгу с листами соломенного цвета.

— Что это за книга? — спросил царь.

— «Номан». Помнишь, я тебе читал ее перед сном, когда ты был еще малышом?

Воспоминания юности всплыли в сознании дремавшего Давида.

— Читай! — сказал он Махаре. И вновь стал смотреть на блики лучей, скользившие по потолку.

— «Царь Номан, сын Мудириса, завел такой обычай, каждого не придерживался никто в Аравии, — начал Махара низким голосом. — Два дня чередовались у Номана: день добра и день зла. В день зла он рядился в багряную одежду, садился на коня и обнажал меч.

А в день добра ему подавали гнедого коня, и Номан надевал венец, украшенный зеленым офитом.

Как-то в день зла царь Номан ехал в пустыне по следам коня исчезнувшего своего брата Шайбуба. Вместе с ним ехали лучники арабского племени абс и два сына Номана — Гадхан и Габуз.

Ехали, ехали витязи по пустыне и наконец попали в окруженную горами ложбину. Тут они увидели пять чернокожих великанов в черных одеждах и в таких же тюрбанах, кони их были цвета воронова крыла.

Царь Номан, сын Мудириса, захотел узнать: кто были великаны — враги или друзья? Он велел Габузу поехать им навстречу и осведомиться. Пришпорив коня, Гадхан опередил брата, выставив копые, понесся, как ураган, и крикнул всадникам:

«Ответьте мне, рыцари, вы арабы или иноземцы? А если не хотите ответить, сложите оружие и доспехи и спасайтесь на ваших быстроногих конях».

Едва успел это сказать Гадхан, как к нему подскочил один из великанов и попытался выбить его из седла. Никогда еще никто так стремительно не нападал на Гадхана. Долго бился он с черным воином. Под конец Гадхан изловчился и поразил мечом противника в шею. Но острое клинка согнулось, а черный рыцарь остался невредимым.

Тогда он ударил его копьем, но удача и тут изменила ему, — у копыя сломалось древко.

Тут черный великан устремился к Гадхану и, словно ребенок, бросил его с седла на землю с такой силой, что кости Гадхана рассыпались, как хвоя.

Зевнул черный богатырь, и из его ноздрей вырвался огненный вихрь.

Когда увидел Номан, сын Мудириса, как погиб его сын, он велел своему оруженосцу Орва и сыну своему Габузу напасть на врага.

Они бросились на черного богатыря, но едва обрушили на него мечи, клинки притупились, а копья сломались.

Дрогнуло львиное сердце Номана, он пришпорил коня и ударил копьём черного богатыря в бедро, но наконечник обломался. Тогда Номан обнажил меч и ударил черного великана по голове, но лезвие притупилось, а богатырь остался невредим.

Смутился царь Номан, оставшись обезоруженным, и крикнул своим:

«Копья наши сломались, а мечи притупились, так как мы сражались не с людьми, а с джинами. Нам остается лишь спастись».

Повернули коней Номан и лучники из племени абс. Они помчались что есть духу, и к ним из недр разверзшейся земли доносились оглушительные крики богатырей. Это произошло в день зла», — добавил Махара.

Сон смежал Давиду ресницы. Он чувствовал, что Махара способен читать до самого рассвета. Тронув его рукой, царь сказал:

— Махо, ты лучше мне прочти о том, как царь Номан пришел в пещеру с сокровищами.

Махара перевернул несколько страниц и продолжал:

— «...В день добра долго шел Номан, сын Мудириса, по подземелью и наконец очутился у запертой двери. Он постучал три раза, открылись с грохотом сразу двенадцать дверей. За одной дверью лежали груды серебра, за другой — золота, за третьей — жемчуга, за четвертой сверкала драгоценная утварь, за пятой лежали мечи, за шестой сиял венец, украшенный самоцветами, за седьмой громоздились кованые лари, за восьмой были собраны всякие сокровища, за девятой красовались сосуды из офита, за десятой — из яхонта, за одиннадцатой — из смарагда, за двенадцатой — рубины. А за всем этим он узрел самшитовый трон, украшенный червонным золотом, подвешенный на золотых цепях».

Слушая чтение, Давид уснул, укрывшись турьей шкурой.

Царю снился сон:

Он ехал верхом степью к Самшвилде и увидел высокий мраморный столб.

На столбе — полумесяц,

а на нем —

белый ворон

с клювом из рубина

и когтями из коралла...

Дул ветер,

небо содрогалось.

Ветер крепчал, и столб колебался,

как стебель камыша.

Ветер превратился в ураган,

земля разверзлась, и из расщелины вылез карлик.

У этого карлика была борода пепельного цвета и бирюзовые глаза.

Он держал медный чоган и три мяча. Карлик улыбнулся царю, блеснув стальными зубами, и сказал:

«Если ты на самом деле царь Давид, сын Георгия и внук царя Баграта, на тебе медный чоган и три мяча.

Метни ими в ворона, и, если попадешь в него мячом, полумесяц и мраморный столб распадутся в прах.

Если тебе это не удастся, я вызову из бездны чудищ и скорпионов, и тогда ты сам расправляйся с ними».

Давид взял у карлика медный чоган и три мяча.

Ветер дул,

небо содрогалось,

ветер дул, и столб колебался,

как стебель камыша...

Царь размахнулся чоганом и проснулся...

Над ним стоял Махара и оправдывался:

— Ты метался во сне. Потому я разбудил тебя, повелитель.

СЕЛЬДЖУКСКОЕ ТАВРО

Махара взял с собою рыбаков и охотников в Тадарджинскую долину. Он поставил шатер у лесной опушки. По утрам они ловили форелей в речке, а по вечерам, едва вытягивались тени, обходили лес и подкрадывались к пещере Элия.

Долго не решались туда войти. Старые охотники доказывали, что в этой пещере живут бесы.

Как-то вечером Махара велел зажечь смоляные факелы и обратился к чухчам:

— Какой смельчак пойдет со мной в пещеру Элия?

Все молчали. Выступил вперед один Ситкваи Кора.

— Я пойду с тобой, но возьму меч.

Махара перекрестился, тронул рукоять своего меча и, войдя в пещеру, вынул клинок из ножен. Долго шли с обнаженными мечами Махара и Ситкваи Кора.

Невольно волновался испытанный в боях иберийский рыцарь. Он вспомнил царя арабов Номана, сына Мудириса, который очутился в пещере с двенадцатью дверьми.

Наконец они подошли к двери, окованной железом.

Махара взялся за ручку, потянул ее, и перед ним открылась монашеская келья. В стене были ниши, почерневшие от дыма факелов. По обе стороны длинного стола стояли два тахта, какие бывают в монастырских трапезных. В нишах висело несколько деревянных образов, перед которыми желтели потухшие огарки.

В пещере было небольшое стойло. По оставшемуся навозу можно было судить, что несколько дней тому назад здесь стоял конь. Когда Махара и Ситкваи Кора благополучно вернулись, чухчи радостно их встретили.

Махара и его спутники, притаившись невдалеке от пещеры Элия, стали следить за опушкой, но, кроме охотников, рыбаков и пастухов, никого в лесу не заметили.

Махара расспрашивал их, но оказалось, что никто не видел всадника в шлеме с черным забралом.

Махара все же не унывал. Здесь он еще больше привязался к своему воспитаннику — Ситкваи Кора. И вот колдун и вещун — укротитель змей окончательно решил сделать его своим учеником.

Оставив в долине охотников и чухчей, они, расположившись на склоне Тадарджинской горы, беседовали о страшном и таинственном.

Чухчи никак не могли решить, о чем могут беседовать безбородый и косой. И только один из них — Маркония, родом лаз, решил, что Махара собирается сделать Ситкваи Кора своим учеником.

Всю неделю искал Махара черного козла. Никто не мог понять, для чего он был ему нужен. У всех мимо него проходивших пастухов Махара допытывался — нет ли у него черного козла?

Козел оказался у одного пастуха из Клдекари. Махара дал ему за него две серебряные монеты. Тут лаз догадался, что затевал Махара. В четверг вечером Ситкваи Кора куда-то

увел козла. Вскоре исчез и Махара. Маркония оставил товарищей и крадучись пошел за ними.

Махара поднялся на горный склон, где по вечерам он обычно коротал время с Ситкваи Кора.

Маркония, притаившись, наблюдал за ними.

Пока Махара мыл руки, Ситкваи повалил черного козла и перерезал ему кинжалом горло.

Сняв шкуру, Махара распорол козлу живот, вынул внутренности и обмазал сочившейся кровью лицо Ситкваи Кора. Потом вывернул шкуру и облачил в нее своего ученика.

Махара стал над коленопреклоненным Ситкваи и на «языке бесов», непонятном Марконии, поздравил его с посвящением.

Затем, как этого требовал обычай у лазов, Ситкваи Кора скрылся. Он проводил ночи в пещере Элия и, когда вернулся, три дня молчал. А через трое суток Ситкваи Кора вновь исчез.

Как-то Махара пришел в шатер и сказал, что вечером надо вернуться в Липаритис-убани. Чухчи не могли удержаться и в один голос спросили:

— А где же Ситкваи Кора?

— Придет! — ответил Махара.

Едва это было сказано, из лесу выбежал Ситкваи.

Все изумились. Ситкваи тяжело дышал.

Махара подошел к нему, провел ладонью по его вспотевшему лбу и успокоил. Взволнованный Ситкваи наконец вымолвил: к пещере Элия направляется воин в черном шлеме.

Махара опоясался мечом, взял трех чухчей, и они осторожно пошли по лесной тропе, молча пробираясь через чащу.

Махара приставил ладонь к уху.

Из чащи донесся треск хвороста. Стало слышно цоканье копыт идущего в гору коня, а затем донесся лошадиный храп.

Маркония и Ситкваи кинулись в лес и преградили путь всаднику.

Тут Махара увидел, что шлем всадника был без забрала и сидел он не на черном коне.

— Кто вы? — крикнул всадник.

— Подданные царя Давида, — ответили преследователи.

Услышав это, воин опустил лук, за который он было схватился.

Махара заметил, что незнакомец сидел на исхудалой лошади. Видимо, он ехал издалека. Лицо его было покрыто густым загаром, а на конских копытах налипла затвердевшая грязь.

Махара заметил сельджукское тавро на бедре лошади. Незнакомец признался, что он послан Варсимом Вардзели к амиру Липариту в Клдекари.

Незнакомец сказал это на чистом грузинском языке. Седая борода обрамляла его лицо, на нем был кафтан цвета фазана.

Махара изумился: неужели этот человек по сей день был в полном неведении о событиях в Триалети?

Он велел всаднику сойти с коня.

Но тот меньше всего был расположен ему подчиниться. Незнакомец крикнул:

— Какие могут быть дела у подданных царя Давида в Триалетском эриставстве?

Когда чухчи, грозя обнаженными мечами, окружили всадника, тот тяжело вздохнул и спешился.

Махара долго обличал знакомого в том, что он сельджукский лазутчик, тайком пробравшийся в Грузию. Всадник же клялся святым Георгием, что он подданный эристава Липарита и послан Варсимом Вардзели в Клдекари. Когда ему не поверили, он достал из-за пазухи запечатанный свиток и передал Махаре.

В ту же ночь Махара отвел пленного в Липаритис-убани. Гонец оказался триалетским азнауром Шио Азараисдзе. Он ничего не знал о событиях в Триалетском эриставстве, и никто ничего не поведал ему об этом в пути.

Очутившись в Липаритис-убани и увидев там царя, сперва Азараисдзе решил, что Давид породнился с эриставом. И был поражен, убедившись, что в замке нет ни Липарита, ни Рати, ни мандатуров эристава.

Утомленный длинным путем, Давид лежал на тахте в большой приемной, когда вошли Махара и его пленник. У ног царя сидел вернувшийся из сельджукской неволи Нианиа Бакуриани, тут же был эристав Гуарам, а Шергил Липартиани, Бешкен Джакели и эристав Джонди стояли у изголовья.

Махара обнял Нианию Бакуриани. Потом он посмотрел на сиявшее радостью лицо царя и взглядом указал на пленного.

Азнаур Азараисдзе упал на колени у порога, когда Махара передал свиток повелителю, докладывая о поимке гонца.

Азараисдзе только сейчас понял, в какую западню он попал.

Царь Давид внимательно прочитал свиток, посланный Варсимом Вардзели. Взглянув на стоявшего на коленях гон-

да, он приказал ему встать и предложил Махаре: немедленно вызвать Кириона-Манглисского и Пироса Урбнисского.

Давид посмотрел на владетеля Бечисцихе:

— Батоно Гуарам, все написанное Варсимом Вардзелю вполне совпадает с рассказанным Нианией Бакуриани.

И, взглянув в глаза Азараисдзе, сказал:

— Как ассасины встретили известие о смерти султана Малик-шаха?

Склонив голову, Азараисдзе почтительно ответил:

— В день окончания поста, ассасины, собравшись в городе Саве, подняли восстание. Моурав города арестовал зачинщиков, но его подкупили и повстанцам дали возможность бежать из темницы. В Исфагане они привлекли на свою сторону одного муллу, но тот изменил повстанцам, и его убили. Рабы Низама аль-Мулька захватили убийцу муллы, некоего каменщика Табира, отрубили ему голову и труп волочили за ноги по майдану. Восстание распространилось на весь султанат — от Багдада до Исфагана. Крепости Диарбекира, Парсистана и Сирии захватили ассасины.

— А где в это время была Тюркан-Хатун? — спросил Гуарам Нианию.

— Хатун была, батоно, в Багдаде. Сорок дней она скрывала смерть султана Малик-шаха.

— А по какой причине? — спросил Гуарам.

— Чтобы родственники его, а также амиры и визирь без колебания признали пятилетнего Махмуда султаном. Хатун раздала за это время три миллиона дирхемов амирам и достигла цели. Визирь Тадж-Эль-Мульк собрал родственников Малик-шаха, а также амиров и визирей и заставил их принести присягу над кораном и мечом на верность Тюркан-Хатун.

— А халиф Аль-Моктади? — спросил Бешкен Джакели

— Тюркан-Хатун послала своего человека к халифу и потребовала, чтобы была провозглашена в багдадских мечетях хутба в честь Махмуда. Халиф ответил: «Махмуду нет еще и шести лет. Как он может быть опорой ислама и управлять огромным султанатом, где одновременно бывают семь разных погод».

Под конец халиф и Тюркан-Хатун пришли к соглашению. Но Аль-Моктади поставил ей условие: сарангом войска должен быть амир Омар, а визирь Тадж-Эль-Мульк—сборщиком податей, ему же должна быть передана тугра султана. В шевал 1092 года, по нашему исчислению двадцать пятого нояб-

ря, в честь Махмуда в багдадских мечетях была провозглашена хутба, и новому султану был присвоен титул—насир эл-доуниа эддин.

— На чью сторону стал атабаг Кербога? — спросил Давид.

Азарамиде замаялся. Но тут неожиданно стал продолжать Бакурнани:

— Еще не успел остыть труп султана Малик-шаха, как Тюркан-Хатун послала в Исфаган Кербогу, передала ему тугру султана и велела во что бы то ни стало захватить находящегося там Бархиарока — сына Малик-шаха.

Кербога с отрядом пробрался в Исфаган и захватил Бархиарока.

Мать Бархиарока Зобеида-ханум поспешила известить об этом приближенных бывшего визиря Низама аль-Мулька.

Они вооружились, освободили из темницы Бархиарока, и в честь его была провозглашена хутба.

Тогда Тюркан-Хатун надела доспехи и направилась с войсками из Багдада в Исфаган, везя с собою труп султана Малик-шаха.

В пути наемные войска, не получавшие жалованья, восстали и потребовали следуемую им плату у визиря Тадж-Эль-Мулька. Визирь до самой крепости Берджини кормил войско пустыми обещаниями. Под конец он дал слово, что возьмет здесь из сокровищницы золотые дирхемы и расплатится с воинами. Но, войдя в крепость, он запер за собой ворота и больше не показался восставшим.

Когда войска Тюркан-Хатун и Махмуда подошли к Исфагану, к ним присоединился Тадж-Эль-Мульк. Он обманул и супругу султана: меня, мол, задержала и ограбила крепостная охрана.

В Исфагане Тюркан-Хатун щедро расплатилась с войском. Наконец в Луристане мачеха и пасынок столкнулись. Войском Хатун предводительствовали Кербога, Омар и Комадж. На третий день сражения некоторые саранги Тюркан-Хатун заколебались, и к Бархиароку примкнули Осман Ильберди и Кумучтекин Элджандар. Войска султанши отступили к Исфагану. Между тем визиря Тадж-Эль-Мулька захватили воины и привели к Бархиароку.

Сын султана помиловал его, но озлобленные амиры, сводя с ним счеты, зарубили его ночью, отсекали у него руку, а тело отослали в Багдад.

В приемную вошел Кариман Сетиели. Давид сделал ему знак увести Азараисдзе.

Вышедший вслед за Азараисдзе Кариман закрыл дверь. Давид обратился к Ниании:

— Где же в это время был сын племянницы моего дедушки Изз-Абу-Абдала-Гусейн?

— В дни, когда отравили Малик-шаха, он был правителем Хваразма. Когда был взят Исфаган, Изз-Абу отправился на поклон к Бархиароку. Изз-Абу — пьяница. Все же Бархиарок осыпал его подарками и назначил визирем, а брата его Абд-Ерпеима — хранителем тугры.

— А атабагство?

— Атабагство досталось Кумучтекину.

— Кто же стал первым визирем?

— Остад Али. Ему также дали звание хранителя сокровищ. При дворе Бархиарока единственный разумный человек — это Али, — продолжал Ниания Бакуриани, — весь авор погряз в болоте разврата!

— Это неплохо! — ядовито заметил Давид.

— Мать Бархиарока—Зобеида-ханум стала любовницей Кумучтекина, а Бархиарок проводил время в гареме с мальчиками. Визирь Абд-Ерпеим заполнил дворец женщинами легкого поведения и танцовщицами.

— А почему амир Тутуш стал врагом Бархиарока? — спросил Гуарам.

— Тутуш бен Альф-Арслан получил от своего дяди Малик-шаха во владение Дамаск, Алеппо, Баалбек, Эмессу и еще несколько сирийских крепостей. Перед смертью Малик-шаха Тутуш двинулся со своим войском на Багдад. В Гите ему сообщили об отравлении Малик-шаха.

Тутуш начал опасаться, как бы Бархиарок не вздумал отобрать у него владения. Взяв Гиту, он повернул к Дамаску, чтобы собрать там войско.

Оттуда он двинулся на Алеппо и заставил дамасского амира Аксонкора признать его власть. Тот послал скорохода к антиохийскому амиру Яги Сиану и владельцу Эдессы амиру Бузану и посоветовал им немедленно вступить с Тутушем в союз.

Они присоединились к Тутушу и в мечетях провозгласили в честь него хутбу.

Все три амира подошли с огромным войском к Рабаю на Евфрате, осадили город и взяли его.

Обложив город данью, они обрушились на Нисиб. Жите-

ли упорно сопротивлялись. Но в конце концов войско ворвалось через пролом в стене в город. Мужчины были обезглавлены, а женщины обесчещены на площади. Уцелели только успевшие скрыться в мечетях.

Владельцем города Мосула был амир Ибрагим Ибн Корейш. После взятия Нисибя Тутуш подступил к Мосулу и потребовал пропустить его войска, шедшие на Багдад.

Ибрагим был сторонником Бархиарока и отказал Тутушу. В окрестностях Мосула завязалась жестокая битва. Арабы и армяне сражались с большим мужеством, но все же Тутуш нанес поражение Ибрагиму и двинулся в сторону Диарбекира, чтобы окончательно разгромить Бархиарока.

По пути он взял города Хамадан и Рей, но, когда началось сражение с войсками Бархиарока, амиры Аксонкор и Бузан изменили Тутушу и примкнули к Бархиароку.

Тутуш не решился продолжать сражение и увел войска по караванной дороге, идущей в Сирию.

— А куда девалась Тюркан-Хатун? — спросил царь.

— Тюркан-Хатун отсиживалась в Исфагане, — продолжал Нианиа. — Она послала десять миллионов дирхемов Бархиароку и получила за этот выкуп обратно Исфаган и Парсистан. Но на этом не кончились распри между мачехой и пасынком. Она обещала владельцу Адарбагана Котб Эддину Исмаил бен Якуту, что выйдет за него замуж, если он выступит против Бархиарока.

Атабаг Кербога, Исмаил бен Якут и остальные амиры вступили у Караджи в бой с Бархиароком.

Но Бархиарок одержал победу, и Исмаил бен Якут бежал в Исфаган. Тюркан-Хатун провозгласила в честь бен Якута в мечетях хутбу.

В конце концов амиры стали враждовать с Исмаилом бен Якутом, и он бежал из Исфагана к Бархиароку и начал просить Зобенду-ханум помирить его с ним. Но возмущенные амиры, его прежние сторонники, напали на Исмаила бен Якута ночью и задушили его тетивой.

Между тем Бархиарок взял Нисиб, привлек на свою сторону амиров Бузана и Аксонкора и двинулся на Алеппо. Тутуш отступил и засел в Дамасской крепости.

Когда Махара ввел в приемную Кириона Манглисского и Пироса Урбнисского, царь передал им письмо, полученное от Варсима Вардзели. Давид предложил прочитать письмо и переслать с кем-нибудь из диаконов в Парцхисскую крепость

к Рати. А Кариману Сетнели он приказал отправить Азараисдзе в Клдекари и, заковав в цепи, заключить в темницу рядом с Липаритом. Затем он обратился к Гуараму:

— Этот азнаур был одним из тех семи, которые напали на меня и Георгия Чкондидели в Тедзмийском ущелье. Он бежал из Гегутской темницы и скрывался, оказывается, в Исфагане.

А Махара злорадно заметил:

— Эта встреча вызовет хорошее настроение у Липарита.

Нианиа Бакуриани был удивлен, как мог Давид узнать человека, виденного им мельком пять лет тому назад.

Гуарам, знавший раньше Азараисдзе, пожалел его и, как всегда, попросил царя быть великодушным. Давид ответил:

— Великодушие? Быть великодушным—порой это значит подставить шею под занесенный меч. Это, конечно, так, батона Гуарам!

Махару не удовлетворила поимка Азараисдзе, он не мог успокоиться и собирался отправиться на поиски незнакомца в шлеме с черным забралом. Царь опять уехал в сторону Самшвилде. А Махара немедленно отправился с Ситкваи Кора верхом в Тадарджинское ущелье.

ПАСТУХИ БАРХИАРОКА

Доколе, доколе вы будете взирать равнодушно, как проливают кровь единоплеменников ваших?

Ужели иссякла у вас жажда возмездия?

Благодаря вашему попустительству враги обогащаются вашим достоянием, а правители ваши — предаются низкопоклонству.

Вы охвачены сном, а враги ваши в это время точат клинки.

И люди скажут о вас: они забыли о своем достоинстве.

О, неужели при таком позоре у вас не появляется желания поломать ваши копья?

Доколе? Доколе вы не дадите вашим изголодавшимся клинкам напиться крови и не вынете их из ножен?

Камель Алтеварик.

Нианиа Бакуриани привез царю арабскую карту. Такой обычно пользовались моряки, водители караванов, купцы и путешественники.

В приемной для гостей над этой картой сидели Давид, Нианиа Бакуриани и эристав Джонди.

Махара раскрыл греческую карту, на которой были обозначены города и села Византии от Арзрума до Апулии, от Македонии до Антиохии, а также все земли, уже потерянные Византией. На арабской карте были показаны — сельджукский султанат от Трансоксиды, Иран по ту сторону Каспия, Диарбекир, Великая и Малая Армения, Антиохия, Иерусалимский эмират и вся остальная территория до Каира, захваченная сельджуками.

Тут были начертаны караванные пути, ведущие из Исфагана в Багдад, из Багдада в Антиохию, а оттуда до Иерусалимского эмирата.

Нианиа сидел, сложив на груди руки, и смотрел на чудовище сельджукского султаната, распластавшееся от туркоманских земель до берегов Нила.

Он думал: неужели есть в мире сила, могущая поправить это чудовище?

Давид заметил, что в границы сельджукского султаната была включена вся Восточная Грузия, к югу от Уплисцихе — Триалетское эриставство, Самшвилде и Ташири.

Царь велел Махаре развернуть заранее карту, чтобы вызвать на разговор Нианию Бакуриани. Но Бакуриани молчал и только водил пальцем по караванным путям, по которым его гнали после пленения войны атабага Кербоги. Затем он провел пальцем по тем дорогам, по которым вернулся уже выкупленный из плена.

Человеку, перенесшему беды, свойственно вспоминать пережитые испытания. А Нианиа был так подавлен, что Давид не узнавал прежнего жизнерадостного Нианию в этом молчаливом человеке, у которого теперь можно было вырвать слово разве клещами.

Пока Нианию не расспрашивали, он молчал и не хотел ни о чем вспоминать.

Нианиа чуждался людей и любил в одиночку ездить верхом. Проклятые сельджуки столько таскали его пешком «Ходьба опротивела мне!» — говорил он.

Нианиа усвоил некоторые привычки сельджуков — сидеть на корточках, облизывать при еде пальцы и после сытного угощения, не стесняясь, рыгать.

Давид заботливо относился к нему. Желая его развлечь, он то отправлялся на прогулку из Липаритис-убани с небольшим отрядом, то, взяв сотню чухчей, ездил в Джавахети или

в Картли, то посещал Начармагеви, чтобы наблюдать за стрельбой лучников. Часто он устраивал охоту в Шаорском ущелье или рыбную ловлю на Вечернем озере.

Он замечал, что друг его юности не хотел вспоминать о бедах, испытанных у сельджуков. Поэтому Давид советовал свите и особенно Махаре не приставать к Ниани с расспросами.

Как-то вечером, когда они сидели над картой, вошел Махара и доложил царю, что прибыли Габриэль Хоргай и три его сына — Годердзи, Ростой и Гогилдой. Им удалось тайком вывести из Тбилиси пятьсот молодых людей и пробраться в Начармагеви.

Хоргай и его сыновья пали на колени перед Давидом. Они жаловались царю: «Сельджуки крепко обижают население и обирают его догола.

В прошлом месяце они заставили прыгать через клинки триста грузин. Только тринадцать человек, раненных в живот, остались живыми. Сельджуки закрыли кузницы и маслодельни в Тбилиси, принадлежавшие грузинам и армянам. А его и сыновей обвинили в том, что они лазутчики царя Давида».

Давид обласкал прибывших и приказал Махаре накормить их, а затем вновь вызвал и продолжал расспрашивать.

Последнее время у Бану-Джаффара бывало много гостей. Амира посетили начальник крепости Самшвилде, царевич кахетинский Ахсартан и владетель крепости Зедазени Дзаган.

На следующий день царь приказал старшему конюху оседлать еще до восхода луны семь коней, а всадникам — надеть легкие кольчуги. Чухчи надели сельджукские шлемы. Никто не знал, куда направляется Давид.

Царь, щедро одарив Хоргая и его сыновей, предложил им продолжать тайком выводить из Тбилиси верных людей. Начальнику крепости Начармагеви было приказано позаботиться о пятистах тбилисцах и обеспечить их жилищем, одеждой и пропитанием.

Махаре было ясно, что Давид собирался не на охоту и не на рыбную ловлю.

Поэтому он советовал царю взять с собою сотню легковооруженных чухчей.

Но царь не послушался.

Едва взошла луна, всадникам было приказано сесть на коней. Семерых чухчей и Ситкваи Кора отправили вперед на разведку.

Условились ехать на Самшвилде не проселочными дорогами, а охотничьими тропами. Двигались среди колючих зарослей и по пустырям. Избегали вступать в разговоры и перебранку с пастухами и охотниками, а тем более пускать в ход оружие.

Чухчи секачами прорубались сквозь густые заросли, покрывшие опустошенную сельджуками землю. За десять лет после вторжения сельджуков заросли можжевельника и ежевики стерли с лица земли все, что было создано веками. Там, где раньше пели петухи и слышался лай собак, теперь раздавался только вой шакалов и хохот гиен.

Ехали молча. Только храп коней нарушал тишину лунной ночи.

В сосняках кое-где виднелись купола разрушенных церквей, закоптелые дымовые трубы и зубцы полуразрушенных башен.

Махара даже в сумерках узнавал разграбленные деревни и местечки.

— Эти поселки сельджукский саранг приказал при отступлении сжечь именно в том году, когда царь Георгий нанес поражение туркам у Парцхиси. Эту церковь велел разгромить Альф-Арслан после проигранного боя с царем Багратом при Ахалкалаки.

А вон, где высоко брезжит одинокий огонь, там на горном выступе — Старая Икорта. В ней осталось десятка два обитаемых дымов. Остальные сожгли сельджуки.

На плоскогорье раскинулись ольховые рощи, заросшие высокой травой.

Кони с трудом спускались в долину, несмотря на то, что Махара заставил перековать их перед поездкой.

Всадники часто спешили, так как лошади скользили по влажной траве. Нелегко было проезжать по кочковатым ложбинам, так как они были пересечены такими валунами, через которые опасно было переезжать верхом.

— Махо, что это за гора? — спросил Нианиа.

— Гора Бендери.

Давид сидел молча на коне.

Махара с ловкостью юноши прыгнул с коня, подошел к царю и попросил его:

— Спешься, повелитель!

Давид взглянул вниз. Начинаясь спуск, и коню надо было идти по крутой тропе.

Махара настаивал, пока царь не сошел с коня.

— За этой ложбиной можно уже столкнуться с туркскими пограничниками, — сказал Махара и придержал коня.

— Всюду,—заметил Нианиа Бакуриани,—где леса уничтожены, утвердились сельджуки. Сельджуки, обитавшие в солончаковых долинах, недолголюбивают лесистые места. В Армению, в Иран и в Диарбекир они вторгались, как грабители. А захватив какую-либо страну, они сейчас же начинали истреблять леса, так как знали, что жители, искавшие спасенья, могут оттуда на них нападать.

Как-то из Дамасской крепости мы бежали впятером: трое грузин и два армянина. Пятнадцати заключенным мы перепилили оковы, задушили стражу и бежали.

Днем мы шли, а по ночам спали в укромных местах. Мы не имели никакого оружия. В дороге часто слышали рычанье львов.

— Неужели эти львы не напали на вас? — спросил Махара.

— Если лев видит, что идут несколько человек вместе, он никогда не нападает, опасаясь, что это охотники. Львы следуют в известном отдалении от путников в расчете, что от убитой дичи может остаться пожива. В Египте за кочующими цыганами львы следуют, как свита.

— Большая честь выпала этим цыганам. Я бы не только львов, но и крыс не дал бы им в свиту! — заметил Махара.

— Бедуины—трусливый народ,—продолжал Нианиа, — они смелы, лишь если их много. А в одиночку бедуин труслив. Вот они и создали такую славу льву.

Бедуины рассказывают, что лев, вышедший из зарослей, три раза мощно рычит, чтобы предупредить о своем появлении людей и мелких зверей.

А на самом деле все происходит не так. Часто лев подкрадывается, как робкая лиса, к поселку бедуинов и довольствуется украденным козленком.

Давид отозвался:

— Часто трусливые льстецы превозносят и бездарных царей — страха ради. Трусливый льстец, боясь царя, славословит его. Но не надо верить, что тот, кого этот трус хвалит, действительно достоин славословия.

Так было всегда. Гусиное перо ведь весит мало, но часто для того, чтобы черкнуть этим пером, требуется больше мужества, чем для удара мечом. Никто доподлинно не знает, кто был большим героем — Гомер или Ахиллес, Александр Македонский или Аристокл, его летописец.

С гребня утеса взлетел беркут.

Давид пустил в него стрелу. Беркут затрепетал, крылья изменили ему, и он упал в пропасть.

Вдали уже виднелась крепость Самшвилде.

Давид остановил коня и посмотрел на твердыню.

Нианиа Бакурнани и Махара тоже остановились.

— Признаюсь тебе, Нианиа, — сказал Давид, — если будет на то воля провидения, мы отберем у сельджуков Самшвилде.

— Сперва Тбилиси, а потом Самшвилде! — добавил Махара.

Царь продолжал:

— Когда Дманиси и Самшвилде займут наши люди, в Тбилиси будут отрезаны все пути. Тогда Бану-Джаффару придется на бурдюках спасаться по Куре в Гянджу.

— Сперва Тбилиси, а потом Самшвилде! — повторил Махара.

Давид молча посмотрел на него и сказал:

— Это нам покажут обстоятельства. Ты же говорил царю надлежит выслушать все советы, но, как действовать, решать самому. Верно?

Давид решил ехать лесами и, обойдя крепость с востока, разведать окрестности со стороны долины.

Он посмотрел на болнисскую дорогу. На ней виднелись вьючные ослы, отары овец и овчарки.

Крепость безмолвствовала. Из долины доносились негромкие звуки труб. Когда царь тронул коня, Махара начал ворчать: мы без достаточной охраны, опасно ехать дальше. Подступы к крепости видны и отсюда.

Они продолжали путь лесом. Царь ехал впереди. Было воспрещено говорить по-грузински. Чухчам приказали пробираться тропами...

Еще не успели выехать из лесу, как заметили отряд сельджуков. Около десятка коньеносцев вели коней, везших свернутые шатры.

Начальник отряда обратил внимание на царя и его спутников. Они показались ему подозрительными. Он кинул взгляд на шлемы всадников и продолжал разговаривать с воинами.

Давид сказал Ниании по-арабски:

— Что может быть горше, чем видеть воочию на родной земле вооруженных врагов?

Осматрели подступы к крепости, затем повернули к Триа-

летскому эриставству. Никого, кроме лесорубов и пастухов, не встретили.

Наконец они добрались до склонов горы Бендери, и Махара увидел трех сельджуков, шедших по дороге. Они болтали, размахивая руками, и шли на запад. Кариман Сетиели нагнал Махару.

Присмотрелись к незнакомцам.

Высокий рябой турок с бородой, окрашенной хной, шел посредине, двое, меньше ростом, шагали рядом с ним.

Все трое были в островерхих пастушьих папахах.

Хотя Махара и научился турецкому языку в Малой Азии, все же он не мог понять их разговор.

Махара остановил коня, обернулся и плетью поманил Нианию, ехавшего рядом с царем.

Когда Ниания подъехал к Махаре, тот сказал ему:

— Разберись, на каком языке они говорят?

Три всадника некоторое время молча ехали за турками.

— Так говорят египетские сельджуки,—негромко сказал Ниания.

Махара начал внимательно присматриваться к незнакомцам с пастушьими посохами. Он заметил, что овечья отара паслась на горном склоне.

Кариман сказал:

— Эти люди мало похожи на пастухов. Их отара пасется как попало. А козел взобрался на гребень горы и щиплет побеги.

Едва Кариман успел это сказать, как ягненок свалился в овраг.

Рябой турок с крашеной бородой крикнул и бросился в ту сторону.

Кариман Сетиели спрыгнул с коня, накинул поводья на седельную луку и тоже кинулся к оврагу.

Он нагнал турка и схватил его за локоть.

— Иди за мной! — сказал он ему по-турецки. Взглянув на его сильные руки, он подумал: «А вдруг он выхватит из-под одежды скрытый кинжал».

Турок вырвал руку.

— Что тебе надо? — злобно спросил он.

— Такого молодца мне хочется угостить. Идем!—ответил Кариман и взял его за локоть. Тут он почувствовал под рукавом кафтана кольчугу.

Рябой, отстраняя его, резко возразил:

- С гяурами я не ем!
- Все-таки пойдем, мне надо поговорить с тобой!
- С гяурами мне не о чем говорить.
- У меня к тебе дело.
- Не хочу иметь и дела с тобой!

Тогда Кариман схватил незнакомца поперек тела, но тот сумел высвободиться.

Кариман схватил его за руку. Но незнакомец вырвался и вступил с ним врукопашную. Некоторое время они боролись над обрывом.

Под конец Кариман ударил турка ногой в живот, повалил и прижал к земле.

Два других сельджука обнажили ятаганы и кинулись к ним.

Чухчи быстро спешились, бросились к незнакомцам и отняли у них ятаганы.

Пока царь, Нианиа и Джонди подошли к обрыву, Кариман и чухчи уже успели связать незнакомцев.

Турок с крашеной бородой мычал, как бык, и злобно ругал гяуров.

Чухчи перекинули через седло захваченных турок, погнали отару перед собой и начали взбираться на гору.

Кариман временами подходил к пленным сельджукам и расспрашивал их — кто они и как очутились в Триалети.

Сельджуки безмолвствовали и только отрицательно качали головой.

Когда пленных привезли в крепость Хулути и сняли с коней, рябой сказал Кариману:

— Освободите мне руки, и я все вам расскажу.

Кариман приказал его развязать и отобрать скрытое под полой оружие.

Турок спокойно подошел к Кариману и дал ему пощечину, прибавив:

— Вот что я хотел сказать!

Кариман ударил сельджука в верхнюю губу. Турок упал и выплюнул вместе с кровью три зуба.

— Дайте ему воды! — распорядился начальник чухчей.

— Я не хочу пить воду из рук гяура! — заявил рябой.

Он сидел и плевался кровью.

Затем турок закрыл руками окровавленный рот и замолчал.

Кариман приказал:

— Подымите его и свяжите ему руки.

Турка подняли и связали.

Он опять лег.

Его били плетьюми, но он продолжал молчать.

Давид захотел сам допросить сельджуков.

Когда вошел царь, который был в такой же кольчуге, как и сопровождавшие его, пленный турок все же понял, что это глава над всеми. Он встал и прислонился к стене.

— Почему вы его били? — спросил Давид.

Махара, опередив Каримана, рассказал обо всем.

Кариман подошел к связанному турку, расстегнул кафтан и указал на железную кольчугу.

Царь спросил пленного по-арабски — откуда он?

Пленный отрицательно мотнул головой — не знаю, мол, арабского.

Давид предложил Ниании задать вопрос по-туркски.

— Пленный говорит, что он пастух из долины Самшвилде, — перевел Ниания царю.

— Если он пастух, спроси, зачем он надел кольчугу?

— Грузины и гяуры нападают на нас в Триалети, и поэтому мы носим кольчуги.

Царь велел Кариману увести пленных.

Рябому стало ясно, что если его уведут от этого «начальника», то ему грозит смерть. Он зашатался и лег рядом с соплеменниками.

Чухчи схватили турок за ноги и перетащили через порог.

В подвале крепости Кариман распорядился поднять их на ноги, прислонить к стене и бить плетьюми.

Пленные, пытаясь увернуться от ударов, легли на землю.

Кариман приказал поднять только рябого. Около него, справа и слева, стали двое чухчей. Они обнажили мечи и на высоте пояса горизонтально протянули перед ним. Третий стал за спиной пленного и, покалывая его в спину, принуждал прыгать через мечи.

Турок посмотрел на лезвия, зарычал, рухнул на землю и пробормотал:

— Не убивайте. Я все расскажу.

Вечером Кариман явился к царю и доложил: рябой турок признался, что он послан из Исфагана сарангом Бархнарока. Месяц он пробыл у начальника пограничного войска. Затем тот предложил ему одеться пастухом и с гуртом овец отправиться в крепость Самшвилде. Они должны были узнать

подробно, как был захвачен Липарит. В Триалети им поручили разведать численность царского войска.

Пленных, по приказу Давида, заковали в оковы и бросили в темницу крепости Хулути.

П О Л О

Когда Кариман Сетнели установил время перехода границы сельджукскими лазутчиками, выяснилось, что триалетский азнаур Азараиедзе был послан месяцем раньше. Он ехал с караваном от Исфагана до Вагаршапата. А лазутчики меняли коней после каждого дневного перехода.

Так они доехали до крепости Лоре. А оттуда уже саранг пограничного войска направил разведчиков в крепость Самшвилде.

Царь убедился, что военачальники султана Бархиарока еще не имели точных сведений о том, что в данное время происходило в Триалетском эриставстве. Давид знал по донесениям Джоджики и Арамаиса Аршаруни, что Бархиарок выехал в Багдад к халифу Аль-Моктади для того, чтобы добиться провозглашения хутбы со своим именем.

Царя беспокоил вопрос, кто был всадник в черных доспехах, с черным забралом, — этого всадника видели месяц тому назад пастухи в Тадарджинской долине.

Царь находился в Начармагеви, где обучал свои войска. Едва он вернулся в Липаритис-убани и не успел еще снять кольчугу, как Махара сообщил ему, что вчера ночью вновь видели всадника в черных доспехах в Тадарджинской долине.

Царь ответил:

— Я не сомневаюсь, что сельджуки имеют и других разведчиков в Триалетском эриставстве. Поэтому нам надо показать врагу, что мы ничего не опасаемся и можем веселиться. Для этого у нас имеется повод. Отпразднуем возвращение Ниании Бакуриани из плена. Давай устроим игру в поло, Махо!

Совещались по поводу места для игры. Было решено устроить поло в Цацхвиани. На следующий день царь повел Нианию Бакуриани в конюшню и предложил ему выбрать любого коня, кроме Сквитии и Куджая.

Ниании Бакуриани приглянулся белый жеребец шихнийской породы в крапинках, как у лосося.

Этого коня и называли Лосось.

Махара выяснил, что оставшиеся триалетские азнауры плохо играют в поло. (Все игравшие раньше вместе с сыном Липарита Рати в Кутанси оказались в осажденной крепости Парцхиси.)

Поло было любимой игрой молодежи при царских дворах в Грузии, Византии и Иране.

Махара выяснил, что из эриставов только Липарит Великий устраивал поло в Триалети.

— Когда? — спросил Давид.

— Как раз в том году, когда Липарит Великий выманил из Аниси Абусера, артануджского эристава, взял в плен и посадил в темницу.

Царь хотел, чтобы в числе играющих всадников было по трое триалетских азнауров с каждой стороны.

Махара ворчал по этому поводу. Он боялся, как бы на царя не было произведено покушение, но Давид был настойчив. И на охоту, и на рыбную ловлю он брал с собой триалетских азнауров, особенно молодых, задавшись целью сделать их своими сторонниками.

Все же Махара и Кариман Сетиели были недовольны. Чухчи были предупреждены и должны были быть начеку.

Для участия в поло приехал в Цацхвиани и Иоанн Дукидзе, которого Кариман Сетиели считал весьма преданным Липариту. Когда Давид вступил со своим войском в пределы Триалетского эриставства и захватил амира Липарита, Дукидзе был болен и не мог поэтому присоединиться к Рати.

Люди Каримана хорошо знали, что этот азнаур, говоря о царя, не скупился на брань. Вместе с тем он посылал Рати Орбелиани подарки. И не раз Кариман докладывал Давиду, что хорошо было бы заточить Дукидзе, но царь колебался:

— Неужели мы должны сажать в темницу всех, кому мы не нравимся? Пока не надо его трогать. Пусть за ним следят. Этот азнаур не владеет крепостью и особенно нам вредить не сможет. Он будет полезен для выяснения поведения других азнауров.

Игра в поло еще не начиналась, но царь уже сидел на коне, держа в руках чоган. Он занял место среди всадников, выстроившихся по девяти с каждой стороны.

— Вот как надо действовать, — сказал Давид и размахнулся чоганом. — Всадник должен бить им по мячу. Под-

нятую вверх правую руку надо повернуть около уха, а нижний конец чогана поставить вровень с нижней частью груди. Бить чоганом надо косо, осторожно и скакать за мячом, покамест его не выбьешь за круг. Всадник должен наклоняться то вправо, то влево, в зависимости от того, в какую сторону гонят мяч. Всадник должен вовремя свеситься с седла, чтобы настичь катящийся по земле мяч чоганом и направить его в нужную сторону.

Надо всегда стараться, не отрываясь, следовать за мячом. Всадник должен избегать задеть коня противника или самого всадника. Чоганом надо стараться действовать так, чтобы мяч пролетел меж задних ног скачущего перед тобой коня противника. При игре нельзя пускать в ход ни плети, ни рук, хотя бы мяч пролетел у седельной луки.

Игра приближалась к концу, когда тоекратная неудача при ударе чоганом по мячу разозлила Дукидзе. Все три раза эристав Джонди отбивал у него мяч. И в то время, когда Джонди уже гнал мяч к «лело», гнавший за ним Дукидзе взмахнул чоганом, пытаясь перехватить стремительно летевший мяч, и угодил в лицо Джонди.

Джонди остановил коня. Из носа у него потекла кровь.

Он стерпел боль и не издал ни звука. Царь поскакал к нему и стал уговаривать сойти с коня.

Но Джонди заупрямился, решив во что бы то ни стало продолжать игру.

Давид знал, что триалетские азнауры не терпят Джонди, так как считают его виновником пленения Липарита.

Сдержав гнев, он посмотрел в упор на побледневшего Дукидзе и сказал:

— Нельзя касаться чоганом ни противника, ни его коня. Нельзя горячить ни своего коня, ни самому терять самообладание. Раздраженный и невыдержанный человек не сумеет ни победить, ни удачно кончить игру.

В сумерки поло прекратили.

Когда всадники спешили и конюхи увели коней, Дукидзе подошел к царю и, улыбнувшись, сказал:

— Я слышал от отца, мой повелитель, что именно здесь покойный Липарит устроил игру в поло, когда светлой памяти царь Баграт потерпел поражение в Сасирети.

Царь посмотрел прямо в глаза Дукидзе и спокойно ответил:

— Поэтому я и устроил сегодня игру в поло во владениях Липарита, в этом самом Цацхвиани.

За ужином царь посадил рядом с собою Нианию Бакуриани. Чувствуя внимание царя, он в первый раз после возвращения из плена был весел. Ниания балагурил, острил, как когда-то, и, когда вино развязало ему язык, вот что рассказал царю:

— Изумительные подношения послал как-то Эбервиз повелителю Рума, хотя и случалось, что он враждовал с ним. Однажды Эбервиз просил его о помощи и послал ему богатейшие дары: сто рабов, мудрых разумом и прекрасных телом, и сто рабынь-красавиц, в ушах у которых были золотые серьги с подвесками.

Они приехали на конях, седла которых были усыпаны изумрудами и сапфирами. Рабыни привезли столик из амбры длиной в три локтя, украшенный жемчугами.

У этого столика были три ножки червонного золота: одна имела форму львиной лапы, другая — орлиной, а третья — оленьей ноги. Львиная лапа сжимала зеленый агат, на оленьем копыте сиял рубин, орлиные когти держали турача из ляпис-лазури, у которого были рубиновые глаза.

На этот столик были поставлены кубок, выточенный из иеменского оникса, наполненный не вином, а рубинами, и золотая плетенка, в которой лежало сто алмазов, величиной в перепелиное яйцо, и сто колец, украшенных агатами и сапфирами.

Ниания выпил вино и взглянул с улыбкой на Давида:

— Когда я сидел в каирской тюрьме, фарс, раб амира Иль-Гази, рассказал мне все это, но не успел он закончить свое повествование, как вошел начальник крепости и велел снять с заключенного оковы, так как амир Алдин иль-Гази решил отправить его в подарок Килирдж-Арслану.

Охмелевший Махара весело воскликнул:

— Верно, верно! Дальше я могу продолжать рассказ, если царь позволит!

Давид в знак согласия улыбнулся, и Махара продолжал:

— Получив эти подарки ко дню навроза, повелитель Рума отправил Эбервизу двадцать тысяч тяжело вооруженных всадников, два миллиона золотых солидов, тысячу парчовых платьев и тридцать рабынь, взятых в плен в Скифии, высокогрудых женщин с сапфировыми глазами и губами, как коралл.

Затем следовали сто коней шихнийской породы, таких, как тот конь, которого ты сегодня подарил Ниании. Эти ко-

ни были под золотыми седлами и подковами золотыми подковами. Он послал еще золотую палму со смарагдовыми листьями и корнями из оникса, а вместо плодов на ней висели крупные жемчужины.

Послал он также хризобулли с подписью, сделанной красными чернилами. В этой хризобулле император извинялся в том, что подарок столь скромный. И был еще прислан серебряный конь с золотым всадником. Этот конь также был цинхнейской породы. Глаза у него были из агата, зрачки из гишера и из гишера грива и хвост. Всадник держал золотой чоган.

Перед всадником сверкало серебряное поле. Посреди поля лежал мяч из рубина, подобного которому никто не видел. Это поле поддерживали два янтарных быка. Когда золотой всадник ударял чоганом по мячу и он докатывался до края поля, янтарные быки приходили в движение, а всадник снова начинал скачки и игру в поло.

После ужина Махара последовал за Давидом в спальню, упал к его ногам и стал уговаривать:

— Время пришло. Довольно нам играть в поло триалетскими азнаурами. Не медли, не то Бархиарок помирится с амиром Тутушем. Ты ведь знаешь, что пес не задушит пса. Время пока работает на нас. Уже пора — возьмем Самшвилде, отберем у Бану-Джаффара Тбилиси и разделимся с кахетинскими царями Квирике и Ахсартаном.

— Не торопи меня, Махо! Кто спешит, тот может больше всех опоздать. Отправляйся с Кариманом и с чухчами в Тадарджинскую долину. А о завтрашнем дне пусть позаботится завтрашний день, Махо!

На следующий день гонец, посланный Джоджики из Вагаршапата, привез царю письмо.

«Амир Алдин Иль-Гази напал на Аниси. Но брат армянского католикоса Василия Грегор отбил турок», — писал Джоджики.

Это известие подтвердили и сельджукские лазутчики.

НАЗИДАНИЯ ЕПИСКОПОВ

Как триалетские азнауры, так и духовенство были в большом смущении. Самые невероятные слухи ходили о намерениях царя. Никто не знал, как будет Давид распорядиться в Триалети.

Кариман Сетиели и его чухчи днем охотились, ловили рыбу, а по ночам рыскали по всему эриставству и хватали подозрительных лиц. Некоторые азнауры были захвачены на охоте, но что с ними случилось, — было неизвестно. Одни утверждали, что их зарубили чухчи, другие считали, что они заточены в крепостях Начармагеви и Кутаиси.

А Давид продолжал укреплять крепости, обучать лучников и всадников ратному делу и приказывал исправлять дороги.

Духовенство было недовольно: Баграт Куропалат воевал с врагами, но он воздвиг и немало храмов.

Епископы манглисский, цалкинский и урбнисский и отец Василий также роптали. Их меньше всего устраивало возвращение Ниании Бакуриани. Не нравилось священнослужителям и то, что за последнее время царь увлекался в минуты досуга арабскими книгами, привезенными Нианией.

Епископы рассуждали так: для чего читать рукописи, написанные на языке безбожников, когда достаточно знать то, что написано по-грузински и по-гречески. Вообще все хорошее изложено в библии и евангелии. Ничего больше христианам не должен читать и ни о чем больше писать. В священных книгах раз навсегда записано все важное, и там все сказано.

Тревожно смотрели на звезды из своих крепостей триалетские старые азнауры. С изменением хода созвездий или потемнением лунных пятен они предсказывали войну, междоусобицу, чуму и голод.

А тут еще выпал небывалый град, который побил фруктовые деревья. В середине лета расплотившиеся в небывалом количестве полевые мыши уничтожили посевы и огороды. Наконец какая-то старуха пришла с новостью к цалкинскому епископу: насадка высидела, мол, трехногого цыпленка.

В этом же году налетела из Ирана саранча и опустошила поля.

И вот что еще случилось. Старый гомаретский диакон как-то вышел утром в огород и увидел, что на кочане капусты сидит огромная жаба. Заметив диакона, жаба вздрогнула, раскрыла пасть и извергла маленького черта, величиною с белку.

— Увидев жабу, — рассказывал диакон, — я показал ей крест. Тут она мигом соскочила с кочана и кинулась в заросли. Хромота мне помешала ее догнать.

Епископ в тот же день созвал священников всей епархии, отслужил молебен и предложил им последовать его примеру. Были произнесены проповеди, в которых призывали верующих уничтожить всюду жаб.

Население, вооружившись вилами и цапками, заполнило сады и огороды и стало уничтожать жаб.

Но справиться с саранчой народ был бессилён. Духовенство, облаченное в пышные ризы, с иконами и крестами, став во главе многотысячной паствы, повело народ на поля, где пастыри и проклинали дьявола, воплотившегося в мышей, жаб и саранчу.

В воскресный день Кирион с семьёй епископами совершил торжественную службу в Манглиском храме. К концу службы Кирион поднялся на амвон и долго говорил о том, как побеждали святой Георгий и Иисус Христос сатану.

Кирион пересказал то место из священного писания, где описывается, как сатана искушал Христа свергнуться с высокой горы. Рассказал он и о том, как Христос изгнал из бесноватого бесов и те вселились в свиное стадо, которое бросилось в бездну.

Потом он добавил:

— Никому ещё не приходилось видеть, чтобы насадка высидела трехногого цыпленка, чтобы такое количество саранчи обрушилось на нивы и чтобы бесы породили такое множество полевых мышей и жаб.

Как трехногий цыпленок, так и полевые мыши и саранча, — все это отродье сатаны. Нам ведомо и то, что некоторые мерзкие пастухи соединялись с дьяволицами в Шаорской долине и в окрестностях Вечернего озера.

Христианскому миру грозят великими несчастьями козни сатаны. Участились случаи околдования рожениц. Не только распутство баб, ставших ведьмами, мешает кобылам жеребиться, коровам телиться, но и размножение чертей вызывает бесплодие коров, овец и свиней, а также частые грады и засухи.

Обвинил он ещё в этих бедах еретиков и всяких лжепрорицателей.

— Триалети — страна, находящаяся у границы царства ислама. Христианам должно быть запрещено не только чтение корана и других арабских книг, но они не должны даже касаться страниц богомерзких мусульманских писаний.

Махара и Нианна Бакуриани слушали эту проповедь.

— Ты посмотри на этого рыжего попа. Разве он сам не похож на трехногую курицу? — шепнул Махара Ниани и скорчил при этом такую рожу, что Нианиа с трудом удержался от смеха.

— Религия пошатнулась в Триалетском эриставстве. Вы не заботитесь о церквах с того времени, как турки опустошили Триалети и Альф-Арслан овладел Ахалкалаки. Никто не украшает храмов, не приносит в дар ни новых икон, ни крестов.

Поэтому черти ринулись в Триалетское эриставство!

Как-то вечером Кирион и цалкинский епископ Досифей навестили отца Василия. После продолжительного совещания они решили посетить царя, поставить его в известность относительно засилия чертей и просить отпустить средства на приобретение церковной утвари.

В этот вечер Ката послала к священнослужителям диакона и просила их навестить ее.

Скорбная, повязанная черным платком, жена Липарита встретила епископов. Она едва могла смотреть на них заплаканными глазами.

Ката рассказала им о горькой судьбе Липарита, о болезни Дедисимеди, о тяжких бедах, постигших ее семью, о кровавой каре и грядущих испытаниях, которые готовят для ее близких.

— О блаженные отцы, вы свидетели того, как расправились с моей семьей, как захватили Триалетское эриставство и повергли во прах всю Грузию.

Ката взглянула на Кириона Манглисского глазами, полными слез...

— Я, прах от ног вашего преосвященства, коленопреклоненная, рыдая, слушала вашу проповедь, забыв обо всем. Осилило нас безверие. Опустошено не только наше эриставство, но и всей Грузии грозит гибель.

Ката не называла виновника возможной гибели Триалети и Грузии. Но когда она заметила, как взволновала епископа манглисского ее жалоба, она откровенно высказала все, что у нее накипело в душе.

— Вместо того, чтобы умиротворить страну, заботиться об укреплении веры, успокоении народа, он развлекается игрой в поло, охотой, рыбной ловлей и скачками. Его советчик — безумный Махара. Сейчас вернулся Нианиа Бакуриа-

ни. Оба они жили в стране безбожников и отравлены чтением мусульманских писаний.

Мой ангел, моя голубка занемогла, он околдовал ее. Семью мою погубили, преподобные отцы, эриставство наше повергли во прах, веру поколебали.

Кто знает, сколько еще могли продолжаться жалобы Каты, если бы Кирион Манглисский мягко не спросил ее:

— Скажите, батано Ката, чем могли бы мы вам помочь и как смягчить ваши великие горести?

Ката без утайки призналась священнослужителям, что единственное лицо, которое могло бы спасти ее семью от беды, то есть освободить Липарита, выволить Рати из Парцхисской крепости и облегчить удел Дедисимеди, — это императрица Мариам. Она одна могла бы оказать какое-то влияние на этого «упрямого и не покоряющегося даже богу» Давида.

— А с кем еще будет считаться человек, захвативший отцовский престол. Говорят, что раньше он иногда слушался Георгия Чкондидели. Теперь западную часть царства он доверил этому сумасброду Шергилу Липартиани, а восток опекает сам.

Гуарама, владетеля Бечисцихе, он ни во что не ставит, не считается ни с одним из епископов или эриставов. Ныне его советчиками стали: проклятый эристав Джонди, повинный в пленении Липарита и в злоключениях Рати, и еще Кариман Сетиели, неотесанный мужик, который пьет человеческую кровь вместо вина.

— А что вы нам посоветуете, батано Ката? — обратился к ней Кирион. — Написать ему письмо?

— Послание это ничего не изменит, блаженный отче! Вам надо поехать в Константинополь и от себя и от моего имени просить императрицу Мариам: пусть она приедет и спасет нас от этого тяжелого испытания — и не только нашу семью, но и все эриставство, всю Грузию избавит от пролития братской крови.

Я бы не говорила вам обо всем этом, если бы не чувствовала вашей благосклонности. Если бы вы не отлучили от церкви Липарита, не наложили бы епитимью на Рати, этот ублюдок сатаны Джонди не смог бы выманить из крепости Хулути моего сына... Теперь Липарит прислал покаянное послание Давиду. Не подчинился царю Баграту и Липарит Великий, но не захотел христианский царь погубить строп-

тивца, потерпевшего поражение. Он проявил христианское великодушие. Осилив противника, внял он голосу своего сердца и разрешил Липариту отправиться с почетом в Иерусалим.

Тут в беседу вмешался отец Василий:

— А если царь Давид...

Его перебила взволнованная Ката:

— Нет, нет, нет, вы не должны признаваться царю, с какой целью собираетесь ехать в Константинополь...

Священнослужители заколебались.

Но цалкинский епископ нашел выход. Он больше других боялся Давида, так как знал, что царю не раз доносили о его сребролюбии, пьянстве и разврате.

Поэтому он поддержал Катю:

— Супруга эристава права. Давиду нельзя говорить и слова правды. Мы ведь собирались повидаться с царем. Мы скажем ему по поводу отъезда в Константинополь, что хотели просить императрицу Мариам пожертвовать нам церковную утварь. Монахи привезли в Константинополь из Иберийского монастыря на Афоне грузинские переводы священных книг. Скажем, что едем, чтобы привезти все это.

Цалкинский епископ ни разу не был в Константинополе, и ему хотелось там побывать. К тому же он знал, что жена Липарита сохранила солиды, ботинаты и дирхемы, отложенные на черный день, которыми она с ними, в случае поездки, готова будет поделиться.

Когда священнослужители собирались уходить, Ката стала упрашивать епископа манглисского остаться ночевать в ее доме.

Кириона искренне тронули слезы несчастной женщины. Он чувствовал, что в перечисленных супругой Липарита бедствиях была некоторая доля и его вины, и поэтому ему не хотелось остаться под кровом этой несчастной семьи. Но мягкосердие взяло верх, и он покорно опустил в кресло.

Еще отец Василий и Досифей не успели спуститься по лестнице, как Кирион уже пожалел, что дал слово супруге эристава отправиться в Константинополь.

Он хорошо знал, что царь Давид дознается обо всем, и что тогда?..

Допустим, он заявит, что едет для того, чтобы привезти церковную утварь. А вдруг царь заявит, что Абхазия, Кутаиси и Тао-Кларджети уделят все потребное на церковные нужды.

Сослаться на то, что императрица Мариам пожертвует средства на восстановление храмов. А вдруг царь скажет, что и в этом он поможет. Разве мало он захватил золота и ценностей, привезенных обоими Липаритами из Византии?

Ката, проводив епископов, вернулась в приемную, села против Кириона и, опершись руками о колени, пристально посмотрела на него. Он испугался, что она может угадать его тревожные мысли, и изменил тему беседы:

— Вы сказали, батона Ката, что в постигших вашу семью испытаниях есть доля и моей вины. Когда человек кого-либо обвиняет в своих несчастиях, он должен непременно так рассуждать: скажем, что случившееся не произошло. Мог ли быть при данных обстоятельствах другой выход? А если бы случившееся не произошло, не могло бы произойти что-либо еще худшее?

Ката не разбиралась ни в искусстве риторики, ни в темных речах Кириона Манглисского. Она часами слушала с благоговением проповеди Кириона, но когда епископ переходил к излюбленным им библейским притчам, Ката, прослушав их, совершенно одурманенная выходила из церкви.

И сейчас она не могла разобраться, что собственно хотел сказать ей этот епископ, расточавший свое красноречие по поводу «происшедшего» и «не происшедшего».

Кирион прочитал в ее глазах беспомощность и растерянность недалёковидной женщины и твердо молвил:

— Вы изволили высказаться, будто и на мне лежит доля вины в том, что произошло в Триалетском эриставстве.

Вам известно, что я не люблю ни сумасброда Махару, ни незаконнорожденного Бакуриани, ни Джонди. Они нагло насмеваются над епископами и духовными лицами и вселяют в душу молодого царя сомнение в истине священного писания.

Верно, что Липарита я отлучил от церкви и наложил на Рати епитимию, но все это имело свои причины, и они были вызваны вашим супругом и сыном. Как пастырь христианской церкви, я лишь исполнил свой долг перед господом.

Теперь сами рассудите, батона Ката, что могло бы быть, не случись всего этого, то есть если бы Липарита не захватили на охоте, а Рати не заперся бы в крепости. Оба где-либо столкнулись бы с царем и его войсками. Могло произойти страшное кровопролитие, и в этой борьбе оба вам близких

человека могли погибнуть. Вы сами хорошо знаете, что царь Давид храбр и удачлив в бою.

С помощью божьей всего этого не произошло, и ваш супруг и сын уцелели.

На это, видимо, тоже была воля божья, и господь поможет нам завершить все благополучно. К этому должны быть направлены наши усилия.

Кирион заметил, что Ката осознала несостоятельность своего обвинения.

И он добавил:

— Если мы скроем от царя Давида истинную причину нашего отъезда в Константинополь, для нас будет весьма затруднительно посетить императрицу Мариам без разрешения царя и просить ее только от моего или вашего имени приехать в Триалетское эриставство.

Я думаю, что самое разумное — отправиться к царице Елене и царю Георгию в Гегути, просить их, чтобы они написали письмо императрице Мариам, приглашая ее приехать в гости. Тогда царь Давид не сможет нас ни в чем заподозрить.

Ката обрадовалась, услышав такое благоразумное суждение Кириона. Притом она учитывала, что императрица Мариам не любила ни ее, ни Липарита, ни Рати.

Но еще одно обстоятельство беспокоило Катю. Как-то во время беседы с ней отец Василий обмолвился, что императрица Мариам потому не может покинуть Византию, что в ближайшее время сын ее Константин Дука, прозванный Порфирородным, ожидает возвышения.

Об этом написал магистр Иоанн Кириону.

Ката знала, что уже несколько лет Константин Дука носит венец императора и пурпурную обувь и является соправителем кесаря.

И пока Алексей Комнен был жив, на какое возвышение мог рассчитывать Константин?

Последнее время обстоятельства складывались так, что Ката начала сомневаться в возможности брака царя Давида с Дедисимеди. И если он не состоится, то ни ей, ни триалетским азнаурам никак не с руки, чтобы Константин Дука, Багратион со стороны матери, взошел на кесарский трон.

Это событие еще больше укрепило бы царя Давида и вообще весь род Багратионов, тем более что императрица Мариам одним глазом смотрела в сторону Грузии.

Не скрыл отец Василий в беседе от Каты и того, что заговор замышляют, тайно от императрицы Мариам, магистр Иоанн, старый грузинский азнаур, и Никифор Диоген, сын ослепленного императора Романа Диогена.

Ката ни слова не сказала Кириону об этом и спросила епископа:

— Я кое-что слышала по этому поводу, святой отец, но не могу понять, какого возвышения ждет Константин Дука?

Кирион понял намерения Каты выведать больше, чем он мог открыть ей. Для него стало ясно, что обо всем этом сообщил ей отец Василий. И Кирион струсил.

Он опасался, как бы она не проболталась об этих дворцовых тайнах.

Кирион боялся этого, так как сам сочувствовал восшествию на императорский престол Константина Порфирородного.

Епископ захлопал своими рыжими веками и воскликнул:

— Кто нагородил эту чушь?

Возвышение?

Этого еще недостает пятнадцатилетнему юнцу Константину!

И Кирион впился в глаза Каты своим острым, как меч, взором, пожал плечами и добавил:

— Кто знает? Быть может, император и пожалует сыну императрицы Мариам титул паниперсевастоса?

Ката вспомнила о том, что сообщал монах Анфимоз из Гегути: «Царь Георгий и царица Елена с волнением ждут радостных вестей из Константинополя».

А Кутатели даже сказал, что царь Георгий охладел к своему сыну и сейчас он возлагает свои последние надежды на Константина Дука. Не высказывается только Георгий Чкондидели — он ждет встречи с царем Давидом. Чкондидели не решается приехать в Триалети без вызова, а Давид сознательно не зовет его.

Ката хотела устроить эту встречу с Кирионом, но удержала слово на кончике языка и лишь сказала епископу:

— Значит, вы так полагаете, отче? Из Византии не приходится ожидать чего-нибудь нового.

— Нового и хорошего, пожалуй, ничего! А плохого слишком много на этом свете. В Иерусалиме и Антиохии началось гонение на христиан. В Малой Азии господствует Килридж-Арслан, в Иерусалиме — амир иль-Гази. Иран и Ар-

меня остаются в руках султана Бархиарока. Сельджуки выгнали армянских монахов из киликийских монастырей и продают греков и армян, как баранов, на базарах. Христианский мир переживает величайшие испытания. Вот что нового, батоно Ката.

Ката поняла, что больше она ничего не сможет выведать у Кириона. Она заметила, что гость сдерживает зевоту. Взяв серебряный подсвечник, хозяйка повела епископа в комнату для гостей, поцеловала ему руку и пожелала спокойной ночи...

Когда Кирион Манглисский, отец Василий и епископ цалкинский прибыли в Гегути, они застали там Георгия Чкондидели. Тот без слов понял, что гости приехали по триалетским делам. Он не пожелал принять какое-либо участие в совещании, сославшись на то, что должен ехать в Цхуми. В тот же вечер он выехал в Кутаиси, а оттуда — в Абхазию.

Царь Георгий встретил гостей в прекрасном настроении. Ужин затянулся далеко за полночь. Досифей Цалкинский давно не видел царя. Ему показалось, что Георгий помолодел за эти годы.

Щеки у него стали розовее. Он не потерял ни одного зуба, блистал, как всегда, красноречием и острил. Царь завел разговор об охоте.

— В этом году снег выпал глубокий. Такой удачной охоты давно никто не помнит, — рассказывал он Досифею, который и после посвящения в епископы увлекался охотой, пьянствовал и возился с распутными женщинами.

— Когда трубы загонщиков, охотничьи рога и тьяквань гончих перестанут волновать меня; когда меня не будет трогать топот оленьих копыт в лесных зарослях; когда хрюканье кабана, спрятавшегося в камышах, не заставит сильнее вздыматься мою грудь; когда при взлете самца-фазана не затрепещет мое сердце, — тогда приходите, друзья мои, и прочтите надо мной «Со святыми упокой», как это принято у пховцев. Ну, что ты скажешь, Досифей? Ты ведь знаешь, что пховец сам себе устраивает при жизни поминки?

— Вы правы, правы, наш повелитель, — ответил Досифей. — Я уже состарился на службе церкви и царю. Когда я еду на моем тощем муле где-нибудь в горах и слышу кудахтанье куропаток или писк горной индейки, мое дряхлое сердце трепещет, и мне кажется, что я не старый епископ, а

некий юноша в доспехах, и не на моем жалком муле, а на арабском жеребце.

— Не унывай, дружище! Кто знает, быть может, нам еще удастся неплохо пожить на старости лет. Господь милостив. Не всегда ведь будет непогода, грозы и молнии. Не унывай! Человек не должен упускать возможности хорошо поесть и выпить в ожидании лучших времен.

Есть и такие люди на свете, что вечно бурчат и жалуются. Они всегда недовольны тем, что им досталось. Они гадают по звездам, ожидая чуму, кровопролитие и... засорение желудка.

Не годится, дружище, цепляться всегда за неисполнимое и невозможное, отравлять себе скромную радость существования, лишаться уютного тепла и гасить огонек надежды, который дал нам господь!

Таков характер у моего сына Давида, — закончил Георгий.

— Я всегда упрашиваю его: почаще заглядывай в Гегути! Допустим, что я стал тебе не мил или ты разлюбил свою мать. Неужели ты не соскучился по гегутскому вину? Или по гегутскому хлебу, отменно выпеченному в торне, по рионской осетрине, или по мясу кабана, отъевшегося желудями в Аджаметском лесу.

Он свел с ума и этого несчастного старика — Георгия Чкондидели. Днем и ночью он занят обучением своих войск. Без устали бродит он по абхазским, такверским и одишским горам, вечно занят восстановлением старых крепостей.

Говорю ему: что ты с ума сходишь? Разве нуждается в укреплении Баракони, куда ни один перс, ни турок, ни сам Альф-Арслан не мог добраться. Султан Малик-шах, и тот не мог подняться на Таквери!

Кирион обрадовался. Охмелевший царь завел беседу о том, с чего он сам хотел начать.

Георгий вызвал виночерпия и велел подать вина другого сорта. Тем временем Кирион мысленно собрал все, о чем он хотел поведать царю, и сказал:

— Весьма и весьма мрачен последнее время царь Давид. Он никому не открывает сердца, кроме Ниании Бакуриани, эристава Джонди и Махары. Состарились мы, служа тебе, царь царей. Мы не только с крестом в руке шли впереди нашего войска, мы носили и доспехи и наносили удары мечом, и при том не по-бабьи.

Ради царя Давида и нашего отечества я вступил в борьбу с амиром Липаритом и его сыном Рати. Не со мной, а с царем Багратам и с тобой тягались Липариты. Господь бог осенил меня мужеством, и я один противостоял Липариту.

Вступив на путь неверных, он и меня мог убить. Еще не успели войти царские войска в Триалетское эриставство, а я уже отлучил его от церкви, как изменника веры и отечества и предателя трона.

Несмотря на это, царь Давид не возлюбил меня.

Так жаловался Георгию обиженный Кирион Манглиский. Царя взволновали сетования старика. Он отпил вина и с вниманием стал его слушать.

— Вы лучше меня знаете, что сейчас в султанате сельджуков царит междоусобица, — продолжал Кирион. — Но если Бархиарок помирится с амиром Тутушем, они привлекут на свою сторону Килирдж-Арслана и амира Наджм Эддина иль Гази, сельджукский султанат снова окрепнет, и тогда эта чудовищная держава сможет выставить семисоттысячное войско.

И разве не позор, что в такое время в нашей христианской стране идут раздоры?

Повторяю: амира Липарита я отлучил и на его сына наложил епитимию. Но Липарит уже покался в своих прегрешениях. Не наступило ли время снять с него оковы? Тогда царь Давид снимет осаду и с крепости Парцхиси, где отсиживается Рати. Станет ясна и судьба Дедисимеди.

Слова Кириона дошли до сердца царя Георгия.

— Все, что ты говоришь, сушая истина, преподобный отец! Ты словно вычитал мои сокровенные мысли. Сейчас только объединение может спасти христианский мир. Одно присоединение Триалети и даже союз с Византией не дадут нам возможности противостоять врагу.

А завтра, отец, я тебе сообщу большие новости. Что же касается Липарита, и я думаю так: лучше нам все же поладить с этим строптивым эриставом.

Его отец причинил немало неприятностей моему отцу, и все же тот не раз шел с ним на мировую!

Теперь и мы должны попытаться это сделать.

На следующий день архимандрит Кутатели отправился с отцом Василием и цалкинским епископом в Кутаиси. Царь Георгий удержал Кириона, чтобы иметь возможность побесе-

довать с ним наедине. После завтрака он повел его в виноградник.

Старики уселись на дубовые обрубки. В винограднике стоял пчелиный гуд.

Ясно виднелись горы Месхети и хребет Кавкасиони — горы были цвета марева, воздушные и прекрасные, — эти стражи Гесперидовых садов.

Белые облака, как журавлиный караван, медленно плыли к Понту Эвксинскому.

Виноградные лозы пожелтели. Парчой шелестела липовая листва. Наступила осень, расточавшая багрянец и янтарь, украшенная золототканой одеждой. В листве гранатов атели рубинами раскрывшиеся плоды.

Персики сверкали, словно крупные янтари.

Царь Георгий бродил по винограднику, срезал тяжелые гроздья и наполнял ими поднятую полу рясы отца Кириона.

В этот момент он походил на Бахуса, вернувшегося в свои владения. Хотя лоб и лицо Георгия были обрамлены сединой, его розовые щеки, блеск зубов и медового цвета глаза были отмечены безграничной любовью к жизни.

Когда Кирион, отведав две-три кисти, остальные положил на траву (его беспокоили пчелы) и уселся, царь Георгий, осмотревшись кругом, склонился к старому соратнику и вполголоса сказал:

— Я получил от магистра Иоанна тайное послание. Нас ожидают весьма и весьма радостные вести...

Затем он шепотом продолжал:

— Быть может, наконец настанут лучшие дни для нашей несчастной родины и удастся отвратить нашествие неверных.

Алексей Комнен страдает тяжелым недугом, а мой племянник Константин Дука соправитель императора.

Кирион ожидал услышать от Георгия еще больше. Ему показалось, что Константина Дука уже посадили на престол.

Взволнованный, он воскликнул:

— Что вы изволили сказать?

Этот неожиданный возглас протрезвил хмельного с утра Георгия, и он продолжал, отклоняясь от главного, о чем хотел сказать.

— Я говорю... Все это написано в хризобулле Алексея Комнена. Эта хризобулла подписана красными чернилами и скреплена золотой печатью.

Увидев, какое впечатление произвела на Кириона его

первая фраза, он побоялся открыть ему самое важное. А именно, что, как сообщил магистр Иоанн, Константин Дука и Никифор Дноген собираются захватить императорский трон.

Георгий считал Кириона Манглисского человеком весьма преданным династии, но сейчас он вспомнил просьбу магистра Иоанна не сообщать ничего даже царице Елене и не решился быть до конца откровенным. Боясь, чтобы Кирион не счел это колебание за недоверие, он начал заметать следы.

Царь завел разговор о Комненах и Багратионах. Последнее время он несколько разочаровался в императоре Алексее, как и многие азнауры в Западной Грузии, встретившие с радостью известие о свержении Алексеем Комненом Ботаниате-са. Они были уверены, что Алексей Комнен женится на императрице Мариам и пошлет на помощь Грузии свои войска.

Но дела приняли иной оборот — Алексей Комнен ввязался в войну с Робертом Гюискаром, потом с кипчагами и с печенегами и наконец ему пришлось сражаться с повстанцами Чаха, и он едва был в силах спасти самого себя.

— Комнен — простой азнаур, — сказал Георгий. — У него нет в жилах и капли царской крови. В конце концов он был лишь domestиком западных войск, и только.

Наконец даже Василий Болгаробойца не был царем божьей милостью. Мать его была женой виноторговца. Иоанн Цимисхий был армянином.

И последние слова царь произнес таким тоном, как будто армяне никогда не сидели на троне.

— Комнены — захватчики престола, — продолжал Георгий, — и только Багратионы с незапамятных времен отмечены милостью божьей и владеют скипетром и короной.

Царь и его гость еще не успели вернуться во дворец и еще подымались по лестнице, когда прискакал присланный из Хупты гонец.

Георгий открыл дрожащими руками свиток. Императрица Мариам писала, что Русудан после шестимесячной задержки в Никее опять вернулась вместе со своей свитой в Константинополь.

А в Гегути и в Триалети думали, что она уже прибыла в Иерусалим.

Еще в прошлом году император Алексей приказал срочно снарядить корабли для Русудан и ее свиты. Целый месяц ждали попутного ветра. Но в апреле над Понтом Эвксинским

и Геллеспонтом пролетел страшный вихрь, и море долго не успокаивалось.

По прибытии в Никею бывшая царица Русудан передала Килирдж-Арслану послание императрицы Мариам.

«Я тебя отправлю в Иерусалим в начале первой недели будущего месяца», — обещал султан.

Но прошла и неделя, и месяц, и второй. Начинался четвертый, а слова Килирдж-Арслана оставались пустым обещанием.

— О, какие отъявленные обманщики эти окаянные турки! — воскликнул Георгий.

— Видишь, Килирдж-Арслан придумал отговорку: «В Никейском султанате я несу ответственность за твое благополучие. Багдадом же владеет амир Тутуш, Иерусалимским амиром—Наджм Эддин иль Гази. Если Бархиарок нанесет поражение Тутушу и возьмет Антиохию и Багдад, я бессилён оказать тебе помощь. В дороге тебя ограбят и посрамят меня перед императрицей Мариам».

Георгия беспокоило и удивляло, что Мариам не сообщала ничего, кроме этого печального известия. Она писала только, что Константин Порфирородный чувствует себя хорошо.

И царь жалел о том, что магистр Иоанн не догадался прислать с гонцом свое письмо.

На следующий день на обеде, устроенном в Гегутском дворце, присутствовал Кутатели.

Узнав, что Русудан застряла в Константинополе, он начал разглагольствовать.

— Я ведь докладывал вам, царь царей, что Русудан не доберется до Иерусалима. Сейчас идут такие грабежи на дорогах между Никеей и Иерусалимом, что франкские паломники вынуждены собираться в отряды и, вооруженные с головы до пят, с трудом пробираться в Палестину.

Разве не насмешка судьбы, что по древней христианской земле православные не могут проходить без оружия? Хорошо еще, что бывшая царица вернулась в Константинополь, а то ведь неверные могли бы захватить боевой крест Багратионов.

Царь Георгий был действительно огорчен, что икона Портатиса Афонского иберийского монастыря превзошла прославленный крест Багратионов. Но он не терял надежды, что многоопытный походный крест Багратионов все же проявит свою силу и приведет в Иерусалим царицу Русудан и ее свиту.

— Сельджукские амиры и султаны уже потратили золото, награбленное в Иране и Армении. О, сколько золота и серебра вывезли эти мерзавцы из исфаганских дворцов, антиохийских церквей и анисских монастырей. И все это султан Бархиарок, амир Тутуш и амир Наджм Эддин иль Газн потратили на своих потаскух и мальчиков.

Теперь приобретенные мечом султана Малик-шаха и умом Низама аль-Мулька богатства на исходе, и рыскают эти грабители между Никеей и Иерусалимом, обирая босоногих пилигримов.

Царь Георгий так жаловался Кириону, словно тот был в силах как-нибудь обуздать сельджукских амиров.

Кирион старался отвлечь внимание Георгия от сельджуков и перевести разговор на триалетские события. Потому он упомянул о Ниании Бакуриани.

— Я тоже не люблю этого Нианию,—сказал Георгий. Он срезал с бараньей ляжки длинный и тонкий, как стружка, ломтик мяса, насадил его на нож с острием в форме вилки и предложил Кириону.

— Смерти я никому не желаю, но жалею об одном: зачем отпустил иль Гази из плена этого проклятого Нианию?

И этого Нианию Бакуриани, и несчастного Махару бог навязал моему сыну, как злейших даймонов (царь любил греческий язык и потому вместо демон он произносил «даймон»).

— Благословенный мой отец царь Баграт тоже имел своего даймона, — добавил Георгий, — это был Варазбакур Гамрекели. Он тоже был незаконнорожденным. Удивительно, что эти незаконнорожденные всегда оказываются людьми талантливыми, ловкими и отчаянными.

Гамрекели так хорошо играл на свирели, что мог выманить змею из норы. Я не шучу,—он действительно выманивал!

Я видел своими глазами, в дни моей юности, как он это проделывал. Он был знаменитым игроком в поло, мастерски владевшим чоганом, и непобедимым лучником, хотя и был левшой.

Гамрекели натягивал тетиву лука то левым большим пальцем, то правым, и от пущенной им стрелы не мог бы увернуться сам дьявол.

Когда царь Георгий упомянул дьявола, Кирион вспомнил о «засилии чертей» в Триалетском эриставстве, обратившихся в саранчу, жаб и крыс.

Кутатели насторожился.

Он отодвинул баранью лопатку и подтвердил, что в Марг-

ветском эриставстве в этом году тоже появилась саранча, но неведомо — дело ли это дьявола?

Георгий слышал рассказы о «сатанинском происхождении» саранчи, но не особенно им верил, и снова заговорил о Гамрекели.

— Племянница моего отца, в которую влюбился султан Альф-Арслан, была дочерью армянского царя Квирике. Не захотел христианин Квирике уступить дочь безбожнику.

И тогда султан отправил посланца к моему отцу, прося его уладить это дело.

Отец посоветовал Квирике отдать Альф-Арслану дочь.

Но Квирике не послушался.

Тогда отец приказал Гамрекели захватить Квирике. Тот уговорил его поехать с ним на охоту, захватил и привез в Гегути.

Такие даймоны есть у Давида, и не один. Не терплю я и Джонди — сына друга моей юности Шамана. Я сообщу о всех его проделках отцу!

Священнослужители не раз бывали уязвлены едким языком Джонди. И им было приятно, что и царь Георгий его не терпит.

Перед отъездом гостей из Гегути царь Георгий долго совещался с ними и просил успокоить Катю. Он дал им разрешение ехать в Константинополь и от его имени, и от имени царицы Елены уговорить Мариам приехать в Грузию. Георгий обещал, что они напишут ей письмо.

— Что касается Дедисимеди, и мы, и Мариам попросим царя или жениться на ней по-христиански, или же мы обвенчаем его с Гванцей, дочерью эристава Шамана.

Эти слова, переданные Кирионом Манглиским Ката, как змеиное жало, уязвили ее сердце, и она спросила архиепископа:

— Гванца в Гегути?

Кирион утешил Катю: Гванцы там нет.

Дедисимеди очень обрадовалась, когда мать шепнула ей, что Георгий и Елена спешно вызывают императрицу Мариам для того, чтобы уладить триалетские дела. И мать, и дочь были уверены, что Мариам явится сюда с масличной веткой.

Кирион скрыл известие, сообщенное ему царицей Еленой, что со дня на день в Гегути ждут Гванцу.

Махара на второй день выведал все, что рассказала Ката Дедисимеди, и немедленно сообщил Давиду.

Давид и так знал, что триалетские азнауры, владельцы крепостей, были сторонниками Липарита. Учитывал он и то, что ухудшение отношений с епископами вызовет враждебное отношение к нему не только архипастырей, но и всего духовенства.

Не хотел он перечить и родным.

Сложившиеся обстоятельства заставили его призадуматься. Он хорошо знал, что в случае приезда императрицы Марии она постаралась бы облегчить участь Липарита и Рати. Царь Давид не забывал ту истину, что, попав в затруднительное положение, надо стараться извлечь из сложившихся обстоятельств что-либо полезное.

И он решил отправить вместе с едущими в Византию епископами двух преданных ему людей — Нианию Бакуриани и эристава Джонди. Они разузнают обо всем, что творится в самой Византии и в соседних странах. И еще вот что можно было выгадать: хотя Бакуриани привез новые сведения о тактике сельджуков, это не мешало его молодым спасаларам познакомиться с последними военными приемами и византийских войск.

Давид неплохо знал военную тактику императора Льва Шестого, Кевкамена Катаклона, Никифора Бриениуса и Татикуса, систему наступательных и оборонительных действий их войск, а также методы осады крепостей и приемы обучения лучников и всадников.

Еще в большей степени он должен был учитывать и то, что мужественный император Алексей и его войска долго боролась против Роберта Гюискара, печенегов, болгар и кипчагов, а также против повстанцев — Урсулы и Чаха. Поэтому он полагал, что византийцы могли выработать новые приемы войны.

Еще одно значительное обстоятельство учитывал Давид: во время пребывания епископов в Гегути магистр Иоанн сообщил подробно Давиду о событиях, имевших место в Константинополе.

Видно было, что человек, давно покинувший Грузию, не разбирался в том, какая там складывалась в данный момент обстановка. Старик писал, что если они своими силами не смогут возвести на трон Константина Порфирородного, то пришлют корабли за вспомогательным войском.

Давида устранивало и то, что его военачальники разберутся в общем положении дел и обо всем вовремя сообщат ему.

Царь поэтому с особым вниманием отнесся к отъезду пас-

тырей и с подчеркнутой любезностью принял прибывших на прием епископов.

* * *

Кирион был удивлен, застав обычно мрачного царя в веселом настроении. Но он все же был осторожен в своей беседе. Долго епископы говорили языком притч, но в конце концов Кирион откровенно пожаловался на падение веры.

— Людей, склонных к безбожию, стало больше. Церкви, оставленные без присмотра, рушатся. Храмы и часовни никем не поддерживаются с тех пор, как сельджуки опустошили Триалети, а злодей Альф-Арслан разгромил Ахалкалаки.

Епископ не забыл упомянуть и о трехногом цыпленке, о появлении всякой нечисти под видом саранчи, жаб и крыс.

Царь слушал молча, и Кирион продолжал:

— Надо привести в порядок Манглисскую и Шошилетскую церкви. Давно протекают крыши Цалкинского и Гомаретского храмов. У нас не хватает церковной утвари и богослужебных книг, хотя грузинские монахи из Афонского монастыря и прислали кое-какие церковные книги. А императрица Мариам обещает пожертвовать в триалетские храмы церковную утварь.

Царь долго слушал Кириона и, поняв, что он не намерен хотя бы вскользь коснуться истинной причины поездки в Константинополь, нахмутив брови, сказал:

— Отец Кирион, разве достаточно только привести в порядок божьи дома? Необходимо и духовно укрепить грузинскую церковь.

Я имею достоверные сведения о том, что между священнослужителями есть люди недобропорядочные и невежественные (царь бросил взгляд на Досифея Цалкинского). Мне известны пастыри, которые больше заботятся о стяжании золота и серебра, чем о подражании Христу.

У меня еще много важных дел. Покончив с ними, я займусь и церковными делами.

Епископы собрались уходить. Давид, взглянув на Кириона, сказал:

— Хорошо, если и императрица Мариам поможет вам приобрести церковную утварь.

Сведения, полученные из Византии, не обнадеживали царя Давида. Во всяком случае, эти новости были не столь

радостны, как это казалось царю Георгию, именитым азнаурам и епископам.

В письме, присланном магистром Иоанном Давиду, было подчеркнуто, что императрице Мариам ничего не было известно о заговоре. Давид знал, что если бы его богобоязненная и скромная тетка даже знала о заговоре, у нее не хватило бы ни жестокости, ни выдержки принимать участие в захвате трона Алексея Комнена.

Давид, конечно, согласен был со своим отцом в том, что права на византийский престол принадлежат именно Константину Дуке и Мариам, а ничуть не мятежнику Алексею Комнену, который лестью, коварством, тысячью интриг и бряцанием оружия вынудил выжившего из ума Ботаниатеса уступить ему императорский венец.

Что касается «надежды на зятей», за которую цеплялся отец, для Давида это было подтверждением того, что Георгий сомневался в возможностях своего сына справиться со всеми затруднениями и испытаниями. Знатные азнауры, епископы и все, кто не верил в то, что Давид сможет залечить раны страны и попать ее врагов, тоже с надеждой смотрели на Константинополь. Поскольку царь из рода Багратионов не смог умиротворить страну, быть может, родину сумеет спасти наполовину Багратион.

Молодой царь хорошо знал, что когда-то «зятя, которыми можно было гордиться», — Михаил Седьмой Дука и Никифор Ботаниатес, держали в руках скипетр Византийской империи и командовали ее войсками. Сама тетка Мариам вмешивалась в византийскую политику, и магистр Иоанн зорко следил за всем происходившим в Буколеонском дворце. Но, несмотря на это, сельджуки все же разорили Грузию.

Давид давно усвоил ту истину, что, кто надеется на чужую помощь, тот мало себе помогает.

Царь совершенно иначе расценивал события, которые назревали в Константинополе.

Он не забыл о Бассианских землях, отторгнутых Василием Болгаробойцей, и не относился сочувственно к стремлениям лазов вернуть Трапезонд и лазскую Халдею.

Если бы Византия стала жертвой междоусобиц и борьбы за трон и сельджуки попытались бы захватить эти местности, Давид примирился бы с Липаритом и вывел свои войска из Триалети, чтобы овладеть этими землями.

Царь учитывал и то, что если бы единовенная Византия, подобно Армении, попала в руки сельджуков, Грузии пришлось бы одной вступить в борьбу с расвирепевшим львом ислама, а Давид знал, что султана Килирдж-Арслана называли «мечом льва».

«ТЫ ЕСИ МЕЧ»

Абу-Джаффар, ты научил нас, и живых, и тех, для кого погасло солнце, быть храбрецами.

Абу-Джаффар, ты очутился на спине нашего времени.

Саад Аль-Мосафинр.

Через неделю Махара сообщил от имени царя Давида отцу Василию: так как эристав Джонди и Нианиа Бакуриани заняты важными неотложными делами, придется на месяц отложить поездку в Константинополь.

В понедельник Махара получил письмо из Византии. Писало доверенное лицо царя Давида в Константинополе, Георгий Торели, что монах Севастий, некий юродивый, упал к ногам Алексея Комнена в то время, как он гулял в саду Буколеонского дворца, и предсказал, что император нанесет поражение врагу, пришедшему с запада.

Царь молча выслушал это сообщение.

Потом он обратился к Ниание и Джонди:

— Мне кажется, на востоке надо ожидать больших событий. Посмотрим, как поделят сельджукские амиры султанат Малик-шаха. Если Бархиарок осилит своего родственника и отсечет головы Тутушу и его амирам или сумеет с ними примириться, то и в одном, и в другом случае нам предстант тяжелая война.

Что бы ни случилось, надо твердо помнить: если рыцарь попадает в затруднительное положение, у него есть один выход — сражаться.

Тут вошел Кариман Сетнели, низко поклонился и доложил:

— Вчера после полуночи мы выведали у рябого сельджука, что Бархиарок умертвил халифа Аль-Моктади.

— А подтвердили ли это известие двое остальных? — спросил царь начальника чухчей.

— Оба подтвердили, повелитель!

— Каждый в отдельности?

— Да, повелитель.

Давид приказал позвать хранителя чернильницы. И когда тот пришел, царь приказал Махаре:

— Сообщи об этом Джоджики в Вагаршапат, и пусть он проверит это известие.

Когда хранитель чернильницы вышел, царь повернулся к спасаларам и сказал:

— Сейчас важнее всего иметь достоверные сведения относительно того, что происходит на западе и востоке. Сообразно им мы и будем действовать.

Достопамятный дед мой царь Баграт был мужем великой доблести, нам за ним не угнаться. Он получил образование греческое, но хорошо знал тюркско-арабский и иранский языки. Среди грузинских царей, после Вахтанга Горгасала, не было такого военачальника.

Баграт IV был юнцом, когда впервые обнажил меч, и по возвращении из Византии подошел со свитой к границам Тао. Именно тогда умер император Василий и взошедший на престол брат его Константин приказал своему парикиману захватить наследника Баграта. Но его поддержали эриставы Тао и другие грузинские эриставы. Они одолели парикимана, и византийским войскам пришлось отступить.

Царь Баграт не вкладывал клинка в ножны с этого дня до самой смерти. Азнауры не дали наследнику взойти на престол, стали на сторону императора Константина, пригласили парикимана с византийским войском и опустошили Триалети, но не могли овладеть Клдекари. Они не смогли сломить царя Баграта.

Он воевал то с византийцами, то с Липаритом Великим, осаждал Бану-Джаффара, брал в плен амира Фадлона, сражался с кахетинским царем и с султаном Альф-Арсланом, но все же лег в могилу побежденным.

Надо всегда хорошо помнить следующее, — прибавил царь: — Нельзя извлекать клинка из ножен зря или произносить лишнее слово, так как меч, извлеченный не вовремя, так же опасен, как и слово, сказанное без основания. Слово подчас острее клинка, а клинок бывает роковым, как слово. Надо знать, когда и где их использовать. И знайте, что дороже завещанных нам предками золотых солидов — сохранение

завоеванных ими побед; учиться же на поражениях дороже и солидов и побед.

Когда гости ушли, Давид прилег. В углах зала в серебряных подсвечниках горели свечи. Царь встал и погасил их.

Стало темно. Уже не было около него тех, с кем он только что беседовал. Но слова, с которыми он к ним обращался, горели в его сознании, как искры, затаившиеся в пепле. Допрос сельджукских лазутчиков подтвердил известия, доставленные Хоргаем и его сыновьями. Тбилисский амир Бану-Джаффар, кахетинский царевич Ахсартан, владетель крепости Зедазени Дзаган и начальник твердыни Самшвилде Абу-Исахар-Бен-Омар часто совещались в Тбилиси.

Рябой сельджукский лазутчик признался, что он сам присутствовал на их совещании в крепости Самшвилде.

Беспокоило Давида и то, что сообщения о событиях, происходивших в Исфагане, получаемые от Джоджики и Аршаруни, были скудны и разноречивы.

Царь переслал большое количество золотых дирхемов Аршаруни, своему доверенному в Исфагане, но тот никак не мог установить связь ни с близкими Бархиарока, ни с Изз-Абу-Абдалой, сыном племянницы царя Баграта.

Давид знал, что сведениями о том, что замышлял султан Бархиарок, располагало доверенное лицо амира Липарита — Варсим Вардзели. Но пока, несмотря на все попытки, Аршаруни не удалось перетянуть его на свою сторону.

Махара и Нианиа Бакуриани советовали царю немедленно осадить Тбилиси или овладеть Самшвилде. Но царь рассуждал так: сначала необходимо разобраться в намерениях Бархиарока и учесть, сможет ли он тем временем вторгнуться в Грузию?

Давид знал, что, как только он нападет на Бану-Джаффара, на помощь ему двинется кахетинский царевич Ахсартан, владетель крепости Зедазени Дзаган и начальник гарнизона Самшвилде Абу-Исахар-Бен-Омар. Если они не смогут справиться с царем, к ним непременно придет на помощь саранг пограничных сельджукских войск. Вызывало сомнение, пошлет ли Бархиарок в случае поражения последних на помощь им своего саранга из Исфагана?

Бархиарок убил халифа Аль-Моктади?

Возможно, что султан действительно отправился в Багдад!

В царскую опочивальню уже доносилось щебетанье птиц. Как только сон ставил свои силки у отяжелевших век, навязчивые мысли снова не давали покоя.

Перед царем возникало бледное лицо монаха Годолия и звучали его слова: «Ты — меч, отточенный нашей ненавистью, который обрушится на вражеских коней и их всадников».

В Липаритис-убани уже кричали петухи. На колокольне дворцовой церкви звонили к заутрене.

РЫЦАРЬ С ЗАБРАЛОМ

Во все страны необходимо рассылать лазутчиков. Они должны быть переодеты купцами, продавцами лекарств, дервишами, и обо всем, что им придется слышать, немедленно доносить царю.

Ничто не останется тайным в этом случае. И возможно, что удастся своевременно принять меры. Давно известно, что ваали, большие должностные лица и амиры обуюнны жаждой восстания и стремятся стать владыками.

...И когда лазутчик добудет нужные сведения, он доставит их владыке. Тот сядет на коня, нападет на врага и пресечет его намерения.

Низам аль-Мульк
«Синасет-Намэ».

Поимка азнаура Азараисдзе придала смелости Махаре и суеверному начальнику чухчей Кариману Сетиели.

Взяв с собой Ситкваи Кора и два десятка лучников, они направились в Тадарджинскую долину.

Махара шутил в пути:

— Я боюсь чертей, клянусь твоим солнцем, Кариман, но не созданных из брэнной плоти. Пусть только попадется мне по пути султан Бархиарукос (Махара почему-то эллинизировал это имя), я его поймаю, как индюшку, и доставлю повелителю.

Кариман Сетиели никогда не сомневался в смелости Махары. Но он все же думал, что всадник с черным забралом — джин, такой же, какого встретил, по рассказам Махары, царь арабов Номан.

И отважный и преданный царю начальник чухчей не знал чувства страха. Но, конечно, когда он имел дело со зримыми существами.

Кариман провел свою юность в Такверском эриставстве. Там он не боялся ни чертей, ни сатаны. Но в Триалети на него такое большое влияние оказали проповеди Кириона Манглисского, что он под конец оробел.

Этому способствовал и тот случай, когда его сшибла мохнатая лапа, высунувшаяся из дупла. А потом, когда он еще услышал о том, что «жаба извергла из пасти черта, что вылупился трехногий цыпленок и дьявольская сила обернулась саранчой», — все это сильно повлияло на него.

Но не мог же он не выполнить царского приказа.

Объятый душевным трепетом, Кариман сел на своего жеребца и трижды перекрестился.

Единственной его надеждой оставался Махара. О его искусстве отводить колдовские козни он не раз слышал.

И Кариман думал: конечно, черт не повредит черту. Обычно он не жаловал рыжего уroda Ситкваи Кора, и когда Махара брал с собою Ситкваи в дорогу, у Каримана сразу портилось настроение: зачем тащит, мол, скопец этого колдуна?

Но сейчас присутствие Ситкваи Кора становилось даже желательным. И он следил, как тот осиливал горные тропы на своем исхудалом муле.

В Тадарджинском ущелье сама природа необычна и таинственна.

Крутые обрывы, пещеры, зияющие в черном базальте, вековые дуплистые пихты и дубы, полуразрушенные храмы и башни, застрявшие в провалах каменные глыбы и огромные валуны в пустынных лесах. Медвежья возня и ворчанье в ущелье — все это вызывало трепет в этом суеверном великане.

Поэтому, когда они въехали в Тадарджинское ущелье, Кариман все время старался, чтобы его конь ступал рядом с конем Махары, хотя тропа, по которой они пробирались, была очень узка. Стремена Каримана все время задевали стремяна его спутника...

Махара и Кариман прожили здесь почти неделю. В первые же дни по ущелью пронесся такой вихрь, что, если бы их шатры не защищали деревья и скалы, они были бы унесены ураганом.

Как-то им повстречались пастухи из Самцхе. Они спросили Махару:

— Кто вы и откуда?

— Мы охотники, — ответили они.

Этим и ограничились. И Махара установил с ними добрососедские отношения.

Они покупали у пастухов молоко и сыр, мясо и соль. Просили у них огня, когда угасал костер.

После вихря, с гулом пронесшегося по ущелью, пошел страшный ливень... В шатры Каримана и Махары хлынула вода.

Страдали от дождя и пастухи. А ливень не прекращался. Кариман и Махара потеряли надежду на то, что скоро распогодится, и, сняв шатры, сказали пастухам, что покидают Тадарджинское ущелье и едут в Кларджети.

Из двух десятков чухчей, которые были спутниками Махары, почти никого не осталось: одних он послал в Манглиси за мясом и вином, других — в Шаори за рыбой, а остальных направил в Клдекари — узнать, не навешают ли пленного Липарита тайно сельджукские лазутчики. Махара вообще никому не доверял, кроме царя Давида, а тем более начальнику крепости Клдекари Абусеридзе, недавно назначенному на эту должность и о смещении которого Махара не раз умолял царя.

Кариману было не по себе, когда он слушал разглагольствования Махары о всяких таинственных вещах или приглядывался к Ситкваи Кора — этому рыжему уроду, близость с которым, по мнению Каримана, могла приносить только неудачи. Но скоро обстоятельства сложились так, что он стал чуть ли не мечтать, чтобы они не покидали его.

Однажды, под вечер, Махара и Ситкваи Кора исчезли из шатра.

Кариман услышал шелест листьев и хруст сухого валежника, но скоро все стихло.

Этот бесстрашный великан временами начинал дрожать, как беспомощный ребенок. Он высовывал голову из шатра и робким голосом звал:

— Кора, ау! Где ты, Кора?

Он тщетно напрягал слух, ожидая отклика, но до него доносилось лишь мяуканье рысей или крик одинокой совы, или зов ночной птицы, или топот пробегающего зверя.

Кариман спал тревожным, чутким сном, держась за рукоятку меча и улавливая всякий шорох. Временами до него доносилось ворчанье медведя, мяуканье мартовских диких котов или странный звук, напоминавший стон проснувшегося ребенка. Порой он слышал жалобное мычанье отбившегося от стада буйвола, почувствовавшего свое одиночество.

Кариман часто вскакивал и, стоя с мечом у входа в шатер, всматривался в бурелом и заросли, в густую тень, залегшую между базальтовыми глыбами, осененными вековыми пихтами, и не мог распознать, кто мычит, кто храпит и кто воет в этом вековом бору.

Большая трагедия для сильного духом — почувствовать физическую немощь, но не меньше переживает и сильный телом, чувствуя, как падает духом...

Как-то в субботний вечер Кариман, подавленный тоской, лежал в шатре. Неожиданно просунулась голова Махара, и он воскликнул:

— Что с тобой, мой бедный Кариман?

Кариман вскочил, словно ужаленный, и стал недоуменно озираться.

Потом промямлил:

— Что ты, собственно, хочешь сказать?

— Отчего у тебя поседела голова?

Кариман подумал, что Махара шутит. У Каримана не было под рукою зеркала, не было поблизости и воды, чтобы убедиться в том, что с ним не шутят.

Вместе с Махарой и Ситкваи вернулись и чухчи, которые привезли много хлеба, три меры вина, солонину, разную рыбу, трех баранов и двух телят.

Они собрали в лесу хворост и развели костры.

Когда в шатер проник запах жарившегося мяса, Кариман, у которого разыгрался аппетит, покинул шатер и с удовольствием наблюдал, как румянились над пламенем жирные ребра барана.

Кариман облюбовал целую тушу и столько ел и пил вина, что под конец свалился как подкошенный. Он даже не заметил, как исчезли Махара и чухчи.

Была уже ночь, когда мяуканье рысей и диких котов

разбудило Каримана. Он поднялся, шатаясь, и несколько раз позвал:

— Кора! Где ты, Кора?

Когда Ситкваи Кора не откликнулся, он вышел из шатра, сел под сосною и стал дремать. Сон овладевал Кариманом. Он хотел еще крикнуть «Кора!», но веки у него отяжелели... Когда, спустя некоторое время, он раскрыл глаза, то услышал фыркание коня.

Кариман подумал, что это лошадь Махары или кого-нибудь из чухчей. Конь опять зафыркал.

Кариман стал на колени и посмотрел на освещенную луной тропинку между тенистыми деревьями.

Он ясно увидел, что всадник в черном шлеме и черных доспехах, сидевший на вороном коне, направлялся к той сосне, под которой он лежал.

Кариман не признал ни всадника, ни копыеносца с обнаженной головой, который шел рядом, беседуя с незнакомцем.

Кариман вздрогнул. Он вспомнил арабского царя Номана, с которым повстречался всадник в черных доспехах на вороном коне. Кариман все же привстал и затаив дыхание невольно сжал рукоять меча. Он словно окаменел в тени мохнатой сосны, а всадник и его спутник приближались к нему. Уловив трижды упомянутое имя «Липарит», Кариман извлек клинок из ножен, подошел к полосе лунного света и приготовился к нападению.

В тот же миг начальник чухчей услышал хруст хвойных шишек, и от недалекой сосны отделились два воина с обнаженными клинками и крикнули всаднику и его спутнику:

— Сдавайтесь!

Кариман быстрее барса кинулся к незнакомцам. Всадник, застигнутый врасплох, не успел даже схватиться за меч. Застыл на месте и его спутник.

Махара первый подскочил к всаднику и стащил его с седла.

А когда Ситкваи Кора поднял у пленника забрало, все трое узнали монаха Козмана.

Об этом немедленно было сообщено в Липаритис-убани царю, вернувшемуся из Начармагэви.

Почти неделю длился допрос монаха Козмана и его спутника, который оказался постельничим Липарита — Заргарели.

Вот что они сначала рассказали Кариману: «Когда мы увидели, что царь заточил Липарита, мы решили бежать в Иерусалим, так как знали, что его приближенным недоброvať».

Но Каримана это не удовлетворило. Он подвел их к двум чухчам, которые держали на высоте пояса обнаженные мечи, и приказал прыгать через них. Тощий и длинный, как голодный год, монах Козман собрался было прыгнуть. Но, когда отточенные клинки блеснули перед его глазами, он опустил руку, упал как подкошенный и притворился умирающим.

Кариман приказал раздеть Заргарели и бить его плетью.

При этом начальник чухчей кричал: «Прыгай через мечи!». Но и Заргарели не рискнул на такое геройство — он у самых лезвий рухнул на землю.

И, словно ошпаренный кипятком, стал кричать:

— Не убивайте меня, и я все расскажу!

Под конец оба стали лицемерно поносить Липарита, солерничая друг с другом в проклятиях.

Сперва начал щеголять своим красноречием Козман:

— Я и Заргарели встречались уже три месяца в Тадарджинской долине. Мы посылали в Исфаган к Варсиму Вардзели, доверенному Липарита, сведения, раздобытые в Липаритис-убани, Клдекари и крепости Парцхиси. Два-три раза мы отправляли и письма от Рати. В одном из них Рати просил султана Бархиарока прислать ему на помощь войска.

Когда Липарит и Рати не получили от султана ответа, мне и Заргарели было приказано ехать в Исфаган и выяснить, где находится Варсим Вардзели, от которого давно уже ничего не слышно.

— Как вы установили связь с Липаритом? — спросил Кариман.

— Вам ведь известно, что Липарит покаялся и вернулся в лоно церкви. Посредником между Липаритом и нами был псаломщик Габо, — ответил Козман.

— Отлично! Теперь ты скажи, монах, что вы должны были сообщить в Исфаган? — спросил Кариман.

— Все, что произошло в Триалетском эриставстве: как выманили Рати из крепости Хулутн и как эристав Джонди захватил Липарита во время охоты.

— А еще?

— Численность войск Давида.

— А что ты думаешь, монах, сколько воинов у царя Да-
вида в Триалети?

— Я думаю, много тысяч.

— А все же?

— Столько же, сколько войск в Картли.

— А сколько в Картли?

— Я думаю, что там, как и в Триалети, наберется по
шестьдесят тысяч воинов, не считая войск Бешкена Джакели
и Гуарама, владетеля Бечисцихе.

— А сколько ратников у этих двух эриставов?

— Думаю, что еще столько же.

Кариман улыбнулся про себя и спросил:

— Что ты еще должен был сообщить Бархиароку, монах?

— Еще? — Тут Козман задумался, почесал затылок и
сказал:

— Готовы ли выступить триалетские азнауры, если Бар-
хиарок пошлет помощь сарангу пограничных войск?

Кариман Сетиели прервал на короткий срок допрос и
внес все это в донесение, которое он готовил для царя. За-
тем он продолжал:

— Ты только что упомянул о пограничных войсках са-
ранга. Не посылали ли тебя к нему Липарит или Рати?

— Этим летом я был три раза у саранга.

— О чем ты его просил?

— Я? Ни о чем.

— Зачем же ты к нему ездил?

— По поручению Рати.

— По поручению Рати? Это понятно. Но все же, о чем
ты просил саранга?

— Я не просил его ни о чем.

— Ты лучше перестань вилять, монах! Скажи, о чем ты
просил его от имени Рати?

— О присылке на подмогу войск.

— А что он ответил?

— Пока не получу приказа от султана, я не могу вы-
ступить. К тому же у меня нет здесь достаточного количе-
ства войск.

— А еще куда тебя посылали?

— В конце июля я был у кахетинского царя Квирике.

— Для чего?

— Рати тоже просил его о присылке войск.

— А что тебе ответил кахетинский царь?

— У них было соглашение — они должны были вторг-

нуться в Триалети с тридцатью тысячами ратников, освободить Липарита и Рати. Затем с помощью триалетских азнауров взять в плен Давида и посадить на трон Картли амира Липарита.

— Ты сказал: у них было такое соглашение. У кого это «у них»?

— У тбилисского амира Бану-Джаффара, кахетинского царя Квирике и владетеля крепости Зедазени — Дзагана.

Они, как видно, не смогли договориться, так как Ахсартан, наследник кахетинского престола, заявил, что если царские войска будут изгнаны из Триалети, то престол Картли должен достаться ему. Кстати сказать, и Бану-Джаффар стал требовать на свою долю триалетские земли от Коджори до Манглиси.

— Так. Теперь скажи мне, кто дал средства на вашу поездку в Исфаган?

Козман замаялся, но, когда Кариман напомнил ему о том, что ему придется прыгать через клинки, несловоохотливый монах стал откровеннее.

— Супруга Липарита — Ката.

— Сколько?

— Тысячу золотых ботинатов.

— Еще? А кто же тебе дал дирхемы?

— Ката.

— Сколько?

— Три тысячи золотых дирхемов.

Тут Кариман спросил Козмана:

— А зачем ты облачился в латы и зачем тебе, монаху, понадобилось рыцарское вооружение?

— Я ехал в мусульманскую страну, и мне не нужны были ни ряса, ни клобук! — ответил Козман.

* * *

Когда Кариман передал донесение царю, тот прежде всего спросил:

— Как определил численность наших войск Козман?

— В Триалетском эриставстве — шестьдесят тысяч. К этому надо прибавить сто двадцать тысяч в Картли.

— Это хорошо, если Бархиарок получит такие сведения, — с улыбкой закончил Давид.

Потом он приказал вернуть солиды и дирхемы Козману, а также коня и рыцарское вооружение.

Кариман слушал это и не верил своим ушам.

Он решил, что царь шутит.

Опешив, он посмотрел на Давида, пожал плечами и не знал, как понять его слова.

При этом разговоре присутствовали Нианиа Бакуриани, Джонди и Махара. Скопец не находил себе места. Он встал, подошел к окну и начал стучать пальцами по подоконнику. Затем перешел в середину зала, посмотрел в спокойные, цвета меда, глаза царя, но не мог уловить в них и следа шутки.

Нианиа Бакуриани, Джонди были тоже поражены, но не посмели возразить царю.

— Отвезите монаха Козмана и постельничего Липарита—Заргарели в Самшвилде. Затем устраивайтесь на ночевку в лесу, притворитесь спящими и дайте возможность обоим бежать, — закончил Давид.

Тут уже Махара не мог сдержаться. Он снова кинулся к окну, затем круто повернулся и посмотрел прямо в глаза царю.

Когда Кариман вышел, царь обратился к Махаре и Джонди:

— Сейчас нам нужно отправить не только своих лазутчиков в Исфаган, но и доверенных лиц Липарита. Я решил освободить и тех трех пленных сельджуков, чтобы они сообщили султану о своих приключениях.

Знайте, что соглядатай Липарита, к тому же достаточно болтливый, наверняка преувеличит все сведения. Дело это как раз может успешно выполнить трусливый, хорошо испытанный в шпионских делах монах Козман.

Лицо Махары просияло. Он обрадовался и воскликнул:

— Мудрый царь хорошо использует и вражеского лазутчика!

Наконец Давид сказал:

— Интересно все же узнать, из каких источников стало известно монаху Козману, что у нас сейчас столько войска?

— У страха глаза велики, повелитель!—ответил Нианиа Бакуриани.

Через неделю Кариман и Ситкваи Кора сопровождали монаха Козмана и Заргарели до долины Самшвилде. Оба пленника тряслись от страха, не ведая, куда их ведут чухчи.

Наконец, когда им представилась возможность бежать, монах Козман приписал себе это «геройство».

Вернувшись в Липаритис-убани, Кариман, согласно приказу царя, послал в Исфаган трех лазутчиков: Торотоя Кал-

диани, Микаэла Лулаи и Чианора Горолиани. Они были одеты торговцами и в Исфагане должны были закупить лошадей шихннской породы.

«ПО КОГТЯМ УЗНАЕТСЯ ЛЬВЕНОК»

...Войско должно состоять из различных племен: две тысячи человек дейлемцев, две тысячи хорасанцев, а лучше, если остальные будут грузины или персы.

У султана Махмуда был такой обычай: в войсках у него были объединены воины разных племен: сельджуки, хорасанцы, индусы, арабы и дейлемцы.

В походе каждую ночь назначали людей нести охрану лагеря. Причем несли караул воины то одного, то другого племени. Поэтому никто не пытался самовольно покинуть лагерь.

Когда наступал час сражения, каждое племя становилось в излюбленном боевом порядке и сражалось так, чтобы не опозорить себя перед соседом.

Низам аль-Мульк.
«Снасет-Намэ».

В одну дождливую ночь Давид неожиданно для всех двинул из Триалети три тысячи абхазских лучников с камнеметами и таранами, две тысячи тяжело вооруженных кларджетских всадников, пять тысяч копьеносцев, большую часть которых составляли кавказские горцы, и несколько вспомогательных отрядов из армян и аланов.

Защите крепостей царь поручил Карману Сетиели и подчинил ему три тысячи имеретинских всадников-лучников.

За две недели до этого он отправил гонцов в Джавахети, Тао, Гегути и Абхазети. Он вызвал с войсками Бешкена Джакели, Георгия Чкондидели и Шергила Липартиани, а Гуарам, владельца Бечисцихе, без войска.

Отряды из Самцхе и Имерети должны были встретиться в Ташискарри и затем «вторгнуться» в Картли через Боржомское ущелье.

В течение трех дней Бешкен Джакели ввел в Ташискарри три тысячи джавахетских копьеносцев и пять тысяч лучников из Самцхе. А Георгий Чкондидели и Шергил Липартиани — две тысячи эгрисских всадников, тысячу аргветских воинов и

две тысячи тяжело вооруженных такверцев, за которыми следовали двадцать камнеметов и более сотни «теухоплетис» для разрушения башен.

За ними следовали, как обычно, запасные лучники и пехота. «Враг» должен был с боями прорваться из ташискарских геснин.

«Подлежащей взятию» была намечена Начармагевская крепость, для усиления обороны которой были заранее приняты меры.

Вокруг крепости Начармагеви углубляли рвы и волчьи ямы, насыпали новые валы. Для того, чтобы помешать действию камнеметов и таранов, вырыли волчьи ямы и заполнили их водой. Были поставлены новые капканы вокруг крепости и у башен. Чтобы не подпустить конные отряды близко к веркам, были устроены западни.

С запада и с востока крепость окружали густые леса.

Там тоже вырыли глубокие волчьи ямы, которые были замаскированы зелеными плетенками, чтобы конница, приняв их за поросшую травой землю, попала бы в ловушку, наступая на крепость или отступая от нее.

Затем устроили еще такие западни: верхушки молодых деревьев пригнули и привязали к вбитым в землю кольям. И если скачущий конь задевал такое дерево, петля, которой оно было пригнуто, соскальзывала и дерево выпрямлялось, подбрасывая ввысь и коня и всадника.

Царь и его спутники тщательно осмотрели стены и башни Начармагеви. Начальник крепости доложил царю о том, что крепость готова к осаде. Пополнены запасы зерна, большие глиняные амфоры, врытые в землю, налиты вином. Водосемы и водопроводные трубы очищены. Проверили, поднимается ли вода до верхушек башен.

В Ташискар и встретились «союзные» военачальники: Георгий Чкондидели, Бешкен Джакели, Шергил Липартиани и Гуарам, владетель Бечисихе.

Совещались верхом.

Командующим «сердцем» — центром имеретинно-эгрисских и джавახетско-самгурийских войск был назначен Георгий Чкондидели, правым крылом командовал Бешкен Джакели, а левым — Шергил Липартиани.

Во главе аргветских отрядов, состоявших из запасных лучников, поставили молодого Иотаама Букантзе, сына аргветского эристава, а начальником летучего отряда был назначен Хурцисдзе.

Еще до рассвета гонец доставил из Начармагеви приказ царя: «война» начинается.

Георгий Чкондидели решил не трогаться с места, пока не покажется передовой отряд «врага». Он хотел запереть его в теснинах Ташискари и обессилить непрерывными нападениями.

Гонцы дали знать царю, что «враг» двинулся. Но царь не спешил.

Облаченный в доспехи Багратионов, он сел на Сквитию и со свитой выехал из крепости.

По сигналу в Начармагеви раздался грохот барабанов. Ударили в крепостные била.

Это означало, что «война» началась.

Давид в этот день бросил в «бой» отряд лучников, составленный из тбилисских беженцев, которых обучал начальник крепости Мухатгверди Парджаниани.

Объехав отряд левшей и осмотрев коней, Давид заставил проскакать перед ним всадников, присматриваясь к их посадке и стрельбе. Затем он взял лук у одного молодого всадника и сказал:

— Лук надо держать вот так, парень: локоть левой руки надо прижать к телу, захватив тетиву, а лук зажать в правой руке.

Стрелу надо брать тремя пальцами, тетиву надо оттягивать указательным, а не безымянным, как это сделал ты.

Затем Давид подъехал к могучему бородатому всаднику, сидевшему на гнедой лошади.

— Наложил стрелу на тетиву!—приказал он бородачу.— Подбородок надо повернуть влево. Слышишь?

Затем он сделал замечание третьему, рыжеватому парню:

— Голову при выстреле надо откинуть назад!

Рябому тбилисцу царь чуть ли не три раза показывал, как надо держать лук и натягивать тетиву.

Он спросил белобрысого тбилисца:

— Сидел ли ты в юности когда-нибудь на коне?

— Нет,—ответил почтительно лучник.

— Помни, что в момент выстрела конь у тебя должен быть готов к тому, чтобы пуститься вскачь. Так как руки у тебя заняты, надо крепко упереться ногами в стремя, наклониться к шее лошади и метнуть стрелу.

Царь опять приказал отряду метнуть стрелы.

Он вновь объехал строй всадников.

— Дяденька,—сказал он седому всаднику, у которого на груди висел деревянный крест,—натягивая лук, тетиву надо довести до уха и лишь потом пускать стрелу.

Он обратился к лучникам:

— При стрельбе не раскрывайте рта. Крепко сожмите зубы. Зорко всматривайтесь в цель, и тело должно быть неподвижно в момент выстрела.

Царь обратил внимание на трех воинов, сидевших на худых лошадях.

Давид спросил тысяцкого:

— Знаешь ли ты, как зовут каждого воина в твоём отряде? Как фамилия тех трех лучников, что сидят на плохих конях?

— Хоргай, повелитель!

Царь приказал вызвать их.

— Я вас узнал, но путаю ваши имена, так как вы очень похожи друг на друга. Тебя зовут Годерзи?—обратился Давид к одному из них.

Юноша, покраснев, подтвердил, что его зовут Годерзи.

— Тебя зовут Ростой,—обратился царь к другому.

Это тоже оказалось верно.

— Значит, Годерзи, Ростой и Гогилей. Теперь я не спутаю! — сказал царь, улыбаясь.

Потом он обратился к начальнику отряда Парджаниани:

— Я следил за ними, все три брата прекрасно мечут стрелы, на конях тоже сидят отлично. Но плохо то, что кони у них неважные. Дайте каждому по коню из моей конюшни. Завтра же назначьте их сотенными!

Под конец царь сделал смотр картлийскому отряду и полкам абхазских лучников. Во главе их Давид поставил Нианию Бакуриани и приказал ему перехватить «вражеский» авангард в Ташискарри, не дав ему подняться на плоскогорье Картли.

Он посоветовал Ниании заманить «врага» на правый берег Куры. «Если он окажется в окрестностях Хандака или Агары, старайся втянуть его в руисские рощи и там начать «бой».

Эристав Джонди был назначен командующим наемным войском. Царь послал его вслед за Нианией Бакуриани. Когда тот достиг ташискарских теснин, отряды Картли и абхазских лучников столкнулись с аргветским отрядом и эгрисскими лучниками. Но те, не вступив в «бой», повернули назад и двинулись вверх по течению Куры.

Нианиа хотел отступить и сам, но в это время с гор, как с востока, так и с запада «враг» стал сбрасывать камни и Нианиа с трудом вызволил свой отряд из теснин.

Воины Ниании еще не успели отдохнуть, как их атаковали маргветцы и аргветцы. Нианиа «с боем» отступил и, остановившись на открытом поле, завязал сражение с «врагом».

Эристав Букаисдзе перевел свои части на правый берег Куры и попытался заманить в болото дружины Ниании. Но Нианиа переправил на правый берег три тысячи воинов и, атаковав разбившего здесь стан Шергила Липартиани, направил на его левое крыло отряд левшей.

«Враг» оттянул назад левое крыло и пошел в наступление справа как на тысячу левшей, так и на конный картлийский отряд. Под конец отряд абхазских лучников обошел с запада эгрисских лучников Шергила Липартиани и прижал их к берегу Куры. Нианиа притворился, что он не в силах сопротивляться столь многочисленному «врагу». Он повернул коня, подъехал к Куре и, не поискав даже брода, переплыл реку. Когда же его отряд развернулся на правом берегу, он приказал воспрепятствовать эгрисским и аргветским всадникам переправиться через Куру.

Его воины оказали «вражеским» всадникам упорное сопротивление.

Между тем подоспел и Георгий Чкондидели. Он негодовал на эристава Букаисдзе, почему он допустил «врага» все же переправиться через реку. Но другого выхода у него не было — он и Бешкен Джакели подошли к Куре и отыскивали брод.

— Развернуться! — приказал Нианиа своим тысячам. Конни легли, и спешившиеся всадники, прикрываясь ими, стали осыпать стрелами «врага» — картлийских и абхазских воинов.

Как только начальник центра Георгий Чкондидели заметил, что эристав Джонди присоединился к отрядам Ниании и в «бой» вступило наемное войско, он приказал Шергилу Липартиани левым крылом атаковать Нианию, свои же войска он оттянул. Бешкену Джакели он велел пройти по горным склонам и крепко нажать на «врага», чтобы охватить отряды Ниании с обеих сторон и под конец взять «врага» в кольцо.

Неожиданно для «врага» Нианиа Бакуриани начал отступать, а эристав Джонди «атаковал» отряд Шергила Липартиани и прижал его к болотам.

Нианиа двинул отряд тбилисских левшей против Бешке-

на Джакели. Джонди же со своим отрядом вступил в «бой» с Георгием Чкондидели, потом отступил и увлек за собой «врага». Несколько часов отряды Ниани и Джонди продолжали этот маневр. Врезываясь в расположение противника, они не давали ему покоя, наступали, отступали и вновь налетали на «врага», постепенно продвигаясь вперед.

Когда показались счертания Руисского храма, Ниани возглавил центр войска; левым крылом командовал Парджаниани — начальник крепости Мухатгверди, а правым — Джонди.

Когда Джонди и наемные войска стойко встретили Шергила Липартиани, он начал отступать к болотам. Георгий Чкондидели оттянул свой центр и заманил таким маневром отряды Ниани.

Шергил Липартиани не сумел развернуть отряды эгрисцев среди болот на правом берегу Куры, отступил к отмелям и начал искать брод.

Пока наемные войска успели приблизиться к «врагу» на расстояние полета стрелы, лучники Шергила переправились через Куру. Шергил остановился на левом берегу Куры. Джонди не мог понять, собирается ли он дать только отдых войску или отступить на запад?

Когда лучники Шергила повернули на запад, Джонди направил наемные войска на центр войск Георгия Чкондидели, собираясь прижать их к Куре. Но и всадники Чкондидели обошли болота и скрылись в направлении брода с быстрой мелькнувшей тени.

Ниани Бакуриани приказал абхазским лучникам привязать коней на берегу к деревьям, а самим переплыть на противоположный берег Куры и, устроив завалы в густом лесу, преградить путь отступления лучникам Георгия Чкондидели и Шергила Липартиани.

Приказ был выполнен.

Войскам Шергила и Чкондидели, которые шли от Руиси, абхазские лучники пересекли дороги. «Вражеские» тысячи после небольших стычек с «противником» отступили к северу и по склонам гор устремились к Начармагеви.

Тогда Ниани Бакуриани и эристав Джонди повернули свои отряды и охватили отряд Бешкена Джакели, который окружил легион левшей Парджаниани.

Итак, окружавшие сами попали в «плен».

Как и во время настоящей войны, Георгий Чкондидели заслал в крепость Начармагеви двух переодетых купцами

разведчиков, ведших трех мулов, нагруженных продовольствием.

Разведчики получили задание внести панику в гарнизон и собрать сведения о силах «противника».

Разведчикам надлежало сеять страх среди воинов гарнизона. Они должны были их убеждать, что противнику ведомо: какая из стен слабее, какая башня повреждена землетрясением, откуда в крепость идет вода. Им следовало уверять осажденных, что вот эти башни подожгут, а против тех стен поставят тараны. Лазутчики Чкондидели уже метали стрелы с письмами во двор крепости. В них было написано: ваши отряды бежали, ваши военачальники в плену, прекратите напрасное кровопролитие и сдавайтесь!

Гонцы и разведчики постоянно извещали царя о том, как идет «бой».

Ударили в била в Начармагевской крепости. На всех четырех башнях зажгли костры.

Как только царь узнал, что Георгий Чкондидели наступают с центром войска, он вывел из крепости две тысячи воинов и начал «бой» у западных подступов с эгрисскими лучниками Шергила Липартиани.

Насыпи и валы были искусно использованы. Царь долго, до наступления темноты, задерживал врага в ожидании отрядов Ниании Бакуриани и эристава Джонди.

Отряд левшей подошел первым.

Царь приказал Парджаниани подойти к «врагу» с левой стороны. Справа он выдвинул наемные войска, а сам отступил в глубину леса.

Войска Георгия Чкондидели не решились преследовать центр царского войска и остановились. Когда стемнело, Чкондидели оттянул оба крыла и незаметно вывел войска через западную опушку леса.

Но в чаще он оставил тридцать трубачей, которые развели костры, подавали сигналы, а барабанщики должны были до самого рассвета, время от времени, бить в барабаны и перекликаться с трубачами. Затем царь приказал левшам рассыпаться вокруг «вражеского» стана, беспокоить «врага» налетами, вступать в «стычки» с пикетами, ловить разведчиков, свистеть, шуметь и бить в барабаны.

Георгий Чкондидели сидел, не снимая доспехов, в шатре и прислушивался к звукам труб, барабанному бою и к шуму, доносившемуся из леса.

Чкондидели был уверен, что «неприятель» вводит в «бой» новые и новые отряды. Он знал, что его воспитанник упорен.

Левши начали действовать: «вражеский» лагерь всполошился. Забили тревогу. Лучники Чкондидели пустились вдогонку за лучниками и левшами. Те с криками носились, врываясь в стан «врага», захватывая лошадей, предназначенных для перевозки шатров. Когда им давали отпор, они отступали и прятались в зарослях, но едва стан «врага» успокаивался, они вновь налетали и не давали воинам покоя.

Спустя некоторое время из шатра вышел Чкондидели: он вызвал сотенных и тысяцких и дал приказ, чтобы постовые всю ночь бодрствовали и не слезали с коней, а пешие воины не выходили из лагеря в лес, чтобы не попасть в капканы и волчьи ямы.

Если кто-либо найдет убитого зверя или зарезанную скотину, он не должен использовать это мясо, так как «враг» мог отравить его.

Было приказано завязать лошадям морды, воинам не отходить от костров и шатров, барабанщикам и сигнальщикам быть начеку. Когда будет получено известие, что идет «враг», воины должны сесть на коней.

Еще не наступил рассвет, как с «вражеской» стороны загремели барабаны. Чкондидели также приказал бить в литавры и поставил на ноги все свое войско.

Во главе двух отрядов он поставил Шергила Липартиани и отдал приказ окружить «врага», находившегося на восточной опушке леса.

Долго Липартиани обыскивал в темноте лес. Под конец ему удалось взять в плен два десятка барабанщиков.

Нигде не было видно и следа отрядов царского войска.

Еще до рассвета отряд Георгия Чкондидели преодолел рвы, вырытые у подступов к Начармагеви, волчьи ямы и завалы. Тем временем в Начармагеви подвезли камнеметы.

По приказу царя через стены крепости были заброшены стрелы с письмами, в которых извещали гарнизон:

«Ваши военачальники пленены, отряды ваши отступили. Советуем вам сдаться без пролития крови».

Из крепости отвечали:

«Просим пожаловать, мы вас достойно встретим».

В крепости ударили в литавры. Загремели барабаны. Внезапно отворились ворота, и крепостные отряды кинулись на «неприятеля» и обратили в бегство эгрисских лучников.

В это время на подмогу отступавшим войскам двинулись

с криками и барабанным боем картлийцы и абхазские лучники.

Впереди своих отрядов скакали Джонди и Ниания с обнаженными мечами. Воины в доспехах сидели на сытых конях. В лучах солнца сверкали шлемы— зрителю могло показаться, что коней и всадников выкупали в расплавленной стали.

Передовые части Чкондидели были оттеснены за линию рвов.

Начальник крепостного отряда Саамаисдзе, воспользовавшись наступлением ночи, ускользнул в крепость и опередил «врага». Ниании и эриставу Джонди не оставалось ничего другого, как, разом двинув свои отряды, устремиться к тому лесу, где они предполагали найти царя и его войско.

На третий день, на рассвете, царь приказал направить к Начармагеви лучников-левшей. Их вели трое всадников с обнаженными мечами. Это были Ростой, Годерзи и Гогилей. Они должны были неожиданно напасть на отряд Чкондидели и создать «панику» в рядах «врага». Схватиться с «врагом», отступить и вновь атаковать его. А тем часом Чкондидели должен был во главе двух тысяч всадников ворваться в крепость Начармагеви, поскольку после полуночи камнеметы должны были «пробить» северные башенные ворота, а Шергил Липартиани и эриставы Хурцисдзе и Букаисдзе окружить крепость.

Как только Шергил Липартиани увидел мчавшихся со страшным криком левшей, он приказал сесть на коней эгрисским лучникам и в открытом поле встретить всадников.

«Схватившись», тбилисцы и эгрисцы обнажили клинки и беспощадно начали «рубить» друг друга. Но затем тбилисцы отступили и заманили к лесу «вражий» отряд.

Царь этого и хотел. Ниания Бакуриани, кинувшись к эгрисцам, окружил их и «пленил». Двинув перед своим отрядом Парджаниани и тысячу левшей, он ринулся к крепости.

Царь с центром войска тоже приблизился к крепости. Из крепости вышел Шергил Липартиани и в открытом поле сразился с «врагом». А тем временем отряды Ниании Бакуриани и эристава Джонди соединились с центром войска.

Долго «сражался» с противником Шергил Липартиани. Он удержался до прихода тысяч Букаисдзе и Хурцисдзе.

Царь все предусмотрел заранее. Если бы Чкондидели ошибся и ввел бы в крепость Начармагеви две тысячи воинов,

трем эристам, не вошедшим в крепость, не хватило бы сил для того, чтобы задержать на открытом месте «врага».

Царь продолжал «сражение» с Шергилом Липартиани.

Между тем Нианиа Бакуриани стал во главе картлийского войска и глубоко врезался в левое крыло неприятельской конницы. Когда Хурцисдзе отступил, Джонди налетел на Букансдзе.

Дело осложнилось. Царь приказал своим отрядам рассредоточиться. Войско развернулось и волнами ливня двинулось к Начармагеви. Шергил Липартиани тоже развернул свои отряды, но у него уже не хватило сил помешать продвинуться вперед левому и правому крылу неприятеля.

Царь нанес решительный удар по центру войска Липартиани. Он три раза бросал в тыл «врага» отряд левшей. Под конец неожиданно центр царского войска отступил. Давид круто повернул коня и отошел к востоку.

Шергил Липартиани, увлеченный инерцией «боя», кинулся преследовать отступавшую царскую конницу, не заметив, что отряды эристава Джонди и Ниании Бакуриани, составлявшие правое и левое крыло, глубоко врезались в расположение «врага». Под конец они сомкнулись, как ножницы.

Царь снова повернул коня, и его воины столкнулись со всадниками Шергила Липартиани. Тот попытался отступить, но отряды Ниании Бакуриани и Джонди, окружив «противника», оттеснили их и затем вынудили всех трех начальников сдаться.

Теперь царь заставил взятого в «плен» Шергила Липартиани метнуть стрелу в крепость Начармагеви с приказом сдаться.

Другого выхода у оставшегося без войска начальника крепости не было. Он велел открыть ворота и передать царю ключи.

В тот вечер за ужином «враги» заключили мир.

Георгий Чкондидели с обычной сдержанной улыбкой доложил повелителю:

— Правильно действовал Нианиа Бакуриани, не начав с нами «бой» ни в Хандаки, ни в окрестностях Карели. Он все время беспокоил нас и вместе с тем не ввязывался в настоящий «бой».

Нианиа ответил ему:

— Когда я получил приказ царя, я не разобрался в нем. Около Руиси, на правом берегу Куры — небольшая равнина. Там мы не смогли бы развернуть как следует свои войска.

Давид отметил, что если бы «враг» настиг их в окрестностях Хандаки или Карели, то они, конечно, потерпели бы поражение.

Георгий Чкондидели посмотрел на царя, потом перевел взгляд на Нианию и сказал:

— Ваш прием завлечения отрядов Букаисдзе и Хурцисдзе на правый берег Куры был очень удачен, Нианна-батано. Я стоял в это время на гребне горы и все ясно видел. Как только я заметил, что Букаисдзе потеснил ваши передовые части, я послал гонца, чтобы предупредить эристава — не следовать за «врагом» на правый берег. Но гонец не поспел и войска Букаисдзе уже переправились через реку.

Что оставалось делать мне и Шергилу Липартиани—принести в жертву «врагу» отряды Букаисдзе и Хурцисдзе? Это не годилось. Поэтому мы были вынуждены следовать за ними в надежде, что там, где начинаются руисские роши, мы сообщаем нанесем удар Ниании.

Давид сказал:

— Мне кажется, что молодые военачальники Букаисдзе и Хурцисдзе бросились в атаку со слишком большой смелостью и горячностью. Это было на руку Ниании, который и добивался, чтобы войско «противника», покинув удобное плоскогорье, отошло к болотистым рошам. Он хотел заманить их туда, где им было бы трудно действовать.

Запомните, друзья, — обратился царь к Хурцисдзе и Букаисдзе, — как только всадники прекращают метать стрелы, они должны немедленно броситься в атаку и пустить в ход мечи и копья. Но атаки нельзя вести непрерывно. Почувствовав решительное сопротивление, всадники должны повернуть, отступить, снова броситься на «врага», нанося ему урон. Затем ускакать, снова ринуться и окончательно добить.

Непрерывным наступлением никогда не достигается победа. Она завоевывается чередованием наступления и отступления.

Отступление не всегда является признаком трусости или слабости. Для отступления часто требуется большее искусство, чем для наступления.

Ошибку допустил и Шергил Липартиани, — продолжал Давид, — заметив, что Букаисдзе и Хурцисдзе увлеклись наступлением, он должен был задержаться и как-нибудь отвлечь Нианию.

Если бы тебе удалось задержать на достаточное время Нианию и Джонди, я поспешил бы к ним на помощь. И на Карт-

лийском плоскогорье ты смог бы разбить нас всех троих, так как у тебя и у Чкондидели войска были гораздо многочисленнее наших.

Гуарам добавил:

— Я советовал то же самое Шергилу Липартиани в Тахискари. Сперва мы должны были завлечь в теснины отряд Ниани.

Царь снова обратился к молодым военачальникам и сказал:

— Надо помнить, что многочисленность войск никогда не была единственным условием победы. Если бы это не было так, Вахтанг Горгасал и Георгий Первый, Баграт Третий и Баграт Четвертый всегда терпели бы поражение, так как на Грузию нападали враги с войсками в десять раз многочисленнее наших.

Кроме Армении, у нас не было союзников. Был еще у нас один большой союзник — это природа Грузии, и этого союзника удачно использовали наши предки.

В войне самое важное — это маневрирование на поле сражения. Хорош тот военачальник, который умеет использовать леса, болота, горы и теснины.

Затем Давид обратился к Ниани Бакуриани и эриставу Джонди:

— И вы допустили две ошибки. Когда Шергил Липартиани и Георгий Чкондидели перешли реку у Руиси, вы совершили оплошность, перебросив на тот берег вашу конницу. «Враг» хорошо все видел, и потому он отступил к северу и удачно миновал перерезанные нами дороги.

Помимо того, как только вы увидели, что центр войска «врага» и его левое крыло отступили, вам надо было бросить отряд на Бешкена Джакели, а сами вы должны были карьером скакать в Начармагеви. Если бы вы не запоздали, мне не пришлось бы сдать Начармагеви, я мог встретить «врага» у ее подступов.

После этого царь некоторое время молчал, потом, взглянув в глаза Чкондидели, сказал:

— Основная ошибка нашего «врага» была вот в чем, не гневайтесь за откровенность, батона Георгий. Если вы предполагали, что мы находимся в окрестностях крепости, вам не надо было ни в коем случае ее занимать. Вместо того, чтобы с Шергилом преследовать нас, собрав все силы, вы удержали почти две тысячи человек, усилив гарнизон крепости. А в это

время мы взяли в плеч Шергила и еще двух эриставов!— с улыбкой сказал Давид.

Все ужинали в веселом настроении, но больше всех радовался в эту ночь Георгий Чкондидели. Молодые военачальники еще не покинули стола, когда царь захотел уединиться и прилег в помещении начальника крепости.

И тогда Чкондидели сказал эристам и военачальникам: «По когтям узнается львенок!»

МАГИСТР ИОАНН

У императрицы Марнам тоже был свой «даймон». Это был старый азнаур магистр Иоанн, которого привез в Константинополь нареченный брат Баграта Четвертого Димитрий, незаконнорожденный сын Георгия Первого.

Когда скончался Георгий Первый в Ицро, Димитрий и мать его Алде жили в Анакопии. Недовольные Багратом Четвертым азнауры стали убеждать Димитрия приехать в Картли и занять престол. Но Димитрий не рискнул вступить в борьбу с венценосным братом. Он отдал византийцам Анакопию, отняв ее у абхазских царей, как об этом сообщает «История Грузии».

Магистр Иоанн был сыном начальника крепости Анакопия. Испугавшись возмездия за измену, начальник крепости выехал в Константинополь с Димитрием и взял с собою единственного сына Иоанна.

В 1047 году Лидарит Великий выманил из Константинополя лженаследника Димитрия. Уже вполне сложившийся юноша, Иоанн служил в то время в византийских войсках.

Как ни умолял Димитрий друга своей юности Иоанна схватить с ним, тот не согласился. Приехавший в Грузию Димитрий не смог бороться с Багратом. Он снова бежал в Византию, и тут он нашел смерть. А Иоанн предпочел измене престолу и отечеству есть чужой хлеб и служить в чужом войске.

В сражении при Манцикерте немало грузин и армян сражалось в войсках императора Романа Диогена. Альф-Арслан победил Романа, убившего под ним лошадь, и вддел ему в уши серьги раба. Когда султан падал с седла, Иоанн замахнулся мечом на Альф-Арслана. Но тут на него напал со спины амир Абдала Бен Джебраил и вонзил ему копье в бедро.

Иоанн повернулся к амиру и мечом отрубил ему руку вме

сте с копьём... Несмотря на тяжелую рану, Иоанн сдался сарангу Альф-Арслана последним.

С той поры, где бы ни вела войны Византия, как в Малой Азии, так и в Киликии, одноногий Иоанн принимал в них участие.

Он уже не мог воевать, но зато сопровождал в качестве советчика Кевкамена Катаклона, Алексея Комнена, Григория Бакуриани и Татикуса. Он был опытным стратегом, руководил рытьем волчьих ям и возведением валов. Вместе с тем он был искусный «сухоплетис». После манцикертского сражения Иоанн был ранен еще пять раз.

Он не захотел жениться на гречанке и всегда мечтал вернуться на родину. Назначал себе сроки: вот тогда-то вернуться на родину и женюсь на грузинке. Но одна война сменяла другую, и Иоанн, уже седой, остался без семьи и без родины, всю жизнь мечтая о семье и тоскуя по родине.

Около Влахернского дворца, на окраине Константинополя, почти у самого моря, есть улочка, которая называется Иллирийской. На этой улице стоит монастырь имени св. Евтихия — такие обители строили византийские феодалы в своих усадьбах.

За монастырем был небольшой дворец, где проживал старый Иоанн с двумя слугами, попугаем и со слепым монахом Атанасом.

Когда несовершеннолетнюю дочь Баграта Четвертого — Мариам привезли вместе с ее куклами в Буколеонский дворец и выдали замуж за императора Михаила Сельмого Дука. Иоанн заменял юной императрице, тосковавшей о покинутой родине и орошавшей слезами пуховые подушки буколеонского гинекея, отца.

Он оказался в той же роли, когда Мариам пришлось выйти замуж за престарелого императора Ботаниатеса.

Магистр Иоанн рассуждал так: поскольку я не мог использовать свои силы и молодость на пользу родине, я, по крайней мере, возьму кровь, пролитую за Византию, тем, что постараюсь чем-нибудь помочь отсюда отчизне.

И он решил оказывать эту помощь, опекая императрицу Мариам, не любившую ни первого, ни второго мужа. Иоанн внушал юной женщине: ради благоденствия Грузии ты не должна жалеть своей жизни и идти на все, чтобы спасти родину.

В том, что император Ботаниатес потерял трон, была вина и магистра Иоанна, и доместика Запада — Григория Бакуриани.

Поскольку император Ботаниатес вззошел на престол уже

престарелым и бездетным, магистр Иоанн надеялся, что еще при жизни императора он сумеет возвести на престол сына императрицы Мариам Константина Дука, прозванного Порфиородным.

Иоанн был убежден, что он и императрица Мариам сумеют использовать будущего молодого императора как свое слепое орудие, и политика Византии будет благоприятна для Грузии.

Ботаниатес понял, что Иоанн и Мариам, устраивая тайные дела, хотят возвести на византийский престол наполовину Багратиона.

Поэтому он решил усыновить некоего Сенадина, необузданного и распущенного юношу, приведенного с востока заложником.

В тот день, когда Михаила Дука заставили отказаться от престола и лишили знаков царской власти, его наследник Константин надел пурпурную обувь. Но после венчания на царство Ботаниатеса Константин снял пурпурную обувь.

Отчим заметил это и предложил пасынку не носить черной обуви.

Прошло некоторое время. Когда Ботаниатес решил усыновить Сенадина, он потребовал от Константина, чтобы тот заменил пурпурную обувь черной.

Магистр Иоанн заволновался, увидев в этом поступке императора желание устранить Константина от престола.

Он стал всячески влиять на императрицу Мариам и настроил ее против престарелого мужа. Иоанн знал, что, если на византийский престол взойдет Сенадин, ни Мариам, ни сам он не смогут принести никакой пользы Грузии.

Иоанн начал действовать. Как у него, так и у Григория Бакуриани было много соратников и друзей в византийском войске и среди командного состава флота. Греческие военачальники особенно любили Иоанна за исключительную смелость и непреклонную волю.

Иоанн плел интриги и в военных, и в придворных кругах, чтобы лишить трона Ботаниатеса.

Как раз в это время начала восходить звезда великого доместика Запада Алексея Комнена. Своей храбростью Алексей Комнен снискал большую популярность среди греческих войск, и именно на него и обратил внимание магистр Иоанн.

Так как Иоанн сам не был особенно близок к Алексею Комнену, он прибег к помощи Григория Бакуриани. Оба они после длительного совещания решили свергнуть с престола

Ботаниатеса, затем возвести на трон Алексея Комнена и обвенчать его с Мариам.

Иоанн, конечно, понимал, что им придется преодолеть большие препятствия: Алексей Комнен был женат, но оба они знали, что Комнен втайне влюблен в Мариам. Но даже в том случае, если бы Мариам ответила взаимностью, что было лишь предположительно, надо было преодолеть еще одно препятствие: нарушение номоканона вызвало бы сопротивление белого и черного духовенства.

У магистра Иоанна и у Григория Бакуриани было уже все обдуманно, когда они представили молодой императрице Мариам прославившихся в войнах Алексея Комнена и его брата Исаака. Бакуриани указал еще на одну опасность Иоанну: Исаак был не менее знаменитым воином, отличившимся в битвах с сельджуками. К тому же оба брата претендовали на императорский престол.

Для того, чтобы появление этих лиц при византийском дворе не вызвало каких-либо пересудов, Иоанн и Григорий нашли удобный выход: они убедили императрицу Мариам усыновить Алексея Комнена, который был на десять лет старше ее.

Все было проведено по уставу: Софийский храм был празднично освещен, константинопольский патриарх вознес соответствующие молитвы, и Алексей Комнен, ставший на колени перед Мариам, поцеловал ей руку и поклялся в верности.

Женой Исаака была дочь знатного грузинского азнаура, которая была в далеком родстве с Багратиони.

Всего этого было достаточно, чтобы Иоанн и Григорий могли замаскировать свои замыслы.

Алексей и Исаак Комнены тайком проникли на императорский ипподром, выбрали лучших коней, остальным подрезали жилы на ногах и бежали. Когда они вновь с войском подошли к стенам Константинополя, гарнизон не впустил их в город.

Применить силу?

Для осады города понадобилось бы не меньше трех лет. Комнены отчаялись.

Оставалась одна надежда — на Иоанна.

Над западными башнями города был начальником некий немец Гильпрахт, наемник.

Иоанн взялся уговорить Гильпрахта. Всякими посулами и подарками он добился того, что получил ключи от ворот и

передал их Алексею Комнени. Передал именно Алексею, так как Алексей успел уже ворваться в Константинополь.

Старый император Ботаниатес не оказал сопротивления. Обнажив голову и осенив себя крестным знаменем, он бежал в храм Влахернской божьей матери и стал просить у господ бога помощи. Но затем «ужас пролития братской крови» охватил Ботаниатеса, и он уступил трон и право носить пурпурную обувь восставшему domestiку.

Ботаниатес стоически встретил потерю трона. Его приближенные, согласно его желанию, перевезли бывшего императора в лодке в Периблевский монастырь, где он постригся в монахи и облекся в рясу.

Когда его спросили, что приятнее—носить на этой земле монашеский клобук или императорскую корону, Ботаниатес спокойно ответил:

— После того как я покинул столицу, я жалею лишь об одном: что я не имею права есть говядину.

Алексей Комнен с молодой супругой своей Ириной и родственниками поселился в Буколеонском дворце, в палатах, которые недавно занимали Ботаниатес и императрица Мариям.

То, что Комнен поселился во дворце, где очутились две императрицы, вызвало всякие толки и пересуды не только в Буколеонском дворце, но и во всем Константинополе.

Магистр Иоанн, Григорий Бакуриани и «сторонники грузин» были возмущены. Они думали, что Алексей Комнен, из уважения к своей посаженной матери, не введет свою жену Ирину и ее родственников именно в Буколеонский дворец, а выберет какой-либо другой дворец—Влахернский или Манганский.

С другой стороны, родственники Ирины, а также и белое и черное духовенство заупрямились.

Иоанн и его сторонники, как только убедились, что все сложилось по их замыслу, решили использовать родственные связи.

Вскоре все эти тайные пересуды превратились в явное недовольство и возмущение. Впоследствии положение осложнилось еще следующим обстоятельством: Алексей Комнен короновался в Софийском храме без императрицы Ирины. При восшествии на престол Алексею Комнени было тридцать три года. Первая его жена, Агриса, была бездетна, а второй его жене, дочери Андроника Дука, Ирине, было всего четырнадцать лет.

У Алексея было три брата — Исаак, Адриан и Никифор; три сестры — Мария, Евдокия и Феодора.

Исаак великодушно уступил своему брату императорскую корону и примирился с воцарением Алексея. Согласно обычаю, братья византийского императора, так же как и некоторые грузинские цари, носили титул кесароса. Но в данном случае благодарный Алексей пожаловал Исааку титул себастократа, а Никифору — звание друнгария флота.

Все это вызвало негодование не только духовенства, но и родственников Ирины. А магистру Иоанну и сторонникам грузин подало надежду, что Алексей разведется с супругой и женится на Мариам.

Мариам была возмущена до глубины души этой затеей, которую устроили без ее согласия магистр Иоанн и Григорий Бакуриани. Вместе с тем фанатически верующая Мариам приписывала все это «воле провидения».

Дворцовые пересуды проникли и в город: толковали о том, что новый император вскоре венчает царской короной свою прекрасную посаженую мать.

Красива была и Ирина, но она обладала еще тем преимуществом, что ее многочисленные родственники были лицами, известными в Константинополе и имевшими большое влияние и в армии, и во флоте.

Несмотря на свое могущество, родственники Ирины все же опасались за нее, считая, что она вряд ли будет счастлива в лучах красоты Мариам. Этому не приходится удивляться, если вспомнить, что писала, даже спустя восемнадцать лет, о красоте Мариам дочь императора Алексея Комнена Анна:

«Мариам была высока, стройна как кипарис, и телом бела как снег. Лицо у нее было овальное, с розовым оттенком весенней розы. Кто решится хоть приблизительно описать красоту ее глаз? Трудно даже великому художнику изобразить богатство цветов природы в разные времена года. Но красоту императрицы Мариам, нежность ее тела, присущее ей обаяние никто не смог бы передать.

Ни Фидий, ни Апеллес или какой-либо другой мастер не оставили для нашего любования ничего, подобного этому очаровательному существу.

Говорят, что голова Горгоны превращала в камень всякого, кто пытался взглянуть на нее. А те, кто хоть раз видел Мариам, когда она гуляла в саду или случайно где-либо

появлялась, как бы окаменевали и лишались разума и души. Соразмерность частей тела, пропорции конечностей и гармоническое их отношение были таковы, что никто ничего равного не видел».

Несколько недель прошло настолько беспокойно, что никто не мог угадать, какие события разыграются затем в Буколеонском дворце.

Магистр Иоанн и приверженцы грузин не теряли надежды, что этот третий император, своим мужеством стоявший выше двух предыдущих, станет зятем Багратионов. Таким путем грузинское царство, разоренное сельджукскими ордами, в конце концов будет спасено.

У Иоанна и приверженцев грузин были основания для этого, ибо царь Давид был юноша, а престарелый Георгий предавался охоте.

Магистр Иоанн еженедельно отправлял вместе с монахами, ездившими в Грузию, письма царю Георгию. И среди грузинских вельмож и духовенства большие надежды пробудил этот намечаемый «третий зять».

Особенно была возмущена вся аристократическая родня Дуки, так как Ирина еще была ребенком и не могла распутать интриги, которые так тонко плели сторонники Мариам. Своей кротостью и красотой она так сумела очаровать и царедворцев, и близких к Буколеонскому дворцу придворных дам, что константинопольские сплетники в свое время поговаривали, что Ирину не спасут даже молитвы Анны Даласины, матери Алексея Комнена.

Сторонники Ирины решили обратиться к более верным средствам, чем молитвы. Начальник флота Георгий Палеолог причалил свои корабли к Буколеонскому дворцу. Сам Георгий и матросы стали кричать с палуб:

— Многая лета императору Алексею и императрице Ирине!

Сторонники императрицы Мариам открыли окна дворца и ответили:

— Многая лета императору Алексею, но не Ирине!

Вмешательство Георгия Палеолога и его флота все же произвело нужное воздействие, и лишний раз было доказано, что существуют в этом мире более реальные факторы, которые сильнее красоты.

По просьбе Анны Даласины монах столпник Козьма, ко-

того до этого тщетно упрашивали занять патриарший престол, изъявил свое согласие занять его на несколько дней. И новый патриарх короновал Ирину.

Магистр Иоанн, Григорий Бакуриани и их сторонники были бессильны этому помешать. У них осталась последняя надежда: добиться, чтобы императрица Мариам не покидала Буколеонского дворца.

Иоанн и Григорий были настороже. Они решили не мириться с тем, что Мариам так третировали, и все же вступить в борьбу, опираясь лишь на горсточку грузин, с Алексеем Комненом как с человеком коварным и нарушителем слова, и не допустить унижения беззащитной грузинки.

Но благоразумие в конце концов взяло верх, и они через кесаря Иоанна Дука начали переговоры с Алексеем Комненом.

Алексей Комнен удовлетворил пожелание Иоанна, Григория и их сторонников: он пожаловал императрице Мариам и ее сыну Константину Порфирородному подписанную красными чернилами хризобуллу.

Мариам был предоставлен Манганский дворец с монастырем и имения Хриstopолиса, а Константину пожалован императорский сан. Во время торжества и церемониальных выходов ему, увенчанному короной кесаря, дано было право первым следовать за императором.

Во главе с себастократом Исааком Комненом вельможы проводили императрицу Мариам и Константина из Буколеонского дворца в Манганский.

После этого прошло более десяти лет.

За это время магистр Иоанн состарился вдали от родины, не имея семьи и служа чужакам.

Иоанн не только скорбел по поводу своей неудачливой жизни. Он испытывал угрызения совести, сознавая, что, следуя его советам, императрица Мариам потеряла престол, а Грузия — ее мужа императора и, что важнее всего, будущего кесаря Константина Порфирородного, наполовину Багратиона, которому с юных лет внушали любовь к Грузии как его мать, так и «дядя Иоанн».

Состарившийся Алексей Комнен стал хворать. Но на византийский престол, кроме братьев Алексея, появился новый претендент — Кало Иоанн, его сын. Тот же престол не прочь были захватить и дочь Алексея Анна и ее супруг Никифор Бриеннус.

Видя все это, Иоанн проникся враждою к византийскому двору, несмотря на то, что всю свою сознательную жизнь ратовал за Византию.

В тот же вечер, когда посланные царем Георгием грузинские епископы и вельможи прибыли в Манганский дворец, монахи сообщили об этом Иоанну.

Он вскочил как ужаленный и, опираясь на бамбуковые костыли, позвал своего слугу и приказал ему подать фаэтон. Оказалось, однако, что кучер в Христополе.

Когда стемнело, калитку монастыря, расположенного на Иллирийской улице, открыл одноногий человек. Опираясь на костыли, он медленно пошел к Манганскому дворцу по вымощенной кирпичом дороге.

ГРУЗИНСКИЙ ФРУКТОВЫЙ САД

Пока Иоанн, ковыляя, добрался до Манганского дворца, грузины гости уже успели омыть ноги и переменить дорожное платье. В приемную для гостей вошли дворецкий Цинцилук и куропалатиса Мелита.

Мелита облобызала епископа манглисского и отца Василия. Цинцилук приветствовал гостей и доложил:

— Императрица Мариам ждет вас в саду.

Когда Мелита встретила с Нианией Бакуриани, румянец залил ее щеки. На лице у него резко выступали шрамы от сабельных ударов, а за годы плена у сельджуков седина посеребрила волосы.

Нияниа волновался перед встречей с Мариам. Он взял себя в руки, чтобы ни Мелита, ни кто-либо другой не прочитали волнения на его лице.

Ниянии показалась слишком длинной лестница, которая вела с террасы Манганского дворца в сад. Его словно стесняли какне-то узы, и он вспомнил тот момент, когда в каирской тюрьме его вели, скованного, воины амира иль-Гази.

Мариам сидела под ореховым деревом, у большого круглого мраморного стола. На ней было простое кашемировое платье, украшенное на воротнике золотым брокатом.

На столе стояли грузинские серебряные кувшины и ваза сердоликового цвета, наполненная гранатами, виноградом, инжиром и грушами.

На коленях у императрицы лежал атласный платок, по

краям которого были вышиты золотыми нитями бегущие газели, а в середине — пантера, схватившая серну.

Кирион Манглисский почтительно облобызал прекрасную руку Мариам. При этом он заметил на указательном пальце кольцо с блестящей фарсидской геммой.

Нианна Бакуриани почтительно склонилась перед императрицей Мариам, намереваясь поцеловать ее ноги.

У Мариам слегка зарумянились щеки, она протянула для лобызания правую руку. Мариам осведомилась о здравии пастырей, бросила ласковый взгляд на Нианию Бакуриани и спросила:

— Много тебе пришлось перестрадать у неверных?

— Да. Мне пришлось кое-что перенести, августа!

— Тебя захватили у Вечернего озера?

— Да, около Вечернего озера, августа. Меня захватил атабаг Кербога.

— Как ты очутился у Солимана?

— Кербога тогда воевал с амиром Солиманом. Меня и еще с десятков царских воинов взяли в плен. Когда Солиман осадил Антиохию, нас заставили сражаться при штурме крепости.

— А как ты попал к амиру иль-Гази?

— Нас продал на невольничьем базаре в Антиохии один кадий. Я достался амиру иль-Гази.

— Я не раз писала Килирдж-Арслану. Три раза он посылал в Иемен доверенных людей, но они не смогли попасть к иль-Гази. Между тем царь Давид слал мне письмо за письмом. Вновь я начала просить Килирдж-Арслана. Под конец он сообщил мне, что ему удалось передать дары иль-Гази.

Императрица Мариам начала расспрашивать о триалетских церквах. Она обещала Кириону и отцу Василию пожертвовать церковную утварь. Под конец она спросила:

— Действительно ли снова вернулся к христовой вере амир Липарит?

Кирион Манглисский и отец Василий в один голос это подтвердили.

— Пока дворецкий еще не позвал нас к трапезе, осмотрим сад, — сказала Мариам, взяв под руку Кириона Манглисского.

Когда подошли к инжировым деревьям, Мариам повернулась к Ниании:

— Помнишь инжиры в саду Кутаисского дворца? А эти

гранаты мне подарил мой брат Георгий. Этот миндаль начал сохнуть, но мой садовник вылечил его. Теперь он в прекрасном состоянии, — сказала она, ласково обхватив рукой ствол, словно это было живо существо.

— Эти персики — подарок моего племянника Давида. Саженцы взяты из начармагевского сада.

Дворецкий Цинцилук приоткрыл маленькую скрипучую калитку, какие в Грузии бывают в садовых оградах, и доложил, что идет магистр Иоанн.

Иоанн поцеловал Мариам в чело, а она поцеловала старца в грудь.

Иоанн с волнением приветствовал гостей, почтительно приложился к руке Кириона Манглисского и холодно коснулся устами иссохшей руки цалкинского епископа. Затем сердечно поцеловал руку отца Василия, облобызал его морщинистую щеку и обнял Нианию Бакуриани, сына своего закадычного друга Григория. Мариам познакомила его с Джонди.

— Это сын Шамана, друга детства моего брата Георгия.

— Да, да! Я слышал, знаю! — пробубнил суровый старец. — В Парцхиси он прославил Георгия, в свое время помогал благословенному Баграту Куропалату в борьбе против Липарита Великого.

Императрица Мариам прошла в глубь сада.

— Эти персики — из Аteni. Когда мой достопамятный отец строил там церковь, монахи разбили вокруг нее сад. Оттуда мне и привезли эти саженцы. А эти виноградные лозы трех сортов — будешури, олень вымя и черноглазка. Одни — из Кахети, другие — из Зарзмы, а третьи — из Хидистави.

В этом году весной я сама следила за тем, как обрезают лозы. Эта алыча и эти вишни — из Гегути. Мне подарила их моя невестка — царица Елена. Эти сливы — абхазские. Мне их прислал владетель крепости Анакопия. Эти груши из Одиши. Эти яблони мне преподнес шавшетский эристав, а эти орехи — Гуарам, владетель Бечисцихе.

Гости с таким вниманием осматривали эти плодовые деревья, словно они никогда не видели таких в Грузии.

— Теперь вы посмотрите мой цветник, — продолжала Мариам, — эти розы шавшетские. В прошлом году их немножко приморозило, но в этом году они все же расцвели, бедненькие! Тут у меня грузинский реган, сатацури и гандзили, лук и чеснок различных пород. О, как я люблю чеснок! Греки ненавидят чеснок, как чуму.

Мариам с улыбкой посмотрела на магистра Иоанна. Ниани Бакуриани не заметил, как около него очутилась куропатка Мелита. Она не вслушивалась в беседу, которая шла по-грузински, но без слов поняла, что разговор шел о чесноке, и обратилась к Ниании по-гречески:

— Августейшая императрица так меня заставила полюбить чеснок, что я готова его есть, как сладости. Если бы мне пришлось выйти замуж за грузина, мне не пришлось бы привыкать к чесноку!

Нианию не особенно радовало ее присутствие, не нравились и ее шутки. Но учтивость взяла верх, и он с некоторой иронией ответил:

— Если вы пожелаете поехать в Грузию, вас там полюбят и без вашей симпатии к чесноку!

Мелита захохотала.

— Вы думаете? Но для чего мне ехать в Грузию, если грузины, которые мне нравятся, будут приезжать в Константинополь?

Нианиа и бровью не повел, словно он не понял, куда метит Мелита. Сердце его так было переполнено близостью Мариам и возможностью ее лицезреть, что его раздражало уже одно присутствие болтливой женщины. Мариам почувствовала это. Расхваливая фруктовые деревья и плоды, она пригласила гостей вернуться под тень орехового дерева.

Стол уже был накрыт. Известному своим обжорством цалкинскому епископу бросились в глаза грузинские хлеба «шоти». Он не удержался, взял один из них, понюхал, положив обратно, сказал:

— Неужели здесь у вас есть торня, августа?

— Да, отче. Я не могу есть греческий хлеб. А торня имеется не только здесь, она была устроена у меня даже в Буколеонском дворце.

Цалкинский епископ внимательно оглядел расставленные на столе грузинские и греческие вина. У него засосало под ложечкой, и он желал одного — чтобы Цинцилук скорее кончил молитву.

Когда она была прочитана, магистр Иоанн сказал:

— А знаете, кто посадил это ореховое дерево? Оно тоже из Грузии.

Все замолчали, так как никому, кроме Мариам, это не было известно. Но Мариам молчала, и Иоанн продолжал:

— Саженец этого дерева прислал Георгий Первый благо-

словенному Баграту Четвертому. Вам, конечно, известно, что царь Баграт провел детство в Манганском дворце.

Магиам выпила немного вина и сказала:

— Так, дорогие мои. Мы потеряли родину — я и Иоанн. Во всяком случае, по воле providения, у нас здесь нет никого — ни близких, ни родственников, кроме моего сына Константина. Но он уже стал почти греком и знает по-грузински лишь одно-единственное слово — мать, «деда».

Когда тоска по родине охватывает сердце, мы садимся под этим ореховым деревом и остаемся здесь до ночи. Мы любимся родными деревьями, и нам кажется, что бессмертный дух нашей отчизны снизошел на эти лозы и эти зеленые кущи.

Такой же сад разбила я в прошлом году в Христовополе, но там засохли почему-то и инжир, и персики, и гранаты.

В этот момент в саду показался высокий, широкоплечий, крепкогрудый, прекраснотликий юноша в пурпурной обуви. Его большие синие глаза были несколько широко расставлены, нос был с едва заметной горбинкой (характерная черта Багратионов). Когда он шел, на его высоком лбу колыхались кудри медового цвета.

При виде посторонних у него зарумянились щеки.

Он поклонился. Затем облобызал руку императрицы Мариам. Пока он целовал руки епископов, Мариам его представила:

— Константин Порфирородный, мой сын.

Когда ужин был закончен, Иоанн встал. Бамбуковые кофты заскрипели. Мужественный старец поднял розовую хрустальную чашу с вином и сказал:

— Эту последнюю чашу выпьем за незабвенного Баграта Куропалата, память которого почитаем мы и наши сыновья и будут чтить наши внуки и ныне и присно и во веки веков!

— Амины! — в один голос произнесли гости и осушили свои кубки.

ДЕНЬ НАВРОЗА

Султан Бархиарок трижды вызывал Варсима Вардзели через сына племянницы Баграта Изз-Абу-Абдалу, чтобы подробно разузнать о триалетских событиях. Варсим Вардзели трижды являлся во дворец, где, помимо него, ждало аудиенции немало народа. Но всякий раз опускался большой парчовый занавес с вытканными на нем тиграми и барсами, раздви-

гавшими зеленые заросли тростника. Опущенный занавес был знаком того, что приема сегодня не будет.

Огорченными уходили доверенные люди султана, прибывшие из Диарбекира, Армении, Мосула, Йемена, Багдада и Алеппо. Тут были и амиры, и кадди, и военачальники, и лазутчики.

Довольным возвращался лишь Варсим Вардзели, так как уже почти год из Триалети не было никаких известий, и он не знал, о чем докладывать султану и что отвечать на расспросы.

Он посылал письмо за письмом то в Кддекари, то в Манглиси, то в Липаритис-убани, то в крепость Хулути. Одни письма он посылал Липариту, другие — Рати, а третьи—Заргарели, но ни на одно ответа не получил.

В конце концов Вардзели послал азнаура Азараисдзе. Но прошло уже три месяца, а от Азараисдзе не было ни строчки.

Тогда Вардзели решил сам поехать в Грузию, но раз вечером явился к нему нарочный Изз-Абу-Абдалы, который сообщил, что визирь просит зайти к нему в день навроза и обещает представить его султану Бархиароку.

Хотя у Вардзели не было никаких новостей для султана, все же он считал большим счастьем попасть к нему на прием, так как за последние два года весь Исфаган, и не только Исфаган, но и весь Иран сплетничали о Бархиароке, вокруг него велись горячие споры и возникали всякие толки.

Омраченные смертью султана Малик-шаха хаджи, кадди и амиры, все, кто мечтал о восстановлении прежнего могущества сельджукского султаната, возлагали свои надежды на Бархиарока. А иранские патриоты, дервиши, ассасины, сектанты, которые втайне точили ятаганы против сельджукских властителей, всячески поносили султана — пьяницу и распутника, с которым не могли разделаться ни ассасины, ни амир Тутуш, ни его сторонники.

Первым визирем Бархиарока был Изз-Абу-Абдала Гусейн.

Прославленный отец его Низам аль-Мульк принес себя в жертву, укрепляя сельджукское государство и борясь за него. Что же касается Изз-Абу-Абдалы, он относился ко всему этому довольно равнодушно. На войне он был истинным героем, но стоило ему снять доспехи, он не расставался с наргиле и хрустальной винной чашей. Изз-Абу-Абдала пьянствовал с султаном и подбирал повелителю «гарем» мальчиков, который находился в том же дворце, где помещались раньше гинекеи Альф-Арслана и султана Малик-шаха. Изз-Абу-Абдала знал

смутно, что со стороны матери он был «гюрджи» с кровью Багратионов. Поэтому он считал своей большой заслугой помощь Липариту против Давида, «непримиримого врага мусульман».

Изд-Абу-Абдала бывал неоднократно в Аниси и в Вагаршапате и слышал от некоторых знатных армян, будто законным наследником грузинского трона должен быть не царь Давид, а амир Липарит, сын того Липарита, которого поддерживали не только византийские императоры, но даже великий султан сельджуков Тугриль-бег.

Известно, что в свое время как византийские императоры, так и сельджукские султаны подливали масло в огонь исторической вражды между Багуаш-Орбелиани и Багратионами.

Вардзели весьма льстило попасть в день навроза на прием во дворец султана. Но тень беспокойства все же проникала в его сердце: султан ведь, наверно, начнет спрашивать о том, что творится в Грузии? Единственной его надеждой было то, что Бархиарок так будет одурманен вином и гашишем, что ему будет не до расспросов.

Варсим Вардзели вздрогнул, когда в канун навроза к нему вошел, шлепая чустами, слуга Солейман и доложил:

— Из Гюрджистана прибыл азнаур Саам Абазаидзе.

Вардзели успел уже забыть светское имя монаха Козмана. И он весьма удивился, когда пред ним предстал высокий мужчина с черной бородой, в доспехах. Небольшого роста лысый старик вошел вместе с ним и приветствовал хозяина по-грузински.

Вардзели в недоумении посмотрел на незнакомца в латах. Переведя взгляд на его спутника, узнал Заргарели.

В комнате было уже темновато. Незнакомец протянул Вардзели руку.

— Я — Абазаидзе, владетель крепости Макабели, — сказал человек в латах.

Только когда Солейман зажег два факела, хозяин дома узнал монаха Козмана.

Тут хозяин, весьма учтивый человек, не смог сдержаться от смеха.

Известно, что одежда несколько меняет и духовный облик людей как в глазах близких, так и в собственных.

После заключения Липарита Козман скрывался; в одежде воина он разъезжал и выполнял опасные поручения Рати.

Ему казалось: умер в нем жалкий неудачник, посмешище всего мира — монах Козман, который в течение всей своей

жизни тщетно мечтал об епископской митре, но заслужил грубошерстную монашескую чоху.

И вот заново вскипела в нем буйная кровь Абазаидзе. Очень задело Козмана, когда Вардзели улыбнулся такой язвительной улыбкой, какую вызывает женщина, надевшая доспехи и шпоры.

Вардзели почувствовал вмиг обиду гостя и постарался загладить свою вину. Он приказал Солейману снять доспехи и обувь с гостей, омыть им ноги и принести чусты и халаты, а повару срочно был заказан ужин.

Козман надел парчовый халат, поджав ноги, устроился на тахте, застланной ковром, и начал подробно рассказывать Вардзели как о событиях, происшедших в Триалетском эрнствстве, так и о своих приключениях в пути от Самшвилде до Исфагана.

Монах был достаточно умен, чтобы догадаться, что Давид по каким-то причинам не заточил его. Но для того, чтобы блеснуть фамильной спесью Абазаидзе, он скрыл свои догадки от Вардзели и с чувством собственного достоинства рассказал, как он «бежал» от «кровопийц» чухчей царя Давида.

— А до какого места тебя преследовали? — спросил его Вардзели.

— До крепости Лоре, — соврал Козман.

— С кем воюет сейчас царь Давид — с кахетинским царем Квирике или с Бану-Джаффаром?

— Пока ни с кем, но я посетил в Вагаршапате начальника авасинских войск, и он рассказал, что пойманные лазутчики Давида признались: царь Давид и Георгий Чкондидели собираются захватить Самшвилде. Очевидно, с этой стороны он нападет на Квирике.

Давид захватил Триалети, а теперь нападет наверняка на Самшвилде. А Самшвилде—ведь это бывшее владение Липарита Великого. Затем очередь за Ках-Эрети. Что тогда делать Бану-Джаффару, ведь в таком случае будут отрезаны все дороги к Тбилиси?

Вардзели стало не по себе от этих вестей. Он жалел о том, что на старости лет потерял не только родину и имения, но и семью.

— Тебе что, Козман, ты одинокий человек и можешь найти приют в Иерусалиме или в Афонском монастыре. Так или иначе, ты легко все переживешь. Какого дьявола отправил я семью в Триалети!

— Как? Ты отправил семью в Триалети?—спросил изумленный Козман.

— Шурин мой был в Багдаде. По пути оттуда он навещал меня, и я поручил ему отвезти на родину жену и детей.

Имя Татай готово было сорваться с языка Козмана. Он вздрогнул: а вдруг ее увезли в Триалети? Хотел спросить: а где Татай или ее муж амир Кербога, который, по его сведениям, принимал участие в войнах Бархиарока и Тутуша? Но решимость изменила ему, и он смолчал.

Вошли Солейман и повар и стали накрывать на стол.

— Как видно, мало надежды и на то, что Бархиарок пошлет войско в Триалети?

— Как знать... Сейчас в сельджукском султанате происходят большие междоусобицы. Мне назначен на завтра прием у султана. Я возьму и тебя, и, если мы застанем Бархиарока трезвым, у нас будет, о чем ему рассказать. Послушаем, что он нам скажет.

— А где Кербога? — спросил Козман (понятно, что его интересовал не Кербога, а Татай).

— Кербога?.. Он, кажется, в Мосуле, — неохотно ответил Вардзели. Он не хотел открыть монаху, что амир Кербога был заклятым врагом Бархиарока. Во дворце султана никто, даже Изз-Абу-Абдала, не знал, что Кербога был зятем Вардзели.

Козман был изнурен верблюжьей качкой. Он так надышался жаркими ветрами пустыни, что от утомления долго не мог уснуть. После полуночи вдруг до него донеслись дикие вопли, гиканье, пение и бой барабанов.

«Завтра день навроза!» — вспомнил монах и накрыл голову одеялом.

Он переворачивался с боку на бок, вздыхал, напрасно пытался уснуть, но это ему не удавалось.

Пропели петухи. Рассвело. Стал громче грохот барабанов, звуки труб и стенанья зурны. Играли на тари и пели, и эти звонкие голоса напоминали призывы муэдзинов.

Козман встал, накиннул на плечи одеяло и подошел к окну. Глазам его представилось необычное зрелище. Вокруг зажженных на майдане костров кружились правоверные, одетые в желтое и красное, и из их уст вырывались дикие крики.

Тысячная толпа текла, как лава. Впереди ехал взгромоздившийся на верблюда «царь», одетый в красную и желтую

парчу. На голове у него была диадема из картона, украшенная фальшивыми самоцветами и пестрыми ракушками.

По обе стороны верблюда важно шагали чухчи «царя» с деревянными ятаганами. Они то показывали язык своему «повелителю», то строили ему гримасы, выставляя кукиши «Царь», хмуря брови, угрожал им, а чухчи с торжественным видом продолжали церемониальное шествие.

Вардзели также не спал в эту ночь. Утром, открыв дверь, он увидел стоявшего у окна монаха и улыбнулся:

«Ты столько странствовал по мусульманским странам и неужели впервые видишь праздник навроза?»

Во время завтрака Вардзели стал опять говорить о Триалети.

Козман разбирался не хуже хозяина в том, что творилось в Передней Азии. Он был убежден, что если султан Бархиарок осилит халифа, то остальные султаны и амиры будут вынуждены целовать ему пятки.

Выводы Козмана придали решимость Вардзели.

Вардзели был виноторговец. Он знал арабский и фарсидский языки, и это облегчало ему связь со двором султана. Еще одно обстоятельство помогало ему. Изз-Абу-Абдала любил настоянные по-грузински «горькие» вина, и Вардзели был его поставщиком.

Козман мельком сообщил:

— В Триалети распространился слух, что Бархиарок убил халифа Аль-Моктади. Другие же рассказывают, что он отравил халифа.

— Из этих двух известий ни одно не является правдивым, — сказал Вардзели. — Месяца три тому назад Бархиарок с войском подступил к Багдаду. Изз-Абу-Абдала сопровождал его. Я не бывал в Багдаде и поэтому попросил визиря взять меня с собою. В Акаркуфе султана встретили визирь халифа — брат Изз-Абу-Абдалы — Амид аль-Мульк и местные жители.

Войско расположилось на подступах к Багдаду. Бархиарок направил к халифу Аль-Моктади своего визиря Изз-Абу-Абдалу, который должен был спросить, даст ли он распоряжение, чтобы в мечетях была провозглашена хутба султана.

В четверг, на четырнадцатый день Моххарема, хутба была провозглашена.

Затем Амид аль-Мульк преподнес султану от имени халифа килах.

— А что такое килах? — спросил Заргарели.

— Килах — это халат, — ответил Вардзели.

Вошел Солейман и принес гостям шашлыки, приготовленные по-грузински.

Козман принялся за шашлык, но, не проглотив и куска, с нетерпением спросил:

— А потом, потом?

— Потом произошло вот что: Бархиарок надел килах, затем пожаловал к халифу и передал ему грамоту, на которой был поставлен илам султана, то есть его собственноручная подпись.

Халиф взял у него грамоту и сам тоже поставил на ней свой илам.

При этой торжественной встрече присутствовал Шемс Енниар.

Халиф впился взором в султана, откинул назад голову, зашатался, как ужаленный, и крикнул:

— Кто впустил ко мне этого человека, не спросив меня?

Шемс Енниару показалось, что еще кто-то вошел в зал: он осмотрелся, но никого, кроме Бархиарока, не было.

Шемс Енниар заметил, как побледнел халиф и как у него задрожали руки. Он зашатался и как подкошенный упал на пол. Халифу расстегнули ворот и пытались привести в чувство, но он уже был мертв.

Опять пришел Солейман. Он принес гостям грузинское сациви. Козман не доел шашлыка, ему захотелось сациви.

— Сколько лет было халифу Аль-Моктади? — спросил Козман хозяина.

— Тридцать три года, — ответил Вардзели.

— А каков был халиф как правитель? — спросил Заргарели хозяина.

— При его правлении Багдад стал великолепным городом. Халиф воздвиг дворцы, устроил обширные площади и проложил улицы. Эта часть города и теперь называется «Алмсалед Аль-Моктадие».

Аль-Моктади был большим ханжой. Он изгнал из Багдада женщин легкого поведения, певиц и танцовщиц.

Не прочитавшие молитвы «мизара» не допускались в бани.

Лодочникам было строго запрещено сажать в лодку вместе женщин и мужчин.

— Как видно, Бархиарок сглазил этого несчастного халифа, — сказал, смеясь, монах Козман и взял с блюда жирный куприк.

До приема во дворце Вардзели водил Козмана по улицам Исфагана. Как всякий человек, лишенный фантазии, Козман был любителем зрелищ.

Вардзели повел Козмана на скачки.

У натянутых канатов стояли породистые кони и нетерпеливо грызли удила. Мальчики в черном сидели на них и волновались еще больше, чем скакуны.

Кто-то взмахнул атласным платком шафранового цвета, и лошади, сорвавшись с мест, помчались, как смерч.

Сначала они скакали попарно рысью, потом рассыпались по обширному полю, как алмазы, сорвавшиеся с ожерелья, или как стая турачей — «катаа» — в степи, перепуганная орлом.

Когда скачки окончились, любопытный Козман следил, как раздавали наездникам, «родившимся под счастливой звездой», кошельки, полные дирхем, золотые брокаты, парчовые, атласные и бархатные одежды и шелка.

Наконец наездники расстелили подарки на крупах лошадей. Зрителям показалось, что победивших скакунов купали в золоте и в крови.

Варсим Вардзели посмотрел на солнечные часы дворца.

— Теперь пора идти. Скоро должен начаться прием, — сказал он Козману и взял его под руку.

На площадях и улицах праздно шатались нарядно одетые босые турки и иранцы. Они стравливали парами баранов, собак и петухов.

Оборванная, голодная беднота опьянялась этим зрелищем. Она с завистью смотрела на знатных и богачей, которые в день навроза, словно забыв о своем богатстве и достоинстве, с увлечением смотрели на бой баранов и петухов. А главным было то, что бедняки рассчитывали насытиться до отвала даровым мясом.

Прошли площадь и натолкнулись на странное зрелище. Толпа дико гоготала. Бедняки в лохмотьях обливали водой нарядно одетых прохожих. Почти все разнаряженные горожане ходили мокрые.

Никто не мог избежать этой неприятности, если не откупался дирхемами.

В то утро, до рассвета, к Бархиароку явился Изз-Абу Абдала, которого султан считал удачливым и приносящим счастье. Белый сокол сидел у него на левой руке.

Стоя у двери, визирь обратился к султану:

— Да позволено мне будет предстать пред вашими светлыми очами!

Султан ему ответил:

— Кто ты, откуда, чем занимаешься и что несешь?

— Иду от двух благословенных к двум блаженным, и имя мое Художестос, и со мною грядет новый год. Я несу султану приятную весть — привет и радость!

И султан ответил:

— Войди!

Изз-Абу-Абдала поставил перед своим повелителем круглый серебряный стол, по краям которого были разложены зерна пшеницы, ячменя, проса, чечевицы и сои.

Султан взял по семи зерен каждого злака и разложил их по кругу. Посредине стола положили зерна айвы, маслины и гороха и к ним добавили ветви маслины и граната.

Затем, как подобало в день навроза по обычаю фарсидских шахов, султану были преподнесены подарки: серебряные и золотые вазы, наполненные кусками сахара, кокосовые орехи, золотые и серебряные кубки.

В тот день был выпущен на волю подаренный султану белый сокол. Повелитель изволил выпить горячее молоко и отведал молодой сыр, излюбленный фарсидскими шахами.

Когда Варсим Вардзели и Козман подошли к дворцу Бархиарока, Вардзели сказал своему гостю, показывая на двух гранитных львов цвета соломы, стоявших перед мраморной аркой и словно охранявших вход.

— Это первые ворота исфаганского дворца.

Миновали трое таких ворот. К ним примыкала белая мраморная колоннада. Послышался грохот барабанов, звон цамары и стон персидского рабба.

Прошли мимо флигелей, окрашенных в разные цвета, фруктовых садов, цветочных клумб, мимо журчащих фонтанов. Тут их опять встретили каменные львы с оскаленными зубами.

В аркадах были протянуты пестрые канаты, и на них висели текинские ковры с изображениями львов и тигров.

У главного входа во дворец, среди бирюзовых колонн, тоже виднелись гневные львы. Высеченные из мрамора, цвета соломы, они были изваяны с таким искусством, что казалось, они вот-вот зарычат и выскочат из засады.

В вестибюле дворца на гнезде сидел павлин. Его крылья в тех местах, где на живом павлине они отливают серебром, были выложены перламутром.

У входа, словно вкопанные, стояли воины в латах и шлемах, украшенных павлиньими перьями, и они показались Козману тоже изваяниями.

Пышная атласная завеса прикрывала в глубине вход в приемный зал. Кругом стояли и сидели придворные и вельможи.

На троне, посредине зала, восседал Бархиарок. Справа от него стоял Изз-Абу-Абдала, слева — главный казначей Али-Остад.

Вардзели шепотом сказал Козману:

— Ближе стоящие у трона — родственники султана, а во втором ряду — амиры, придворные и хаджи.

Невдалеке негры с копьями водили на цепях тигров и львов.

Огромный слон качался и трясся, как иудейский рабби во время молитвы.

Козман впился глазами в султана, худого человека с морщинистым лицом, высоким лбом и длинной шеей. Он смотрел безразлично куда-то в пространство пепельными глазами, словно не замечал пришедших на поклон родственников, амиров и прихлебателей. Как у завязатого гашишиста, и у него были опухшие веки, щеки землистого цвета и почти прозрачный нос. С худого подбородка у него свисала жидкая, чуть-чуть седая борода.

Праздник навроза, как обычно, продолжался шесть дней. Как ни старался Изз-Абу-Абдала представить султану Варсима Вардзели и «грузинского князя» Саама Абазаидзе, первые дни это ему не удавалось.

Наконец Бархиароку, выпившему много сладкого арабского и фарсидского вина, захотелось гюрджистанского «горького», а такое вино имел в Исфагане только Варсим Вардзели. Ко дню навроза он послал большое количество «горького» вина Изз-Абу-Абдале. Поэтому султан и решил посетить своего визиря.

Изз-Абу-Абдала жил уединенно во дворце, который пода-

рил ему досточтимый его отец Низам аль-Мульк, вместе с семью слугами, семью борзыми и двадцатью белыми соколами и ястребами.

Старинные пергаменты, китайские, фарсидские и арабские рукописи, которые даже во время войны возил с собой великий Малик-шах, валялись в пыли и забвении.

Женоненавистник Изз-Абу-Абдала не был женат и не имел гарема. Еще в дни молодости он утешал себя сурой корана:

«Кто не сможет найти себе ту, которая разделила бы с ним ложе, пусть останется бесплодным и ждет того времени, когда всемилостивейший аллах вытряхнет и над ним подол изобилия».

В тот вечер он не пригласил ни амиров, ни других вельмож. Семь старых слуг накрыли на стол. На ужине присутствовали Али-Остад, главный казначей и главный псарь Солиман, которого всегда брал с собою султан, как шута.

Певцы не были приглашены. Только мальчики дейламцы и фарсы играли на сандже, раббе и цамаре. Пока «горькие» грузинские вина не стали еще казаться султану сладкими и опьянение не овладело им окончательно, Изз-Абу-Абдала успел представить ему «великого гюрджистанского азнаура, владетеля крепости Макабели — Саама Абазаисдзе». Осмелевший визирь подсел к Бархиароку и стал нашептывать повелителю новости, привезенные Козманом из Гюрджистана.

Вардзели хорошо знал фарсидский язык, но визирь говорил так тихо, что ему удавалось разобрать только отдельные слова: «Амир Липарит», «Клдекари», «Тбилиси», «Царь Давид — гроза мусульман»...

Наконец Изз-Абу-Абдала взглянул на Козмана и сказал султану:

— Дед его — известный азнаур Абазаисдзе воевал против Баграта Куропалата, который сразился около Ахалкалаки с великим султаном Альф-Арсланом.

Бархиарок вытянул длинную лошадиную шею и, откинув голову, заморгал рыжеватыми ресницами; взглянув на Козмана, он уставился на Изз-Абу-Абдалу и сказал:

— Может быть, этот человек знает фарсидский?

Визирь ответил, что он не знает.

— В таком случае скажи ему, что его дед был хорошим воином, если он сражался против этого «Пакрата» (это слово он произнес так, как произносили греки имя Баграта).

Вардзели наполнил азарпешу и подобострастно подал

султану. Бархиарок залпом выпил «горькое» вино, и лицо его перекошилось от гримасы. Затем он взял кусок лаваша и, пожевав, сказал Изз-Абу-Абдале:

— Переведи этому человеку мои слова: в этом году я не собираюсь в Гюрджистан. А в будущем году приеду сам или пришлю Изз-Абу-Абдалу, дав ему для руководства суру из корана:

«Пусть знают неверующие, что их ожидает жесточайшая кара».

Мне и то докладывали, что царь Давид, захватив в эрестастве амира Липарита мирных сельджукских пастухов, пытал их.

Пастухи пасли свою отару. А Давид и его свита захватили невооруженных турок и заставили заключенных прыгать через заостренные мечи.

И султан снова взялся за чашу с вином, услужливо наливая Варсимом Вардзели.

Мальчик, красавец фарс, с узкими, как у женщины, плечами и полными, затянутыми в черный атлас бедрами, щипал струны санджа длинными, крашенными хной ногтями и, кокетливо надувая губы, пел:

Пришпорив моего коня,
Рассек я ветер дня,
Я пролетел над ширью нелюдимой.
Давно мой кроткий голубь ждет меня,
Томясь тоской таймой.
Пусть стонет сандж!

Гишеровая ночь! Что ж, стань еще черней!
Стань, медная луна, еще печальней!
Нет, им не одолеть любви моей,
О друг мой дальний!
Пусть стонет сандж!

Стань, медная луна, еще печальней!
Сто новых лун засветится для нас!
Слезам я заснежен в этот час,
О друг мой дальний!
Пусть стонет сандж!

Нам ни Христос не страшен, ни Иегова!
Когда б от злой родни нас жребий спас, —
Не разлучат нас козни злого слова!
Пусть стонет сандж!

Ни вторая, ни третья азарпеша, ни звуки санджа не могли рассеять грустное настроение охмелевшего султана. Его пепельные глаза злобно блеснули.

— Царь Давид должен твердо помнить, что там, где пасутся сельджукские овцы, — сельджукская страна, и если она пока не сельджукская, то станет ею! Понятно?

Газневиды не уступили нам, туркам, пастбища, а мы завоевали их государство.

Что станет с сельджукскими отарами летом на Кавказе, если они не смогут пастись в Триалети? Овцы могут погибнуть в Самшвилде от жары.

Пусть знает Давид, что такое самоуправство не пройдет ему даром.

Говорил ведь пророк: «Аллах — защитник и покровитель всех правоверных и судья и каратель гяуров.

Вы увидите, какие беды обрушатся на неверных».

Я говорю это, а аллах лучше меня знает все.

Понятно?

Козман впился взглядом в этого щуплого, длинношеего повелителя правоверных, который так складно и сладко говорил по-фарсидски, что казалось, он пел.

Бархиарок выпил еще чашу сладкого фарсидского вина и спросил Вардзели:

— Что сообщил этот человек? Сколько войска у царя Давида в Триалети?

У Вардзели начал заплетаться от страха язык, но он все же ответил:

— Великий султан! Три дня шла конница через Триалети.

— Хорошо. Я направлю туда столько войска, что оно будет идти через границу шесть дней.

У меня есть в Исфаганском дворце два амира — Абдала-Абу-Мухаммед и Махмуд-Бен-Анима. Они только тем и заняты, что рубят головы неверующим и изменникам трона.

Этих двух амиров я отправлю вместе с Изз-Абу-Абдалой, и тогда сам царь Давид убедится, приятно ли прыгать через отточенные клинки! Понятно?

Уже начало рассветать, но султан продолжал пить «горькое» вино. Изз-Абу-Абдала замечал, что вино одолевало султана, сам он спешил в «гарем» мальчиков, поэтому долго упрашивал султана, пока, наконец, не увез его с собой.

Когда Вардзели и монах Козман вышли на улицу, Козман сказал спутнику:

— С таким могущественным и богатым султаном как справится Давид?

Вардзели поднял голову, посмотрел, полупьяный, на небо, осыпанное звездами, и новые надежды расцвели в его сердце.

ПИСЬМО ИЗ ШАРАГАНА

Гегути. Чкондидскому архиепископу, отцу Георгию, от раба во Христе, цилканского епископа Стефаноза.

В день святого Георгия в Гегути прибыл из Анакопии гонец, и это письмо передал Георгию Чкондидели от Стефаноза. Он писал, что ему очень тяжело живется у кипчагов: питаюсь, мол, только саранчой и вяленой кониной.

«Живу в кипчагской кибитке. У кипчагов очень много скота, а еще больше — блох. Поэтому тех, кто не чешется, считают невоспитанными...

Кое-как у меня отросла борода, и сейчас кипчаги относятся ко мне с большим уважением. То, что было наказано царем Давидом, я письменно сообщил господарю кипчагов — Шарагану, но ответа еще не получил, ибо Шараган, как я разузнал, занят сейчас борьбой с Русью.

Недавно я посетил Шарагана Шарагановича.

Я здесь совсем один, а одинокому человеку даже мудрость не впрок. Пусть царь пришлет сюда своих доверенных людей. Шараган, сын Шарагана, так мне сказал: как могу тебе поверить — одному человеку?

Для кипчагов убедительно только множественное число, например, стадо овец и коз. Сами они тоже размножаются, как овцы. Они уважают только количество.

Шараган показал мне один палец.

И сделал вывод: один — это почти ничего. При этом он отрицательно замотал головой и стал отмахиваться руками.

Потом он показал десять пальцев — все, что много, это хорошо. А как мне поверить тебе одному? Если мне что-либо подтвердят пятьсот глупцов, это будет более убедительно, чем мудрость, высказанная одним.

Шараган мне обещал, что даст царю Давиду ратных людей для наемных войск, но он добавил, что у него есть свои требования. Я допытывался — каковы они, но он не сказал, сколько тысяч человек он дает, за какую плату и на какой срок?

Если царь пожелает прислать доверенных людей, пусть отправит их через Анакопию, так как аланы и кипчаги враждуют и послы могут быть ограблены. В прошлом году один армянин мне сообщил, что царских послов аланы не пропустили.

Армянина, привезшего вам это письмо, примите с почетом. Я здесь три месяца болел, и он проявил заботу истинного самаритянина — христианскую, братскую. Если царь пошлет священнослужителей, не одевайте их в церковное платье. Пусть они будут в светских одеждах — в обычных кабах и шапках высоких-превысоких...

Длиннобородые мужчины в высоких шапках здесь в большом почете. Думают, что длина бороды и высота шапки определяют ум человека.

Удивительный народ кипчаги! Когда рождается ребенок, его купают в соленой воде и только на третий день приходит жрец и читает над ним молитвы.

Лицом кипчаги уродливы. Имена же у них такие: Домбай и Аробай, Турхай и Буркай, Сардай и Саматай, Цамцай и Шарапай, Фотбай и Гутбай, Шараган и Арашан, Ушабан и Амаптан, Мункой и Томбой, Джундук и Духундук, Бансар и Мансар, Абай и Тамрай — и еще много имен у этого дьявольского отродья, но я их не запомнил.

На шею новорожденного непременно вешают амулет. Здесь все их носят: царь и простолюдин, жрец и воин, охотник и пастух. Человека без амулета считают врагом. Мне объявили, что и я тоже должен иметь амулет, не то всякий встречный может убить меня и никто не вступится.

Я думал обратить кипчагов в христианство, а они чуть не совратили меня в свою дьявольскую веру. Так как они не смогли запомнить мое имя, то «окрестили» меня по-своему — монахом Тубугаем. Я допытывался, что означает «Тубутай», но они и сами не смогли объяснить.

Первое время мне было странно слышать «Тубутай», но затем я привык к этой кличке. Если меня теперь назовут Стефанозом, — возможно, что я даже не обернусь. Кипчаги го-

ворят, что амулеты защищают человека от дурного глаза и вражеской стрелы.

Мой талисман весьма прост — это маленькая медная коробочка с красно-желтыми лоскутьями и какими-то волосами. Может быть, это волчья шерсть или волосы старика. В коробочке есть еще маленький зуб — не то куницы, не то кошки или белки.

Как только кипчаг умрет, его волокут за ноги из кибитки и оставляют в степи на растерзание собакам, волкам и коршунам. Кипчаги верят, что душа, отлетевшая от тела, уничтоженного таким образом, удостоится блаженства, поскольку плотью насытились звери и птицы небесные, которых никто не кормит.

На том месте, где были брошены останки, ставят соломенный шалаш. Приходит жрец и, прочитав молитвы, рассыпает зерна вокруг шалаша, после чего душа умершего обретает блаженство.

Если умирает младенец, его кладут в корзину и пускают по реке. Если корзина перевернется и река унесет останки, корзину же прибьет волной к берегу, это хорошо — значит, душа младенца попадет в рай.

Кипчаги верят, что рожденный в год огня после смерти вселяется в желтого пса или забирается в ноздри коня цвета соломы.

Кто умрет в год земли, вскоре возвратится назад и попадет или в чрево черной собаки, или рыжей женщины. Эта женщина должна была родиться в год обезьяны.

Кипчаги утверждают: это происходит потому, что некоторые души имели связь с бесплодной женщиной и с ней поделили кусок хлеба. Но это может случиться и с душой человека, который около своего жилища вырубил деревья или сжег траву.

Для того, чтобы выволить душу, попавшую в чрево черной собаки, родственники должны принести в жертву черную козу или кобылу.

Душа, рожденная в год железа, после смерти очутится в шалаше с голубой дверью, которая выходит на восток.

В шалаше ее будут ждать юноша и девушка в голубом наряде и черная собака. Затем душа покинет чрево черного пса и поселится в медном надтреснутом котле. Наконец душа найдет себе приют в утробе осла или коровы.

И это происходит вот почему: возможно, что когда-то

обладатель этой души носил заколдованные доспехи или его накормили тухлым мясом черной собаки.

Если кипчаг умрет в день воздуха, душе его придется искать обиталище в веревке из верблюжьей шерсти, и так душа будет мучиться до скончания века, так как вам известно, что кипчаги кочевники.

Кипчаги бродят по безводным степям, навьючив коней своим достоянием, и эта веревка трется, и мучается вплетенная в нее душа.

Такая же судьба ожидает и мужчину, который проведет ночь с женщиной, одержимой демонами, и оплодотворит ее.

Душа, рожденная в год дерева, едва покинув тело, летит на запад и поселяется в шалаше с красной крышей. Она должна проводить ночи в дымовой трубе, где ее будет тошнить от дыма.

Такое испытание ожидает и мужчину, которому довелось съесть падаль, початую волками, или который отнял еду у голодного человека.

Если кто-либо из кипчагов умрет в год ветра, душа его летит на север и входит в чрево черного пса, чтобы стать врагом родившегося в год обезьяны.

Такая участь постигает душу потому, что она, в недобрый час повздорив с чертом, вырвала у него волосы в промежности и, свив из них веревку, пасла на привязи черного козла.

Если обладатель такой души не подарит жрецу скотину, железо, золото или серебро, душа покинет чрево черной собаки и войдет в задний проход беременной женщины. И когда растущий младенец начнет шевелиться в материнской утробе, душа будет неустанно мучиться.

А то случается, что такая душа вселится в чрево кобылы, у которой хозяин настолько гнусен, что не стесняется не только ездить на ней, но и блудить с ней... (У этого места рукой Стефаноза было приписано: «Тьфу, пусть сатана забереет душу такого нечестивца!»)

Если кипчаг умрет в год крысы, его душа вселится в коня серебристой масти или в белую корову. Спустя восемь месяцев душа переселится в змею.

Его близкие должны долго молиться, облачив покойника в белые одежды, не то его душа войдет в чудовище, или найдет пристанище в утробе женщины, или скотина зальет ее мочой.

Душа кипчага, умершего в год быка, поселится в утробе торговца скотом. Рожденный в год змеи не должен находиться близко от останков этого человека, а не то произойдет большое несчастье.

Душа умершего в год зайца поселится в человеке с желтым лицом, который умрет в год петуха или в год зайца, так что этот человек умрет двойной смертью.

Кто умрет в год змеи, два дня будет томиться в обиталище, где он отдал душу, а затем поселится в утробе ежа. В конце концов этого ежа сожрет волк или лисица. В обоих случаях ему придется умереть дважды, так как волка или лисицу наверняка убьет охотник.

Душа умершего в год овцы попадет в утробу волка или лошади в серых яблоках.

Душа умершего в год обезьяны поселится в утробе завистливого человека. А завистливый и злобный человек не знает покоя, так как он смотрит на всех с завистью — не живет ли кто-нибудь богаче его, не ездит ли кто на лучшем коне, не имеет ли кто большую отару? В утробе завистливого человека жестоко будет терзаться человек, родившийся в год обезьяны.

Душа родившегося в год пса поселится в утробе желтого человека, у которого маленькая голова, раздувшиеся щеки и рот до ушей. Этот человек будет столько хвастать, что погубит себя. Человеку, родившемуся в месяц пса, придется умереть дважды.

Если кипчага убьет гром, то его облакают в белый саван и три дня и три ночи его тело сторожат лучники с черными стрелами. Кипчаги верят, что в обличье верблюда, или под видом тени, или тела, не имеющего головы, придет сатана, чтобы забрать душу покойника, и нечистую силу можно отпугнуть только стрелами. Сыновья, внуки и правнуки убитого громом никогда не должны давать чужому человеку ни кислого молока, ни головизны, ни ног заколотого животного.

Если вспугнутая птица залетит в шатер, — это к несчастью.

Если бесплодная кобыла ржет, это значит — хозяину грозит беда.

Если теленок или жеребенок родятся до срока, их обвязывают шелковой нитью, кладут в корзину с шерстью собаки и волка и закапывают в землю на глубину одиннадцати локтей.

Если женщина или мужчина начинают во сне скрежетать зубами, это значит — они улыбаются черту. Если во сне зу-

бам скрежетет девушка, это — примета, что ее родные скоро умрут.

Если ребенок начинает зангрывать с матерью, то надо вылепить изображение человечка из крутого теста, углем нарисовать ему бороду и усы, вложить в руку красную стрелу и, поставив его на расстоянии сотни шагов от шатра, читать над ним молитвы. Когда умирает годовалый жеребенок, лепят из воска корову, красят ее в цвет малины, обматывают шелковой нитью, зажигают свечи и произносят молитвы.

Если кипчагов, выступивших в поход, встретит змея, ставшая на хвост, как это свойственно степным змеям, это плохой признак, — они поворачивают обратно и расходятся по своим шатрам.

Если войско встретит змею и она уползет направо, это — хороший признак, кипчаги смело продолжают поход».

Приписка:

«Прошу вас, блаженнейший отче Георгий, прислать мне псалтырь и евангелие, так как окаянные кипчаги украли у меня эти книги. Не знаю, для чего они им нужны? Умоляю прислать мне поскорее эти книги, не то я стану неверующим и попаду в ад.

Вот что я узнал в стране кипчагов, а остальное знает бог. Когда я писал это письмо, кипчаги стояли надо мной.

«Что ты царапаешь гусиным пером?» — спрашивали они. Я встал и прочитал несколько слов.

Они начали шептаться: бумага заговорила!

Сначала они перепугались, решив, что это затея черта, и подняли крик. Еще и еще раз заставили меня читать, потом начали хохотать и хохотали, как дети, которым попалась новая игрушка.

Просите повелителя нашего помочь мне: зашитые в платья ботинаты у меня на исходе; одежда обветшала, и обувь изнасилась, и я, подобно кипчагам, летом и зимою хожу босиком, и ноги у меня отморожены.

Умоляю вас, пришлите мне поскорее бумагу, а то я больше уже не смогу ничего написать — ни хорошего, ни плохого. Если мне придется здесь умереть во имя отчизны и царя, прошу молиться за мою душу...»

До того, как это письмо переслали царю Давиду, его прочли царь Георгий, царица Елена и архиепископ Кутатели.

— Вот какой народ хочет переселить к нам Давид, — со злорадством сказал Георгий.

— Если мы пустим в Грузию этих кипчагов, мы загубим себя и попадем в ад: они опоганят нашу веру и развратят народ.

— Конечно, попадем в ад, имея их под боком! — злорадно подтвердил Кутатели.

— Отыди, дьявол, отыди, сатана! — повторял, отплевываясь, царь Георгий.

БАМБУКОВЫЕ КОСТЫЛИ

Магистр Иоанн поселил в своем доме Нианию Бакуриани и эристава Джонди, а священнослужителей устроил в Манганском дворце у императрицы Мариам. Мариам собрала в Константинополе много церковной утвари и духовных грузинских и греческих книг.

Она твердо решила вмешаться в личную жизнь Давида и помирить его с Липаритом и Рати.

— Весь мир в смятении, отче! — говорила она Кириону. — Весь христианский мир охвачен тревогой. Разве в такое время допустимо враждовать христианскому царю и эристам?

Мариам страстно хотела попасть на родину и повидаться с любимым племянником Давидом, братом и невесткой.

— Да, я, видно, старею, — продолжала она. — Чем больше проходит времени, тем сильнее меня охватывает тоска по родине.

— Что ты, что ты, августа! Рано тебе думать о старости. У тебя нет ни одного седого волоса. Я помню, словно это было вчера, как помогала тебе мамка укладывать спать кукол.

Как волновался царь Георгий, когда ты с нами приехала в Хупту. В его глазах сверкали слезы, которых я у него никогда не видел. Когда ты уже была на корабле, мы сели на коней и поехали назад. Тут царь, опустив забрало, пришпорил коня и ускакал, опередив нас.

— Пусть будет проклят тот день! — грустно отозвалась Мариам. — Лучше бы я вышла замуж за грузина, будь он даже безродный пастух. Что мне дало царское величие или сверкающие золотом залы Буколеонского или Манганского дворца, или лобызание руки куропалатами, севастами и до-

местиками? Какую радость мне дала кесарская тога? Я бы предпочла всему этому красную глину Гегути!

Я женю сына моего Константина, затем вернусь в Грузию, уйду в какой-нибудь монастырь и там закончу мою неудачливую жизнь.

Все же отъезд Мариам из Константинополя несколько раз откладывался, так как она хотела сперва отправить в Иерусалим Русудан, которая находилась со свитой в монастыре Тебронии. Килирдж-Арслан по-прежнему обещал помочь бывшей царице в этой поездке.

Мариам и приехавшие из Грузии пастыри навестили Русудан. Мариам дала слово бывшей царице, что до ее отъезда она не уедет в Гегути.

Ждали попутного ветра. Наступала благоприятная погода, назначалась поездка, но вновь бушевало море, Понт вздымал седые валы, и отъезд вновь откладывался.

Сидели на сундуках, потом снова их открывали. Опять наступала хорошая погода, вновь назначали день отъезда.

Наконец пришло последнее письмо от Килирдж-Арслана. Он писал императрице Мариам:

«Амир Тутуш, кровник моего отца Солимана, овладел Багдадом и стал султаном. Я не смогу теперь выполнить своего обещания».

Магистр Иоанн раздобыл для Ниании и Джонди новые уставы византийского войска. Грузинские спасалары несколько раз посещали Кевкамена Катаклона, Татикуса и Врана, совещались с ними о новых стратегических приемах. Эрισταвам показали новейшие усовершенствованные камнеметы и тараны. Императрица Мариам представила Алексею Комнени посланцев царя Давида. Император предложил эристам: если царь Давид разрешит вам хоть один год прослужить в наших войсках, вы приобретете большой боевой опыт.

Переезд Ниании Бакуриани из Манганского дворца в дворец Иоанна очень опечалил молодого спасалара. В Манганском дворце он чувствовал себя безгранично счастливым, так как три раза в день — за завтраком, обедом и ужином имел возможность лицезреть Мариам.

Выполнив царские поручения, он сильно заскучал.

Джонди был впервые в Константинополе. Он и цалкинский епископ с утра отправлялись осматривать майданы, монастыри и дворцы. То они посещали ипподром, то смотрели на игру в поло в парке Буколеонского дворца.

Одна неприятность постигла Нианию — малярия, захваченная им в Египте, возобновилась в Константинополе. Он вынужден был лежать дома и развлекаться, слушая рассказы слепого монаха Атанаса.

Магистр Иоанн жил беспокойной жизнью. Он уезжал куда-то рано утром, возвращался домой ночью, привозил с собой каких-то людей и запирался с ними у себя в комнате, находившейся рядом со спальней Ниании и Джонди. Всю ночь там шла беседа по-гречески, а на рассвете незнакомцы исчезали....

Однажды после полуночи звон шпор разбудил истомленного жаром Нианию. Он огляделся, но убедился, что Джонди еще не вернулся.

«Очевидно, он задержался у куропалатисы Мелиты», — решил Ниания.

Между тем в гостиную вошли магистр Иоанн и три воина. Двое были в золоченых латах, а третий — в доспехах цвета ржавчины. В одном из них Ниания узнал Константина Порфирородного.

Облаченный в золоченые доспехи, более рослый, спросил: — Спит ли в той комнате кто-нибудь?

— Опасаться нечего, это мой гость, приехавший из Грузии.

Иоанн приблизился к дверям, заглянул в комнату и добавил:

— Он спит.

Ниания успел притвориться спящим.

Тогда тот, кто был в доспехах цвета ржавчины, сказал хозяину по-грузински:

— Не лучше ли будет, если мы прикроем дверь, батоно Иоанн?

— Нет. Он спит. Если бы он даже не спал, это человек надежный — он из наших.

Облаченный в золоченые доспехи, ростом пониже, спросил:

— А кто он?

— Молодой спасалар царя Давида. У меня гостит и его друг, второй военачальник — такверский эристав. Если вы найдете необходимым, и они к нам примкнут.

— Нет, нет. У нас нет недостатка в союзниках, — сказал высокий. — Меня беспокоит то, что мы и без того слишком

многим доверили нашу тайну. Люди императора — настороже. Большое число заговорщиков не всегда желательно.

Сейчас важнее другое: в Далмации вспыхнуло восстание. Предводитель повстанцев Волкано взял город Липениум и сжег его. Император в ближайшее время выступит в поход. Я и Константин последуем за ним. Ночью на стоянке мы нападём на Алексея и испытаем силу наших мечей. Зять императора Михаил Таронит обещал примкнуть к нам со своим войском.

— А императрица Марнам знает что-нибудь о наших намерениях? — спросил Иоанн Константина Порфирородного.

— Пока — ничего!

— Вот и прекрасно! — сказал высокий в золоченых доспехах.

— Допустим, что кто-нибудь нас выдал и заговор не удался. Лучше, чтобы императрица была в полном неведении. Для чего нам впутывать в такое опасное дело женщину?

Иоанн сказал:

— Если нам действительно удастся убить на привале императора, я и Григорий Бакуриани сумеем столкнуться с Гильпрахтом — начальником западных башен столицы. Ясно, что после смерти императора братья его — domestik Адриан и себастократ Исаак захотят завладеть тронem.

Как только император справится с Волкано, он пойдет на Константинополь и обложит город. Я и Григорий привлечем на нашу сторону Гильпрахта и гарнизон крепости. А Кевкамен Катаклон у нас в руках. Мы выйдем из города и на подступах сразимся с врагами, а потом, если даже потерпим поражение, Гильпрахт закроет ворота башен и придется им стоять у городских стен добрых три года. За это время мы сумеем тайно пройти в город, и он будет в наших руках.

Все ушли в соседнюю комнату, и высокий прикрыл дверь.

Нианиа лег лицом вниз и затаив дыхание старался уловить смысл беседы. Отдельные слова доносились к нему, но разобраться в том, что они говорили, он не смог.

Гости ушли перед рассветом.

Иоанн вошел в комнату к Ниании. Он стал у его постели и сказал:

— Ты, очевидно, все слышал?

— Почти все, пока не закрыли двери.

— Я не хотел закрывать дверь. Это сделал Никифор.

— Что это за Никифор? Каждого второго грека зовут Никифором.

— Наследник Никифор — сын бывшего императора Романа Диогена. Он день и ночь мечтает о кесарском троне и жаждет крови императора. Я помогу ему утолить эту жажду! Но если он потянется к престолу и помешает нам посадить на трон Константина, не удовлетворится короной кесароса, я его отправлю туда, где починут праведники!

Он храбрый воин, замечательный стрелок, искусно владеет мечом, прекрасный наездник и игрок в поло, но очень вспыльчив и большой хвастун.

Он говорит, что если ему придется вступить в бой даже с титанами, и то он не отступит. Император не должен быть таким легкомысленным человеком. Никифор и сейчас тайно сносится с Килирдж-Арсланом.

— А кто был воин в латах цвета ржавчины, говоривший с тобою по-грузински?

— Это — племянник Тороза, правителя Киликии, Погос, сын моего друга Хачатура.

Союзников у нас много, но было бы хорошо, если бы ты и Джонди примкнули к нам, — сказал почти шепотом Иоанн.

— То, о чем ты говоришь, для меня не новость, — сказал, помолчав, Нианиа. — Все твои письма Давид получил и знает ваши намерения, но перед отъездом он твердо нам приказал не вмешиваться в византийские дела.

Вспыльчивый Иоанн не смог скрыть от гостя негодования по поводу такой отповеди. Он повысил голос:

— Я не поврежу себе ногтя из-за византийских дел. Достаточно я получил ран из-за греков и пожертвовал Византии свою левую ногу. Сейчас я хочу отдать Грузии мою правую ногу и мой последний вздох. Достаточно я проливал свою кровь в чужих войнах. Виною тому молодость и неопытность. Только чужак может рисковать жизнью ради чужаков. Теперь я стал умнее и хочу все отдать моей родине — Грузии. Понятно?

Нианиа с изумлением посмотрел на Иоанна. Не пьян ли магистр?

Нет, на пьяного он не походил.

— Я хочу отдать Грузии последние минуты моей жизни. Если родины не станет, пусть не останется камня на камне и потоп зальет всю землю. Слышишь?

Этот поседевший богатырь кричал в исступлении и бил по столу кулаком величиною в баранью голову.

Потом он пододвинул стул к постели Ниании и уже тихим голосом продолжал:

— Прежде всего надо уничтожить Алексея Комнена — этого изменника и клятвенарушителя. Свалили же мы с Григорием императора Ботаниатеса. Сейчас черед Алексея. Мы избавимся от него и посадим Константина Порфирородного на отцовский трон.

Если это нам удастся, мы всячески поддержим царя Давида. Хотя Константин еще юноша, но мы ему поможем. Я и Григорий возьмемся за Килирдж-Арслана... Давиду пошлем на помощь войско, выгоним из Тбилиси сельджуков и заберем Самшвилде. После этого у царя Давида освободится войско и он из шавшетских крепостей легко достигнет лазской Халдеи и Трапезунда.

Потом вы увидите, какая участь постигнет амира Тутуша и султана Бархиарока!

Я состарился и потерял ногу, сражаясь за эту гнилую Византию. Но кто одолеет испуганного человека? Мудрец сказал: опасно разбудить льва, еще опаснее у гепарда украсть детенышей, но страшнее страшного испуганного человека.

О, если человек решится пожертвовать собой, то берегись! Хотя стар я, Ниания, и у меня всего одна нога и мое тело испещрено рубцами от ран, но старость еще не заглядывала в мое сердце.

Меня не тяготит семья, и я равнодушен к почету. Этот несчастный Роман Диоген пожаловал мне жалкое звание магистра, но я могу и его вернуть византийцам.

Моя голова поседела, но я все тот же Иоанн, который поразил мечом амира Джебраила.

Роман Диоген был трус — он перепугался, как баба, у Манцикерта. Я убеждал его: напасть ночью на лагерь Альф-Арслана и уничтожить сельджуков. Он не согласился. Бормотал: затевать ночной бой — это нечеловечно. Мы христиане и должны дать выспаться и врагу.

До рассвета молился он в своем шатре.

Мы были разбиты. Но мои войска сдались Альф-Арслану последними.

Трусом был Михаил Седьмой Дука, а бывший император Ботаниатес — болван. Из византийских императоров

только Василий Болгаробойца был настоящим воином. Остальные умели только молиться и прятаться под женскими юбками в гинекее.

Не то было бы, если бы во главе войска стоял царь Баграт или Давид Куропалат, или хотя бы наш пьяница Георгий Второй. Этого несчастного Георгия погубили вино и охота, а то он был бы выдающимся стратегом. Около Парцхиси он нанес такое поражение сельджукскому сарангу, какого нигде не пришлось испытать туркам.

Нианна Бакуриани молча слушал этого потерявшего самообладание старца. Он был возбужден и так гневно сверкал своими огромными глазами, что походил на одержимого.

Нианна Бакуриани невозмутимо ответил:

— У нашего повелителя совершенно другие замыслы, батано Иоанн. Вам хорошо известен его характер, и никакими уговорами нельзя его заставить отказаться от того, что он решил.

Что мы? Георгий Чкондидели ведь его воспитатель, его духовный отец и выдающийся военачальник. И все же мне часто приходилось убеждаться, что даже Чкондидели не может заставить царя изменить то, что он наметил.

Совсем другие побуждения одолевают повелителя. Он послал своих доверенных людей на восток и на запад. Они должны разобраться в том, что творится в стане врагов и друзей. И когда обстоятельства сложатся для нас благоприятно, он обрушится на врагов.

Все наши силы и способности сейчас направлены на обучение войск и укрепление крепостей.

«Оказывается, сын Григория Бакуриани труслив», — подумал Иоанн.

— Не так думает отец твой Григорий.

— Я не знаю, что думает мой отец. Это его воля: А для меня важно, что теперь думает и куда стремится мой царь и повелитель, — холодно ответил Нианна.

Иоанн встал огорченный, прошел в соседнюю комнату, затем вернулся и, тяжело опираясь на бамбуковые костыли, сказал гостю:

— Я уже предупредил моего дворецкого, чтобы он не дал тебе почувствовать мое отсутствие. Я уезжаю на три дня в Христополь. Отец Атанас будет приносить тебе лекарства.

Если ты повидишься с императрицей Мариам, проси ее, чтобы она не откладывала поездку в Грузию. А бывшую ца-

рицу Русудан я отправлю в Иерусалим, если останусь жив. Проси, добивайся, Нианиа: пусть императрица как можно скорее отправится в Гегути. Верь мне, что это необходимо для нее.

Сказав это, Иоанн вышел и закрыл двери.

Нианиа продолжал лежать. Он прислушивался к шуму экипажа, выехавшего со двора...

Нианиа только сейчас оценил совет магистра Иоанна. Действительно, если императору удастся раскрыть заговор, кто знает, на что способен человек, спасшийся от насильственной смерти. Начнут хватать и виновных, и невиновных. А для Мариам, конечно, лучше уже оказаться на родине.

В Грузии никто не посмеет ее тронуть.

Но затруднение было в том, как обо всем рассказать императрице.

На следующий день Нианиа встал с постели, хотя жар у него все еще не спал.

Он очень обрадовался, когда Цинцилук заехал и сообщил: императрица Мариам собирается в храм святой Софии, и если он пожелает, то может сопровождать вместе с Джонди императрицу.

Нианиа был человеком несколько медлительным, но тут он стал так торопиться, что никак не мог надеть сапоги и приладить доспехи, — руки у него дрожали от волнения и спешки.

Он быстро шел по улицам Константинополя. Чуть моросило...

Нианиа не знал, как быть. Сообщить обо всем императрице? Но он этим ведь предал бы магистра Иоанна и всех заговорщиков. Рассказать все? Но как могла Мариам помешать заговорщикам? Молчать?.. Нианиа представил себе, свидетелем какого страшного события он может стать, если заговор не удастся.

Сейчас он понял, как дорога для него Мариам. То робкое увлечение, которое он дал ей почувствовать по дороге в Сохастерийский монастырь, незаметно разрослось в его груди.

«Какая роковая история, как страшно предвидеть, что самая дорогая для тебя женщина — на краю бездны. Предвидеть трагическую гибель любимой и не иметь возможности предотвратить ее!»

Для Ниании было невыносимо это испытание. Он не ве-

рил в прозорливость ни одноногого Иоанна, ни своего отца Григория, ни в силы юного Константина, ни в дело, затеянное хвастуном Никифором Диогеном. Сомнительно, чтобы этот заговор удался и Алексей Комнен лишился бы жизни и трона.

Нианиа хорошо разбирался и в том, что в данном случае недостаточно было убрать императора Алексея: себастократ Исаак, domestik Адриан, Татикус и другие византийские военачальники вовсе не были так беспомощны и недалечно-видны, чтобы с ними можно было не считаться.

«Лучше б ноги меня не носили! Для чего я приехал из Грузии!» — думал Нианиа, идя к Манганскому дворцу.

У дверей гостиной его встретила куропалатиса Мелита. Как всегда, она была в прекрасном настроении.

Мелита спросила Нианию о здоровье и сказала, что знает верное средство от лихорадки.

Болтая о том и о сем, Мелита сообщила, что императрица Мариам чем-то расстроена.

«Должно быть, императрица предчувствует испытание, которое ее ждет», — подумал Нианиа, но никак не отозвался на эти слова Мелиты. Та все же добавила:

— Августа всю ночь молилась и плакала.

Нианиа справился о причине.

— В Далмации началось восстание. Император собирается в поход. Константин Порфирородный уезжает с ним послезавтра утром.

В приемной Нианиа увидел своих спутников — грузинских епископов и Мариам. Он заметил, что она бледна, но вместе с тем неотразимо обаятельна.

«Константин собирается воевать? О, если бы он знал, какие еще несчастья его ожидают!» — подумал Нианиа.

В день святого Георгия храм Айа-София был переполнен народом. Преклоняя колени, молились облаченные в золоченые доспехи логофеты, куропалаты, себасты. На службе присутствовали: себастократ Исаак, domestik Адриан, Георгий Палеолог, друнгарий византийского флота и вся их свита. Не было только императора.

Сверкали золото, серебро и мрамор, бряцали мечи, звенели шпоры, гудел хор. Нианиа не сводил глаз с императрицы Мариам, на которой было черное атласное платье.

Она становилась на колени, вставала, снова опускалась

на колени, вытирала слезы и молилась господу за своего единственного сына Константина.

Нианиа видел ясно печать тяжкого и неотвратимого испытания на ее божественном лице.

Как была сейчас жалка эта женщина, облеченная всем земным величием, увенчанная двумя императорскими венцами Византии, владевшая некогда богатствами Буколеонского и Манганского дворцов, перед которой преклонялись сильные мира сего.

Художники писали с нее богоматерь, копируя каждую черту ее лица. Но она считала себя более несчастной, чем жена или разводка какого-нибудь крепостного.

Чувствуя все это, тайно в нее влюбленный, не смевший открыть ей свое обожание, Нианиа ясно видел, что не сегодня-завтра на эту и так обездоленную женщину обрушится несчастье, еще большее, чем потеря двух императорских венцов, — гибель Константина Порфирородного. И это еще не все: ей грозила кара, как изменнице.

Стоявший на амвоне протодиакон высоким голосом пел:

«Помилуй мя, господи, яко попрад мя человек, непрерывно угнетающий мя борьбой. Попирали мя враги ежедневно, яко много есть поставленных надо мной свыше. Но не след мне бояться, яко на тя уповаю».

Нианиа пристально следил за тем, что творилось в империи. Весь Константинополь был взбудоражен.

Мятежник Волкано, овладев Липениумом, занял все села и местечки вокруг города. Он вел толпы восставших далматов и, все предавая огню и мечу, продвигался к Константинополю. Окрестности Скопи были превращены в пустыню.

Алексей Комнен обладал невозмутимым характером. Даже перед выступлением в поход он играл в поло недалеко от конюшни Буколеонского дворца...

Какой-то нищий сумел пробраться в дворцовый сад, подбежал к императору, упал у ног лошади и, когда Алексей Комнен придержал повод, начал его умолять: «Помилуйте, простите меня».

Алексей Комнен сошел с коня, достал кошелек, протянул нищему золотой солид и спросил:

— Что тебе простить, несчастный?

Вельможи бросили игру в поло и кинулись к одетому в лохмотья нищему. В его руке блеснул клинок.

Телохрани́тель императора хотел тут же прикончить преступника, но император не позволил:

— Не убивайте злодея. Десница господа хранит императора.

На следующий день магистр Иоанн узнал в Христополе, что этот нищий — армянин Погос, сын его друга Хачатура. Лишь после продолжительных пыток Погос вынужден был признаться, что по уговору магистра Иоанна и Никифора Диогена он хотел убить императора.

Когда Алексей Комнен с войском подошел к Скопи, Волкано прислал к императору послов, обещал дать заложников и попросил мира. Император оставил доверенных людей для надзора за восстановлением городов и вернулся в Константинополь.

Но Волкано обманул императора и не только не дал заложников, но вновь напал на византийскую провинцию и двинул к Константинополю орды повстанцев.

Алексей послал против них войско под начальством Иоанна, сына Исаака Комнена. Волкано опять завел речь о мире, обещал заложников, но обманул и Иоанна. Ночью он напал на войско, расположившееся у реки, и уничтожил его. Иоанну едва удалось спастись.

Волкано продолжал разорять города и села. Алексей Комнен снова стал во главе войска и остановился в сорока километрах от Константинополя, у города Дафнута.

С ним был и Никифор Диоген. Он поставил свой шатер рядом с шатром императора.

Сопровождавшему императора Мануилу Филокалу это показалось странным.

Вечером он посетил Алексея и поделился с ним своим подозрением.

— Разрешите мне убрать Никифора Диогена. Я боюсь с его стороны злого умысла.

— Пусть за свое преступное намерение он несет ответ пред господом, — ответил император и не принял никаких мер для охраны.

После полуночи император и императрица уснули и бодрствовала только одна рабыня. Она увидела, что Никифор Диоген с обнаженным мечом подошел к шатру. Заметив ее, он вздрогнул и вернулся к себе.

На следующий день рабыня рассказала обо всем им-

ператору, но Алексей не дал почувствовать Никифору, что ему известно о его неудачном покушении.

До Серры императора сопровождал Константин Порфирородный. Он предложил Алексею заехать отдохнуть в поместья императрицы Мариам, которые находились в Пентигосте.

Алексей согласился. На следующий день он собрался уезжать, но Константин стал его уговаривать: давай задержимся еще на день и отправимся в баню.

Император согласился, и хозяин велел приготовить баню. Военачальник Татикус, сопровождавший императора, увидел, что вооруженный Никифор Диоген прохаживался около бани.

— Почему ты тут ходишь вооруженный мечом? Сейчас время купанья, а не войны или охоты, — сказал Татикус.

Никифору стало не по себе, и он решил было бежать в Хриstopоль к императрице Мариам, тем более, что Мариам не раз приглашала его гостить.

На третий день император выступил в поход. Константин Порфирородный стал упрашивать взять его с собою. Но тот не согласился.

— Ты единственный сын. Врагам мы сами сумеем дать отпор. Оставайся дома — так будет лучше.

Едва император выступил, Никифор стал просить у Константина его лучшего коня. Он рассчитывал догнать Алексея.

Иоанн поддержал просьбу Никифора, но Порфирородный и ему отказал, сославшись на то, что конь—императорский подарок и он его никому не доверит.

В Серре Никифор Диоген все же догнал императора и вновь поставил свой шатер около его шатра.

Алексей Комнен вызвал к себе великого домашнего—своего брата Адриана и открылся ему: Никифор Диоген хочет меня убить.

Адриан был зятем Никифора. Он вызвал Никифора и тысячами посулов и обещанием прощения попытался заставить его признаться во всем и назвать единомышленников.

Но Никифор отрицал все.

Тогда император позвал Музака и приказал ему пытаться Никифора.

Музак пытал Никифора, и тот показал: «Я хотел убить императора, а подстрекнули меня на это преступление Константин Порфирородный и магистр Иоанн». При этом он

оклеветал и императрицу Мариам, сказав, что она принимала участие в заговоре.

Музак вновь пытал Никифора, и тот изменил показание: императрица Мариам знала о заговоре, но всячески восставала против убийства императора и со слезами на глазах умоляла не проливать крови.

Арестовали и заново пытали армянина Погоса, сына Хачатура, и заставили его признаться, что он был ставленником магистра Иоанна, Никифора Диогена и Константина Порфирородного. Он собирался убить императора, но у него не поднялась рука на помазанника божьего.

Император приказал Музаку хранить в строгой тайне то, что Никифор очернил императрицу Мариам, так как он сам этому не верил. Никифор оговорил зятя императора—Михаила Таронита, военачальника Кевкамена Катаклона и многих других вельмож и придворных.

Наконец Алексей Комнен нанес поражение Волкам, вернулся в Константинополь и устроил суд над заговорщиками.

В большом зале Буколеонского дворца собрались куропалаты, магистры, друнгари флота; были приглашены патриарх и константинопольский епископ. Императорский трон окружили родственники и вельможи, оруженосцы и барабанщики.

Меченосцы и копьеносцы звенели оружием и кричали:

— Смерть заговорщикам!

На золотом троне сидел, хмурия брови, облаченный в доспехи Алексей Комнен, опасавшийся нового покушения.

Джонди сидел слева от грузинских первосвященников, пришедших на суд из любопытства. Справа сидел бледный Ниания Бакуриани. Кирион Манглисский даже шепнул Ниании по-грузински:

— У тебя такой вид, Ниания, словно и ты заговорщик.

Ниания, стараясь скрыть волнение, ответил, что у него жар.

В эту минуту Ниания чувствовал, что он способен нарушить повеление царя Давида не вмешиваться в греческие дела.

Если окажется, что императрице Мариам грозит какая-нибудь опасность, то он тут же убьет императора и спасет свою любимую.

Да разве Мариам, обожаемая им, — простая женщина? Решение его было тем более непоколебимо, что он твердо знал о ее непричастности к заговору.

Нианиа чувствовал, какая страшная бездна раскрывалась с этого момента.

.

Ввели закованных заговорщиков: Никифора Диогена, Ксестантина Порфирородного, Михаила Таронита, Кевкамена Катаклона и около сотни стратигов и военачальников. Поскольку в заговоре было замешано более тысячи человек, император не пожелал задерживать других. Он оставил на свободе даже магистра Иоанна, ценя его большие заслуги перед Византией и помня о его увещье.

Наконец император нарушил воцарившееся молчание:

— Вы знаете, что я не питаю никакой злобы к Роману Диогену. С того дня, как с благословения господина я стал императором, я опекал Никифора и его брата Леона, как сыновей.

Не раз мне становились ведомы их злые замыслы, направленные против моей жизни, но я проявлял к ним отцовскую снисходительность. Несмотря на мою мягкость, Никифор все же решил убить меня.

Поднялся страшный шум:

— Да будет долголетен император Алексей!

— Смерть заговорщикам!

Император призвал присутствующих к спокойствию, а затем сказал:

— Вместо того, чтобы обречать их смерти, я прощаю им вину. Пусть несут ответственность перед господом богом.

Раздались шумные возгласы изумления. С заговорщиков были сняты оковы. Но в ту же ночь Никифора Диогена и Кевкамена Катаклона все-таки ослепили, скрыв это от императора.

.

На следующий день с утра шел дождь и море бушевало. На безлюдном берегу Пропонтиды одинокий лодочник заметил, как подошел к морю какой-то старец на костылях, отвязал от прикола челнок, сел в него и бесстрашно пустился в бурное море.

Лодка еще не успела проплыть и ста локтей, как старец прыгнул в воду, но так неловко, что лодка опрокинулась. Это заметили рыбаки и кинулись на помощь, но нашли только опрокинутую пустую лодку и костыли, плававшие по волнам.

На третий день императрица Мариам узнала о гибели

магистра Иоанна. Ее очень огорчило, что Иоанн отверг великодушное прощение Алексея и так трагически закончил свою жизнь.

Неделю спустя слепой монах Атачас передал дворецкому Цинцилуку маленькое письмо и добавил:

«После полуночи меня кто-то поцеловал в лоб. Проснувшись, я почувствовал на щеке чью-то слезу. Неизвестный сунул мне в руку это письмо, поцеловал еще раз и исчез».

Всего несколько строк написал магистр Иоанн императрице Мариам:

«Обожаемая августа!

Прости мне, это я, неразумный, искалечил твою жизнь. И только надеясь поправить дело, я задумал лишить жизни императора Алексея. Но он сам понял, что ты непричастна к заговору. Если бы это не было так, я бы отправил на тот свет коварного императора до своей смерти.

Я и Нианиа Бакуриани поклялись друг другу, что, если в этот заговор греки тебя впутают, мы расквитаемся с Алексеем Комненом. Поскольку ты спаслась, я не хочу пользоваться жизнью, дарованной мне императором Алексеем...

Когда придешь в Грузию, облобызай вместо меня грузинскую землю. Быть может, меня отнесет Понт Эвксинский к берегам моей родины. Потому я и решил найти смерть в море.

Лобызаю твою руку, кроткая, прекрасная августа.

Прощай.

Недостойный раб Христа — Иоанн».

Сбоку была приписка:

«Молись о моей грешной душе».

ПИСЬМО ИЗ БАГДАДА

В Парцхисскую крепость. Сыну эристава над эриставами Рати Орбелиани. От раба божьего монаха Козмана

Это письмо было отправлено Козманом в Триалети диякону дворцовой церкви эристава Липарита. Но гонца, посланного из Исфагана Варсимом Вардзели, перехватил Кариман Сетиели и передал отобранное письмо царю Давиду.

«Как я сообщил в предыдущем письме, — уведомлял Козман, — Бархиарок нам обещал, что он пошлет в Триалети Изз-Абу-Абдалу и с ним такое многочисленное войско, что оно будет шесть дней переходить границу эриставства.

После смерти халифа Аль-Моктади здесь произошло много важных событий. На трон халифа взошел шестнадцатилетний сын Аль-Моктади — Абу-Абас-Ахмед, который принял имя Аль-МостаDIR-Билах.

Бархиарок, собрав войско, направился из Исфагана в Багдад. Я и Вардзели сопровождали визиря султана Изз-Абу-Абдалу.

Когда мы подъехали к Багдаду, Аль-МостаDIR послал килах султану Бархиароку и провозгласил в честь его хутбу.

Утвердившись в Багдаде, Бархиарок вызвал своего дядю Такаша, который поднял восстание против своего брата Малик-шаха.

Вот чего добивался султан: втянуть Такаша в борьбу с Тутушем, сыном Альф-Арслана. Но Бархиарок случайно нашел в кармане Такаша письмо, в котором тот предлагал союз Тутушу.

Бархиарок приказал убить Такаша и труп его бросить в реку Тигр.

Затем Бархиарок захватил первого визиря Малик-шаха — амира Иельберди, который некогда примкнул к Тюркан-Хатун.

Между тем амиры Кербога, Аксонкор и Бузан изменили Тутушу и примкнули к Бархиароку.

Тутуш снова собрал в Адарбагане войско, оставил Дамаск и устремился в Алеппо. Он взял город и поджег его. Бархиарок послал против Тутуша трех амиров: Кербогу, Аксонкора и Бузана.

Аксонкору войско изменило. Когда его привели к Тутушу, тот спросил пленника: если бы я попал в твои руки, что бы ты сделал со мной?

— Повесил бы, — ответил Аксонкор.

Тутуш промолчал, но потом распял Аксонкора на кресте.

Затем Тутуш стал преследовать отступавшие войска Кербоги и Бузана. Оба амира ворвались в Алеппо. Тутуш осадил город, взял его и захватил в плен амиров.

Бузану он отрубил голову, а Кербогу спас от смерти амир Омар.

Бархиарок тоже брал города, но стоило ему взять какой-нибудь из них, он начинал пьянствовать с Изз-Абу-Абдалой.

По этому поводу арабский поэт Абумансур Алаби сочинил даже стихи:

Мы так увлеклись пьянством,
Что забыли Аксонкора и Бузана.

Тем временем Тутуш осадил Багдад, халиф Аль-Мостадир провозгласил хутбу в честь нового султана, так как он знал, что Бархиарок испугался войска своего дяди и бежал в Исфаган».

Приписка:

«Я и Вардзели находились уже в Багдаде, и теперь мы постараемся известить Тутуша о вторжении Давида в Триалети и попросить султана о помощи.

Пришлите деньги, — писал Козман Рати, — лучше дирхемы. Византийское золото сельджуки принимают неохотно».

Кариман Сетиели передал это письмо царю в Начармагевн. Давид, перечитав его, улыбнулся и сказал:

— Пока что наши враги мстят друг другу за нас. Посмотрим, что сулит завтрашний день.

„DEUS [LE] VOLT!“

Приблизилось то время, о котором каждодневно предвещал господь верующим, особенно в евангелии, где он говорил: «Кто хочет последовать за мной, пусть отречется от себя, возьмет крест и последует за мной».

Так произошло и в стране галлов: постигло их великое испытание — у кого была чистая душа, кто искренне желал следовать за господом и хотел усердно нести крест, как его слуга, тот не медлил ступить на путь, ведущий к святой могиле.

Великий сельджукский султанат раздирали междоусобицы. И все же у турок в Передней Азии не было соперников. По ту сторону Босфора, на берегу Малой Азии, еще оставалась в руках Алексея Комнена небольшая часть некогда обширной Византийской империи, а именно — Битиния.

В один прекрасный день сельджуки беспрепятственно перешли реку Заугар и разграбили Никомедию.

Алексей Комнен находился в это время на Балканах, подавляя начавшееся там восстание. Он вернулся в Никоме-

дню и решил привести в порядок окружавшие крепость валы и волчьн ямы.

Как раз в это время началось на Западе «великое движение» против сельджуков. Многочисленные эпистолы, которые послал Алексей Комнен римскому папе, французскому и английскому королям, германскому императору, правителям и герцогам, дали, наконец, плоды.

Папа, епископы, аббаты и миссионеры неустанно напоминали в проповедях своей пастве, что христианский мир ожидают великие испытания со стороны неверных, что сельджуки разорили Иерусалим и если бы «двенадцать ангельских легионов не защищали гроб господень», турки осквернили бы и его.

Еще со времени царствования византийского императора Константина Великого овладение Иерусалимом было заветной мечтой христиан. В седьмом веке иранский шах Хосров взял Иерусалим и с помощью иудеев истребил христианское население. Иранцы устроили в Иерусалиме кровавую баню: перебили христиан, осквернили и растоптали иконы и кресты.

Вскоре император Ираклий отбил у них Иерусалим. Возложив себе на плечи большой деревянный крест, он отнес его босой на Голгофу.

Арабский халиф Омар поджег Иерусалим и некоторые церкви превратил в мечети. Но его преемники Омаяды относились терпимо к христианам.

Не только христиане и израильтяне, но и мусульмане считали Иерусалим «святым городом». Арабы называли его «Аль-кудс» или «Аль-мукада».

Магомет учил мусульман: «Аль-кудс — место воскрешения мертвых, сюда все они соберутся».

Иерусалим был яблоком раздора как между иудеями и христианами, так и между христианами и мусульманами, наконец между египетскими халифами и сельджукскими султанами.

Карл Великий направил для переговоров послов к халифу Гарун Аль-Рашиду, и тот предоставил ему почетный патронат над святым городом.

Огромное количество золота, серебра и церковной утвари посылалось с запада в Иерусалим для украшения церквей. Халиф Аль-Мамун утвердил патронат за германским императором Людвигом Благочестивым.

Промчались века.

Воинственный дух снова возродился у мусульман. В де-

вятом веке арабские халифы объявили христианам священную войну «дшиад». Иерусалимских христиан они не трогали. Зато они нападали на народы, жившие по берегам Средиземного моря. Воинам, павшим в бою с «неверными», было обещано райское блаженство.

Из Сицилии сарацины переправились в Южную Италию, достигли Рима и ограбили храм святого Петра.

В эти годы в боях против мусульман родилась мысль о крестовых походах, возникших на почве экономического кризиса в западных феодальных государствах. Эти войны прикрывались лозунгами «освобождения гроба господня».

С конца десятого века, до вторжения в Переднюю Азию сельджуков, в Иерусалим ездили паломниками грузинские цари и царицы и византийские императоры. Иоанн Цимисхий и Никифор Фока овладели было Иерусалимом, но вскоре его потеряли. Египетский халиф Аль-Хаким возобновил преследование христиан. Он сжег церкви, а от христиан и иудеев потребовал, чтобы они переменили религию или покинули Иерусалим. Пожелавшие остаться в городе должны были носить черную чалму, а на шею — пятифунтовый крест или деревянный шар величиною с телячьей голове.

Как только умер этот сумасшедший халиф, его наследник отменил все его распоряжения и разрешил христианским правителям украшать церкви. В это время большие пожертвования поступали в иерусалимские храмы от византийских императоров и европейских королей, а также от грузинских царей Георгия Первого, Баграта Четвертого и от его матери — царицы Мариам, которая отправилась в Иерусалим на богомолье. По преданию, и Вахтанг Горгасал ездил на богомолье в Иерусалим. У грузин было там несколько монастырей: Креста, Капната, Голгофы, св. Николая, Матерей и Лазский монастырь.

Также благополучно посетили Иерусалим невестка германского императора Оттона и вдова его брата Генриха. Ездил в святой город и эристав клдекарский Липарит Великий после того, как изгнал его из Грузии Баграт Четвертый.

Византийская императрица Феодора настаивала, чтобы гроб Христов днем и ночью охраняли греческие воины. Халифа просили не облагать налогами паломников, но это осталось пустым пожеланием. Тутуш бен Альф-Арслан передал Иерусалим своему зятю Наджм Эддину иль-Гази и брату его — Сукману бен-Ортоку.

Когда сельджуки захватили Месопотамию, они не удовлетворились обложением паломников за право въезда в Иерусалим. Паломников грабили по дороге то никейский султан Килирдж-Арслан, то владетель Багдада — султан Тутуш, то правитель Антиохии — Яги Сиан, то правитель Египта — Наджм Эддин иль-Гази. А налоги, установленные в Иерусалиме, взимались сами по себе.

После взятия Сирии сельджуками паломники вынуждены были ездить в Иерусалим вооруженные с головы до ног.

В 1064 году четыре европейских епископа и двадцать четыре крупных дворянина выехали из Константинополя в сопровождении семи тысяч латников.

Эти паломники двинулись в путь, рассчитывая выждать в Иерусалиме «второе пришествие Христа в день Страшного суда». Еще при византийском императоре Михаиле VII Дука римский папа Григорий VII уведомил германского императора Генриха IV, что восточные христиане терпят большие стеснения от турок и просят помощи.

Известно, что Григорий VII замышлял объединить весь христианский мир в католической унии, присоединив к ней и восточные церкви. Одновременно папа известил императора о том, что константинопольский и армянский патриархи также просят его о помощи и что пятьдесят тысяч рыцарей-христиан высказывают желание выступить в поход для освобождения гроба господня. Несогласия, возникшие между папой и германским императором, помешали объединению церквей и походу против неверных.

Установлению римским папой своего рода универсального государства *Civitas dei* — божьей империи — мешали на западе германская империя, а на востоке сельджукский султанат, обе земные империи — *Civitas mundi*.

Умер Григорий VII, и папой был избран Отто де Лагги под именем Урбана Второго. Он, как бывший легат Ватикана, захотел продолжить дела Григория VII. Родовитый французский дворянин по происхождению, Урбан Второй пользовался большим влиянием среди рыцарей и епископов.

Германского императора Генриха IV он отлучил от церкви, а французский король Карл Анжу, который разошелся со своей законной женой Бертой и женился на супруге графа де Бертрада, ждал епитимьи с душевным трепетом.

В марте 1095 года папа созвал большой церковный собор в городе Пиаченце. Собралось четыре тысячи француз-

ских, итальянских, немецких и английских архиепископов, епископов, аббатов и миссионеров, а также тридцать тысяч рыцарей и горожан.

Прислал послов и Алексей Комнен, подтвердив свое согласие на объединение церквей. При этом он снова стал просить папу и собор освободить гроб господень и избавить христиан, живущих на востоке, и христианских паломников от жестокого произвола сельджуков.

Из Пиаченцы папа с большой свитой кардиналов и епископов переехал в Клермон. Здесь его встретил коленопреклоненный сын германского императора Генриха IV — Конрад, который объявил себя вассалом «наместника Христа».

После этого Урбан Второй посетил Милан, Коми, Асти, Валенсию и ряд французских городов, где служил требы и произносил проповеди. Затем он вернулся в Клермон.

Там его встретили французские и германские епископы и целый синклит аббатов и монахов, а главное — послы Кентерберийского архиепископа.

На следующий день папа принял прибывших из Иерусалима паломников, которые рассказали ему о страданиях, причиненных им турками во время паломничества в Иерусалим.

При этом они передали ему эпистолы иерусалимского патриарха и других достопочтенных лиц, в которых подробно описывалось варварство сельджуков и муки христиан.

Седьмого ноября церковный собор был перенесен в открытое поле, так как не нашлось помещения, которое могло бы вместить всех прибывших.

Урбан Второй был очень красноречивый оратор...

Сперва он коснулся жестоких преследований и гонения сельджуками христиан. Он негодовал по поводу превращения христианских храмов в мечети и, напомнив о разграблении антиохийского храма богородицы, воззвал:

— В чьих руках сейчас храм Успения богородицы, где покоится прах Марии? Кто осквернил церковь, построенную Соломоном?

В иерусалимском храме, воздвигнутом над гробом господним, разбойники-сельджуки грабят пожертвования христиан.

Вспомните стих псалма: «Язычники завладели достоянием предков твоих». Христиане, слушайте стих псалма: «Опоясайся мечом!».

Мои прелаты, — заключил Урбан, — распространите по всему христианскому миру мой приказ: «Опоясайся мечом!»...

Сотни верующих передали тысячам призыв папы: «Опоясайся мечом!», тысячи передали десяткам тысяч, и на огромном поле загремел возглас: «Так хочет бог!»

«Так хочет бог!» — кричали прелаты, епископы, аббаты, князья, рыцари, простые воины, женщины, дети, крестьяне и купцы.

Кардиналов и прелатов охватил испуг, ибо рассвирепевшая толпа с возгласами «Так хочет бог!» рвалась к папе облобызать его руку. Рыцари окружили его, создав живую стену, чтобы иступленный народ не задавил папу. Мужчины и женщины падали к ногам «наместника Христа», лобызали его руки, ноги, полы его облачения, плакали и взывали: «Так хочет бог!».

Достали большой сверток красного бархата, разодрали его на полосы и прикрепили красные кресты на правое плечо, так как папа приказал, чтобы каждый воин христов носил на видном месте крест.

Прикрыв кресты, еще раз заорали:

«Так хочет бог!»

В том же Клермоне было объявлено папским прелатом, что, согласно папской энциклике, каждый верующий может смыть с себя грехи вольные и невольные кровью неверных. Будут прощены и помилованы: убийцы и грабители, воры и ростовщики, насильники и лжесвидетели, похитители наследства, поджигатели и взломщики — все, все, кто когда-либо содеял какие-либо грехи.

Было обещано, что погибших на суше и на море в сражениях с турками католическая церковь занесет в список «благочестивых душ».

Папа обязал кардиналов, прелатов, епископов и служителей церкви заботиться о семьях воинов, отправившихся в поход против сельджуков.

На следующий день к папе явился посол тулузского графа Раймунда, который известил его: граф тулузский примет крест господень и со своими рыцарями выступит в поход для отвоевания гроба господня у сельджуков.

Перед окончанием собора епископ Адемар де Пюи был назначен представителем папы при ополчении и первым получил крест от Урбана Второго. Эта война была названа крестовой.

На исходе первого тысячелетия западный христианский мир был охвачен страхом перед светопреставлением. Монахи-проповедники убеждали народ, что вот-вот развернется земля и наступит конец мира.

В 1095 году в Европе произошло несколько солнечных затмений, появлялись странные кометы, с неба падали метеориты. Во Франции, Германии и в Нидерландах свирепствовала чума. Участились самоубийства. Опустели города и местечки, размножившиеся волки раскапывали могилы на кладбищах. Голод охватил плодороднейшие земли Англии, Франции и Германии.

Десятого сентября через Европу пронесся страшный смерч и последовало длительное землетрясение.

И весь год, как об этом рассказывает летописец, «с неба падали звезды и люди трепетали, видя небесные знамения».

Затем началась засуха, за ней последовал неурожай, а потом обрушились ливни. Дунай, Сена, Шпрее и Рона несколько раз выходили из берегов. Урожай уничтожали то засуха, то дожди.

Затем разразилась оспа. Зараза косила население тысячами. Голод вызывал грабежи, воровство и поджоги. В Германии и во Франции царило «право кулака».

Монастыри владели огромными поместьями. Голодное крестьянство старалось пристроиться при монастырях, обратив спину к горестной земной жизни, чтобы хоть как-нибудь прокормиться. Папская курия налагала жестокие наказания на «грешников», во всей Европе устраивались процессии кающихся.

Епитимии накладывались на всех — на царей, князей, рыцарей, крестьян, на женщин и мужчин, на юнцов и стариков. Они надевали власяницы или железные кольчуги на голое тело, спали на голой земле, их заставляли лазить на высокие колокольни.

Участились процессы против ведьм и еврейские погромы. Черная магия захватила умы.

«В Иерусалим!» — был слышен строгий, аскетический голос Урбана Второго.

Бездомные, бедняки, грабители, убийцы, заподозренные в ереси и кликуши кричали: «В Иерусалим!»

«В Иерусалим!» — вопили покинувшие пещеры отшельники, разбойники с большой дороги. «В Иерусалим!» — кричали распутницы, у которых с уст не сходили рассказы о покаянии Марии Магдалины.

Во Франции, Испании, Германии и Италии бродили монахи-странники и отшельники, проповедовавшие людям, что объявился антихрист и вот-вот будет стучаться в их двери.

Народ убеждали, что надо укротить плоть, покаяться в грехах и быть покорным папе.

Через несколько дней после Клермонского собора Урбан Второй предложил всему христианскому миру соблюдать покаянные дни и назначил неделю поста.

Он наказал носить знак креста на правом плече и выжечь его раскаленным железом на груди.

После этого призыва десятки тысяч людей выжгли крест на теле.

Тысячи крестьян бросали поля и огороды, сажали свои семьи на повозки и отправлялись в путь. Как только они доезжали до какой-либо церкви, дети спрашивали: «Мы уже приехали в Иерусалим?»

Женщины и монахи надели кольчуги и шлемы. Эти взбодраженные толпы воодушевил и увлек некий монах отшельник Петр из Амьена, прозванный Петром Пустынником.

У него была длинная борода цвета волчьей шерсти, и его пылающие глаза аскета были тоже волчьего цвета. Он был вдохновенным оратором, верившим в свои сумасбродные измышления. Своим экстатическим пафосом он приводил в иступление мужчин и женщин.

Самобичеванием и голодовкой он довел себя до такого состояния, что во сне он видел божью мать, которая просила его освободить землю, где ее могила, и Христа, который приказывал ему освободить святой гроб.

Петр на осле перебрался через Альпы и проповедовал то во Франции, то в области Рейна и убеждал слушателей: «Я был в Иерусалиме, видел иерусалимского патриарха, жестоко притесняемого турками. Он просил меня рассказать вам, что турки обесчестили гроб господень и всем надо принять крест христов».

Некоторые даже уверяли, что Петр Пустынник действительно дошел до Месопотамии, где сельджуки его избили и не пустили дальше.

Он не ел ни хлеба, ни мяса, ни зелени, ел рыбу и пил вино. Его красноречие приводило в такой восторг женщин, что они выщипывали шерсть у его осла и зашивали в свои амулеты.

Петр Пустынник показывал народу пергамент, якобы написанный Христом и присланный ему.

Он долго проповедовал в Орлеане, а затем направился в Париж. Здесь к нему присоединились другие проповедники: Готфрид Бурель, Вальтер де Пуасси и его племянник Вальтер Готье, который за свою бедность был прозван «Вальтером Голяком».

Они собрали пятнадцать тысяч мужчин и женщин и двинулись в Рейнскую область.

Во главе передового отряда был Вальтер Голяк. Отсюда они направились в Венгрию. Венгерский царь Коломан отказал им в провианте и не разрешил продавать им продукты. Тогда крестоносцы стали грабить жителей. Возмущенное население напало на них. Часть пришельцев нашла убежище в церквях, но разъяренные горожане предали храм огню и сожгли насильников.

Когда изголодавшаяся толпа оборванцев показалась у стен Константинополя, Алексей Комнен посмотрел недоверчиво на этих «христовых воинов», которых вело только несколько вооруженных рыцарей, и посоветовал им подождать прихода Петра Пустынника.

Двенадцать тысяч крестоносцев, которых вел Петр Пустынник, добрались до Австрии. Здесь они напали на евреев: одних перебили, других силой заставили креститься.

Отряд Петра Пустынника опередили крестоносцы, которых вели лотарингский граф Эмих, аббат Готшалк и Фульшер Орлеанский.

Из Франции двинулся виконт де Мелун, которого за необычную силу и несуразный рост прозвали «Шарпантье», а он с гордостью стал называть себя евангельским «Иосифом Плотником».

Едва крестьянские полчища виконта де Мелуна появились в Рейнской области, он потребовал от евреев, якобы мучив-

ших Христа, во искупление их преступления принять христианство. Не отступавших от своей веры убивали.

Евреи тщетно пытались найти спасение в замке местного епископа, но их туда не пустили. Тем временем подошли толпы крестоносцев Эмиха Лотарингского. Тогда евреи бросились искать защиты в синагогах.

Крестоносцы окружили синагоги и сожгли всех евреев, искавших там убежища, от мала до велика.

Затем они прошли Германию, всюду избивая евреев.

Так, не давая никому пощады, истребляли евреев—взрослых и детей, ростовщиков и купцов, стариков и женщин, нищих и калек, — у дверей синагог и домов для бедных, крича: «Так хочет бог!».

Венгерский царь Коломан объявил этим голодным ордам настоящую войну, так как они взяли несколько крепостей и разоряли страну. Они грабили и убивали венгров и славян-христиан, возглашая: «Так хочет бог!»

Немало крестоносцев погибло при взятии этих крепостей, многие при бегстве потонули в болотах, и только предводители и несколько тысяч рыцарской конницы успели спастись.

Они дошли до границ «Склавинии» — страны славов.

Крестоносцы натерпелась еще худшего от войск Никиты, правителя Белграда.

Когда Петр Пустынник подступил к Белграду и увидел на стене крепости доспехи и оружие Вальтера Голяка и его соратников, висевшие, как победные трофеи, он приказал крестоносцам штурмовать город.

Крепость была взята. Несколько тысяч горожан бросились в реку, и многие потонули.

Голодные толпы, ворвавшись в город, разграбили его.

Когда в Болгарию вошло войско Петра Пустынника, вновь началась война против крестоносцев. В конце концов Петр Пустынник и его войска бежали, «как овцы, гонимые волками».

Когда уцелевшие крестоносцы показались у Константинополя, Алексей Комнен не пустил их в город. Они грабили окрестности, сдирали золоченые листы с церковных куполов и продавали за бесценок олово и свинец.

Император хотел как можно скорее избавиться от таких опасных «союзников». Седьмого августа, по приказу друнгария византийского флота, толпы крестоносцев пере-

правили на кораблях в Никомедию. Жители города успели уже бежать, и крестоносцы вновь занялись грабежом.

Алексей Комнен прекрасно учитывал силы крестоносцев и противостоявшую им военную мощь султана Килирдж-Арслана. Он знал и о трудностях ведения войны в окрестностях Вифинии и Никеи. Призвав продовольственные крестоносцам, он вместе с тем предупредил их: пока не придут новые отряды рыцарей, не покидайте лагерь и не вступайте в сражение с турками.

Вместе с тем император умолял крестоносцев не грабить население.

Петр Пустынник не согласен был с тем, кто энергично настаивал на немедленном выступлении против Килирдж-Арслана.

Франкской молодежи не терпелось сразиться с турками. Не слушаясь ни Пустынника, ни других начальников, воинственные юноши сели на лошадей и двинулись по дороге, ведущей к Никее.

По пути они захватили пасшийся скот турок и греков. Пригнав множество быков, коров, овец и коз в лагерь, закололи их и стали объедаться приготовленными по-гречески шашлыками.

Когда старшие крестоносцы и рыцари увидели молодежь, вернувшуюся с добычей, они прикрепили к бамбуковым шестам алые знамена. Тяжело вооруженные рыцари, взяв с собою около двух тысяч пеших воинов, пошли на самый город-крепость Никею.

Они ограбили попутные местечки и села, забрали много коров и баранов и устроили лукулловский ужин в лагере. Все же, что им казалось лишним, продали за бесценок императорским морякам.

Возвращение франков в лагерь с большой добычей вызвало зависть у немецких крестоносцев. За двумястами рыцарями последовали три тысячи пеших воинов.

Они тоже пошли с пурпурными знаменами и с хоругвями, пересекли гористую местность, беспрепятственно миновали леса и, пройдя окрестные села, подошли к крепости Ксеригордону.

Турки и греки, жившие в этих местах, при приближении крестоносцев бежали в Никею. Те захватили гарнизон Ксеригордона, турок они заковали в кандалы, а греков отпустили восвояси.

Килирдж-Арслан вышел из Никейской главной крепости с большим войском. Около Ксеригордона его встретил передовой немецкий отряд с знаменосцами. Увидев турок, христиане, восклицая «Так хочет бог!», обнажили мечи.

Турки с криками «Аллах!» схватили луки и обрушили тучу стрел на передовой отряд германцев.

Те дрогнули и отступили к крепостным веркам Ксеригордона.

Килирдж-Арслан выставил против крестоносцев тяжелые камнеметы. Германцы покинули валы, отошли за крепостные стены, заперли ворота и с башен и из бойниц начали осыпать стрелами турок.

Турки подвезли много сухого леса, обложили им стены и подожгли.

Немцы, найдя в подвалах вино, предались пьянству и не позаботились привести в порядок трубы, по которым вода шла в крепость.

Стены накалялись все больше и больше. Огонь охватил крепостные ворота. Осажденных начала мучить жажда.

Резали лошадей и мулов, вскрывали им артерии и пили кровь вместо воды.

А турки продолжали наваливать лес, и пожар бушевал у стен.

Несколько дней держались крестоносцы против турок и огня. Часть их предпочла броситься с крепостных стен и погибнуть в море; многих турки зарубили, завладев крепостью.

Старших крестоносцев казнили, заставляя прыгать через заостренные мечи. Красивых молодых женщин отобрали и отправили для продажи на рынках Никеи, Антиохии и Багдада.

Когда все это случилось в Ксеригордоне, Петр Пустыжник был у императора в Константинополе.

В стане крестоносцев началось смятение. Наиболее пылкие и решительные требовали: немедленно покинуть лагерь и выступить против Килирдж-Арслана. Духовные лица и опытные воины советовали подождать Петра Пустытника.

Более нетерпеливые увлекли эту толпу и потребовали от Вальтера Голяка отомстить за пролитую турками христианскую кровь.

Стан крестоносцев разбился на два лагеря. Странники немедленного наступления стали называть «жалкими рыца-

рями» тех, кто настаивал не наступать до прибытия вспомогательных отрядов, и всячески поносили Вальтера Голяка.

Только на третий день Голяк приказал тяжело снаряженным рыцарям сесть на лошадей и собрал пеших воинов. Женщины также вооружились и сели на коней. Больные, старики и дети были оставлены в лагере.

Крестоносцы вновь подняли украшенные крестами пурпурные хоругвы и с пением псалмов двинулись по дорогам и тропам к Никее.

Выстроившись в шесть боевых линий, «воины Христа» с развернутыми знаменами и хоругвями достигли бухты Гемлики. Тут их встретили отряды Килирдж-Арслана, собиравшиеся напасть на лагерь крестоносцев.

Когда султан услышал шум приближавшихся крестоносцев, он выстроил войско в боевом порядке, развернув оба крыла.

Рыцари уже успели покинуть лес и ехали с пением и возгласами по полю.

Испытанный в боях Килирдж-Арслан немедленно атаковал конных франков и, сомкнув оба крыла, как ножницы, отсек передовой конный отряд от оставшихся еще в лесу главных сил. Турки стали поражать стрелами рыцарских лошадей. Всадники вынуждены были спешиваться и гибли под ударами врагов.

Когда остальное войско вышло из леса, конные турки напали на пешие отряды и уничтожили их.

Семь стрел не смогли пробить панцирь Вальтера Голяка, но восьмая вонзилась ему в сердце. Тут же сложили головы Райнальд, Дебрей, Фульшер д'Орлеан, Фолькер Дорель, Вальтер Фонтек.

Сельджуки с криками ворвались в лагерь, зарубили стариков и беременных женщин, красивых же монахинь, юношей и девушек они отобрали и отослали на невольничьи рынки, а некоторых подарили Килирдж-Арслану для гарема.

Победители захватили большое количество золота и серебра.

На берегу моря, недалеко от лагеря, была полуразрушенная, покинутая греческая крепость. Те, кто смог убежать, нашли убежище в этой твердыне. Здесь не было ни валов, ни ворот, ни крыши. Крестоносцы каменными глыбами и бревнами загородили вход.

Турки подвезли камнеметы, разрушили крепостные стены и перебили много воинов.

Какой-то грек нашел ночью лодку и, переправившись через пролив, известил императора о разгроме крестоносцев.

Алексей Комнен тотчас вызвал Константина Евфорогеноса. Тот посадил на корабли около двух тысяч легко вооруженных воинов, напал на осаждавших крепость сельджуков и заставил их отступить.

Уцелевшие крестоносцы продали морякам императора свое вооружение и покинули малоазиатский берег.

Никто не знает, что заставило лотарингского герцога Готфрида Бульонского, человека, избалованного судьбой, продать и заложить свое имущество младшим братьям Балдуину и Евстафию и принять крест.

Позже к нему присоединились оба брата, а также граф Балдуин де Монсе, Вернер де Грей, Райнальд де Туло, брат его Петр Додо де Конц-Саарбрюкен и двое братьев — Генрих и Готфрид фон Эш.

Семьдесят тысяч воинов и десять тысяч рыцарей отправились вместе с ними.

Подойдя к границам Венгрии, Готфрид отправил послов к царю Коломану и попросил разрешения пройти через его владения. Вместе с тем он спросил его, почему он так жестоко поступил с проходившими раньше крестоносцами.

Коломан принял очень любезно послов и сказал, что грабителям и убийцам он ответил насилем.

Коломан вручил послам письмо с ответом и известил герцога, что он будет ждать его у Эгденбургского моста.

Готфрид Бульонский поручил командование войском брату Балдуину, взял с собой двенадцать рыцарей и поехал к месту условленной встречи.

В конце концов оба пришли к соглашению: Готфрид должен был оставить заложниками брата своего Балдуина и его жену. А царь Коломан разрешил крестоносцам беспрепятственно пройти через страну и приобретать продовольствие.

Гуго де Вермандуа был младшим братом французского короля Филиппа. И сам король хотел принять участие в походе, но, отлученный от церкви папой Урбаном Вторым, не имел на это права.

Гуго послал учтивое письмо Алексею Комнелу и попросил у него разрешения пройти через земли его империи.

После этого он отправился в Рим и получил от Ватика-

на хоругви и знамена. В качестве послов он направил к императору Вильгельма Шарпантье и некоего грека Элиаса.

Гуго привлек на свою сторону брата Танкреда — Вильгельма, посадил войско на корабли и направился к Дураццо.

Узнав об этом, Алексей Комнен послал туда друнгария флота Николаса Маврокатаклона. Греки очаровали Гуго де Вермандуа любезностью и гостеприимством, и он признал себя вассалом Алексея Комнена. Тогда император объявил его своим пленником.

Когда лазутчики сообщили Готфриду, что Гуго де Вермандуа в плену у императора, разгневанный герцог разрешил своему войску грабить местечки и села на протяжении восьми дней пути.

Император был вынужден отправить послов и сообщить герцогу об освобождении Гуго из плена.

Готфрид, подойдя к Константинополю, стал лагерем у самых стен города.

Алексей Комнен с недоверием смотрел на заносчивого герцога. Вновь прислал он послов и посоветовал, поскольку там, где стояли шатры крестоносцев, дули свирепые ветры, передвинуть лагерь к западному берегу Золотого Рога.

Вместе с тем он прислал разрешение на покупку продовольствия. Готфрид исполнил пожелание императора.

После этого Комнен пригласил в Буколеонский дворец герцога и его свиту. Но тот, помня о пленении Гуго, ответил вежливым отказом.

Озлобленный его отказом, Комнен посадил на корабли туркопулов и печенегов, и те ночью, подобравшись морем к лагерю герцога, атаковали его.

Готфрид отступил, разграбил окрестности Константинополя и снова раскинул лагерь у городских стен.

Император послал герцогу письмо и снова пригласил во дворец, предложив заложником сына своего Кало Иоанна.

Император принял в Буколеонском дворце Готфрида и его свиту. Когда тот приблизился к императору, Алексей сошел с трона и поцеловал Готфрида.

После парадной трапезы герцог подписал грамоту о том, что он становится вассалом императора, и дал обещание возвратить ему все города и крепости, которые будут отобраны у турок.

Алексей усыновил Готфрида и роздал награды его свите, а в лагерь крестоносцев послал для раздачи десять ко-

жанных мешков, наполненных тартаронами. Алексей дал клятву — предоставить крестоносцам флот и за несколько дней перевезти войско Готфрида в Никею.

Движение крестоносцев было очень внушительно и в Южной Италии. Во главе его стоял сын герцога Гюискара — Боэмунд Тарентский, помогавший отцу во время войны в Апулии с византийцами, которых он разгромил.

Боэмунд был незаконным сыном Роберта Гюискара, и потому тот завещал младшему сыну Рожеру Сицилию, Калабрию и Апулию. Это вызвало продолжительную войну между Боэмундом и Рожером. В конце концов папа вмешался в братоубийственную войну и Боэмунд получил княжеское звание «иль принчипе» и Тарентскую провинцию.

При этом Боэмунд вспомнил слова Александра Македонского: моя родина мне кажется тесной.

Боэмунд был громадного роста, ни одни рыцарские доспехи не приходились ему впору. «Его глаза, по величине подобные воловьим, сверкали пламенным блеском».

Как-то, гуляя у моря в Отранто, он увидел толпу с хругвями. Она кричала: «Так хочет бог!». Воодушевленный этими возгласами, Боэмунд снял свой пурпурный плащ и бросил толпе. «Христовы воины», разорвав его на полосы, нашили в виде крестов себе на плечи.

Боэмунд убедил принять участие в походе племянника Танкреда, Вильгельма Рикардо да Райтульфа, рыцарей Роберта фон Ганза и других.

Свое войско он посадил на корабли и высадился в Аулоне.

Кесарь Алексей растерялся, узнав, что Роберт Гюискар с большим войском направился в Византию. Войска Боэмунда по пути грабили города и села.

Начальники крепостей выходили навстречу грабителям-крестоносцам, возглашая: «Кирие элейсон», а крестоносцы отвечали: «Так хочет бог!».

Когда Боэмунд со своей нормандской дружиной подошел к Константинополю, император выслал навстречу послам и предложил хлеб-соль Боэмунду и его свите. Гостям отвели помещения в монастыре святого Козьмы.

На следующий день Комнен устроил прием Боэмунду. На нем присутствовали герцог Готфрид и брат его Балдуин. Боэмунда очаровало гостеприимство Алексея Комнена.

Он признал себя вассалом императора, а тот обещал ему продовольствие для войска и корабли.

Танкред и Рикардо да Райтульф не захотели ни встретиться с Комненом, ни признать себя его вассалами. Они переоделись в нищенские одежды пилигримов и перевезли свои войска в Вифинию.

В эти дни в Константинополь пожаловал граф Раймунд Тулузский. В недавние годы он ездил в Иерусалим на богомолье. У входа во двор храма гроба господня стража потребовала с него плату, Раймунд не захотел заплатить несколько дирхемов. Он избил стражу, но при этой стычке ему выкололи глаз.

Озлобленный Раймунд первый принял крест, продал свои имения в Провансе, а деньги раздарил. Он взял с собою жену Эльвиру и маленького сына. Его сопровождал Адемар, епископ де Пюи.

Провансальцы прошли Верхнюю Италию, Кроацию и Салоники. Едва показывались отряды графа Тулузского, жители сел и местечек бросали свои дома и скрывались в глухих лесах. Провансальские отряды с криками «Так хочет бог!» грабили поселян и оружием добывали продовольствие.

Император посылал послов к Раймунду, уверяя в том, что встретит его радушно. А по ночам по его приказанию отряды туркопулов и печенегов нападали на крестоносцев. Днем же гарнизоны крепостей с возгласами «Кирие элейсон!» преподносили им кресты и хоругви.

Крестоносцы отвечали: «Так хочет бог!», избивали туркопулов и печенегов, грабили население и упорно продвигались к Константинополю.

Около местечка Руской славяне начали настоящую войну против крестоносцев. Тем временем прибыл императорский посол, который пригласил в столицу Раймунда и его свиту.

Алексей Комнен принял с большим почетом Раймунда. А в следующую ночь на лагерь крестоносцев напали византийцы и истребили до двух тысяч человек.

Когда Раймунд узнал об этом, он послал негодующее письмо императору, но герцог Годфруа и Роберт Фландрский уговорили Раймунда не ссориться с императором, и он вынужден был признать себя вассалом Комнена.

Через неделю в Малую Азию переправили и войска Раймунда Тулузского.

Позже всех прибыли в Константинополь нормандский граф Роберт и Стефан де Блуа.

Роберт Нормандский был сыном Роберта Красного. Этот граф заложил свои наследственные земли за десять тысяч золотых своему брату Вильгельму, английскому королю. По пути к нему присоединился сын известного «иерусалимца» Роберта де Фриза.

Они выбрали другой путь. Из Франции они перевалили через Альпы и в итальянском городе Лукка приняли благословение Урбана Второго. Прибыв в Рим, они устроили помпезный парад перед храмом св. Петра.

Византийцы встретили их отряды не особенно приветливо. Крестоносцам разрешалось входить в столицу только по десяти человек.

Зато и этим рыцарям кесарь устроил пышный прием в Буколеонском дворце, а через несколько дней византийский флот перевез их в Никею.

«СОКРОВИЩНИЦА ОТРУБЛЕННЫХ ГОЛОВ»

О воин, остановись и передай потомкам племен окли мои слова: кто среди вас не отомстит своему кровнику, ему лучше надеть женские шейдиши — пусть он нарумянится, продаст на базаре уже ненужное копьё и на деньги, вырученные от продажи, приобретет веретено и начнет мотать пряжу.

И б н Х а м д у н.

«Только месяц спустя после получения приказа нашего государя с трудом достигли я и Аршаруни Хамадана, — сообщал Джоджики из Исфагана. — В Адарбагане свирепствовала чума, и караваны перестали ходить через эту область.

Мы все же узнали, что Тугуш разбил Бархиарока. Это известие взбудоражило весь Хамадан.

Тюркан-Хатун и сын ее Махмуд жили в Джербадекане в небольшой башне.

Тюркан-Хатун, узнав о поражении Бархиарока, тотчас же

написала письмо Тадж Эд-Даулу и Тутушу и дала обещание стать его женой.

Султан Тутуш направился с войском из Багдада в Хамадан.

Тюркан-Хатун, став во главе своих воинов, которых набралось всего до десяти тысяч человек, выступила навстречу жениху.

Это произошло в месяц рамадана.

Перед выступлением она молилась об удаче в мечети, а сына Махмуда поручила амирам — Онару и Сревету.

На третий день пути Тюркан-Хатун неожиданно умерла. Некоторые полагают, что сторонники Бархиарока отравили ее.

Бархиарок в это время был в Нисибе. Как только он получил известие о намерениях Тутуша, он пересек ниже Мосула реку Тигр и двинулся по дороге на Арбиль.

Между войсками Бархиарока и Тутуша оставалось около десятка парсангов, когда, отделившись от войска Тутуша, амир Якуб, сын Ортока, напал на Бархиарока.

Султан бежал, а его шатры и достояние попали в руки Якуба.

После этого поражения только три амира—Борсок, Кумучтекин Эджандар и Алиарок не покинули Бархиарока, и с ним осталась всего тысяча всадников.

Узнав о кончине своей мачехи, Бархиарок направился в Исфаган в надежде, что, возможно, его пожалует младший брат Махмуд.

У ворот города Бархиарока встретили амиры Махмуда и не пустили его в Исфаган. Три недели Бархиарок с отрядом находился в окрестностях Исфагана.

Бархиарок отправил к Махмуду послов и просил, чтобы его пустили в город.

Из Исфагана выехал Махмуд. Братья встретились верхом и, не сходя с коней, обняли друг друга.

Потом вот что случилось: амиры собирались выколоть глаза Бархиароку, но, на его счастье, у Махмуда обнаружилась баранья чума. Лекарь Эттелмиз сказал амирам:

— Мне кажется, что вы не имеете намерения уступить трон Тутушу. Не спешите поэтому ослеплять Бархиарока. Молите аллаха, защитника правоверных, об исцелении Махмуда, а я со своей стороны постараюсь его вылечить. Если он выздоровеет, тогда и ослепляйте Бархиарока.

Как мы позже узнали в Хамадане, лекарь Эттелмиз, ока-

зывается, был сторонником Бархиарока, и потому он плохо лечил Махмуда.

Тот умер в месяц шевале.

Бархиарок с большим почетом похоронил своего сводного брата.

Не прошло трех дней, как чумой заразился и Бархиарок, но, к нашему сожалению, лекарю Эттелмизу каким-то образом удалось вылечить его.

Тем временем умер визирь Бархиарока Изз-Абу-Абдала. Его старший брат Муеид аль-Мульк, который был на службе у Махмуда, стал визирем Бархиарока.

Муеид аль-Мульк спешно отослал гонцов к иракскому и хорасанскому амирам и предложил им стать на сторону Бархиарока.

Эти амиры изменили Тутушу и стали сторонниками Бархиарока, так как Тутуш, как и его отец Альф-Арслан, был мстителен и кровожаден.

Более тысячи человек было задушено по его приказу тетивою собственных луков, а головы, которые он успел отрубить, не смогли бы сосчитать и звездочеты, так говорят в Хамадане.

Тутуш узнал с опозданием о болезни Бархиарока в Исфагане, но все же направился туда с войском.

Амир-ахор просил Тутуша: разреши мне отправиться в Джербадекан, я осажу крепость и до твоего приезда возьму ее.

Но вместо того, чтобы направиться к Джербадекану, он поспешил в Исфаган и известил Бархиарока о приближении Тутуша.

Во время болезни Бархиарока азербайджанские амиры объявили себя сторонниками Тутуша. Но едва Бархиарок выздоровел, они изменили Тутушу и объявили ему:

«Пусть нас рассудит меч!»

Тутушу еще оставался день пути до Исфагана, когда Бархиарок с войском направился в Рей.

Здесь и встретились дядя с племянником.

До начала сражения Тутуш приказал своим воинам не брать в плен сторонников Бархиарока: «Рубите их беспощадно, не расходуйте веревок—они пригодятся. Если я потерплю поражение, на них вас повесят. Если же я буду победителем, то повешу на них амиров, перешедших к Бархиароку».

Но эти слова устроили его же амиров и тысячников, и они так рассудили: если потерпим поражение, нас повесит султан. Поэтому до начала боя они послали лазутчиков к Бархиароку и попросили «аман».

Бархиарок обещал их помиловать.

Амир Бекжур явился к Бархиароку и сказал:

«Твой дядя на моих глазах зарубил в прошлом году трех моих сыновей. Я жажду отомстить ему».

В жестоком бою Бекжур и его сторонники верхом провалились к Тутушу, командовавшему центром войска, и Бекжур, ринувшись на Тутуша, пронзил его копьем насквозь.

Едва тот свалился с коня, амир Сонкорж подскочил к убитому, отрубил ему голову и поднес Бархиароку.

За отступившим отрядом Тутуша погнались войска Бархиарока, но Бархиарок удержал их и помиловал людей Тутуша.

Я и Арамаис Аршаруни отправились из Хамадана в Багдад, так как там мы рассчитывали видеть большие события.

Через неделю в Багдад привезли труп Тутуша. Тут его привязали к лошадиному хвосту и волочили по майданам, а его голову отнесли в «хранилище голов».

В ту же ночь один сириец повел туда меня и Аршаруни. Мы дали три дирхема страже и увидели непередаваемое словами, потрясающее зрелище...

Этот дом был дворцом какого-то амира. Его убили по приказанию отца Тутуша Альф-Арслана в собственном доме, а голову казненного вывесили на балконе.

Во дворе, между огромными кипарисами звенят фонтаны, а в саду растут какие-то странные цветы с черными плодами.

Вот что рассказал нам проводник.

Этот сад полит человеческой кровью. Потому растения и дают здесь ядовитые плоды. Султаны отравляют ими строптивых амиров.

Из этого сада одна тропа ведет во двор виселиц, где и в этот день висело с десятков жертв. Ветер качал трупы.

Босые мальчики продавали каштаны. Гуляющие жевали каштаны и рассматривали повешенных визирей.

Вторая тропа ведет в зал с черными базальтовыми колон-

нами, к которым прикованы львы, тигры и слоны. Сюда приводят тех, кому вынесен приговор быть растерзанным тигром или растоптанным слоном. Зал охраняют негры с копьями.

Вооруженные секирами чернокожие стоят у ворот страшного дома. Когда мы вошли во двор, то услышали рычанье львов. Уже на лестнице дворца на меня пахнуло трупным запахом. Я зашатался, и если бы Арамаис не поддержал меня, я бы упал.

Когда человеческого мяса не хватает, львы начинают так рычать, что тревожат сон багдадцев.

Наконец мы добрались до главного зала. Потолок поддерживали черные мраморные колонны, вдоль стен тянулись белые мраморные полки.

Оттуда на нас смотрели длиннородые головы с оскаленными зубами и выпученными глазами.

Куда ни повернешься, на тебя глядят тысячи застывших глаз, видишь оскаленные зубы, и начинает казаться, что слышишь их скрежет.

На головах торчат спутанные волосы. Они словно вздыбились и застыли от смертельного страха, испытанного осужденным в момент казни.

— Это — головы месопотамских амиров, — шепнул нам проводник. — А черепа с иссохшей кожей и с ослепленными глазами принадлежат ассасинам. Их привезли на верблюдах из Мосула.

— Если вы подарите еще два дирхема, я покажу вам более страшные вещи, — добавил проводник.

Мы дали два дирхема, и он повел нас в подземелье. Тут также стояли на страже вооруженные секирами негры.

Как дрова, уложенные любящим порядком хозяином, в огромном подвале лежали скелеты и громоздились голени ассасинов, шпионов, изменников — ходжей, кадиев и амиров. Отдельно лежали головы, которые были выставлены по три месяца напоказ жителям Багдада. После раскрытия недавнего заговора Тутуш приказал снести эти головы сюда, а их место заняли новые.

Когда мы вышли из этого страшного дома, проводник подвел нас к голове Тутуша, выставленной перед крыльцом. На ней красовался золотой тюрбан. Сириец подошел к голове и плюнул ей в лицо. Тысячные толпы, бродившие всю ночь по улицам Багдада, подходили к голове, проклинали Тутуша и плевали в мертвое лицо.

Едва Бархиарок подошел к крепостным башням Багдада, на минарете взмолился сам халиф и вознес хутбу в честь нового султана...

У Тутуша было четыре сына. Двое из них — Ридуан и Декак — были властителями Алеппо и Дамаска.

Когда Бархиарок прибыл в Багдад, Декак отправил к нему послов и признал себя его вассалом.

Бархиарок послал ему амира Токтекина, который взял в свой гарем мать Декака и завладел Дамаском.

В месяце рамадан на Бархиарока напал его носитель опахала, седжистанский раб, и ранил его в руку.

Его долго пытали, но он никого не выдал. Тогда его приговорили быть растоптанным слоном.

Он так испугался этой казни, что стал кричать: я во всем признаюсь.

Оказалось, что ассасины посулили ему десять дирхемов за убийство султана.

Сейчас мы находимся в Багдаде и обо всем, что мы здесь услышим или увидим, сообщим подробно», — писал Джоджик Георгию Чкондидели.

Донесение Ниани Бакурнани было раньше получено Давидом из Константинополя, и он уже знал о прибытии крестоносцев.

Когда Георгий Чкондидели прочитал царю письмо Джоджики, Давид некоторое время молчал. Потом он обратился к стоящему рядом с ним Парджаниани, начальнику крепости Мухатгверди, и сказал:

— Начните завтра же приготовления. Пошлите семь верных людей в Шараган, с ними — четырех дворян, трех священников, десять охраняющих шатер и конюших.

Немедленно вызовите владельца Бечисихе Гуарама. Пусть он поедет с этими послами. Дайте им три тысячи ботинатов, коней и мулов. Людей подберите представительных и внушительных.

Духовные лица пусть также наденут светское платье.

Хранители шатров пусть наденут под кафтаны кольчуги и скрытно носят оружие.

* * *

Георгий Чкондидели и Парджаниани выбрали послами в Шараган молодых эриставов Хурцидзе и Букаисдзе и армянского купца Аршаруни, брата доверенного лица царя Арамаи-

са, который хорошо знал и греческий язык и аланский, так как он часто ездил по ту сторону Кавкасиони для покупки лошадей.

К ним присоединились: шавшетский епископ отец Серапион, протодиакон из Анчи—Севастий, также знающий греческий язык, и епископ отец Иоанн, весьма почитаемый человек, бывавший в Византии, знавший и греческий и арабский языки.

Начальникам крепостей Цхуми и Анакопии написали: оказать им содействие и дать двенадцать проводников, уже бывавших по ту сторону Кавкасиони.

«ХРИСТОВО КОПЬЕ»

Море не исполнило последней мольбы Иоанна. Оно три дня носило его тело и наконец вынесло его на то место, где высятся две мраморные башни на берегу Пропонтиды.

Императрица Мариам на второй же день после суда над заговорщиками заболела и слегла в постель.

Ни светские, ни духовные лица греки, боясь императорской немилости или считаясь с константинопольским патриархом, не присутствовали на поминках Иоанна.

И грузинские епископы не знали, как поступить. Нианиа Бакуриани и эристав Джонди вынуждены были заняться погребением покойника.

Гибель Иоанна сильно взволновала монаха Атанаса. Если до этого он обычно лежал на спине, скрестив руки, или ублажался пением псалмов и развлекался болтовней с попугаем, сейчас он покинул ложе, попросил, чтобы ему принесли посох, бродил по дому и отдавал распоряжения.

Узнав, что патриарх не дает разрешения похоронить Иоанна в освященной земле, слепой монах заволновался еще сильнее.

Он упрасивал грузинских епископов пойти с ним к константинопольскому патриарху. Даже сам Кирион Манглиский, человек решительный, вздрогнул и наотрез отказался.

Уязвленный монах Атанас уговорил диаконов бывшей царицы Русудан — Хохутая и Хохаре и с ними отправился на прием к патриарху.

Патриарх слышал от императрицы Мариам, что монах Атанас — святой человек, любезно его выслушал, но на прось-

бу — разрешить похоронить Иоанна в освященной земле от-
ветил резким отказом.

Он подчеркнул просителю, что у покойника двойной грех: измена императору и самоубийство.

Это вызвало еще большее негодование слепого монаха. Необычным мужеством укрепился стоявший одной ногой в могиле старец.

Он заказал деревянный крест в человеческий рост и с пением псалмов шел впереди процессии константинопольских грузин.

Он нес деревянный крест, бил себя по голове и пел.

На берегу Пропонтиды, где последний раз сел в лодку магистр Иоанн, чтобы покинуть навсегда этот мир, предали земле его тело.

Но этим Атанас не ограничился. Он посетил императрицу Мариам, бывшую царицу Русудан, некоторых греков из соратников Иоанна и собрал до тысячи золотых, чтобы заказать надгробие.

На громадной плите из черного базальта Атанас распорядился вырезать длинное, написанное не по строгим правилам поэтики стихотворение на грузинском языке. Первые его слова гласили:

«Под этой плитой: почит:

Грузин: дворянин: Иоанн: магистр: который: полученные:
в войнах: за Византию: многие: раны: взял: с собой: из
этого мира и: взамен: этого:

три локтя: земли: пожалели: для него греки:

Читающего: эти строки:

Молю:

о снисхождении».

Монах Атанас еще не успел посадить цветы у могилы, как показались первые крестоносцы.

Весь Константинополь заволновался при появлении «христового воинства» у стен столицы. Зазвонили в колокола в тысячах константинопольских храмов. Придворные—рыцари и дворяне — смотрели на нахмуренные брови Алексея Комнена, а монахов и монахинь не могли сдержать ни монастырские власти, ни епископы.

Из келий бежали безумные послушники и тайно присоединялись к шедшему в Иерусалим «христову воинству».

Заговорили монахи-молчальники, покинули пещеры столпники и тоже присоединились к возгласам «В Иерусалим!».

Даже слепого Атанаса захватили эти события.

Время скорби в его сердце, оставленное гибелью магистра Иоанна, было отторгнуто мечтой об освобождении гроба господня.

Атанас днем и ночью пел псалмы и думал тоже попасть в Иерусалим.

Ко всему прибавилось еще одно событие.

Диакон Хахутай привел Атанасу цыганку-гадальщицу, умевшую колдовать и гадать по песку.

Эта цыганка предсказала слепому: как только ты прибудешь в Иерусалим, увидишь, недалеко от церкви Успения богородицы есть скала. Из нее льется источник христовых слез. Если ты омоешь этой водой глаза, ты прозреешь.

Надежда на прозрение побудила Атанаса обратиться к бывшей царице Русудан с просьбой дать ему в проводники диакона Хахутая.

Хахутай сам не особенно стремился отправиться на поклонение гробу господню. Еще в Гегути он присвоил деньги от поминок и за это был лишен сана. Его послали с Русудан в качестве конюшего. О Хахутаях нельзя было сказать, чтобы он ненавидел золотые солиды, и поэтому он согласился, если будет на то соизволение Русудан, проводить Атанаса не только в Иерусалим, но хоть на край света.

Завернутое в саван тело Иоанна еще покоилось дома, когда слуги воспользовались отсутствием Ниании и Джонди, разграбили дом, продали за бесценок осыпанные драгоценными камнями золотые иконы, ковры, серебряную посуду, а сами бежали на Балканы.

Бывшая царица Русудан оказывала внимание оставшемуся одиноким слепому монаху.

Русудан сама прислуживала старцу. Подражая Христу, показавшему пример смирения апостолам, мыла слепому ноги и голову и готовила пищу.

Порой она сидела у его изголовья и читала ему священное писание. Когда Русудан была занята или болела, она посылала Хахутая.

Хахутай, детина огромного роста, водил его по константинопольским улицам.

Как-то Хахутай сообщил Атанасу, что в ближайшие дни Русудан отправляется в Иерусалим.

Он слышал, что крестоносцы грабят по пути жителей, и Хахутай втайне радовался этому; он сам рассчитывал в дороге поживиться.

Известие о намерении Русудан отправиться в Иерусалим взволновало слепого монаха. Он не хотел уже поступать в греческий монастырь, так как после гибели Иоанна он возненавидел греков, как чуму. Да к тому же в греческие монастыри принимались лишь люди без физических недостатков и трудоспособные.

Если бы единственная его покровительница отправилась в Иерусалим, куда бы делся одинокий слепец?

До сего времени императрица Мариам брала на себя заботы по устройству поездки Русудан в Иерусалим, теперь же она была против этой поездки.

— Не время ехать сейчас в Иерусалим, — говорила она Русудан, — ты столько ждала, подожди еще немного, скоро воинство христово возьмет святой город и очистит от сельджукских грабителей дороги в Nikeю и Антиохию.

Но Русудан заупрямилась.

Так как Мариам ничего не добилась неоднократными увещеваниями, она решила действовать иначе.

Мариам знала, что Русудан очень считается со слепым монахом Атанасом. Вызвав Нианию Бакуриани и Джонди, императрица предложила им пойти к Атанасу и попросить его уговорить Русудан отложить отъезд.

Вместе с тем они должны были сообщить, что Мариам отправит Атанаса в Грузию, к брату, которого Давид назначил начальником крепости Мгелцихе.

Она рассчитывала так: если ей удастся разлучить Атанаса и Русудан, возможно, она отложит поездку в Иерусалим.

В сумерки, едва Ниания и Джонди вошли в дом, где жил Иоанн, они слышали громкое пение и возгласы.

В темной комнате лежал на спине Атанас и пел:

Святися, святися,
Новый Иерусалиме!

Услышав шаги, он замолк и спросил по-гречески: «Кто тут?»

После приветствий и обычных расспросов Атанас спросил:

— Не встретили ли вы кого-нибудь на лестнице?

Они ответили: никого.

— Он только что вышел отсюда.

— Кто? — спросили пришедшие почти в один голос.

— Святой апостол Андрей.

Оба улыбнулись, решив, что несчастный Атанас, должно быть, рехнулся.

Джонди засмеялся, а Нианиа сказал с улыбкой:

— Неужели сам апостол Андрей навестил тебя?

— Святой пожаловал сам.

— Как же это произошло?

— Я дремал. Вдруг попугай ни с того ни с сего стал кричать... С трудом я его, проклятого, успокоил. И тут я услышал, как открылась дверь.

Я спросил вошедшего по-гречески: кто ты? Он мне ответил:

«Андрей Равноапостольный».

Затем он приблизился к постели и коснулся моей руки чем-то холодным.

«Что ты мне принес, Равноапостольный?» — спросил я.

«Копье», — ответил он.

«Какое копье?»

«То самое, которым иудеи пронзили бок спасителя нашего».

«На что мне, слепому и убогому, это святое копье?»

«Слепой тот, кто не узрит воскресшего спасителя».

Атанас замолчал. Погодя немного, Нианиа спросил:

— Что еще сказал апостол Андрей, отец Атанас?

— Святой подошел вплотную к постели и сказал мне: «Возьми это копье и отправься в Иерусалим. По пути падут пред ним крепости и башни неверных, следуй с отрядом христовым, идущим в Иерусалим для освобождения гроба господня. Едва войдешь в святой город, возьми щепоть глины, смешай со слюной и помажь ею глаза. Ты прозреешь и узришь Иерусалим во всей славе его».

— Потом, потом? — спросил Джонди.

— Мне кажется, он поставил копье в углу и исчез. Я встал, искал всюду, но копья не нашел. Поищите вы сами, дети мои, — закончил Атанас.

Тщетно искали Нианиа и Джонди — копья Христова нигде не оказалось. Атанас усомнился: кто знает, возможно, святой не доверился мне вполне и унес копье.

Нианиа и Джонди поняли: так был вдохновлен верой слепой старец, что напрасно стали бы они его разуверять в видении святого.

* * *

Когда Мариам убедилась, что увещания оказались напрасными, она сама стала хлопотать о поездке Русудан.

В праздник рождества Христова Мариам участвовала в приеме, который устроил крестonosцам император в Буколеонском дворце.

Императрице Мариам представили Готфрида Бульонского.

После ужина она попросила герцога взять под свое покровительство бывшую царицу Русудан и разрешить ей и ее свите ехать вместе с войском.

Готфрид Бульонский высказал сомнение: мое войско, вероятно, будет передовым, и может оказаться, что царице и ее свите станет трудно следовать за нами.

Этот разговор услышал Алексей Комнен и говорит Мариам: с войском герцога идут мои когорты под предводительством Татикуса. Он поможет бывшей царице доехать до Иерусалима.

.

На Мариам, едва оправившуюся от болезни, легло немало забот; ей пришлось хлопотать обо всем, что было связано с поездкой Русудан в Иерусалим. С бывшей царицей из Грузии прибыли три священника, четыре монахини и два диакона, пять хранителей шатров и конюших. По приказу императора были назначены десять воинов для охраны ее в пути.

МАЙДАН МАСОК

Императрицу Мариам беспокоило одно: как бы в пути не занемогла Русудан. Что касается остального, она была уверена, что крестonosцы на пути от Никеи до Иерусалима одним натиском рассеют сельджуков, и следующие за крестonosцами караваны, паломники, женщины, монахини и монахи беспрепятственно прибудут в Иерусалим. Но все же она попросила Нианию Бакуриани и эристава Джонди сопроводить бывшую царицу.

Накануне Ниания получил письмо от царя Давида. Бакуриани было предложено через месяц вернуться в Начармагеву. Эриставу Джонди повелитель приказывал, чтобы он прослужил год в византийских войсках и обогатил свой военный опыт. Вместе с тем он должен сообщить царю о событиях, происходящих на Западе.

У Джонди в жилах кипела юношеская кровь, и он хотел непосредственно участвовать в походе. А для этого император должен был назначить его тысяцким.

Он пытался устроить это дело через императрицу Мариам, но она ему в этом отказала, настаивая, чтобы он не оставял в пути Русудан. И Джонди вынужден был согласиться.

Как только была закончена перевозка рыцарей-крестоносцев и пехотных отрядов через Босфор, император приказал снарядить корабль для переезда Русудан в Никею.

На этом корабле должны были отправить бывшую царицу в Никею. С ней ехала ее свита, и должны были быть погружены лошади, мулы, три экипажа и повозка.

В день отъезда Русудан императрица Мариам со свитой направилась в монастырь св. Тебронии. Здесь собрались проживавшие в Константинополе грузины — воины, служившие в византийском войске, купцы, ремесленники и духовные лица, сыновья, внуки и правнуки грузин, покинувшие родину при Давиде Куропалате и Баграте Четвертом.

Игуменя монастыря, три епископа и до трехсот монахинь пели:

Святися, святися,
Новый Иерусалиме!

Коленопреклоненная, молилась монахиня Рипсима, бывшая царица Русудан. А рядом с ней слепой монах Атанас усердно клал земные поклоны. Он тоже плакал и причитал, держа в руке боевой крест Багратионов.

Этот крест, к которому были направлены взоры молящихся, отвлекал внимание от Рипсима, снискавшей в монастыре всеобщую любовь. В тот день не отъезд бывшей царицы волновал сердца, а крест Багратионов, который должен был указать путь к святому граду слепому монаху Атанасу и монахине Рипсима.

Никто из грузин не сомневался, что этот боевой крест, который не раз помогал Баграту Четвертому и Георгию Второму в борьбе с турками, поведет крестоносное воинство и приведет в Иерусалим и Русудан и слепого монаха.

Три епископа трижды возлагали этот крест на престол, и всякий раз, когда его выносили из алтаря, кадья алоэ и распевая псалмы, молящиеся падали ниц, плакали и пели.

Наконец крест вынесли из монастыря Атанас и Хахутай, державший его крепкими руками, и положили в экипаж императрицы Мариам, козлы которого были из слоновой кости. Все четыре лошади сверкали серебряными нагрудниками с позументами и серебряными бубенчиками.

В экипаж сели Мариам и Русудан, а перед ними поместили слепого монаха, державшего боевой крест Багратионов,

Затем в экипаж сели епископы. А константинопольские грузины, монахини, монахи, хранители шатров, конюшие и толпы нищих, провожая их, бежали следом.

Распространился слух, что боевой крест, как некогда библейский светозарный столп, поведет «христово воинство» в Иерусалим.

Как мелькнувшая тень, эта молва проникла в соседние улицы, где жили иконописцы, мебельщики, кузнецы, токари, плотники и башмачники. Подмастерья и ученики бросали работу и бежали за процессией.

Весь Константинополь знал в лицо божественную императрицу. Гадальщики, нищие и любопытные стремились приблизиться к экипажу, чтобы лучше ее рассмотреть.

Монахини, шедшие босиком, пели:

Господь великий, грозный,
Ты властитель над миром,
Подчини нам племена неверных,
Повергни их к ногам нашим!

Солнце освещало Босфор.

Нианна Бакуриани, оттесненный толпой, потерял из виду Мариам. Он долго искал императрицу и ее спутников. С трудом протиснулся он через толпу и увидел: прекраснейшая обнимала уродливейшую...

Мариам целовала заросшее волосами, изможденное лицо Русудан. Плакала монахиня Рипсима. Она тянулась к Мариам, Плакала и Мариам, целовала бывшую невестку в лоб и щеки.

— Крест святой будет тебя вести, спаситель наш будет твоим покровителем. Счастливый путь, дорогая!.. — утешала она бывшую царицу.

Нианна и Джонди крепко обняли друг друга.

— Смотри, Джонди, хотя ты будешь один, но я уверен, что не посрамишь чести грузинского меча, — сказал Нианна Бакуриани другу и поцеловал его в щеку.

Когда греческая галера стала разрезать острым килем волны Босфора и паруса надул попутный ветер, не только босые монахини, но и бесчисленный народ, собравшийся провожать боевой крест, запел:

Святися, святися,
Новый Иерусалиме!

Императрица Мариам пожелала вернуться пешком во дворец и попросила Бакуриани проводить ее.

Она шла медленно и вытирала заплаканные глаза. Народ возвращался от пристани в город — шли греки, сербы, русские, валахи, болгары и варяги. Кое-где блестели доспехи отставших крестоносцев. Временами внимание прохожих привлекал красный крест, нашитый на плаще с правой стороны.

Женщины и мужчины, священнослужители и монахи, рыцари и простые воины — никто не проходил мимо Мариам, чтобы не остановиться или не бросить на нее беглого взгляда.

А молодежь, меняя свой путь, следовала вслед за этой «воплотившейся Гимерос», чтобы хотя бы издали любоваться ею.

Мариам, замечая все это, надвигала шаль на брови, но при ходьбе кашемир отодвигался, и она опять чувствовала взгляды сотен глаз, и у нее подкашивались ноги.

Неотесанные, грубые крестоносцы, звеня шпорами, останавливались по дороге и без всякого стеснения глазели на нее в упор.

Пьяный франк в кольчуге кинулся к императрице с криком: „*Charmante!*“.

Нианиа взял обеими руками пьяного, поднял и бросил в сторону на мостовую.

Нищие, узнав сердобольную базилиссу, бежали за ней и выпрашивали милостыню.

Нианиа Бакуриани раздаривал тартароны, и толпа, расступаясь, давала им дорогу.

Оборванные бедняки бежали за императрицей и кричали: «Базилисса, базилисса!»

— Все нищие Константинополя узнают меня, как бы я ни передевалась! — говорила Мариам.

— Кто тебя не узнает, августа! — сказал Нианиа Бакуриани и почтительно взял под руку императрицу, так как мощенная кирпичом мостовая кончилась и улицу пересекал ручеек.

Приблизились к площади Масок.

Нианиа здесь еще не бывал.

Константинопольские ремесленники, проявляя природное остроумие, надев маски, изображали «басилевса», увенчанного короной, «базилиссу» в венце, рыцаря в доспехах, знат-

ных женщин, куропалатов, дómестиков, военачальников, купцов, лодочников, кузнецов, художников и певцов с лирами.

Один тартарон стоял здесь и «император», и кузнец. Коротко говоря, представители всех сословий фигурировали на этом базаре, тонко шаржированные и невольно вызывавшие улыбку.

Вот выступает «император» Алексей Комнен — он в позолоченной кольчуге, на голове у него такой же шлем. На «императора» наступают печенег и половцы.

Половцы в косматых папахах, в ушах у них длинные серьги. Они босы, но в волчьих шкурах.

«Император» грозит варварам копьём, и они, оскалив зубы, бегут от него со страшным криком.

Вот выходит богатырь Готфрид Бульонский в серых стальных латах. Рыцарь без меча, и на него нападает медведь.

Герцог и медведь упорно борются. Наконец Готфрид всовывает в раскрытую пасть медведя кулак, величиною в баранью голову. Медведь бьет лапами рыцаря, но тот дает зверю подножку, бросает его на землю, хватает за челюсти и разрывает ему пасть.

Появляется папский легат Адемар де Пюи. У епископа длинная седая борода, на груди у него висит крест длиной в локоть. Епископ кричит по-латыни: «Деус ле вольт» и обнажает франкский меч.

Перед зрителями появляется Вильгельм Шарпантье — «Иосиф Плотник». На нем латы словно с чужого плеча.

Этот неуклюжий рыцарь угловат и «словно выдолблен из дерева».

«Деус ле вольт!» — орет «Иосиф Плотник».

Его доспехи звенят, а из горла вырывается дикое рычание.

А вот Балдуин — бесстрашный нормандский викинг. Слышен звон его шпор, блестит острый меч в его руке. Танкред выступает против него. Они сражаются, и, скрещиваясь, мечи высекают искры.

Тяжело шагает великан Боэмунд. Рыжеватые волосы свисают у него из-под шлема. На его шлеме изображены два схватившихся волка. Боэмунд, размахивая мощной десницей, грозит мечом и кричит: «Деус ле вольт!».

А вот появляется и Вальтер Голяк. Он в крестьянских постолах. Из-под лат виднеется рваная, грязная рубашка.

Волосы у него взъерошенные, спутанные и грязные. Временами он запускает под мышку руку и извлекает оттуда вшей. Он давит их на ногте большого пальца, восклицая: «Так хочет бог!».

Затем плетется сидящий на осле Петр Пустынник. Глаза у него блестят по-волчьи. Волчьего же цвета борода перекрывает его нагрудник.

Невзрачный человек, сидящий на загнанном осле, обнажает меч, крича: «Деус ле вольт», а актер, исполняющий роль осла, испускает страшный рев.

Нианиа Бакуриани хохотал, оглушенный этим противным ревом. Императрица Мариам улыбнулась и сказала ему: — Эх, милый друг, человеку трудно подражать богу, а подражать ослу всякий сумеет.

Мариам выбрала маски и попросила владельцев прислать их во дворец.

Среди площади сидели в кругу хмельные ремесленники и пили вино.

Там же плясала, одетая в желтое и красное, красавица валашка. На ней была шапочка с серебряными монетами. Такие же монеты красовались у нее на груди.

Танцуя, она била в бубен и звенела прикрепленными к нему монетами.

— Вот эта женщина воистину счастлива! — сказала Мариам Ниании Бакуриани.

Едва она успела это сказать, как девушка прекратила танец, проскользнула между ремесленниками и, подбежав к Мариам, остановилась, как стройная серна, вскинула над головой руку с бубном и крикнула:

— Счастливейшая базилисса! Прекраснейшая базилисса!

Затем валашка сорвала серебряные монеты с шапки и с груди и осыпала ими Мариам.

Восторг танцовщицы удивил императрицу, она замедлила шаги, смутилась и покраснела.

— Почему ты думаешь, что я счастливейшая, девочка? — сказала она по-гречески, невольно следя глазами за серебряными монетами, которые, соскользнув с ее плеч, катились по земле.

— Если бы мне дана была богом твоя красота и обаяние, знай, что я покорила бы весь мир, о базилисса!

Мариам ласково ответила:

— Почему ты рассыпала эти монеты?

— Августа, ты не помнишь дочери валашского господаря Шемадорки? Я как-то танцевала на свадьбе Михаила Таронита, и ты высыпала на мою голову целый кошелек золота.

Мариам вспомнила этот случай, но ничего ей не ответила.

— А после на меня обрушились несчастья, базилисса. Моего мужа убили, и, видишь, до чего я дошла, — танцую на майдане Масок.

С головы Мариам соскользнула вуаль, пораженная танцовщица вперила взор в глаза императрицы, увлажненные слезами.

— Ты плакала, базилисса! А мне казалось, что твои божественные глаза никогда не омрачались слезами.

Пройдя базар, Мариам обратилась к Нианин:

— И этой валашской танцовщице хочется покорить весь мир. Так ненасытно человеческое сердце! Бедняжка, она не знает, как несчастны под конец покорители мира!

Труднее всего человеку покорить собственное сердце, и тот, кто этого добьется, счастливейший человек на земле.

Ты знаешь, что я не любила в Грузии моей бывшей невестки Русудан, но с тех пор, как она поступила в монастырь, она заслужила всеобщую любовь и заставила меня ее полюбить.

Какую прекрасную душу приютило ее уродливое тело!

С каким великим терпением примирилась со своей несчастливой судьбой эта женщина! С какой обходительностью она обращалась не только с игуменьей, но и с каждым простым послушником, с каждым нищим!

Вспомни, с какой заботой она ухаживала за несчастным слепым монахом Атанасом.

Я сама видела, как она чинила старую рясу Атанаса, как она мыла слепому ноги... Ты слышал слова этой валашской танцовщицы, Нианна: «Я думала, что ты никогда не плакала?»

Когда я еще была женой императора Михаила Дука, я не раз приходила на этот базар со своей свитой и покупала маску кузнеца. Я про себя говорила: «О, если бы этот кузнец был моим мужем!». Я была женой могущественного императора, а мечтала быть женой кузнеца!

Я тебе скажу, Нианна, в сущности мы все маски. Кто-то играет нами, а мы думаем, что играем сами, — сказала императрица.

Нианиа улыбнулся и ответил:

— А вы подумайте, августа, сколько жен кузнецов мечтают стать императрицами!

— Увы, Нианиа, повторяю тебе: все мы только маски!

Когда они подошли к Манганскому дворцу, императрица сказала спутнику:

— Воистину, счастлива бывшая царица Русудан. О, если бы и мне удалось закончить свои дни в Иерусалиме.

Затем императрица пригласила Бакуриани во дворец, но он сослался на то, что чувствует себя неважно, поцеловал ей руку и, оставшись один на улице, подумал:

«Почему же так возжаждало смерти это божественное создание?»

КАК ОТПРАВИЛСЯ В ИЕРУСАЛИМ БОЕВОЙ КРЕСТ БАГРАТИОНОВ

В Сирии у нас нигде не нашлось места, где мы смогли бы отдохнуть, кроме спины наших быстроногих коней.

Сколько уже пролито крови!

Скольким красавицам пришлось от стыда закрыть руками румянец на щеках!

Мостасер Аливерди.

«Песня скорби».

Когда войска крестоносцев приблизились на расстояние двух часов ходьбы до Никеи, по приказу византийского военачальника Татикуса весь обоз, а также хранителей шатров и погонщиков мулов оставили в лесу. Он опередил полчища крестоносцев, так как подступы к Никее знал лучше, чем их вожди.

А Джонди жалел о том, что царь Давид не отозвал его в Грузию — он не оказался бы между бабами и калеками в лагере.

Герцог Готфрид Бульонский, Танкред, Роберт Фландрский и Гуго де Вермандуа присоединили к отряду Татикуса три тысячи воннов. Они должны были отбивать нападения сельджуков и отмечать деревянными крестами пройденные дороги.

Этот отряд встретился в пути с остатками войск Петра Пустынника.

К западу от Никеи расположено большое озеро. Поэтому крестоносцы заняли подступы к Никее только с востока и с севера.

Никею окружали триста башен.

На второй же день в лагере крестоносцев возник голод. Но подоспел отряд Боэмунда и доставил продовольствие, присланное императором.

Готфрид приказал подвезти к башням и к стенам города камнеметы и тараны.

Крестоносцы принялись рыть под стеною подкоп.

Султан Килирдж-Арслан не посмел выступить из города. Он велел закрыть ворота крепости и сам засел в ней с войском.

Скоро подошел посланный из Иконии Солиманом Вторым вспомогательный конный отряд.

Граф Боэмунд нанес ему поражение и заставил турок отступить. При этом Боэмунд отбил несколько сот мулов, нагруженных веревками.

Солиман запасся ими, чтобы взять захваченных в плен христиан.

Боэмунд велел собрать отсеченные головы. Часть их насадили на пики. Эти головы должны были устроить войско Килирдж-Арслана, часть же голов погрузили в трюмы кораблей и послали Алексею Комнену. На третий день крестоносцы получили от императора много продовольствия.

С севера крепость осаждали норманны во главе с Боэмундом и Танкредом. С востока крепость обложили войска герцога Годфруа, графа Роберта Нормандского и Этьена де Блуа.

Около южных ворот раскинули лагерь епископ Пюи и граф Сент-Жиль.

Раймунд Тулузский подступил к одной из мощных башен и начал обстреливать ее камнеметами. До вечера он метал камни. Наконец крестоносцы пробили стену башни. Но турки упорно заваливали брешь огромными каменными глыбами.

Из шатра графа Танкреда вышел рыцарь в доспехах.

Он преодолел ров и вал. Турки, засевшие в башне, осыпали его камнями и стрелами. Бесстрашный рыцарь, прикрываясь щитом, продолжал идти вперед, чтобы разобрать камни и открыть дорогу атакующим.

Крестоносцы не поддержали рыцаря. В конце концов ловко брошенный камень разбил ему голову.

Он рухнул на землю.

Турки спустили крючья с башни, зацепили убитого за кольчугу, подняли и повесили на крепостной стене.

Крестоносцы пробовали расширить пролом, но использовать его оказалось невозможным, так как турки продолжали упорно подтаскивать камни.

Военачальники крестоносцев поняли, что с суши им не взять города, пока они не будут хозяевами озера.

Послали скороходов к императору, который стоял с войсками недалеко от Никеи в Пелекануме.

Император приказал туркопулам привязать канаты к кораблям и, впрягши волов, тащить суда волоком к озеру.

Когда корабли были спущены на воду, греческое войско во главе с туркопулами уже могло наступать на турок со стороны озера.

А с суши граф Раймунд повел на приступ франков по дорогам, ведущим к городу.

Алексей Комнен послал своего поверенного Бутумитеса к Килирдж-Арслану и предложил ему свободный пропуск вместе с войском, если Никея будет сдана византийцам без боя.

Султан открыл ворота с северной стороны. Татикус приказал туркопулам войти в город.

Византийцы первые заняли город. Бутумитес тотчас же поднялся на стену и, водрузив византийские знамена, стал восклицать: «Кирие элейсон!».

Алексея Комнена он объявил владельцем города. Супругу Килирдж-Арслана отправили морем в Константинополь, а сокровища султана принял Бутумитес.

Часть населения взяли в плен и послали Алексею Комнену в Пелеканум, а многим дали право отправиться в Константинополь.

Некоторые из сельджукских амиров вступили в войска императора.

Алексей Комнен, зная сребролюбие крестоносцев, обещал им уделить часть захваченной в Никее добычи.

Вожди крестоносцев оставили свои войска под начальством графа Раймунда Сент-Жиль и Этьена де Блуа, а сами направились к императору в Пелеканум.

Нормандский граф Танкред заупрямился.

Он громогласно заявил, что будет подчиняться только родному брату — Боэмунду и не признает над собою ничьей

другой власти. Раймунд Тулузский и его дворяне также не захотели стать вассалами императора.

Город Никею захватили войска Татикуса. Крестоносцам император разрешил входить в город не больше чем по десяти человек и осматривать храмы.

Крестоносцы негодовали из-за того, что император не позволил им грабить город и не поделился захваченной в Никее добычей. Он наградил только тех вождей, которые явились к нему на поклон в Пелеканум.

* * *

Алексей Комнен был в курсе всех политических интриг и событий мусульманского мира. Он знал, что великий визирь египетского халифа Малик аль-Апдала враждовал с сельджуками. Он послал доверенных людей в Каир и поручил им нащупать почву для переговоров.

Тем временем Малик аль-Апдала сам предложил через послов союз византийцам. Послы императора договорились и с армянским князем Торозом в Эдессе. Армяне согласились дать продовольствие для крестоносцев, направлявшихся по киликийской дороге в Антиохию.

Из Никси двинулось трехсоттысячное «воинство христово». В авангарде были главари «нетерпеливых», нормандских рыцарей, Танкред и Роберт.

За ними следовали Готфрид Бульонский, граф Гуго де Вермандуа, Роберт граф Фландрский, Раймунд Тулузский и Адемар, епископ де Пюи.

После двухдневного марша передовые войска Бозмунда достигли Дорилеума, нынешнего Эски Шеер.

Не успели еще крестоносцы раскинуть шатры, как на них напали многочисленные полчища турок.

Турки сумели отрезать от пешего войска конные отряды рыцарей, обнажили ятаганы и кинулись на них с криком «Аллах!».

Но рыцари оттеснили турок, пустив в ход копья и восклицая: «Так хочет бог!». Пеших они захватили в плен.

Женщины, надев доспехи, вскочили на коней и тоже напали на турок. Крестоносцы послали гонцов с просьбой о помощи к Готфриду Бульонскому. Прискакали герцог Готфрид, Адемар де Пюи и граф Раймунд Тулузский.

Бозмунд и Танкред командовали левым крылом. Вместе с ними сражались Роберт де Анза, Рикардо де Принчипату, Роберт Нормандский и Раймунд Тулузский.

Правым крылом командовали Готфрид Бульонский и Гуго де Вермандуа. Адемар де Пуи сразу вышел из окружения и обошел сельджукский левый фланг.

Сельджуки дрогнули и обратились в бегство. До ночи христиане преследовали и рубили сельджукских всадников. Крестоносцам досталась богатая добыча: кони, верблюды, мулы и множество овец.

Четверо суток бежали охваченные ужасом сельджуки, пока их не остановили войска Солимана Второго.

* * *

Ринулись вперед конные рыцари, за ними следовали пешие. Затем шли женщины, старики, калеки и конюшье, и за ними ехала бывшая царица Русудан и ее свита.

Эристав Джонди вооружил копьями даже диаконов. Как-то вечером они захватили беглецов-сельджуков, отрубили им головы, а кольчуги дали погонщикам мулов и диаконам.

Но ни одна кольчуга не приходилась впору диакону Хахутаю. Хахутай часто соскакивал с коня, стаскивал с валявшегося у края дороги раненого сельджука доспехи, примерял их, но ни одни из них не были ему по плечу. Он обшаривал и карманы убитых.

В конце концов ему попался какой-то раненый амир, который лежал у моста. Хахутай пронзил его копьем, снял с него дамастовый тюрбан и, приспособив как пояс, обмотал вокруг бедер.

На этот раз оказались впору и доспехи, и шлем.

Степи,

Степи,

Безводные степи. В разоренных селах выли шакалы. Опустелые, разграбленные сельджуками деревни оставались позади.

Не стало воды. Люди гибли от жажды, околевали лошади.

Многие рыцари вынуждены были спешиться.

Хахутай по пути подбирал уцелевших лошадей и присоединял к ним оставшихся без хозяев мулов. В деревнях он таскал гусей и кур.

Хахутай был жаден. Поймав с десяток кур, он связал их и повесил перед седлом, как переметную суму.

Даже Русудан не могла удержаться от смеха, смотря на

этого «рыцаря»-куроцапа, взгромоздившегося на нагруженного домашней птицей мула. Сблаченный в доспехи Хахутай, сидя верхом, клевал носом

Стоило заметить ему какую-нибудь церковь, как он широко открывал глаза и спрашивал: «Это не Иерусалим, батюно Джонди?»

Чем дальше они продвигались, тем больше жажда мучила путников.

Когда подалась в пути даже лужа, воины снимали шлемы и черпали из нее воду.

Многие крестоносцы заболели лихорадкой.

Не хватало продуктов. А доставать продовольствие становилось все труднее. У Хахутая околело пять лошадей и три мула. Воины требовали привала. А Танкред продолжал торопить войско.

Наконец достигли Гераклеи, нынешней Эрегли. Здесь крестоносцы столкнулись с сельджуками. Танкреду не пришлось ждать главного войска, он разбил врага и взял Гераклею.

Танкреда опередил Балдуин и подошел к Тарзусу. Он взял в плен гарнизон, а вспомогательный отряд обратил в бегство. Танкред не успел еще поставить у городских ворот шатры, как появился Балдуин и объявил город своим.

Подошли армянские рыцари и стали уговаривать Танкреда не отдавать города. Балдуин заупрямился и предложил Танкреду вместе грабить город.

Танкред видел, что у Балдуина было более многочисленное войско, и поэтому уступил Тарзус, а сам направился в сторону Аданы.

Балдуин завладел Тарзусом. Тут к нему пришли моряки из Фландрии и Фрисландии; во главе их был Винье де Бульсье.

Моряки признались в том, что они пираты, плавшие из Европы и грабившие по пути берега. Они рассчитывали пробраться в Иерусалим.

Балдуин одарил этих пиратов и присоединил к гарнизону Тарзуса. Сам же оставил город и направился с войском к Мамистру.

Здесь Балдуин стал у моста лагерем и послал к Танкреду своих людей с просьбой снабдить его продовольствием. Танкред уделил провиант Балдуину, но при дележе запасов произошло столкновение, и в этой стычке многие крестоносцы погибли.

Балдуин, не задерживаясь, выступил по дороге, идущей на восток. Танкред последовал за ним и в горах взял несколько армянских крепостей.

Балдуина по пути встретил армянский князь Пакрат.

В Передней Азии Армения анисских повелителей распалась еще до прихода сельджуков. У васпураканского царя Сенакерима, из рода Арцруни, византийский император Василий Второй силой отобрал владения и заставил его признать себя императорским вассалом. Взамен он отдал ему каппадокийский город Сибаст.

Абелгарibu, отирыску той же династии Арцруни, Константин Мономах предоставил киликийский город Тарзус. Наконец Мономах пригласил в свой дворец анисского Багратиды Гагику Второго, ложными обещаниями выманил у него оставшуюся часть территории Великой Армении, а ему предоставил лишь города Галонбегад и Бизу, около Цезареи.

Багратиду Гагику Второму принадлежал укрепленный город Карс и примыкавшие к нему провинции. Император Константин Дука заставил его уступить владения Византии и взамен отдал ему Дзагитави и Таурус.

Осхин, владетель крепости Маириат Джурки, стесненный турками, тоже вынужден был признать себя вассалом Алексея Комнена.

В пределах Киликии и Каппадокии стали господствовать Рубен и его наследники Рубениани.

Когда крестоносцы вторглись в Киликию, армянские князья Осхин — владетель крепости Тарзуса, Пацун и сын Рубена Константин энергично помогали крестоносцам в боях и снабжали их продовольствием.

.

Армянский князь Пакрат, узнав, что бывшая царица Русудан со своей свитой следует за крестоносцами, послал к ней родственников и предложил ей остановиться в его городе-крепости.

Русудан любезно отказалась от приглашения и продолжала путь за войском Балдуина, за которым шли полки Татикуса.

Армяне между тем уже успели прогнать из своих крепо-

стей сельджуков. Балдуин, овладев крепостью Дель-Башер, передал ее Пакрату.

Тот же подарил крепость сыну и не пустил в нее крестоносцев.

Возмущенный Балдуин приказал бить розгами Пакрата и завладел не только Дель-Башером, но и другими армянскими крепостями.

Когда Балдуин приблизился к Эдессе, его встретили князь Торос, бездетный старик, эдесский епископ и самые именитые жители города.

Торос усыновил Балдуина. По принятому обычаю, Балдуин и жену его обнажили и приемный отец поочередно взял их на руки.

Перед зажженными светильниками пели псалмы приемный отец и приемные «дети».

* * *

Когда победоносный Балдуин подошел к Евфрату, лазутчики сообщили ему о появлении двадцати тысяч сельджуков. Балдуин увидел, что войск у него недостаточно, и повернул к Эдессе.

По пути армяне гостеприимно встречали крестоносцев хлебом-солью. Ликующий народ пел псалмы, и развевались знамена...

Балдуин очищал от турок армянские города и крепости. Войско его достигло «Железного моста» около Антиохии.

Тем временем граф Боэмунд и его воины, подойдя к городу, уже успели разбить палатки у врат св. Павла.

Русудан в пути заболела. Атанас предложил Хахутаю просмотреть лечебные книги. Монахини по пути собирали лечебные травы и настои из них давали пить больной.

Русудан и ее свита благополучно доехали до Дель-Башера. Татикус и Балдуин оказывали им в пути всяческое покровительство.

Но когда достигли хребта Антитавра, в горах, которые называются «Дьявольскими скалами», хранители шатров отстали от повозок.

Вечерело.

В ущелье выли шакалы.

Джонди взял с собою трех воинов-греков и поехал, чтобы поторопить отставших.

На обратном пути он заметил в полутьме, что коляску Русудан окружили какие-то всадники. Джонди услышал дикое гиканье и шелканье плетей.

Сельджукские наездники били возчика. Джонди, обнажив меч, бросился на них.

Между тем Хахутай успел вооружить конюхов копьями, и они подскочили к сельджукам.

Одного из всадников Джонди сбросил в овраг, другого обезглавил, за третьим погнались он и Хахутай.

Турок свернул в ущелье и нагнал двуколку, которая подъезжала к переправе через речку.

Услышав цоканье копыт, лошадей, испугавшись, опрокинула двуколку. Двое турок, увидев своего соплеменника, бросили двуколку, и все трое кинулись в темное ущелье.

Двуколку поставили на колеса. А среди мешков с награбленным добром Джонди увидел стонущего старика, у которого на правом плече адел крест.

Он оказался соратником провансальского рыцаря Вильгельма Петрусом Бартоломеусом.

Петруса мучила лихорадка. Он добрался на двуколке до перевала Антитавра. Здесь его нагнали пять турок, спасавшихся от крестоносцев Балдуина, и, избив, взяли в плен.

По пути эти турки прятались в ущельях, грабили повозки с провиантом и собирали доспехи и оружие.

На этой двуколке Джонди нашел десяток кольчуг, три дамасские сабли и стальное копьё, о котором еще будет идти речь и которое, как увидит читатель, стало причиной больших событий.

Около антиохийской крепости Джонди устроился в покинутой часовне, которую украсили коврами.

Джонди кусал себе губы от досады -- у него появилась новая забота. Старик Петрус не поправлялся. Он бредил, охваченный жаром.

Отец Атанас сидел рядом с больным и прикладывал к его лбу холодные повязки, заботясь о нем, как добрый самаритянин. Они подружились.

Каждое утро они спрашивали, далеко ли еще до Иерусалима?

Джонди не находил покоя и по ночам. Старики утешались пением псалмов, толковали сны, виденные прошлой ночью, и, листая библию, занимались гаданием. Они заранее предвкушали счастье оказаться в освобожденном Иерусалиме.

Город Антиохия был древней столицей династии Селевкидов. В третьем веке до новой эры он был основан Селевком Никатором в память его отца Антиоха.

Надо отметить заслуги римских языческих императоров, укрепивших цитадели и украсивших город.

Если верить легенде, то сам св. Петр был много лет епископом Антиохии. Неоднократно город претерпевал землетрясения, но каждый раз он был восстанавливаем заботами христианских пастырей.

В седьмом веке мусульмане отняли город у греков. Спустя два столетия император Никифор Фока отобрал Антихию у мусульман. В 1086 году султан Икония Сулейман ибн-Кутулмиш взял Антихию.

Когда крестоносцы подошли к городу, его правителем был амир Яги Сиан, наследник Арслана.

Антиохия расположена на берегу реки Оронта. На северо-востоке от города высятся четыре горных хребта. На одном из них — главная крепость Антиохии. Она окружена длинной стеной с тремястами шестьюдесятью башнями. Она так широка, что колесница, запряженная четверкой лошадей, могла свободно по ней проехать.

На юге расположены ворота у моста с башней, называемые «Воротами двух сестер».

На севере расположены «Герцогские ворота» и «Собачьи ворота».

На юге через «Водные ворота» течет река, пересекающая город.

Когда вожди крестоносцев разбили лагерь на подступах к Антиохии, из города не доносилось никакого шума — казалось, он покинут жителями.

Боэмунд с норманнами расположился против башни св. Павла, чтобы закрыть дорогу к «Собачьим воротам» и «Герцогским».

Боясь распыления сил, крестоносцы не перерезали только путь к западным воротам с башнями, защищавшими Оронтский мост.

Войска Боэмунда захватили большие запасы продовольствия.

Христиане — сирийцы и армяне — снабжали их зерном и вином, пригоняли скот и привозили фрукты.

Турки изгнали христиан из Антиохии, семьи же их оставили в крепости заложниками. Сирийцы и армяне переплы-

вали Оронт на пароме, недалеко от лагеря Готфрида Бульонского, и снабжали припасами свои семьи.

Позже крестоносцы узнали, что начальник крепости Антиохии захватывал некоторых из переправившихся, заключал их в темницу и допрашивал о количестве войск и военных приготовлениях крестоносцев.

Не прошло и недели, как турки стали делать вылазки. Они выходили из крепости, нападали на крестоносцев, затем отступали и укрывались в крепости.

Дорога, выходящая из «Собачьих ворот», шла к мосту через непроходимое болото.

Крестоносцы орудовали камнеметами и греческим огнем против «Собачьих ворот», но не могли прекратить вылазки.

Наконец кое-как удалось завалить снаружи эти ворота каменными глыбами и поставить вблизи охрану.

Около Антиохии расположена гавань св. Симеона. Отсюда крестоносцы получали продовольствие. Дорога эта шла к парому. Именно в этом месте турки, выходя из башен, нападали на крестоносцев, одних брали в плен, а других, выведя на стень, казнили на глазах их соотечественников.

Тут Танкред и устроил туркам засаду. Он напал на них и обратил в бегство, но при этом нормандские рыцари потеряли много лошадей.

В трех часах ходьбы от «Железного моста» находилась «Крепость гарема», которая защищала дорогу на Алеппо. В этой крепости тоже засели турки.

Бозмунд послал туда небольшой отряд, сам же он застался с войсками в зарослях. Когда турки вышли из крепости, он внезапно напал на врага и захватил до тысячи турок. Их повели к церкви св. Павла и на глазах защитников Антиохии зарубили мечами.

Чтобы прекратить вылазки антиохийского гарнизона, вожди крестоносцев решили воздвигнуть башню недалеко от лагеря Бозмунда, на горе Каснус.

В лагере крестоносцев все же не хватало продовольствия, Бозмунд направился к Алеппо с двадцатитысячным войском, чтобы заготовить продукты. В пути их встретили армяне и сирийцы и сообщили, что мусульмане с огромным войском направляются к Антиохии.

Так как разведчики подтвердили, что мусульманские амиры ведут несколько сот тысяч воинов, Бозмунд предпочел отступить и дать бой в окрестностях Антиохии.

Наследники Малик-шаха, султаны и амиры еще не успели столкнуться. Конец их вражде положило вторжение в Малую Азию и Сирию крестоносцев. Эта угроза заставила турок временно объединиться.

Они потеряли не только Никею, но вынуждены были очистить Каппадокию, Киликию и область Евфрата. Балдуин взял Эдессу и занял Месопотамию.

Император Алексей Комнен, завладев Никеей, собирался с наемным войском пойти через Малую Азию. Он уже начал этот поход.

Император хорошо знал, что египетские халифы и сельджуки боролись за обладание Передней Азией. Поэтому он, на второй день после занятия Никеи, предложил союз египетскому халифу.

Аль-Апдала послал доверенного к императору и известил о согласии заключить союз и в войне с сельджуками быть на его стороне. В случае победы Аль-Апдала был готов передать Иерусалим и его окрестности христианам, а остальные земли Палестины должны были отойти к Египту.

Вожди крестоносцев относились с недоверием к союзу византийцев и египтян, так как они хорошо знали, что лукавый император не так уж радовался их успехам.

Султан Бархиарок был занят наказанием сторонников Тутуша, но как только к Антиохии подступили крестоносцы, а Балдуин приблизился к Мосулу, он велел амиру Кербоге во что бы то ни стало остановить продвижение христиан.

Весь мусульманский мир Передней Азии был поставлен на ноги Кербогой. Он собрал шестьсот тысяч воинов. Это войско в несколько раз превосходило армию крестоносцев. Важно было то, что у крестоносцев лошади погибли в пути, а основное ядро войск Кербоги составляла кавалерия.

Кербоге подчинялись амиры — Ридуан, Декак из Дамаска и Токтекин, владетель Иерусалима — Наджм Эддин иль-Гази и брат его — Сукман, амир Эдессы — Джанад Эд-Даула, Мухаммед бен Веттаб и подвластные ему бедуины.

Кербога не учел того, что главные силы сельджуков были направлены против крестоносцев, обосновавшихся в Антиохии.

Вначале он не посчитался с просьбой Яги Сиана. Вместо того, чтобы помочь ему, он напал на Балдуина, потратил время на осаду гарнизона крепости Эдессы.

Только после настойчивой просьбы Яги Снаана Кербога перешел Евфрат и направился к Антиохии.

Когда Боэмунд вернулся в Антиохию, в лагере был голод. Сирийцы и армяне — беженцы — причесли известие, что к городу приближается с бесчисленным войском Кербога и с ним еще отряды других амиров. Это смутило крестоносцев.

Малодушные решили бежать. Сговорившись, они назначили место встречи в лесу ночью и бежали. Одни направились в Nikeю, а другие в гавань св. Симеона, чтобы на кораблях пиратов попасть как-нибудь в Европу.

Армяне продолжали снабжать продовольствием лагерь крестоносцев, но его не хватало.

Анналисты сообщают, что наблюдались странные небесные явления.

На западе появилась багровая комета с «красным хвостом», который тянулся к востоку.

«Видали в небе удивительное багровое светило. Многие видели крест темно-синего цвета, и от него шел огненный луч к востоку».

Комета эта вешала о большом кровопролитии, как предсказывали тайновидцы.

Трижды произошло землетрясение.

* * *

Епископ Адемар созвал аббатов, священников, монахов и монахов и установил для всего войска пост и чтение покаянных молитв. Вонны взяли знамена и хоругви и с пением псалмов три раза обошли лагерь.

Землетрясения и появление кометы глубоко потрясли монаха Атанаса. Он был не только стар и слеп, он оказался еще лунатиком: слепец по ночам взбирался на колокольню. Джонди и Хакутаю прибавилась новая забота: всякий раз, как за ним не успевали доглядеть, он туда проскальзывал.

Старого Петруса ужасали комета и землетрясения. Он был в таком состоянии, что не мог ни есть, ни говорить.

Зато, когда к нему возвращался дар речи, он предсказывал всякие напасти и убеждал Джонди и Атанаса, что второе пришествие застанет их в Антиохии.

Снова и снова он толковал об этом слепому монаху.

Атанаса охватывали страх и беспокойство, что день второго пришествия застанет его в Антиохии и он не удостоится увидеть гроб господень.

А Джонди, которому надоели все эти истории, мечтал об одном — чтобы как можно раньше началось второе пришествие или прибыл бы с войсками Кербога, чтобы положить конец всем этим хождениям по мукам.

Вместе с тем он просил Татикуса назначить его начальником сотни или тысячи.

Татикус обещал, но почему-то не исполнял его просьбы...

В лагере крестоносцев распространились болезни, усиливался голод и нарастал страх. Как-то ночью бежали Вильгельм Шарпантье и Петр Пустынник. Танкред нагнал беглецов и вернул в лагерь.

Заколебался и предводитель византийского войска Татикус. Он не решился бежать тайком и вступил в переговоры с Боэмундом. Он обещал, что пришлет византийский флот и недостававших крестоносцам боевых коней в гавань св. Симеона.

Заложниками он оставил около пятисот приближенных и своих слуг. Не взял он и шатров. Татикус назначил начальником своих отрядов эристава Джонди. Вожди крестоносцев не особенно жалели об уходе этого колеблющегося союзника. А люди злоязычные утверждали: возможно, что Алексей Комнен заключил союз с египтянами и поэтому вызвал своего военачальника.

Во всяком случае, нашлись люди, которые решили последовать примеру Татикуса и греческих воинов.

Целые отряды крестоносцев подымались ночью и, оставив оружие, бежали. Турки брали их в плен в лесах и лощинах, одних убивали, а других отправляли на невольничьи рынки.

На второй день после ухода Татикуса Русудан сказала Джонди:

— Наши единоверцы греки ушли, зачем нам оставаться здесь. До Иерусалима уже недалеко, отправимся туда. Боевой крест Багратионов доведет нас благополучно до Палестины.

Джонди очень хотелось сразиться с турками. Поэтому он начал доказывать Русудан, что ехать без охраны в Иеру-

салим опасно, и кое-как уговорил ее отложить путешествие до взятия антиохийской крепости.

Яги Сиан обратился к мусульманским амирам с просьбой о помощи.

Он послал своего сына Шемс Эд-Даула к Декаку в Дамаск, а второго сына — к мосульскому амиру Кербоге. Отправлены были посланцы к Наджм Эддину иль-Гази и его брату Сукману — владельцам Иерусалима. Шемс Эд-Даула повидался и с вождем арабов Мухаммед бен Веттабом.

Лазутчики сообщили вождям крестоносцев, что на помощь осажденному гарнизону спешит амир Ридуан из Алеппо. Бозмунд посоветовал своим товарищам оставить пехоту в Антиохии и ждать с конницей у Райнды войско амира Ридуана.

Сам же Бозмунд ночью выехал из города со своими рыцарями и занял узкий проход между рекой Оронтом и антиохийским озером. Он решил здесь встретить врага, чтобы не дать ему возможности обойти его с флангов.

Наконец лазутчики сообщили, что враг приближается. Бозмунд разделил свое войско на шесть отрядов. Пять из них он поставил рядом, а сам стал во главе шестого, поместив его в тылу.

Обнажив сабли, турки со страшными криками и возгласами «Аллах!» кинулись в атаку на крестоносцев.

С возгласами «Так хочет бог!» христиане устремились с копьями на врага.

Крестоносцы обратили в бегство передовые части турок, но подоспело ядро турецких войск, и христиане отступили.

Бозмунд двинул им на выручку отряд, во главе которого поставил своего констабла.

Но турки разбили и этот отряд.

Тогда Бозмунд дал шпоры коню и, воодушевив личным примером войско, оттеснил врага.

Отступившие турки вернулись в лагерь и подожгли шатры. Тут их встретили засевшие в засаде армянские и сирийские христиане и начали обстреливать.

Бозмунд продолжал преследовать турок, которые бежали, бросая оружие и оставляя продовольствие. Бозмунд велел собрать в переметные сумы отрубленные головы турок и отвезти в Антиохию. Насаживая эти головы на пики, крестоносцы перебрасывали их через стены осажденной крепости

На следующий день прибыли к Боэмунду послы-христиане, посланные египетским халифом Аль-Мусталом и его первым визирем Малик аль-Апдалой. Они предложили крестоносцам заключить союз против сельджуков.

Удрученный поражением Яги Сиан опять послал своих людей к Кербоге в Мосул и одновременно просил и других амиров о немедленной помощи.

По ночам турки проскальзывали через «Собачьи» и «Герцогские» ворота. Они подкрадывались к лагерю христиан, подстерегали их на дорогах и убивали спящих...

Вожди крестоносцев решили взять, наконец, крепость...

Недалеко от «Ворот моста» находилась мечеть, а около нее — мусульманское кладбище. Решено было превратить эту мечеть в башню.

Боэмунд и Раймунд с небольшим отрядом отправились в гавань св. Симеона, провожая египетских послов, которые оттуда должны были ехать на родину морем. Вместе с тем крестоносцы рассчитывали привезти из приморского поселения генуэзских мастеров для перестройки мечети.

Турки, ринувшись из «Ворот моста», атаковали крестоносцев и заставили было их отступить. Но подоспевший Гогфрид разбил турок, часть сбросил в Оронт, а другие погибли в поле.

Их головы отправили на мулах египетским послам, чтобы они отвезли их халифу.

Генуэзские мастера собрали на турецком кладбище плиты и перестроили мечеть в башню.

Крестоносцы огородили ворота волчьими ямами. Свободный выход остался лишь через ворота св. Георгия. Чтобы лишить осажденных возможности делать вылазки, находившийся вблизи этих ворот монастырь превратили в цитадель. Стреленный гарнизон не мог ни нападать на осаждавших, ни получать продовольствие.

Как-то вечером воины Танкреда задержали нескольких армян, которые вели в Антиохию верблюжий караван, нагруженный провизией.

Все, что они везли: вино, масло, зерно, — попало в лагерь крестоносцев.

Но вожди христиан все же не решались штурмовать крепость.

Между тем голод хватал за горло осажденных. Беглецы

спускались по веревочным лестницам со стен, просили обратить их в христианскую веру и крестить, лишь бы сохранить жизнь

Один сириец, выбравшийся таким способом из горёда, передал Боэмунду письмо от амира Пируза, армянина, принявшего мусульманство. Он просил вторично крестить его по христианскому обычаю и обещал Боэмунду помочь взять крепость и передать все сокровища крестоносцам.

Боэмунд отправил обратно в крепость сирийца и передал Пирузу свое согласие. В ту же ночь он собрал вождей крестоносцев и предложил им: если вы уступите мне Антиохию, я в трехдневный срок возьму цитадель.

Крестоносцы долго решали и спорили и наконец сказали Боэмунду:

«Мы все сражались, чтобы овладеть этим городом, и добыча должна быть разделена поровну».

Боэмунд отклонил это предложение.

На следующий день лазутчик сообщил военачальникам крестоносцев, что атабаг Кербога и амиры, его сторонники, перешли Евфрат.

Это известие заставило военачальников крестоносцев изменить свое решение. Они согласились на условие Боэмунда.

После полуночи Боэмунд отослал лазутчика назад в крепость и потребовал у Пируза заложника.

Пируз прислал заложником своего сына и предложил Боэмунду: для того, чтобы ввести в заблуждение Яги Сиаха, ввести днем часть своих войск от Антиохии, а с наступлением ночи ждать его сигнала с Южной башни.

В лагере крестоносцев распространилось радостное известие — сегодня ночью начинается штурм Антиохии. Джонди послал к Боэмунду Петруса и начальника византийского отряда с просьбой дать ему пятьсот воинов и разрешить принять участие в штурме. Боэмунд вызвал Джонди. Ему понравился этот представительный мужчина с благородным лицом.

Сначала Боэмунд отнесся благосклонно к его просьбе, но когда он по-латыни спросил Петруса, какой веры этот воин, и получил ответ, что он «грек-католик», то недоверчиво покачал головой. И хотя потом улыбнулся, но все же отказал ему в просьбе.

Боэмунд хотел сам взять крепость и не делить ни с кем победу.

Джонди очень огорчил отказ. Он знал, что этой ночью начнется штурм, а ему, военачальнику царя Давида, придется с диаконами и монахинями быть только свидетелем боевых событий.

Боэмунд сообщил Готфриду, Адемару и тулузским графам, что он возьмет Антиохию этой же ночью. Вместе с тем он потребовал, чтобы часть конных рыцарей и пеших воинов увели с подступов к цитадели. С наступлением же темноты войска должны были скрытно собраться у Южной башни.

С пением и барабанным боем войска покинули город. Конных рыцарей спрятали за горой, а пешие воины отошли по берегу Оронта на некоторое расстояние от Антиохии. Как только стемнело, войска собрались у Южной башни. С нее была спущена веревочная лестница, привязанная к зубцам.

Сто человек взобрались по канатной лестнице на верхушку башни. Не видя Боэмунда, Пируз заколебался и спросил:

— А где же вождь крестоносцев?

Тем временем Боэмунд тоже поднялся на башню. Крестоносцы встретили его возгласами «Так хочет бог!».

«Так хочет бог!» — откликнулись ждавшие внизу рыцари и, поднявшись на башню, кинулись рубить всех, кто им попадался по пути, среди них был убит и брат Пируза. Веревочная лестница не выдержала тяжести устремившихся по ней новых воинов и оборвалась, причем многие разбились.

Тем временем крестоносцы осилили ворота башни и, ворвавшись внутрь, кинулись на опешивших турок, крича «Так хочет бог!».

Всю ночь в городе был слышен лязг оружия, звон клинков, стук щитов и иступленные крики «Аллах!» и «Так хочет бог!». Вопили женщины, ржали кони.

Мечи, копья, закаленные в Генуе, Неаполе, Вене, Триесте, Ферраре, Антверпене, Лондоне, Париже, состязались в темноте с оружием, изготовленным в Дамаске, Алеппо, Мосуле, Багдаде и Исфагане. Звенела сталь, стонали люди. ручьями лилась кровь, горели охваченные пламенем мечети и дома.

Еще до рассвета Боэмунд взял крепость и повесил над «Собачьими воротами» свое знамя, которое было краснее крови. Яги Сиан с тысячей воинов успел бежать.

Джонди не спал всю ночь. Как только донесся шум из антиохийской крепости, он выстроил перед монастырем византийских воинов и решил вступить в сражение без всякого сираса.

В это время с дороги донеслось цоканье копыт. Джонди поспешно повел в ту сторону копыеносцев. Диакон Хахутай, вооруженный огромным дамасским мечом, скакал верхом, направляя отряд.

Когда отступающий Яги Сиан наткнулся на отряд Джонди, он остановил своих воинов и приказал им спешиться, сам же остался на коне. Турки, прикрываясь легшими на землю лошадьми, встретили стрелами воинов Джонди.

Джонди все же прорвался с двумя сотнями копыеносцев через вражеские ряды и, вступив в единоборство с Яги Сианом, пронзил его копьем.

Яги Сиан упал с седла. Диакон Хахутай подскочил к нему и прикончил его.

Когда в крепости Джонди передал Боэмунду голову Яги Сиана, нормандский рыцарь поцеловал «грека-католика» и подарил ему свой меч, на котором была изображена волчья морда.

Затем он улыбнулся герою и сказал:

«Так хочет бог».

СЧАСТЛИВЕЙШАЯ БАСИЛИССА

Императрица Мариам передала Кирнону Манглисскому и отцу Василию множество священных книг и церковной утвари.

Монахи афонского Ивериона и грузинских монастырей в Иерусалиме сумели отправить морем, через моряков-лазов, к императрице Мариам кое-какие церковные ценности и священные реликвии для посылки в Грузию.

Среди них были писания апостольские и древние греческие тексты, переведенные на грузинский язык Георгием Мтацминдели.

Из монастырей св. Николая и Капата были пересланы частицы животворящего креста, оправленные в серебро, большие золотые в серебряные потиры, золотые дароносицы

с лжицами и рипиды, а также парчовые ризы и книги Златоуста, украшенные жемчугом.

Прислал дары и Лазский монастырь в Иерусалиме.

Евангелие, книги пророков, святцы, требники, украшенные орнаментами и крестами.

Кресты для литаний серебряные, большие иконы с распятием, писанные неизвестными грузинскими мастерами, оцененные в сотни драканов, другие иконы, присланные некогда в дар императорами Василием и Никифором.

Другие иконы — двенадцати апостолов, иконы особо чтимые, изготовленные грузинскими чеканщиками, скараманги и иконы большие и малые.

Грузинские пастыри перед отъездом обошли константинопольские церкви и монастыри.

Они взяли слово с императрицы Мариам, что весной она посетит Триалети.

Кирион Манглинский и отец Василий решили, что надо проведать трапезундскую паству и помолиться в тамошней церкви, поэтому они поспешили выехать из Константинополя.

Священнослужители дождались попутного ветра и на греческой галере выехали в Трапезунд.

Нианиа выполнил все поручения царя Давида. Он ждал возвращения своего отца из Петрицони.

Его заботливо обслуживали люди, присланные императрицей Мариам, но это его не утешало и он остро чувствовал свое одиночество в доме покойного Иоанна Магистра.

Скучавший попугай иступленно кричал.

Избалованная лаской птица не находила себе места. Она будто осознала, что прекратился и иссяк род злочастливого магистра.

У Ниании не было друзей в Константинополе. Закончив осмотр церквей и дворцов, он не знал, куда девать время.

Томимый желанием видеть Мариам, он не решался поехать в Манганский дворец без приглашения. Единственная надежда поддерживала влюбленного рыцаря — может быть, в какой-либо церкви или где-нибудь на улице он случайно встретит Мариам.

Утром и вечером, на рассвете и в сумерки он посещал то храм св. Софии, то св. Виталия, то храм Сорока мучеников, то храм Влахернской божьей матери, но нигде он не встретил императрицы.

Наконец странный страх овладел Нианией: что, если Мариам заболела?

Ниания не любил вина, но известно, когда Гимерос ранит в сердце юношу, он тянется к винограднику Бахуса. Потому Ниания стал частым гостем константинопольских таверн.

Как-то вечером он сидел в таверне. Перед ним стоял кувшин с ароматным вином «хондро», им он утешал сокрушенное сердце.

В углу сидели уставшие за день ремесленники-греки, тихо беседовали и пили вино.

В таверну забрели крестоносцы. Они без приглашения подсади к столу ремесленников. Когда у тех не хватило тартаронов, им отказали в вине.

Незванные гости вступили в пререканья с ремесленниками. Кончилось тем, что они разбили пустые кувшины об их головы.

Среди греков было три старика и четвертый молодой, но одиорукий. Ни один из них не имел оружия.

Стариков крестоносцы сбросили со скамеек, а юношу начали избивать.

Гнев охватил Бакуриани, смотревшего на эту сцену. Он подскочил к трем рыцарям, двух ударил в живот локтями и запихнул, как бурдюки, под стол.

Третий успел выхватить меч и кинулся на Бакуриани. Ниания обернул руку полою кожаного кафтана, вырвал оружие у рыцаря и, как кусок льда, обломал об его голову клинок, выкованный в Ферраре.

На шум прибежали ночные сторожа, задержали участников драки и поволокли их к константинопольскому епарху.

Епарх понравился поступок Ниании. Он улыбнулся и освободил его. На следующий день епарх отправился во дворец к Мариам и обо всем рассказал.

Мариам послала дворецкого Цинцилука за Нианией, но его не оказалось дома.

Нианию очень огорчила эта неудача, и он решил не ждать в Константинополе приезда отца и самому поехать к нему.

Накануне отъезда ему особенно наскучил бередящий сердце крик попугая.

Он вышел из дому и опять забрел в таверну.

В таверне было много народу. Греки и крестоносцы здесь перессорились и, пьяные, непристойно ругались.

Нианиа заметил, что ругавшиеся не понимали бранных слов на незнакомом языке. Пуча глаза, они жестами угрожали друг другу.

Но ясно было, что буяны не ограничатся руганью и начнут драку.

Нианию всегда развлекали всякие потасовки, но ему не хотелось быть еще раз замешанным в таком побоище. Он не допил вино, вышел из таверны и, преисполненный грусти, пошел по улице, которая вела к церкви св. Виталия.

Сгущались сумерки. Улица была полна прохожими. Пьяные крестоносцы валялись у ворот зданий. Другие бесчинствовали в толпе. Женщин не было видно.

Вдруг Нианиа услышал шум колес экипажа и оглянулся. Он узнал позолоченный экипаж и увидел императрицу. Мелькнула и лысая голова дворецкого Цинцилука.

У Мариам лицо было закрыто вуалью. Экипаж промелькнул совсем близко от Ниании, но ни императрица, ни Цинцилук его не заметили.

Странный трепет охватил Нианию. Он ускорил шаги. У него мелькнула смелая мысль: нагнать экипаж. Но благородие одержало верх. Он понял, как было бы смешно рыцарю в доспехах бежать по улице и к тому же в чужом городе.

Нианиа шел быстро, следя за сверкающим экипажем. Ему было ясно: если экипаж свернет влево, значит, императрица направляется во дворец, а если поедет прямо — Мариам будет молиться в церкви св. Виталия.

Уже появился на улице хромой фонарщик с лесенкой. Он зажигал фонари.

В конце улицы, на площади перед церковью св. Виталия, собралась толпа. Экипаж поехал медленнее, а Нианиа прибавил шагу.

У церкви стояли экипажи кесаросов, логофетов и куропалатов.

Цинцилук помог императрице выйти из экипажа. За нею последовала Мелита.

Когда все трое отошли от экипажа на некоторое расстояние, Бакуриели опять ускорил шаги.

Сердце у Ниании учащенно билось.

Нагнать?

Императрица может решить, что это навязчивость.

Опередить скорыми шагами?

Это тоже не годилось.

Решимость изменила ему, и он примирился с мыслью, что

завтра утром он отправится в Петрициони, именование отца, и как только закончит свои дела, не повидав Мариам, вернется на родину.

Ему стало стыдно своего юношеского пыла, и он медленно последовал за шедшими впереди Мариам, Цинцилуком и Мелитой.

Императрица говорила Цинцилуку:

— Значит, грузинские первосвященники отплыли в Трапезунд?

— Да, августа, они воспользовались попутным ветром.

— Неужели гости уехали, не простившись?

— В прошлое воскресенье они трижды приезжали, но ты была в Христополе, августа.

— Почему ты не пригласил во дворец сына Григория Бакуриани?

— Я каждый день посещал дом Иоанна, августа, но никак не мог его застать.

— А почему ты не написал ему, чтобы он нас навестил?

— Ты этого не поручала мне, августа.

— Разве ты сам не мог об этом догадаться?

Как ты мог быть таким равнодушным к спасалару царя Давида, покинутому в опустевшем доме, где остался только попугай.

Это могут объяснить, помимо всего прочего, нашей скупостью. Псылал ли ты достаточно продовольствия, и кто его обслуживал?

— Я послал двух слуг, как ты приказала, одного повара и постельничего. Продовольствие повар получал из нашей дворцовой кухни.

Некоторое время все трое шли молча. Нианна слышала только звуки их шагов. Потом Мариам опять обратилась к Цинцилуку:

— Неужели во время моего отсутствия Бакуриани ни разу не приходил во дворец?

— Ни разу, августа.

Затем она повернулась к куропалатисе Мелите:

— Ты ничего не слышала о приключении Нианнии Бакуриани?

— Как же, слышала. Бакуриани избил трех крестоносцев-франков. Так им и надо. Эти нахалы постоянно бесчинствуют. Даже кипчаги не ведут себя так, как эти варвары, в нашем городе. Вчера вечером на вдову куропалата Евстатиуса они напали на улице.

Опять все трое замолчали. Сидевшие и лежавшие у портика нищие с возгласами бросились навстречу Мариам, прося подаяния, но Нианиа успел услышать, как она сказала Цинцилуку:

— Завтра же пригласи во дворец спасалара царя Давида.

Нианиа еще спал, когда пришел доверенный царя Давида в Константинополе Георгий Торели и передал письмо, присланное Чкондидели.

В день святого Георгия в Джавахети будут устроены большие маневры, и государь вас срочно вызывает, сообщал первый визирь.

Не прошло и часа, как перед дворцом остановился экипаж императрицы Мариам и оттуда вышел дворецкий Цинцилук.

Он сообщил Бакурнани, что Мариам просит его поехать вместе с ней в Христополь.

С первого же дня приезда в Константинополь Нианиа Мариам неоднократно приглашала его в свое имение Христополь. Но суд над заговорщиками и последовавшие затем события помешали императрице выполнить это намерение.

Нианиа надеялся, что в Христополе, на лоне природы, можно было обойтись без принятых в Манганском дворце церемоний. И, быть может, судьба улыбнется и ему выпадет счастье побеседовать наедине с Мариам.

Императрица вначале хотела отправить свиту в экипажах. А Нианиа, Цинцилук, старший конюший Никита и двое конюхов должны были ехать вместе с нею верхом.

Экипажи предназначались для протодиакона Евграфа, трех монахинь, вдовы себастоса Никифора Амфисы и для двух епископов.

Куропалатисе Мелите тоже захотелось ехать верхом.

Нианию злило ее желание. Он опасался, что если императрица ей позволит ехать верхом, то Мелита отправит ему приятное путешествие.

Сначала Мариам ей отказала, но Мелита так жалобно ее упрашивала, что та согласилась. Тогда и Амфиса, вдова себастоса, захотела тоже ехать верхом.

Два конюха вывели из конюшни арабского коня. Нианиа бросилось в глаза тавро Багратионов: хитон Христа и по его сторонам — два вздыбленных льва и скрещенные мечи.

Конюхи с трудом сдерживали горячего жеребца. Он нетерпеливо перебирал ногами и грыз удила.

Мариам с улыбкой спросила Нианию:

— Как тебе нравится мой конь Гектор?

— Конь замечательный, но боюсь, что он норовистый, август.

— Посмотрим! — ответила Мариам, протянула коню сахар и начала гладить ему уши.

— Этого коня подарил мне на именины брат мой Георгий год тому назад. Он говорил, что конь происходит от Куджая, принадлежавшего моему благословенному отцу.

Я его поила козьим молоком. Поэтому он не потеет. Готфрид Бульонский пришел в восхищение от моего Гектора, он сказал: «Такой конь стоит венца французского короля!»

— Относительно Куджая и ты, возможно, знаешь, что его привел конюх Баграта из Йемена.

На Гекторе было седло, отделанное серебром, сбруя и нагрудник тоже сверкали серебром и были украшены ниншбургским жемчугом. В налобнике поблескивали большие агаты.

На императрице было черное дамастовое платье с золотыми пуговицами. Когда Мариам села на коня, она была похожа на Гимерос, ехавшую на Пегасе.

Шихнийские жеребцы были подведены Ниании и старшему конюху Никите. Они не поспевали за Гектором. Епископы, ехавшие в экипаже, с самого начала отстали.

Куропалатисе Мелите очень хотелось ехать рядом с Бакуриани, но ей досталась такая тугоуздая лошадь, что она с трудом с ней справлялась. То сбруя ссаживалась назад, то ей приходилось удлинять стремяна, то плеть падала из рук напуганной женщины.

Старшему конюшему приходилось то и дело возвращаться, помогать Мелите. Ниания Бакуриани следовал на почетном расстоянии за императрицей.

Миновали главные ворота цитадели и выехали за город. Дороги, ведущие к столице, все еще были заполнены толпами отставших крестоносцев.

Шли пешие воины, ехали конные рыцари, священники, монахини, повозки с женщинами, экипажи и двуколки, семенили ослы с сидящими на них воинами, брели странники и вищие.

Гектор, проявляя свой норовистый нрав, мчался карьером.

Нианиа опасался, что кто-нибудь может задеть императрицу. Он пустил вскачь коня и нагнал Гектора.

Дорога на Хриstopоль была свободней. На холмах показались лавровые роши, виднелись обсаженные тополями огороды, сады и виноградники.

Склонявшееся к закату солнце ласкало гроздьи, золотившиеся, как янтарь. Шелестела под копытами коней пожелтевшая парча листвы.

Нианиа посмотрел в сторону моря и сказал императрице:

— Как все здесь напоминает Грузию!

— Действительно... — ответила Мариам. — Когда я проезжаю здесь, мне кажется, что я нахожусь на родине: потому мне так дороги эти места.

Оба помолчали. Затем императрица сказала:

— А какие именно места напоминают тебе эти окрестности?

— Около Анакопийской крепости есть ущелье, как оно называется, не помню. Там есть такие холмы, поросшие лавром. Они так привлекательны и манящи, что хочется поглядеть их рукой.

Потом Нианиа, указывая плетью, сказал:

— Вот те виноградники и тополя напоминают виноградники около Гегути. Там такие же виноградники, обсаженные тополями.

— Посмотри на горный мыс, спускающийся к морю, разве он не напоминает хобот слона? Вспомни, где ты видел такую гору, спускающуюся к морю? — спросила Мариам с сияющими глазами. Нианиа заметил, что от верховой езды у нее заалели щеки и она стала похожа на юную девицу перед смотринами.

— Никак не вспомню, — ответил Нианиа, так как его больше привлекал пламень румянца на щеках Мариам, чем аналогии природы.

— Такая гора спускается к морю около Бичвинты. Там стоит крепость какого-то абхазского эристава...

Нианиа оглянулся — движущимися пятнами казались экипажи. Куропалатиса Мелита и вдова себастоса Амфиса ехали медленно, сопровождаемые конюшими.

Нианиа Бакуриани был счастлив тем, что остался наедине с Мариам.

Слова признания подступали к горлу, но мужская стойкость и благоговение перед этой женщиной сдерживали их.

— Как красиво белое серебристое руно, скользящее по

волнам к берегу, и эти покрытые лаврами голубые холмы, напоминающие спины наших буйволов, и зрелые виноградные гроздья, словно отлитые из золота.

Нианиа натянул поводья и сказал императрице:

— Все это, конечно, достойно восхищения, августа, но для меня это небо, это море, эти виноградники украшаешь ты...

Нианиа замолчал; от волнения он не мог продолжать разговор.

Мариам, улыбаясь, обратилась к нему:

— Турки, видимо, тебя научили облекать в пышные фразы неискренние чувства, Нианиа.

— Клянусь, только ты придаешь красоту моим словам и украшаешь мою жизнь, августа!

Императрица смутилась и покраснела до висков.

— Что? Это я слышу впервые, Нианиа, — сказала Мариам и поехала быстрее. — Об этом я не знала до сегодняшнего дня.

— Неужели?

— Приехав в Константинополь, ты ни разу не захотел навестить меня.

— Рассуди сама, базилисса, я ведь не юноша, чтобы прийти без приглашения.

— А ты забыл грузинскую поговорку, что если жаждет сердце... Да и Цинцилук почти каждый день бывал в доме Иоанна, чтобы передать приглашение, но не мог тебя застать.

Она улыбнулась своей несравненной улыбкой:

— Я думала, что ты и куропататиса Мелита продолжаете развлекаться, как в Сатаплии...

Нианиа покраснел.

Мариам заметила это.

— Солнцем твоим клянусь, августа, с Мелитой мне приходилось видеться только в Манганском дворце. Я никогда не был любителем вина... Быть недалеко от тебя и чувствовать себя отчужденным... Это довело меня до такого состояния, что я начал пить и пьянствовал с беспутными моряками.

— Видимо, тогда ты избил франкских рыцарей? — спросила Мариам.

Нианиа был поражен. Как могла об этом узнать Мариам? Он сдержанно ответил «да» и замолчал.

Оба коня шли размеренным шагом, и слышно было только цоканье копыт.

Молчание нарушила Мариам:

— Что еще с тобой приключилось? Поведай мне, я люблю слушать тебя, Нианиа!

Нианиа не ответил и только скользнул взглядом по ее прекрасному лицу. Женщине с чутким сердцем стало ясно, что спутнику, охваченному счастьем, не хватает слов. Нианиа, разгоряченный ездой, снял шлем и держал его в руке. Мариам взглянула на его волосы и с улыбкой сказала:

— Ты состарился, мой хороший, седина подкралась к тебе.

Нианиа хотел сказать, что он поседел в те дни, когда был раскрыт заговор против императора Алексея. Но сдержался и сказал императрице:

— Я очень волновался, опасаясь, что и тебя замешают в это дело, августа.

Мариам было приятно узнать о его тревоге. Кирион Манглисский подробно рассказал ей, как он старался успокоить Нианию. И она сказала спутнику:

— Зачем ты волновался, я ни в чем не была виновата и чувствовала себя правой перед своей совестью. Если бы император решил казнить меня, он, по воле провидения, избавил бы от всех земных тягот мою душу, и только.

Я вовсе не волновалась и безропотно встретила бы смерть. Я всегда ее жаждала. Главное то, что сын мой Константин остался невредимым.

Сказав это, Мариам стала поправлять вуаль. Но она выскользнула у нее из рук и упала на землю.

Нианиа прыгнул с коня, чтобы поднять ее.

— Раз ты соскочил с коня, отпусти заодно и стремяна.

Когда Нианиа стал отпускать стремя, перед ним сверкнула из шейдиши мраморная нога. Он хотел ее поцеловать, но Мариам, угадав его желание, покраснела и смутилась.

Она выпустила из рук повод коня Ниании и тронула своего.

Нианиа с трудом поймал коня, сел на него и поехал медленным шагом рядом с императрицей.

Оба молчали некоторое время, и затем императрица сказала:

— Что ты хотел еще мне сказать, Нианиа? Почему ты замолчал?

— Я повторяю: ты украшение моей жизни. Когда я был в плену, мысли о тебе были единственной моей радостью. В Египте один амир заставлял нас рубить бамбук.

Бамбуковые заросли были так густы, что, боясь не найти

обратной дороги, я вырезывал твое имя на стволах бамбука. Оно помогло нам благополучно вернуться.

Я и теперь надеюсь, августа, что ты останешься моей водительницей, моей путеводной звездой, но, увы, может быть, это лишь напрасная мечта.

Не достичь мне до тебя, прекраснейшая из женщин, действительно счастливейшая базилисса, как справедливо сказала валашская танцовщица, и что я перед тобой, какой-то грузинский азнаур, не владеющий даже замком?!

Мариам улыбнулась:

— Воистину, слишком высокопарно ты говоришь о своих чувствах, Нианиа! Ты этому научился у турок.

Нианиа подъехал совсем близко к императрице и в каком-то самозабвении потянулся к руке, в которой Мариам держала плеть.

Мариам отдернула руку и ударила плетью коня. Гектор понесся, как вихрь.

Страх охватил Нианию: а вдруг она не удержится в седле. И он пришпорил своего вороного скакуна.

Трудно было шихнийцу нагнать арабского жеребца. Они скакали довольно долго на расстоянии полета стрелы друг от друга.

Нианиа невольно залюбовался стройным торсом императрицы. Она словно слилась с конем. И блестящая серебряная шерсть жеребца и черное платье всадницы создавали прекрасную гармонию.

Увидя, что он не нагоняет Гектора, Нианиа несколько раз ударил плетью вороного и приблизился к императрице на расстоянии прыжка джейрана.

Но, услышав близкое моканье копыт, Гектор рванулся снова, подставив грудь порыву ветра.

Путь императрице перерезала дорога, по которой ехали двуколки туркопулов. Увидев императрицу, они остановились и освободили ей путь. Нианиа не поспел за нею. Двуколки снова сомкнулись.

Нианиа снова стегнул своего жеребца, и теперь его отделяло от соперника расстояние лишь в несколько локтей. Подскакали к оврагу, через который был перекинут настолько узкий мостик, что рядом едва могли пройти две лошади.

Предвидя это, Нианиа повернул коня влево, к склону, перескочил через обрыв, и через два-три мгновения конь его нагнал Гектора. Нианиа наклонился и поцеловал императрицу в шею.

На щеках Мариам вспыхнул румянец. Она остановила коня и с улыбкой сказала:

— Все же я тебя обогнала, Нианиа!

Кони медленно поднимались в гору.

Нианиа снял плеть с кисти императрицы и облобызав ее руку.

Мариам некоторое время молчала, а затем тихим голосом сказала:

— Мне передал дворецкий Цинцилук, что ты получил письмо от Георгия Чкондидели.

— Да, я должен вернуться ко дню святого Георгия в Грузию.

Тень огорчения скользнула по лицу Мариам.

— Я остаюсь совсем одна, Нианиа. Иоанн умер, Русудан и Атанас отправились в Иерусалим и больше не вернутся. Сын мой Константин скоро женится — ему сватают дочь венгерского царя Коломана. Ты уезжаешь, и я остаюсь одна!

Ее лицо омрачилось. Затем она добавила:

— Хочешь, я напишу, чтобы царь разрешил тебе остаться еще год в Константинополе. Никаких срочных военных дел сейчас не может быть у Давида — туркам теперь не до Грузии. Я напишу ему, хочешь?

Нианиа не ожидал такого внимания.

— Мне не легко расстаться с тобой, августа. Но, помимо того, что твой племянник — царь и мой господин, я ему клялся в верности на евангелии, и мы выпили с ним вишберцхли.

— Чего же вы клялись, как пховцы? — спросила удивленная Мариам.

— Накануне того, как мы выехали в Константинополь, царь пригласил в Липаритис-убани Бешкена Джакели, Шергила Липартиани, Георгия Чкондидели, Кавтара Барамисдзе, начальника крепости Мухатгверди Парджаннани, Хурцисдзе и Букаисдзе, эриставов Аргвети и Маргвети, крестьян Габриэля Хоргая, его сыновей Годерзи, Ростоя и Гогилоя. Все они после ужина, который устроил государь перед отъездом моим и Джонди, поклялись в верности.

Торжество закончилось рано, так как царь не пожелал в ту ночь пить. После полуночи Махара и Кариман Сетиели неожиданно разбудили нас.

Ночь была лунная. Повелитель ехал впереди. Мы доехали до Цахвиани. Там, под тысячелетним дубом, Махара положил на землю евангелие и на него — крест. Кариман достал

кусочек серебра, поскоблил и насыпал в рог, наполненный вином.

Царь приказал вонзить наши мечи в землю вокруг евангелия. Потом Давид тоже вонзил свой меч в землю. Он взял рог и сказал:

«Поклянитесь, что всегда будете бороться до последнего вздоха для создания великой Грузии. Никому не быть подвластным, кроме бога, и никому, кроме него, не служить».

«Клянемся», — ответили мы и поцеловали христов крест.

«Поклянитесь мне, что завет мой вы будете свято блюсти на родине или за ее пределами, в горах, в степи или долине».

«Клянемся», — ответили мы и поцеловали евангелие.

«Клянитесь, что вы оставите, по моему первому зову, родителей, или возлюбленную, жену и ребенка, и все, что вам дорого в этой жизни».

«Клянемся», — повторили мы и выпили вино, в котором были частицы серебра.

«Будет ли нас разделять бурное море или неприступные горы, дремучие леса или безводные пустыни, — если вы услышите, что я вас зову, вы тотчас вернетесь. И пусть ваши мечи будут тверже алмаза».

«Клянемся!» — воскликнули мы и, выхватив вонзенные в землю мечи, взметнули их над головой. Затем все мы отпили по глотку вина.

Императрицу Мариам охватило неудержимое волнение. Она через силу улыбулась Ниании:

— Безумец мой племянник, и оказывается, и ты безумец! Я желаю, конечно, всякого добра царю Давиду и его спасаларам, но ты, вероятно, знаешь, что сообщили два дня тому назад императору Алексею?

— Что именно? — спросил Ниания Бакуриани.

— Килирдж-Арслан нанес жестокое поражение полчищам Петра Пустынника. Не забывай, что больше шестидесяти тысяч франков и немцев сражались у Ксеригордона с турками и были разбиты наголову.

Я думаю, что брат мой Георгий в одном прав: какой ущерб может причинить бесчисленному скопищу неверных войско юного царя Давида? Дал бы бог, чтобы вы победили, безумцы.

Я думаю, что, если ты пробудешь даже год в Константинополе, от этого ничего не изменится к худшему. А что ты мне скажешь, Ниания?

— Я ведь тебе уже сказал, что я связан клятвой, августа, — ответил Нианиа и замолчал.

Императрица Мариам не ожидала такой стойкости. От волнения у нее изменился голос.

— Останься, и я даю слово, что весною поеду с тобой.

Нианиа побледнел.

«Какое счастье уходило из его рук!»

Досада охватила императрицу, и она смущенно сказала:

— Ты так решил? Уезжай тогда скорей. Твое присутствие... — Мариам не кончила фразы и стегнула коня, чтобы Нианиа не заметил слез, выступивших у нее на глазах.

Когда они возвращались из Христополя в Константинополь, погода испортилась. Бушевал Понт Эвксинский, и рассчитывать на благоприятный ветер было трудно.

Мариам опять обратилась к спутнику:

— Оставайся еще хоть неделю. Погода исправится. Попогоди попутного ветра. Ты будешь путешествовать благополучно, и я не буду беспокоиться.

Но Нианиа стоял на своем.

Нианию Бакуриани ежедневно приглашали на обед в Манганский дворец, но гость совершенно не касался пищи. С утра он следил за морем и ветром. Нианиа знал, что при такой погоде на простом торговом корабле не добраться до Хупты.

Бушевало беспокойное Черное море.

В конце концов императрица Мариам посетила императора, и тот приказал друнгарию отрядить боевой корабль для отправки спасалара царя Давида.

На корабле было двенадцать опытных греческих моряков и семь гребцов-лазов, но им никак не удавалось подвести корабль к берегу так близко, чтобы Нианиа мог без затруднений попасть на палубу.

Корабль подплывал к берегу. С берега протягивали сходни, но отбегавшая волна снова уносила корабль.

Опять начинали моряки работать веслами и поворачивали галеру. Но едва они приближались к берегу, следовал вздох неистового Борея и галеру далеко отбрасывало от пристани.

Нианиа подошел к императрице Мариам, пришедшей на пристань, чтобы проводить его, снял шлем и поцеловал ей руку. Он попросил стоявшего за спиной императрицы Георгия

Торели: прими мои вещи и, когда сможешь, пришли с сказкой.

Нианиа простился со свитой императрицы. Затем, подойдя к самому краю пристани, перекрестился, и, хотя галера качалась в трех «плечах» от берега, он прыгнул, как тигр, и очутился на палубе.

Взглянув на галеру, которая, врезаясь носом в бушующие волны, мчалась в открытое море, Мариам подумала: «Воистину, безумец!». Она оставила свиту и быстро направилась в экипажу.

Только кучер видел, как плакала, опустив покрывало, «счастливейшая базилисса».

Всю ночь Мариам, стоя на коленях, молилась перед иконой богородицы. Она плакала и молила богородицу покровительствовать в пути уплывшему рыцарю. На следующий день Мариам пошла в храм св. Виталия, помолилась и зажгла перед алтарем свечу. Почти месяц не могла успокоиться императрица, пока доверенное лицо царя Давида — Георгий Торели не известил ее, что Нианиа благополучно прибыл в Хупту.

В БАГДАДЕ ВСЕ ЕЩЕ РЫЧАЛИ ЛЬВЫ...

«Еще Бархиарок не оправился после совершенного на него покушения, как отстранил от должности визиря Муеида аль-Мулька и назначил на это место его брата Факра аль-Мулька», — сообщил Георгию Чкондидели Джоджика, доверенное лицо царя Давида в Иране.

«Факр аль-Мульк был до того придворным у султана Тугуша. Как я слышал в Багдаде, Муенд аль-Мульк — большой интриган».

Муенд аль-Мульк еще не успел принять все дела визиря, как Бархиарок послал в Исфаган евнуха для того, чтобы он привез оттуда его мать — Зобеиду-ханум.

Муенд аль-Мульк не терпел Зобеиду-ханум. Поэтому он уговорил амиров просить султана: не привози в Багдад Зобеиду-ханум, ибо она баба и запутает, мол, дела султаната.

«Я ни во что не ставлю власть, к которой не будет причастна и моя мать», — твердо ответил советчикам султан.

Как только приехала в Багдад Зобеида-ханум, она все разузнала и возненавидела Муеида аль-Мулька.

Братья Муейд аль-Мульк и Меджид аль-Мульк, хранитель казны при дворе Бархиарока, перессорились при разделе итцовского имущества.

Зобеида-ханум стала настаивать, чтобы султан отстранил Муеида аль-Мулька и на его место назначил первым визирем Факра аль-Мулька.

Султан исполнил ее просьбу. Благодарная Зобеида-ханум одарила его за это драгоценностями.

Первым визирем был назначен Факр аль-Мульк. Но на самом деле все дела вершил третий брат, главный казначей Меджид аль-Мульк.

Во время ожесточенной борьбы между наследниками за трон Малик-шаха от сельджукского султаната отпал Хорасан. Среди соперников самым сильным оказался третий брат султана Малик-шаха — Арслан Аргун.

При жизни Малик-шаха он, как владетель Хорасана, вносил в казну султаната ежегодно семь тысяч динаров дани.

В день, когда убили султана, Арслан Аргун был в Багдаде. Как вам уже известно, жена султана — Тюркан-Хатун долго скрывала труп Малик-шаха. Арслан Аргун не дождался погребения отца, взял с собою семь рабов и отправился в Хамадан.

В сельджукском султанате начались смуты, и в пути много тысяч воинов примкнуло к Арслану Аргуну, и он направился к Нишабуру.

Но взять город ему не удалось, и он свернул на мервскую дорогу.

Арслан Аргун захватил Балк и весь Хорасан. Затем он отправил послов к Бархиароку и его визирю Муейду аль-Мульку и просил его считать вассалом и утвердить амиром этих городов, обязавшись вносить дань за Нишабур. Вместе с тем он дал слово Бархиароку, что не будет претендовать на трон султана.

Бархиарок притворился, что он не придает значения захватам Арслана Аргуна, хотя это были провинции, которые уступили ему раньше брат Махмуд и дядя Тутуш.

Когда Бархиарок отстранил Муеида аль-Мулька и назначил визирем Факра аль-Мулька, Арслан Аргун отказался подчиняться Бархиароку, заявив, что он считает ниже своего достоинства вести переписку с Факром аль-Мульком.

Бархиарок приказал своему дяде Бури Берсу стать во главе войска и выступить против Арслана Аргуна. Едва Бури Берс перешел границу Хорасана, Арслан Аргун вступил с ним в бой, но потерпел поражение и отступил к Балку.

Он собрал новое войско, осадил Мерв, штурмом взял его, перебил жителей и разрушил башни и стены.

Бури Берс направился к Герату, чтобы там сразиться с Арсланом Аргуном. Среди приближенных Бури Берса было два выдающихся человека — бывший амир-ахор султана и амир Мансуд, отец которого был когда-то сардаром войска отца Малик-шаха.

Амир-ахор и Арслан Аргун оказались старыми друзьями.

Арслан Аргун подослал к нему своего лазутчика с предложением перейти на его сторону с войском. Амир-ахор послал Аргуну для переговоров Мансуда и его сына.

Арслан Аргун задушил обоих тетивой. После этого войско Бури Берса восстало. Аргун захватил его и собственноручно задушил.

Арслан Аргун отрубил головы сарангам войска Бархиарока. Подозревая в измене, он арестовал своего визиря Инада аль-Мулька, выманил у него три тысячи динаров и затем казнил.

Арслан Аргун подступил к городу Хорасану и разрушил башни и стены, разорил Нишабур и Шеристан.

Для того чтобы покарать Арслана Аргуна, Бархиарок послал в Хорасан новое войско под начальством своего брата Мелик Синджара.

Не успело еще это войско прибыть в Хорасан, как Мелик Синджару сообщили о смерти Арслана Аргуна.

Арслан Аргун обращался жестоко со слугами, и один желтокожий раб убил его ножом.

В Дамегане посланное войско нагнал Бархиарок и сам повел его к Нишабуру.

В течение двух лет в этом городе происходила междоусобица. В месяце зулидж, в декабре, хорасанский амир осадил Нишабур. Горожане взялись за оружие и обратили его в бегство.

Затем подняли восстание сектанты.

Керамиты и ассасины напали друг на друга. Секту керамитов основал Абу Абдала Мухаммед бен Керам. Последователи Керама утверждают, что бог подобен всем существам, им же созданным; они утверждают такую чушь, а больше я ● них ничего не допытался.

Как мы узнали в Багдаде, у керамитов в Сирии двадцать тысяч сторонников, а у асасинов вдвое больше.

Все население Нишабура разбилось на два лагеря. У керамитов предводителем был Абул Карми, а у асасинов — кадий Мухаммед Ибн-Ахмед. Даже медресе и мечети были подожжены сектантами. Десятки тысяч людей погибли за несколько недель.

Воспользовавшись этим, Бархиарок взял Нишабур, велел казнить вождей сект, несколько городов Хорасана затопил в крови и потом направился в Балк.

После смерти Арслан Аргуна амиры возвели на трон его семилетнего сына.

Как только Бархиарок узнал, что мать отправила юного султана в горы вместе с войском, он послал к ней послов и обещал аман.

В конце концов к султану Бархиароку прибыла жена Арслан Аргуна. С нею было пятнадцать тысяч воинов, которых она скрыла в лесу. Сама же она, посадив сына на плечо, пошла к Бархиароку и передала ему мальчика.

Бархиарок признал юного султана своим вассалом и подчинил ему те земли, которые были подарены его отцу султаном Малик-шахом.

Он заставил клясться в верности войска Арслан Аргуна и отправил в Транскаспию послов. Восставшие амиры подчинились ему, и в мечетях была провозглашена хутба в честь султана Бархиарока.

Только один из амиров — Мухаммед бен Солейман уклонился. Отец этого амира был племянником султана Малик-шаха. Этот Солейман считался в Парсистане «амиром амиров».

Мухаммед бен Солейман собрал войско и одновременно отправил послов с просьбой о помощи к султану Газна — Ибрагим бен Мансуду. Это тот самый султан, о котором рассказывают в Багдаде, что он имеет шатер, крытый золотыми листами, высотой с медресе Низама аль-Мулька в Исфагане. Трон у него в рост высокого человека и весь украшен драгоценными камнями, а сиденье сделано из алоэ.

На кровле шатра сидят золотые птицы. Когда султан взбирается на трон, птицы хлопают крыльями.

Этот Ибрагим бен Мансуд послал Мухаммеду бен Солейману достаточно многочисленное войско с боевыми слонами.

Но при этом он поставил ему условие: когда будет одер-

жана победа, провозгласить ему хутбу во всех мечетях Хорасана.

С помощью этого войска и слонов Солейман взял несколько хорасанских городов.

Синджар сразился с Мухаммедом бен Солейманом, рассеял его войско, взял в плен и выколол ему глаза.

Амир Кудансговорился с амиром Ярокташем, оба они собрали триста тысяч всадников и напали на амира Акинджана и убили его.

После этого они отправились в Хваразм, завоевали этот край и объявили: султан Бархиарок передал нам Хваразм.

Бархиарок перестал пьянствовать и направился в Ирак вместе с войском, так как за это время лазутчики известили его, что бывший визирь Муейд аль-Мульк и амир Онар не признают его власти.

Бархиарок отправил в Хорасан амира Даджа бен Алтунтака и велел ему захватить и пытаться изменников амиров Кудана и Ярокташа.

Даджу бен Алтунтаку еще в пути сообщили лазутчики, что оба изменивших амира выступили против него с многочисленным войском. Он перешел реку Джейгун и разбил там лагерь.

Амир Ярокташ, не подождав амира Кудана и его войска, напал на амира Даджа, но потерпел поражение, попал в плен и был закован в кандалы.

Когда об этом узнали воины Кудана, они восстали и ограбили лагерь. Кудан бежал ночью с семьей преданными вошами в Балк к амиру Синджару.

Тот его встретил дружелюбно и поставил во главе своего отряда.

Как раз в те дни Бархиарок снова начал пьянствовать в Ираке, там же вспыхнуло восстание асасинов.

Асасины начали уничтожать родственников и амиров Бархиарока.

В месяц сепер, по-нашему в январе, один из асасинов убил визира матери Бархиарока — Зобенды-ханум.

Городом Рей распорядился бывший раб Низама аль-Мулька Аргиш Еннизам.

В месяц рамадана от руки опять-таки асасина пал Борсок, преданнейший амир Бархиарока.

Этот амир Борсок, некогда сардар Тугриль-бега, был

«шинсеем» Бархиарока, то есть его первым доверенным лицом в Багдаде.

Перед тем, как отправиться в Хорасан, Бархиарок подчинил весь Парсистан амиру Онару.

В Парсистане восстали курдские племена, во главе с племенем шебансаров. После довольно долгой борьбы это племя спросило помощи у владетеля Кермана Иран-шаха.

Именно этот Иран-шах, использовав племя шебансаров, нанес поражение амиру Онару.

Онар сообщил обо всем султану и попросил разрешить ему сопровождать его с войском.

Султан Бархиарок приказал ему остаться в Парсистане и предložил начальникам отрядов, находившихся там, подчиниться амиру Онару.

Амир Онар пробыл короткое время в Исфагане и потом вернулся в свой амират Адарбаган.

За это время Исфаганом завладели ассасины. Они заняли и дворец Малик-шаха.

Амир Онар перебил тамошних ассасинов. В это время к нему приехал Мусид аль-Мульк. Враждуя с Бархиароком, он начал убеждать Онара отложиться от Бархиарока. Онар изменил Бархиароку и примкнул ко второму брату Бархиарока Мухаммеду, который был в то время владетелем Гинджи.

Амир Онар собрал войско, взял Исфаган, подошел к Рею и отсюда написал Бархиароку:

«Собственноручно надень кандалы на Меджида аль-Мулька и пришли его немедленно ко мне, в противном случае пусть нас рассудит меч».

Онар был очень религиозен. Как-то вечером, уснившись в шатре, он при свете ночника читал коран. В шатер вошли его воины — три хваразмийца.

Один потушил ночник.

Второй повалил Онара.

А третий пронзил ему горло мечом.

В шатер вбежал амир-ахор Онара, схватили и его и там же прикончили.

Остальные воины, узнав об этом, сожгли шатры и захватили казну Онара.

Между тем подоспели султан Бархиарок и Меджид аль-Мульк с войском, но воины отложившегося амира уже успели рассеяться.

После смерти Малик-шаха Бархиароку изменил третий брат—Мухаммед. Он тайком помогал Тюркан-Хатун, но как только Бархиарок сумел нанести поражение своей мачехе, Мухаммед явился к брату и с ним вместе отправился в Багдад.

Тысячами уловок он получил от султана амирата Гянджу и стал его вассалом. При этом Бархиарок назначил атабагом в Гянджу амира Котоктекина.

Котоктекин тайно сообщил Бархиароку, что Мухаммед начал строить козни против него.

Бархиарок готовился наказать Мухаммеда, но как раз в это время началось восстание в войске султана.

Визирь Меджид аль-Мулька был скупец и сребролюб. Он не только не платил войнам жалованья, но лишил доходов и амиров.

Помимо этого, амиры и сардары обвиняли Меджида аль-Мулька и в том, что благодаря его попустительству ассасины убили некоторых сарангов и амиров Бархиарока.

Могущественные амиры — Болкабек, Тогайрек и другие, сговорившись, направились в Хамадан с войсками. Там они обратились к Бархиароку с такой просьбой:

— Выдай нам твоего визиря Меджида аль-Мулька, иначе мы захватим его силой.

Бархиарок передал амирам:

— Если вы поклянетесь над кораном, что Меджида аль-Мулька вы только заключите в оковы, а не убьете, я его пришлю.

Амиры отрубили головы посланным и окружили шатры Бархиарока и его свиты.

Меджид аль-Мулька обхватил колени своего господина:

— Лишь бы тебя пощадил повстанцы, а с меня пусть хоть кожу сдирают.

Когда амиры с обнаженными мечами ворвались в шатер Бархиарока, они увидели, что он обхватил обеими руками визиря.

В конце концов Меджида аль-Мулька вырвали из рук Бархиарока. Его искромсали клинками и тело бросили к ногам султана.

Затем амиры кинули мечи, поцеловали землю и, плача, обратились к своему повелителю:

— Мы готовы снова быть твоими рабами.

Долго сидел безмолвно Бархиарок, сжав губы и уставившись, как безумец, в землю.

Вслед за восстанием амиров последовала смута, поднятая ассасинами. Вам уже известно, что ассасины не удовлетворились взятием крепости Аламут и взяли еще несколько укреплений в Парсестане.

Из Ирана ассасины послали своих последователей в Сирию. Сын Тутуша амир Ридуан, не желая наживать себе врагов, не запрещал им проповедовать свое учение.

Они перетянули на свою сторону «правовверных» мулл и так обзавели, что собирались в мечетях и спорили с выступившими против них муллами.

Когда ассасины узнали о восстании амиров, они напали на придворных султана и перебили их.

В конце концов в Багдад прибыл Бархиарок с войском. В городе началось страшное кровопролитие. Воины Бархиарока избивали ассасинов и головы их относили в «сокровищницу голов», а тела их кидали на съедение львам.

Я и Аршаруни живем недалеко от этого страшного дворца и днем и ночью слышим, как рычат львы, избалованные человеческим мясом.

Приписка.

На краю письма было приписано рукой Джоджики: «Против султана Бархиарока теперь точит меч его брат Мухаммед. У нас кончилась бумага и в следующем письме мы сообщим о его интригах».

КАК ПОМОГЛО ПОБЕДИТЬ «ХРИСТОВО КОПЬЕ» КРЕСТОНОСЦАМ

Огромная голова Яги Снана долго висела под аркой «Собачьих ворот».

У него было широкое, скуластое лицо, густо заросшее волосами. Волосы торчали из раздутых ноздрей горбатого носа и жирных ушей. Борода, длинной в три яди, была почти седая.

Едва крестоносцы вступили в Антиохию, священнослужители вознесли благодарственные молитвы. Вожди крестоносцев осмотрели сокровищницы, но они оказались разграбленными.

Голодные толпы бросились к амбарам, погребам и складам. Здесь нашли немного денег, сотню шатров, огромное количество красного перца, игральные бабки и кости для игры в нарды.

В стойлах оказалось до пятисот исхудавших мулов. Вот и все. Не оправдались надежды тех, кто мечтал о сказочном богатстве Антиохии. Грабители и воры оказались обманутыми.

Для них нашлось подходящее занятие — на майданах, улицах и у крепостных ворот валялись груды убитых.

Тысячи воинов стали очищать город. Было лето, и смердел некогда блестящий город Антиохия, ставший городом мертвых.

Армянские разведчики сообщили вождям крестоносцев, что атабаг Кербога ведет двести тысяч хорошо вооруженных мусульман. Малодушные и легковверные распространяли всякие выдумки о силе этого войска.

Расхваливали, как искусных военачальников, иерусалимских амиров Сукмана и иль-Гази, сирийского амира Ридуана бен Тутуша, эдесского амира Джанада Эд-Даула, дамасских амиров Декака и Токтекина.

Армяне же сообщили, что войско состояло главным образом из всадников.

А у крестоносцев погибли в пути кони. Всего лишь около тысячи рыцарей сохранили лошадей, и к ним можно было присоединить еще несколько сот обессиленных лошадей и мулов, отбитых у турок Яги Сиана.

Граф Этьен де Блуа еще до взятия Антиохии был сторонником «возвращения домой». Узнав о приближении Кербога, он решил покинуть лагерь.

Крестоносцы жестоко его ругали, но он притворился больным и покинул Антиохию. Прибыв в Филокауум, он попросил тайно аудиенции у Алексея Комнена.

— Антиохию уже взяли турки и вот-вот разгромят крестоносцев. Уведи войска, и мы спасем себя, — убеждал он императора.

Алексей Комнен и без того сомневался в победе крестоносцев. Охваченный страхом, император тайно вызвал брата Бозмунда Гвидо и других вождей франков и сказал им, что надо отступить до прибытия Кербога и избежать бессмысленного кровопролития.

Прослезившийся Гвидо стал вопить:

— О боже, господь милостивый, зачем ты нас покинул в этот день беды? Зачем отдал рабов своих в руки кровопийц?

Почему ты отступил от тех, кто ради освобождения спасителя нашего готовы были жертвовать жизнью?

Если рассказанное этим жалким Этьеном оправдается, то мы и все другие крестоносцы с сегодняшнего дня не посмеем произнести твое имя, господи, и вспоминать тебя.

Никто не мог утешить Гвидо. Он рвал на себе платье, кусал пальцы и стонал:

— О мой сеньор Бозмунд, достойный того, чтобы весь мир гордился тобой и чтобы ты украшал его. Горе! Какое несчастье приключилось с тобой!

Я не удостоюсь отныне видеть твой стройный стан, так как ты не сумеешь пережить это несчастье.

Почему я, злосчастный, не могу умереть ради тебя, мой бесценный друг, мой сеньор?

Почему не затмились дни после того, как я оставил утробу моей матери, почему я дожил до этого рокового часа? Почему я не утонул в море, когда я покинул мою родину? Почему я не упал с лошади и не сломал себе шею?

Император и его свита обступили Гвидо и начали его утешать.

Придя в себя, Гвидо начал поносить Этьена де Блуа, называя его «бабой» и «трусом».

Затем он обратился к Алексею Комнену и сказал ему:

— Неужели ты веришь, император, вранью этого трусливого графа? Антиохия в наших руках, и с помощью божьей мы победим.

Гвидо долго упрашивал императора присоединиться к ним, но тот приказал своим войскам покинуть ставку и двинуться в путь. Достигнув Никейского султаната, Алексей Комнен приказал воинам предать огню взятые крестоносцами города, местечки и села. Византийцы при отступлении опустошили этот край. Но в безводных местностях во время спешного марша погибли кони и мулы, а также многие воины.

Этьен де Блуа направился в Александретту. По пути его передовые части увидели сельджукский авангард. Они свернули к морю, разграбили Александретту, а затем Этьен де Блуа морем отправился в Италию.

После взятия крестоносцами Антиохии сын Яги Сиана Шемс Эд-Даула продолжал отбиваться в башне, расположенной около главной цитадели. Вожди крестоносцев много раз пытались, но тщетно, завладеть ею.

Переправившись через Евфрат, Кербога беспощадно гнал

свои войска. В пути он потерял несколько дней, штурмуя Эдессу. Оставив крепость, он направился к Антиохии.

Когда он приблизился к Алеппо, к нему присоединились амир иль-Гази и брат его Сукман, Мухаммед бен Веттаб, дамаский амир Декак, атабаг Токтекин и Джанад Эд-Даула со своими войсками.

Антихию взяли крестоносцы в пятницу, а в воскресенье утром дозорные увидели, что, подобно грозовой туче, несущей ливень и град, движется к крепости несметное мусульманское воинство.

Крестоносцы видели, как воины Кербоги сначала, как саранча, покрыли поля и раскинули шатры, а потом медленно начали приближаться к городу и заняли холмы.

Сам Кербога занял гору против той башни, в которой еще держался сын Яги Снана Шемс Эд-Даула и его воины.

Когда войско Кербоги приблизилось к окрестностям Антиохии, крестоносцы решили подвезти из гавани св. Симона продовольствие. Кербога выслал навстречу отряд, чтобы перехватить обоз на обратном пути. Сопровождавший его рыцарь Рожер де Барневиль атаковал турок.

Первые ряды турок повернули лошадей и бежали. Рожер с двадцатью тяжело вооруженными рыцарями погнался за ними.

Но все новые и новые отряды присоединялись к туркам. И Рожер вынужден был повернуть к городу.

Христиане сидели на уставших лошадях, а турки на крепких бодрых жеребцах. Они нагнали Рожера, ранили его стрелой, а затем отрубили голову и, насадив на пик, поднесли Кербоге.

Между тем приблизилось ядро войска Кербоги. Турки взяли «Железный мост» и обезглавили охрану. Они раскинули шатры на берегу Оронта и сняли осаду с башни, где отбивался Шемс Эд-Даула.

На следующий день они взяли укрепление, сооруженное крестоносцами против главной крепости, которое Боэмунд воздвиг для того, чтобы запереть выход из города.

Готфрид Бульонский решил во что бы то ни стало освободить дорогу, ведущую к бухте св. Симеона.

Он и триста рыцарей ринулись из ворот крепости. Они самоотверженно атаковали врага, но потерпели поражение.

Многих ранили, а остальные повернули обратно. Когда

они доскакали до ворот башни, то так стеснили друг друга, что в этой давке многие погибли.

Поражение герцога Готфрида вызвало большую тревогу у крестоносцев. В ту же ночь, спустив со стен веревочные лестницы, позорно бежали рыцари: Вильгельм де Гран, Месинзь и брат его Альберих, Гвидо Трусел де Ламбер, «несравненный Вильгельм Шарпантье» — виконт де Мелун, который прославился еврейскими погромами.

Накануне Боэмунд поссорился с ними.

— Вы дворяне и, если угодно, можете бежать.

Никто не будет вам препятствовать, но знайте, что великим позором будут покрыты и ваши имена, и весь род ваш.

Они с трудом добрались до бухты св. Симсона и сообщили морякам, что Антиохию взяли турки.

* * *

Запасы хлеба и мяса исчерпались. Армяне и сирийцы не имели возможности доставлять продукты в осажденную Антиохию.

Резали лошадей, мулов и ослов.

Другие погибали от бескормицы. Едва околела лошадь какого-либо рыцаря, крестоносцы оскаривали друг у друга тушу. Затем не стало хватать и этого мяса. Тогда принялись есть кору деревьев и начали варить требуху.

Курица стояла уже пятнадцать золотых, голова верблюда, лошади или осла продавалась за десять византийских солидов. Один орех стоил уже динар. Подобно теньям, бродили голодные толпы. Никто не хотел сражаться, и воннов силой отправляли на посты.

Малодушные и трусы прятались в погребах. Некоторые лежали ничком на земле и безропотно ждали смерти.

Несколько тысяч воинов спряталось в одной части города. Боэмунд поджег этот квартал и беспощадно истребил трусов, пожар распространился дальше, и сгорело до трехсот домов.

«Как-то ночью дозорные заметили в небе блеск красноватого пламени. С запада приближалась комета. Раскаленный метеорит упал в лагерь турок, расположенный в долине Оранта.

Охваченные ужасом турки бежали, но на следующий день все же появились у подступов к главной крепости. Днем и ночью они нападали на башни».

Наконец Боэмунд надел латы на «тело, привыкшее к железу», и отбил у турок башню, воздвигнутую крестоносцами. С горных склонов устремились вниз сельджукские всадники и схватились с войском Боэмунда. Началось страшное кровопролитие.

Боэмунд рычал, как тигр. Его меч поражал турок и рассекал доспехи. Но к врагу прибывали подкрепления, и христианам становилось все тяжелее.

Вместе с Боэмундом доблестно сражались и другие рыцари.

К Боэмунду прискакали на помощь Готфрид Бульонский, граф Роберт де Фриз, нормандец Робер. Они начали разить сельджукских всадников, заставили отступить турок и снова овладели башней.

Кербога двинул новые полчища. Крестоносцы вынуждены были оставить башню, и турки закрыли все подступы к крепости.

Ужасные дни настали для эристава Джонди.

Стало трудно кормить бывшую царицу Русудан. Когда еще можно было доставать припасы, и тогда она ела мало, чтобы у монахинь и свиты, у больного Петруса, слепого Атанаса и сбжоры Хахутая ни в чем не было недостатка.

Наконец чрезвычайно трудно стало доставать даже ослиное мясо и требуху. Русудан перестала вовсе есть. Лежала на спине и вдохновенно пела псалмы. Сама она, превратившись в тень, не могла вставать даже для молитвы.

Бывшая царица и ее свита поселились в Антиохии в приделах церкви св. Петра. Эти приделы до взятия крестоносцами Антиохии были превращены турками в амбары для хранения зерна.

На стенах еще были видны выцветшие фрески с изображением антиохийских патриархов, святых и ангелов.

На уцелевших иконах лики были замазаны, у некоторых святых глаза были выколоты ятаганами, у других — стерт орел, у ангелов — крылья.

Эти патриархи, святые и ангелы были похожи на нищих в лохмотьях, взгромоздившихся на стены.

Завелись легионы крыс. Когда начался голод, лишенные корма, они осмелели: у какого-то уснувшего погонщика мулов они откусили кончик носа.

Хахутай занялся новым делом: вооружившись палкой, он преследовал крыс.

К жуткому писку крыс присоединялся писк летучих мышей. Это заставляло содрогаться бывшую царицу и монахинь.

Летучие мыши днем висели, как чудовищные четки, зацепившись за выступы сводов. Как только зажигали свет, они начинали летать, обгоняя друг друга.

Джонди не знал, как раздобыть пропитание для женщин и стариков, с какой бедой бороться — с турками, крысами или летучими мышами?

К этим бедам прибавилась болезнь Петруса. Он заболел свинкой. Когда больного угнетал жар, он начинал бредить. У Джонди не было отдыха ни днем, ни ночью.

Голодный Хахутай шатался по городу. Он приносил головы и ноги павшей скотины, варил и без разбору пожирал.

Одновременно он шутил: «О, где моя жирная теща, я бы ее слопал вместе с костями».

Герцог Боэмунд, которому очень нравился Джонди, как-то прислал ему в подарок свиную голову.

Хахутай, как цыплячьи косточки, обглодал кабаньи челюсти.

Слепой Атанас стойко переносил все злоключения. Он твердо верил, что господь испытывает свою верную паству.

Монах не переставал надеяться на боевой крест Багратионов, который «не раз спасал грузинский народ от насилия неверных» и ныне сохранит эту горсточку грузин, которые случайно оказались участниками осады Антиохии.

Атанас непоколебимо верил, что «бог является самым высшим полководцем».

По-прежнему он вдохновенно пел псалмы и каждое утро рассказывал лежавшему рядом Петрусу свои сны.

То ему снился св. Георгий Ломисский на белом коне, за которым следовали ангелы в серебряных доспехах, чтобы вызвать запертое в Антиохии «воинство христово», то он бродил с пророком Моисеем в пустынях египетских, то он сидел на огненной колеснице Ильи, то ему снился святой Иоанн на апокалипсическом коне.

Отступление Алексея Комнена угнетающе подействовало на крестоносцев. А атабага Кербогу весьма ободрило это известие. Он еще теснее сжал кольцо осады и стал ожесточенно штурмовать стены и башни крепости.

Обнаглевшие турки подходили к стенам цитадели на расстояние полета стрелы.

Они зорко следили, не пытается ли кто-либо выбраться из города в поисках пищи или задумав спастись бегством.

На седельной луке у них висели мотки веревки, чтобы связывать пленных.

Как-то вечером крестоносцы увидели, что десятка два всадников гарцеровали у «Собачьих ворот».

Несколько тяжело вооруженных рыцарей, выехав из крепости, погнались за турками и прогнали их за Оронт.

Спустя некоторое время турки вернулись. Крестоносцы прищипорили своих истощенных, изголодавшихся коней, переправились через Оронт и начали метать в них стрелы.

Турки устремились к шатрам, стоявшим на другом берегу. С десятков всадников остались от них. Трое ехали позади всех.

Джонди в это время тоже находился у «Собачьих ворот». Ему очень хотелось принять участие в сражении. Оставшиеся рыцари подбадривали его: отправляйся, а если тебе будет туго, мы тебя вызволим. Но едва Джонди отъехал, рыцари передумали, решив, что не стоит, мол, подвергать себя опасности ради какого-то «грека».

Джонди стало стыдно возвращаться, не сразившись с врагом. Отступавшие турки, еще не успевшие переехать пашни, раскинутые по ту сторону Оронта, увидев одинокого всадника христианина, повернули коней.

Трое, ехавшие последними, кинулись к Джонди. Нападение первого Джонди отбил клинком. Взмахнув саблей, мелькнувшей быстрее тени, отрубил голову второму. Второй всадник свалился с увязшего в пашне коня. Джонди налетел на третьего всадника сбоку и опрокинул его вместе с лошастью. Дав шпоры коню, он припал к его шее и поскакал карьером к крепости.

Турки с гиканьем бросились за ним. Джонди не успел еще доскакать до Оронта, как стрела впиалась ему в бедро. Но он все же продолжал скакать. Кони турок, увязнув в распаханной земле, упали, придавив всадников.

Джонди успел тем временем переправиться через Оронт.

Все это видели крестоносцы через крепостные бойницы. Они рыдали, так как видели во всей этой истории вмешательство «десницы божьей».

Вначале Джонди не придавал значения своей ране. Опираясь на палку, он, хромя, ходил по городу в поисках съедобного для стариков и монахинь

Хахутай не мог раздобыть даже падали. Он бродил с ножом, сдирая кору с деревьев. Этот верзилка словно высох, и его громовой голос стал пискливым от голода.

Джонди заметил, что бывший диакон по ночам куда-то исчезал. Из-за забот, которые его обременяли, он не обращал на это внимания. Между тем рана, которую он не лечил, осложнилась.

Как-то ночью он дремал в своем углу в приделе. Тишину нарушали только бред больного Петруса или храп Хахутая.

Джонди никак не мог уснуть. При скудном свете ночника он рассматривал фреску, на которой был изображен патриарх. Долго дремал Джонди. Когда у Джонди поднялся жар, ему показалось, что великан в тиаре сошел со стены и приник к нему. Длинная курчавая борода зашекотала его брови.

Джонди провел рукою по глазам. И ему стало ясно, что его щекотала овечья шуба, которой он накрывался.

Джонди обрадовался, что все это оказалось видением. Он перевернулся на другой бок и попытался заснуть, но думы не давали ему покоя.

Как все роковым образом переменилось.

Каждый день можно было ожидать смерти от турецкого клинка или от голода, а в лучшем случае — продажи на невольничьем рынке.

Джонди видел, какое безначалие царило в лагере крестоносцев.

Ссоры между вождями крестоносцев не только не прекращались перед возраставшими опасностями, а принимали еще более острый характер.

Вместо того, чтобы идти на взаимные уступки, они затевали нелепые споры. Кому, например, должна была достаться Антиохия, если турки потерпят поражение?

Готфриду Бульонскому, Раймунду Тулузскому или Бозмунду?

Легат папы епископ Адемар прочил в будущие владетели города папу римского Урбана Второго.

Другие вспоминали о клятве крестоносцев быть вассалами императора Компена и считали, что надо возвратить Византии ее древнейший город.

Джонди, даже в самые тяжелые минуты, не терял способности острить и по-юношески озорничать.

Он только смеялся, когда заносчивые крестоносцы, как де-

ти, спорили друг с другом из-за шкуры медведя, который не только не был убит, но сам собирался их пожрать.

Десятки тысяч крестоносцев погибли в пути, многие пали в боях, другие — от заразных болезней и от голода.

Войска не имели ни лошадей, ни снаряжения.

Джонди, погруженный в эти мысли, вдруг услышал шорох

Он огляделся и в сумраке увидел сидящего на постели Хахутая, чесавшего волосатую грудь.

Полузакрыв глаза, Джонди стал следить за ним.

Хахутай сполз с постели и стал напяливать чоху.

«Куда собирается это чертово отродье в полночь?» — подумал Джонди.

Хахутай сунул ноги в чухты, снял со стены ночник и осторожно вышел.

Джонди было трудно подняться, но желание узнать, в чем дело, и юношеское любопытство так овладели им, что он быстро встал, взял палку и, как тень, последовал за Хахутаем.

Бывший диакон открыл дверь церковного подвала.

И вот что увидел Джонди:

На стенах крипты маячили тени патриархов и святых. Посреди склепа стоял большой саркофаг, окруженный несколькими саркофагами меньших размеров.

Перед большим саркофагом горел костер. На железном треножнике стоял котел. Хахутай сидел перед ним, опустив голову на руки, и грустно смотрел на колеблющийся огонь.

Джонди стоял некоторое время в дверях, потом тихо кашлянул. Хахутай вскочил как ужаленный и крикнул:

— Кто там?

— Я, — ответила тень. Джонди заметил, что Хахутай очень растерялся. Заплетающимся языком он сказал:

— Что вы хотите, батона Джонди?

— Мир тебе. Я только хотел узнать, что ты пошел искать, чертово отродье, так поздно ночью?

— Я... я... — пытался сказать заплетающимся языком Хахутай. И он встал, пытаясь заслонить котел.

Джонди зажег валявшуюся лучину и, не спрашивая ни о чем Хахутая, заглянул в дымящийся котел. И что он увидел.

Котел был полон какими-то круглыми предметами.

Сначала Джонди показалось, что Хахутай варит репу.

У Джонди даже потекли слюнки.

Он подумал: «Вот и я полакомлюсь!»

— Где ты достал эти репы, чертов сын?

Хахутай криво усмехнулся.

— Какие репы? Что вы изволили молвить, батано эрнстэви?

— А что же это, хриstopродавец?

Хахутай признался:

— Я варю крыс, батано, а чем же набивать мне это проклятое брюхо!

Джонди расхохотался.

— Да, но как ты ловишь этих крыс?

Хахутай взял у Джонди зажженную лучину, подвел его к большему саркофагу с полусдвинутой крышкой...

В пустом саркофаге было несколько капканов. В одном из них корчилась недавно пойманная крыса. Она свирепо вращала глазами.

Хахутай скривил рот и процедил:

— Пусть эта крыса зажжет тебе, батано, поминальные свечи, а то я бы сунул сейчас в котел и ее.

— Чей это саркофаг, Хахутай?

— Попы говорят, что здесь был похоронен сам св. Петр. Его останки турки куда-то выбросили. Теперь, как видите, я использую этот гроб, чтобы ловить крыс.

— Но почему именно в нем ты ставишь капканы?

— В этот погреб заходят франкские монахи, охотящиеся на крыс. Несколько раз у меня даже крали крыс, попавших в западню. Поэтому я и облюбовал этот тайник.

В жизни часто случается, что даже незначительный предмет наводит человека на очень важные выводы.

Пусть мои читатели запасутся некоторым терпением, и они узнают, причиной каких больших событий стал этот саркофаг.

.

Когда Джонди вернулся в церковь, больной Петрус бредил и почему-то часто помнил св. Андрея.

У Джонди разболелась рана. Он тщательно перевязал бедро и надел овчину.

Пустошенный саркофаг и бред Петруса вызвали у Джонди неожиданные мысли.

Он взглянул на постель Атанаса. Слепой спал спокойно. Джонди достал из сундука копье, которое он отобрал у турок при стычке у «Чертовых скал». Накинув на себя простыню, он подошел к Петрусу.

Петрус лежал на спине со скрещенными на груди руками, и его пересохшие губы дрожали.

Джонди коснулся старика острием копья. Петрус открыл покрасневшие глаза и спросил:

— Кто ты?

— А ты сам кто, сын мой? — спросил измененным голосом Джонди, запахивая простыню, как саван.

— Я Петрус Бартоломеус, бывший крепостной рыцаря Вильгельма. А ты кто?

— Я святой Андрей Первозванный.

При упоминании имени св. Андрея больной приподнялся, но не дерзал разглядывать призрака. Он хотел спросить о чем-то, но Джонди опередил его.

— Вот копьё, которым была нанесена рана спасителю. Встань, Петрус, и извести «воинство христово», чтобы это копьё извлекли из гробницы св. Петра. Пусть понесут его впереди воинства, и оно обратит в бегство неверных.

Проснувшийся в это время монах Атанас слышал это, и, когда призрак исчез, он сказал Петрусу:

— В Византии я сподобился лицезреть св. Андрея Равноапостольного. Он коснулся моей руки святым копьём.

Джонди выждал, пока Хахутай кончил ужин. Когда тот вернулся в придел и уже сытый улегся и захрапел, он отнес копьё в склеп.

Выбросив из саркофага калканы Хахутая, Джонди положил в саркофаг копьё и снова закрыл его каменной крышкой.

На следующий день он запер подвал на висячий замок, чтобы Хахутай не мог больше охотиться за крысами.

Прошла еще неделя. Войско Кербоги усилило атаки на башни. В одну ночь осаждающие ухитрились закинуть крючья веревочных лестниц на башню «Собачьих ворот» и ворвался в город, так как голодная охрана уснула после полуночи. Вооруженные копьями турки напали на спящих крестоносцев.

Но подоспел Беэмунд со своими рыцарями. Они оследили врагов и сбросили их с башни.

В стане крестоносцев усилились голод и страх. Монахам чудились всякого рода видения, одни усматривали в ходе созвездий предзнаменования божьи, другие в словидениях видели волеизъявления господя.

Среди крестоносцев усилились разбой, воровство и раз-

врат. Рыцари и воины бесчестили оставшихся в Антиохии турчанок, вдов погибших воинов-христиан и их невест.

Разнузданные крестоносцы не щадили и монахинь.

Однажды военачальники крестоносцев сидели на площади перед бывшим дворцом Яги Сиана и беседовали о том, как им быть, как справиться с врагом и с голодом?

Из толпы, собравшейся вокруг, выступил изможденный священник и обратился к ним:

— Сеньоры, очень прошу выслушать меня.

Те подняли головы...

— Вчера ночью я уснул в церкви нашей богоматери и удостоился видения. Мне явился спаситель Иисус Христос. С ним были мать его пресвятая Мария и князь апостолов святой Петр.

Приблизился ко мне святой, стал предо мною и рек:

«Узнаешь меня?»

Я ответил, что не узнаю. Едва я успел это сказать, как знамение креста засияло над его головой.

Тут ко мне обратился спаситель:

«А меня узнаешь?»

Я узнал его, пал к ногам господина и начал молить его:

«Спаси от гибели воинство твое».

И ответил мне спаситель, что он помогал нам при взятии Никеи. «Благодаря моему заступничеству вы взяли Антиохию, но вы предаетесь корыстолюбию и разврату. Смерд от грехов ваших достиг до меня в небесах».

Едва сказал это спаситель, дева Мария и святой Петр пали к его ногам и начали умолять: «Отпусти прегрешения твоему воинству».

Тогда обратился ко мне спаситель, наш сладчайший Иисус, и сказал:

«Иди, созови мое воинство и возведи ему, что не пройдет и нескольких дней, как я сотворю чудо перед моим народом».

Едва об этом сказал священник, волнение охватило теснившуюся толпу. Боэмунд и другие военачальники с недоверием улыбались.

— Сеньоры, — продолжал священник, — если вы не считаете достоверным то, что я вам сообщил, сбросьте меня с самой высокой башни, и, если я останусь жив, вы убедитесь,

что я сказал правду. Если я лгу, отрубите мне голову, а хотите — живьем сожгите на костре.

В это время слепой монах Атанас и Петрус подошли к военачальникам.

Петрус обратился к Раймунду Тулузскому:

— Недавно и я удостоился такого же видения. Ко мне явился святой Андрей Первозванный и коснулся моей руки христовым копьем.

Епископ Адемар поднял голову и спросил Петруса:

— А куда девал святой это копьё?

— Первозванный сказал мне: «Пусть его ищут в склепе церкви святого Петра».

— Ты спал один? — спросил епископ.

— Нет, рядом со мной спал мой друг Атанас.

— Ты тоже видел святого Андрея, монах? — обратился Раймунд к отцу Атанасу, не заметив его слепоты.

Атанас не понял латыни, и епископ Адемар повторил по-гречески вопрос Раймунда, а затем сам спросил монаха:

— Ты все это действительно слышал?

— Я все точно слышал, ваше преосвященство, — ответил Атанас. — В Константинополе и меня посетил Андрей Равноапостольный и коснулся копьём моей руки.

Епископ Адемар снова обратился к Петрусу:

— Ты сказал, что копьё спрятано в склепе святого Петра. Не ты ли спрятал его там?

— В те дни я был болен, ваше преосвященство. Только на третий день я выздоровел и решил спуститься в склеп церкви святого Петра, но он был заперт.

— Вы берете на себя ответственность за все, что вы сообщили? — обратился Адемар к Петрусу и к монаху Атанасу.

Петрус ответил:

— Если окажется неправдой то, что я сказал, сбросьте меня с какой хотите башни, отрубите мне голову или сожгите на костре.

Затем Адемар обратился к Атанасу. Он подтвердил все сказанное Петрусом. Такое единодушное утверждение трех старцев поколебало недоверие военачальников крестоносцев.

Адемар велел принести евангелие. На него положили крест, и старцы поклялись, что сказали истинную правду.

Тогда епископ Адемар предложил, чтобы и вожди «христова воинства» поклялись отвоевать гроб господень.

Каждый из них становился на колени — Боэмунд, Гот-

фрид Бульонский, Раймунд Тулузский, Гуго де Вермандуа — и давал клятву сражаться до последнего вздоха, пока не будет освобожден гроб господень.

Танкред добавил к своей клятве: пока с ним будут хоть тридцать рыцарей, он не только станет сражаться за Антиохию, но и до самого взятия Иерусалима не вложит клинка в ножны.

Быстрее мелькнувшей тени разнеслась молва о святом копье в лагере крестоносцев. На площади перед дворцом собрались рыцари, воины, монахи, монахини, священники и толпы нищих и восторженно приветствовали благочестивых сновидцев и своих вождей.

«Христово воинство» выбрало двенадцать рыцарей. Между ними были: Вильгельм Оранский, Раймунд Тулузский, Понциус де Баланцун, Фаралд де Торнез.

Петрус Бартоломеус повел их к церкви св. Петра. Замок сломали, так как никто не знал, у кого хранится ключ. Торжественно взяли из саркофага «копье христово». Церковный двор не вмещал собравшейся толпы.

Народ объявил этот день «днем праздника обретения копья». Боэмунда выбрали главнокомандующим. Затем Адемар де Пюи объявил, что три следующих дня должны быть днями покаяния и поста.

В тот же день раздали милостыню нищим.

Рана продолжала беспокоить Джонди. Но он терпел боль и втихомолку смеялся, радуясь тому, что его озорство принесло хорошие плоды.

С быстротой молнии крестоносцы объединились.

Хахутай, сидя у постели Джонди, шепотом говорил ему:

— В моем саркофаге нашли «копье христово».

Он страшился, как бы господь не наказал его за такое святотатство.

На третий день вожди крестоносцев решили послать послов к Кербоге.

С ними должны были отправиться Петрус и толмач, некий Эрулин.

Кербоге предлагали устроить поединок на таких условиях: если его ставленник потерпит поражение, Кербога должен принять христианство со всем своим войском и снять осаду с Антиохии. Если же победа будет на стороне Кербоги, крестоносцы давали обещание освободить пленных мусульман и вернуть захваченные сокровища.

Послы вернулись в Антиохию и сообщили ответ Кербогн:

«Христианином я никогда не стану, но одно меня удивляет — по какому праву франки предъявляют свои права на города, которые мы, мусульмане, отвоевали у трусливых греков?»

Вместе с тем Кербога советовал христианам:

«Будет лучше, если вы сами примете веру Магомета, не то всех вас казним или продадим, как баранов, на невольничьих рынках».

Получив такой ответ, Боэмунд на второй же день разделил войско на шесть отрядов.

Во главе первого были поставлены брат французского короля Гуго де Вермандуа и Роберт де Фриз.

Второй отряд, состоявший, главным образом, из германцев, возглавлял Готфрид Бульонский. Третий — граф Роберт Нормандский, четвертым, провансальским, отрядом командовал епископ Адемар де Пюи.

Раймунд был болен. На него возложили обязанность руководить группой рыцарей, которая должна была отражать атаки против цитадели.

Но он отказался оставаться с бабами и калесками в городе, сел на своего изголодавшегося коня и присоединился к войску.

Во главе пятого отряда поставили Танкреда, шестым, самым сильным, командовал Боэмунд.

«Христово копье» вручили Раймунду д'Ажиле.

Священники в белых фелонях, с крестами в руках шли перед войском. Старики, больные и монахи стояли на башнях и, воздев руки к небесам, молились.

Открылись ворота у «Железного моста», и войско выступило из города.

Атабаг Кербога все это видел из своего шатра, но он был так убежден в своем превосходстве, что даже не попытался помешать крестоносцам выстроиться в боевой порядок. Кербога начал с того, что отвел свои войска к северу, а правое крыло развернул в сторону моря.

Ядро войска под своей командой он выстроил фронтом к востоку, для того чтобы обойти левое крыло христиан, как только начнется сражение.

Едва вожди крестоносцев заметили этот маневр, они сейчас же составили седьмой отряд, взяв часть воинов у

Готфрида Бульонского и Роберта Нормандского. Во главе его поставили Рейнальда де Туль.

Он должен был пресечь возможность обхода со стороны правого вражеского крыла.

Турки, скопившиеся на равнине, прибегли к такой хитрости: они подожгли степную траву, рассчитывая, что огонь устрашит крестоносцев, а дым разьет им глаза. Но огонь скоро потух, и эта попытка не привела ни к чему.

Христиане воочию видели численное превосходство сельджукских полчищ, но не падали духом, так как твердо верили, что в трудную минуту их вызволят «одетые в серебряные доспехи сидящие на белых конях войны с копьями, которых поведут св. Георгий, Меркурий и Деметриус».

Самым важным было то, что в сердце каждого крестоносца пылала надежда на «христово копье».

.

И турецкие амиры, расположившиеся за рекой Оронтом, и их войны плохо разобрались в численности христианского воинства. Христианские же вожди благодаря армянам и сирийцам знали довольно точно количество сельджукских войск. Их противники не располагали такими сведениями.

Они приняли стоявших на башнях и стенах монахов, монахинь, стариков и раненых за запасные войска.

Вожди крестоносцев, после того как было обретено «копье христово», единодушно выбрали своим главою герцога Бозмунда, турецкие же амиры даже в расположении своих войск руководствовались только личными интересами. А самому Кербоге не хватало ни таланта, ни авторитета, чтобы распоряжаться таким многочисленным войском.

Не хотели считаться с Кербогой ни амир Ридуан, ни арабский амир Мухаммед бен Веттаб, ни дамаский и эмесские амиры.

Когда из антиохийских ворот начали выходить отряды крестоносцев, амиры поспешили в шатер Кербоги. Он играл в шахматы.

Они доложили ему, что христианские войска выступили из крепости.

— Пусть идут, — ответил Кербога, — чем скорее они с нами сразятся, тем раньше погибнут!

Вожди крестоносцев решили, растянув фронт в длину, занять все пространство между рекой Оронтом и отрогами

гор. Таким образом они хотели лишить турок возможности обойти их с фланга.

Один из турецких лагерей был расположен по течению реки, ниже моста, фронтом к западу.

Гуго де Вермандуа и Роберт де Фриз начали атаку, двигаясь по речному берегу. Правее двигался отряд Готфрида Бульонского. Подошли и провансальцы во главе с епископом Адемаром. В это время прибыл посол Кербоги и известил вождей крестоносцев, что Кербога согласен решить исход боя поединком.

Боэмунд догадался, что это уловка, которой Кербога хотел выиграть время. Он отправил посланца ни с чем и приказал войскам наступать.

Еще не успел посол Кербоги вернуться, как неожиданно для крестоносцев сельджукская конница пересекла дорогу, ведущую к пристани св. Симеона. С возгласами «Аллах!» и барабанным боем всадники, подобно урагану, промчались перед линией христианских войск и врезались в отряд епископа Адемара, прорвали его ряды и оказались в тылу отряда Боэмунда.

Одновременно Гуго де Вермандуа атаковал врага. Повернув фронт, Боэмунд преградил дорогу туркам. Готфрид Бульонский и Роберт Нормандский направили часть рыцарей с Рейнальдом на помощь Боэмунду. Рейнальд мужественно рубил турок, но он не смог устоять против многочисленных врагов и отступил.

Боэмунд дал продвигнуться вперед турецким всадникам, а затем сам перешел в наступление. Турки стали оттеснять Боэмунда, но на помощь к нему прискакал брат его Танкред со своим отрядом, и они обратили врага в бегство.

Боэмунд предоставил Танкреду преследовать отступающих, а сам присоединился к остальной войску, чтобы принять участие в разгоревшемся сражении.

Левому крылу провансальцев угрожал обход, но это не остановило Адемара. Боэмунд заметил, что на берегу Оронта сосредоточиваются главные силы Кербоги.

Та же часть турецкой конницы, которую преследовал Танкред, подожгла траву в степи.

Этим приемом враг преследовал две цели: задержать крестоносцев и одновременно дать сигнал Кербоге, чтобы он послал им вспомогательные войска.

На берегу Оронта между сельджуками и арабами Мухаммеда бен Веттаба возникли распри: часть сельджуков

повернула коней к северу, часть же напала на арабов и начала их рубить.

Подоспевший Боэмунд поддержал провансальцев, так как турки по берегу Оронта успели обойти левое крыло Адемара.

Тем временем прискакали Роберт и Готфрид и с боевыми возгласами бросились на растерявшихся турок. Это решило исход сражения.

Кербога дал приказ отступать.

Турки стали стремительно отступать по всему фронту. Мусульмане оставили на поле боя шестьдесят тысяч трупов.

Бегущих турок по пути перехватывали армяне и сирійцы и с петлями на шее вели в Антиохию.

Шатры, весь обоз, запасы провианта и золото достались крестоносцам. Засевший в единственной невзятной башне Ахмед ибн Мерван прислал послов с предложением о сдаче.

Когда Раймунд Тулузский подъехал к башне, Ахмед попросил, чтобы пожаловал сам Боэмунд.

Раймунд обиделся.

Боэмунду вручили ключи от ворот, а Ахмед и его воины приняли христову веру. Боэмунд отпустил их, но армяне, напав на них в горах, всех перебили.

Только эристав Джонди был огорчен, что не мог утолить жажду своего меча.

После этой неслыханной победы вожди крестоносцев отправили послов к императору Алексею Комнени во главе с Гуго де Вермандуа и передали императору: прими, согласно уговору, город-крепость Антиохию. Но они долго и тщетно ждали возвращения Гуго и ответа императора.

О ТОМ, КАК ФАЗАН ЗВАЛ ВО МРАКЕ ЗАРЮ

Накануне крестовых походов из Константинополя в Липаритис-убани прибыл монах Евтихий.

Он десять лет соблюдал обет молчания в Афонском иберийском монастыре.

В один прекрасный день, когда истек данный по обету срок, он заговорил буквально безудержно.

Евтихий поразительно изменился. Он начал тайно пьянствовать, и ему так полюблилось хиосское вино, что на-

стоятель монастыря однажды застал его пьяным в трапезной. Его удалили из монастыря.

Из Афона Евтихий побрел в Иерусалим. Он добился благословения иерусалимского патриарха, собрал там большое количество крестов, икон и мощей, прибыл в Рим и объявил себя прорицателем.

Евтихий обошел многие итальянские монастыри, занимался знахарством, гадал по песку и одновременно вел торговлю.

Он продавал приобретенные им на Афоне и в Иерусалиме всевозможные реликвии: волосы и ногти святых, амулеты с мощами, грузинские и греческие апокрифические рукописи, иконы и лечебники. Евтихий рассказывал, как сельджуки «пытали» его в Иерусалиме.

Папская курия и католические миссионеры «пропаганды деи фиде» были весьма заинтересованы в насаждении католичества в Византии и Грузии, поэтому они сразу обратили внимание на монаха-грузина и представили его Урбану Второму.

Евтихий был широкоплеч, длиннобород, имел внушительную внешность и был искушен в греческой риторике. Поэтому он понравился папе. «Пострадавшего от турок» монаха щедро наградили, дали ему для пропаганды католические книги и папские послания и отправили в Константинополь.

О еретических речах Евтихия донесли константинопольскому патриарху. Монаха изгнали из Византии за проповедь «католической ереси».

Через Кларджети он направился в Триалети, убежденный, что эристав Липарит примет его с большим почетом, как монаха, побывавшего в Иерусалиме.

Он надеялся на всякие милости, учитывая и то, что отец его был некогда постельничим Липарита Великого и в течение семи лет чесал ему пятки.

Узнав в Липаритис-убани, что амира Липарита царь держал в цепях в подземелье Кледекарской крепости, Евтихий отправился в Манглиси. Он был искушен в демонологии и знал апокрифическую литературу, а всем этим, как он разведal, очень интересовался Кирион Манглисский.

На него и рассчитывал Евтихий.

Евтихий, объехав столько земель и будучи обласкан самим папою, начал думать об епископской митре.

Он был очень огорчен, узнав, что Кирион Манглисский в

Византии. Он сейчас же принял другое решение и стал обходить триалетские, джавахетские церкви и храмы Нижней Картли.

И здесь продавал он мощи, духовные книги и реликвии, произносил проповеди и гадал по песку.

После службы Евтихий просвещал и развлекал собравшийся в монастырском дворе народ примерно такими рассуждениями:

Кто держал впервые вертящийся меч — архангел Гавриил или сатана?

Можно ли крестить человека воздухом, огнем или вином?

Евтихий доказывал, что в Грузии надо крестить детей вином, так как св. Нина крестила грузинский народ крестом из лозы.

Каким путем Христос «загнал» демонов в свиное стадо? Возможно ли «загнать» черта в ослиную или козлиную утробу?

Что самое нечестивое — свиное рыло, песья морда или грешные уста?

Когда Ева сошлась с сатаной и когда от этой связи родился первый негр?

Евтихий проповедовал и о том, что надо пересмотреть и переработать уставы монастырей. Недостаточно было только читать или петь псалмы. При чтении каждого псалма настоятель должен нанести один удар плетью божьему рабу, чтобы он тверже запомнил псалом.

Выходило, по расчету Евтихия, что за год каждый послушник должен был получить по крайней мере пятнадцать тысяч ударов плетью.

В Италии Евтихий познакомился с колдовскими приемами — как лепить из заговоренного воска человеческие фигурки. Этому «искусству» он научил азнаура Дукидзе и других липаритовцев, чтобы они могли лепить облик царя Давида из воска.

Сидели старые триалетские азнауры и их жены, лепили из воска облик царя Давида и, проклиная его, кололи иглами в сердце, уверенные, что таким путем они наведут на него порчу и отправят на тот свет.

Немало и других глупостей распространял Евтихий.

Он утверждал, что траву нельзя ни косить, ни срезать серпом, а ее надо рвать руками, тогда только она пойдет впрок скоту.

Он советовал не стричь ни волос, ни ногтей, не мыть головы и тела, привлекать к бессоннице, голоду и лить слезы, ибо

человек появляется на этот свет плача, он должен всегда скорбеть и с плачем покинуть этот мир. Бог под конец навсегда утрет человеку слезы.

Евтихий привез из Италии устав «ордена плакальщиков» — «грация лакримарум» и устав молчальников, поучавший, как должен соблюдать молчание каждый истинный христианин.

Болтливый монах проповедовал, что всякое вырвавшееся слово — уже грех.

«Плачьте, плачьте! — проповедовал Евтихий народу. — Плачьте и плачем встречайте день страшного суда, так как уже наступило время последнего самооплакивания.

Нам следует рыдать и вопить, так как нет в этом мире ничего, сулящего надежду».

Евтихий был красноречив. Толпы любителей развлечься ходили за ним. Он усаживал во дворе сельской церкви баб и рассказывал им, как пытали Иисуса Христа.

Как предатель Искарriot продал его за тридцать сребреников и как, толкая и оскорбляя, вели спасителя, изнемогавшего под тяжестью креста, на Голгофу.

Как оплевали его по пути. Как распяли его на кресте.

Все это монах Евтихий рассказывал с таким пафосом, что женщины рыдали без удержу, словно все это произошло всего несколько дней тому назад.

Иудеи замучили при жизни нашего спасителя. Безбожники-сельджуки продолжают их дело. Они захватили гроб господень и, если бы тело христово не охраняли херувимы с огненными мечами, турки обесчестили бы и святые останки!

Но все эти рассказы Евтихий все же считал недостаточными, чтобы растрогать свою паству.

Он напоминал о героях, погибших при Парцхиси и Ахалкалаки в битвах с сельджуками, рассказывал о злоключениях грузин, взятых в плен Малик-шахом, Альф-Арсланом и их сарангами, и о том, какие испытания они претерпевали, закованные в цепи в темницах Ирана, Диарбекира, Месопотамии и Египта.

— Оплачьте ваших отцов, братьев и сыновей. Оплачьте, оплачьте! — заканчивал Евтихий.

Царь Давид не раз замечал, что в Триалети, Джавахети и в Картли, увидев царского боевого коня Сквитию, женщины с плачем падали на колени и до крови терзали себе щеки.

В конце концов он приказал Кариману Сетиели запретить Евтихию призывать народ к плачу.

Когда Кариман Сетнели спросил Махару, попадался ли ему в Византии этот монах, тот, почесав голову, ответил:

— Лет двадцать тому назад я видел этого дурака в Константинополе и, если не ошибаюсь, в монастыре святого Козьмы. Еще до того, как он стал молчаливником, бог не одарил его большой мудростью, но таким пустомелей, как сейчас, он все же не был. Поразительно, десять лет молчала эта собачья морда, чтобы потом за один день вывалить столько глупостей.

И бредни этого игуна Махара назвал «Евтихиадой».

Именно этот монах распространил по Триалети слух, что во время его пребывания в Константинополе императрица Мариам готовилась к отъезду и ждала попутного ветра, чтобы по морю вернуться в Грузию.

Евтихий и тут напугал: попутного ветра ждала бывшая царица Русудан, а не императрица Мариам. А историю покушения на Алексея Комнена он так раздул, словно его действительно убил какой-то армянин и на византийский трон взошел Константин Порфирородный.

Супруге Липарита не улыбалось возвышение «наполовину Багратиона», но известие о прибытии императрицы Мариам ей было приятно. Поэтому она подарила Евтихию три золотых и немедленно сообщила новость Дедисимеди.

А девушка так этому обрадовалась, что в тот же день встала с постели, села у зеркала, причесалась и надела нарядное платье.

С тех пор как Давид занял Триалети, для Дедисимеди настали горькие дни. Гневаясь на Давида, Ката, как цербер, охраняла свою дочь и запрещала ей гулять одной даже в дворцовом саду, чтобы не дать возможности встретиться влюбленным.

Давид никогда не входил в покои эристава. Когда Махара навещала Дедисимеди, то и на него Ката смотрела с подозрением, — а вдруг этот евнух поможет девушке тайком встретиться с царем.

Удрученная девушка в конце концов слегла в постель, и мать перестала опасаться их встречи.

Был вечер триалетской осени.

Дедисимеди собиралась погулять в саду, зная, что мать идет к вечерне.

Против окон спальни Дедисимеди стояли на склоне стройные ели.

Тихо колебались желтоватые, как белки, верхушки де-

ревьев. Ниже елей были видны ряды каштанов, ставшие янтарными. Кое-где виднелись среди них маленькие кипарисы цвета албурна.

Эти два цвета албурна — светло-зеленый и цвет белки — сочетались в пестрый ярус.

Под этими елями и каштанами шла высокая ограда.

У ограды, в пожелтевшей траве, возлились молодые фазаны.

Это были уже почти взрослые птицы, подлетки.

До своей болезни Дедисимеди кормила их три раза в день.

Девушка любила этих птиц не только за красоту оперенья, но и потому, что они были присланы ей глубоко чтимым ею Георгием Чкондидели.

Фазаны тысячами размножались в Чкондиди, где была священная дубовая роща, в которой некогда молились и приносили деревьям жертвы предки. В этом заповеднике никто не смел охотиться.

Чкондидели велел передать Дедисимеди:

— Не позволяй никому резать этих птиц. Они вырастут и будут радовать тебя нарядным оперением.

Кто не знал храброго в сражениях отца Георгия, обладавшего чувствительным сердцем заступника и благодетеля всякой земной твари?

Махара шутил с Дедисимеди, предостерегая:

— Пора уже резать твоих фазанят, горлица моя! Это уже не птенцы, они прислушиваются к голосам из леса.

Георгию Чкондидели ежегодно приносят сыновья его кормилицы фазаньих птенцов. Он выращивает фазанов и осенью выпускает на волю.

— Тебе лучше, горлинка, поручить это дело старшему повару, а то улетят фазаны и ты опечалишься, милая! — приставал Махара.

Дедисимеди пропускала его разглагольствования мимо ушей.

Она берегла своих фазанов, как зеницу ока.

И сейчас девушка смотрела на них из окна...

Неизвестно — из-за плохого ли ухода или вследствие грубого обращения птичниц, а возможно, из-за того, что фазаньи птенцы уже подросли, они одичали, их тянуло в лес.

Всего месяца два тому назад, когда они были еще птенцами, они ходили с индюшатами и цыплятами.

Фазанята бродили вместе с ними, послушно склонив го-

ловки, и следовали за приемной матерью. Когда какая-нибудь наседка обнаруживала червячка и звала заботливо свой выводок, фазаньи птенцы тоже устремлялись к ней.

Но как только они подросли, стали сторсниться индюшат и курочек и начали ходить обособленно, разыскивая корм.

По вечерам, когда птичницы сзывали птицу на ночлег, фазанята в недоумении подымали головки, словно этот призыв их не касался, и бабам приходилось долго возиться, чтобы загнать их в курятник.

Среди девяти подросших птенцов был один самец, который предводительствовал ими. Это был породистый, крупный колхидский фазан с золотисто-алым оперением.

Он отважно опекал самок. Если над усадьбой пропосилась тень ястреба или сокола, он предупреждал их криком, чтобы они искали убежище.

Этот фазан становился все недоверчивее к людям и все чаще норовил уйти в лес.

Фазаньи самки были более ручными. Они так или иначе отзывались на зовы птичниц и не могли устоять против соблазна полакомиться пшеничными зернами.

Дедисимеди стояла у окошка и любовалась красотой этого горделивого фазана. Она колебалась, не выйти ли ей во двор замка, чтобы посмотреть на него вблизи.

Раза два она оглянулась, собираясь взять шаль, но под рукой ни одной не оказалось.

Она догадалась, что их нарочно спрятали мать, чтобы она не ушла из дому без спроса.

На стуле осталась грубошерстная шаль Хорешан.

Она хотела ее накинуть, но шаль показалась ей слишком неказистой, и она отложила ее. В комнату вошла Лела и, заметив, что Дедисимеди любит фазанов, сказала ей:

— Вчера вечером сколько нам пришлось хлопотать, моя дорогая. Я и Хвтисавар с трудом заманили фазаньих самок в курятник. А самец заупрямился и не хотел войти.

Ни зовом, ни кормом мы не смогли заманить его. Затем птичник Хвтисавар взялся за дело, но фазан взлетел на куст шиповника. Хвтисавар выждал, пока стемнело, подкрался к нему и с трудом поймал.

Хвтисавар заболел вчера ночью. Пойдем, может быть, фазан не будет тебя чуждаться, а то и в этот вечер будет трудно поймать его.

Дедисимеди хотела выйти с непокрытой головой, но Лела воспротивилась.

Дочь эристава не хотела уступать.

Тогда Лела протянула ей шаль Хорешан.

— К чему мне вдовья шаль?

Лела все же накинула ее на Дедисимеди.

— Если бы ты видела, как тебе идет эта шаль! Тебе все к лицу, мое золото! — воскликнула Лела и побежала за кормом.

Как только они подошли к фазаньему выводку, фазан-самец тотчас же отошел в сторонку. Фазаньи курочки последовали за ним.

Фазан-самец остановился и неодобрительно взглянул на хозяев.

Он стоял некоторое время, горделиво откинув голову, словно прислушивался к небу. Затем он начал настойчиво кудахтать и отходить от посетителей. За ним побежали и курочки.

Лела стала настаивать: поймаем самца и вырвем пушинку из-под крыла, чтобы его приручить.

Дедисимеди ускорила шаги.

Она подзывала фазанов, рассыпая корм.

Фазаньих курочек все же соблазнили зерна, и они, приблизившись, стали клевать. Но, увидев, что их «предводитель» сторонится людей, склевав наспех зерна, побежали за ним.

Нахохлившийся самец побежал вдоль ограды. Затем он повернул влево по дороге, идущей к ельнику.

Но Лела, забежав вперед, отрезала дорогу фазану и стала щедро сыпать зерна. Этот соблазн подействовал и на самца. Он сначала недоверчиво отнесся к угощению, но, когда самки стали клевать корм, он присоединился к ним.

Дедисимеди стала подзывать фазанов, расточая им ласкательные имена, и приблизилась к ним на несколько шагов.

Тут Лела, выскочив из-за куста шиповника, кинулась к самцу, пытаясь схватить его.

Но это ей не удалось.

Оскорбленный фазан, взлетев, сел на ветку ближайшей ели.

Дедисимеди ласково звала птицу, убеждая, что ничего плохого не сделает ему, своему гордому питомцу.

Фазан сидел на высоте человеческого роста и глядел на

нее так спокойно, словно понимал ее речь. Вместе с тем он выглядел таким горделивым красавцем, что можно было подумать, что это бессловесное существо знает, насколько прекрасно его яркое оперение.

Дедисимеди подошла к нему и попыталась схватить птицу.

Но она не смогла дотянуться до шеи фазана и схватила его за хвост, который и остался у нее в руках, так как птица сильно рванулась. Напуганный фазан сорвался с ели и полетел к югу.

Дедисимеди задела ногой камень, упала и заплакала: улетел наш фазан.

Лела помогла ей подняться и начала утешать:

— Не огорчайся, мое золото. Он никуда от нас не скроется. Я видела, он полетел к конюшням, мое солнышко!

Девушки побежали за птицей.

Но Лелу беспокоила не потеря фазана, а то, как бы Ката не увидела бегущую по лесу Дедисимеди. Она знала, что ей не будет пощады и жена эристава оттаскает ее за косы.

Лела обогнала Дедисимеди, остановилась у лощинки, по которой когда-то Кариман Сетиели протащил связанного Рати, и радостно крикнула Дедисимеди.

— Не огорчайся, мое золото! Смотри, фазан сидит на рябине.

Как раз в это время царь, Кариман Сетиели и Махара, уже вернувшиеся из Джавахети, шли к замку. Конюхи вели под уздцы лошадей.

У конюшни стояла неоседланная Сквитиа.

Царь обрадовался, увидев Сквитию. Совсем недавно она болела. Любимая лошадь ржала и мотала головой, казалось, что она приветствует хозяина.

Едва царь приласкал Сквитию, как Махара заметил, что за оврагом на рябину сел фазан.

— Фазан, фазан! — крикнул Кариман Сетиели.

Он решил, что это дикий фазан, так как не знал, что фазаны в Триалети не водятся.

Махара понял, что этот фазан вылетел из дворцового сада.

Пока Дедисимеди и Лела бежали к рябине, царь перестал ласкать Сквитию и тоже последовал за Кариманом и Махарой.

Они заметили бегущих по опушке Дедисимеди и Лелу.

Царь смутился и замедлил шаги. А Махара обрадовался, видя, что «воля господня» или необычайная игра судьбы способствовала тому, что жившие так долго под одной крышей влюбленные наконец встретились.

Махара ускорил шаги, приложил к губам палец, сделал знак женщинам молчать и не двигаться, а сам направился к рябине. Став на цыпочки, он обошел рябину с той стороны, куда Дедиссимеди смотрел готовый улететь фазан.

Подойдя совсем близко, Махара начал бормотать какие-то непонятные слова, подражая фазаньему клохтанью.

Фазан повернулся, захлопал крыльями, перепрыгнул на другую ветку, а потом полетел и сел на бук, находившийся на расстоянии полета стрелы от замка.

Кариман Сетиели уже схватился за лук, но Махара не дал ему метнуть стрелу.

Подойдя к рябине, Дедиссимеди увидела царя. Она вздрогнула и поспешно вытерла слезы платком. Девушку охватило такое волнение, что она невольно зашаталась и чуть не упала.

Лела и Махара кинулись за фазаном.

Царя удивило, что дочь эристава в черной вдовьей шали, но все же он заметил, что она к лицу Дедиссимеди.

Давид поспешил утешить Дедиссимеди:

— Не беспокойся, Назо, Махара умеет околдовывать птиц.

Дедиссимеди не ожидала встречи с царем, тем более что еще прошлой ночью Лела сказала ей, что Давид отправился позавчера в Джавахети.

Девушка вообще не знала, когда царь покидал Липаритис-убани и когда возвращался.

Обычно царь ездил по дороге, что шла за конюшнями, и то ночью.

Поэтому, когда трилетки думали, что Давид в Начармагеги, сказывалось, что какой-нибудь джавахетский пастух видел царя в Ахалкалаки, где тот наблюдал за постройкой городской стены. То царя видели в Имерети, то какой-нибудь бродячий монах сообщал, что Давид осматривал вновь проведенную дорогу на Цалке.

И сейчас смущенная Дедиссимеди, шагая рядом со своим желанным, невольно сомневалась, сон это или действительность.

Таким недоступным и далеким стал для нее человек столь близкий и любимый.

Уже давно она перестала разбираться в том, что огорчало, что радовало, к чему стремился и как жил дорогой человек, находившийся под одной крышей с нею, в том же замке.

Она знала, что после отъезда Ннани и Джонди в Константинополь никто не видел на его лице улыбки. В Липаритис-убани он приезжал редко и то по ночам.

Лишь случайно как-то проговорился Махара, что в ближайшее время царь собирается обосноваться в крепости Уплис-шихе. Крепость он приказал обновить, а бывшие покои Давида куропалата расписать.

Начальника Мухатвердской крепости Парджаниани он назначает в Кледекарн и, видимо, передаст ему в управление все эриставство.

Дедисимеди, молчаливая и растерянная, шла рядом с царем.

— Как ты себя чувствуешь, Назо? — спросил царь.

«Неужели ты до сих пор не мог спросить меня об этом, повелитель?» — хотела сказать девушка, но язык ей не повиновался, и, подавив свой порыв, она ответила:

— Ничего. Живу с божьей помощью.

Царь улыбнулся и взял Дедисимеди под локоть.

Дедисимеди продолжала идти по тропе.

Она уже не волновалась, и безграничное спокойствие наполнило ее сердце. Сильная рука Давида подчинила ее себе.

Девушка хотела, чтобы эта рука еще сильнее сжала ее локоть.

Словно замороженная, следовала она за ним. В эту минуту она чувствовала себя счастливой, так как ей удалось, без всякого уговора, встретиться с желанным.

Она чувствовала безграничное счастье, слыша, как хрустит хвоя под ногами царя.

Слова, предназначенные для него, но не жалобы, а сладкие, как мед, подступали к горлу, но у Дедисимеди не хватало смелости их произнести.

Царь сказал:

— Я давно не был здесь. Что нового у вас в Триалети?

Девушка подняла голову, скользнула взглядом по его спокойным глазам и кудрям медового цвета, выбившимся из-под шлема, и ответила:

— В Триалети? Разве Триалети принадлежит только нам?

— Конечно, ведь Триалети ваше наследственное эриставство.

— Нового немного, повелитель.

— А все же?

— Говорят, что приезжает императрица Мариам.

Сказав это, Дедисимеди опять посмотрела на царя, и в этот момент он заметил, что у нее сияли не только глаза, но и лицо.

Царь догадался, что эта радость вызвана рассказами мо-

наха Евтихий. Он не заботел разочаровывать обрадованную девушку и сказал:

— Почему ты так радуешься приезду императрицы Мариам?

— Императрица Мариам — твоя тетка, но, кроме того, мы все ее обожаем... (Дальше она не могла подобрать слов.)

— А еще почему?

— Это тебе не ясно?

— Нет. Не ясно!

— Разве есть что-нибудь на свете, тебе неизвестное, государь?

— Ого! На этом свете есть много такого, что не снилось и величайшим мудрецам, Назо!

Опять наступило молчание.

Девушка сорвала мохнатую ветку с нависшей над тропкою ели и, склонив голову, шла, общипывая хвою.

Вдруг они услышали клохтанье фазана.

Давид сказал:

— Махара, видно, поймал твоего фазана, Назо!

Он положил руку ей на плечо и взглянул девушке в глаза, но по ним нельзя было решить, что она радуется поимке фазана.

Когда они достигли развилины тропы, тени уже спускались с гор. Одна из тропинок шла к замку Липарита через ельник, а другая — через овраг к дубняку.

Уже темнело, у ворот замка никого не было. И царь, не колеблясь, взял руку Дедисимеди и направился с девушкой по тропинке, ведущей к дубняку.

Они шли молча, тая невысказанные слова и невыявленную страсть.

За оврагом, с верхушек елей, торчавших, как щетина, скользили тени. Ключья тумана цеплялись за эти огромные чесалки, черневшие на горных отрогах.

Они миновали овраг и поднялись на плоскогорье. Под столетними подолами пихт находила приют ночная тьма.

Девушке было приятно, что царь не повел ее к замку. Ей не хотелось возвращаться в отчий дом, где семейные порядки разлучили бы ее с желанным.

Дедисимеди была готова идти рядом с ним через эти безлюдные ущелья, в этих выжженных турками дубняках, — хоть до края ночи, только бы слышать шорох его шагов, чувствовать его дыханье и больше не возвращаться в семью.

Она шла смело, с поднятой головой, не боясь упреков,

которыми ее могла осыпать мать за эту счастливую встречу. Царь был рассеян, он чувствовал, что затерялся в лесу.

Здесь не было никаких признаков присутствия человека. Лесорубы ушли, оставив топоры у поваленных деревьев. Были слышны только иступленные крики соек.

Давид остановился и оглянулся на пройденную дорогу. Он не мог понять, как они спустились с плоскогорья и очутились в ложбине.

Они миновали еще один овраг и шли дальше, не давая себе отчета. Опять пошли в гору и вновь спустились в ложбину. Подошли к опушке опустошенного пожаром пихтового леса.

Он заметил, что девушка утомлена. На нем тоже сказались усталость, вызванная поездками по горам.

Он озирался кругом.

Кусты, заросли и колючки.

Всюду валялись деревья, опутанные колючими растениями. Негде было даже сесть.

Так они шли некоторое время лесом. Луна вынырнула из мутного водоворота туч.

Перед ними открылась просека. Ураган вырвал дубы с корнями и разметал деревья. Словно гиганты с отрубленными головами, лежали стволы пихт. Казалось, здесь сражались дэвы.

В овраге постукивала маленькая, обветшавшая горная мельница, отрезанная от всего мира. Царь взглянул на эту мельницу, и почему-то стало приятно на душе.

Он вспомнил — в таких мельницах он ночевал в безлюдных горах, преследуя летучий турецкий отряд или разведчиков.

Дедисимеди узнала эти места. Сюда ее водила Хорешан, когда она еще не была сленой, собирать лулуфру.

Жуткой ей показалась эта долина, хотя она шла рядом с Давидом и чувствовала в нем верную опору.

Лунные лучи осветили просеку. Чернели великаны-буки и обомшелые каменные глыбы, заброшенные сюда с утесов неведомой стихией.

С высокого обрыва взирала на окрестности черным оком пещера, темная, словно раскрытая при зевке пасть хаоса.

Горбатые горы, как верблюды, окружали долину. Выл шакал, и Давиду казалось, что он находится где-то поблизости, на утесе.

Жалобно выл одинокий зверь, собратья ему вторгли с другой стороны ложбины, и эхо вторило шакальему вою.

Царя удивило, с каким единодушным отзывалось звери на жалобу своего одинокого сородича.

Долго длился этот звериный плач.

Наконец зверь умолк, и вдруг начался в лесу такой неслуханный вой, что даже Давид, опытный охотник, не мог решить — вой ли это шакалов или рысей, или и те и другие выли и мяукали вместе.

Давид чувствовал, что Дедисимеди трепещет от страха. И вдруг сразу прекратился звериный вой...

Слышно было лишь, как журчит в овраге вода... Его желанная сидела на пне, закутанная в шаль.

Давид заметил, что у Дедисимеди дрожали плечи.

Девушка была так плотно закутана в черную шаль, что казалось, сама ночь положила свою темную лапу на ее светлое лицо.

Давид хотел отстранить шаль, но постеснялся и лишь погладил девушку по щеке.

Тут он заметил, что девушка тихо и покорно плакала. Царь понял, что так как слова не пошли дороги из сердца девушки, их заменили слезы, и этими слезами она высказывала свою обиду на его слишком длительное молчание.

Царь предпочел бы услышать из уст Дедисимеди горькие слова упрека, только бы не видеть ее слез и не слышать ее плача.

Давид не любил слез.

Он полнино страдал, видя плачущих, особенно плачущую женщину.

Ему было тяжело, когда во время объезда эриставства к его ногам падали одетые в траур матери, жены и сестры мужчины, взятых в плен турками.

Эти женщины плакали и умоляли вернуть отцов, братьев и сыновей, уведенных в неволю.

И эта укутанная простой шалью дочь эристава ничем сейчас не отличалась в скорби и отчаянии от тысяч грузинок.

Царь горестно вздохнул, посмотрел на опустошенный сельджуками лес, загроможенный каменными глыбами и буреломом, и ему показалось, что это — ложбина слез и остров печали.

И как жесток приговор мира!

Царь видел, как плакали матери, жены и сестры погибших на войне или взятых в плен турками. Плакала его отчизна, плакала вся Грузия...

Но судьбе было мало, она заставила рыдать его кроткую горлинку, которой любовь к нему принесла только горечь.

Царь ласково положил руку на плечо девушки и стал уговаривать: «Не плачь» и спрашивать: «Сними шаль».

Дедисмеди продолжала плакать. Ласка еще сильнее растрогала ее.

Давид чувствовал, как старалась упрямая девушка подавить скорбь. Она не хотела, чтобы он видел ее плачущей, и потому, прихватив обеими руками шаль, прикрывала лицо, чтобы утаить слезы.

Царь нежными мольбами уговорил девушку выпустить шаль из рук и сам ее снял. Давид не мог оторвать от Дедисмеди глаз — так красили ее слезы.

Дедисмеди вытерла глаза тыльной стороной ладони, так, как это делают плачущие дети. Она взглянула на Давида и сказала:

— Я долго сдерживалась, государь, зная, что ты не любишь слез. Я хотела добраться до дому и поплакать там наедине.

Но на все — воля провидения. Я жестоко наказана — слезы стали моим хлебом, а жизнь моя — отравой.

Таков, видимо, мой удел, и что остается мне, несчастной! И что я могу сделать против воли господя?!

Царь все понял. Для него и без слов было ясно, что вызвало ее отчаяние. Поэтому он ни о чем ее не спрашивал, изменил предмет беседы и сказал:

— И как это ухитрился поймать твоего фазана этот ловкач Махо! Что ты на это скажешь, Назо?

Девушке показался ненужным этот вопрос. Она поняла, что царю невмоготу было ощущать столько горечи, и сказала:

— Действительно, этот Махо — чародей, он понимает язык любого существа и голос всякого сердца. Махара помог мне одолеть мое горе, а то оно могло бы задушить меня. Он развлекал меня то соловьями, то соколами и ястребами, то рассказывал мне о походах, в которых сам участвовал, то читал мне забавные книги или рассказывал не менее изумительные истории.

Давид заглянул в лицо девушки, провел нежно рукой по голове, поправил спутанные волосы и сказал:

— Признайся мне теперь, Назо, почему тебя так радует приезд моей тетки Мариам? Только будь откровенна!

— Я всегда искренна с тобою, государь. Как я могу скрыть от тебя что-нибудь?

— Все же?

— Я верю, что приезд императрицы Мариам должен изменить многое к лучшему.

— А что именно?

— Неужели об этом еще надо спрашивать, государь... Доколе все будет оставаться без перемен?

— А именно, что?

— Именно то...

Тут девушка запнулась. Она не знала, с чего начать, но потом продолжала:

— До каких пор должен быть в оковах мой несчастный отец?.. И доколе брат мой Рати будет осажден в Парцхисской крепости? Мы здесь остались одни.

Заргарели и монах Козмаи бежали, поместье опустошено. Моя мать не справляется с хозяйством. Если бы даже я не была больна, как я, несчастная, могла бы ей помочь?

— Все это не имеет никакого отношения к приезду императрицы Мариам. Все это связано с совершенно другими обстоятельствами... Назо...

— Какими?

— Ты ведь не такой ребенок, чтобы не разбираться в том, что происходит в стране. Неужели ты думаешь, как некоторые, будто я такой свирепый, чтобы радоваться, истязая невинных людей. (Царь под этими «некоторыми» подразумевал амира Липарита, Рати и сторонников Орбеллани.) Но он не упомянул их и продолжал:

— Неверно и то, что цари всемогущи и что они в силах каждую минуту поступить так, как им подсказывает совесть.

На этой земле всемогущ только господь. Если бы я был всемогущий, в моем царстве не было бы ни одного человека в оковах.

Слова царя придали смелости Дедисимеди, и она более решительно сказала:

— Отец мой ведь во всем чистосердечно раскаялся?

— Видимо, одного покаяния не хватило.

Дедисимеди с удивлением взглянула на Давида, но ничего не ответила. Уловив ее изумление, царь продолжал:

— Враги нашей страны, которые поддерживали постоянную связь с Липаритом и Рати, были так до сих пор могущественны, что могли в любую минуту прислать вспомогательные войска как Липариту, так и Бабу-Джаффару или кахетинскому царю.

Царь замолчал. А Дедисимеди стало легче, когда она услышала слова «до сих пор». Девушка хотела спросить царя: «А теперь?», но она удержалась, и царь продолжал:

— С моей стороны было бы неразумно освободить союзников султана, которые у меня в плену, чтобы они присоединились со своим войском к туркам в Триалетском эрисгавстве, где вести войну гораздо труднее для нападающего, чем для обороняющегося.

И я должен был их обезвредить, несмотря на то, что любимое мною существо — дочь одного и сестра другого.

Дедисимеди была безгранично счастлива, услышав слова «любимое мною существо».

Девушка почувствовала озноб, закутала в шаль плечи, подняла голову и сказала:

— А теперь?

— Теперь я так или иначе спокоен. Ты знаешь, что прошло достаточно времени с тех пор, как я занял Триалети. До сих пор я, не зная ни сна, ни отдыха, обучал войска, исправлял дороги, укреплял крепости. По ночам разъезжал с чухчами, ловил сельджукских разведчиков и допрашивал их.

В шалашах, в пастушьих стойбищах, на мельницах и в разрушенных церквах проводил я ночи вместе с моими чухчами и спасаларами, седло мне служило подушкой, а моя шуба — постелью.

Каждый день и каждую минуту я был готов дать отпор вторгнувшемуся врагу.

Дедисимеди не могла удержаться:

— А теперь?

— Теперь я стал спокойнее. Как сообщают мои доверенные люди из Константинополя, Исфагана и Багдада, я уже не одинок пред врагами нашей страны.

Я получил письмо от Нпани Бакуриани вчера ночью. Оно меня радует и обнадеживает. Малую Азию захватили франки, усилились неурядицы и восстания в странах, лежащих по ту сторону Каспия, в Иране и в Месопотамии. Турки кормят львов в Багдаде мясом своих единоплеменников... Поэтому... — сказал царь и замолчал.

— А что «поэтому»?

— Если бы я не встретил тебя сегодня, в будущую субботу я посетил бы твою мать, супругу эристава эриставов, и сказал бы ей, что скоро придет Георгий Чкондидели из Гегути. И сниму оковы с Липарита и выпущу из Парихисской крепости Рати, если только...

Дедисимеди сдержанно спросила:

— А для чего, государь, ты ждешь Георгия Чкондидели?

— Я пошлю Чкондидели к обоим. Они должны дать клятву верности — крепкую и нерушимую. Пусть прекратят всякие сношения с врагами Грузии.

Пусть проникнутся верностью к трону и нашей стране. Если же они опять нарушат эту клятву, у меня хватит оков для предателей и изменников отчизны. Пусть это хорошо помнят все.

Лицо Дедисимеди залил румянец. Слезы радости потекли по щекам. Она встала, бросилась к ногам властителя и обхватила его колени.

Царь стремительно встал, не допустив девушку облобызать его колени.

Долго шли они в тени елей, испытывая счастье близости. Когда они подошли к замку, Дедисимеди с обидой в голосе спросила Давида:

— Почему ты не навестил меня, когда я была больна?

Царь ответил:

— Ты сама рассуди, моя Назо, пока твой отец и брат были — один в заточении, а другой осажден в крепости, а нам приходилось жить под одной кровлей, как я мог дать врагам повод для сплетен.

Ведь это могло бы уронить твое достоинство. И без того были возмущены триалетское духовенство и дворяне.

Я сам очень хотел видеть тебя, когда ты занемогла, но ты сама знаешь, что не пристало мужчине навещать больную женщину. Тем более, когда дома нет ни отца, ни брата.

Уже слышен был лай липаритовых овчарок. Зубцы крепостных башен, как огромные кабаньи клыки, врезывались в небосвод.

Едва вышли из тени лип Давид и Дедисимеди, как к ним метнулась тень в шлеме.

Махара достал из-за пазухи фазана, поцеловал в лоб Дедисимеди и передал ей птицу.

Войдя в спальню, царь почувствовал усталость. Пока факельщики зажигали канделябры, он сидел молча у скана и смотрел на темные очертания лиц.

Вдруг стремительно вошел взволнованный Махара. Царь велел факельщикам уйти. Он поднял голову.

— Что случилось, Махо?

— Только что присхал монах Антимоз из Гегути...

— И что?

— Конь царя Баграта вновь заржал в Гегутском замке. Давид не мог сразу понять, о каком коне говорил скопец.

Когда выяснилось, что Махара имел в виду изображение Багратова коня на стене Гегутского дворца, царь улыбнулся и сказал:

— Что ты хочешь этим сказать, Махо?

— Пора воевать, государь!

Монах Антимоз привез и письмо эристава Джонди, посланное из Антиохии. Еще никогда у турок не было столько неудач. У Антиохии атабагу Кербоге нанесено страшное поражение. Сбежали с поля битвы Кербога, Наджм. Эддин иль-Гази и другие амиры... Спасалары недовольны тем, что им приходится проводить только маневры.

«Клинки наши изголодались», — жалуются войны.

Царь велел позвать монаха Антимоза. Взял у него свиток и стал читать.

Закончив чтение, он встал и долго молча шагал по спальне. Когда он остановился, Махара заглянул ему в глаза. Но по ним трудно было угадать, о чем думает царь.

Давид сказал:

— Я устал от езды, Махо. Я хочу остаться один и над всем поразмыслить. Распорядись, чтобы на завтра приготовили коней. Приезжает Чкондидели, и ты с ним отправишься в Клдекари.

Махара растерянно смотрел на царя.

«А зачем Чкондидели ехать в Клдекари?» Он хотел спросить об этом, но, заметив на лице Давида усталость, молча вышел и закрыл двери.

Оставшись один, царь долго стоял на коленях перед иконой спасителя и негромко пел:

Покарай, господи, тех, кто поносит меня,
И повергни тех, кто борется со мной,

Возьми копье и щит и стань покровителем моим.
Простри свой меч перед преследующими меня,
Укрепи душу мою и молви: я твой покровитель...

Давид снял доспехи, лег и ворочался с боку на бок, не зная, на какого врага замахнуться в первую очередь мечом Багратнонов...

Во дворе замка лаяли волкодавы. В лесу не смолкали мяуканье рысей и вой шакалов. Временами ночные стражи сдержанно свистели.

Наконец все утихло. Только царь бодрствовал до самого рассвета и слышал, как во мраке фазан-самец призывал зарю.

Конец второй книги

ОТ АВТОРА

Уже двадцать пять лет работаю я над романом «Давид Строитель». За это время у меня накопилось громадное количество материала.

Собрать фактические сведения, более или менее полно и всесторонне характеризующие эпоху царя Давида, оказалось очень нелегким делом. То немногое, что уцелело в Грузии при нескончаемых исторических катастрофах, нашествиях извне, внутренних неусобицах, представляет собой ничтожную часть наших исторических памятников.

В грузинских хрониках, как, впрочем, и в хрониках других стран, главнейшее место занимают панегирики царям, династические события и описание быта правящих аристократических и клерикальных кругов. Анналисты, будучи идеологами господствующего класса, весьма мало или вовсе не интересовались условиями жизни народа — «простолюдинов». Редко встречаем здесь детали о труде и войне, о боевых порядках войск и осаде крепостей. Трудно найти как раз те сведения, которые так необходимы писателю, работающему на историческом материале, чтобы уяснить себе социальный строй, взаимоотношения различных классов и сословий.

Я вынужден был посвятить несколько лет настойчивого труда изучению истории Руси, Армении, Византии, Сельджукского султаната и половцев, чтобы по крупницам собирать нужные для моего романа материалы.

Во всем этом нет необходимости у романистов, описывающих более поздние эпохи, поскольку в их распоряжении име-

ется более или менее детально разработанная историческая, мемуарная и другая литература.

Известно, что история народов Азии крайне сложна. Об этих странах нам рассказывают большей частью византийские, арабские и иранские историки и географы. Особенно трудно было разобраться в политической и социальной обстановке Сельджукского султаната и страны половцев. Эта работа была схожа, говоря словами Флобера, с «царапаньем ногтями голой скалы».

В мой роман законно вошло изображение крестовых походов, поскольку они сыграли большую роль в национально-освободительных войнах, которые вели в XI—XII веках русские, грузины, армяне, византийцы против номадов.

Движение крестоносцев явилось первым колониальным военным походом западных держав для завоевания рынков Востока. И автор должен был использовать огромную литературу на многих языках, которая имеется об этой эпохе.

Критический подход к упомянутой литературе позволил выявить истинные цели и темные махинации папской курии, бросившей народы в кровавую бойню и обрекшей их на невероятные мучения.

От читателя моего романа не ускользнет и то обстоятельство, что автор не пожалел красок и даже довел до гротеска изображение европейских рыцарей-крестоносцев — этих мнивших себя героями и столь цинично использованных папой Урбаном II авантюристов.

* * *

Первая и вторая книги романа «Давид Строитель» вызвали довольно продолжительную полемику. Многие ученые и писатели высказывались как о положительных, так и об отрицательных сторонах моей работы во время дискуссии, которая развернулась в печати после выхода первой книги.

Писатель, безусловно, обязан принять во внимание добрые советы и пожелания критики.

Компетентные представители советской общественности и многие квалифицированные читатели посоветовали мне упростить язык «Давида Строителя» в отношении синтаксиса и лексики. Это касалось, в первую очередь, конечно, грузинского оригинала.

Понятно, что я посчитал необходимым принять во внимание эти замечания, учитывая тот громадный интерес, который

проявляют к литературе широчайшие массы наших народов и который достиг на глазах нашего поколения невиданных масштабов.

Сейчас за нашей литературой следит не только городское население и не только «просвещенный» читатель, разбирающийся в тонкостях языка и стиля. Книгу читает пастух-тушин, колхозник, пасущий буйволов на берегу Иори, ткварчельский шахтер, скотоводы Анжерской и Ширакской степей, тракторист и комбайнер, трудящиеся нашего великого содружества народов. Практика перевода на русский язык лучших образцов классической и современной литературы народов нашей страны и произведений русских писателей на языки народов СССР еще больше расширили круг читающих книгу.

Все это заставило меня основательно пересмотреть мои языковые позиции, которые я так ожесточенно защищал на протяжении 1932—1940 годов в моих статьях и публичных выступлениях.

На дискуссии, устроенной в связи с выходом второй книги «Давида Строителя» в 1946 году, отмечалось, что начиная со второй части романа я добился некоторого упрощения языка. Думаю, что эта работа над языком оригинала сказалась и на переводе.

С большим старанием я переработал для настоящего издания третью и четвертую книги романа, которые печатались в грузинском журнале «Мнатоби».

По понятным причинам в современном грузинском языке отсутствует ряд понятий, терминов, слов, имевших хождение в эпоху, которую я описываю. Я поэтому счел ненужной их модернизацию.

Несколько архаический язык я сохранил у духовных персонажей, у Чкондидели и епископов. Что же касается демократических слоев населения, я использовал свойственные народу идиомы с учетом нюансов различных грузинских диалектов.

* * *

В ходе работы над романом я старался раскрыть русско-грузинские отношения. Любому знакомому с историей хорошо известно, что корни дружбы, политической и культурной солидарности русского и грузинского народов следует искать в далеком историческом прошлом.

Во время работы над романом у меня накопилось столько материала в этой области, что я никак не мог упустить из поля зрения эту важнейшую сторону нашей истории. Но естественно, что в первой книге этот материал не мог быть использован, так как первая книга «Давида Строителя» изображала события 1080—1092 годов. Вторую книгу занял, главным образом, период крестовых войн. А активизация борьбы крупных политических деятелей — Владимира Мономаха и других князей Киевской Руси против кипчагов-половцев начинается с начала XII века, т. е. с 1111 по 1116 год. Я пишу роман об определенной эпохе, и даже поэтическая вольность не давала мне права переносить события одной эпохи в другую. Я лично считаю это недопустимым.

В третьей и четвертой книгах, следуя исторической правде, я уделил русско-грузинским отношениям немало внимания.

Я изучил русские хроники и, насколько смог, выявил в моем романе факты дружбы между русским и грузинским народами, борьбу Владимира Мономаха с половцами — кочевым племенем той эпохи.

Этот момент органически вошел в архитектуру романа.

Известно, что Владимир Мономах нанес поражение половцам и оттеснил их за реку Дон. На севере Грузинское феодальное государство оказалось сопредельным с христианской Русью, обладающей высокой, близкой грузинам культурой и верой. В средние века, да и позже, единая вера и общность культуры играли большую роль в сближении народов. Половцы были разбиты. Царь Давид нанял многочисленное половцкое войско и использовал его в боях против южных турок-сельджуков. Половецкое войско в руках Давида устрашало не только внешних врагов, но наводило на размышления и некоторых непокорных феодалов.

Если грузины, армяне и византийцы вели бои оборонительного характера против юго-восточных сельджуков, вторая группа турок — половцы и печенеги — наступала на Киевскую Русь. Эти кочевники вклинивались в огромную территорию от Каспия до Азовского моря и мешали русскому народу установить более регулярные экономические, политические и культурные взаимоотношения с греками, армянами, грузинами. Гениальная прозорливость Давида Строителя в том именно и проявилась, что историческую победу русского народа над общим врагом он мастерски использовал в борьбе с тюркскими племенами.

В свое время критика упрекала меня, что в числе героев моего повествования было мало людей, вышедших из недр народа. Это замечание было справедливым. Выше я отметил почти полное отсутствие в хрониках и других исторических материалах интересующей нас эпохи описаний деяний, трудов и подвигов народа.

Известный грузинский общественный деятель и выдающийся писатель прошлого века Илья Чавчавадзе с горечью писал: «Внутренняя история наша пока находится за занавесью и не познана нами. Наша «История Грузии» — не история народа, а история царей, а народ, как действующее лицо истории, находится в тени... Деятельность самих царей показана больше в их внешних деяниях, а не делах внутренних». Конечно, поэтическая фантазия писателя разрешает ему и в этой области, широко пользуясь методом аналогии, показать то, о чем умалчивает панегирик. Я, насколько сумел, воспользовался этим правом.

Я прекрасно сознаю, что если мы выстояли в борьбе, то это дело действительного творца нашей истории — трудового народа, веками державшего в одной руке меч, а в другой — рукоятку плуга. В третьей и четвертой книгах я попытался показать некоторых представителей трудящихся слоев: сыновей пахаря Габриеля Хоргаи, сотника Латерию, дьякона Севастиа, Ситкван Кора, птичницу Теону, русского кузнеца Николу, дьякона Алексея, половца Шортая, бывшего дьякона Хахутая, дружину «черных шапочек» и других. Во второй части четвертой книги я в меру моих возможностей и умения показал активное участие народа в войнах царя, в окончательном освобождении Грузии от сельджукского ига, в строительной деятельности царя, которая достигла таких вершин именно потому, что делалась руками каменотесов, архитекторов, строителей, ремесленников и других тружеников. Я постарался показать крестьян, которые сражались в войсках Давида за освобождение своей страны, кормили своим трудом не только себя, но и все классы общества, хранили нацию, ее могущество, ее величие.

· Константинэ ГАМСАХУРДИА.

ПРИМЕЧАНИЯ

Аббат — католический священнослужитель во Франции и в других католических странах.

Абхазия — феодальное образование, возникшее на исходе VIII в.: одна из составных частей Грузинской феодальной монархии.

Авасины — сельджукские пограничники.

Аввалу-л-ваджибати-ал-литлак-иху-ва-ш-шекки — по-арабски: «Главное условие познания — сомнение».

Августеон — главная площадь в Константинополе. На этой площади и вблизи нее находились дворцы византийских императоров.

Авчала — пригород Тбилиси.

Агат — благородный самоцветный камень.

Адрианополь — город в Византии.

Азнаури — дворянин.

Аламут — известная иранская крепость к северо-западу от Казвина. Эта крепость была (в 1109—1191 годах) резиденцией вождя асасинов. Сельджукские султаны Альф-Арслан, Малик-шах и Бархиарок несколько раз пытались взять Аламут. Только монголам удалось разгромить Аламут.

Алгети — река в Восточной Грузии, один из притоков Куры.

Аль-Хаким — арабский халиф, известный гонениями на христиан. Сектой друзов был объявлен богом. В припадке безумия неожиданно покинул свой дворец и бесследно исчез.

Альбурн — цвет альбурна, темно-зеленый. (От латинского слова «албурнус», так называлась лесистая, высокая гора Лукании.)

Аль-Кудс — так называли арабы город Иерусалим.

Альф-Арслан — сельджукский султан (1063—1072). Мечом пробил он себе дорогу к трону, мечом же добывал победу в бесчисленных войнах. В начале своего царствования он пересек границы Византии и оттуда вторгся в Грузию, взял Аниси и Карсичхе. У Ахалкалаки сразился с царем Грузии Багратом IV, победил его в кровопролитном бою и наложил на Грузию дань. После возвращения из Грузии затеял войну

с родным братом Кавурдом. В 1071 году он нанес поражение византийскому императору Роману IV Диогену при Манцикерте. По свидетельству историков, этот султан был безграмотным. Его убили в 1072 году.

Аман (арабск.) — гарантия, помилование, прощение. Когда султан или амир побеждал своего противника, порой он даровал помилование воинам побежденного врага, и это называли «аман».

Амеры и **имеры** — население Восточной и Западной Грузии.

Амир — повелитель, князь в мусульманских государствах, крупный феодал Арабского халифата или Сельджукского султаната; был обязан предоставлять в распоряжение халифа или султана известное количество войск, а также платить дань за владение феодалом.

Амир-а-хор — шталмейстер, конюший, придворный чин.

Амир Тбилисский — с VIII в. до 1121 г., т. е. до возвращения Тбилиси Грузин Давидом Строителем, Тбилиси и его окрестности находились под господством мусульманских амиров из рода Бану-Джаффар, потомков Джаффара.

Анакопия — старинный город на берегу Черного моря. Этот город принадлежал в XI в. грузинскому царю Баграту IV, но его побочный брат Деметре вследствие междоусобицы с венценосным братом, примкнув к византийцам, передал им город.

Ани (Анис) — столица древней Армении, ныне мертвый город, сейчас находится на территории Турции. После смерти армянского царя Сенахерима город должен был перейти по наследству к Багратонам — Баграту IV Куропалату, Георгию II и его сыну Давиду Строителю. Византийский император Василий II Болгаробойца вынудил армянского царя Иоанна II завещать Ани Византии. В 1040 году византийский император Михаил IV Пафлагон послал в Ани свои войска, но армяне разбили их. Однако путем различных козней грекам удалось выманить Ани у армянского царя Галгака. Царь Грузии Баграт IV тщетно пытался отобрать этот город у Византии. Только в 1123 году Давид Строитель отвоевал Ани у сельджуков.

Анхиап — город в Византийской империи, на Балканском полуострове.

Апокалипсис — греч. «апокалипсис» — откровение. Книга «Откровения», якобы полученная Иоанном Богословом на острове Патмосе от бога; в христианской мистике — откровение, пророчество: одна из книг «Нового завета», содержащая мистические «пророчества» о «конце мира».

Аравия — самый западный и самый большой из трех южных полуостровов Азии. Сами арабы называли свою страну «Джазират-аль-араб» — полуостров арабов; турки и персы называли ее «Арабистан», грузины — «Арабетн».

Аргвети — провинция в Западной Грузии.

Ариса — суп из бараньих пожек.

Армения — древнейшее государство в Закавказье; с древнейших времен страна с великой и самобытной культурой, в продолжение веков соседствующая в дружбе и братстве с Грузией.

Аршамуник — провинция в древней Армении.

Асасин — убийца, террорист. Приверженцы секты асасинов одурманивали себя гашшем, чтобы искусственно вызывать галлюцинации и экстаз. Асасинские террористы убили Альф-Арслана, Малик-шаха, Низама аль-Мулька, ранили султана Бархнарока и многих сельджукских амиров.

Атрафилъ — целебная трава.

Афродита (греч.); у римлян Венера — в античной мифологии богиня красоты и любви.

Ахалцалса — название месяца нового года в древней Грузии, где новый год считали примерно с сентября.

Ацинган — цыгане, племя, которое в VI веке вышло из Индии и с тех пор кочует по Европе и Азии.

Багдад — столица Ирака. Некогда блестящая резиденция халифов.

Баграт III Куропалат — царь Грузии с 975 года, сын Гургена Магистроса, усыновленный царем Давидом Куропалатом.

Баграт IV Куропалат (1027—1072) — сын Георгия I; занял престол после смерти отца. В юности жил в Константинополе во дворце византийских императоров. В целях укрепления царской власти вел борьбу против грузинских феодалов и внешних врагов Грузии — византийцев и сельджуков. Неоднократно осаждал Тбилиси, который находился под властью амира из рода Бану-Джаффар, но не мог удержать за собой город. Вел борьбу против клдекарского эристава Липарита и кахетинского царя; осадил замок последнего в Бочорме и сжег его. Внутренние раздоры помешали Баграту IV осуществить воссоединение Кахети. Наиболее сильным противником был клдекарский эристав Липарит I, который владел в то время значительной частью Восточной Грузии. Византийские императоры пользовались этой враждой между грузинским царем и могущественным феодалом и сумели втянуть Липарита в войну Византии с сельджукским султаном Тогриль-бегом.

Липарит попал в плен и был выкуплен кесарем. Вернувшись на родину, Липарит возобновил борьбу против грузинского царя, но вел ее неудачно. В южной Грузии он был пленен вместе с сыном Иванэ и доставлен к Баграту.

У Липарита были отобраны триацетские крепости. Побежденный эристав был выслан из Грузии, постригся в монахи и скончался в Иерусалиме.

В 1068 году сельджукский султан Альф-Арслан завоевал Армению и вторгся в Грузию. В городе-крепости Ахалкалаки произошла битва между сельджукскими полчищами и грузинскими войсками, во время которой, как повествуют грузинские хроники, «даже река Ахалкалаки окрасилась людской кровью».

Баграт разбил войско гянджинского амира Фаллона, отвоевал его крепости, пленил самого амира и обязал его платить дань.

Воссоединение грузинских земель, укрощение феодалов, освобождение Грузии от сельджукского ига было задачей всей жизни Баграта, но завершил это дело лишь его внук Давид Строитель.

Бану-Джаффар — Джаффариды, представители арабской династии, сыновья Джаффара, которые управляли Тбилисским амиратом со времени завоевания города до его освобождения от арабского ига Давидом Строителем в 1121 году.

Бархитарок — Абу Музафер Рукн эд-Дин, сельджукский султан, старший сын султана Малик-шаха.

Его борьба за престол против своей мачехи Тюркан-Хатун, против своих же братьев Махмуда и Мухаммеда вплоть до 1099 года описана в этом романе.

В 1101 году Бархитарок победил у Хамадана своего брата Мухаммеда.

После годичного перемирия вновь сразились братья. Мухаммед сбегал с поля брани и укрепился в Исфагане. По некоторым сведениям, в

1104 году Мухаммед получил во владение Азербайджан, Армению и Месопотамию.

Бархиарок умер в 1104 году.

Басиани — местность у истоков Аракса, южнее нынешней Ольты. Еще до распада Армянского царства этой провинцией владели грузинские Багратионы. Давид Куропалат передал ее Византии, но царь Георгий I вел борьбу за воссоединение ее с Грузией.

Басилисса — царица.

Бедиели, Урбнели, Кутатели и т. д. — архиепископы; соответственно — Бедийский, Урбинский, Кутаисский и т. д.

Віватус (лат.) — выпьем.

Било — деревянная доска, о которую били молотком по случаю военной тревоги или торжественных событий.

Биртвиси — крепость, расположенная южнее Тбилиси.

Боос Агорас — «Площадь быка» в Константинополе.

Ботинат — так называется в грузинских хрониках монета византийского императора Никифора Ботаниата (1078—1081).

Брокат — золотканый материал.

Буколеон — дворец византийского императора в Константинополе на площади Августеон.

Вагаршпат, др. Эчмнадзин — древнейший город в Армении.

Варанги — имеются в виду племена, называемые в русских хрониках «варягами».

Вартапет — духовный сан армянской церкви.

Василий II Болгаробойца — византийский император (976—1025). «Болгаробойцей» назван в истории за жестокое истребление восставших болгар.

Вахтанг Горгасал — царь Грузии (V в.).

Вежини — село-крепость в Восточной Грузии, в Кахети.

Вечернее озеро — находится близ города Ахалкалаки, в южной Грузии.

Византион — первоначальное название Константинополя. Основан в VII веке до нашей эры. В 330 году нашей эры, в царствование императора Константина Великого, Византион был объявлен столичным городом Восточной Римской империи. С этого времени и до завоевания его Мухаммедом II оставался столицей Византии.

Византия — греч. *Vizantion*, лат. *Vyzantium* — Восточная Римская империя, арабск. *Rum*.

«Встреча с почестью» — в древней Грузии был обычай: когда рыцари одного и того же воинства встречались в пути, они сходили с коней и целовали друг друга.

Газневиды — иранская династия, получившая свое название от города Газна.

Этот город и царство того же имени были ареной долголетней борьбы между иранцами и Сельджукским султанатом (XI в.).

В руках Газневидов находились в те времена как Иранский Ирак, так и Тухаристан.

В 1030 году сельджуки завоевали Тухарис.

В 1044 году султан Чагри-бек отнял у Газневидов несколько провинций. После него сельджукские султаны Чагри-бек, Альф-Арслан и Ма-

дик-шах обессилили Газневидов, у последних остались жалкие остатки некогда могущественного царства.

Галера—старинный тип военного гребного судна.

Гашишин—мусульманская секта, употребляющая гашиш во время религиозного ритуала.

Гегути—замок около города Кутанси, в Западной Грузии.

Гелати—село в 8 километрах к востоку от Кутанси. Здесь в XI веке Давидом Строителем построен монастырь.

Собор украшен фресками, среди которых особого внимания заслуживает изображение Давида Строителя. При монастыре Давидом была основана высшая школа—академия.

У главного входа в собор находится могила царя.

Георгий I Багратиони—сын Баграта III Куропалата; царствовал с 1014 по 1027 год. Вел борьбу с византийским императором Василием Болгаробойцей.

Пока император Василий подавлял восстание болгар, Георгий, выбрав подходящий момент, захватил обратно земли, отнятые в свое время императором у грузин.

Покончив с болгарам, Василий Болгаробойца стал готовиться к отвоюванию баснанских (южногрузинских) земель у Грузии.

Георгий I поддерживал сношения с восставшими византийскими феодалами Ксифе и Фокой и с халифом Аль-Хакимом—заклятым врагом византийского престола.

Георгий II Багратиони—царь Грузии (1072—1089), сын Баграта IV Куропалата, отец Давида Строителя.

Георгий Мтацминдели—известный писатель и общественный деятель (умер в 1065 г.).

По приезде из Византии в Грузию открыто выступал против нравственной распущенности высшего духовенства времен Баграта IV Куропалата, обличал князей церкви, которые занимались куплей и продажей епископских престолов.

Гепард—охотничий леопард; по-грузински, «аваза».

Гесперидовые сады—по греческой мифологии, принадлежали Гесперидам, дочерям Атланта; в этих садах росли яблони, приносявшие золотые плоды.

Гзирри—здесь дорожный сторож.

Гинекея—женская половина во дворце византийского императора.

Греческий огонь—в средних веках им пользовались против кораблей и деревянных сооружений. Изобрел его грек Калиникос Гелеепольский (605 г.). Существовали специальные орудия для метания греческого огня. В последующие века греческий огонь почти полностью был заменен изобретенной арабами «нафт-артиллерией».

Гудамакари—нагорная провинция Грузии, расположенная к северу от Тбилиси.

Гульям—паж, офицер, водитель в арабских войсках.

Гурии—в первоначальном своем значении исламские райские девы, до которых, согласно корану, еще не дотрагивались ни люди, ни джинны (злые духи).

Тем воинам из мусульман, которые жертвовали собой ради религии, ислам обещал любовь гурий.

Гюрджи (тур.)—грузин.

Далматика—одежда византийских императоров.

Дамаст—драгоценная ткань, которую производили в Дамаске.

Дамаск (арабск. Димашк)—столица Сирии.

Дарбазн—зал.

Дахеди—сладкий напиток.

Двин—б. столица Армянского царства, ныне в развалинах. Липарит III в 1047 г. вторгся в Двин и изгнал сельджуков.

«Ден фиде»—лат. «*dei fide*», «доверься богу».

Демонология—от греч. «даймон»—демон и «логос»—слово. Учение о духах.

Deus [e] volt!—так хочет бог.

Джавахети—южная провинция древней Грузии.

Джейран—небольшая антилопа из рода газелей. Стройное животное; ноги высокие и тонкие. Бег джейрана необычайно легок и стремителен. Пойманные молодым, джейраны очень легко приручаются.

Дзелква—дерево твердой породы, в народе называется «каменным деревом».

Дзурдзуки—племя на Северном Кавказе.

Диамполь и Голоэ—города в Византии.

Диана—в римской мифологии богиня охоты.

Дигоми—западное предместье Тбилиси.

Динар—золотая монета, равная пятнадцати дирхемам.

Дирхем—арабская монета; в различные эпохи она имела различную значимость.

Доместик—полководец византийской армии. Византийская армия имела двух доместиков: доместика Запада и доместика Востока.

Донгуз (тюркск.)—свинья.

Драхман—старинная грузинская золотая монета.

Друнгарий—начальник византийского флота.

Дукат—монета византийского императора Михаила VII Дука.

Дэвы—мифические исполины, подобные арабским джиннам.

Essentia omnium essentialium—сущность всего сущего.

Зарзма—знаменитый монастырь в южной Грузии, на границе с Турцией.

Зевс—в древнегреческой мифологии верховный бог, соответствует древнеримскому Юпитеру.

Зедзени—гора вблизи Тбилиси, на горе выстроен монастырь; по преданиям, в дохристианскую эпоху там находилось капище идолопоклонников.

Зимия—так называли мусульмане немусульман: евреев, греков, грузин, славян, армян.

Зулькада—одинадцатый месяц года у мусульман.

Зульхиджа—двенадцатый месяц года у мусульман.

Иберийское катепанство—в XI веке находилось на севере армянской провинции Васпуракан. Ранее катепанство состояло из тех земель, которые Давид Куропалат завещал Византии. Иберийское катепанство было буферным образованием между Византией и Грузией.

Икснон—по древнегреческой мифологии,—царь лапифов, сын Флеггия. Когда отец его жены Демонус потребовал от него возвращения приданого дочери, он бросил тестя в огненную яму. Но Зевс простил ему это преступление и пригласил к себе на Олимп. Икснон оскорбил гостеприимного Зевса, начав ухаживать за его женой Герой. Зевс бросил его в под-

земное царство. Иксиона приковали к огненному колесу, и так он страдал в преисподней.

Иль-Гази **Наджм Эддин**—один из представителей сельджукской династии, господствовавшей в XI веке в Месопотамии. Основателем этой династии считают Ортука бен-Аксаба, туркменского саранга из сельджукского племени. Когда султан Тутуш бен Альф-Арслан взял Иерусалим, он передал город двум Ортукидам—Иль-Гази и его брату Сукману.

Иль-Гази многие годы помогал Тутушу в борьбе против Бархнарока. В 1095 году этот последний умертвил Тутуша. Иль-Гази бежал в Иерусалим. Там он принимал активное участие в войнах против крестоносцев.

В 1100 году он примкнул к брату Бархнарока Мухаммеду, который назначил его наместником Багдада.

В 1120 году султаны и амиры сколачивают мусульманскую коалицию против царя Грузии Давида Строителя. Султан Мухаммед выдвигает руководителем этой коалиции амира Иль-Гази.

В 1121 году царь Давид разбил войска мусульманской коалиции у Дидгори (около Тбилиси), Иль-Гази в сопровождении 20 всадников бежал с поля битвы. Умер в 1122 году.

Имерети—так называется Западная Грузия; в позднефеодальную эпоху — определенная, восточная часть Западной Грузии.

Имфор—парадное одеяние высших представителей священнического сана.

Иоанн Магистрос—грузин, в XI веке играл большую роль при дворе византийских императоров, в частности, во время царствования Михаила VII Дука. Анна Комнена и другие византийские историки часто упоминают Иоанна Магистроса.

Ислам—(арабск. покорность), или мусульманство—религия, возникшая в начале VII в. в Аравии и распространившаяся впоследствии в результате арабских завоеваний в Передней и Средней Азии, Северной Африке и Юго-Западной Европе.

Исфоган—главный город персидской провинции Ирак-Аджам.

Кабачи—женское платье.

Камилавка—головной убор церковнослужителей.

Карсцихе—Карс; в древней Грузии так называли и Арзрум (Эрзерум).

Картли—центральная часть Грузии от Сурамского перевала до границ Кахети. Как повествует грузинский историк Леонти Мровელი, являлась уделом одного из легендарных родоначальников грузин Картлоса и находилась между Тбилиси и Ташискарн (у входа с восточной стороны в нынешнее Боржомское ущелье).

«**Картлис цховреба**»—свод исторических произведений разных авторов и времен, освещающих историю грузинского народа с древнейших времен до начала XVIII века. В этот свод, конечно, включена история царствования Давида Строителя.

Картлос—мифический родоначальник грузинского народа.

Катаклон Кевкамен—византийский стратег во времена императора Исаака Комнена. Многие годы воевал с кипчагами и сельджуками.

Катапульты—каменет.

Катепан—военный чин в Византийской империи; иногда начальник округа.

Катиби—шубка без рукавов, кацавейка.

Кацхи — село близ гор. Чнатура, в Западной Грузии.

Кашган — город на берегу Каспийского моря.

Квелисцихе, или **Цихе Квели** — одна из самых больших и сильных крепостей в юго-западной Грузии.

Кверекс — короткая молитва.

Квеши — крепость в 80 км. к югу от Тбилиси.

Кесарос — византийский титул; так называли сопровителя императора. Этот титул носил отец грузинского царя Давида Строителя Георгий II Багратиони.

Кесарь — так назывались императоры как Восточной, так и Западной Римской империи (цезари). Византийский император, или кесарь, сосредоточивал в своих руках светскую и духовную власть, считался верховным главнокомандующим армии и флота, а также верховным жрецом.

Кинцвисский монастырь — архитектурный памятник XI века. Украшен древними фресками, исполненными с выдающимся и исключительным мастерством; расположен в Восточной Грузии, километрах в 25 западнее гор. Гори.

Кипчаги — половцы, как их называли на Руси, по-гречески «куваны». Одно из племен северной тюркской группы, вело кочевую жизнь между Каспийским и Азовским морями.

В древности стойбище, стан кипчагов назывался Сейхун или Серайджук, а в XI веке стал носить имя кипчагского князя. Так, при Давиде Строителе он назывался Шараган.

«**Кирие элейсон**» (греч.) — «господи помилуй».

Китаб (араб.) — книга, подразумевается Коран.

Кларджети — одна из южных провинций Грузии, в настоящее время находится вне территории Грузии.

Когорта — полк в византийской армии.

Колхида — древнегреч. Colchis Упоминается у древнейших историков и географов, писателей Греции и Рима. Границы Колхиды в разное время сужались и расширялись до пределов всей Западной Грузии, от Лазики до Сурамского хребта.

Константин Порфирогенетос (II) — сын императрицы Мариам, дочери Баграта IV, тетки Давида Строителя.

Константин VII Порфирогенетос — византийский император (913—959), известный историк X века, автор книг «О церемониях византийского двора», «О провинциях империи» и др.

Константин VIII — византийский император (1025—1028), брат императора Василия Болгаробойцы.

Константин IX Мономах — император Византии (1042—1059).

Константинат — монета византийского императора Константина VIII.

Константинополь (греч. Константинополь; славянск. Царьград, нынешний Стамбул, древний Византион) — столица Византийской империи.

Город основан в VII веке до нашей эры. В 330 году н. э. император Константин Великий назвал этот город «Константинополь» и сделал его столицей.

В 1453 году османский султан Мухаммед II осадил Константинополь. Султан сжег город и разрушил многие храмы и памятники культуры. Десятки тысяч христиан были истреблены, а многие проданы в рабство.

С этого времени Константинополь стал называться Стамбулом.

Коран (ал-Коран, или ал-Китаб) — священная книга мусульман, оедержащая «откровения» Магомета (Мухаммеда), молитвы и пр.

Корейшиты — арабское плема, из которого происходил Мухаммед.

Коркоти — пшеница, вареная с медом.

Крестовые походы — так назывались войны (XI—XIII вв.), возникшие на почве экономического кризиса в западных феодальных государствах. Эти войны прикрывались лозунгами «освобождения гроба господня». Участники крестовых походов на правом плече носили крест из красной материи, потому и называли их крестоносцами.

Кумели — мука, поджаренная в меду.

Cum crucifixus est sepultus, et tertia die resurrexit... — когда распятый (подразумевается Христос) был погребен и на третий день воскрес.

Курды — народность иранского происхождения в Передней Азии.

Куропалат — «курапалат», так назывались сановники Византийской империи, впоследствии придворные феодалы. Этот титул получали в X и XI вв. наследники византийских императоров и грузинские и армянские царевичи, позже и сицилийский амир. Титул куропалата носили в свое время грузинские цари: Давид Куропалат, Баграт III, Баграт IV и Георгий II; также Липарит III, клдекарский эристав, армянский вельможа Вахрам, византийский философ Михаил Пселл.

Кция — один из притоков Куры.

Ластисцихе — крепость близ Тбилиси.

Легат — папский посол.

Лекиф — узкогорлый кувшин.

Листафия (арабск.) — казна.

Литра — старинная весовая единица, равная примерно фунту.

Логофет — одна из высших должностей в византийской чиновничьей иерархии. При императоре Юстиниане (VI в.) логофеты ведали составлением податных списков, контролировали сбор податей. С VII века логофеты становятся во главе различных ведомств (податного, государственной почты, внешних сношений и т. д.). Позднее появилась должность великого логофета, который в XIV—XV вв. был наиболее влиятельным лицом в византийской администрации (первым министром).

Лоор — накидка, которую послали византийские императоры и императрицы. Носили лоор царь Давид и царица Тамар.

Лулуфра — целебная трава.

Магистрос — высший придворный титул в Византии.

Маглари — в древней Грузии и сейчас в Западной Грузии лоза, пущенная на деревья, и вино такого виноградника называется «маглари».

Магомет (Мухаммед) — араб, основатель мусульманской религии. По преданию, родился в Мекке в 570 году, 20 апреля. Его религиозные идеи вызвали возмущение среди населения Мекки. В 622 году Магомет вместе со своими приверженцами бежал в Медину. Собрал войско, он двинулся на Мекку и завоевал ее. Учение Магомета быстро распространилось сперва среди племени корейшитов, а впоследствии во всей Аравии.

На протяжении двух столетий арабы завоевали многие страны Азии, Африки и Европы.

Маджари — молодое, неперебродившее вино.

Малик-шах — сельджукский султан (1072—1092). После смерти своего отца султана Альф-Арслана был возведен первым визирем Низам

аль-Мульком на султанский трон. Дядя Малик-шаха Кавурд сам претендовал на трон. В 1078 году Малик-шах разбил наголову полчища Кавурда и собственноручно задушил его.

Мама сахлиси — здесь сельский староста, в древней Грузии — глава дома, большой семьи, племени и рода.

Манганский дворец — Алексей Комнен предоставил его императрице Марiane, после того как она была вынуждена уступить ему Буколеонский дворец.

Мегрелы — грузины, живущие в Самегрело (Эгриси).

Мекка — религиозный центр ислама.

Мелхиседек — католикос Грузии, энергичный строитель церквей, неустанный поборник независимости грузинской церкви, которая до 1021 г. находилась в известной зависимости от антиохийской церкви.

Мелхиседек неоднократно ездил в Византию, чтобы путем личных свиданий и переговоров с византийским императором добиться признания грузинской церкви независимым патриаршеством. Император Василий Болгаробойца, видимо, в данном вопросе сочувствовал Мелхиседеку и грузинскому царю Баграту III (отцу Георгия I). Он подарил Мелхиседеку множество икон, крестов и церковной утвари и 105 деревень.

После смерти Баграта III Куропалата сын его Георгий отказался от мирной политики своего отца и Мелхиседека, что привело к разрыву между грузинской и антиохийской церквями. Разгневанный император Василий послал в Грузию «многих сановников и судей», которые взяли с царя Георгия и Мелхиседека «всякие крепкие клятвы». Несмотря на это, в 1021 г. грузинская церковь отделилась от антиохийской.

Мереметухуцеси — сельничий.

Местумретухуцеси — вельможа грузинского царского двора.

Миракани, Игрика и др. — древнегрузинские названия месяцев.

Мисакциели — местность к северу от Мхета.

Молочный брат — в Грузии князья и дворяне отдавали своих детей на кормление и воспитание мелкопоместным дворянкам и крестьянкам. Сыновья кормилицы приходились ее воспитанникам молочными братьями.

Мосул — город на берегу реки Тигр, некогда торговый центр Месопотамии. Этот город славился производством шелка.

Моцамети — монастырь в 7 км. от Кутанси.

Мтбевари — епископ Тбети в юго-западной Грузии.

Мтквари — грузинское название реки Куры. (По Страбону — Kyros.)

Мухатгверди — крепость в 20 км. к западу от Тбилиси, не доезжая Мхета.

Мухтари — крепость около Мхета.

Мхета — древняя столица Грузии, в 21 км. к северу от Тбилиси, на левом берегу Мтквари (Куры). По преданию, город построен Мхетосом, сыном мифического родоначальника Грузии — Картлеса.

Согласно «Картлис цховреба», главные племена, населяющие Кавказский перешеек, происходят от общего родоначальника Таргамоса, после смерти которого земли, лежащие в бассейне Мтквари до слияния ее с Арагви, перешли к его сыну Картлосу, а затем к внуку Мхетосу.

Последний построил город Мхета у места слияния Арагви и Мтквари. До возникновения монархии грузинские племена подчинялись «мама-сахлсам» (глава дома), и главный из них имел резиденцию в Мхета.

После перенесения столицы Грузинского царства в Тбилиси Мцхета долго оставался резиденцией католикоса (патриарха) Грузии.

Мцхета был религиозным центром еще с того времени, когда в Грузии почитались божества Армаз, Заден, Гац и Гаим. С 337 года господствующей религией в Грузии становится христианство.

По словам грузинского историка Леснги Мровели, Мцхета был обведен каменной оградой с тремя воротами: «Арагвискари» (Арагвские ворота), «Чрдилоскар» (Северные ворота) и «Мухнарса» (Мухнарские ворота).

Мцхета расположен у подножия горы, на которой в IV веке был заложен знаменитый, древнейший на всем христианском Востоке храм — Джварский монастырь, упоминаемый М. Ю. Лермонтовым в поэме «Мцыри» («мцыри» на грузинском языке — «инок»).

В Мцхета находится храм Светицховели (см. о нем роман К. Гамсахурдия «Десница великого мастера»), а также множество других исторических памятников, в числе их каменный мост, построенный римским полководцем Помпеем в I веке до н. э.

Около Мцхета, в Армазис-хеви и на Самтавро, во время археологических раскопок в тридцатых—сороковых годах нашего века, были обнаружены уникальные памятники грузинской культуры, которые свидетельствуют о ее высоком уровне за много веков до христианской эры.

На вроз (или навруз) — буквально «новый день». Это был первый день персидского солнечного года, когда солнце входило в зодиак. С него начиналась осень.

На заре янин — подразумевается Христос.

Назо — грузинское ласкательное слово — нежная.

Наргиле — прибор для курения опиума или табака.

Нареквави — леса, сейчас луга около Мцхета.

Насир и д-душпа ва-ддин — защитник вселенной и веры.

Начармагев — древнейшая резиденция грузинских царей из династии Багратионов, близ Гори.

Низам аль-Мульк — первый визирь и законодатель сельджукского султаната при Альф-Арслане и Малик-шахе.

Низам аль-Мульк родился в 1018 году. Отец его был сборщиком податей при дворе Газневидов. Когда сельджуки опрокинули царство Газневидов, он сбежал из дворца и стал простым сборщиком.

Еще юного Низам аль-Мулька сделал своим сарангом султан Чагрибег, а после смерти Чагри-бега сын его Альф-Арслан поставил Низам аль-Мулька во главе своих войск. Низам аль-Мульк сопровождал султана во всех его походах против Днарбекира, Армении и Грузии.

Этот визирь задавал тон всей политике Альф-Арслана и Малик-шаха. Сельджукские султаны сами были неграмотны. Низам аль-Мульк учредил впервые государственную канцелярию и ввел практику письменных приказов как военных, так и гражданских.

В том году, когда убили султана Альф-Арслана, Низам аль-Мульк находился в зените своей славы. По его внушению Малик-шах убил своего дядю Кавурд-бега и захватил отцовский трон, а другого брата, Такаша, Низам умертвил сам.

Будучи врагом, Низам старался привить кочевникам-сельджукам иранские понятия о государственности.

Низам был высокообразованным человеком. Свои политические и юридические взгляды он развил в своем известном трактате «Спасет-намэ».

Несмотря на жестокие гонения со стороны султанского правительства, мусульманские секты — асасины, исмаилиты — систематически подтачивали государственную власть Сельджукского султаната.

Вождь асасинов Аль-Гассан бен аль-Саббах завоевал в Иране сильнейшую крепость Аламут.

Оппозиция против Низама росла, наконец она перебросилась и во дворец султана. Визирь Баманиар и жена Малик-шаха Тюркан-Хатун возглавляли ее.

В 1092 году Низам аль-Мульк был убит.

Некоторые историки приписывают это убийство жене султана, Тюркан-Хатун, а другие — асасинам.

Низам аль-Мульк был женат на племяннице грузинского царя Баграта IV, дочери армянского царя.

После смерти Низама его сыновья Факр аль-Мульк, Муенд аль-Мульк и др. были визирями султанов Бархнорока, Махмуда, Тутуша.

Никифор Кривошей — византийский феодал XI в., известный мятежником.

Нимб — ореол, сияние вокруг головы святых на иконах.

Нисиб — город в Месопотамии.

Ниэмец — в древности славяне так называли немцев.

Нобилисимус или Новелисимос — византийский титул, который редко даровался вельможам. В свое время он был присвоен Михаилу Калифату, Алексею Комнелу, царям Грузии Баграту IV и Георгию II.

Нома — арабский эпос о приключениях мифического царя арабов Номана.

Номоканон (греч.) — сборник церковных правил и постановлений.

Норманны (нордманы) — буквально: северные люди. Назывались также скандинавами и данами (датчане). Под предводительством викингов в VIII—XI вв. совершали смелые морские путешествия и завоевания, колонизировали Гренландию и побывали в Северной Америке.

В 911 году норманны образовали на севере Франции герцогство Нормандию, откуда в 1066 году предприняли поход на Англию, окончивший ее завоеванием. При короле Кануте (XI в.) образовали могущественное морское государство, включавшее в себя Данию, Англию и частично Швецию и Норвегию. В XI—XII вв. норманны завоевали Южную Италию и Сицилию.

Варяги в грузинских летописях известны как «варанги», которых, как «царское войско», нанял Баграт IV и использовал их в борьбе с Липаритом Великим.

Нумизматика — наука о монетах.

Олтиси — нынешние Ольты, некогда входившие в состав Грузинского царства.

Омофор — расшитое золотом одеяние епископа или католика.

«Орвела» — песня пахаря.

Очопинтре — герой грузинской мифологии, пастырь зверей, соответствует древнегреческому Пану.

Пан — в древнегреческой мифологии бог пастухов и стада, Сын Гермеса и одной из нимф.

Паниперсевастос — византийский титул, означающий «наместник кесаря». Его носил царь Грузии Давид Строитель.

Панкиси — крепость на берегу Алазани.

Папий (греч.) — начальник императорского дворца.

Паракиманос (греч. «паракоимоменос») — постельничий византийского императора. Упоминаемый в романе паракиманос — евнух Николай, которого византийский император Константин VIII направил в Грузию для захвата Клекарской крепости. Но Николай вернулся ни с чем в Византию, не сумев выполнить задания императора.

«**Патос ердомен**» — слова древнегреческого историка Фукидида: «Привним боль».

Печенеги — в груз. летописях «пачаники». Константин Порфирогенет называл их «патзинакитес». Печенеги жили по соседству с кипчагами, половцами.

Пицверцхли — старинный грузинский обычай. В рог, наполненный вином, выпадают стружки, соскобленные с серебра, и вино выпивают братающиеся.

Платон — греческий философ, один из основоположников идеалистической философии (427—347 гг. до нашей эры).

Плиний — римский историк.

Полифем — чудовище древнегреческой мифологии, циклоп, сын Посейдона.

Полихронийон — (по-гречески «многие лета»). Так обращались подданные к византийскому императору.

Полупланетос (греч.) — кочующий, номад.

Портаитиса — дословно «привратная». Так называлась известная икона грузинского монастыря на Афоне. Существует следующая легенда: во времена иконоборчества в Византии у одной старушки хранилась икона богородицы. Воины кесаря пришли к ней и потребовали выдачи иконы, но старуха тайком опустила ее в море. Поплыла икона по морю и остановилась у Афонской горы. Ночью грузины — монахи Иверона увидели на море сияние. Один из них, по имени Габриэль, достал икону и водворил ее в монастырской церкви. На другой день монахи нашли ее висящей у врат монастыря и потому назвали ее Портаитисой.

Порфирогенетос (греч.) — багрянородный; так называли византийских царевичей, родившихся в пурпурных палатах Буколеонского дворца.

Прелат — папский вельможа в сане епископа.

Принчипе (итал.) — князь.

Протонобилсимос — титул византийского вельможи.

Проздрос — титул византийских вельмож, который носили Лицарит III, писатель и философ Михаил Пселл и др.

Пхови — северо-восточная нагорная провинция Грузинского царства, приблизительно нынешние Хевсурети, Тушети и Пшавети.

Рабба — иранский национальный музыкальный инструмент.

Рамадан — девятый месяц года у мусульман.

Реджеб — седьмой месяц года у мусульман.

Рокис-спа — так называлось находившееся в личном распоряжении царя наемное войско Давида Стронтеля (солднеры).

Роман IV Диоген — византийский император (1067—1071), который потерпел поражение в сражении с Альф-Арсланом у Манцикерта в 1071 году.

Рошка — горная вершина в северной Хевсурети (Восточная Грузия).

Русудаян — грузинская царица, дочь царицы Тамар (XIII в.).

Сааджокари — «царское крыльцо», где царь или высший сановник государства принимал посетителей, разбираал жалобы, раздавал милостыню.

Сагодебели — старинное кладбище, также район древнего Тбилиси.

Сакко, тарбея, лоори — названия византийских женских платьев.

Самая — древнегрузинский танец, изображен на фресках; танцуют три девушки.

Самтавро — церковь в Мхета.

Санджа — арабский музыкальный инструмент.

Сапурцле — местность к северу от Мхета.

Саранг (перс. «серанг») — полководец, военачальник.

Сарацины («саркинозы») — название древних арабов. Грузинские летописцы так называли всех мусульман.

Саркинети — гора к западу от Мхета.

Сваны — грузинская народность, обитает в Квемо-Сванетском и Земо-Сванетском районах Грузинской ССР, а также в смежных районах Абхазской АССР.

Светицховели (дословно: столп животворящий) — главнейший из мхетских храмов, построенный грузинским царем Мирианом в IV веке. Согласно летописи, при царе Арчиле (410—434) деревянный храм обрушился и был восстановлен царем Вахтангом Горгасали. Неоднократно разрушаемый варварскими нашествиями и землетрясениями, храм был заново построен при царе Георгии I Багратионе католикосом Мелхиседеком (XI в.). На стене храма сохранилась надпись: «Иисусе Христе, возвеличи Мелхиседека».

Священная роща — в нагорной Грузии до сих пор чтят леса, якобы находящиеся под покровительством какого-либо святого, особенно св. Георгия, который почитается больше, чем Христос.

Себастократ — византийский титул, введенный императором Алексеем Комненом для своего брата Исаака.

Себастос — титул византийского вельможи.

Сельджукиды — так назывались султаны Сельджукского государства.

Сельджукские династии — известны следующие династии сельджукских султанов: великие сельджуки, сельджуки Ирана, Карманна, Сирии, Малой Азии. Этнархом, праотцем сельджуков, считается бен Тукак Сельджук из племени гузов или огузов.

С 1038 по 1157 г. прославили себя своими походами султаны Тугриль-бег, Альф-Арслан, Малик-шах, Бархварок и Махмуд. Тугриль-бег завоевал большую часть арабского халифата. В 1048 г. Тугриль-бег разбил греческие и грузинские войска во главе с триалетским эриставом Липаритом Багуаш и пленил последнего. Византийский император выкупил его. Альф-Арслан завоевал всю Армению и часть Восточной Грузии. У Манцикерта он пленил византийского императора Романа Диогена и продел ему в уши серги. После смерти Альф-Арслана сельджукский султанат возглавил Малик-шах. Со смертью Альф-Арслана сельджукском султанате начались раздоры и смуты.

Сенаки — ныне Цхакая.

«Снасет-намэ» — книга, составленная Низам аль-Мульком и содействующая советам, касающиеся государственного управления, организации войск и разведки.

Как известно, автор «Сиасет-намэ» лично читал ее султану Маликшаху. Накануне своей смерти Низам аль-Мульк поручил переписать эту книгу каллиграфу Мухаммеду Маграбы. «Сиасет-намэ» своей блестящей формой изложения напоминает «Записки» Цезаря. Европа познакомилась с этим замечательным историческим памятником по переводу французского ориенталиста Шеффера; «Сиасет-намэ» издана АН СССР на русском языке в переводе проф. Б. Н. Заходера.

Скараманг — одежда царедворца.

Солид — византийская золотая монета.

Спасалар (перс. «сефе салао») — воевода.

Стадий — мера длины, около 180 метров.

Стратигот — византийский воин.

Табакн — низкий стол в древней Грузии (и в нынешней Мегрелии) из золота, серебра или дерева.

Тагут — древнеарабский идол. Подразумевается неисламская религия.

Такверское эриставство — находилось в нагорной части Западной Грузии, к северу от Кутаиси.

Тамар — царица Грузии из рода Багратионов (XII в.).

Тао — южная провинция древней Грузии.

Таран — осадная машина для разрушения крепостных стен.

Тартарон — византийская медная монета.

Тархуджи и Кахан — грузинские патриоты, обезглавленные при нашествии арабов.

Таширн — ущелье на юге Грузии.

Тбилиси — столица Грузинской ССР, один из древнейших городов мира; исторические источники упоминают о нем с V века новой эры.

Начиная с VII века арабские войска совершали набеги на Тбилиси. Арабское господство утвердилось в Восточной Грузии в тридцатых годах VIII века.

Баграт IV не раз осаждал и брал Тбилиси, но из-за козней кахетинских царей и триалетских эриставов не сумел удержать город за собой.

Таким образом, арабские амиры Бану-Джаффар владели Тбилиси почти 400 лет. Давид Строитель постоянно теснил амира Бану-Джаффара. На зов тбилисских мусульман откликнулся мусульманский мир Передней Азии. Сельджукский султан Махмуд бен-Мухаммед (1118—1131), Ортукид Наджм Эддин иль-Газн, Мазнадид Дурбезд бен-Садаки собрали трехсоттысячное войско.

К ним примкнул и брат султана Тогриль, владетель Арана и Нахичевана, со своим атабагом Кун-Тогди.

Войска этой коалиции устремились в Триалети. Но Давид Строитель разбил вражескую армию и в 1121-22 году овладел Тбилиси.

После этого, вплоть до нашествия монголов, Тбилиси оставался столицей Грузинского царства.

В 1225 году Джелал ад-дин осадил армянский город Гарнис, в котором находился грузинский гарнизон. После ожесточенной битвы он пленил коменданта города эристава Шалву, а через год, при содействии персов, живших в Тбилиси, Джелал ад-дин овладел его цитаделью.

В 1236 году монгольский полководец Джурмаган взял Тбилисскую крепость и поджег город. В 1386 году в Грузию вторгся Тамерлан. Армянский историк Томас Мецопский повествует: «Грузинский царь Баграт V был осажден монголами в Тифлисской крепости. Царь прибег к военной хитрости. Отверг христианство».

После краткого перемирия Баграт перебил 12.000 монголов и отвоевал Тбилиси. С 1578 по 1603 год Тбилиси владели османские турки. В XVII—XVIII веках он снова становится резиденцией кахетинских и картлийских царей.

Еще при предпоследнем царе, Ираклии II, Тбилиси был цветущей столицей. Но в 1795 году город был сожжен персидским шахом Ага-Мухаммед-ханом.

Тедзмийское ущелье — находится во Внутренней Картли.

Теухолетес — греческий воин, служивший в специализированных войсках по взятию крепостей и укреплений.

Торникэ Эристави — полководец при царе Давиде Куропалате. Оказал помощь византийскому императору при подавлении мятежа, поднятого феодалом Бардас Скларосом.

Торня — грузинская печь для выпечки хлеба. Пекарь опускается вниз головой в цилиндрическую глиняную яму и руками приклеивает по раскаленным стенкам торни грузинские лепешки — лаваш.

Триалети — провинция к югу от Тбилиси, простирающаяся до границ Армении.

Трубная пора — брачный период у оленей — эквивалент грузинского слова «мквиралоба», предложенный литератором А. Н. Тихоновым. Термин этот, оказывается, употребляют сибирские охотники.

Тугра — печать султана.

Тургиль-бег — дядя Альф-Арслана.

Турки (османы) — народ тюркской группы, основное население нынешней Турции. Исторически — одно из ответвлений тартаров, которые издавна населяли запад и север Китая. Отсюда они вторглись в Восточную Сибирь, на берега Каспийского моря. Одно тюркское племя поселилось между Каспийским и Азовским морями (имеются в виду кипчаги и печенеги), а другое, сельджукского происхождения, покорило Иран, пересекло Армению, частично Грузию и Византийскую империю и в XI веке основало Сельджукский султанат. На развалинах этого султаната уже в новые времена возникла Османская империя.

Туркопулы — наемные войска, состоявшие большей частью из рабов тюркского племени.

Турманидзе — древняя фамилия врачей-костоправов в Грузии.

Турмарх — начальник турма (нечто вроде современного полка).

Тухариси — крепость в древнегрузинской провинции Шавшети, на берегу р. Чорохи.

Уплисцихе — ныне мертвый город, высеченный в скале около Гори, в Восточной Грузии; в прошлом город-цитадель, по преданиям, основан одним из родоначальников грузин — Уплосом.

Урдун — город в Арабском халифате.

Фатимиды — династия арабских халифов. См. халиф.

Фема — округ Византийской империи.

Филиа (греч.) — дружба, любовь.

Фукидид — греческий историк V в. до н. э.

Хадис — учение о магометанских обрядах.

Халеб (Алеппо) — столица турецкого вилайета того же названия. Халеб славился производством шелка и боевых доспехов.

Этот город изобилует памятниками исламской архитектуры как арабского, так и сельджукского и османского периодов.

Халиф (арабск.) — означает «наместник» (подразумевается наместник Магомета). Халифы держали в своих руках как светскую, так и духовную власть. Государство, возглавляемое халифом, называлось халифатом.

Известны три главные династии халифов: Омаяды, Абасиды и Фатимиды.

Магомет, как известно, не оставил потомства. Между претендентами на его трон возникла борьба. В 632 году в этой борьбе восторжествовал Абу-Бекр. Он завоевал Месопотамию и Сирию.

Перед смертью он завещал власть Омару I (634—644), который завоевал Иран и всю Северную Африку.

Столицей Омаядов считался Дамаск. В 750 году Омаядов сменили Абасиды; они считаются потомками дяди пророка — Абаса.

Абасиды провозгласили своей столицей Багдад. Эта династия существовала до 1258 года, когда монгольский хан Хулагу упразднил ее.

В разные эпохи халифату подчинялись многие народы от Атлантического океана до берегов Ганга, от Каспийского моря до берегов Нила.

Хамадан (древнеперсидская Экбатана) — город в Иране. Этот город славился как в древнем мире, так и в средние века производством шелка. Известны были хамаданские мечи, кольчуги, вообще боевые доспехи.

Хати — родовое святилище хевсуров, древних пховцев.

Хахульская богоматерь — икона, уникальный памятник грузинского чеканного искусства. Сведения о том, что на этой иконе изображена императрица Марнам, автор почерпнул у проф. Стриговского, который указывает: жена императора Михаила VII Дука Марнам изображена на Хахульской иконе, а Марнам, жена Никифора Ботаниата, на одной миниатюре, которая хранится в Ватикане. Как видно, проф. Стриговскому не было известно, что «обе Марнам» — одно и то же лицо, дочь Баграта IV, которая была женой сначала одного, а потом другого византийского императора.

Хахульская икона находится сейчас в Музее искусств в Тбилиси.

Хевисбери — предводитель племени и служитель культа в горных провинциях древней Грузии; избирался народом из числа светских граждан.

Хевистави (дословно: главарь ущелья) — главарь жителей того или иного ущелья.

Херки — крепость к северу от Михета.

Хиджра — бегство Мухаммеда из Мекки в Медину (622 г. н. э.). Начало летосчисления мусульман.

Хизаны — крестьяне-беженцы, скрывавшиеся в недоступных лесных или горных местах.

Хинкали — восточное, грузинское блюдо наподобие пельменей.

Хорасан — город в Иране.

Хризотриклин — тронный зал во дворце византийских императоров на площади Августеон в Константинополе.

Христополис — местность около Константинополя, где у императрицы Марнам было имение.

Хупта — город на берегу Черного моря вблизи Батуми.
Хуши — главный жрец хевсурской молельни.

Цагвлинстави — крепость севернее Сурами в Восточной Грузии, в Картли. Одна из резиденций Баграта IV, Георгия II, Давида Строителя.

Цанары — древнее грузинское племя, жившее в Арагвском ущелье. По свидетельству арабского историка Масуди, «страной цанаров управляли архиепископы».

Царь царей — в древней Грузии в известные периоды было несколько царей. Один из них титуловался «царь царей».

Цацали — в древней Пхови (нын. Хевсурети, Пшавети и Тушети) так называлась девушка, которую юноша избирал себе возлюбленной, с которой ему разрешалось сближаться, но только не вступать в половую связь. (Ср. украинские «досвитки» и шотландские «валентины».)

Чашнагир — дегустатор вин, стоящий у царского стола; столтник.

Чкондидели — архиепископ Чкондидский. Считался в Грузинском царстве первым визирем, премьер-министром.

Чконди — местность в Западной Грузии, нагорной Мегрелии.

Чорохи — река в юго-западной Грузии, впадающая в Черное море у г. Батуми.

Чоха — в древнегрузинском употреблении — монашеская ряса, в современном — грузинская национальная одежда.

Чухчарх — начальник чухчей, отряда телохранителей царя.

Чухчи — телохранители царя.

Шабан, Рамадан, Зульхиджа и т. д. — арабские названия месяцев.

Шаори — река в Ахалкалакском районе, в южной Грузии, впадает в озеро Фанакари.

Шараган — столица половецкого стана.

Шейдиши — шаровары, которые носят женщины на мусульманском Востоке.

Шейх аль-Джебаль — вождь асаинов.

Ширванское царство — было расположено на территории нынешнего Азербайджана.

Ширимни — местность в южной Грузии.

Шурицихе — одна из башен тбилисской цитадели, сохранилась и поныне.

Эйлаги — места для пастбищ.

Экранта — местность в Восточной Грузии, в Картли.

Эксория — изгнание из отечества.

Элизеум — по древнегреческой мифологии, сад богов.

Эпарх (греч.) — городской голова, начальник полиции в Константинополе.

Эпистола (греч. «эпистоле») — послание, письмо.

Эпифания (греч. явление) — «Явление» Христа, Иоанна и др.

Эрет-Кахети — провинция к востоку от Картли. Согласно свидетельству древнего грузинского историка Леонти Мровели, так называлась страна севернее Мтквари, от истоков Малой Алазани до Голгола.

Э р и с т а в и — феодал, военачальник (соответствует западноевропейскому герцогу).

Э р о с — древнегреческий бог любви.

Профессору Симону Каухчишвили и доценту Ладю Ахвледзиани выражаем большую благодарность за все ученые нами ценные замечания и примечания.

А в т о р.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга первая	5
Книга вторая	350
От автора	635
Примечания	641

კონსტანტინე სემენოვიჩ გამსახურდია

Избранные произведения
Том третий

Художник В. Кутателадзе

Технический редактор А. Якимова

Корректор М. Бирюкова

OCR - Давид Титиевский, июль 2017 г., Хайфа

Подписано к печати 8 июля 1963 г. Формат

бумаги 69 × 84 см. 41,33 печ. листа — 38,6 усл. печ. листа.

Учетно-издательских 31,23 листа + 1 вкл.

Заказ № 963

Тираж 49.000

Цена 1 руб. 39 коп.

Издательство Союза советских писателей Грузии

„Литература и искусство“, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

Типография издательства ЦК КП Грузии „Заря Востока“

им. А. Ф. Мисникова, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

კონსტანტინე გამსახურდია

რჩეული ნაწარმოებები

ტომი მესამე

(რუ.ულ ენაზე)